

АРХИВЪ БРАТЬЕВЪ ТУРГЕНЕВЫХЪ.
Выпускъ 3-й.

ДНЕВНИКИ

Николая Ивановича Тургенева

за 1811—1816 годы.

(II Томъ.)

Подъ редакцией и съ примѣчаніями приватъ-доцента С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Е. И. Тарасова.

ИЗДАНИЕ

Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1913.

АРХИВЪ БРАТЬЕВЪ ТУРГЕНЕВЫХЪ.
Выпускъ 3-й.

ДНЕВНИКИ

Николая Ивановича Тургенева

за 1811—1816 годы.

(II Томъ.)

Подъ редакціей и съ примѣчаніями приватъ-доцента С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Е. И. Тарасова.

ИЗДАНИЕ

Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лив., № 12.

1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Февраль 1913 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Олденбургъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Памяти Петра Николаевича Тургенева.	V
II. Предисловіе.	XIX
III. Силуэты геттингенскихъ профессоръ.	4
IV. Дневники Н. И. Тургенева	5—341
Книга шестая (1811 г.)	5—118
1. Путешествіе Н. И. Тургенева.	8—190
1) По Германіи.	8— 39
2) По Франціи.	39— 95
3) По Швейцаріи.	95—118
Книга седьмая (1812—1813 гг.).	121—185
4) По Италіи.	121—184
5) Возвращеніе въ Россію.	185—190
2. Жизнь въ Россіи въ 1812—1813 гг.	190—221
Книга восьмая (1813—1814 гг.).	221—262
3. Служба Тургенева у барона Штейна	221—254
1) Путешествіе къ Штейну: Дерптъ (224), Рига (225), Варшава (226), Дрезденъ (227), Геттингенъ (228), Франкфуртъ на М. (230), Фрейбургъ (231).	224—231
2) Странствованія съ Штейномъ: Базель (235), Шомонъ (239), Труа (240), Лангръ (240), Шомонъ (242), Баръ-сюръ-Объ (246), Дижонъ (249) и Парижъ (250).	232—255
4. Тургеневъ въ Ликвидационной Комиссіи	255—337
1) Тургеневъ приводитъ въ порядокъ дѣла Центральнаго департамента.	255—259
2) Приложенія къ восьмой книгѣ: проектъ о вспомогательныхъ ассигнаціяхъ.	259—262
Книга девятая (1814—1816 гг.).	263—341
3) Тургеневъ сидитъ безъ дѣла во Франкфуртѣ	267—270
4) Тургеневъ въ Вѣнѣ составляетъ рапортъ министру финансовъ.	270—296
5) Тургеневъ снова во Франкфуртѣ.	296—300
6) Тургеневъ на службѣ у Алоисуса	300—302
7) Тургеневъ во Франкфуртѣ заканчиваетъ дѣла по Ликвидационной Комиссіи.	302—337

5. Возвращеніе домой. Эмсъ (337). Висбаденъ (338). Берлинъ (339—341).	337—341
---	---------

V. Приложенія ко второму тому. Бумаги, относящіяся къ Ликвѣдаціонной Комиссіи.	341—408
--	---------

1) Письмо Тургенева къ барону Штейну (11/23 окт. 1815 г.).	341
2) Мелкія замѣтки на память.	342—343
3) Печатный проектъ учрежденія Центральнаго Департамента (по-французски).	343—345
4) Рапортъ Тургенева (по-французски) министру финансовъ о дѣятельности Центральнаго Департамента.	347—386
5) Рапорты (6) Тургенева (по-французски) графу Нессельроде.	387—399
6) Докладная записка (по-французски) Н. И. Тургенева относительно недоимокъ въ ген. губернаторствѣ средняго Рейна.	399
7) Всподданнѣйшій докладъ (по-французски) гр. Нессельроде отъ 15 іюля 1816 г. о результатахъ дѣятельности Ликвѣдаціонной комиссіи.	403
8) Черновое письмо Тургенева (по-французски) графу Нессельроде о дѣлахъ комиссіи.	405
9) Черновая записка Тургенева (по-французски) о положеніи ликвѣдаціонныхъ дѣлъ въ концѣ 1816 г.	407

VI. Примѣчанія	409—478
--------------------------	---------

VII. Указатель	479—500
--------------------------	---------

Замѣченныя опечатки.	501
------------------------------	-----

Памяти

Петра Николаевича

Пургенева.

Pierre Toussaint

8/21 марта текущего года скоропостижно скончался въ Парижѣ Петръ Николаевичъ Тургеневъ, которому мы посвятили первый томъ дневниковъ и писемъ его родителя. Онъ умеръ холостякомъ, и съ нимъ угасъ родъ Ивана Петровича Тургенева, директора московскаго университета, знаменитаго масона и сотрудника Н. И. Новикова, — хорошаго писателя и переводчика конца XVIII вѣка, а также покровителя и, можно сказать, добраго пестуна такихъ писателей, какъ Мерзляковъ, Жуковский, Ан. С. Кайсаровъ, А. Ѳ. Воейковъ и пр. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, а потеря Петра Николаевича должна быть чувствительна всѣмъ, знающимъ, какое сокровище — семейный архивъ — подарено имъ Академіи Наукъ.

Приготовляя къ печати первый томъ дневниковъ Н. И. Тургенева, мы обратились къ сыну его, Петру Николаевичу, за нѣкоторыми справками. Въ результатѣ этого обращенія между нами образовалось заочное знакомство и переписка. Петръ Николаевичъ, не смотря на частое нездоровье (онъ страдалъ ревматизмомъ), отвѣчалъ на всѣ наши справки и запросы весьма обстоятельно, и мы смѣемъ думать, что, еслибы онъ пожилъ долѣе, то мы бы изъ запаса его памяти могли извлечь много воспоминаній о прошломъ. Къ сожалѣнію, смерть сразила его неожиданно, моментально. . . . Еще наканунѣ, 7/20 марта, онъ писалъ письмо академику А. А. Шахматову, а 8/21 числа его уже не стало: онъ былъ найденъ утроемъ на полу и — бездыханнымъ!

Въ перепискѣ съ нами онъ сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о себѣ, о своихъ родителяхъ, о братѣ и сестрахъ. У Николая Ивановича, женившася въ 1833 году на Кларѣ Віарисъ (род. 2 дек. 1814, сконч. 13 декаб. 1891 г.), было четверо дѣтей: 1) Alexandrine-Fanny (род. 12 февр. 1835, сконч. 13 февр. 1890), 2) Albert-Alexandro (род. 21 іюля 1843, сконч. 13 янв. 1892), 3) Pierre-Nicolas (род. 2 апр. 1853, сконч. 21 марта 1912) и 4) Анна (род. 10 мая 1858, сконч. 28 іюня 1860 г.). Фанни Николаевна была очень образованной

дѣвухой, что можно видѣть и по ея сохранившимся дневникамъ. Она вращалась въ парижскомъ ученомъ мірѣ, посреди членовъ института и академіи наукъ и среди такихъ писателей, какъ: Клодъ Бернаръ, Ренанъ, Леопольдъ Делиль. Она умерла въ дѣвцахъ. Альбертъ Николаевичъ блестящимъ образомъ окончилъ юридическій факультетъ и, повидимому, собирался даже посвятить себя профессорскоѣ дѣятельности. По словамъ Петра Николаевича, братъ его Альбертъ былъ талантливимъ рисовальщикомъ и высокообразованнымъ человѣкомъ. Онъ нѣсколько разъ былъ въ Россіи вмѣстѣ съ отцомъ. Младшая сестра, Анна Николаевна, умерла двухлѣтнимъ ребенкомъ, но смерть ея была жестокимъ ударомъ для Николая Ивановича, такъ что онъ даже серьезно заболѣлъ.

Петръ Николаевичъ, подобно остальнымъ дѣтямъ, учился первые годы подъ руководствомъ отца, потомъ поступилъ въ школу скульптора Фремье, гдѣ сначала (по собственному признанію) учился довольно лѣнливо, но потомъ сдѣлался ревностнымъ работникомъ и въ послѣдствіи на выставкахъ въ парижскомъ салонѣ не одинъ разъ получалъ награды. На русской выставкѣ 1889 г. ему была присуждена почетная медаль. Послѣднимъ его произведеніемъ, выставленнымъ въ парижскомъ салонѣ въ 1911 году, была большая группа (2½ арш. высоты) — „Діана — охотница“. Фотографическій снимокъ съ нея подаренъ намъ самимъ Петромъ Николаевичемъ. Послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ работалъ надъ бюстомъ дяди Александра Ивановича (по заказу московскаго пушкинскаго музея); но смерть, повидимому, не позволила ему окончить эту работу. Покойный обѣщалъ сдѣлать для Академіи Наукъ также бюстъ своего родителя, но всему этому не суждено было осуществиться. Есть предположеніе отвести въ бібліотекѣ Академіи отдѣльную комнату для архива Тургеневыхъ и для части ихъ бібліотеки. Въ этой комнатѣ будетъ стоять письменный столъ Николая Ивановича, тотъ самый, на которомъ была написана знаменитая книга „La Russie et les Russes“. Тамъ же и портретъ незабвеннаго Петра Николаевича долженъ занять подобающее мѣсто.

Отъ Петра Николаевича у насъ лично имѣется около десятка писемъ (на французскомъ языкѣ). Содержаніемъ ихъ служатъ большею частью воспоминанія о его семействѣ, о семейномъ архивѣ

Тургеневыхъ, и такъ какъ это находится въ самой близкой связи съ нашею цѣлью — обнародовать матеріалы для біографіи Николая Ив. Тургенева, то мы рѣшили помѣстить здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Петра Николаевича въ переводѣ на русскій языкъ.

1.

„Я былъ очень тронутъ вашимъ любезнымъ желаніемъ посвятить мнѣ ваше изданіе [моего архива]. Я всегда хранилъ эти бумаги съ большимъ усердіемъ, какъ это дѣлали до меня моя мать и мой покойный братъ. . .

Надѣюсь, что вы не злоупотребите моимъ полнымъ довѣріемъ, — которое я доказалъ тѣмъ, что вручилъ Академіи весь свой семейный архивъ, — и не будете опубликовывать такихъ бумагъ, которыя бы могли возбудить недоразумѣнія, споры и протесты со стороны потомковъ лицъ, упоминаемыхъ въ этихъ бумагахъ. Особенно это имѣетъ мѣсто относительно опасной и мрачной эпохи 1825 года. Мой отецъ столько страдалъ въ то время и въ теченіе своего изгнанія, что я не хотѣлъ бы видѣть, какъ громкое проявленіе сочувствія, — которое, къ моему удовольствію, воздается его памяти, — могло бы стать поводомъ для неумѣстныхъ разговоровъ и такимъ образомъ смутило бы его могильный покой.

Я думаю, вы не найдете мою просьбу странною, особенно если вспомните, что, хотя я живу и далеко отъ родины, но сохраняю чисто русское сердце“.

2.

„Только что получилъ въ прекрасномъ переплетѣ первый томъ моего семейнаго архива. Я не замедлю отблагодарить васъ за эту посылку.

Какъ я уже имѣлъ случай писать вамъ, опубликованіе нашего семейнаго архива заботами Академіи Наукъ, подъ вашей редакціей, доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Все мое дѣтство я видѣлъ въ кабинетѣ отца этотъ архивъ, составляющій цѣлую бібліотеку, и привыкъ смотрѣть на него, какъ на нѣкую драгоценность. Я полагаю, что, довѣряя его вамъ, я исполнилъ заразъ и обязанность русскаго и долгъ почтительнаго сына. Вотъ это-то доставляетъ мнѣ истинную радость. . . Я весьма сожалѣю, что состояніе моего здоровья не позволяетъ мнѣ посѣтить Россію и лично поблагодарить Васъ“ . . .

3.

„Посылаю вамъ отвѣты на поставленные вами вопросы. Сожалѣю, что они не полны. Это зависитъ отъ того, что въ годъ смерти отца мнѣ было только 17 лѣтъ, и понятно, что я рѣдко присутствовалъ при его разговорахъ съ русскими и французскими друзьями. Могу сказать одно навѣрное, что предметомъ его постоянныхъ разговоровъ было благо русскаго народа. Въ теченіе всей своей юности ежедневно одинъ часъ читалъ я съ отцомъ по-русски, и въ читаемыхъ книгахъ всегда говорилось—объ эмансипаціи. Отецъ былъ ко мнѣ очень добрѣ; но я учился въ школѣ не совсѣмъ прилежно, и это, кажется, причиняло отцу опасенія на счетъ моего будущаго, о чемъ я теперь очень сожалѣю. Если бы онъ могъ увидѣть, что я въ своемъ искусствѣ добился успѣха и занялъ извѣстное положеніе, то онъ бы остался доволенъ мною“.

4.

„На склонѣ своихъ лѣтъ я испытываю великую радость, видя появленіе въ печати бумагъ моего родителя. Меня трогаетъ тотъ фактъ, что вы сумѣли оцѣнить великія достоинства моего отца. Онъ былъ весьма добрѣ, весьма благороденъ, но безъ всякой слабости въ характерѣ и, наоборотъ, очень живой, даже почти рѣзкій (*très vigoureux et presque violent même*). Я вспоминаю страхъ, какой испытывалъ я ребенкомъ, видя гнѣвъ отца. Это казалось мнѣ ужаснымъ, потому что я питалъ къ нему почти религіозное обожаніе; и я все на свѣтѣ готовъ былъ сдѣлать, лишь бы не прогнѣвить отца; чтò, къ сожалѣнію, не всегда мнѣ удавалось.“

Во время войны 1870 года мы, т. е. отецъ, мать, сестра, братъ и я, уѣзжали въ Лондонъ, и тамъ, по недостатку въ деньгахъ, жили въ небольшомъ, довольно неудобномъ отелѣ. Отца моего сильно беспокоили несчастія Франціи, которую онъ такъ любилъ; но я никогда не слыхалъ его жалобъ на неудобства, причиненныя ему и намъ. Его друзья Ханыковъ и Мольтъ (Mohl), [виртембергскій уроженецъ], были также въ Лондонѣ. Отецъ велъ съ ними обычныя бесѣды на разныя темы, а въ случаѣ нужды оказывалъ имъ помощь. Но перемѣна въ обстановкѣ жизни была всетаки тяжела для него, достигшаго 81 года. Онъ, напр., не могъ кататься верхомъ, чтò у себя дома дѣлалъ ежедневно. Пища была тоже плохая. Но все это не могло сломить его нравственной энергіи! Видя такую

энергію, мы, молодежь, не смѣли роптать и жаловаться; но тѣмъ не менѣе жизнь была [для насъ] очень скучна. Отецъ запретилъ намъ совершенно ходить въ театръ или въ какія либо другія мѣста развлеченія. Другіе французскіе бѣглецы дѣлывали это, но отца моего шокировало подобное поведеніе, и онъ не хотѣлъ, чтобы мы подражали имъ.

Когда мы вернулись въ Парижъ, разразилось возстаніе коммуны. Братъ мой опасно заболѣлъ, и несмотря на смертельное безпокойство за жизнь страстно любимаго сына, отецъ не палъ духомъ и, наоборотъ, для всѣхъ былъ примѣромъ бодрости и покорности судьбѣ. Подъ конецъ возстанія коммуны пули свистали на той улицѣ, гдѣ были баррикады, въ 80 метрахъ онъ нашего дома. Дворецъ Почетнаго Легіона былъ объятъ пламенемъ. . . Тогда отецъ, опасаясь, какъ бы мы не сгорѣли заживо, приказалъ мнѣ достать извозчика и вывезти моего больного брата, стараясь проскакать мимо баррикадъ по той сторонѣ, гдѣ меньше всего летали пули. Къ счастью пришли войска, убрали баррикады, — и мы могли остаться дома.

Вернувшись на дачу въ Буживаль, мой братъ выздоровѣлъ, и тогда только отецъ сталъ кататься верхомъ, будучи лишень любимаго удовольствія въ теченіе 10 мѣсяцевъ. И это въ 82 года! Когда поднятъ былъ вопросъ о возмѣщеніи на счетъ казны убытковъ, причиненныхъ вторженіемъ непріятеля, отецъ отказался отъ такого вознагражденія, считая его несправедливымъ въ виду того, что есть столько бѣдныхъ людей, которые лишились всего, остались безъ всякаго крова и убѣжища. Онъ находилъ также неудобнымъ получать возмѣщеніе убытковъ отъ государства въ то время, когда оно само нуждается въ деньгахъ. Примѣру моего отца послѣдовало еще нѣсколько сосѣдей-помѣщиковъ. Вообще онъ дѣлалъ много добра вокругъ себя, и я горжусь тѣмъ, что имѣлъ такого отца, потому что добрые поселяне Буживаля перенесли на меня ту привязанность, какую они питали къ отцу и всей нашей семьѣ.

Наконецъ, 10 ноября 1871 года, въ полночь, отецъ неожиданно скончался, проведя передъ этимъ цѣлый вечеръ въ бесѣдѣ со старымъ другомъ, докторомъ Клавелемъ (Clavel). Въ послѣдній день передъ смертью отецъ никуда не выходилъ, но наканунѣ онъ катался верхомъ цѣлыхъ два часа. Онъ имѣлъ радость видѣть полное выздоровленіе сына, и это была его послѣдняя земная радость“.

5.

„Прочитавъ ваше письмо, я вижу, что могу сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія, имѣющія для васъ интересъ. Безполезно говорить, что въ этомъ отношеніи вы можете располагать мною какъ хотите. Къ этому письму я прилагаю копии съ нѣкоторыхъ телеграммъ, полученныхъ моею матерью по случаю смерти отца; посылаю небольшую рѣчь, сказанную Ипполитомъ Пасси (Hippolite Passy) въ обществѣ экономистовъ (Société des Economistes), а также рѣчь, произнесенную на могилѣ отца пасторомъ Мартенъ (Martin), котораго покойникъ очень любилъ. Рѣчь эта была произнесена послѣ литіи, совершенной православными священниками. Посылаю вамъ еще копии съ нѣкоторыхъ журнальныхъ статей, посвященныхъ кончинѣ моего отца. Я буду продолжать собирать и и еще кое какіе матеріалы, чтобы пересылать ихъ вамъ.

Я знаю, что есть удобные поѣзда для пріѣзда въ Россію; но я страдаю очень ревматическими болями, и они удерживаютъ меня на одномъ мѣстѣ, отнимаютъ всякую охоту къ путешествіямъ и дѣлаютъ меня болѣе старымъ, чѣмъ я могъ бы быть въ дѣйствительности.

Я думаю, у васъ есть портретъ моего отца, но я пришлю вамъ фотографію съ портрета моей матери, писаннаго въ 1834 году. Она должна заинтересовать васъ, ибо это была наилучшая и наипреданная изъ всѣхъ женщинъ, и мой отецъ чтилъ ее въ глубочайшей степени“.

6.

„Роясь у кузена въ бумагахъ моего дѣда Віарисъ (Viaris), я нашелъ его послужной списокъ, довольно интересный, и потому посылаю его вамъ въ копии. Кузенъ обѣщалъ также показать письма, писанныя съ похода на Москву“. И далѣе Петръ Николаевичъ прилагаетъ копию съ послужного списка. Въ виду интереса и значенія его для біографіи Н. И. Тургенева, мы помѣщаемъ его въ нашемъ пересказѣ, нѣсколько сокращенномъ.

Гаэтанъ де-Віарисъ родился въ 1783 г. въ Пьемонтѣ и былъ сыномъ Помпея Віарисъ и Клары Гуманы. Зачисленъ въ списки Аостскаго полка въ 1795 г.; съ 1798 г. считался подълейтенантомъ пьемонтской бригады. Участвовалъ въ египетскомъ походѣ и взять въ плѣнъ, откуда вернулся въ 1800 г. Участвовалъ въ гол-

ландской кампаніи 1803—1804 г.г. Въ 1809 г. былъ пожалованъ капитаномъ старой гвардіи и участвовалъ въ великихъ кампаніяхъ противъ Пруссіи, Австріи и Россіи. Въ кампанію 1812 г. при отступленіи французовъ онъ около Вильны былъ взятъ въ плѣнъ съ отмороженными ногами, но успѣлъ бѣжать и возвратился во Францію въ 1813 году. Что онъ былъ въ Москвѣ, это подтверждается его письмами къ женѣ, датированными изъ этого города. Во 1814 г. Віарисъ былъ въ Гамбургѣ, въ 1815 — въ Бельгіи. Онъ былъ раненъ три раза: при Ауерштетѣ, подъ Москвою и при Ватерлоо. Кавалеромъ Почетнаго Легіона назначенъ былъ въ 1807 году; барономъ имперіи пожалованъ въ 1809 и офицеромъ Почетнаго Легіона — въ 1837 г., состоя комѣдантомъ Тулона. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ Віарисъ былъ уволенъ въ отставку. Напитанный либеральными идеями и все еще достаточно пылкій, онъ былъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ карбонаріями, долженъ былъ покинуть Парижъ и со своею семьей уѣхалъ въ Женеву.

Еще въ 1811 г. онъ женился въ Германіи на Софіи Мальтцанъ, дочери барона Мальтцанъ, уроженца Мекленбурга. Это была образованная и рѣдкаго ума женщина. Съ нею познакомился и встрѣчался въ Шотландіи А. И. Тургеневъ и не одинъ разъ упоминаетъ о ней въ своихъ письмахъ къ братьямъ. Изъ Женевы Віарисъ велъ переписку съ своимъ другомъ, генераломъ Пепе, неаполитанскимъ революціонеромъ. Такая переписка показала опасной швейцарскому правительству, и оно попросило Віариса покинуть Швейцарію. Въ знакъ протеста многіе изъ самыхъ значительныхъ лицъ пришли къ Віарисъ, чтобы выразить ему свое сочувствіе. Это было въ 1820 году. Со всей своею семьей онъ отправился въ Шотландію, гдѣ у нихъ были друзья; и тамъ они проживали довольно скромно до самой смерти г-жи Віарисъ, т. е. до 1831 года.

Послѣ Іюльской революціи Віарисъ вернулся во Францію и былъ принятъ на службу. Потомъ, послѣ отставки поселился въ деревнѣ Rès-Orangès, недалеко отъ Champrosay, гдѣ жилъ Н. И. Тургеневъ. Потомъ поселился въ Парижѣ (повидимому въ домѣ Н. Ив.) и умеръ въ 1859 году. Это былъ человекъ съ возвышенными идеями, широкимъ образованіемъ и благороднымъ характеромъ. Н. И. Тургеневъ очень любилъ и уважалъ его. У Віариса было четверо дѣтей: сынъ Гаэтанъ, умершій въ 1880 г. артиллерій-

скимъ полковникомъ въ отставкѣ, и три дочери: Алина, умершая очень рано, Клара — жена Н. И. Тургенева, и Софія.

7.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Петръ Николаевичъ сообщаетъ, по нашей просьбѣ, имена друзей, среди которыхъ вращался его отецъ въ эпоху парижской жизни (1830—1871 г.г.):

Въ эпоху отъ 1830 до 1855 года Николай Ивановичъ мало встрѣчался съ русскими, и друзьями его были нѣсколько итальянцевъ и испанцевъ, нашедшихъ убѣжище въ Парижѣ; изъ нихъ особенно генералы Пепе и Уллоа, докторъ Местръ (Maestre). Нѣсколько позже, къ 1860 г., изъ французскихъ друзей особенно близки были ему: экономистъ Hippolite Passy, бывший министръ финансовъ, — Odilon Barrot, знаменитый экономистъ Dupont White, уроженецъ Виртемберга — Jules Mohl, натурализовавшийся во Франціи и бывший профессоромъ въ Collège de France; далѣе историкъ Pierre Lanfrey и нѣсколько богослововъ, какъ: Martin Paschoud и Cosquerel. Особенною дружбою Николая Ивановича пользовался также полякъ Рустейко.

Съ 1860 г. у Н. И. Тургенева часто бывали: князь Черкасскій, князь Долгорукій, Погодинъ, Самаринъ, Стасюлевичъ, Столыпинъ („великанъ“, прибавляетъ Петръ Николаевичъ), Василій Боткинъ, Николай Ханыковъ, графъ Киселевъ, бывший русскимъ посломъ въ Парижѣ, іезуитъ Иванъ Гагаринъ, и особенно частый посѣтитель — Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Приѣзжалъ также Н. А. Милютинъ на всю зиму — „спеціально для того, чтобы побесѣдовать о приближающейся эмансипаціи [крестьянъ]. Это, я думаю, была лучшая эпоха жизни моего отца“, говоритъ Петръ Николаевичъ. Наконецъ Николай Ивановичъ имѣлъ оживленныя сношенія съ американскими журналистами и проповѣдниками эмансипаціи негровъ, какъ М-me Шарпан и М-me Бичерстоу, авторъ „Хижины дяди Тома“.

Петръ Николаевичъ, среди другихъ мелочей, прислалъ мнѣ также рѣчь, сказанную при погребеніи Николая Ивановича (Quelques paroles sur la tombe de Nicolas Tourgueneff). Заголовокъ ея такой: „M. Nicolas Tourgueneff est mort subitement, vendredi matin, 10 octobre. Ses obsèques ont été célébrées d'abord dans l'Eglise Russe, devant une nombreuse assistance, et puis au cimetière du

Père-Lachaise, où, après les prières du prêtre, le discours suivant a été prononcé par le pasteur Martin-Paschoud“. Ораторъ, давнишній другъ покойника, много лѣтъ его знавшій, даетъ такую характеристику Николая Ивановича.

„Le trait caractéristique de la vie vraiment exceptionnelle de l'homme excellent à qui nous rendons les derniers devoirs, ce fut sa persévérante et inébranlable fidélité, son ardent et infatigable dévouement à toutes les causes justes et humaines. Toutes, et partout, lui tenaient à coeur. Ce qu'un apôtre disait jadis: „Où souffre-t-on, que je ne souffre, où se réjouit-on, que je ne me réjouisse?“ Nicolas Tourgueneff le pouvait dire aussi. Qui ne l'a surpris, et souvent, pleurant d'indignation au récit d'une iniquité, ou pleurant de joie, comme d'un bonheur personnel, au spectacle d'une délivrance? Et ce n'était pas un amour platonique que son amour passionné du bien. Il y avait consacré, non pas au figuré, vous le savez, mais très réellement toute sa vie. Il adorait sa patrie, si dure pour lui qu'elle eût été, et en raison même des sévères reproches qu'il se croyait en droit de lui faire; il travaillait incessamment, de jour et de nuit, pour l'amélioration de ses institutions; et lorsque ce noble et intrépide martyr de sa sainte cause émancipatrice put voir enfin l'émancipation triomphante, l'on se rappelle, non sans émotion, avec quels tressaillements d'allégresse il en recut la bienheureuse nouvelle, et comme il chantait dans son coeur le cantique de Siméon. Je dis dans son coeur, je pourrais dire aussi de ses lèvres, car il aimait chanter en effet à pleine voix les cantiques de l'Eglise russe, à laquelle il était resté fidèle, comme il l'était à son pays. Mais en même temps qu'il aimait son pays, il aimait aussi du même amour le nôtre. Aucun Français n'a plus vivement, plus profondément senti les malheurs de la France; aucun n'a plus ardemment souhaité son relèvement, dont il s'entretenait encore, au point de vue moral, et avec l'intérêt qu'il mettait à toute chose, quelques instants avant de rendre le dernier soupir. Quant à son Eglise, le sentiment filial qu'il avait conservé pour elle n'avait rien d'exclusif, rien d'étroit. On sait la part qu'il avait prise à la fondation d'une association dont les circonstances empêchèrent le développement mais qui n'en a pas moins produit quelques bons fruits et qui reste une idée féconde: *l'Alliance chrétienne universelle*“.

Въ заключеніе, чтобы показать, насколько высоко цѣнили Николая Ивановича Тургенева лучшіе люди во Франціи и Россіи, мы помѣщаемъ здѣсь, во-первыхъ, двѣ замѣтки по поводу его смерти, напечатанныя — одна въ газетѣ „Le Temps“ (26 ноября 1871 г.), другая въ „Journal des Economistes“ (дек. 1871 г.), и, во-вторыхъ, телеграмму изъ Россіи отъ русскихъ людей — посланную семью Тургенева.

1.

Journal „Le Temps“.

26 Novembre 1871. Paris.

Un homme de grand mérite Monsieur Nicolas Tourgueneff, vient de mourir à un âge très avancé dans sa propriété du Vert-Bois, près Rueil.

Né en Russie, vers 1790, d'une famille dont plusieurs membres se sont illustrés dans les sciences et dans les lettres, Monsieur Nicolas Tourgueneff fit de bonnes études et entra dans le service administratif de son pays. Il fut, jeune encore, Conseiller d'Etat, et adjoint au Secrétaire d'Etat de l'Agriculture et de l'Industrie. Il s'occupa, des cette époque, de l'émancipation des paysans, et dans l'intérêt de cette question, à laquelle il consacra bientôt tous ses efforts (en commençant par émanciper ses propres serfs) il entra dans la ligue du bien public. Il fut ainsi impliqué dans la conspiration de 1825 dont la répression fut sévère jusqu'à la cruauté.

Heureusement Monsieur Nicolas Tourgueneff se trouvait alors en voyage à l'étranger; il fut condamné à mort par contumace, mais ses biens qui devaient être confisqués, furent sauvés par le dévouement de son frère, l'historien Alexandre Tourgueneff.

Monsieur Nicolas Tourgueneff s'établit d'abord en Angleterre où il se lia avec Bentham et autres hommes illustres et vint ensuite se fixer à Paris qu'il habita pendant une quarantaine d'années.

Monsieur Nicolas Tourgueneff a publié en russe une théorie des Impôts qui est considérée comme l'ouvrage le plus remarquable qui ait paru en Russie sur cette matière; Puis, en Français, „la Russie et les Russes“ (3 vol. Paris 1847 traduit en allemand). Il

a fait paraître aussi plusieurs brochures sur l'émancipation des paysans.

Tous ceux qui ont eu l'occasion de l'approcher estimaient en Monsieur Nicolas Tourgueneff à la fois, le savant profond, le publiciste distingué, le noble caractère.

C'est bien sincèrement que nous pouvons dire qu'il emporte les regrets de tous ceux qui l'ont connu.

Signé: Maurice Block.

2.

Journal des Economistes.

Société d'Economie politique.

Réunion du 5 Décembre 1871 à Paris.

Monsieur Hippolyte Passy, ancien ministre des finances, membre de l'Institut, a présidé cette réunion.

En ouvrant la séance Monsieur H. Passy prit la parole pour annoncer la mort de Monsieur Nicolas Tourgueneff.

La société des Economistes, dit-il, vient de subir une nouvelle et douloureuse perte dont j'ai à entretenir un moment la société.

C'est celle que nous avons faite, en la personne de Monsieur Nicolas de Tourgueneff.

Monsieur Tourgueneff était l'un des membres le plus ancien de la société et n'avait cessé d'assister à ses séances que lorsque des infirmités amenés par le poids de l'âge vinrent l'en empêcher.

Né en Russie, Monsieur Tourgueneff y avait été appelé à de hautes fonctions publiques, et devant lui semblait s'ouvrir le plus brillant avenir. Il n'en a pas été ainsi. Le bien qu'il avait fait, celui qu'il se proposait de faire, lui attirèrent des inimitiés puissantes. On travailla à le compromettre dans les troubles qui éclatèrent lors de l'avènement de l'empereur Nicolas, et il lui fallut chercher à l'étranger, la sécurité qu'il ne pouvait plus trouver dans son propre pays. C'est en France qu'il vint résider, et la France devint sa patrie d'adoption.

Il y a des natures privilégiées. Aucune des hautes distinctions de l'esprit et du coeur ne lui manqua. C'était Monsieur Tourgue-

neff. A la vigueur d'intelligence qui permet de tout comprendre et d'ajouter sans cesse aux connaissances déjà acquises, il unissait les dons heureux qui commandent à tous l'affection et le respect.

L'aménité constante de son caractère, sa franche et généreuse hospitalité avaient fait de sa maison le rendez-vous de grand nombre d'hommes distingués, heureux de pouvoir venir y échanger leurs pensées, et puiser dans celles qu'il énonçait lui même, des lumières souvent neuves, toujours émanées d'un fond d'expérience et de savoir d'une inépuisable richesse.

La bonté, chez Monsieur Tourgueneff, était chose si naturelle, que seul, peut-être, il ignorait à quel point il en était doué et quel bien la sienne faisait aux autres. Jamais on ne l'approchait sans éprouver le charme qu'exerce infailliblement l'union si rare chez un même homme des plus hautes facultés intellectuelles et de la sympathie la plus profonde pour toutes les souffrances qui se rencontrent ici bas.

Monsieur Tourgueneff n'a pas été seulement l'un des hommes les plus éclairés de notre temps; il a été l'un des meilleurs. C'est ce que savent et diront tous ceux qui comme moi ont eu le bonheur de le connaître.

3.

Телеграмма изъ Россіи.

Les amis de feu Monsieur Tourgueneff se sont réunis à un service funèbre en son honneur. Puisse cet hommage sincère, rendu à sa mémoire dans son pays, contribuer à adoucir les regrets de sa famille.

Milutin. Pogodin. Samarin. Prince Scherkasky. Prince Scherbatoff. Aksakoff. Kisseleff. Swerbeyeff. Mathieu Mouravieff Apostol. Pierre Swistounoff.

Какъ жаль, что отъ такихъ умныхъ, даровитыхъ и высокообразованныхъ людей, какими были несомнѣнно Николай Ивановичъ и Клара Віарисъ, а также и дѣти ихъ Фанни, Альбертъ и Петръ Николаевичъ, — не осталось никакого потомства!

Предисловіе.

Выпускаемый нами второй томъ дневниковъ Тургенева даетъ очень важный матеріалъ для исторіи русскаго общества за первую четверть прошедшаго вѣка. Предъ читателями проходитъ молодой человѣкъ съ солиднымъ образованіемъ, съ большимъ умомъ, недюжинными способностями и съ самыми лучшими намѣреніями. Это — Николай Ивановичъ Тургеневъ. Въ первомъ томѣ его дневниковъ мы наблюдали, какъ онъ учился, какъ складывались его характеръ и міросозерцаніе. Здѣсь, въ этомъ томѣ, предъ нами — совершенно готовый человѣкъ, вступившій на поприще практической дѣятельности. Правда, онъ на нашихъ глазахъ совершаетъ еще свое путешествіе, такъ сказать доучивается, но въ концѣ его онъ уже скучаетъ, томится бездѣйствіемъ и стремится домой, гдѣ предвидитъ необходимость борьбы съ существующимъ зломъ и хочетъ приняться за работу — обновленія Россіи. Такое лицо, такіа реформаторскія наклонности очень типичны для людей первой четверти прошедшаго вѣка, — скажемъ короче: для будущихъ декабристовъ. Да, Николай Ивановичъ — типичный декабристъ, яркое лицо своей эпохи. Его дневникъ, исповѣдь души, раскрываетъ тайныя движенія и порывы его сердца. Мы можемъ, беря ихъ за образецъ, прослѣдить въ мельчайшихъ подробностяхъ и уяснить себѣ, какъ совершался тотъ умственный процессъ, который пережили декабристы и вообще люди первой четверти XIX вѣка. Вотъ первое значеніе предлагаемаго нами матеріала: другихъ такихъ дневниковъ мы не знаемъ. Правда, отъ декабристовъ осталось много мемуаровъ, записокъ, воспоминаній; но все это матеріалъ, который ни въ какомъ отношеніи не можетъ замѣнить дневника, исповѣди сердца и души. Мемуары составлялись гораздо позже, въ 40-хъ—50-хъ годахъ, въ другую эпоху, съ другимъ настроеніемъ и почти всегда съ опредѣленнымъ намѣреніемъ: въ цѣляхъ самооправданія или пропаганды своихъ идей. Слѣдовательно это матеріалъ тенденціозный. Такихъ недостатковъ дневникъ не имѣетъ и вотъ почему онъ долженъ быть особенно цѣннымъ для

изслѣдователя, тѣмъ болѣе, что такихъ дневниковъ отъ эпохи декабристовъ мы право почти не имѣемъ.

Итакъ имѣя всѣ достоинства непосредственности и неподдѣльнаго чувства, дневники особенно полезны для выясненія той глубочайшей основы, изъ которой вытекало недовольство декабристовъ окружающимъ и ихъ реформаторское настроеніе. Они — идеалисты, ученики французской философіи XVIII вѣка, усвоившіе цѣликомъ принципы естественнаго права. Вслѣдствіе этого они вошли въ русскую жизнь съ такими высокими требованіями, съ такими возвышенными идеалами, которыхъ тогдашняя жизнь не могла осуществить. Отсюда ихъ тоска или «скука», какъ часто жалуется Тургеневъ, — неудовлетворенность и проклятіе окружающему обществу, но въ тоже время не резиньяція, не покорность, какъ это было въ тридцатые и сороковые годы, а непримиримость, стремленіе насильственнымъ путемъ измѣнить невыносимую для нихъ обстановку жизни. Имъ предстояла тяжелая борьба, во-первыхъ, потому, что не легко, а пожалуй и невозможно сразу перестроить политическія и общественныя отношенія, слагавшіяся столѣтіями; и, во-вторыхъ, потому, что въ русскомъ обществѣ росла реакція, тяжелая, упорная и долгая, такъ что мало было надежды на подавленіе существующаго зла. Молодые люди, застигнутые врасплохъ этой реакціей, не знали, какъ имъ быть и чтò предпринять. Эта послѣдняя отрицала дорогіе имъ завѣты, вынесенные если не изъ колыбели, то во всякомъ случаѣ со школьной скамьи или изъ заграничной поѣздки. Имъ не вѣрилось, чтобы эти завѣты были ложны и гибельны, какъ увѣряли ихъ противники-реакціонеры. Будущіе декабристы съ удивленіемъ наблюдали фанатизмъ, духъ нетерпимости и отрицательное отношеніе къ философіи XVIII вѣка. Ихъ удивляло то, что политическіе писатели этого вѣка, какъ напр. Делольмъ, либеральнѣе людей XIX вѣка: «по крайней мѣрѣ, говоритъ Тургеневъ (стр. 335), тогда вѣрно не возставали противъ нихъ какъ теперь». «По какимъ страннымъ и бѣдственнымъ обстоятельствамъ многіе находятъ теперь опасными, злыми и ложными правилами тѣ правила, кои за 50 лѣтъ [назадъ] почитались единственно справедливыми и ведущими къ счастью народовъ? Какой злой геній провѣялъ послѣдніе годы въ Европѣ? Какое существо, непріязненное челоувѣчеству, отравило кубокъ гражданскаго счастья, изъ коего нѣкоторые народы пили уже нектаръ нравственной жизни, другіе пить надѣялись? Неужели 25 лѣтъ войны свободы противъ деспотизма. . . вмѣсто пользы подвигнуть духъ времени на нѣсколько лѣтъ назадъ и изъ преддверія храма свободы, отторгнувъ Европу, водворять ее въ тѣхъ лабиринтахъ варварства и деспотизма, въ которыхъ она такъ долго скиталась?»

Много тяжелыхъ минутъ пережили декабристы, пока не разрѣшилось указанное сомнѣніе. Все-таки они увѣрвали въ превосходство своихъ идеаловъ, и взгляды ихъ окончательно опредѣлились.

Но дневники Тургенева не менѣе полезны и въ другомъ отношеніи: они показываютъ, какъ неприглядна и безотраднa была въ ту эпоху русская дѣйствительность. На нашихъ глазахъ молодой человѣкъ, вовсе не фантазеръ, не пустой резонеръ и мечтатель, а уравновѣщенный человѣкъ вступаетъ въ жизнь. Онъ прожилъ за границу три года, сильно соскучился по родинѣ и стремился домой съ волненіемъ. Но въ своемъ дерогомъ отечествѣ онъ сталкивается съ такою ужасающею дѣйствительностью, отъ которой его тошнить, и онъ хочетъ бѣжать изъ Россіи куда-нибудь на Западъ. Въ головѣ его мелькаетъ мысль даже объ экспатрированіи, то есть мысль окончательно разстаться съ отечествомъ. Когда ему снова удалось на нѣсколько лѣтъ покинуть Россію, то Тургеневъ, оставляя Петербургъ, воскликнулъ: «А! Петербургъ хорошая школа для опытности, но для опытности жить съ людьми, слѣдственно печальная опытность! . . Петербургъ — хорошая школа! Но что пользы отъ того, чему въ сей школѣ научаемся!» (225). Такія чувства переживалъ не одинъ Тургеневъ, а многіе его современники, даже и не декабристы. Такъ, напримѣръ, князь П. А. Вяземскій, живя въ Польшѣ, тоже сильно соскучился по Россіи. Получивъ отпускъ, онъ съ замираніемъ сердца скачетъ въ Москву, гдѣ такъ много оставилъ родного, дорогого, гдѣ свои русскіе. И что же онъ почувствовалъ, когда пріѣхалъ въ Москву? — Полное разочарованіе и даже — отвращеніе. «Въ Варшавѣ, — писалъ онъ А. И. Тургеневу, — я живу съ автоматами, а здѣсь [въ Москвѣ] — дикіе звѣри, т. е. кабаны, т. е. дикія свиньи». И такое отвращеніе къ русской дѣйствительности постигало всякаго, кто сумѣлъ подняться выше ея и отнестись къ ней критически. Та же дѣйствительность наталкивала мыслящаго человѣка на идею о необходимости реформъ. Къ сожалѣнію такія условія жизни, когда на верху общества вмѣсто людей были «дикіе звѣри, т. е. дикія свиньи», оставались всю первую четверть прошлаго вѣка, не смотря на добрыя намѣренія имп. Александра, не сумѣвшего или не смогшаго по-давить существующее зло. Во вторую четверть того же вѣка русская дѣйствительность стала еще неблагопріятнѣе, и тѣмъ не менѣе у новаго поколѣнія не обнаружилось желаніе насильственнымъ путемъ измѣнить ее, какъ это хотѣли сдѣлать декабристы. Какъ же объяснить это? Такая покорность, такая «резиньяція», по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что новое поколѣніе было напитано не французскими идеями XVIII вѣка, а нѣмецкой философій туманнаго идеализма, способнаго до нѣкоторой степени

примирять съ окружающимъ зломъ, какъ неизбѣжной необходимостью. Только немногіе — и это прямые преемники декабристовъ —, не будучи въ состояніи примириться съ русской обстановкой и боясь погибнуть морально, нерѣдко покидали родину навсегда, идя на встрѣчу, какъ Печеринъ, одиночеству, бѣдности и всякимъ лишениямъ.

Дневники Тургенева даютъ также прекрасный матеріалъ и для исторіи знаменитой эпохи 1812—1815 гг., ушедшей отъ насъ равно на сто лѣтъ. Она здѣсь, въ дневникѣ Тургенева, проходитъ предъ нами вся цѣликомъ, отражаясь и преломляясь въ настроеніи современника. То была эпоха борьбы гигантовъ; вся Европа была въ движеніи, а европейское общество, измученное революціонными бурями, стало испытывать разочарованіе въ философіи XVIII вѣка, стало ненавидѣть идеи, двигавшія революцію. Готовилась жестокая борьба и преслѣдованіе всего, что напоминало революцію; народы ополчились другъ на друга. И отраженіе этой гигантской борьбы вѣка мы чувствуемъ въ дневникѣ Тургенева. Со страницъ его писаній до насъ буквально доносится шумъ оружія, гулъ сраженій и стоны раненыхъ. . . Такъ близко жилъ и дѣйствовалъ Тургеневъ около совершающихся міровыхъ событій. Онъ былъ свидѣтелемъ радостныхъ восклицаній солдатъ, переступившихъ наконецъ границу Франціи на Рейнѣ. Онъ проѣзжалъ по полямъ, обгареннымъ кровію павшихъ; онъ видѣлъ мѣста сраженій, гдѣ еще не успѣли убрать тѣла убитыхъ. Онъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ несчастной «ретирады», когда союзники, послѣ пораженія арміи Блюхера, думали, что имъ придется покинуть Францію. Тургеневъ соприкасается съ людьми, бывшими главными дѣятелями совершавшихся событій. Онъ работаетъ со Штейномъ, гр. Нессельроде, Поццо-ди-Борго, Алопеусомъ; онъ имѣетъ сношенія съ Гарденбергомъ, кн. Меттернихомъ, Лагарпомъ, кн. Волконскимъ и т. д. Какія имена, какія лица! Ясное дѣло, что дневникъ съ такимъ содержаніемъ, съ подобными именами долженъ быть особенно важенъ для изученія эпохи.

Согласно намѣченной нами программѣ¹⁾ во второй томъ вошли четыре книги дневника: *шестая*, *седьмая*, *восьмая* и *девятая*, обнимающія шесть лѣтъ жизни Н. И. Тургенева (1811—1816 гг.). Что касается приложеній къ девятой книгѣ дневниковъ, то мы считаемъ необходимымъ оправдаться въ томъ, что они велики (стр. 341—408), и что мы ихъ — помѣстили. Содержаніе этихъ приложеній, съ нашей точки зрѣнія, очень важно не только

1) См. томъ. первый, предисловіе, стр. XXX.

для исторіи той эпохи, особенно военной, но также и для біографіи самого Тургенева. Многое въ дневникахъ послѣдняго было бы непонятно безъ этихъ приложений, точно также, какъ безъ нихъ недостаточно ясна была бы и дѣятельность Тургенева во время его служенія у барона Штейна, Алонеуса и въ Ликвѳдаціонной Комиссіи.

Третій томъ уже печатается, и въ него — тоже согласно намѣченной программѣ — войдутъ книги: *десятая, одиннадцатая, двѣнадцатая и тринадцатая*, обнимающія самый интересный періодъ — 1817—1824 годы, то есть періодъ, когда складывались тайныя общества и когда Тургеневъ принималъ въ нихъ участіе. Четвертый томъ готовится къ печати, и въ него войдетъ дневникъ 1824—1825 гг., веденный за границую. Что касается писемъ, то они войдутъ въ шестой, седьмой и восьмой томы.

Пользуюсь случаемъ выразить искреннюю благодарность Б. Л. Лееръ и Ю. П. Тарасовой, оказавшимъ любезное содѣйствіе при редактированіи этого тома.

С.-Петербургъ.
Ноябрь 1912 года.

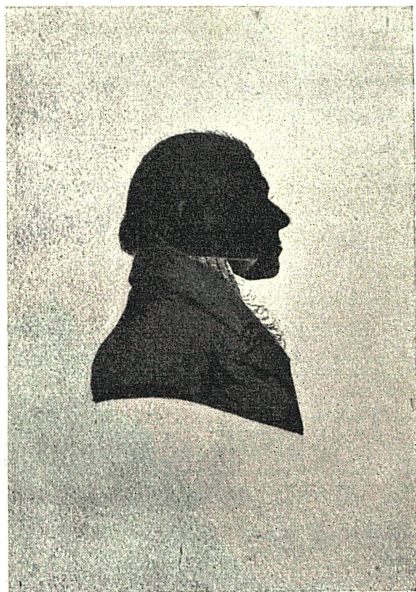
ДНЕВНИКИ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

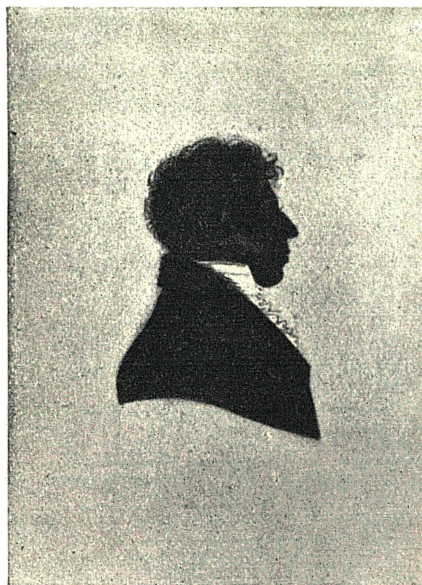
—

(1811 г.).

Силуэты геттингенскихъ профессоровъ.

1.

2 (Геде).

3.

4.

(См. на оборотъ).

Эти силуэты изображаютъ четырехъ профессоровъ, наиболѣе любимыхъ Тургеневымъ. Изъ нихъ мы могли съ достовѣрностью опредѣлить только № 2, принадлежащій Гёде, такъ какъ въ университетской библіотекѣ въ Гёттингенѣ мы видѣли его бюстъ и убѣдились въ полномъ сходствѣ. Что касается остальныхъ трехъ, то мы думаемъ, что это профессора: Бенекъ (1), Сарторіусъ (3) и Гееренъ (4).

* * *

Мечты прелестныя, минуты наслажденья,
Отрада въ горести, въ нещастьи утѣшенъе,
Воспоминанія! пребудьте навсегда
Душамъ чувствительнымъ залогомъ непремѣннымъ.
А ты, священный даръ благаго Провидѣнья,
Надежда! даруя страдальцамъ подкрѣпленъе,
Возжги свѣтильникъ свой и озаряй тотъ путь,
По коему влачимъ мы жизнь свою въ безвѣстьи;
И странникъ въ челнокѣ на семъ пространномъ морѣ,
Валовъ морскихъ игра, съ суровымъ рокомъ въ спорѣ,
Минуты щастія протекши *вспомянувъ,*
Возвеселить свой духъ, *надеждой укрѣпленный!*¹⁾

* * *

1) Этимъ стихотвореніемъ начинается шестая книга дневниковъ Н. И. Тургенева; она представляетъ изъ себя толстую тетрадь въ четверть листа и содержитъ въ себѣ 146 листовъ, которые всѣ исписаны. На корешкѣ переплета написано: «6. жур. 1811. Н. Т.»

«Рок[ъ] низлагать молитвой и Богом[ъ],
«Скиптры давая, зваться рабом[ъ],
«Доблестей быв[ъ] страдалец[ъ] единых[ъ],
«Жить для Царей¹⁾, себя изнурять²⁾».

Державинъ.

Писать здѣсь, чего я тебѣ на дорогу желаю — я думаю не нужно — ежели ты увѣрен[ъ] в[ъ] моей любви, то можешь себѣ представить, что я тебѣ все желаю, что только есть хорошаго на зѣмлѣ.

Совѣты тебѣ давать мнѣ нейдетъ — ты видѣл[ъ], что я самъ очень и очень имѣю въ них[ъ] нужду, и потомъ я замѣтил[ъ], что ты имѣешь такой характер[ъ], который въ них[ъ] нужду не имѣет[ъ]; что же мнѣ тебѣ здѣсь писать? —

Хочу просить тебя, чтоб[ъ] ты сохранил[ъ] на всегда ту дружбу ко мнѣ, которую ты имѣешь, которую ты мнѣ при случаях[ъ] показывал[ъ].

Послѣдніе два дни твоего пребыванія въ Геттингенѣ я не позабуду никогда. Моя любовь к[ъ] тебѣ окончится со мною.

$\frac{21}{9}$ *Июня. 1811. Геттинген[ъ].*

Петр[ъ] Каверин[ъ].

1) Внизу сдѣлана выноска: «Для Отечества — для Россіи». 2) Писано рукою Каверина.

Quand deposerai je à la porte de mes pères le manteau et le baton du voyageur? Путешествіе — главная изъ наукъ¹⁾; иностранецъ — приятной сямболъ. Но не должно слишкомъ долго путешествовать, а то привыкнешь быть внѣ отечества. Боже оборони, если къ нему будешь равнодушнымъ! Въ немъ одномъ можно заключить священнѣйшія изъ узъ — дружбу и бракъ, въ немъ одномъ можетъ бытъ слава пріятна, любовь щастлива. Никто не гнушается своимъ отечествомъ, но какъ хорошо съ гордостью назвать его! Еще пріятнѣе знать, чѣмъ гордиться, и имѣть на то право. O ma noble patrie!..

Мы кровію своей купить
 Твое готовы благоденство;
 Погибель за тебя — блаженство,
 И смерть — безсмертіе для насъ.

 Когда вздохнемъ въ послѣдній разъ,
 Сей вздохъ тебѣ же посвятится.

Собирай опыты, собирай воспоминанія, дай иногда волю мечтѣ, — и совѣты сердца пламеннаго не всегда людей холодныхъ разсудкомъ. Щастье будетъ твоею наградою. Береги нѣжныя чувства для юныхъ дѣвъ Россіи. Тамъ онѣ насъ ожидаютъ и, потупивъ глаза, молчаніемъ позволяютъ матерямъ своимъ дать за себя руку. Блаженной часъ! Кубокъ благовоннаго вина передъ тобою, — отецъ красавицы самъ тебѣ его подалъ — ты подтверждаешь союзъ съ Природою и Отечествомъ.

Aimable illusion, délicieux instants!
 (Trop tôt vous avez fui sur les ailes des tems)
 Revenez s'il se peut pour consoler ma vie.

Гетт[ингенъ]. Юня 22.

С. Т[ourgueneff].

1811.

V. 17. VII. 5. — Т.³⁾

1) На поляхъ приписано: «послѣ Пол. Экон[оміи]. 2) Все, написанное здѣсь, начиная со словъ: «Quand deposerai je» и т. д., писано рукою С. И. Тургенева. На слѣдующемъ листѣ (3-мъ) рукописи сдѣланъ карандашомъ рисунокъ, изображающій всадника на конѣ, а подъ рисункомъ слѣдующая надпись: «Николай Тургеневъ — въ путешествіи своемъ черезъ St. Gothard. Nicolaus von Turgenew in seiner Reise über den St. Gothard begriffen. 1811. October 27. 28 въ снѣгу». На оборотѣ того же листа написано: «Выѣздъ изъ Геттингена въ 1811 г. до Госпиталя $\frac{15}{28}$ Октября 1811 г.».

$\frac{11}{23}$ *Юня. 1811. Гейлигенштаттъ. 4 часа утра.*

Если не все, такъ многое для меня кончилось: я оставилъ Геттингенъ и, кажется, навсегда. Никогда, никогда не ощущалъ я дѣйствія привычки, любви и дружбы въ такой сильной степени, какъ вчера при разлукѣ съ Геттингеномъ, братомъ и Каверинымъ. Никогда не былъ такъ сильно увѣренъ въ истинѣ, давно уже закоренившейся въ сердцѣ моемъ мысли, что жизнь должна быть *мила только друзьямъ*. По сію пору я еще не опомнился отъ жестокой разлуки. Въ Сергеѣ я всегда былъ, какъ братъ и другъ, увѣренъ; но въ дружбѣ Каверина увѣрился только въ послѣднія минуты моего съ нимъ житья.

Эта любезная душа сдѣлалась мнѣ дороже моей собственной; и еслибы узы родства не увеличивали чувствъ дружбы, то любовь моя къ нему равнялась бы любви къ моимъ друзьямъ - братьямъ. Каверинъ! Каверинъ! что скажетъ послѣдствіе? Ты, кажется, перемѣниться не можешь. — Сергѣя одно имя для меня все. — Чего лишился я съ Геттингеномъ въ особенности? Свободы, независимости, покоя — въ самомъ настоящемъ смыслѣ словъ сихъ. Гёттингенъ! Гёттингенъ! одни широкіе шаровары остаются печальными остатками щастливой независимости.

$\frac{12}{24}$ *Юня. 1811. Веймаръ. 1/5 часа.*

Изъ Гейлигенштатта доѣхали съ дилижансомъ до Мюльгаузена, откуда взяли экстра-почту. Въ этомъ послѣднемъ городѣ на почтѣ былъ забытъ пакетъ, посланный Песталоци. Почтмейстеръ разпечаталъ его и, когда я пришелъ къ нему¹⁾, говорилъ, что тутъ есть письмо, и слѣд. такая посылка должна итти по почтѣ. Я съ своей стороны старался показать ему мое равнодушіе и презрѣніе. Онъ обѣщалъ доставить посылку въ Геттингенъ на почту для возвращенія Песталоци. Бѣдный молодой человекъ послалъ нѣсколько экземпляровъ своего сочиненія, доказательство его ума и прилежанія. Хотѣлъ разпространить вдругъ всю славу свою по всей Гелвеціи,

1) Далѣе зачеркнуто: «за паспортомъ».

но такова судьба! Онъ обманется въ своей надеждѣ и вѣроятно еще заплатитъ за это неудовольствіе деньгами. Въ Мюльгаузенѣ мы завтракали. Ходя изъ трактира на почту и обратно, я могъ видѣть городъ. Строеіе чище обыкновеннаго въ другихъ городахъ. Церковь была набита женщинами. Изъ Мюльгаузена пріѣхали мы къ вечеру въ Langensalz[a], первой городъ Саксоніи. Нельзя не замѣтить разницы между сею послѣднею землею и Вестфаліею. Другія поля, другая обработанность, другой народъ и все другое. Деревни несравненно чище и лучше выстроены. Много каменныхъ домовъ. Большая ровность земли представляетъ виду множество прекрасныхъ деревень: знакъ благосостоянія народнаго. Нѣкоторая чистота полей, соединенная съ ровностію и хорошимъ обработываніемъ оныхъ, придавала всему этому новыя прелести, такъ что я съ удовольствіемъ назову Саксонію благословенною въ сравненіи съ Вестфаліею, болѣе нежели печальною землею. Природа много способствовала къ возбужденію во мнѣ сего чувства. Погода была прекрасная: солнце заходило тихо и величественно. Необозримыя поля, на коихъ часто встрѣчаются глазу чистыя, красивыя деревни съ башнями, домпки, окруженные деревьями, пріятный вечеръ — вотъ воспоминанія, которыя слѣдовали воспоминаніямъ о разлукѣ, слѣдовали, но ни мало не уменьшали силъ послѣднихъ. Въ 12-мъ часу ночи пріѣхали мы въ Эрфуртъ, ѣхавши очень скоро и остановились на почтѣ, подлѣ того дома, гдѣ за три года жилъ нашъ Государь. Передъ этимъ домомъ воздвигнута колонна, не имѣющая однакожь, какъ мнѣ сказывали, ни малѣйшаго отношенія съ свиданіемъ, но единственно поставленная по случаю рожденія Римскаго Короля. Чувства мои были таковы, каковы должны быть чувства Русскаго при видѣ и при воспоминаніи всего этого, въ особенности, когда вскорѣ послѣ этого вѣѣдешь въ Веймаръ. Сюда пріѣхали мы въ 4 часа утра. Я легъ спать и заказалъ лошадь въ 6 часовъ и вставши отправился въ Ёну (2½ мили отсюда). Прежде всего долженъ я упомянуть о достоинствѣ моей лошади. Туда ѣхалъ я скоро и менѣе, нежели два часа, но все галопомъ — рысь была для меня тряска. Оттуда я пріѣхалъ еще скорѣе и ѣхалъ много рысью, а подъ конецъ совѣмъ не поднимая въ галопъ. Рысь у лошади чрезвычайная, похожа на иноходца и для меня очень, удивительно скорая. Дорого бы за такую лошадь заплатили въ Москвѣ. Лишь только пріѣхалъ я въ Ёну, какъ въ трактирѣ у воротъ познакомился съ однимъ студентомъ (Рихтеромъ) — отчаянная, или, лучше сказать, развращенная его фигура давала мнѣ полное понятіе о его качествахъ als Bursch. И онъ знаетъ Каверина, и вѣрно его приводилъ въ примѣръ мнѣ Штромбергъ, говоря о большемъ знакомствѣ Каверина. Съ нимъ пошелъ я на лекцію къ какому-то Юристу.

Фигура профессора довольно подла. Читаетъ дурно, диктуетъ; кажется, глупъ и молодъ. Харн студентовъ такія же, какъ и въ Геттингенѣ. Нашель два лица знакомыхъ, бывшихъ въ Геттингенѣ. Съ лекціи пришелъ я домой. Тутъ явился ко мнѣ Landsmann (Курляндець), малой добрый, поболталъ съ нимъ, опъ, кажется, здѣсь занимается и въ $\frac{1}{2}$ 11 по моимъ часамъ выѣхалъ изъ Ъны. Ъхавши туда встрѣтилъ на дорогѣ Бабста, ѣхавшаго въ Wilhelmsstadt, гдѣ находится наша Великая Княгиня. Опъ со времянь своего нещастія живетъ здѣсь, но теперь, какъ я слышалъ, подъ другимъ именемъ. Ъна лежитъ въ горахъ, видна очень изъ далека и не видна въ близи. Приближался къ Ънѣ, всѣ окружающіе предметы были для меня пріятны вѣроятно потому, что жизнь Ънская должна походить на Геттингенскую. Братъ и Каверинъ по сію пору не выходятъ у меня изъ головы, и слезы навертываются на глазахъ, когда пишу о нихъ. Желаю, чтобы второй также былъ увѣренъ во мнѣ, какъ первый.

Лейпцигъ. $\frac{16}{27}$.

Изъ книжки: $\frac{12}{22}$. $\frac{1}{2}$ 7 часа вечера. Теперь сижу въ дворцовомъ саду въ Веймарѣ. Садъ славный и тѣмъ болѣе мнѣ нравится, что тутъ всѣ ходятъ: кушаки или что-нибудь подобное не дѣлаютъ различія. Все въ саду кажется роднымъ или своимъ, и послѣ этого Русскому Царю не любить Русскихъ не возможно. Пріятно сидѣть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ никто изъ проходящихъ тебя не знаетъ. Сей часъ былъ въ Römisches Haus. . . Мнѣ очень грустно, по большей части по Геттингенѣ и по тѣхъ, коихъ тамъ оставилъ. Но прогулкою своею я доволенъ. Грусть питательна и иногда кажется пріятна. Ахъ! какъ бы желалъ выразить все то, что чувствую, но такія чувствованія неизъяснимы!

$\frac{13}{23}$ утра. Въ восьмомъ часу возвратился я въ свой трактиръ, сѣлъ въ воротахъ, закурилъ трубку и болталъ съ Данилевскимъ, но никакъ не могъ быть не печаленъ. Я начинаю увѣряться, что я осужденъ вѣчно грустить и печалиться, п вчера еще болѣе увѣрился въ этомъ. Въ 9 часовъ подали намъ хорошій ужинъ, а въ 10 мы легли спать, въ два часа утра насъ разбудили; мы заняли мѣсто впереди дилижанса, оставя внутри онаго Жидовъ, бранящихся съ ширмейстеромъ. Проѣзжая дворець, мы еще разъ взглянули на него, подумали о той, которая въ немъ иногда живетъ — и простились съ Веймаромъ. Черезъ три часа пріѣхали мы въ Ауерштетъ по прекрасной дорогѣ. Очень примѣтны еще слѣды войны, отъ которой деревня сія столь много претерпѣла. На улицахъ лежатъ кучи камней. Домки всѣ новые и сдѣланы

какъ наши т[акъ] и [азываемыя] мазанки. Остановившись на почтѣ, мы были въ той комнатѣ, гдѣ Прусакки держали совѣтъ передъ Ёнскимъ сраженіемъ, и гдѣ присутствовалъ самъ Король. Позавтракавши тутъ, сѣли мы въ дилижансъ и поѣхали далѣе. Дорога очень хороша; поля обработаны прекрасно, и никакихъ слѣдовъ отъ жестокаго сраженія не осталось. Мы проѣзжали мимо того мѣста или мимо той липы, гдѣ былъ смертельно раненъ Герцогъ Брауншвейгской.

Въ 1-мъ часу пріѣхали мы въ Наумбургъ. Завтракали тамъ въ другой разъ. Маркеръ въ трактирѣ малой неглупой. Я говорилъ съ нимъ о многомъ, между прочимъ и о налогахъ въ Саксоніи. Онъ сказалъ мнѣ, что налоги у нихъ невелики, въ теперешнія времена врядъ ли не величайшая похвала для Правительства! Оттуда поѣхали въ Weissenfels, Lutzen и въ 1 часу почти пріѣхали въ Лейпцигъ. За Люценомъ проѣзжали мы мимо того мѣста, гдѣ палъ Густавъ Адольфъ. Памятникъ, воздвигнутый безсмертному, мнѣ очень понравился — простой камень, окруженный 8 тополями. Какого сравнить тогдашнее состояніе Швеціи съ теперешнимъ, Густава — съ Карломъ XIII!

Наконецъ я въ Лейпцигѣ! въ томъ городѣ, о которомъ столь много слышалъ. Вчера ($\frac{15}{26}$) поутру въ 9 часовъ проводилъ Данилевскаго, кот[орый] отиравился въ Дрезденъ. Потомъ пошелъ съ Павл[омъ] Петр[овичемъ] Соколовичемъ ходить по садамъ; были въ самомъ большомъ изъ сихъ послѣднихъ, принадлежащемъ Рейхелю. Хозяинъ раздѣлилъ садъ сей на 96 частей и отдаетъ все это въ наймы. Многіе тамъ живутъ, а многіе приходятъ туда только послѣ обѣда, каждый въ свой садикъ и наслаждаются воздухомъ. Позади дома, на улицу, начинается садъ и шаговъ черезъ 200 построеной другой прекрасный домъ, за которымъ сдѣлана по обѣимъ сторонамъ колонада и выстроено по обѣимъ же сторонамъ по 30 комнатъ съ садиками, кот[орыя] также отдаются въ наймы. Около сада сдѣлана алея изъ вишневыхъ деревьевъ въ 4 ряда. Въ саду есть островки, изъ коихъ нѣкот[орые] называются Корсика, Мальта и проч. Также были мы въ саду Роля; домъ славной, садъ также. Вездѣ во всѣхъ садахъ всѣ могутъ гулять, это прекрасно. Оттуда пошли на алею вокругъ города, были на Schelenberg, откуда видъ очень хорошъ; близость города дѣлаетъ его единственнымъ. Въ 11 часовъ пошли мы на лекцію къ Платнеру. Аудиторія очень хороша и была полна студентами. Платнеръ читалъ изъ Антропологии о чувствахъ, опровергалъ мнѣнія многихъ систематиковъ и между прочимъ Гудона Галя; доказалъ до очевидности ложность его утверженія, что душа находится въ мозгу. Опровергнулъ мнѣніе, что [душа находится] во всемъ тѣлѣ и проч. Платнеръ мнѣ очень понравился. Читаетъ прекрасно, съ чувствомъ. Лице умное. — Я

вспомнилъ о нашихъ Геттингенскихъ Профессорахъ, и только Гёде показался мнѣ достойнымъ нѣкотораго сравненія съ Платнеромъ. Послѣ лекціи Пав[ель] Петр[овичъ] рекомендовалъ меня Платнеру; разговоры обыкновенные: о трудности произносить Русскія имена, но обращеніе лучше нашихъ (Гет.) ученыхъ. Въ 1-мъ часу пришли мы домой обѣдать. За столомъ сидѣли доктора, купцы, но все, кажется, мѣлкопомѣстные. Подлѣ насъ сидѣлъ Прусской Geheimer Rath, ѣздившій въ Парижъ поздравлять Наполеона съ рожденіемъ Римскаго Короля; повидимому изъ Прусаковъ Прусакъ. Съ начала онъ молчалъ; потомъ разговорился съ сидящими подлѣ и противъ его прикащикомъ и адвокатомъ. Надобно было слышать ихъ разговоры, чтобы узнать всѣ достоинства этого Нѣмецкаго дипломата: онъ говорилъ о Французскомъ винѣ и натурально о цѣнѣ его, о грошахъ и т. п. Послѣ обѣда онъ объявилъ желаніе свое итти въ какой-нибудь садъ пить пиво и курить табакъ. Адвокатъ пошелъ съ нимъ. Мы шли туда же. Пришедши туда, онъ спросилъ Doppelbier, а адвокатъ einfach. Дипломатъ за всѣ услуги вертляваго адвоката не попотчивалъ его даже и пивомъ. Мы отклонились отъ него и говорили между собою. Соколовичъ заключилъ изъ всего, что этотъ Geh[eimer] Rath Жидъ. Я изъ его лица этого не замѣтилъ: оно съ лишкомъ похоже на Пру[с]ское. Мы пили тоже пиво и очень хорошее. Оттуда пошли за городъ въ Eisbude. Тутъ ѣли мороженое. Local этой кнейпе мнѣ понравился. Какой-то студентъ пѣлъ тутъ Русскую пѣсню и хорошо. Оттуда пошли мы въ Colis (деревня). Тутъ есть трактиръ. На дворѣ насажены деревья, наставлены столы и по обѣимъ сторонамъ выстроены бѣсѣдки. Играла музыка. Собралось довольно народу. Обыкновенно прежде я всегда былъ въ новыхъ мѣстахъ, какъ будто робокъ, а тутъ я смотрѣлъ на все и на всѣхъ съ какимъ-то чувствомъ, кот[орое] касалось презрѣнія. Въ 10 часу мы тутъ поужинали; пили биттеръ и вино. Я часто думалъ о братѣ и о Каверинѣ. Съ ужасомъ думалъ о тѣхъ годахъ, кот[орые] протекутъ до моего свиданія съ ними. Еще бы разъ посмотрѣлъ на нихъ; еще бы разъ прижалъ ихъ къ своему сердцу. Думая о всемъ этомъ, мало-по-малу началъ я грустить; увѣрился, что я осужденъ печалиться; увѣрился, что нѣтъ для меня иного щастія, какъ жить съ тѣми, кого люблю, и видѣть отечество щастливымъ. Нѣтъ, нѣтъ для меня иного блаженства не можетъ быть и не будетъ. Естълибы и между этими предметами я долженъ былъ выбирать, то предпочелъ бы пріятности жить съ любезными сердцу, предпочелъ бы ихъ щастію и всему на свѣтѣ — щастіе Отечества, этотъ идеалъ, единственный изъ всѣхъ идеаловъ, всегда при одной мысли заставляетъ сильно биться мое сердце. Нѣтъ покоя, нѣтъ утѣшенія, нѣтъ для меня ничего безъ блаженства Отечества. Въ сей мечтѣ

заключается все бытіе мое. Вотъ чувства, кот[орыя] болѣе нежели справедливы. Буду жить съ ними; умру съ ними.

Въ Лейпцигѣ вездѣ можно примѣтить благосостояніе народное—отъ купца до послѣдняго почталіона. И это при теперешнихъ обстоятельствахъ. Что же должно быть при хорошихъ? Въ городахъ, кот[орые] я проѣзжалъ, я замѣтилъ тоже, здѣсь это ощутительно. Какая разница съ Вестфаліею! Народъ здѣсь совсѣмъ другой.

1/2 2 часа ночи. Вечеръ провелъ я сегодня очень хорошо. Ужинъ былъ славной. Въ 10-мъ часу пришелъ къ намъ Ив. Ив. Кассіусъ, и мы по сю пору съ нимъ говорили. Очень жалко этого добраго и неглулаго человѣка. Онъ живетъ теперь здѣсь русскимъ языкомъ, уча оному Нѣмцовъ. Врядъ ли онъ не первый учитель въ чужихъ краяхъ, кот[орый] этимъ живетъ.

Сегодня поутру ходилъ я къ консулу, но не засталъ его дома. Обѣдалъ въ своемъ трактирѣ вмѣстѣ съ М-г Adan de Borde, Французскимъ учителемъ, бывшимъ въ Москвѣ. Я его тотчасъ узналъ. Онъ пять лѣтъ жилъ во Франціи и возвращается теперь назадъ въ Россію, по причинѣ дурнаго курса, а имянно: онъ жилъ во Франціи процентами съ капиталовъ, употребленныхъ въ Россіи. Онъ началъ говорить со мною по-Русски. Для меня это было очень пріятно; говорить изрядно, жена его тоже. Прусакъ, о кот[оромъ] я думалъ, что онъ ѣздилъ поздравлять Фр[анцузскаго] Им[ператора] съ рожденіемъ его сына, ѣздилъ въ Парижъ по финансовой части и въ особенности по контрибуціи. Нынче за столомъ онъ вралъ немилосерд[н]о: рассказывалъ о своихъ интригахъ или шашняхъ Парижскихъ. Послѣ обѣда мы пошли съ нимъ въ садъ. Тамъ онъ даже надоѣлъ памъ своимъ болтаньемъ. Онъ защищалъ Фр[идриха] II въ томъ, что онъ вручилъ управленіе финансовъ 400 или 500 Французовъ. Въ саду мы пили пиво, курили табакъ. Оттуда я ѣздилъ съ Павл. Петр. въ Рашевицъ тоже садъ, $\frac{3}{4}$ часа отъ города (за 20 грошей парюю въ коляскѣ). Пили тамъ очень хорошій кофе и, возвратившись въ городъ, прошли по алеѣ; народу было очень много.

Послѣ завтра я намѣреваюсь отправиться отсюда. Пора, очень пора. Житіе Лейпцигское мнѣ очень нравится! и я не понимаю, какъ студенты, жившіе здѣсь, могутъ жить въ Геттингенѣ, не занимаясь ни здѣсь, ни тамъ.

17/28. Пятница. 11 часовъ ночи.

Сегодня поутру ходилъ съ Соколовичемъ смотрѣть обсерваторію; видѣлъ одну, какъ гов[орить] Профессоръ, рѣдкую машину. Famulus его водилъ насъ наверхъ; я смотрѣлъ въ зрительную трубу, кот[орая] мнѣ очень понравилась. Видъ съ башни прекрасный на всѣ четыре стороны. Оттуда пошли мы обѣ-

дать. Послѣ обѣда я пошелъ къ консулу. Этотъ старикъ мнѣ очень понравился; Рандъ очень хорошо его передражнилъ. Онъ хорошо говорить по Русски; предложилъ мнѣ дать письмо въ Дрезденъ; завтра надобно еще къ нему сходить. Послѣ того я купилъ Рейхарда за 4 талера, потомъ ходили въ музеумъ, а оттуда въ театръ. Актеры не задорные очень, а партерами управляютъ, кажется, студенты, потому что часто они пугали меня своимъ браво. Послѣ театра мы встрѣтили на улицѣ Греческаго Архимандрита, кот[орый] мнѣ показывалъ церковь и гов[орилъ] съ нами по Нѣмецки. Послѣ того мы прошли по валу, видѣли множество гуляющаго народу. Также были въ Музеумѣ, гдѣ читають газеты и журналы. — Я уже записался на почтѣ и заплатилъ 48 т. и 4 гр. — Лейпцигъ мнѣ очень понравился. Улицы хороши и широки, дома хороши. Мало экипажей — въ городѣ ихъ почти не видно. Погулявши по валу, мы ужинали дома, и теперь я хочу ложиться спать.

Дрезденъ. 30 Юня. Воскресенье. Сегодня въ 6 часовъ вечера приѣхалъ я въ Дрезденъ. Отъ самаго Лейпцига я ѣхалъ все въ дилижансѣ. Дорогою проѣзжалъ коли не менѣе, то вѣрно не болѣе талера. Однажды ѣлъ пкру, кот[орой] снабдилъ меня Пав. Петр. Дилижансѣ ѣхалъ отмѣнно тихо, въ особенности подъ конецъ шафнеры безпрестанно пили пиво, я дѣлалъ тоже. За милю до Мейсена начинаются прекрасныя мѣстоположенія. Эту милю должно ѣхать промежду очень большихъ скалъ, заросшихъ деревьями, и промежду Эльбы. Рѣка эта въ половодіе причиняетъ много вреда. Въ Мейсенѣ видѣлъ я замѣтку на стѣнѣ въ трактирѣ, до которыхъ поръ вода достигала въ 1799. За Мейсеномъ начинаются виноградники. Дорога прекрасная, мѣстоположенія живописны. Я увидѣлъ въ первой разъ Дрезденъ за 1½ часа. Видъ величественный и точно такъ мнѣ тогда показался, какъ я себѣ представлялъ городъ сей. Гроза причинила много убытку владѣтелямъ земель около Дрездена. Во многихъ мѣстахъ весь хлѣбъ совершенно побитъ градомъ. Сегодня въ 12 часовъ ночи останавливались мы въ Губертсбургѣ, родина покойнаго Лемана. Его родня и теперь тутъ живетъ, какъ мнѣ сказывалъ Соколовичъ. Ночью нельзя было къ ней итти, и я все спалъ.

Товарищи моего путешествія легко могутъ заставить иностранца проклинать дилижансы, но къ чему нельзя привыкнуть? Въ особенности накутила мнѣ одна старуха, кот[орая] объявила мнѣ сегодня, что ее сопутница и она поѣдутъ въ Торгау для осмотрѣнія крѣпостной работы. Мужъ сей сопутницы портной. Я совѣтывалъ имъ вмѣсто крѣпостей заняться, какъ лучше варить супъ и картофель; Саксонкамъ совѣтъ мой не понравился. Теперь все смотрѣлъ изъ окошка: народу множество возвращается, кажется, изъ Пиль-

ница. Давича видѣлъ карету Королевскую. Очень похожа на экипажъ Платоновъ. Мнѣ это понравилось.

Какъ бы было пріятно поговорить теперь съ кѣмънибудь изъ Русскихъ, напимѣръ, хоть съ Данилевскимъ, не говоря уже о Сергѣѣ и о Каверинѣ, съ которыми жить — не жить, а блаженствовать. Хотя бы полчаса теперь, послѣ сытнаго ужина посмотрѣлъ съ этими обоими любезными моему сердцу въ окошко—охъ Боже! Что бы могло быть пріятнѣе, восхитительнѣе этихъ минутъ! Сергѣя я знаю, но не знаю, какъ можно привязаться такъ скоро и къ Каверину. Я самъ не понимаю этого. Люблю его такъ, какъ нельзя болѣе любить нероднаго брата. Никто на свѣтѣ не любилъ такъ чужаго человѣка, какъ я люблю этого непонятнаго Каверина. Ахъ, мои милые! естли бы вы знали, каково теперь моему сердцу: я плачу! Естли бы вы знали, что вы никогда не выходите изъ моей головы. Естли бы вы знали—ахъ естлибы вы все это знали, то теперь, сидя въ Prinzenhaus'ѣ или на Вендешрасѣ, обняли бы другъ друга; Сергѣй бы сказалъ: такъ, я уже зналъ его, а Каверинъ: нѣтъ, я не зналъ его. Нельзя, милый Петръ, тебѣ знать меня: ничего такъ не желаю, какъ того, чтобы ты узналъ всю мою приверженность къ тебѣ. Живите, любезные, въ тишинѣ и спокойствіи! Я скитаюсь по бѣлу свѣту, но и тутъ лишень удовольствія путешественниковъ: быть разсѣяну. Я совсѣмъ не разсѣянъ. Грустно, что-то предчувствую и не смѣю надѣяться жить долго вмѣстѣ съ вами. Цѣлую эту бумагу, на кот[орой] написаны имена ваши. Мнѣ все—простите! — хочется поскорѣе выбраться изъ Германіи, чтобы избавиться отъ Нѣм[ецкихъ] дилижансовъ: очень надоѣли. — Сергѣй! Каверинъ! ахъ, братцы! скучно одному, въ особенности тогда, когда мечты путешествія не улаживаютъ душу, когда сердце не въ Дрезденѣ, не въ Лейпцигѣ, но между вами и надъ отечествомъ. Ахъ, братья! простите! Помните вашего Ник[олая]. Я вижу, что мнѣ нельзя быть веселымъ тогда, когда васъ нѣтъ со мною, — и не будетъ никогда возможно. Естли бы словами можно было изобразить чувства мои, то я исписалъ бы всю книгу словами: люблю васъ, не могу спокойно жить безъ васъ. Каково будетъ свиданіе — съ Сергѣемъ нельзя сомнѣваться, а съ тобою, Петръ? Нѣтъ, и ты тѣмъ же останешься. Простите!

2 Юл. 10-й часъ вечера. Сегодня я уже осмотрѣлъ кое что важное въ Дрезденѣ. Въ 9-мъ часу пошелъ я въ галерею картинную. Галерея вся не очень велика. Почти при самомъ входѣ увидѣлъ я картину, на которой нарисованъ запавѣсь. Я позабылъ, что оный нарисованъ и подлинно принялъ его за пастоящій. Показыватель нашъ, молодой, учтивой человѣкъ, machte uns aufmerksam на многія картины, въ особенности на двѣ головы Зебальда. Естли станешь смотрѣть на сіи картины черезъ стекло, то нѣтъ никакой

разницы въ нарисован[н]ыхъ глазахъ и естественныхъ, совершенно никакой для виду. Ночь Корежжіева меня удивляла, но я ожидалъ болѣе: я ожидалъ невозможнаго. Мадонна Рафаелева мнѣ чрезвычайно, чрезвычайно понравилась. Лице Христа прекрасно. Но болѣе понравилось мнѣ лице одного изъ двухъ херувимовъ, находящихся внизу. Лице Богородицы не божественно, но превосходно, лучше, нежели божественно: невинность и все выражено въ немъ. Лице святаго...¹⁾ очень хорошо. Св. (Барбара) Варвара прекрасна, но, кажется, слишкомъ манерна. Картина сія мнѣ болѣе всѣхъ понравилась. Водившему заплатила вся компанія 1 червонецъ — на меня досталось 17 грошей. Онъ сказалъ, что мы можемъ туда ходить всегда, когда захотимъ. Я это зналъ и прежде. Въ галереѣ видно очень много живописцевъ, мушницъ и дамъ, молодыхъ и старыхъ, занимающихся копировкой. Одна изъ дамъ срисовывала цвѣты, на которыхъ означенную каплю воды нельзя различить съ настоящею. Подлѣ нее стоялъ стулъ, на кот[оромъ] кто-то занимался срисовываніемъ Менгсова амура пастелями — несравненная головка!

Изъга[л]ереи вышелъ я съ моимъ Lohnbedienten на площадь, гдѣ былъ парадъ, состоявшій изъ одного гренадерскаго полка. Солдаты съ виду порядочные, но маршировали дурно. Офицеры—нигдѣ такъ Русская пословица: «хоть не радъ, да будь готовъ» — не была такъ справедлива, какъ въ этомъ случаѣ. Я не видалъ ни одного порядочнаго офицера. Одинъ изъ всѣхъ былъ похожъ на офицера, но за то прочіе всѣ походили на шул[ь]мейстеровъ, портныхъ, сапожниковъ и т. п. Командовавшій майоръ не умѣлъ совершенно ѣздить верхомъ, не только что командовать. Присутствовавшіе мнѣ помѣшали окончить. Генералы и полковникъ гораздо болѣе походили на Профессоровъ и на педелей, чѣмъ на Генераловъ. Вообще очень Baugische Militairie несравненно хуже Вестфальскаго. Послѣ этого повелъ меня проводникъ мой на валъ. Жаль, что Дрезденъ лишится сей прогулки: крѣпость должна быть вся скрыта, чрезъ что также и валъ и прекрасныя деревья. Камни отправляются по Эльбѣ въ Торгау. Мнѣ сказывали, что крѣпость срывается не для этихъ камней, но что она soll einmal geschlossen. Хороша причина. Если не для камней, то я не понимаю, на что ее ломаютъ.

Съ валу пошли мы въ Zwinger. Прекрасное строеніе, съ большимъ дворомъ, на которомъ наставлены лимонныя и т. п. деревья. Тутъ находится нѣсколько кабинетовъ: Математическаго смотрѣть нельзя. Мнѣ показывали Минеральный и для животныхъ: очень посредственные, послѣдній даже очень простъ. Залы не очень чисты. Всего любопытнѣе показалось мнѣ странный

1) Многоточіе въ рукописи.

пѣнь отъ окаменелаго (sic) дерева. Одинъ изъ отломковъ вышлифованъ и имѣеть отъ того очень хорошій видъ. Вчера же былъ я въ двухъ церквахъ: въ католицкой (прекрасное строеніе, въ особенности с'наружи) видѣлъ картину Менгса надъ олтарею: мѣсто для картины нехорошо (кажется, я уже объ этомъ писалъ). Походивши, пошелъ я обѣдать въ Goldener Engel; передъ обѣдомъ зашелъ въ конфектную лавку и съѣлъ два стакана мороженаго. Обѣдъ былъ хорошъ — я выпилъ $\frac{1}{2}$ вина и за все заплатилъ 22 д[обрыхъ] гроша. За столомъ говорилъ съ однимъ Лифляндцемъ, кот[орый] мнѣ сказывалъ, что онъ обыкновенно проводитъ зиму въ Москвѣ. Послѣ обѣда пошелъ я съ двумя компаніонами, кот[орыхъ] пріискалъ мнѣ мой лакей, въ Kunstkammer — много любопытнаго и хорошаго; видѣлъ славные пистолеты, довольно большіе, но чрезвычайно легкіе. Видѣлъ первое огнестрѣльное оружіе, изобрѣтенное Шварцомъ; видѣлъ множество рыцарскихъ латъ, изъ коихъ нѣкоторые любопытны, какъ по прекрасной работѣ, такъ и по дороговизнѣ металла (золото и серебро) и по своей ужасной тяжести. Видѣлъ латы Густава Адольфа, шпагу Карла XII — и наконецъ видѣлъ, бралъ въ руки, надѣвалъ на себя, цѣловалъ шляпу нашего Петра и его шпагу, которыми онъ промѣнялся съ Августомъ II. Никакой набожный не приближается съ такимъ благоговѣніемъ къ св. мощамъ, съ каковымъ я взялъ въ руки ту шляпу, кот[орая] покрывала голову великаго изъ великихъ. Ежели теперешнимъ Русскимъ и есть много причинъ сожалѣть о своихъ соотечественникахъ-современникахъ, то пусть они вспомнятъ о своихъ соотечественникахъ-предкахъ — и они утѣшатся. — Изъ Kunst-каммеръ пошли мы во дворецъ Королевскій. Тутъ я ничего не видалъ достойнаго замѣчанія, кромѣ того, что въ кабинетѣ Короля стоитъ портретъ Наполеона во весь ростъ. Въ кабинетѣ у Короля стоятъ двое фортопіянь; на столѣ лежатъ адрессъ-календарь, путешествіе Крузенштерна, нѣсколько Польскихъ книгъ, кажется библій и т. п. Другой кабинетъ Короля запертъ. Въ кабинетѣ Королевы я нашелъ на столѣ нѣсколько Французскихъ лексиконовъ — повелители миліоновъ!!

Оттуда пошелъ я въ Японской дворецъ одинъ — товарищи не имѣли для этого времени. Въ нижнемъ этажѣ, souterrain, находится собраніе фарфора; я видѣлъ много вазъ, много чашекъ, но мало хорошаго и въ тѣхъ и другихъ; вазы, Наполеономъ подаренныя, хороши. Група, представляющая завоеваніе Крыма, хороша, стоитъ 3000 тал. Тутъ должно бы было мнѣ заплатить около 3 талеровъ за осмотрѣніе, но я сказалъ Инспектору, что пришлю послѣ: онъ не далъ мнѣ договорить, отвѣсилъ поклонъ и сказалъ: O! das thut nichts, das thut nichts. Въ первомъ этажѣ надъ подземельнымъ находится собраніе мраморныхъ статуй. Инспектора не было тутъ, и я не могъ

смотрѣть онаго. Видѣлъ нѣсколько статуй изъ саду въ окошки и не пойду уже туда еще разъ. Въ среднемъ и верхнемъ этажѣ находится библіотека. Рейхардъ гов[орить], что она состоитъ изъ 150[000] вол[юмовъ], библіотекарь — изъ около 300.000. Последнее вѣроятнѣе, ибо она, кажется, болѣе Геттингенгской. Залы въ среднемъ этажѣ прекрасны: тутъ стоятъ книги по философической, филологической, исторической части; къ первой принадлежатъ и политика; разставлены по хронологіи. Въ верху находятся книги по факультетамъ. Библіотекарь Hofrath *Dosedorf* былъ отмѣнно услужливъ и ласковъ. Ему было пріятно, что человѣкъ, жившій 3 года въ Геттингенѣ, хвалить его порядокъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ повторялъ, что многіе, знающіе Геттингенгскую библіотеку, отдавали въ порядкѣ преимущество здѣшней. Не мое дѣло льстить, смѣясь надъ человѣкомъ; я хвалилъ здѣшній порядокъ и отдавалъ оному преимущество въ томъ, чего нѣтъ въ Геттингенѣ, напимѣръ въ раздѣленіи двухъ этажей, кот[орое] здѣсь лучше, чѣмъ въ Геттингенѣ. Видъ изъ верхняго этажа прекрасный. Гофратъ просилъ меня записать мое имя въ книгѣ. Тутъ находятся между прочими имена Нельсона и Наполеона; послѣднее написано такъ ¹⁾). Кажется М. Сталь сказала, что N[apoléon] va toujours en montons. Гофратъ рассказывалъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ и между прочимъ о Велингтонѣ: Нельсонъ, будучи здѣсь, говорилъ Саксонскимъ офицерамъ и Генераламъ, что Велингтонъ, бывшій въ то время полковникомъ въ Вест-Индіи, будетъ со временемъ вторымъ Мальборукомъ. Поблагодаривши учтиваго и разговорчиваго библіотекаря, я прошелся по саду и пошелъ въ садъ Брюля. Дворецъ и садъ прекрасны. Въ саду есть каменная набережная на Эльбѣ, подобная Московской. Въ одномъ изъ садовъ ()²⁾ взошелъ я на мѣсто, гдѣ прежде была башня. Видъ отсюда прекрасный на окружности Дрездена, и тутъ любовался я захожденіемъ солнца во всемъ величіи. Тутъ разговорился я съ однимъ отставнымъ подполковникомъ, кот[орый] служилъ 30 [лѣтъ] и былъ бы уже теперь, по его словамъ, Генераломъ, естлибы не вышелъ въ отставку, по: wir leben jetzt vergnügt, отвѣчала жена его, большая болтунья.

Большой мостъ на Эльбѣ очень хорошъ, видъ съ него прекрасный: народу всегда очень много. Изъ дворца видъ на мостъ прекрасенъ. Католическая церковь придаетъ много красоты виду.

2 *Юля. Вторникъ. 11 часовъ вечера.* Въ 10 часовъ утра пошелъ я сегодня въ Grosser Garten. Главная алея ведетъ ко дворцу. Садъ великъ. Дворецъ видѣлъ я изъ дали. Дорогою видѣлъ дворецъ Принца Антона. Въ

1) Въ рукописи оставлено пустое мѣсто. 2) Пропускъ въ рукописи.

11 часу въ псходѣ видѣлъ парадъ, состоявшій пзъ Гвардіи. Солдаты хороши, офицеры дурны; все это ни на что не похоже. Въ 11 часовъ пошелъ въ католицкую церковь: все было наполнено народомъ. Музыка гремѣла. Одинъ изъ пѣвчихъ пѣлъ хорошо дисканга. Я думалъ, что это дѣвушка и воображалъ ее очень хорошую лицомъ, но послѣ узналъ, что это былъ кастратъ. Въ другой разъ буду его слушать не съ такимъ уже удовольствіемъ. Изъ церкви пошелъ домой обѣдать. Въ этомъ трактирѣ обѣдаютъ Portionsweise, и это мнѣ нравится: дешевле можно поѣсть. До 5 часовъ вечера шелъ дожжикъ. Я дремалъ въ низу; игралъ въ бильярдъ, курилъ трубку, а въ 5 часовъ пошелъ съ однимъ здѣшнимъ Италіанцомъ на берегъ Эльбы; сѣли въ Kahn и поѣхали въ Linkisches Bad. Тамъ я пошелъ въ театръ, заплатя 20 крейцеровъ (немного, но за то не въ партеръ Noble, ког[орый] впрочемъ ничемъ не отличенъ отъ того, гдѣ я сидѣлъ). Играли D[ie] Schweizerische Familie порядочно. Я взошелъ въ театръ съ тарелкою вишенъ и ѣлъ ихъ тамъ очень покойно. Я былъ совершенно одинъ, чувствовалъ нужду въ товарищѣ. Скучно быть все одному, въ особенности съ моимъ характеромъ. Оттуда я возвратился водою же. Ужиналъ дома и по сю пору разсуждалъ внизу о политикѣ съ Жидомъ, хозяиномъ, какимъ-то Бюргеромъ, однимъ пріѣзжимъ и Италіанцемъ.

1/2 12 часа. Четвергъ. Сей часъ пріѣхалъ изъ Таранта; сплный дожжикъ, молнія, далекій громъ, темная ночь, моя дорожная палка и наконецъ дорогая трубка были моими единственными сопутниками. Завтра болѣе.

10 часовъ утра. Середа. Я проснулся сегодня въ 1/2 10 часа. Лежать въ постелѣ послѣ таковыхъ странствій было чрезвычайно пріятно.

Въ середу всталъ я въ 4 часа утра и дождался лошади, но кривому хозяину вздумалось привести оную въ 6-мъ часу. Въ 6 часовъ я былъ уже за заставою и ѣхалъ по прекрасной алеѣ, которая ведетъ мимо сада Принца Антона, въ т[акъ] н[азываемый] Большой Садъ. Сей послѣдній я проѣхалъ отъ однихъ воротъ до другихъ. По серединѣ большой алеи стоитъ дворецъ, по сторонамъ много маленькихъ домиковъ. Видъ дворца между деревьями прекрасный. На одной сторонѣ есть прудъ передъ фасадомъ дома. Впрочемъ мѣстоположеніе простое. Выѣхавши изъ сего сада, я поѣхалъ по большой дорогѣ. Окружности съ этой стороны Дрездена такъ, какъ и съ другихъ, прекрасны. По дорогѣ мало загородныхъ домовъ, — жители, какъ видно, предпочитаютъ другія мѣста большимъ дорогамъ. Самая дорога очень хороша, по обѣимъ сторонамъ насажены деревья. Мнѣ попадалось мало проѣзжихъ и пѣшеходцевъ, но все болѣе, чѣмъ обыкновенно. Я ѣхалъ рысью и черезъ два часа

былъ уже въ Пирнѣ, 2 мили отъ Дрездена. Это маленькій городокъ; довольно большой замокъ, выстроенный на горѣ, придаетъ много красоты городу. Хозяинъ трактира совѣтывалъ мнѣ остаться ночевать у него и осмотрѣть достопамятности замка и проч. Слишкомъ глупое предложеніе! Я пробылъ въ П[ирнѣ] не болѣе $\frac{3}{4}$ часа и поѣхалъ далѣе. Долженъ былъ еще въ самомъ городѣ подниматься на высокую гору. Подлѣ города видѣлъ смиренный домъ, но лица работавшихъ, кажется, были совсѣмъ не смиренны или смиренны. По общему совѣту мимоходящихъ и другихъ, я своротилъ съ большой дороги въ лѣво, дабы скорѣе пріѣхать въ Königstein.

Естьли выбранная мною дорога и была ближе, но вѣрно вмѣстѣ и хуже. Часто долженъ былъ я ѣхать по голымъ камнямъ, иногда въ гору, иногда съ горы, но прекрасные виды окружныхъ лѣсовъ, скалъ, водъ дѣлаютъ подлинно непримѣтными всѣ эти маленькія неудобства, естьли ихъ можно назвать таковыми: я ко всему равнодушенъ, къ дурнымъ и хорошимъ дорогамъ. Проѣхавши съ милою, увидѣлъ я гордо возвышающуюся на неприступныхъ скалахъ крѣпость: видъ величественный, но мнѣ вообще крѣпости не нравятся. Окруженный дикою природою, среди скалъ, утесовъ, обросшихъ мохомъ и деревьями, Königstein соединяетъ въ себѣ все варварство замковъ среднихъ вѣковъ и ужасъ новѣйшихъ крѣпостей. Возвышенность мѣста составляетъ изъ далека путешественника платить дань удивленія природѣ и искусству. Черезъ нѣсколько минутъ Königstein скрылся изъ глазъ моихъ, дабы послѣ представиться еще въ большемъ величій. Продолжая путь свой, понукая моего незадорнаго коня, я вдругъ очутился у подошвы горы, гордящейся укрѣпленіемъ своимъ. Люди, сдиравшіе траву по горѣ, показали мнѣ дорогу къ крѣпости. Естественно, надобно было ѣхать все на гору. Мостовая, по которой ѣздить, навѣрно очень хороша. Покружившись нѣсколько минутъ около крѣпости, я предсталъ предъ врата оной, которыя бы можно было почестъ вратами ада, естьлибы тутъ не стояло нѣсколькихъ инвалидовъ, которыхъ служба и незлыя, по крайней мѣрѣ нехитрыя лица, не ручались, что они не принадлежатъ къ царству Плутона. Одинъ изъ нихъ спросилъ, есть ли у меня паспортъ. Я уже зналъ все дѣло,—и смѣшно бы было, естьлибы надежда на Русское имя меня обманула,—отвѣчалъ ему, что есть, и далъ ему мой Вестфальскій паспортъ. Онъ послалъ его къ коменданту. Отвѣтъ отъ этого Königstein'скаго Плутона былъ отрицательный. Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что съ этимъ паспортomъ я не могу видѣть крѣпость и что долженъ имѣть паспортъ изъ Дрездена. Я спросилъ, не могу ли видѣть самъ коменданта; инвалидъ пошелъ на верхъ съ моимъ вопросомъ. Отвѣтъ состоялъ въ приглашеніи меня на верхъ. Тутъ встрѣтилъ меня офи-

перь и поразили уши мои не строгими словами — о пѣтъ! онъ былъ очень учтивъ, — по Французскимъ языкомъ.

Съ этой стороны Königstein можетъ походить на адъ, ибо врядъ ли тамъ говорятъ пріятнѣйшимъ языкомъ. Офицеръ вступилъ со мною въ разговоръ, чтò я, да кто я, да какъ я и т. п., и наконецъ заключилъ тѣмъ, что *cela serait dure*, если я напрасно сдѣлаю путешествіе на Königstein, и пошелъ *faire des representations au commandant*. Отвѣтъ былъ: *l'entrée vous est accordée*. Я все это предвидѣлъ и зналъ, что за паспортъ въ Дрезденъ надобно заплатить червонецъ. Тутъ вступилъ офицеръ со мною въ разговоръ о политикѣ. Чего же камерръ-динеръ? думалъ я самъ въ себѣ, помня слова его, которыя, кажется, онъ мнѣ сказалъ, отдавая мнѣ паспортъ и идя къ Генералу просить позволенія (. . . . *Car on peut croire, que vous n'êtes pas un autre que celui qui est nommé dans le passeport*). Онъ спрашивалъ у меня: *qu'est ce qu'il y a du nouveau sur le continent?* Разошлись ли собранныя войска? Изъ этихъ вопросовъ я заключилъ, что онъ очень простъ, думая испытывать меня такими вопросами, ибо, кажется, невозможно ему не знать новостей, кот[орыя] извѣстны уже болѣе двухъ мѣсяцевъ всему Дрездену. Я былъ очень остороженъ въ своихъ отвѣтахъ. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ къ намъ высокій вахмистръ въ зеленомъ кафтанѣ и — прошу не прогнѣваться — со шпагою, которая, если не можетъ съ пользою быть употреблена при защищеніи крѣпости, можетъ по крайней мѣрѣ быть иначе полезна гарнизону, на примѣръ въ домашнемъ обиходѣ для рубленія капусты, моркови и т. п. и притомъ можетъ еще съ честію висѣть черезъ плечо глухаго вахмистра. Офицеръ, предувѣдомя меня, что проводникъ мой глухъ, простился со мною. Я поблагодарилъ его. Вахмистръ прекрасно исполняетъ свою должность. Поводивши меня по казематамъ, показывая мнѣ громовые отводы, построенные между пороховыми магазинами, пушки и проч., онъ привелъ меня на одно мѣсто и тутъ распространился въ краснорѣчивомъ описаніи долины, лежавшей передъ глазами, спросилъ меня, *ob ich adelig bin*, и продолжалъ: *Euer Gnaden sehen vor sich dieses Tal: da sind Berge, Bäume, Wasser, Häuser und allesmögliche*. *Allesmögliche*, думалъ я, не выключая глухаго вахмистра. Духъ мой не былъ расположенъ къ меланхоліи, иначе я бы вздохнулъ отъ чистаго сердца и подумалъ бы: *allesmögliche*, еслибы тутъ были тѣ, въ коихъ я подлинно полагаю все мое блаженство! (кр. л. к. о.). Приведши меня на другой уголь, вахмистръ съ важною миною сказалъ: *Das ist d[er] Königs-nase*. Хорошо, отвѣчалъ я. Потомъ показалъ мнѣ *d[en] Lilienstein*, — высокая гора, состоящая изъ утесовъ. Тутъ, прод[олжалъ] вахм[истръ], въ VII. л[ѣтнюю] войну Саксонская армія сдалась вся Прусакамъ. Онъ

разсказывалъ это съ большимъ равнодушіемъ: я видѣлъ въ немъ Нѣмца. Приведши меня къ одной бесѣдкѣ, построенной на скалѣ, онъ показалъ мнѣ камень, называемый Ragenbett. Тутъ однажды спалъ пьяный пажъ. Его привязали сошаго веревками, чтобы онъ не упалъ и дабы проснувшіеся могъ видѣть всю опасность. Далѣе онъ показывалъ мнѣ мѣсто, гдѣ былъ казненъ въ началѣ XVIII стол. одинъ графъ за то, что онъ выдавалъ себя, кажется, за дѣлателя золота. Также мѣсто, гдѣ на суку былъ однажды повѣшенъ за измѣну комендантъ крѣпости. Потомъ онъ провелъ меня по лѣсу — странное явленіе въ крѣпости, на скалахъ — и сказалъ, что его Station ist geendigt. Я далъ ему 40 крейцеровъ, чѣмъ онъ повидному не очень былъ доволенъ. Можетъ быть его краснорѣчіе въ описаніи мѣстоположенія, его жесты, его голосъ, его мина стоили бы большей заплаты, но мнѣ казалось, что и эта сумма слишкомъ превосходить труды его. Не смотря на то, онъ посылалъ, самъ ходилъ за другими показывателями и привелъ меня къ глубокому колодезю, славному какъ глубиною, чистотою воды, такъ и тѣмъ, что онъ не можетъ быть отрѣзанъ непріателемъ. По увѣренію пристапника, вода, брошенная въ колодезь, падаетъ $\frac{1}{2}$ минуты. Это очень вѣроятно. Онъ сдѣлалъ опытъ, и вода лилась очень долго; сперва это было слышно, потомъ утихло и наконецъ было слышно, какъ она падала въ воду въ колодезь. Я пилъ эту воду. Мнѣ дали описаніе колодца; я заплатилъ пристапнику 20 крейцеровъ. Оттуда я пошелъ смотрѣть большой чанъ. Маленькая дѣвочка водила меня. Я хотѣлъ было у ней о чемъ-то спросить, но она, какъ заведенная машина, начала говорить: Dieser Kessel ist so und so gross, enthält so und so viel Tonnen, Eimer . . . ist um so und so viel grösser als d. Heidelberger [Fass]. Я только что слушалъ. Наконецъ явился отецъ ея, d[er] Kellermeister, очень вѣжливый и манерный человекъ, повторилъ мнѣ слова своей дочери, ввелъ на верхъ чана и подпесъ мнѣ рюмку вина, коимъ наполненъ чанъ сей. Это вино дѣлается изъ Саксонскаго винограда и продается жителямъ крѣпости. Оно также хорошо, какъ и другія, кот[орыя] я здѣсь пивалъ. И ему я далъ 20 кр[ейцеровъ]. Оттуда я пошелъ на низъ, и тутъ какой-то проводилъ меня, и ему я далъ гроша съ три.

Видъ съ Кёнигштейна подлинно прекрасный. Поля, лѣса, горы, скалы, рѣки, долины — все это мѣшается и представляется глазамъ въ величественной ясности. При таковыхъ видахъ душа невольно возвышается, и сердце радуется при образѣ естественной свободы. Люди, привыкшіе къ такимъ видамъ, должны сильнѣе чувствовать иго рабства. Сошедши на низъ, я сѣлъ было на лошадь, но разсудилъ за благо идти съ горы пѣшкомъ и дошелъ такимъ образомъ до городка Königstein, лежащаго у подошвы

горы, на кот[орой] крѣпость. Этотъ городокъ недавно (годъ или два) весь сгорѣлъ. Вновь выстроенныя дома хороши и вѣроятно лучше прежнихъ (какъ обыкновенно), но кажется можно бы строить не такъ тѣсно и прямо. Тутъ я сѣлъ верхомъ и покатилъ въ Шандау. Ъхалъ долго по берегу Эльбы. Однажды вздумалъ вмѣсто большей дороги ѣхать по тропинкѣ. Проѣхалъ одно опасное мѣсто, но при видѣ другихъ, болѣе опасныхъ, я поворотилъ назадъ, и поворотъ сей былъ тоже опасенъ; мѣстоположенія прекрасны. Въ 2 часа пріѣхалъ я въ Шандау. Тутъ встрѣтилъ въ трактирѣ одного иностранца (изъ Шлезіи). Говорилъ съ нимъ по-Польски. Онъ называлъ Шандау d[ie] Schande и сѣдилъ этимъ хозяйскимъ дочерей. Тутъ нашли проводника въ Кушталь. (— Иду обѣдать, $\frac{3}{4}$ 1-го часа).

Въ 4 часа пополудни отправился я съ проводникомъ моимъ въ Кушталь. Саксонская Швейцарія начинается съ этой стороны съ Шандау. На концѣ сего городка находятся минеральныя воды. Пройдя сіи послѣднія, путешественникъ вступаетъ въ прекраснѣйшую долину, пересекаемую рѣкою Кирпичъ. По обѣимъ сторонамъ возвышаются большія горы со скалами. Видъ маленькихъ лощинъ или площадокъ, встрѣчающихся тамъ и сямъ, производитъ нѣкоторое разнообразіе, очень пріятенъ для глазъ. На берегахъ рѣчки наложено много дровъ, кот[орыя] бросаютъ въ воду и ловятъ при впаденіи Кирпича въ Эльбу, для доставленія въ Дрезденъ. Дрова сіи принадлежатъ Королю, и подѣ штрафомъ запрещено ловить ихъ изъ рѣчки. По берегу Кирпича надобно идти съ половиною или болѣе дороги. Видъ хотя и однообразенъ, но поражаютъ своимъ великолѣпіемъ и богатствомъ. Иногда видны стада, пасущіяся на самыхъ вершинахъ утесовъ. Часто долина бываетъ очень широка и отъ того видъ дѣлается еще прелестнѣе. Иногда подѣ скалами видны мѣста, которыя сама Природа какъ будто назначила для жилища дикаго человѣка. Я никогда не воображалъ себѣ Саксонской Швейцаріи столь достойной посѣщенія путешественниковъ. Иногда я подлинно былъ пораженъ при видѣ огромныхъ скалъ, изъ коихъ нныя гордо возвышались къ облакамъ, другія грозили паденіемъ; и между тѣмъ тѣ и другія находились все въ одномъ положеніи. Пусть деиствъ удивляется премудрости творческой, пусть безбожникъ приписываетъ все слѣпому случаю: видя сіи скалы, первый утвердится въ своей вѣрѣ, послѣдній содрогнется при мысли, что нѣтъ Бога. Вмѣсто проповѣдей, кот[орыя] обыкновенно имѣютъ противное предполагаемому дѣйствию, атеиста можно скорѣе обратить на путь вѣры однимъ взоромъ на чудеса творческой силы.

Такъ какъ многія изъ горъ имѣютъ особенныя имена, то я, увидѣвши съ боку одну скалу, спросилъ у проводника, какъ она называется; онъ

отвѣчалъ мнѣ, что она не имѣетъ никакого имени. Черезъ двѣ или три минуты я увидѣлъ скалу сію въ полномъ величіи и узналъ, что она была цѣль нашего путешествія. Проводникъ подтвердилъ, что это Кушталь, и что онъ хотѣлъ меня überraschen. . . . Надобно представить себѣ страшный утесъ, внизу котораго природа собственною рукою сдѣлала сквозной сводъ. Подъ этимъ-то сводомъ держали крестьяне свою скотину и жили сами во время войны съ Карл[омъ] XII (кажется). Прежде утесъ сей назывался Wildenstein, но когда, во время упомянутой войны, многіе крестьяне укрылись сюда отъ непріятеля и не были имъ отысканы, то скала получила названіе коровьяго клева или конюшни. На верху скалы жили, какъ сказывалъ мнѣ проводникъ мой, сами крестьяне. Въ одномъ большомъ отверстіи жили родильницы, и отъ того оное теперь называется Wochenbett. Проводникъ водилъ меня около всего утеса, показывалъ Pfaffenloch, изъ кот[орой], по словамъ его, въ 30 л. войну Протестанты выбросили одного католичскаго попа; также Schneiderloch, гдѣ жилъ разбойникъ, бывшій прежде портнымъ. Чрезъ ущелину между утесами, гдѣ сдѣлана лѣстница изъ земли, проводникъ взвелъ меня на вершину утеса. Въ иныхъ мѣстахъ я насило могъ пролестъ. На палкѣ моей остались слѣды сего лазанья. Видъ съ верху величественный. Нѣтъ ничего прелестнаго: страшныя пропасти, страшныя лѣса, страшныя горы. Оттуда (также и изъ внутри пещеры) видѣлъ я d. kleinen Winterberg и горы, которыя находятся уже въ Богеміи. Видъ синѣющихъ Богемскихъ горъ возбудилъ во мнѣ какое-то невольное странное чувство. Саксонская Швейцарія, Богемскія горы — *das alles klingt so sonderbar, kommt mir komisch vor*. Хотя около утеса надобно было иногда ползати. Спустившись на низъ, мы сѣли съ проводникомъ полдничать. Я взялъ съ собою изъ Шандау телягины, $\frac{1}{2}$ ципленка и хлѣба. Въ Кушталь можно имѣть пиво и водку, послѣдняя въ особенности мнѣ очень понравилась. Я никогда не обѣдывалъ съ такимъ страннымъ чувствомъ, какъ тогда (на Гонштейнѣ было нѣчто сему подобное). Я ѣлъ и смотрѣлъ на Богемскія горы, смотрѣлъ на лѣса, на пропасти и удивлялся судьбѣ, которая изъ-за Волги привела меня въ Саксонскую Швейцарію. Такова неизвѣстность будущности — что случится черезъ полгода, черезъ годъ, черезъ 10 лѣтъ, черезъ 20? Не знаю! не знаю! Всѣ стѣны въ Кушталь изписаны именами посѣщавшихъ сіе мѣсто. Въ серединѣ двухъ-главнаго орла написалъ Лавровъ свое имя. Проводникъ написалъ наверху орла и мое. Я написалъ и въ нишѣ свое имя, а поѣвши написалъ, что я и тутъ помнилъ о Сер[гѣѣ] и о Петр[ѣ] К[аверинѣ], чтобы они узнали это, еслии когда-нибудь придутъ туда. Въ 7-мъ часу я простился съ Кушталь и поѣхалъ назадъ въ Шандау. Съ горы спускались мы по другой дорогѣ,

потому что первая очень крута. Проходили по тѣмъ же мѣстамъ. Вечеръ, заходящее солнце придавали новыя прелести лѣсамъ, горамъ и утесамъ — чувства сердца неизъяснимы. Жители окружныхъ деревень иногда встрѣчались мнѣ. Между прочимъ разговорился я съ однимъ бѣднымъ мужикомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ Häusler, а не Bauer, т. е. имѣетъ только одинъ домъ и болѣе ничего и что работаетъ на другихъ; что за 60 связокъ сучьевъ получаетъ отъ Форстера 7 гр. Я далъ ему гроша съ два и сказалъ ему, что это знаю. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «wenig mit Liebe». Я далъ послѣ ему еще 4 гр. Его зовутъ *Mutze*. На дорогѣ становились иногда мальчишки, пасшіе стада, и дѣлали изъ кнута родъ шлахбаума передо мною, однако я проѣзжалъ *gratis*, даже иногда дѣвушки дѣлали заставу изъ лентъ. Въ 10-мъ часу пріѣхалъ я въ Шандау. Ночь была прекрасная. Луна сіяла. Я съѣлъ 3 яйца и порцію *grüne Salat* и легъ послѣ ужина на канапе. Родня хозяйина, молодой человекъ игралъ на арфѣ и пѣлъ, хотя и очень посредственно, но я слушалъ его. Въ 12 часу пошелъ спать въ одной комнатѣ съ Г. И., жителемъ Силезіи, кот[орого] тутъ звали Полякомъ.

Въ 6 часовъ утра простился я съ Шандау и поѣхалъ въ Пильницъ. Дорога, какъ намъ и напередъ сказали, немного сомнительна, но я поѣхалъ одинъ, послѣ того какъ мальчикъ проводилъ меня за городъ. Долго ѣхалъ я хорошо, спрашивая въ деревняхъ о дорогѣ. Но у Валтерсдорфа попалъ на несправедливую дорогу. Но тотчасъ же поѣхалъ назадъ и по справедливой дорогѣ въѣхалъ въ большой лѣсъ. Дорога вела на крутую гору по большимъ камнямъ, но лошадь моя шла очень хорошо. Долго ѣхалъ я подлѣ страшной пропасти, и видъ съ горы становился лучше, по мѣрѣ какъ я поднимался: я могъ видѣть *Königstein*, *Lilienstein*. Наконецъ дорога пошла ровная, но лѣсъ еще очень долго продолжался. Мнѣ не встрѣтилось ни одного человека. Часа черезъ два съ половиною пріѣхалъ я въ деревню Лобенъ (большая, хорошая деревня. Церковь новая и хороша) и, не останавливаясь, понулъ своего коня итти въ Пильницъ. Ѣхалъ долго и начиналъ уставать, какъ вдругъ неизвѣстность въ справедливости дороги дала мнѣ новую бодрость, а именно: я задумался и непримѣтно своротилъ съ настоящей дороги; хотя мнѣ и сказали, какъ можно попасть на справедливую, однако же я все еще не попадалъ; ѣхалъ долго рысью по лѣсу и узналъ отъ одного мужика, жавшаго хлѣбъ, что я ѣду хорошо. Тутъ я припустилъ вновь коня своего и, очутившись у алеи, ведущей въ Пильницъ, я укротилъ быстроту его. Онъ пошелъ слишкомъ тихимъ шагомъ. Проѣхавши алею, я подѣхалъ къ стоящему подлѣ трактиру и узналъ, что другаго нѣтъ. Слѣзши съ лошади, я вошелъ, сказалъ *guten Tag* и увидѣлъ, что вся компанія состоитъ изъ

лакѣвъ. Одинъ обѣдалъ со мною и говорилъ о Пильпицѣ. Обѣдъ былъ Portionsweise и хорошъ. Супъ крѣпокъ также, какъ и здѣсь. Странно, что я это нашелъ въ обѣдахъ Portionsweise и рѣдко въ другомъ. Послѣ обѣда въ часъ пошелъ я въ ту залу, гдѣ обѣдаетъ Король. Строеніе, въ кот[оромъ] она находится, называется Venustempel, не знаю почему. Я ничего тамъ не видалъ похожаго на храмъ Венеринъ — ничего не примѣтилъ даже. Черезъ нѣсколько минутъ явился Король съ своею супругою подъ руку — печатный Нѣмецъ, годный болѣе для табакерки, нежели для спеціесовъ. Обѣдъ повидному былъ очень скученъ. Король не говорилъ почти ни слова. Братъ его, Принцъ Антонъ, sah wahrscheinlich Witz gerissen, но судя по его фигурѣ нельзя получить хорошаго понятія о его лицахъ. Принцъ Махъ похожъ съ лица на Короля, а фигуροю на пастора Трефурта въ Геттингенѣ. Всѣ были одѣты, какъ наши Гофраты. Я не только что не позавидовалъ судьбѣ Короля, но отъ чистаго сердца пожалѣлъ о немъ. Простый гражданинъ можетъ хоть пріятно пообѣдать, но Король, какъ по всему видно, лишень и этого. За столомъ сидѣло 26 особъ — ни одного порядочнаго, хотя два, вѣроятно Польскіе Генерала, отличались отъ прочихъ. Лакѣвъ было много, всѣ старики, одѣты въ полу-бѣлыя, толстыя, старыя ливреп, въ синихъ штанахъ и проч. Не помню у кого-то въ Москвѣ ливрея точно такая. Во время обѣда играла музыка, кажется, необходимая при такихъ сбѣдахъ, иначе бы все казалось мертвымъ. Передъ Королемъ лежала толстая нотная книга, въ кот[орую] онъ иногда смотрѣлъ. Еще во время обѣда пошелъ сильный дождикъ. Оттуда пошелъ я въ трактиръ и въ 4 часа поѣхалъ въ Тарандтъ. У Пильница переѣзжалъ черезъ Эльбу на Королевскомъ паромѣ и видѣлъ дворець съ фасаду къ рѣкѣ. Видъ хорошъ. Эльба тутъ очень широка. Не останавливаясь, маленькимъ тротомъ доѣхалъ я до Дрездена; у городскихъ воротъ поворотилъ налѣво и поѣхалъ подлѣ городской стѣны. Обѣхалъ большую часть города. Любовался новыми для меня окружностями, алеями, садами и наконецъ, повернувъ налѣво, поѣхалъ въ В্লাуен, деревня, и оттуда поѣхалъ по берегу рѣчки ()¹⁾ въ Тарандтъ. Дорога идетъ почти все долиною. Окружности оной прекрасны и понравились мнѣ болѣе Саксонской Швейцаріи: въ сей послѣдней болѣе дикости, тамъ болѣе пріятнаго; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣтъ совсѣмъ скаль; по горамъ растетъ трава и лѣсокъ. Тамъ и сямъ встрѣчаются прекрасно обработанныя поля и луга. Дорога почти вся прекрасная, какъ Тверской булеваръ. Я ѣхалъ нескоро. Проѣзжая мимо Шосегауза, съ меня

1) Пропускъ въ рукописи.

хотѣли было взять 12 гр. за то, что я ѣхалъ по Fussessteig, но я оговзвался, что я пострапецъ, и Einnehmer съ учтивостию пропустилъ меня, взявъ только 1 гр. за шоссе. Въ Тарантъ пріѣхалъ я въ 8-мъ въ исходѣ. Съѣлъ тамъ двѣ половинны ципленка; шпансъ, къ моему сожалѣнію, былъ некрѣпокъ. Лошадь моя кушала овесь. — Въ Тарантъ заведено теперь училище для лѣсоводства, гдѣ обучается до 50 молодыхъ людей, по большей части изъ знатныхъ фамилій: это вѣроятно все Verunglückt-Studenten. Городокъ лежитъ между горами. Только 4 часа отъ Таранта отстоитъ Фрейбергъ. Въ $\frac{3}{4}$ 9-го часа я отправился изъ Таранта (тутъ есть и минеральныя воды) и поѣхалъ самую большую рысью моей лошади. Черезъ полчаса пилъ уже я пиво у трактира, кот[орый] отстоитъ часъ отъ Таранта. Продолжалъ путь столь же скоро. Мало-по-малу ночь сдѣлалась очень темною, начала блистать молнія, и наконецъ пошелъ спльный дожджикъ. Я завернулъ трубку въ другой платокъ, попукалъ лошадь и былъ совершенно равнодушень. Дожджикъ шелъ долго — я ѣхалъ и все рысью. Доѣхавъ до Блауена, мнѣ показали другую дорогу, большую, ведущую прямо къ Дрездену. Но старуха, толковавшая мнѣ объ этомъ, оставила меня въ недоумѣніи. Я поѣхалъ все рысью и наконецъ пріѣхалъ къ рѣкѣ, не зная куда вѣдетъ дорога. Услышавъ (человѣческой голось) и увидя въ ближнемъ домѣ огонь по ту сторону воды, я началъ кричать; кричалъ сильно и долго, и наконецъ кто-то пришелъ на голось мой и разтолковалъ порядочно дорогу. Я переѣхалъ черезъ рѣчку и пустился по дорогѣ; пріѣхалъ на одно мѣсто, съ кот[орого] шли дороги; я смѣкнулъ, гдѣ лежитъ Дрезденъ, и поѣхалъ по справедливой. Дожджикъ между тѣмъ началъ меня опять мочить, хотя и не такъ сильно. Наконецъ доѣхалъ я до города — ѣхалъ очень долго по величайшимъ алеямъ, кот[орыя] намѣрень посмотреть еще днемъ. Встрѣтилъ одного *Словака*, гов[орилъ] съ нимъ по Славянски, что походило на Польской. И въ Schlag 11 былъ уже у Почты, гдѣ я живу. До Почты шелъ подлѣ меня одинъ молодой барабанщикъ, съ кот[орымъ] я разговаривалъ; ему нравится служба, онъ получилъ при Ваграмѣ крестъ.

Какъ было пріятно лечь въ постелю, сдѣлавши около 60 верстъ верхомъ! Сегодня всталъ въ 10-мъ часу. Писалъ до $\frac{3}{4}$ 1 часа. Потомъ обѣдалъ и ѣлъ порцію супа, говядины и огурцовъ. Въ 4 часа пошелъ ходить по городу. Потомъ пошелъ въ Stückgiesserscher Garten для концерта, но концерта за дурною погодою не было. Съ этой стороны Дрезденъ всего болѣе кажется виденъ, потому что онъ стоитъ выше этого мѣста. На этой сторонѣ равнина очень далеко простирается; видно много прекрасныхъ загородныхъ домиковъ. Такія перемѣны въ мѣстоположеніяхъ около города очень хороши.

Не знаю города, кот[орого] бы окрѣжности были столь хороши. Не говорю о Воробьевыхъ горахъ. Пришедши домой, я спросилъ на Почтѣ о письмѣ и получилъ отъ брата записку (ничего не пишетъ — это меня немножко такъ сказать разгрустило) и вмѣстѣ паспортъ съ письмомъ отъ Яковлева. — Теперь иду ужинать.

6 Юля 1/8 часа утра. Все идетъ дожджикъ, начавшійся по словамъ лон-кучера, у котораго я нанялъ до Лейпцига, съ 12 часовъ. Я сей часъ всталъ. Хочу поутру сходить въ галерею. Вчера послѣ ужина написалъ по письму въ П.бургъ и Геттингенъ: оба очень скоро, въ особенности первое, хотя уже мѣста болѣе не было. Кучера нанялъ я за 4 $\frac{1}{2}$. Это 1-е—дешевле дилижанса, 2-е—я буду имѣть время осмотрѣть Мейсенъ.

Дожджикъ все еще продолжается. Я курю табакъ изъ трубки и пью кофе: не житѣе, а масленица. Я часто воображаю себѣ конецъ моего странствія: какъ должно тогда наскучить безпрестанное осматриваніе городовъ, но до того блаженнаго времени еще далеко. Еще успѣю прежде наскучиться дилижансомъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю Французскихъ дилижансовъ. Изъ Дрездена я выѣзжаю съ радостію: не смотря на то, что онъ мнѣ очень понравился, теперь осматривать мнѣ болѣе нечего; а одному въ такомъ городѣ, гдѣ публичныхъ увеселеній мало, жить скучно. Теперь хочу итти къ секр. Русск. Посольства, Шредеру, для визированія паспорта. Оттуда хочу я итти къ Гр. Марколини, чтобы взять билетъ для осмотрѣнія Мейсенской фабрики. Не знаю, когда удастся въ галерею, а неотмѣнно тамъ побывать хочется. Еще не видѣлъ Менгсова собранія статуй. Изъ всѣхъ моихъ дрезденскихъ странствій самое трудное предстоитъ мнѣ теперь — къ Шрöderу.

3 часа послѣ обѣда. Ходилъ къ Шрöderу, но не засталъ дома. Не знаю, куда такъ рано онъ вышелъ. Паспортъ оставлялъ у него и посылалъ послѣ за онымъ. Онъ велѣлъ сказать, что паспортъ хорошъ, сожалѣеть, что меня не увидитъ. Шмерцъ! кто ему не велитъ итти ко мнѣ? Оттуда пошелъ къ Графу Марколини для полученія билета, чтобы осмотрѣть фабрику въ Мейсенѣ. Получилъ оный въ Брюлевомъ дворцѣ. Поутру же былъ и въ галереѣ еще разъ. «Ночь» понравилась мнѣ болѣе, чѣмъ въ первый разъ. Теперь иду смотрѣть Менгсовъ кабинетъ. Говорятъ, что оный можно видѣть теперь даромъ.

1/2 8 часа. Погода теперь осенняя. Я ходилъ смотрѣть кабинетъ Менгсовъ. Взошелъ прямо туда. Придверникъ показалъ мнѣ инспектора. Сей послѣдній гов[орилъ] мнѣ, что мнѣ лучше притти въ другое время, ибо теперь кабинетъ отворенъ только для художниковъ, кои пользуются этою

выгодою только два раза въ недѣлю. Я отвѣчалъ ему, что я завтра ѣду — и онъ согласился; я пошелъ смотрѣть. Ничего особенно замѣчательнаго (для меня) не видалъ. Собраніе состоитъ изъ слитковъ съ древнихъ статуй. Оттуда пошелъ купить табакерку для П. П. Сокол[овича], а потомъ пошелъ на кладбище смотрѣть Todtentanz. Надобно было итти болѣе получаса. Пришелъ на кладбище, посмотрѣлъ на Todtentanz и подивился, что объ этомъ пишутъ, какъ о рѣдкости. Только двѣ гробницы замѣчательны. Приближаясь къ кладбищу, я началъ съ большимъ жаромъ говорить рѣчь, а возвращаясь оттуда пропѣлъ: буди имя Господне и прочее, и потомъ началъ говорить проповѣдь. Наконецъ я такъ разговорился, что готовъ былъ плакать, и еслибы я имѣлъ передъ собою православныхъ слушателей, то проповѣдь моя на нихъ вѣрно бы подѣйствовала. Дорогою сидѣлъ долго на алеѣ, потомъ на мосту. Ни одного почти хорошо одѣтаго не видалъ, ни одного молодца; вообще въ Дрезденѣ я ни того, ни другаго не вижу. Экипажей хорошихъ тоже. Вѣроятно le beau monde разбѣянъ теперь по загороднымъ домамъ. Нѣкоторыя улицы широки, дома вездѣ высоки.

Осенняя погода имѣетъ на меня обыкновенное дѣйствіе: располагаетъ къ задумчивости мрачной. Это хорошо, не не тогда, когда я совершенно одинъ. Пусть это дѣйствіе случится въ П.б., въ кругу друзей и родныхъ. Тогда готовъ задумываться, сидя у камина, въ тулупѣ, съ трубкою. Вчера за ужиномъ слышалъ я довольно для меня удивительный анекдотъ. Нѣкто, видя раззореніе домовъ въ Торгау для строенія крѣпости (по приказу Фр. Имп.), сказалъ, что это походить на раззореніе Вавилона, и за это сравненіе былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ и теперь (я слышалъ это вчера) находится. Я не предполагалъ такой строгости отъ здѣшняго Правительства.

Саксонцы, кажется, народъ добрый, по крайней мѣрѣ судя по ихъ учтивости, но ужъ за то изъ Нѣмцовъ Нѣмцы.

Всѣ годятся для табакерокъ въ полномъ смыслѣ. — Нынче я тоже былъ на парадѣ и подтвердился въ мнѣніи своемъ: ни за что бы не хотѣлъ командовать такою арміею.

7 Июля. Воскресеніе $\frac{1}{3}$ 9 часа утра. И сегодня погода дурная. Рано утромъ шель сильный дождикъ. Теперь мороситъ осенній, но я къ этому равнодушенъ. Мигъ нечего болѣе смотрѣть здѣсь. Сегодня иду опять въ церковь католицкую. Повечеру, единственно для препровожденія времени, хочется сходить въ театръ. Вчера послѣ ужина разговаривалъ въ низу до 10 часовъ.

Лейпцигъ. 10 Июля. Середа. Утро. Вчера въ 5 часовъ вечера пріѣхалъ я въ Лейпцигъ съ дрезденскимъ кучеромъ. Первая встрѣча состояла въ по-

хоронахъ хозяйна того трактира, гдѣ я жилъ и гдѣ живу теперь (Stadt-Berlin). Я оставилъ его здоровымъ, веселымъ. Судьба!

Въ воскресенье въ вечеру былъ я въ театрѣ; играли: d. Schwager-Schloss. Музыка очень хороша. Народу было много. — Хозяйка подала мнѣ щецъ, состоявшій въ 10 талерахъ за 8 дней: много, судя по издержкамъ, сдѣланнымъ мною. Дрезденъ оставилъ я съ удовольствіемъ. Въ Лейпцигъ сиѣшилъ, какъ будто въ Геттингенъ, но предчувствіе обмануло: П. П. ¹⁾ въ Наумбургѣ. Приѣхавши, я записался на почтѣ до Эрфурта. Потомъ пошелъ на алею. Встрѣтилъ Мантейфеля и Трейера, ходилъ съ ними въ Eisbude, потомъ ужиналъ вмѣстѣ съ ними: Мантейфель, какъ Русской, вездѣ платилъ одинъ и — пскудно.

Дорогою отъ Дрездена до Лейпцига вездѣ видны опустошенія, причиненныя дождемъ; часто изъ маленькихъ ручейковъ дѣлались пруды. Хлѣбъ претерпѣлъ кромѣ сего очень много отъ граду. Сѣна много сгнило. Слышалъ нѣсколько анекдотовъ, случившихся во время голоду лѣтъ за 6 въ Саксоніи. Я хотѣлъ узнать причину голода. Никто не зналъ ея; но утверждали, что урожай былъ очень хорошъ. Къ числу причинъ считали, что многіе богатые скупили большое количество хлѣба и не продавали его; что бѣдныя должны были продать прежде, а что богатые начали продавать его послѣ дорого. Пустое, думалъ я; видно и тутъ былъ famine organisée: organisirter Hungernot.

$$\begin{array}{r|l|l} 3 & 48 & 16 \\ \hline & 3 & 2 \\ \hline 18 & 3 \cdot 2 & \\ 18 & 6 & \end{array}$$

26 — — — Richtig! 26 получилъ я отъ Голландцевъ, заплативъ за вино въ Нахтгаузѣ.

15 *Юля* $\frac{1}{2}$ *12 часа ночи.* Я въ Франкфуртѣ. Живу въ Hotel de Paris. Изъ Лейпцига выѣхалъ я въ среду послѣ обѣда и приѣхалъ сюда въ воскресенье по вечеру. Проѣзжалъ и Вестфальскимъ Королевствомъ. Изъ Гершфельда повезъ насъ Вестфальскій почталіонъ въ Вестфальской курткѣ. Это платье казалось мнѣ очень знакомымъ и какъ будто своимъ. «И къ этому можно привыкнуть», написалъ я въ своей записной книжкѣ. Съ начала имѣлъ я довольно спутниковъ и частію веселыхъ. Въ Ауруштетѣ пилъ я Glühenden Wein, кот. сдѣлала для насъ добрая Мамзель, наша спутница. Но отъ

1) Соколовичъ?

этого вина сдѣлался у меня поносъ. Зло сіе прогналъ я моимъ обыкновеннымъ лѣкарствомъ: въ Эрфуртѣ напился крѣпкаго чаю съ краснымъ виномъ, и все прошло. Тутъ нашелъ я въ трактирѣ Профессора, кот[орый] сказывалъ мнѣ, что онъ былъ 15 лѣтъ въ П.бургѣ Профессоромъ въ Кадетскомъ Корпусѣ. Онъ разпространился со мной объ учености: пустой Нѣмецкій педантъ, каковы всѣ такіе полу или четверть ученые. Разсуждалъ о Montesquieu. Говорилъ, что обыкновенное Treiben der Wissenschaften никуда не годится, что онъ изобрѣлъ другой планъ и проч. и проч. Въ Эрфуртѣ былъ уже я нѣсколько слабъ; подѣвжжая къ Фран[к]фурту, болѣзнь моя усилилась, и нынче поутру былъ я не на шутку боленъ. Но не знаю, какимъ образомъ, пообѣдавши сегодня у Бетмана, я чувствовалъ себя вновь совершенно здоровымъ. Вино было хорошо, и я выпилъ почти бутылку. Вѣроятно сему напитку обязанъ я изцѣленіемъ: общаюсь и въ передъ также лѣчусь.

Въ Эрфуртѣ видѣлъ я Штромберга. Обрадовался ему очень — таковъ Геттингенъ! Штромбергъ все тотъ же: добръ, умѣе ни на каплю. Въ Готѣ ночевалъ въ одной комнатѣ съ однимъ изъ спутниковъ Г. Серфи, вѣроятно Израильскаго поколѣнія: въ паспортѣ его стояло, что онъ Pferdändler; онъ гов[орилъ], что служилъ у Французовъ въ Etat Major, былъ, если не ошибаюсь я или онъ, секретаремъ у Ген. St. Heller. Повечеру сказали намъ что дилижансъ уходитъ въ 10 часовъ утра, но вмѣсто того поѣхалъ въ 8, и потому я успѣлъ только *дойти до* парка, находящагося при дворцѣ. Другой товарищъ, Полякъ, называвшій себя безпрестанно Edelmann, спалъ въ низу на соломѣ. Дворянство! Приѣхавши въ Eisenach, я тотчасъ пошелъ съ однимъ изъ пассажировъ на Wartburg, взявши съ собою проводницу. Тутъ хозяинъ далъ намъ кислаго пива. Принесли въ горницу два кувшина, онъ наполнилъ изъ одного большой стаканъ. Я думалъ для насъ, но онъ думалъ иначе: взявши стаканъ въ руки, онъ сталъ, какъ флигельманъ, передъ нами и опорожнилъ его ganz komode. Я почелъ это съ начала неучтивостію, но, отвѣдавши пиво, отгадалъ причину его поступка. Онъ хотѣлъ показать намъ, что пиво его еще trinkbar. Супруга его повела насъ показывать замокъ: тутъ видѣли мы комнату, въ кот[орой] содержался Лютеръ. Проводница показала намъ пятно, происшедшее отъ чернилицы, кот[орую] Лютеръ бросилъ въ чорта. Потомъ показывала она намъ нѣсколько рыцарскихъ латъ, портретовъ и проч. Она говорила тономъ, свойственнымъ всѣмъ проводникамъ, и была увѣрена въ своемъ краспорѣчии. Оттуда сошли мы на большую дорогу; дожидались дилижанса у дверей богадѣльны. Погода была скверная; шелъ осенній дождикъ. Я удивился множеству имянъ, кот[орыми]

исписаны всѣ стѣны въ Вартбургѣ, но вспомнилъ о Лютерѣ и о лютеранахъ, и удивленіе мое кончилось. Conducteur ѣхалъ отъ Эйзенаха до Фран[к]фурта, молодой противъ обыкновенія. Онъ зависитъ отъ Принца v. Tour und Taxis. Дорогою видѣлъ я съ начала вездѣ бѣдность, въ особенности въ Вест[фальскомъ] Королевствѣ; она примѣтна даже на лошадахъ и постилонахъ. Подъѣзжая къ Фран[к]фурту, въ Дармштатскомъ Герцогствѣ, деревни становились лучше. Въ одной изъ оныхъ, недалеко отъ Франкфурта существуетъ болѣе 20 трактировъ (для фурмановъ); въ воскресенье были всѣ одѣты порядочно. Въ Фридбергѣ обѣдалъ и заплатилъ дорого — съ Conducteur не берутъ денегъ. Я ѣхалъ одинъ, и щетъ былъ сдѣланъ для меня и одного за все. До Франкфурта ѣхалъ я на однихъ лошадахъ 11 часовъ. Можно себѣ представить — нѣтъ, нельзя представить всей скуки, неразлучной съ таковою ѣздою. Абрикозы ѣлъ дорогою за дешевую цѣну: 3 für Kreuzer.

Приѣхавши сюда, я пошелъ съ наемнымъ лакѣемъ въ *Шпендеваль*, садъ на Мейнѣ. Видъ на рѣку хорошъ. Народу было много въ саду; это было въ воскресенье. Я ужиналъ такъ: ѣлъ гуся и пилъ вино и послѣ курилъ трубку, смотря на тихій Мейнъ — не Донъ. Мечтать я совсѣмъ не былъ разположенъ: отъ дороги усталъ и чувствовалъ слабость, къ тому же порѣзалъ палецъ: изцѣлилъ табакомъ. Оттуда пошелъ одинъ домой и прямо легъ спать, согрѣша предъ сей книгою, не записавши въ ней ничего. Сегодня поутру я былъ очень слабъ, чувствовалъ большую жажду: пилъ холодную воду, кофе, молоко, и этотъ меланжъ произвелъ нѣкоторую боль въ желудкѣ, такъ что въ 10-мъ часу я насилу пошелъ къ Бетману. Этого богача нашель я въ его конторѣ: онъ принялъ меня хорошо. Предложилъ размѣнять деньги: Наполеондоры хотѣлъ онъ мнѣ дать такъ, чтобы за каждый я заплатилъ ему Фридрихсдоръ и 24 крейцера, пригласилъ меня обѣдать и далъ билетъ въ Казину. Отъ него пошелъ я къ Вехслеру и получилъ за каждый Фридр.-доръ (выключая 7, also за 62) Нап.-доръ и два крейцера. Бетманъ дорого хотѣлъ съ меня взять за обѣдъ. Оттуда пошелъ къ Domkirche, гдѣ короновались Императоры: ничего любопытнаго. Одна картина, по словамъ проводника, рисована Рубенсомъ. Пришедши домой, я отдохнулъ, скинулъ съ себя саблю и пошелъ въ Казину. Тутъ читалъ Гамбургскія газеты, d. Grille, журналъ, издаваемый Коцебу—и тутъ нашель вицы противъ Французовъ—и *Russland unter Alexander I*, изд. Шторхомъ. Въ часъ пришелъ Бетманъ, и я поѣхалъ съ нимъ въ его садъ. Тутъ нашель я старуху, его мать, учтивую даму, и жену его, посредственную собою, велъ ее за столъ, пропустивши старуху: Бетманъ уступилъ мнѣ жену свою. Съ нами обѣдалъ лѣкарь, надъ кот[орымъ] Бетманъ иногда шутилъ, почти какъ

надъ домовымъ дуракомъ. Это мнѣ не понравилось. Послѣ супу и говядины подавали дыню: «что городъ, то норовъ». Потомъ принесли на столъ какое-то зажареное, похожее на кошку, скверное съ виду. Когда стали оное рѣзать, то во всей комнатѣ завоняло. Я отвѣдалъ: во рту вони не чувствовалъ. Это, какъ было видно, было *délicatesse*. Послѣ обѣда возвратился въ городъ съ Бетманомъ. Сидѣлъ въ низу въ своемъ трактирѣ и въ 7 часу поѣхалъ по Майну съ двумя Голландцами, живущими въ этомъ же трактирѣ, въ Обератъ, деревня $\frac{1}{2}$ часа отъ города. Тутъ праздникъ, продолжается недѣлю. Во всѣхъ трактирахъ (а оныхъ тутъ много) гремѣла или, лучше сказать, скрипѣла музыка; мы взошли въ главный: садъ былъ наполненъ народомъ. Послѣ ужина смотрѣли на фейерверкъ. Возвратившись въ городъ, пошли съ проводникомъ нашимъ въ *Nachthaus*. Прощаясь съ ласковою (болѣе нежели ласковою) дѣвушкою, которая отпирала намъ ворота и угощала въ горницѣ, я сказалъ ей, чтобы она дала *ein Kuss* нашему лакѣю: она исполнила это. Одинъ изъ...¹⁾ имѣлъ то же щастіе. Дѣло бы дошло и до меня, но я предупредилъ ее учтивость, сказавъ: *nein, geben Sie keinen Kuss*. Другой, Голландецъ, продолжалъ: *Mir auch*. Мы много этому смѣялись и по темнымъ улицамъ дошли домой.

Бетмановъ обѣдъ меня изцѣлилъ. Чувствую поутру необыкновенную слабость и ознобъ. Я ожидалъ Гейдельберга съ нетерпѣніемъ, надѣясь тамъ отдохнуть. Но теперь здоровъ, однакожъ ѣду въ Гейдельбергъ.

Голландцы въ пятницу еще были въ Геттингенѣ — при этой мысли я что-то неизяснимое чувствовалъ, и мнѣ было грустно. Если я на минуту и перестаю думать о Геттингенѣ, то съ новымъ воспоминаніемъ желаніе видѣть это незабвенное для меня мѣсто дѣлается сильнѣе, и чувство это такъ сильно, что я желаю, желаю того, чего вѣроятно—вѣроятно—ахъ, нѣтъ! я долженъ еще разъ видѣть Геттингенъ! Когда бы на одну минуту побывать тамъ теперь и видѣть Сергѣя и Каверина! Сонъ и все проходитъ при этой мысли. Геттингенъ, Геттингенъ! Я самъ не знаю, что я чувствую при семъ имени.

Франкфуртъ мнѣ нравится. Есть улицы прекрасныя. Нѣкоторые дома очень хороши, и такихъ въ Германіи, кромѣ Берлина, нигдѣ не видывалъ. Есть зато и много скверныхъ, грязныхъ, темныхъ, узкихъ улицъ. Я живу на *Paradeplatz*. Вижу, какъ учатъ рекрутъ. Не смотря на то, что съ ними обращаются хорошо (непримѣтно даже, чтобы ихъ бранили), бѣдные рекруты похожи болѣе на скотовъ, нежели на людей: такой родъ

1) Здѣсь очевидно пропускъ.

жизни может притупить всё способности и ослабить всё высокія чувства. Жарко очень.

$\frac{3}{4}$ 11 часа ночи. Среда. Сегодня былъ совершенно здоровъ. Поносъ немного безпокоилъ: вѣроятно отъ плодовъ. По утру былъ я въ банѣ: въмылся прекрасно. Оттуда пошелъ въ экспедицію офенбахскаго дилижанса и отправился въ ономъ въ Офенбахъ. Дилижансъ этотъ былъ подлинно родъ кареты или и въ самомъ дѣлѣ карета. Сопутники мои состояли изъ трехъ дамъ и одного Итальянца. Сей послѣдній служилъ подъ командою Романы во время побѣга сего послѣдняго изъ Германіи. Человѣкъ очень учтивый и знающій хорошо обращеніе. Какъ пріятно встрѣтить такого человѣка, и какъ они рѣдки въ дилижансахъ, гдѣ другой beau monde, другіе добрыя моды. Офенбахъ удивилъ меня своими домами. Я ничего не видалъ, кромѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ и дѣлаемыхъ каретъ. Въ три часа я былъ уже опять въ Франкфургѣ. Ълъ мороженое, ходилъ за Karlsthor, мимо дома, въ кот[оромъ] живетъ обыкновенно Ерцгерцогъ. Гулянье около города прекрасно. При вступленіи на оное я увидѣлъ объявленіе, гдѣ стояло: Man bittet... nicht zu gehen и пр. Вѣрно слово bittet имѣетъ большее вліяніе, нежели всё штрафы. Въ 6 часовъ пошелъ я въ театръ, заплативъ за партеръ 48 крейцеровъ по здѣшнему, т. е. 40. Строеніе плохо. Освѣщеніе тоже. Народу было мало. Ложи были почти всё пусты. Играли d[ie] Spieler. Hardy, игравшій главную роль, тронулъ меня своею игрою: онъ играетъ съ чувствомъ, съ выраженіемъ въ словахъ, жестахъ и лицѣ; я не могъ удержать слезъ. Оттуда пошелъ съ Голландцами на Promenade, родъ булеvara, а оттуда я домой. Тутъ подали мнѣ артишоку, кот[орую] я съѣлъ съ аппетитомъ. Лишь только я подвинулъ къ себѣ курицу, то хозяинъ пришелъ въ комнату съ мышью или двумя въ мѣшкѣ. Общество начало разсуждать объ умерщвленіи сихъ животныхъ. Я все еще порядочно не понималъ, но наконецъ одинъ изъ гостей положилъ мѣшокъ на полъ и топнулъ по немъ ногою. Я сказалъ, чтобы это вынесли вонъ, и они послушались. Гость послѣ возвратился съ триумфомъ, увѣряя, auf Ehre, что въ мѣшкѣ было двѣ мыши. Хозяинъ, желая быть учтивымъ, гов[орилъ], что это непріятно для того, кто ужинаетъ. Я отвѣчалъ ему, что я вообще не вижу ничего пріятнаго въ занятіи битъ мышей. Я велѣлъ лонъ-лакею внести воду и вино на верхъ. Заплатилъ ему 2 гульдена, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. Уложилъ все въ чемоданъ и теперь дожидаюсь щета.

Завтра въ 4 часа утра ѣду въ Гейдельбергъ.

Среда. 11 часовъ вечера. Гейдельбергъ. Въ 10 часовъ пріѣхалъ я сюда. Въ трактирѣ нашелъ Бернера, Башвица, Бюло; болталъ съ ними и ужиналъ.

Сегодня въ 5 часовъ выѣхалъ я изъ Франкфурта. Погода была прекрасная. Я до самаго обѣда негодовалъ на поносъ свой. Въ Дармштатѣ (въ предмѣстїи—прекрасные дома) пилъ чай крѣпкій и наполнилъ свою фляжку краснымъ виномъ. Съ Дармштата начинается т[акъ] и[звѣщаемая] Bergstrasse: по лѣвую сторону все виноградныя горы, по правую прекрасныя поля, засѣянныя хлѣбомъ и очень много табакомъ. Сїе растѣніе занимаетъ въ здѣшней странѣ цѣлыя поля. Въ Геппенгеймѣ обѣдали. Я поѣлъ, пилъ красное вино, и болѣзнь уменшилась. Недалеко отъ Геппенгейма кучеръ показывалъ намъ то мѣсто, гдѣ былъ убитъ Швейцарскій купецъ, возвращавшійся съ Франкфуртской Ярмонки.

Вино здѣсь въ большемъ изобилїи; даже простой народъ много употребляетъ его. Селенїя, въ особенности города встрѣчаются очень часто. Послѣдніе изрядны. Первые плохи. По обѣимъ сторонамъ дороги растутъ прекрасныя орѣховыя деревья, множество и другихъ плодовыхъ деревьевъ; въ садахъ много абрикосовъ. Я по сїю пору не видалъ лучшей земли въ Германїи. Сердечно радовался, воображая, что мужики должны жить хорошо. Радовался, когда кучеръ нашъ говорилъ, что онъ лучше живетъ, нежели d. Швабенъ-Кönig (Вирт[ембергскій]). Я сдѣлалъ важное замѣчаніе. Изъ Франкфурта поѣхали мы съ однимъ кучеромъ, кот[орый] далъ коляску другому¹⁾. И тотъ и другой пѣли, въ особенности послѣдній, когда я возвращался изъ Швецингена. Не происходитъ ли это, думалъ я, отъ хорошей жизни? Другой причины не знаю: они живутъ хорошо. Въ Россїи всѣ поютъ.

Въ 8 часовъ прїѣхали мы въ Швецингенъ по проселочной дорогѣ. Тутъ оставилъ я своихъ спутниковъ и доѣхалъ сюда одинъ. Погода была прекрасная. Я курилъ трубку и бесѣдовалъ самъ съ собою.

Прїѣхавши въ Швецингенъ, мнѣ тотчасъ дали проводника, и я пошелъ смотрѣть садъ. Никакой садъ мнѣ такъ не понравился, какъ этотъ. Видъ (перспективный) изъ саду на обѣ стороны прекрасный и имѣетъ предѣломъ только способность видѣть. Храмъ Минервы, Аполлона изрядны. Турецкая мечеть прекрасна. Алей славныя. Садъ имѣетъ въ окружности 1 часъ. Швецингенъ деревня. Тутъ обыкновенно живетъ Герцогиня. Valnhaus и оранжерея прекрасны.

Въ трактирѣ видѣлъ собаку, кот[орую] звали Соколомъ. Я насилу могъ понять это слово въ устахъ Башвица. Хозяинъ сказалъ: . . . und er gehört einem Russen, nehmlich mir²⁾.

1) Въ рукописи: другомъ. 2) Далѣе зачеркнуто: «зѣ. Суббота. Гейдельбергъ. Въ среду въ 10 часовъ вечера прїѣхалъ я сюда. Изъ Франкфурта выѣхалъ я въ среду въ 5 часовъ. Дорогою поносъ беспокоилъ меня. Съ Дармштата»...

20. *Суббота.* На другой день моего приѣзда я пошелъ къ Курляндцамъ. Они мнѣ были рады. Я самъ этому радовался и вмѣстѣ радъ былъ ихъ видѣть. Большой Торнау очень боленъ. Сердечно жаль его. Онъ бѣдный плакалъ при первомъ нашемъ свиданіи. Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ А. И. Галичъ. Съ нимъ пошелъ я въ Einheim. Туда пришли и Курляндцы. Я познакомился съ тремя Корфами: любезныя и воспитанныя ребята. Одинъ изъ нихъ долженъ стрѣляться съ Коленомъ, Лифляндцемъ. Вчера въ вечеру были въ замкѣ. Прекрасное, неподобное мѣсто. Виды есть божественныя за Рейнъ. Видѣлъ Рейнъ, видѣлъ тамъ большую бочку, кот[орая] мнѣ показалась болѣе Кѳнигштейнскаго чана. Съ мосту видъ неподобный: видны d[ie] Wogesen. Ужиналъ и вчера въ трактирѣ, гдѣ живетъ Шмеллингъ. Для студентовъ здѣсь теперь жить очень строго: мало буршенъ-фрегейтъ. Я живу весело здѣсь съ Курляндцами. Торнау меньшей сдѣлался прехорошимъ малымъ. Живу у Штендера, кот[орый] мнѣ вчера подарилъ трубку.

Понедѣльникъ. Утро. Я все еще наслаждаюсь беззаботною жизнію. Третьяго дня въ 4 часа послѣ обѣда пошли мы въ Neckargemünden, городокъ 1½ часа отъ Гейд[ельберга]. Въ 6 часовъ мы были тамъ. Дорога была прекрасная, все по берегу Неккара. Тотчасъ принялись мы утолять жажду: вино, d. Weinchen schmeckt gut, говорили мы другъ другу. Ъли мясо и продолжали пить. Какъ начало смеркаться, мы сѣли въ лодку и отправились въ Г. внизъ по Неккару. Тутъ-то началась настоящая веселая прогулка. Штендеръ и я запаслись винцомъ; начали пѣть Burschen-Lieder и опустошать бутылки. Запасъ истощился—ночь наступила; валы били сильно, молнія повторялась въ волнахъ Некера. Мы пристали къ берегу, и Штендеръ пошелъ въ Ziegelhausen за новымъ запасомъ. Мы отправились далѣе; продолжали пить и пѣть; разговаривали о пріятностяхъ студенческой жизни. Нѣкоторые чувствовали уже дурное дѣйствіе вина, всѣ чувствовали хорошее онаго. Въ весельи пристали мы къ берегу и пошли до городскихъ воротъ пѣшкомъ. Тутъ неустрашимые стражи приложили на насъ ружья и требовали Sperr-geld—ружья оттолкнуты, они изруганы—я заплатилъ. Вчера повечеру были мы опять въ замкѣ. Я снова восхищался видами зарейнскими.

На верху старинной башни играла музыка, въ саду гуляли люди обоюго пола. — Оттуда мы пошли въ Stern ужинать, а послѣ спать.

Сегодня нездоровъ.

Стразбургъ.

Среда. 1/2 9-го часа вечера.

Вчера въ 6 часовъ утра выѣхалъ я изъ Гейдельберга. Я не воображалъ

себѣ прежде того сожалѣнія, съ кот[орымъ] я оставилъ сіе мѣсто. Я провѣлъ тамъ нѣсколько дней съ большимъ удовольствіемъ и, что для меня всего пріятнѣе, съ совершенною простотою, какъ въ обхожденіи съ пріятелями, такъ и во всемъ; а безъ сей простоты всѣ удовольствія припужденны и теряютъ свою цѣну: душевная простота неразлучна съ душевными удовольствіями. Люди обыкновенно ищутъ ихъ въ кругу едва знакомыхъ лицъ, но что они находятъ? Удовольствія — но какія? Сердечныя ли? — Ахъ нѣтъ — они находятъ только одну учтивость, кот[орую] каждый долженъ оказывать незнакомому. Во время возвращенія нашего изъ Неккаръ-Емпидена я подлинно чувствовалъ удовольствіе внутри себя. Простота, непринужденность во всемъ дѣлала сіе удовольствіе истиннымъ. Я позабылъ внести сюда слова, сочиненныя мною и Штендеромъ въ то время, когда вино наше изтощилось, и когда мы желали вытти на берегъ за новымъ запасомъ. Видя на берегу огонь, мы пѣли:

Dies Wein
Wir wollen sausen,
Wir wollen lustig seyn.

Третій стихъ принадлежитъ совершенно Штендеру, слѣдвшему какъ будто на корму съ бутылкою и стаканомъ въ рукахъ. На канунъ дня моего отъѣзда мы ходили на Philosophen-Gang, по горѣ на берегу Неккера. Виды оттуда славныя. Съ горы спустились мы у Нейгейма. Тутъ пили пиво, нѣкоторые ѣли хлѣбъ съ масломъ, а потомъ возвратились въ городъ, нѣкоторые черезъ мостъ, нѣкоторые въ лодкѣ. Я ходилъ съ Штендеромъ въ двѣ лавки, дабы купить табакъ и мѣшокъ для онаго: я потерялъ первый въ лодкѣ, въ кот[орой] ѣхали изъ Неккаръ-Емпидена. Оттуда пошелъ къ старшему Турнау и простился съ нимъ. Меня удивляетъ, какъ мы другъ къ другу привыкли. Я оставилъ его очень слабымъ. Какая-то баба сказала Шмеллигу, что она слышала отъ лѣкаря, что Турнау долженъ умереть — это, кажется, очевидный вздоръ. Отъ него пошелъ я въ Звѣзду ужинать. Тутъ болтали мы почти до 12 часовъ и по большей части о привилегіяхъ ѣздить въ 2—4 и т. д. лошади. Корфу предложилъ я выпить со мною. Штендеръ замѣтилъ, что ему давно уже этого хотѣлъ (sic), но что яко брандъ-фуксъ онъ не могъ предложить этого старому буршу. Я простился со всѣми. Чувствовалъ нѣкоторую необыкновенную печаль, воображая трудность свиданія съ тѣми, съ коими я прощался. Пошелъ домой. Уложилъ все въ чемоданъ. Штендеръ между тѣмъ лежалъ въ одной рубашкѣ на канане. Простился съ Урбаномъ — они ушли. Я легъ спать. Въ 6 часовъ утра напился кофе. Простился съ Штендеромъ и пошелъ

на почту. Въ дилижансѣ удалось мнѣ не сидѣть, а вмѣсто того на кондукторовомъ мѣстѣ. Тутъ я сидѣлъ на чистомъ воздухѣ и одинъ. Могъ думать на свободѣ—думалъ и былъ задумчивъ. Постиміонъ ѣхалъ очень хорошо и развлекалъ меня своею музыкою: онъ свисталъ въ листокъ съ орѣховаго дерева. Тутъ-то думалъ я о возвращеніи изъ Неккареминдена: человекъ живеть воспоминаніями и надеждою: я жилъ тогда наслажденіемъ. Человекъ, думалъ я, идетъ по стезѣ жизни. Оглядываясь иногда назадъ, онъ видитъ прекрасныя долины, но часто и страшныя пропасти, черезъ кот[орыя] онъ проходилъ: впереди онъ видитъ только пріятныя сады и рощи. Въ 7 часовъ вечера мы были въ Carlsruhe. Обѣдали дурно въ Брухсгалѣ, довольно пространній, но, какъ по всему видно, бѣдный городъ. Отъ Дурлаха до Carlsruhe ведетъ прекрасная тополевая алея. Деревья образуютъ высокую, ровную стѣну по обѣимъ сторонамъ, укрывающую путешественниковъ отъ лучей солнечныхъ.

Карlsru мнѣ не понравился. Новый городъ (построенъ, какъ я слышалъ за 112 лѣтъ), улицы широки, прямы, но дома очень посредственные; есть однакожь и большіе, но не на главной улицѣ. Карlsru построенъ, какъ вѣеръ: съ каждой улицы можно видѣть дворецъ, большое строеніе, болѣе ничего нельзя сказать. Изъ Карlsru я поѣхалъ опять на мѣстѣ кондуктора. Вечеръ былъ прекрасный; съ начала мы ѣхали небольшою дорогою, лѣскомъ: эти дороги мнѣ всего болѣе нравятся. Станція продолжалась только 2 часа. На этой станціи мнѣ надобно было сѣсть въ карету: было довольно тѣсно и очень тихо. Такимъ образомъ, въ сопровожденіи двухъ гусаровъ, прибыли мы въ Растатъ. Тутъ дали мнѣ комнату и постелю: съ какимъ удовольствіемъ занялъ я сію послѣднюю. Дилижансѣ поѣхалъ далѣе. Я забылъ въ сумкѣ свою фляжку. Въ два часа ночи легъ я въ постелю: въ $\frac{1}{2}$ 6 часа, сказали мнѣ, ѣдетъ въ Баденъ Briefpost, съ кот[орымъ] я хотѣлъ отправиться. Отъ того я спалъ безпокойно, думая о томъ, чтобы не проспять. Всталъ въ 6 часу. Почта поѣхала въ седьмомъ. Въ маленькой тележкѣ, парою, доѣхалъ я рысью въ Баденъ. Съ начала наслаждался природою, потомъ спалъ. Баденъ нашель гораздо худшимъ, нежели воображалъ. Дурной городишка, построенный на горкахъ. Видѣлъ теплый колодезь, пилъ изъ него воду. Проводница говорила мнѣ, что вода во рту не жжетъ и даже не горяча, между тѣмъ какъ держать оную въ стаканѣ было очень горячо. Я кажется и самъ замѣтилъ это. Подлѣ колодца въ маленькой бесѣдкѣ находится нѣсколько памятниковъ древнихъ Римлянъ, найденныхъ въ Баденѣ. Видѣлъ алею, гдѣ прогуливаются. Въ Баденъ ѣздятъ обыкновенно для купанья: вода проведена въ самые трактиры и дома, гдѣ купаются. Баденскую теплую воду, сколько я узналъ, пьютъ очень мало; холодной совсѣмъ нѣтъ. Мнѣ

хотѣлось бы остаться въ Баденѣ до завтраго, но тамъ былъ одинъ только Стразбургскій кучерь, кот[орый] ѣхалъ въ 11 часовъ. Съ нимъ доѣхалъ я до Стразбурга за 6 ливровъ. Отъ Бадена до Стразбурга 11 или 12 часовъ. Дорогою мы останавливались два раза, въ Штольгофенѣ были и другіе пассажиры: все старикки да старухи. Я ѣхалъ вмѣстѣ съ двумя нездоровыми дамами. Я уступалъ имъ мѣсто, не курилъ для нихъ. Удостоверившись, что онѣ Жидовки, снисхожденіе мое пресѣклось. Я сѣлъ какъ надобно и курилъ табакъ: все было еще лучше прежняго. Дорогою я много спалъ. Городовъ и деревень проѣзжали мы гораздо менѣе, нежели сколько передъ Гейдельбергомъ. Плодородія здѣсь я тоже того не замѣтилъ, каковое тамъ видѣлъ: не видалъ ни винограду, ни другихъ плодовъ. За часъ до Стразбурга, въ Келѣ, насъ почти осматривали; у Стразбурга разпрашивали у меня, кто я и проч. Въ Келѣ я прочелъ надпись: Douane Impériale est. Съ этой стороны новое Фр. правит[ельство] мнѣ показалось стоящимъ почтенія. Мостъ черезъ Рейнъ очень великъ. Рейнъ здѣсь очень широкъ, но есть мѣли. Проѣхавши черезъ мостъ, я былъ уже за Рейномъ. Невольно сердце сказало мнѣ, что я почти совсѣмъ простился съ Германією; я почувствовалъ что-то печальное: скоро, скоро, думалъ я, прощусь я съ Германією и увижу ее на одномъ краю; но этихъ Нѣмцевъ, кот[орыхъ] зналъ, болѣе не увижу — печальная мысль: Геттингенъ! Теперь хочу лечь спать.

Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я Французскаго мужика. Къ несчастію Германіи тамъ такъ можно привыкнуть къ Французамъ, что таковыя встрѣчи не удивляютъ.

Нанси. Пятница. 26 Июля. 7 часовъ вечера. Въ Стразбургѣ я пробылъ очень недолго. Дилижансъ въ Парижъ отходилъ на другой день, т. е. въ четвергъ въ 12 часовъ утра. Естьлибы я не поѣхалъ съ этимъ, то мнѣ должно бы было дожидаться до субботы. Я не хотѣлъ жить такъ долго въ Стразбургѣ; рѣшился ѣхать и не сожалѣю объ этомъ. Въ трактирѣ я заплатилъ только за постой, за полкурицы и за $\frac{1}{2}$ бѹт. вина 5 фр. и 6 су. Вотъ что называется *gerpell*.

Въ 8 часовъ утра я пошелъ въ Префектуру. Меня адресовали къ Комиссару полиціи. Тамъ дали мнѣ новый паспортъ и взяли мой старыи, т. е. Кассельскій. Оттуда пошелъ на почту и заплатилъ 72 фр. до Парижа. Послѣ того ходилъ въ Münster. Церковь эта мнѣ очень понравилась; жаль только, что стоитъ въ тѣсномъ мѣстѣ. Въ Стразбургѣ не видалъ хорошихъ улицъ; мало хорошихъ домовъ. Дворецъ хорошъ. Въ 7 часовъ пріѣхали мы въ Пфальцбургъ и ужинали тутъ. Дорогою все казалось мнѣ жалкимъ, бѣднымъ, раззореннымъ. Совсѣмъ не видно того благосостоянія, того плодородія, изо-

билія въ плодахъ, каковыя вѣздѣ встрѣчаются на бергштрасѣ. Города, кот[орые] мы проѣзжали, казались мнѣ пусты. [Изъ] сего я еще болѣе утвердился въ моемъ мнѣніи. Въ особенности печальнымъ показался мнѣ Luneville; Нанси тоже, кажется, какъ будто вчера только оставилъ городъ непріятель, ограбивъ жителей и проч. Въ молодыхъ людяхъ здѣсь въ городѣ я подлинно замѣчаю недостатокъ. Веселыхъ лицъ совсѣмъ не видно. Я не помню въ Германіи столь печальныхъ городовъ; а это Французы, веселые Французы! Трудно сердцу стѣсняться при видѣ всего этого. Когда будетъ цвѣсти Франція, когда Германія! Посмотрѣлъ бы на нихъ въ ихъ цвѣтущемъ состояніи, въ особенности на Германію.

Въ Пфальцбургѣ гости не были довольны ужиномъ. Одинъ изъ нихъ, коего отвратительное лицо ясно показывало Израильское его происхожденіе, началъ шумѣть и бранить хозяина. Сей послѣдній взошелъ въ комнату и поздравилъ Жиду съ титуломъ *bavard*. Жидъ говорилъ, что онъ Французской офицеръ. Ничто не помогло; споръ продолжался, кончился. Сцена перемѣнилась: вошла толстая хозяйка для собиранія денегъ за ужинъ. Жидъ избралъ брюхо ея предметомъ своихъ насмѣшекъ; но нескромная хозяйка показала, что она съ честью можетъ занимать не послѣднее мѣсто между тѣми существами прекраснаго пола, кои въ Парижѣ торгуютъ рыбою. Послѣ этого Жидъ потребовалъ бутылку и подчивалъ онымъ всѣхъ насъ. Когда же хозяинъ требовалъ заплаты, то Жидъ объявилъ ему, что это должно почитать десертномъ, ибо десертъ былъ за столомъ очень дурень. Хозяинъ не соглашался съ его мнѣніемъ, и они, послѣ непріятныхъ разговоровъ, сѣпились. Толстая невинность сѣпила на помощь своему толстому супругу; дѣти ихъ прыгали. Наконецъ ихъ розняли. Жидъ не хотѣлъ платить, хозяинъ хотѣлъ взять деньги съ тѣхъ, коимъ онъ подливалъ. *Conducteur* насъ позвалъ; мы поѣхали—и ничего не заплатили. Жидъ, я думаю, и его товарищи сѣдѣли тоже, хотя одинъ изъ сихъ послѣднихъ и былъ готовъ къ платѣ. Вотъ *aventure*, думалъ я. Въ первой разъ ужиналъ съ Французами, съ этими учтивыми Французами. Ужинъ былъ порядочный, но не стоилъ 3 фр. и 10 су, кот[орые] мы за него заплатили. Десертъ: абрикосы и груши были скверныя, вино порядочное и почти *à discretion*. Сегодня въ Люневилѣ мы завтракали: завтракъ былъ хорошъ. Вино хорошо и сколько душѣ угодно. Фруктовъ было довольно. Я сѣлъ почти цѣлую дыню одинъ. Заплатилъ 3 фр[анка]. Въ два часа пріѣхали мы сюда и должны здѣсь ночевать: дурное учрежденіе. Ночь ѣхали, а день стоимъ. Завтра въ 4 часа продолжаемъ путь свой. Пріѣхавши, я легъ спать. Въ 6 часу пошелъ съ докторомъ, ѣдущимъ вмѣстѣ со мною, и съ проводникомъ осматривать городъ.

Площадь, называемая теперь Place Napoléon, прежде de L[ouis] XV, прекрасна. Строенія, окружающія ея, соотвѣтствуютъ величннѣ мѣста, прекрасной архитектуры. Съ середины площади видны нѣкоторыя изъ воротъ на концѣ города. Оттуда мы прошли по улицѣ, потомъ по алеѣ и взошли въ la Réprimière. Прогулка пріятная. Всѣми этими украшеніями, также какъ и мѣстомъ de l'alliance обязанъ городъ Станиславу. Сей же несчастный король воздвигнулъ на place de L[ouis] XV сему послѣднему статую. Теперь стоитъ одинъ только пьедесталъ, на коемъ видны еще слова Liberté, propriété, sûreté. Печальная исторія великаго дѣла! Видѣлъ казармы, тамъ учать копскрипиртовъ. Печальныя лица ихъ подходятъ къ печальности города.

Барз. 27 Юля. 1/2 8 часа. Сегодня въ 4 часа утра оставилъ нашъ дилижансъ Нанси. Нѣмецъ, ѣхавшій изъ Гейдельберга, добрый малой, остался въ Нанси. Я былъ съ докторомъ. Къ намъ присоединились двѣ дамы: старая и молодая. Лице сей послѣдней было очень пріятно и правильно; талія ея была напротивъ того неправильна. Лице первой кажется никогда не было плѣнительно; къ тому же природа, любя въ дѣлахъ своихъ иногда неправильность, сдѣлала одинъ глазъ гораздо менѣе другаго. Что касается до языковъ ихъ, то они были очень поворотливы. Онѣ болтали безъ милосердія и признавались въ своей охотѣ говорить. Онѣ мнѣ наскучили, безпрестанно затворяя и отворяя окошки отъ пыли.

Мы обѣдали въ Void. Теперь ночуемъ въ Барѣ. Ходилъ смотрѣть городъ; оный раздѣляется на haute и basse ville. Есть хорошія улицы, широкія и прямыя; крыши очень плоски. Здѣсь находится теперь Маршалъ Удинотъ. Это мѣсто его рожденія.—Ужинъ былъ хорошъ. Вино Барское славится, но вѣрно не то, кот[орое] мы пили. Взяли съ постелью по 3 фр. 12 су. Къ намъ присоединился одинъ офицеръ, очень учтивой человекъ. Отъ дамъ слава Богу избавились. Около Бара растетъ тьма винограда. Предлнныя, довольно высокія горы усѣяны онымъ. Плодовъ болѣе, чѣмъ прежде видно. Теперь намѣрены ложиться спать.

Шалонъ. Вчера я не имѣлъ времени болѣе писать здѣсь. Въ Барѣ видѣлъ улицы, называемыя rue Nazareth, rue Samaritaine. Въ 4 часа утра выѣхали мы изъ Бара. Я и докторъ были только въ дилижансѣ, слѣд. мнѣ можно было курить à la large, и какъ нарочно пришла къ тому охота. Виноградники пресѣклись за Баромъ. Хлѣбныя поля заступили мѣсто ихъ. На хлѣбныхъ поляхъ я видѣлъ множество плодовыхъ деревьевъ, насаженныхъ алеями. Это должно препятствовать во время жатвы, и тѣнь можетъ быть вредна для самаго хлѣба; но можетъ быть прохладительна для работающихъ. Обѣдали въ Vitry. Обѣдъ былъ не очень хорошъ, въ сравненіи

съ другими; зато вино мнѣ нравилось, и я пилъ хорошо. Славное путешествіе. Никогда дорогою я такъ хорошо не пилъ и не ѣлъ. Завтрашнаго утра ожидаю съ благоговѣніемъ. Надѣюсь отвѣдать настоящаго Шампанскаго. Въ Витри сѣлъ съ нами отставной лѣкарь изъ Сирскаго полку. Учивой и неглупой малой. Онъ мнѣ кое что сказалъ замѣчательное, напр. что эта часть Шампани, гдѣ мы ѣхали, называется Champagne Pouilleuse и почитается самою бѣдною страню Франціи. Я самъ богатства не замѣтилъ. Далѣе онъ сказывалъ мнѣ, что въ этой странѣ множество мѣду и что многіе дома построены изъ мѣду. Я видѣлъ этому доказательство здѣсь. Видѣлъ поле, гдѣ былъ разбитъ Аттила. До сихъ поръ дошли Пруссаки.

Теперь мы возвратились съ прогулки. La promenade—нѣсколько алей—составляетъ прекрасное гулянье. Народу было очень много: сегодня воскресенье. Много видѣлъ изрядныхъ, одну прекрасную. La maison de ville на площади хорошъ. Домъ Префекта тоже. Главная улица хороша. Мостъ на Марнѣ хорошъ; на концѣ его строятся ворота — кажется хороши. На одной сторонѣ упомянуты Аустерлицъ и Фридландъ—не знаю зачѣмъ. Иду ужинать. Парижа видѣть не любопытствую.

Парижъ. 31 Юля. Вторникъ. 6 часовъ вечера.

Изъ Шалона выѣхали мы въ 5-мъ часу. Погода была хороша. Дорога, какъ вездѣ тоже. Въ 8 часовъ мы были уже въ Епернеѣ; маленькой, но изрядной городокъ. Тутъ мы завтракали. Намъ подали краснаго вина, очень хорошаго и какого мы дорогою еще не имѣли. За десертомъ выпили мы бутылку du vin mousseux: насъ было четверо. Когда Гусарскій докторъ оторвалъ пробки съ пробки, то пробка сама выскочила. Такъ должно всегда быть съ хорошимъ виномъ Шампанскимъ. Но въ Германіи, сказалъ офицеръ, сидѣвшій за столомъ, нашъ спутникъ, болтають вино, чтобы оно пѣнилось. Вино наше пѣнилось прекрасно. Гус[арскій] лѣкарь гов[орилъ], что онъ никогда столь хорошаго Шампанскаго не пивалъ; зато и заплатили мы за бутылку 4 франка. Дорого на мѣстѣ! Выѣхавши изъ Епернея, я сожалѣлъ, что мы только одну бутылку выпили¹⁾. Около Епернея множество виноградниковъ, гдѣ растеть настоящее Шампанское вино. Наше было изъ деревни Ai, самое лучшее. Мѣстоположенія въ этой сторонѣ очень хороши; въ особенности когда мы проѣхали Дорманъ, то глазамъ моимъ представился такой видъ, кот[орый] меня на всегда заставилъ помнить Шампанію. По правую сторону дороги видѣлъ я пространную долину между довольно отдаленныхъ невысокихъ горъ. Марна

1) Далѣе зачеркнуто: «Въ 5 часовъ обѣдали мы въ Шатотіери».

раздѣляла сію долину. Множество красивыхъ деревень украшали ее, также какъ и обработанныя поля, доказывая притомъ плодородіе долины и ручаясь за щастіе обитающихъ ее. Видъ божественный! Я пожелалъ имѣть такую деревню. Былъ ли бы я тамъ покоенъ? Нѣтъ покоя, нѣтъ щастія безъ внутренняго покоя и довольства! Но такія мѣста имѣютъ вліяніе на характеръ. Я давно этому вѣрю. Видъ прекрасныхъ горъ, полей, рѣкъ восхищаетъ, возвышаетъ душу, даетъ человѣку новыя силы, заставляетъ его забывать многое или, по крайней мѣрѣ, искать утѣшенія отъ многоаго; и удрученный горестію, наслаждаясь въ такой долині заходженіемъ солнца, уронить слезу горячую, вздохнетъ, взглянетъ на Природу, его окружающую, и сердце его сдѣлается свѣтлѣе, духъ его ободрѣетъ; онъ утвердится — дѣйствія естественныя. И когда искусство имѣетъ на насъ столь сильное вліяніе, почему Природа не можетъ имѣть еще болѣе сильнаго?

Въ 5 часовъ приѣхали мы въ Шатотіери, отечество Лафонтена. Небольшой, но хорошій городокъ, такъ какъ и всѣ, кот[орые] мы проѣзжали. Тутъ мы обѣдали въ послѣдній разъ на дорогѣ. Обѣды по дорогѣ вездѣ вообще хороши: кушанье въ довольно много; каждый беретъ, что хочетъ. Вино вездѣ, въ особенности далѣе и далѣе отъ Стразбурга — à discretion. Цыплята или голуби и раки вездѣ. Обыкновенно платять 3 франка. За ночь платять сверхъ того 1 франкъ. Я вездѣ ѣлъ, пилъ и спалъ очень хорошо. Дилижансы идутъ всегда скоро. Лошадей перемѣняютъ тоже скоро. Постиліонамъ даютъ сколько угодно, и они всегда довольны. Вчера одинъ старикъ не далъ ничего; постиліонъ отвѣчалъ вицею, кот[орый] заставилъ насъ смѣяться, но скверноты не было. Вечеръ и ночь были прекрасныя. Мы ѣхали не останавливаясь до Парижа. Насъ было 6 въ дилижансѣ: было очень жарко. Я сожалѣлъ, что не взялъ мѣста въ кабриолетѣ съ Стразбурга. Я узналъ отъ сопутниковъ своихъ, что прежде около Парижа, въ мѣстахъ, которыя мы проѣзжали, было множество дичи. Я это слыхалъ и прежде. Теперь ничего нѣтъ. Подлѣ самаго Парижа мѣстоположенія совсѣмъ не восхитительны: маленькой лѣсокъ съ кустарниками и есть и болото. Проѣзжали мимо загороднаго дома Маршала Ожеро. Подлѣ Парижа видѣлъ множество трактировъ. Тутъ, сказалъ нашъ старикъ, сидѣвшій подлѣ меня, вино дешевле 4 мя су, нежели въ Парижѣ, гдѣ надобно платить за ввозъ сей 4 су.

Я удивлялся, что я вѣзжалъ въ Парижъ съ тѣмъ же хладнокровіемъ, какъ напр. въ Нанси, Шалонъ. Сердце мое такъ, какъ сердце многихъ иностранцевъ, совсѣмъ не билось, при мысли, что я въ Парижѣ. Теперь немного странно, когда я подумаю о томъ, что я въ жизнь мою слыхалъ о Парижѣ, — подумаю объ этомъ; но сидя въ комнатѣ, кот[орой] окошки на дворъ, я слѣд.

не могу и не вижу улицы. Слышу стукъ каретъ, крикъ Французовъ, но ничего не вижу. Когда мы прїѣхали на почту, то тутъ уже было нѣсколько человѣкъ съ карточками о трактирахъ. Я пошелъ съ однимъ: у него не было комнаты на улицу. Человѣкъ, кот[орый] несъ мой чемоданъ, привелъ меня сюда. Здѣсь опростается на дняхъ комната на улицу — покуда я живу на дворъ. Я живу, буду жить по нашему въ 4 этажъ: плачу 72 франка за мѣсяць. Это для меня очень дорого. Я думаю, что денегъ моихъ мнѣ болѣе не станетъ, какъ для Парижа — надобно шить платье и все. Буду экономить я въ другихъ расходахъ. Я здѣсь никого не знаю. Радъ бы видѣть теперь хоть Томашевскаго. Нехорошо прїѣхать и никого не знать. Это скучно, но — терпѣніе, твердость, хладнокровіе. Я живу на Rue Richelieu.

31 *Юля. Среда. 12 часовъ утра.* Сегодня всталъ поутру не рано въ 8-мъ часу. Вскорѣ послѣ сего пришелъ ко мнѣ перюкмахеръ, кот[орый] остригъ меня à la François I, по послѣдней модѣ — le front ouvert. Ему должно была заплатить 3 франка — довольно. Я одѣлся и пошелъ со двора. Прежде всего купилъ себѣ шляпу. Потомъ Pariseum и планъ Парижа. Купецъ, гдѣ я хотѣлъ это купить, рекомендовалъ мнѣ портнаго и послалъ со мною своего мальчика. Намъ должно было проходить черезъ Palais Royal. Я тотчасъ узналъ сіе, подлинно единственное мѣсто sur le globe, какъ гов[орить] Рейхардъ. Хорошенько еще ничего не разсмотрѣлъ. Сегодня въ первый разъ видѣлъ этихъ мушаровъ, кот[орые] продаютъ афишки и кричатъ. Первый, кот[ораго] я слышалъ, объявлялъ, что сегодня будутъ казнены два faux monnaieurs, très connus. Это еще болѣе сдѣлало для меня отвратительными этихъ тварей. Въ особенности для женскаго пола ремесло сіе совсѣмъ нейдетъ.

Мнѣ кажется, что въ Парижѣ можно жить очень весело. Palais-Royal много къ сему способствуетъ. Мнѣ очень понравились лавки, въ кот[орыхъ] ѣдятъ. Онѣ въ низу: можно ѣсть, пить и смотрѣть на проходящихъ: это хорошо.

3/4 9 часа. Написавши здѣсь нѣсколько строкъ, я прочиталъ нѣсколько страницъ въ Pariseum и потомъ пошелъ въ Palais-Royal. Въ первой встрѣтившейся мнѣ лавкѣ я пообѣдалъ умѣренно за 42 су. Ълъ супъ, 2 коглеты и 1/2 вина. Ходя по улицамъ, я нечаянно зашелъ въ Лувръ, но видѣлъ хорошенько только то, что теперь перестраивается. Славное зданіе, четырехугольное, но не такъ, совсѣмъ не такъ величественно, какъ зимній дворецъ, сколько я помню. Оттуда, нечаянно же, попалъ въ Тюльери. Садъ прекрасный. Мнѣ очень нравится большое пространство главной алеи. Оттуда все безъ плана прошелъ въ Елисейскія поля. Хотя я не нашелъ ничего Елисей-

скаго, но при всемъ томъ сіе гулянье очень понравилось. По дорогѣ ѣздятъ кабриолеты, кареты, скачутъ мушкетеры и женщины. На одной сторонѣ, на кот[орой] я былъ, множество гуляющихъ. Многіе играютъ въ мячъ, другіе стрѣляютъ въ цѣль, шны играютъ въ кегли; многіе отдыхаютъ на лугу съ дѣтьми, одни и проч. Все это гуляетъ, ходитъ, играетъ, живетъ; и картина сія можетъ разсѣять самаго мрачнаго иностранца. Видъ съ Place de la Concorde, прекрасной площади, очень хорошъ. Гуляя я рѣшился осматривать всѣ здѣшнія достопамятности по порядку. Напримѣръ, завтнешній день опредѣлить на осмотрѣніе Лувра, Тюльери и т. д. Оттуда я прошелъ черезъ Тюльерійскій садъ въ Palais Royal. Въ первомъ было множество народу, въ послѣднемъ тоже. Ходя сегодня по улицамъ, я иногда ужасался при видѣ продавателей и продавательницъ афишекъ и нѣкоторыхъ мѣлочей, какъ то: ножей, платковъ и т. п. Мошенническія хари, каковыхъ я не видывалъ, ослепые голоса ихъ поражали меня, и я удивлялся, почему полиція не прекратитъ этого. Въ Palais Royal встрѣтилъ теперь четверыхъ русскихъ. Мнѣ показалось, что они лакеи, и отъ того я не подошелъ къ нимъ — совсѣмъ не изъ гордости, но потому, чтобы они господамъ своимъ не сказали, что меня видѣли, ибо сіи бы сказали: мой человекъ его или даже васъ видѣлъ.

Послѣ я вздумалъ, что они могутъ быть студенты, посланные академіею; я воротился, но не нашелъ ихъ. Пріятно было слушать, какъ они говорили. Мнѣ очень не нравится, что я никого не знаю. Завтра въ Префектурѣ, куда пойду за паспортомъ, справлюсь о Лпендѣ. Не найду ли знакомства въ церквѣ? Какъ бы можно провести здѣсь время съ Сергѣемъ и съ Кавериннымъ! Но мнѣ ничего не удастся. Хорошо Я терплю и смѣюсь надъ всѣмъ этимъ. Rue St. Honoré мнѣ понравилась и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе, нежели Richelieu: сія послѣдняя пряма, но та имѣетъ болѣе въ ширину. Широкая кривая улица лучше узкой прямой. Ворота въ Тюльери триумфальныя, на кот[орыхъ] поставлены венеціянскія лошади, мнѣ совсѣмъ не понравились. Чортъ знаетъ что за вкусъ. Статуи, представляющія солдатъ, мнѣ показались не такъ дурными, какъ я себѣ воображалъ.

Пріятно послѣ путешествія возвратиться на родину и подъ деревомъ, на травѣ, въ тулупѣ, при захожденіи солнца выкурить трубку и поговорить съ своими.

1 Авг. 11 часовъ вечера.

Вставши сегодня поутру, я читалъ Pariseum. Непримѣтно прочиталъ до 11 часовъ. Тогда пошелъ въ Префектуру. Тутъ мнѣ дали Permis de sejour на 1 мѣсяць. Засѣдающіе тамъ ходятъ на Моск. Губ. Правленіе. Оттуда пошелъ я въ Palais de justice, черезъ кот[орый] нечаянно шелъ въ

Префектуру. Въ залѣ, огромной и соотвѣтствующей важности мѣста, видѣлъ я многихъ адвокатовъ, одѣтыхъ въ ихъ черныя мантии и шапки. На одномъ концѣ залы я прочелъ на двери: *cour de l'instance* и вошелъ туда. Глазамъ моимъ представились нѣсколько судей, предъ которыми адвокатъ изливалъ все свое краснорѣчіе и всю свою остроту для оправданія какого-то ремесленника, коего жена требовала развода. Адвокатъ лѣзъ изъ кожи, горячился, смѣялся и проч. Когда онъ кончилъ, противникъ его началъ дѣлать возраженія, говорилъ рѣзко и подъ конецъ очень горячо. Вообще дѣло сего послѣдняго казалось справедливѣе перваго, и Ген. Прокур[оръ] былъ сего же мнѣнія. Оттуда я вошелъ въ *cour de Cassation*: прекраснѣйшая зала. Стѣны обиты сукномъ, на коемъ вышиты золотыя пчелы. Я ничего не понималъ изъ судопроизводства. Три человекъ, въ трехъ различныхъ углахъ, читали по очереди. Я ушелъ и вошелъ въ *Police Correctionnelle*. Нашелъ большую разницу между засѣдавшими въ сей послѣдней и первыхъ комнатахъ. Засѣдавшіе въ *Pol. Corr[ectionnelle]* походили на нашихъ квартальныхъ. Оттуда пошелъ въ другой судъ, гдѣ судятъ воровъ. Внизу лѣстницы сказали мнѣ, что надобно оставить палку (не знаю зачѣмъ). Я вручилъ ее сидѣвшей тутъ женщинѣ и взялъ номеръ. Оттуда пошелъ я опять черезъ Лувръ — видѣлъ славную колонаду, но она не на Сену, что бы, кажется, лучше было, но кажется теперь невозможно. У самаго Лувра вошелъ въ одинъ небольшой домъ обѣдать. Бѣлъ супъ и дыню и выпилъ $\frac{1}{2}$ вина, все за 29. Гораздо дешевле, чѣмъ въ *Palais-Royal*. Оттуда пошелъ на почту, а оттуда опять въ Лувръ, въ Тюльери. Тутъ долго сидѣлъ на стулѣ и смотрѣлъ на гулявшихъ. Прекраснѣйшее гулянье! Я думалъ, что можно съ пріятелемъ пообѣдать недалеко отъ Тюльери; потомъ притти сюда, сѣсть на стулъ, заплатить 2 су, читать газеты и курить — естли не трубку, то по крайней мѣрѣ сигару. Оттуда пошелъ въ *Hôtel des Invalides*. Прекрасное зданіе съ внутри, образующее □. Съ наружи тоже хорошо. Множество стариковъ израненныхъ попадались мнѣ. Я подумалъ о Прусскихъ инвалидахъ, кот[орымъ] за ихъ службу давали позволеніе просить милостыню. На мѣстѣ противъ *Hôtel d[es] Inv[alides]* сдѣланъ колодезь, на кот[оромъ] стоитъ венеціанскій левъ съ крыльями. Этотъ колодезь и статуя мнѣ понравились гораздо болѣе, чѣмъ памятникъ *Dessaix*, стоящій въ очень тѣсномъ мѣстѣ. Недалеко отъ дома построена т. ск. лубочная. Паясъ говорилъ острогы на балконѣ и приглашалъ взойти въ *cabinet de Physique*, гдѣ наконецъ всѣ будутъ казаться безъ головъ и проч. Я вошелъ за 2 су. Видѣлъ нѣсколько электрическихъ опытовъ и пошелъ назадъ въ *Champs Elysées*, прошелъ до самаго конца, гдѣ строятся ворота. Оттуда въ Тюльери, а потомъ въ *Palais*

Royal. Тутъ съѣлъ кусокъ мяса; сидя на дворѣ или, лучше сказать, въ саду, долго разговаривалъ съ однимъ сидѣвшимъ подлѣ меня. Онъ мнѣ показался Жидомъ. Не знаю. Я радъ, что поговорилъ. А то я думалъ, гуляя по Тюльери, что я живу въ Парижѣ и ни съ кѣмъ не говорю.

2 Августа. 6 вечера. Одѣвшись пошелъ сегодня въ полицію для отысканія Линдена. Писарь, сидѣвшій въ нижнемъ этажѣ въ маленькой горницѣ подлѣ Префектуры, написалъ мнѣ прозбу къ Префекту для отысканія его. Я подалъ оную. Отвѣтъ обѣщали въ понедѣльникъ. Съ тою же цѣлію пошелъ я на почту, Grande poste aux lettres. Тутъ мнѣ сказали квартиру одного Линдена, но не того. Адресовали на бюро въ Rue des Mauvaises Pannes. Тутъ сказали, чтобы пришелъ черезъ часъ. Этотъ часъ употреблялъ я на обѣдъ. Обѣдалъ у Marchand de vin въ той же улицѣ, въ сквернѣйшемъ трактирѣ. Ълъ супъ и выпилъ $\frac{1}{2}$ вина. Пришелъ въ бюро. Никто не знаетъ Линденъ. Сказали, чтобы я спросилъ въ бюро Rue de Mont Thodor. Тутъ тотъ же отвѣтъ, но адресовали въ poste du G-nt, place du G-nt. Идя сюда, я прошелъ мимо Тюльери, видѣлъ рѣшотку сада сего; очень хороша. Также одинъ встрѣтившійся показывалъ мнѣ дома, кот[орые] будутъ ломать для увеліченія Лувра. Въ Poste du G-nt тотъ же отвѣтъ, но адресовали въ домъ Посланника нашего, подлѣ у булевара. Я ожидалъ наконецъ, что труды мои кончатся и награлятся, но и тутъ не то. Въ этомъ домѣ живутъ только служащіе при посольствѣ, а канцелярія въ домѣ Посланника. Туда не хотѣлъ уже я итти, ибо завтра пойду въ домъ Инвалидовъ, а оттуда близко къ Посланнику. Я пошелъ на булеваръ. Сидѣлъ на стулѣ у кофейнаго дома. На булеварѣ мало гуляющихъ. Хорошее мѣсто, но для ѣдущихъ, а не для ходящихъ. По сторонамъ есть деревья, но всё покрытыя пылью и какъ будто завялыя. Я купилъ дыню, пришелъ домой и съѣлъ ее. Скучно жить здѣсь, никого не знаю. Обыкновенно, когда я видалъ въ Геттингенѣ дилжансъ или постилона, то чувствовалъ что-то неприятное. Теперь, если увижу или то, или другое, то всегда желалъ бы взять чемоданъ и ѣхать. Я думаю, мнѣ не трудно будетъ разстаться съ Парижемъ. Здѣсь надобно имѣть много, очень много денегъ. Я рѣшился экономить возможно болѣе, въ продолженіе сего мѣсяца даже очень во многомъ нужномъ себѣ отказывать. Посмотрю что будетъ. Домой очень теперь хочется. Изъ Геттингена не хотѣлось. Желая покоя, хотя и знаю, что онъ мнѣ скоро наскучить.

$\frac{1}{2}$ 10 часа. Сегодня въ вечеру былъ въ Palais Royal. Множество народу ходило въ саду. Я вновь удивлялся огромности и богатству сего мѣста. Оттуда вздумалось мнѣ итти въ Hôtel Périgord и спросить о комнатѣ. Мнѣ показали чуланъ на самомъ верху, окошками, правда, на улицу, но кромѣ

сосѣдей, живущихъ тоже высоко, и неба ничего не видно. Комната эта стоитъ 30 франковъ въ мѣсяць. Я бы съ радостію ее нанялъ, тѣмъ болѣе что хозяинъ, курьеръ кабинета, бывшій уже разъ съ 30 въ Петербургѣ, какъ онъ гов[орилъ], очень ласковый человѣкъ. Но дѣло въ томъ, что за здѣшнюю квартиру, послѣ всѣхъ уступокъ, сдѣланныхъ хозяиномъ, я долженъ ему заплатить за 4 дня 20 фр. Такимъ образомъ разница не велика, но за то здѣсь комната лучше. Я рѣшился было перемѣнить квартиру, сказалъ уже и хозяину, но опять отдумалъ и остаюсь здѣсь. Но эта эпоха мнѣ была полезна. Хозяинъ уступилъ мнѣ комнату за 60 франковъ, между тѣмъ какъ жена его отдала мнѣ ее за 72. Я остаюсь здѣсь. За комнату, въ кот[орой] жилъ Данилевскій, просили въ Hôt. Pér[igord] 80 франковъ. Я остаюсь здѣсь.

Среда 3 Августа. Сегодня, по вчерашнему обѣщанію, пошелъ по утру въ домъ нашего Посла, дабы спросить о Линденѣ. Ничего не узналъ. Пошелъ въ Инвалидный домъ. Церковь была отперта. Я вошелъ въ нее и увидѣлъ на верху по обѣимъ сторонамъ вывѣшенныя знамена. Прекрасный карнизъ. Въ этой церкви висятъ все по большей части Австрійскія, есть и три нашихъ. Такъ называемый домъ соединяется съ церковію, но въ него надобно войти съ другой стороны. Крыльцо прекрасное. Я вошелъ въ него и былъ пораженъ красотою зданія. И здѣсь карнизы были украшены знаменами. Отъ входа на лѣвой сторонѣ висятъ 12 нашихъ знаменъ (объ этомъ спорили Михалковъ и Данилевскій). Полъ мраморный. По сторонамъ у стѣнъ стоятъ памятники Тюрена и Вобана. На дворѣ будетъ стоять статуя Лока¹⁾.

— Вотъ гдѣ я! 3 Авг.

Тутъ нашелъ я одного Француза, въ формѣ провинціала. Отъ него узналъ я, что онъ Maitre d'Etude въ Poitier. Изъ вопросовъ его я видѣлъ, что онъ совершенной певѣжда даже въ самыхъ бездѣлицахъ. Наприм. онъ спрашивалъ: тутъ ли гробница Волтера? и когда я спросилъ у проводника о шпагѣ Фридриха II, то онъ сказалъ: она должна быть тутъ, ибо вѣдь это Фридрихъ II, — показывая на статую, стоящую у алтаря. Можно подумать, что онъ шутилъ; но въ самомъ дѣлѣ онъ далеко былъ отъ этого. Въ Германіи врядъ ли можно, въ особенности въ протестантскихъ земляхъ, найти такого учителя. Не смотря на все это, онъ малой доброй, и я очень былъ радъ его обществу. Съ нимъ пошелъ я смотрѣть бібліотеку Инвалидовъ, гдѣ стоитъ Давидова картина, представляющая Бонапарте на войнѣ.

1) Далѣе на верху 51а листа помѣщена слѣдующая надпись, сдѣланная очевидно раньше: «Гдѣ буду я тогда, когда журналъ будетъ доведенъ до сей страницы».

Положеніе сѣдока мнѣ не понравилось. Въ библіотекѣ нашель я книги всякаго рода. Не видалъ военныхъ. Оттуда пошли смотрѣть кухню, видѣли часы, залу, гдѣ обѣдаютъ. Все это мнѣ очень правилось. Проходя по коридорамъ, я видѣлъ комнатки, въ коихъ живутъ Инвалиды. Пріятно отдохнуть послѣ 20 лѣтнихъ трудовъ. Нигдѣ я не чувствовалъ болѣе силы Фр[анцузскаго] тепер. Прав[ительства], какъ здѣсь; не смотря на то, что я не могу еще вѣрить въ долговременность онаго. Оттуда пошли мы въ *Senat Conservateur*. Тутъ видѣли только прекрасный садъ, украшенный хорошими статуями изъ мрамора, кот[орыя] мнѣ очень понравились. Оттуда пошли [въ] Пантеонъ. Въ церкви строятъ. Сходили въ низъ въ Пантеонъ. Видѣлъ гробъ Волтера и Руссо. Оттуда прошли въ *Ecole de droit*. Пошелъ дожидкѣ. Мы укрылись въ комнату, гдѣ бываетъ экзаменъ, — и присутствовали при ономъ. Студентъ, или кандидатъ отвѣчалъ дурно. Профессора тоже ни на что не похожи и смѣшны въ своихъ красныхъ мантияхъ. Оттуда пошли обѣдать въ тотъ трактиръ, гдѣ мой товарищъ обѣдаетъ за 12 франковъ въ мѣсяцъ. За разъ платится 22 [су]. Намъ подавали супъ, еще три кушанья и десертъ, 3 сливы или 2 абрикоса и т. д. и маленькой карафинъ вина; все было, кромѣ вина, хорошо — славный обѣдъ за эту цѣну. Очень дешево. Тутъ видѣлъ я пѣвчихъ нашей церкви, говорилъ съ ними. Досадно, что глупая непристойность, кот[орой] однакожь мнѣ здѣсь надобно слѣдовать, не позволяетъ мнѣ съ ними короче познакомиться. Даже долженъ перестать ходить туда обѣдать для этого, о чемъ я очень сожалею. Оттуда пошли въ *Palais Royal*. Оттуда ко мнѣ, а отъ меня я пошелъ въ *Théâtre Français*. Играли Гамлета. Тальму я тотчасъ узналъ. Можно бы сказать, что онъ довелъ искусство до самой высочайшей степени, но этого въ немъ незамѣтно: вездѣ природа, все въ немъ натурально. Я иногда былъ въ восторгѣ, въ изступленіи отъ его игры, отъ его движеній лица, головы. Голосъ прекрасный. И даже ростомъ онъ не долженъ быть выше — вотъ что дѣлаетъ его искусство! Въ партерѣ примѣтны тоже были восторги. *Duche[s]nois* играетъ очень хорошо, но многое въ ней принужденно, *assieté*, и очень примѣтно. Къ тому же дурна собою. Партеръ былъ полонъ. Зрители только что не по головамъ ходили другъ другу; но спасибо, что вездѣ *pardon*. Сидѣвшій позади меня очень на это жаловался. — Я сегодня видѣлъ то, чему подобнаго ничего не видалъ: извиняю Гр. Румянцева, естли онъ такой охотникъ до Тальмы. Послѣ играли *Les trois sultanes* — послѣ Гамлета! Партеръ слушалъ и аплодировалъ! — Правду говорили наши о Французахъ въ партерѣ: большіе рассказчики объ актерахъ! Во время спектакля была сильная гроза. Изъ театра прямо возвратился домой. Рѣшилъ какъ можно чаще смотрѣть Тальму —

вотъ что я люблю, вотъ пища для моей души! Прочее все ничто — всё увеселенія непрельстительны. Музыка и пѣнье и хорошая декламація — вотъ моя охота!

4 *Августа*. *Воскр[есенье]*. 10 часовъ вечера. Сегодня все утро былъ дома. Кончилъ Pariseum. Призывалъ наемнаго лакея, сдѣлалъ по его словамъ планъ моего странствія по Парижу и рѣшился осматривать все одинъ. Попробую. Лакею надобно платить 4 франка за день, а 4 франка для меня теперь много. Изъ дома пошелъ прямо обѣдать туда же, гдѣ былъ и вчера, за 22 су. Потомъ опять зашелъ туда и нашелъ тамъ нашихъ пѣвчихъ. Говорилъ съ ними, гулялъ по Тюльери. Оттуда пришли ко мнѣ и разговаривали до сихъ поръ. Я провелъ вечеръ очень пріятно. Подчивалъ ихъ пивомъ, пилъ самъ и курилъ трубку. Они мнѣ сказывали, что теперь не читаютъ коллегій въ Collège de France, и что это начнется въ Октябрѣ. А мнѣ врядъ ли можно до Октября здѣсь остаться, по крайней мѣрѣ до конца. Завтра пойду въ Префектуру за отвѣтомъ о Линденѣ. Мнѣ принесли кафтанъ и штаны: можно отправиться къ Несельроде. Не знаю когда. Отъискиваніе Линдена много отняло у меня времени: не знаю, вознаградить ли онъ это. Сегодня послѣ обѣда сидѣлъ въ саду Palais Royal и читалъ газеты. Эти минуты были для меня пріятны. Пѣвчимъ идетъ только 300 р. серебромъ, какъ они сказывали. Это немного для Парижа; а они одѣты прекрасно: я отъ роду такъ не одѣвался. Но надѣюсь завтра быть одѣту какъ надобно.

5 *Августа*. *Понед.* 11 часовъ вечера. Сегодня провелъ я цѣлый день дома, дожидаясь сапоговъ, къ кот[орымъ] отдалъ поутру придѣлывать отвороты и кот[орые] получилъ лишь въ 6 часовъ вечера. Я былъ голоденъ. Вчера ужинъ мой состоялъ въ пивѣ и сухомъ хлѣбѣ. За обѣдъ заплатилъ 26 су. Послѣ обѣда былъ въ Palais Royal. Стало холодно, и я пошелъ было домой; но, выходя изъ Pa[lais] R[oyal], увидѣлъ вывѣску: Café des aveugles и вошелъ въ сіе подземелье. Все было полно; было нѣсколько и красавиць. Слѣпые отправляли должность музыкантовъ, и слѣпая женщина пѣла. Вышедши оттуда, я увидѣлъ вывѣску: Café des Étrangers. Вошелъ туда, думая, не найду ли какогонибудь иностранца; и подлинно такъ: нашелъ тамъ одного Геттингенскаго студента, съ кот[орымъ] слушалъ лекцію у Сартриуса. Говорилъ съ нимъ, ходилъ по саду; потомъ зашли ко мнѣ, опять говорили. Я радъ этой встрѣчѣ.

Сегодня былъ у меня одинъ изъ пѣвчихъ. Принесъ адресъ Болголевскаго и пріятное извѣстіе, что пріѣхавшій вчера курьеръ изъ П-бурга привезъ мнѣ 100 червонныхъ. Это отъ брата. Меня почти до слезъ тронуло это

новое доказательство любви братиной. Можно ли больше пендись кому о комъ-нибудь, какъ онъ обо мнѣ. Нѣтъ, естълибы ихъ у меня не было, какова бы была жизнь моя? Ахъ, какъ я щастливъ, имѣя ихъ! Какъ подкрѣпляетъ меня эта мысль во всѣхъ моихъ странныхъ мнѣніяхъ! Какъ утѣшаетъ меня мысль о будущности, когда я воображаю блаженныя минуты, кот[орыя] буду проводить съ ними! Но естъли судьба.... тогда все для меня кончится. Я не говорю болѣе. Не страшусь ничего на свѣтѣ, кромѣ этой мысли. — Въ Геттингенъ страшно хочется. Врядъ ли бы не промѣнялъ даже Италію на это блаженное мѣсто покоя и независимости. Что Palais Royal, что Тюльери? Венде, Marienspring — вотъ гдѣ можно веселиться! Завтра хочу итти къ Неслероде и въ Полицію за адресомъ Линдена.

6 Ав[густа]. Вторникъ. Одѣвшись сегодня въ мое новое Парижское платье, одѣвшись, говорю, франтомъ, направилъ я пути свои къ Неслероде. Чтобы быть совершеннымъ хватомъ, я остригъ даже бороду. Камердинеръ Его Сіят[ельства] сказалъ мнѣ, что его Господинъ est trop occupé! Это я и видѣлъ изъ пріема его. Онъ стоялъ у двери, говоря со мною, и, кажется, дожидался съ нетерпѣніемъ той минуты, въ кот[орую] я его оставлю. Впрочемъ говорилъ очень ласково. Я совершенно хладнокровенъ къ этимъ пріемамъ, да и что же бы было въ моемъ характерѣ, естъли бы я и этого презирать не могъ! Онъ отдалъ мнѣ письмо отъ брата Ал[ександра Ив[ановича]. Могъ ли я думать о Неслероде и его пріемѣ, желая съ нетерпѣніемъ прочесть письмо? Я былъ у него менѣе 5 минутъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Гагаринъ пишетъ къ нему о 100 червонныхъ, посланныхъ вмѣстѣ съ письмомъ ко мнѣ, но что у курьера этихъ денегъ нѣтъ. Въ письмѣ братъ тоже пишетъ, что посылаетъ. Справлюсь объ этомъ. Братъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что ему опредѣлено и выдано уже жалованье 8250 р. въ годъ. Это подкрѣпило и надежды мои, но вмѣстѣ и заставило не думать о возвращеніи въ Геттингенъ. Печальная мысль!

Отъ Неслероде, прочтя письмо, съ радостнымъ духомъ, пошелъ къ своему знакомому Нѣмцу, а съ нимъ вмѣстѣ въ Префектуру. Спрашивалъ о Линденѣ: обѣщали отвѣтъ въ четвергъ или пятницу. Нѣмецъ остался тамъ. Я пошелъ въ Луврскую галерею. При входѣ показалъ паспортъ, и меня пропустили. Я вошелъ въ нижній этажъ, гдѣ находятся древнія статуи. Видѣлъ Венеру, Лаокона, Аполлона, туловище и проч. Первая мнѣ нечрезвычайно понравилась: заплата ея много безобразяетъ. Лаоконъ понравился очень: выраженіе удивительное; Аполлонъ понравился тоже очень: пропорція въ частяхъ тѣла и красота онаго поразительны. Я очень видѣлъ разницу между копіями и оригиналами. Отрубокъ подлинно важенъ по причинѣ

т. ск. натуральности. Оттуда вошелъ на верхъхъ. Нѣмецъ пришелъ съ описаніемъ въ рукахъ. Въ залѣ, гдѣ находятся картины изъ Французской школы, я видѣлъ много прекраснѣйшихъ картинъ. Ландшафты Фр. живописцевъ мнѣ почти болѣе всего тутъ понравились. Не знаю, видѣлъ ли Кассельскіе. Оттуда взшелъ въ залу Нѣмецкой и Фламандской школы. Очень много Рубенсовыхъ большихъ картинъ. Послѣдняя зала, Итал[іанской] школы, всѣхъ драгоценнѣе. Видѣлъ Madonna della sede, которая мнѣ однакожъ не такъ понравилась, какъ Дрезденская: ангелы похожи на тѣхъ, кот[орые] въ Дрезденѣ, также какъ и Христосъ. Всѣ эти залы составляютъ одну предлинную галерею, кот[орая] украшена прекрасными колонами. На потолкахъ живопись подъ лѣпную работу. Въ низу на потолкахъ картины. Тамъ пробылъ я до 4 часовъ. Оттуда пошелъ обѣдать за 22 су. Дождикъ помочилъ мой кафтанъ, но кажется безъ вреда. Въ 6 часовъ пошли ко мнѣ, а оттуда въ оперу. Играли Triomphe de Trajan. Оркестръ прекрасный. Опера сама по себѣ пустая, но декорациі и балеты удивительны и восхитительны. Безчисленное множество молодыхъ дѣвушекъ и мушкетеровъ, одѣтыхъ самымъ соблазнительнѣйшимъ образомъ для обоего пола, составляли группы, мѣшались, бѣгали, представляли глазамъ нѣчто ослѣпительное и очаровательное. Только перо Богдановича могло бы изобразить все это достойнымъ образомъ. Кавалькада по сценѣ прекрасна и удивительна. Лошади въ конницѣ казались слишкомъ смѣрными. Театръ былъ довольно плохъ, въ особенности партеръ. Ложъ много было пустыхъ. Оттуда возвратился домой. Въ партерѣ много было охотниковъ хлопать. Я примѣтилъ страдальцевъ, кот[орые] зажимали уши отъ сихъ рукоплесканій; другіе кричали: silence, silence donc! M-me Armand пѣла хорошо; мила собою. Лене хорошо игралъ Трояна, но дурно пѣлъ. Вестрисъ танцевалъ, но необыкновеннаго я въ немъ не видалъ: NB. Ему уже 55 лѣтъ!

7 Авг. Среда. $\frac{1}{2}$ 11 часа ночи. Сегодня недаромъ прожилъ въ Парижѣ. Въ 9 часовъ пошелъ я съ своимъ Нѣмцемъ и съ наемнымъ лакѣемъ осматривать достойное замѣчанія, слѣдуя сдѣланному плану. Съ начала пошли въ N. Dame. Тамъ видѣли мантии Императорскія, короны и также кусокъ дерева отъ креста Спасителя. Сія послѣдняя рѣдкость, во время революціи, была перенесена въ Cabinet des antiques. Спасибо, что знали всему мѣсто. Оттуда пошли смотрѣть машину, посредствомъ которой мутная Сенская вода дѣлается похожею на Невскую. Мнѣ понравилось, что заведеніе сіе принадлежитъ компаніи, а не Правительству. Оттуда пошли въ бібліотеку Арсенала, находящуюся въ двухъ домахъ. Въ одномъ мы были. Книгъ много, но нѣтъ ни Рейса, ни Бенеке. Я спросилъ у бібліотекаря, гдѣ

стоять книги по политической части; но не могъ отъ него добиться толку; и я имѣлъ бы очень дурныя воспоминаія объ этомъ книгохранилищѣ, еслибы не видалъ писемъ, писанныхъ Генрихомъ IV къ различнымъ дамамъ. Въ этомъ домѣ жилъ также Сюлли. Потомъ мы пошли въ Институтъ слѣпыхъ. Дорогою видѣли мѣсто, гдѣ стояла Бастилія. Институтъ слѣпыхъ раздѣляется на два отдѣленія: въ одномъ учатъ молодыхъ слѣпыхъ, а въ другомъ 15, 20 (300 слѣпыхъ тугъ всегда бываетъ, какъ мнѣ сказывали) содержатъ старыхъ. Проводница наша ввела насъ въ классъ, гдѣ учатся слѣпые дѣвушки. Надзирательница заставляла ихъ читать, писать, умножать и показывать различныя мѣста на картѣ, играть на фортопіянахъ и пѣть. Онѣ дѣлали все это хорошо. Я наконецъ видѣлъ, что это ничего Правительству не стоитъ (т. е. немного); между тѣмъ какъ несчастныхъ судьба нѣкоторымъ образомъ облегчается. Въ другомъ флигелѣ видѣли мы многихъ слѣпыхъ мальчиковъ и мужчинъ. Почти всѣ занимались музыкою; играли концерты, слѣпые учили слѣпыхъ и проч. Оттуда пошли — и очень устали — на фабрику, гдѣ полируютъ зеркала. Усталость и трудъ нашъ не были вознаграждены тѣмъ, что мы тамъ видѣли. Мы пошли черезъ бульваръ на Place Royale; проходили мимо Temple. Оттуда пошли въ Conservation¹⁾ des arts et metiers — прекрасное и достойное вниманія каждаго учрежденіе. Тутъ мы видѣли множество моделей и между прочимъ изобрѣтенныя во Франціи, думаю, улы, изъ кот[орыхъ] *можно вынимать медъ, не умерщвляя пчель*. Въ сѣняхъ могутъ двое, ставши въ двухъ противоположныхъ углахъ, между собою разговаривать, между тѣмъ какъ присутствующіе не будутъ ничего слышать. Мы дѣлали опытъ. Домъ сей былъ прежде монастырь — теперь посвященъ лучшей цѣли. Оттуда пошли смотрѣть Hôtel de Ville — проходили множество улицъ длинныхъ, узкихъ, широкихъ, вонючихъ. Парижъ въ этой части города не похожъ на Парижъ въ здѣшней части города. Уставши довольно, мы пошли обѣдать въ Rue de l'argre sec. Афишка, на кот[орой] стояло: обѣдъ unique pour 21 sous, пригласила насъ туда. Ъли безъ скатерти. Вино было скверное. Одна изъ служанокъ была самая лучшая вещь въ трактирѣ. Пообѣдавши, пошли въ Palais Royal. Нѣмецъ позвалъ меня въ 63 №. Тутъ есть все. Мы видѣли только комнаты, гдѣ играютъ. Я при первомъ взглядѣ почувствовалъ къ этому отвращеніе. Нѣмецъ поставилъ 3 раза и 3 раза выигралъ. Оттуда пошли въ садъ Palais Royal. Я сѣлъ на стулъ и читалъ Journal de l'Empire. Смѣялся, читая критику вѣроятно Жофруа. Въ исходѣ 7 часа пошли мы въ театръ Feydau. Играли

1) Conservatoire?

Aline, Reine de Golconde и Portrait parlant. M-me Boulanger играла, по увѣренію сосѣдовъ, въ обѣихъ піесахъ; пѣла прекраснѣйшимъ образомъ, играла тоже. Многіе изъ окружавшихъ меня знали аріи наизусть. Хлопанье было ужасное. Изъ театра зашелъ къ Restaurateur'у, но ничего не нашель тамъ; зашелъ въ хлѣбную лавку, но ничего не нашель у себя въ карманѣ; довольствуюсь трубкою. Сегодня ходили отъ 9 почти до 4 часовъ; но я не очень усталъ и, вышедши изъ театра, ничего не чувствовалъ. Радъ, что началъ недаромъ жить здѣсь. Надобно явиться къ Посланнику: это отниметь у меня цѣлый день.

Французы радовались тому, что la Reine de Golconde хвалила Французовъ, и аплодировали этому, въ Les trois Sultans тоже. Писемъ ко мнѣ нѣтъ на Poste-restante. Надобно писать въ Москву и Геттингенъ. Въ П.б[ургъ] надобно писать, освѣдомившись о 100 черв[онцахъ].

Парижъ надобно видѣть.

8 Авг. Четвергъ. Сегодня въ 9 часовъ вышелъ со двора вмѣстѣ съ Нѣмцемъ. Прежде всего надобно было подкрѣпить себя пищею, дабы съ большими силами предпринять наше путешествіе. Завтракали у Davois. Я былъ сытъ и не смотрѣлъ на дождикъ. Прежде всего пошли мы смотрѣть la monnaie. Тутъ видѣли только прекрасную залу, въ кот. le Sage читаетъ свои лекціи. На верху и съ низу стоятъ шкапы, наполненные минералами. Дѣлания монетъ мы не могли видѣть. Оттуда пошли въ Collège d. 4 Nations. Тутъ сказали намъ, что библіотека (единственный предметъ, который можно видѣть) открыта каждый день, кромѣ четверга. Мы пошли далѣе, т. е. въ Musée des monuments Français. Онъ состоитъ изъ множества памятниковъ, разставленныхъ по хронологіи и собранныхъ со всей Франціи — вотъ слѣдствіе революціи, пріятное для путешественниковъ. Тутъ видѣлъ я много хорошихъ монументовъ; въ особенности понравились мнѣ находящіеся въ саду. Тамъ видѣлъ я гробницы и надгробные памятники Абельярда и Элоизы, Буало, Мольера, Лафонтена и проч. Можно ручаться, что это единственное заведеніе въ свѣтѣ, и которое очень, очень мнѣ понравилось. Садъ разположенъ соотвѣтственно своему назначенію. Печальныя деревья осѣняютъ прахъ великихъ. Густая зелень краситъ гробницы ихъ. Сама Природа печалится, горюетъ о смерти ихъ. Попавшійся намъ лакей разтолковывалъ намъ нѣкоторые изъ памятниковъ и притомъ былъ очень учтивъ. Оттуда пошли мы въ Luxemburg. Первая зала наполнена картинами Рубенса, представляющими Марію Медицисъ въ различныхъ видахъ. Нѣкоторыя картины мнѣ очень не понравились, ибо я въ нихъ не видалъ ничего хорошаго. Всегда съ до-садою смотрю на нагія фигуры Рубенсовы. Онъ кажется болѣе нежели по-

дражалъ натурѣ, и вѣрно оригиналь его была старая женщина и кот[орая] притомъ не отличалась красотою тѣла. Двѣ картины Давида, Гораціи и Брутусъ, мнѣ понравились. Одна фигура (дѣвушки) въ послѣдней прекрасна. Краски ярки. Въ первой я не замѣтилъ того гренадерскаго тона, о которомъ гов[орилъ] Фіорилло и кот[орый] подлинно виденъ въ гравированныхъ копіяхъ. Картины Lesueur (а) мнѣ не очень понравились, кромѣ одной, представляющей горы, на которыя между прочими ѣдетъ и св. Бруно. Отдаленность выражена хорошо. La sainte famille Рафаелева стоитъ подлѣ двухъ картинъ Давидовыхъ: неумѣстно, пбо отнимаетъ нѣсколько цѣны у сихъ первыхъ. Картины Вернета, представляющія Французскія пристани, мнѣ очень понравились. Краски неба очень хороши. Стоявшій въ низу лакей отперъ намъ комнаты дворца. Я видѣлъ залу Совѣта и залу, гдѣ тронъ. Видѣлъ нѣсколько картинъ. Въ одной комнатѣ на потолкѣ изображенъ Наполеонъ въ колесницѣ съ лошадьми, срисованной съ тюльерійскихъ воротъ. Лѣстница хороша. Дворецъ славной. Оттуда пошли мы въ Институтъ глухонѣмыхъ. Взошли въ садъ, гдѣ они гуляли. Надзиратель сказалъ, что въ субботу можемъ мы все видѣть. Оттуда пошли мы смотрѣть обсерваторію. Видѣли только большой телескопъ и — что мнѣ всего болѣе понравилось — весь Парижъ съ верху зданія, — видъ единственный, пространство города ужасное. На одной сторонѣ лежалъ передъ нами въ полукружїи Парижъ, на другой — поля. Всѣ кабинеты заперты уже 4 года. Оттуда пошли назадъ къ Давуа. Дождикъ насъ помочилъ довольно. Тамъ нашелъ я пѣвчаго Руднева; пришелъ съ нимъ домой и говорилъ до сихъ поръ, предпочтя оперу бесѣдѣ съ землякомъ. Я живу теперь на верху au 4-те: стуку не менѣе, но впрочемъ гораздо покойнѣе.

9 Авг. Пятница. Сегодня вышелъ поздно со двора. Дожидался сапоговъ, чтобы ѣхать къ Посланнику, но дожидался тщетно. Въ 11 часу пошелъ завтракать, а оттуда вдоль по набережной въ jardin des Plantes. Тутъ видѣлъ я слона, медвѣдей, дромадеровъ, верблюда, на кот[оромъ] Наполеонъ ѣздилъ въ Египтѣ, по словамъ проводника, волковъ и проч. Въ 3 часа былъ отворенъ кабинетъ; тамъ видѣлъ я камни, звѣрей, раковины, птицы и проч. Порядокъ очень хорошъ: все разставлено прекрасно. Не думая попать я туда въ тотъ день, когда садъ и кабинетъ бывають открыты для публики. Народу было много, не смотря на дурную погоду и дождикъ. Въ саду много ходить нельзя было. Я со всѣми другими стоялъ долго подъ крышею, а потомъ въ какой-то оставленной оранжереѣ: дождикъ шель почти безпрестанно. Коллегїи въ ботаническомъ саду еще не кончились. Этимъ надобно воспользоваться. Оттуда возвратился я въ Palais Royal, яко

Haupt-Quartier, и, поговоря съ однимъ Французомъ, съ кот[орымъ] однажды тутъ завелъ знакомство, пошелъ въ Vaudeville черезъ $\frac{1}{2}$ часа, т. е. въ 6 $\frac{1}{2}$.

Играли три пьесы: всѣ безъ смысла. Всѣ оперы, арии почти всѣ были прекрасны; одна на провинціальный голодь. Партеръ хлопалъ — но тутъ партеръ другой нежели въ Français. Въ ложахъ не замѣтилъ ничего замѣтнаго. Вышедши въ 11 часу въ исходѣ, пошелъ въ Pal. Royal, опять яко Н. Quartier. Красавицы попадались мнѣ, одна что-то даже мнѣ и говорила, но я холоденъ ко всему этому. Одно любопытство влекло меня сюда, и только оно одно направляетъ мои поступки. Наслажденіе для меня только въ Тальмѣ. Зашелъ въ Café Alexandre: ѣлъ лапшу или rotage au vermicelle, пилъ воду и сытъ. Сегодня принесли ко мнѣ письмо изъ Полиціи, въ кот[оромъ] шефъ 1-го отдѣленія 1-го бюро приглашаетъ завтра притти къ Полиціи: вѣроятно о Линденѣ. Vaudeville мнѣ не очень понравился. Пьесы глупыя и утомительныя; арии только хороши. Сегодня я провелъ цѣлый день опять одинъ. Нѣмца со мною не было. Дожжикъ и нынче меня долго мочилъ.

10 Авг. Суббота. $\frac{1}{4}$ 11-го часа ночи. Сегодня въ 10-мъ часу пошелъ въ Полицію. Тамъ дали мнѣ адресъ Линдена и сказали, чтобы я онымъ хорошенько воспользовался, ибо трудно было искать его. Оттуда пошелъ я въ Институтъ глухо-нѣмыхъ и торопился, не хотя опоздать; я замѣтилъ, что, идя скоро, не такъ устаешь: тѣло находится въ большей силѣ и легче. Пришелъ туда гораздо до начала экзамена (séance). Глухо-нѣмые показывали приходящимъ мѣста. Въ 11 часовъ пришелъ Сикарь. Я узналъ его по картинѣ, висѣвшей на стѣнѣ, на которой онъ былъ представленъ. Смуглое лице и неоткрытое. Онъ началъ свою лекцію краткимъ вступленіемъ о глухо-нѣмыхъ вообще. Вдругъ одна изъ слушательницъ (кот[орыхъ] было втрое болѣе, нежели слушателей) упала въ обморокъ. Эго остановило Сикара, и когда ее вынесли, то онъ не продолжалъ далѣе вступленія своего, но приступилъ къ испытанію двухъ самыхъ искусныхъ учениковъ своихъ — professeur, которые сами уже учатъ другихъ себѣ подобныхъ. Одинъ изъ зрителей далъ книгу, изъ кот. М. Massieur диктовалъ М. Клерку на своемъ языкѣ. Сей послѣдній писалъ диктуемое скоро и безъ ошибокъ. Послѣ они помѣнялись ролями. Послѣ того Сикарь задавалъ имъ вопросы: qu'est ce que qu'un méchant? Каждый отвѣчалъ своимъ образомъ. Публика аплодировала — Сикару, ибо актеры этого не слышали. Далѣе Сикарь дѣлалъ опыты съ тремя дѣвушками и тремя мальчиками. Послѣдній изъ сихъ, имѣющій преумное лице, показалъ чрезвычайные успѣхи: въ годъ выучился такъ писать, какъ мы видѣли. А для глухонѣмаго всѣ языки равны. Какого для совершеннаго человѣка выучиться въ годъ чужестранному языку? Потомъ Сп-

каръ показывалъ, какъ онъ учитъ ихъ говорить: цѣли въ этомъ ученіи я не видалъ, ибо ученица произносила только нѣсколько буквъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ архіереевъ (Итальянцы — на лицахъ ихъ написано было послушаніе — повелителю Консиліума) замѣтилъ, что очень трудно довести учениковъ до такого совершенства. Сикарь отвѣчалъ: да — *je vois du moins que j'en'ai à paire à des sots*. Архереп улыбулись — я подвиглся тонкости комплимента. Лекція продолжалась до 3-го часа. Въ заключеніе аббатъ Сикарь приглашалъ посѣтителей споспѣшествовать цѣли щедраго Правительства и положить что-нибудь въ ящикъ, стоящій у дверей. Деньги сіи, гов[орилъ] онъ, опредѣлены имъ на содержаніе одного глухо-нѣмого, свыше 16 лѣтъ, когда Прав[ительство] уже не принимаетъ въ Институтъ воспитанниковъ. На щегъ Правительства содержится тутъ 70. Всѣхъ глухо-нѣмыхъ во Франціи, по словамъ Сикаря, 2000. Онъ уже 20 лѣтъ занимается этимъ ремесломъ. Началъ въ Бордо. Институтъ сей мнѣ болѣе гораздо понравился, чѣмъ Институтъ слѣпыхъ. Оттуда пошелъ я въ гобеленевую фабрику. Видѣлъ съ начала, какъ ткуть картины. *Haute lisse* значить, по словамъ проводника, то, когда картина стоитъ, а работающій работаетъ сидя, *basse lisse* — лежа. Въ картинахъ впрочемъ разницы нѣтъ. Видѣлъ горшцы, гдѣ вывѣшены уже вытканныя картины. Тутъ же сохраняются и картины или оригиналы, по кот[орымъ] ткуть. Въ первой комнатѣ со двора стоитъ картина, представляющая свиданіе Александра I и Наполеона. Я узналъ портретъ Вел. Князя и Князя Куракина. Оттуда отправился къ Лувру — шелъ долго улицею Муветардъ; въ иныхъ улицахъ едва дышать было можно отъ вони. Въ 5 часовъ пришелъ обѣдать къ Ресторатору подлѣ Лувра. Оттуда торопился на бульвардъ *de Monmartre*, въ театръ *des Variétés*. По окончаніи трехъ піесъ я вышелъ вонъ, думая, что кончилось. При входѣ мнѣ дали контромарку и сказали, что будетъ еще четвертая. Сидѣвшій подлѣ меня Французъ (старый чертъ ходитъ забавляться глупыми вицами, хохочетъ и кряхтитъ. Я вспомнилъ о Михалковѣ, кот[орый] не терпитъ даже стариковъ, ходящихъ обѣдать въ трактиры) сказалъ, что всегда здѣсь играютъ по 4 піесы. Брюнетъ игралъ хо-рошо. Остроты очень просты — мало разницы съ лубошными, естли еще есть какая-нибудь. Партеръ хохоталъ, хлопалъ и надоблѣ мнѣ очень: хуже публики подѣ Новинскимъ.

11 Авг. Воскресенье. $\frac{1}{4}$ 2-го часа пополудни. Одѣвшись сегодня въ мой новый кафтанъ, я пошелъ по данному мнѣ въ Префектуру адресу къ Линдену. Нашелъ Линдена, но Голландца, старика. Обманувшись такимъ образомъ, я пошелъ въ *Café des milles colonnes*. Комнаты двѣ или три прекрасныя, уставлены столами. По стѣнамъ зеркала повторяютъ *тысячи разъ*

колонны, находящіяся въ комнатѣ. Въ одной изъ сихъ послѣднихъ стоитъ статуя Венеры. La belle limonadière занималась еще вѣроятно своимъ туалетомъ или покоилась въ объятіяхъ — *положилъ* хоть Морфея! Ее, однимъ словомъ, я не видалъ. Я нашелъ тамъ своего Нѣмца, выпилъ съ нимъ кофе; читалъ газеты; онъ ушелъ, я все читалъ. Въ 12-мъ часу пошелъ я на низъ; ходилъ по Palais Royal въ задъ и въ передъ. Café d. milles colonnes мнѣ очень понравился. Тамъ можно сидѣть покойно; это напоминаетъ Московскую кофейную, кот. я часто вижу во снѣ. Ходя по Palais Royal, я нашелъ кабинетъ, гдѣ читаютъ книги и журналы; зашелъ туда и буду чаще ходить для журналовъ вообще и въ особенности для моднаго. Une Séance стоитъ 6 су — за мѣсяць 5 фр. Тамъ сидѣлъ я до 4 часовъ. Пошелъ обѣдать. Кушанье было порядочное — вино тоже; но мнѣ ѣлось, но не пилось — не могъ выпить даже полбутылки, $\frac{1}{2}$ осталось. Пообѣдавши, я пошелъ въ Grande Opera. Играли Едипа (опера) и балетъ Телемакъ. Эдипъ съ виду хуже нашего Плавильщикова и пѣлъ гораздо хуже, нежели тотъ. L'Ainé игралъ Полиника. Онъ же игралъ и Трояна (когда я его видѣлъ). Голосъ его дрожить, я не зналъ отъ чего. Теперь подозреваю: ему около 60 лѣтъ, какъ сказалъ мнѣ сосѣдъ мой. Голосъ его очень силенъ, впрочемъ играетъ превосходно, лучше всѣхъ Французовъ, кромѣ Тальмы. Балетъ Телемакъ — прекрасный по своимъ декораціямъ. Первый танцеръ былъ Albert (Вестриса я прежде видѣлъ). Облака, на которыхъ спускалась Венера, и самая Венера прекрасны. И эта Венера подлинно похожа на Венеру — очень мила и хороша. Лучше всѣхъ актрисъ, видѣнныхъ мною¹⁾. Оттуда пошли мы, трое Нѣмцевъ (мой, знакомый моего и одинъ, познакомившійся съ нами въ театрѣ) и я въ Palais Royal. Тутъ на каждомъ шагу встрѣчались намъ прелестницы: нѣкоторыя были такъ немилы, такъ толсты, что я жалѣлъ тѣхъ несчастныхъ, кои попадутся имъ на жертву — естли впрочемъ найдутся охотники. Мы зашли въ Café des aveugles, но тотчасъ вышли. Зашли въ Café Alexandre — я съѣлъ чашку лапши; Нѣмцы пили вино. Оттуда пошли въ № 9. Тутъ игра и балъ. Три стола были окружены желающими обогатиться самымъ легкимъ образомъ, ибо лица ихъ доказывали, что они не для удовольствія тутъ находятся. Одинъ часто обращался ко мнѣ, говоря *ragole d'honneur 2 set*. Нѣмцы оба проиграли по нѣскольку франковъ. Я смотрѣлъ и чувствовалъ неблагоприятіе Правительства позволять публично играть: соблазнъ. Въ другихъ залахъ кружились красавицы. Кавалеры танцовали *negligé*: и всѣ хуже, чѣмъ въ Вендѣ и *deutsche-Hause*. Я вспомнилъ

1) Внизу очевидно позднѣйшая приписка: «Я еще не зналъ тогда Fother, хотя онъ въ другомъ родѣ».

о похожемъ на сіе Амстердамскомъ Ронделѣ. Къ красавицамъ, несмотря на ихъ привѣтливья слова и комплименты усамъ моимъ, былъ я столько же хладнокровенъ, какъ и карточнымъ столамъ. Тутъ видѣлъ я Русскихъ — и вѣроятно лакѣевъ. Пріятно было смотрѣть на нихъ и слушать ихъ разговоры. Пристойность — пустая — не позволила вступить съ ними въ разговоръ. Оттуда пошли по домамъ. Въ café d[es] m[illes] col[onnes] мнѣ въ особенности понравилось, что я тамъ былъ въ воскресенье поутру. Привычки младенчества — сколь сладостны вы сердцу, которое чувствуетъ цѣну всего Отечественнаго на сторонѣ чужой, между незнакомыми! Блаженныя минуты позабуду тамъ — вмѣстѣ со всѣми въ кругу ихъ! Надежда! Провидѣніе!

12 Авг. Понедѣльникъ. $\frac{3}{4}$ 12-го часа. Одѣвшись сегодня comme il faut, поѣхалъ я въ фіакръ къ Посланнику. Подъѣзжая къ дому, я примѣтилъ, что кучеръ хочетъ остановиться у воротъ. Я кричалъ, чтобы ѣхалъ на дворъ. Онъ отвѣчалъ, что нумеръ на его каретѣ сіе ему воспрещаетъ. Я дошелъ до крыльца пѣшкомъ. Попался Колоколовъ, потомъ Крафтъ: оба сказали мнѣ, что Князь давно уже ожидалъ меня. Я вошелъ къ Его Сіятельству. Онъ сидѣлъ на креслахъ за столомъ въ шлафрокѣ. Важная фигура съ наружи. Я пробормоталъ нѣсколько словъ по-Русски. Онъ сказалъ мнѣ, что радъ видѣть une ancienne connaissance. Спрашивалъ о Матушкѣ и — что мнѣ было не пріятно — вмѣстѣ и о родимой Марѣ Семеновнѣ. Былъ со мною ласковъ. А такъ какъ и бывшіе его тутъ секретари и проч. стояли передъ нимъ, я старался поучтивѣе кланяться. Не терялъ времени, желая сберечь деньги, и откланялся совсѣмъ. Приѣхалъ домой, посмотрѣлъ на часы и заплатилъ за карету только 2 франка, т. е. за одинъ часъ. Надѣвши свой синій фракъ, я пошелъ въ Pal[ais] R[oyal], зашелъ въ Pavillon de la Paix. Пилъ тамъ съ большимъ аппетитомъ прекрасный кофе и читалъ Жофруа. Въ зеркалѣ видѣлъ фасадъ Pal. R., былъ спокоенъ — не весело ли провелъ я время! — Хорошо и для меня, по моему вкусу, весело. Въ 5 часу пошелъ обѣдать, зайдя прежде къ ресторатеру Davois, чтобы поговорить съ Русскими. Обѣдалъ дурно, т. е. ѣлъ безъ аппетита. Завтра пойду обѣдать въ Каво, — тамъ ѣдятъ лучше. Послѣ шести часовъ пошелъ въ Vaudeville. Игра новой піэсы заманила меня. Передъ оной играли l'Arlequin affecteur. Довольно глуха и суха. Въ новой: le Departement des deux maitres, есть изрядныя аріи. Лакей игралъ хорошо, но слишкомъ обыкновенно; даже аріи эти мнѣ надоѣли. Я вспоминалъ объ удовольствіи, кот[орое] мнѣ причинялъ театръ прежде, и думалъ, что лучше, по крайней мѣрѣ пріятнѣе — а тутъ пріятность главное — не разумѣть ничего въ театральной игрѣ, быть всегда въ этомъ ребенкомъ¹⁾, не-

1) Внизу, въ концѣ страницы, приписка: («получилъ 100 червонцевъ отъ брата»).

желя умѣть отличать дурное отъ хорошаго. Послѣдняя піеса: les Deux chasseurs, нѣсколько помирила меня въ водевилями. Послѣдняя арія, пѣтая М. Démart: Pan, Pan, pour les actrices, Pan, Pan, pour les acteurs! подала поводъ выходящимъ перемѣнить роуr на sur. Она играла и пѣла хорошо. Шуму было много. Послѣ первой піесы кричали: l'Allemande! Нѣкоторые противились и шикали. Первая партія закричала: à la parte! Шумъ кончился, и арлекинъ съ своею любезной протанцовалъ желаемый танецъ. Въ третьей піесѣ пьяный лакей, приглашая крестьянокъ танцевать, упомянулъ слово Russe — но какъ не похожи были танцы ихъ на наши! Партеръ состоялъ изъ compétehte Richter — не было глупости, коими были впрочемъ начинены всѣ три піесы, кот[орыя] бы не причиняли смѣха и несноснаго хлопанья. Площадныя экивоки, двусмыслицы были принимаемы, какъ бонмо.

Изъ театра зашелъ въ Pal[ais] R. Пилъ съ Нѣмцами пиво въ Café des aveugles. Парижъ мнѣ нравится, въ особенности Р. R. Я еще болѣе увѣрился въ красотѣ сего мѣста, входя пунѣ въ садъ изъ театра. Ночь была темная. Четыре стѣны, окружающія садъ, были освѣщены. Этотъ clair-obscur тѣмъ болѣе способствовалъ прогулкѣ прелестницъ, изъ кот. одна показала мнѣ подлинно достойною сего названія. Темнота скрывала недостатки; свѣтъ показывалъ прелести. Повидимому всѣ эти Нимфы очень откровенны. Не для нихъ ли имѣютъ Французы слово naïveté. На сихъ дняхъ сидѣлъ я въ café Alexandres подлѣ входа въ P[alais] R[oyal] у колоннъ. Поцѣлуи были такъ горячи тѣхъ, кои стояли у колоннъ, что эхо повторяло ихъ даже въ кофейной. Далѣе все это kann nicht getrieben werden. Сожалѣю объ отцахъ, коихъ дѣти погибаютъ на войнѣ или иначе: каково тѣмъ, у коихъ дѣти занимаются ремесломъ. . . ¹⁾ но эти несчастныя не имѣютъ обыкновенно родителей, по крайней мѣрѣ въ истинномъ смыслѣ.

13 Авг. Вторникъ 7 часовъ вечера.

Сегодня въ 10 часовъ пошелъ я въ College de France. Всѣ коллегин кончились, кромѣ сравнительной анатоміи. На дорогѣ встрѣтился мнѣ одинъ старикъ, кот[орый] сказалъ, чтобы я спряталъ въ карманъ платокъ. Онъ разговорился со мною. Довелъ меня до College de France и до Jard. des Plantes. Предлагалъ мнѣ принять его, какъ лакея. Я отказалъ. Изъ Coll. d. Fr. пошелъ въ J. d. Pl[antes]. Тамъ читалъ Lamarck лекцію объ инсектахъ. Когда онъ кончилъ статью, тогда сидѣвшій подлѣ него, т. сказать помощникъ, показывалъ инсекты и толковалъ. Эти перемѣны мнѣ не понравились. Lamarck диктовалъ, кажется, по писанному: въ этомъ состояла его лекція. Прежде показа

1) Одно слово не разобрано.

еще я вышелъ. Ходилъ по саду. Видѣлъ льва, львицу, гепарду и собаку, кот[орая] по словамъ одного изъ зрителей, выбрана львицею въ собесѣдницы. Оттуда пошелъ въ Palais Royal; обѣдалъ подлѣ Caveau и въ Павильонѣ пилъ послѣ кофе. Теперь пришелъ домой, чтобы писать письма. Главное я все здѣсь видѣлъ, кромѣ библіотеки. Въ два мѣсяца буду satt Парижемъ. Теперь былъ у знакомаго моему Нѣмцу Нѣмца, курили табакъ. Они пошли въ Большую Оперу. Нынче читалъ уже я критику въ журналѣ на ту піесу, кот[орую] вчера видѣлъ.

1/4 12 часа. Съ семи часовъ все былъ дома: писалъ письма въ Москву, П-бургъ, Геттингенъ и Гейдельбергъ къ Штендеру. Теперь пора спать.

14 Авг. Середа. 1/2 12 ночи. Сегодня вышелъ поздно со двора. Ходилъ въ таможену, гдѣ привѣсили свинцовую печать къ посылкѣ для Штендера. Я сдѣлался теперь еще бѣльшимъ непріателемъ всѣхъ подобныхъ препятствій торговлѣ. Всѣ чиновники казались мнѣ болѣе нежели тунеядцами. Практика подтвердила теорію. Оттуда пошелъ на почту и отдалъ тамъ посылку. Пришедши въ Pal[ais] R[oyal], встрѣтилъ я Нѣмца и пошелъ съ нимъ въ Milles col[onnes]. Тамъ пилъ кофе съ большимъ апетитомъ и прочелъ нѣсколько газетъ. Потомъ пошелъ къ Traiteur Davois, гдѣ нашелъ нашихъ пѣвчихъ: добрые ребята, взяли мое письмо для доставленія курьеру и обѣщали достать билетъ, если есть для церкви завтра, и принести оный ко мнѣ. Потомъ пошелъ обѣдать; а послѣ обѣда сидѣлъ въ саду Р. Р. на стулѣ. Смотрѣлъ на проходящихъ. Подъ вечеръ сдѣлалось тамъ даже тѣсно: наряженные дѣвки умножали тѣсоту; вдругъ мы примѣтили, что число насъ уменьшилось, — видно разошлись по квартирамъ. Потомъ опять увеличилось. Я ходилъ съ Нѣмцами и смотрѣлъ. Пилъ кофе въ Павильонѣ и оттуда пошли къ одному изъ Нѣмцевъ, гдѣ курили скверный табакъ, отъ кот[ораго] мнѣ было дурно. Каждый вечеръ радуюсь я, что живу подлѣ Р. Р., иначе бы плохо было ходить домой; а въ Р. Р. надобно быть каждый вечеръ. Сегодня театры всѣ gratis. Завтра праздники. Посмотримъ. Я намѣренъ теперь взять Итальянскаго учителя и брать уроки каждый день. Кофе въ Каво прекрасный; не помню такого въ Германіи. Пріятно сидѣть въ Павильонѣ и смотрѣть на проходящихъ. Сегодня я считалъ окошки въ Палѣ Р. въ садѣ — ровно 72; съ тѣми, гдѣ биржа и проч. все въ одинъ рядъ — 100. Въ ширинѣ 30. Этажей четыре, считая и аркады. Дамъ порядочныхъ я не видывалъ тамъ. По вечерамъ и никакихъ нѣтъ, кромѣ тамошнихъ жилищъ.

15 Авг. Четвергъ. 1/2 12 часа ночи. Сегодня въ 11-мъ часу пошелъ пить кофе въ Павильонъ. Оттуда съ Нѣмцами къ Тюльери. Во дворцѣ было

собрание, какъ мнѣ сказывали у обѣдни. Тамъ стояли мы и смотрѣли на при- и отъ-ѣжающихъ. Самый богатый экипажъ былъ нашего Посланника. Послѣ того какъ всѣ разъѣхались, прошелъ я, вмѣстѣ съ народомъ, въ Тюльери, а оттуда на набережную. По обѣимъ сторонамъ рѣки и на мостахъ было пропасть народа, кот[орый] смотрѣлъ на игры, состоявшія въ томъ, что стоявшіе на корму на лодкахъ толкали шестами другъ друга въ воду. Народъ принималъ большое участіе въ этихъ сраженіяхъ. Мнѣ понравились онѣ только тѣмъ, что очень большое количество народа могло ихъ видѣть. Оттуда пошелъ посмотрѣть земляковъ у Davois. Остался тамъ обѣдать и послѣ обѣда пошелъ съ Г. Рудневымъ въ Тюльери и въ Елисейскія поля. Тутъ было тьма народу. Забавы состояли въ одномъ амфитеатрѣ, на которомъ фигляры плясали по канату. Мы выпили тамъ бутылку пива и возвратились въ Тюльери. У дворца было много людей. Къ услугамъ зрителей находились тамъ стулья: я заплатилъ за одинъ 15 су. Въ 9 часу, послѣ того какъ были зажжены на дворцѣ и въ саду плошки, явился Императоръ съ Императрицею на балконъ; поклонились на всѣ стороны и сѣли. Народъ, т. е. нѣкоторые изъ народа кричали: *Vive l'Empereur, но не дружно*. Потомъ играли музыканты и пѣли пѣвчіе. Кричали: *vive l'empereur et le Roi de Rome!* Тоже, *но дружно*. Музыканты и пѣвчіе опять играли и пѣли. По окончаніи сего начался фейерверкъ на *place de la Concorde*. Послѣдній букетъ былъ очень хорошъ. Я стоялъ на стулѣ съ Г. Рудн[евымъ] и съ однимъ Французомъ. Стулъ не сдержалъ насъ и изломался; мы упали — но къ несчастію на старухъ: большаго вреда нельзя было ожидать. Императоръ и Им-ца удалились. Народъ *повалилъ* изъ сада. Я пошелъ на *place du Carrousel*; и съ этой стороны былъ дворецъ иллюминированъ. Пріятно было смотрѣть на множество народа, прогуливавашагося по площади. Я пошелъ въ *Milles Colonnnes*; пилъ кофе, видѣлъ *la belle Limonadière*. Потомъ взялъ сигарку и, закуря оную, сѣлъ въ саду на стулѣ. Темная ночь, освѣщеніе лавокъ и окошекъ (т. е. внутри), множество народу, прелестницы, все это, соединясь съ табачнымъ дымомъ, расположило духъ мой къ мечтанію. Я думалъ о многомъ и между прочимъ о Геттингенѣ. Щастливые годы представлялись живо моей памяти. Я хотѣлъ бы оставить все и летѣть въ объятія брата и друга и въ объятія тишины и спокойствія, въ объятія довольства. Все, происходящее въ продолженіи жизни, похоже на сонъ: Геттингенская жизнь слишкомъ жива въ памяти моей, чтобы казаться мнѣ таковымъ сномъ. Одинъ въ Палероялѣ — среди шума — я думалъ о Венде. — Не странно. Блаженные минуты жизни, пріятны и полезны не только сами по себѣ, но и потому, что онѣ заставляютъ забывать непріятныя; воспоминаніе, и послѣ

многихъ годовъ, улаживаетъ горестное сердце и увеличиваетъ радость веселаго. Посреди воспоминанія и надежды живемъ мы — и щастливъ тотъ, кот[орый] можетъ радоваться и утѣшаться ими.

Сегодня въ Тюльери было очень много народу, но всё были спокойны. Я не чувствовалъ толчковъ и не слышалъ никакихъ споровъ. Вспомнилъ и повѣрилъ на опытѣ слова Сарторіуса. За это я очень люблю Французовъ.

$\frac{4}{16}$ Авг. Пятница. $\frac{1}{4}$ 1-го часа. Сегодня провелъ день дома и въ R[alais] R[oyal]. Въ 5 повечеру былъ въ Théâtre de la Gaîté. Играли: 1) le billet de logement, 2) le château d'eau (кажется). Сію послѣднюю въ первый разъ. Идя въ театръ, я видѣлъ въ натурѣ сей chateau d'eau: онъ находится на булеварѣ. Сочинитель самъ игралъ тутъ и пѣлъ. Партеръ самый непросвѣщенный изъ всѣхъ, гдѣ я бывалъ здѣсь, хлопалъ, свисталъ, кричалъ и проч. Авторъ былъ долго вызываемъ на сцену, но не явился. Піеса заключилась арією, кот[орой] два послѣдніе стиха были: Et pour faire aller la fontaine daignez vous mettre tout en l'eau. Одинъ изъ актеровъ сопровождалъ эту арію самыми выразумительными жестами. Послѣ этой играли мелодраму, кажется: l'homme de la foret noire. Duminy игралъ роль дурака очень хорошо и натурально. Эти роли, кажется, вездѣ лучше всѣхъ удаются. Домой возвращался я булеварами: врядъ ли это была не самая пріятная, пріятнѣйшая моя прогулка въ Парижѣ. Я шелъ и курилъ сигарку. По обѣимъ алеямъ шло много народу. Освѣщеніе множества домовъ много способствовало къ пріятности прогулки. Я неохотно повернулъ въ Rue Richilieu. Хотѣлъ воротиться на булеваръ, почувствовалъ охоту писать—сперва въ прозѣ, потомъ, дорогою еще, въ головѣ началъ стихи. Пришелъ домой, началъ писать, написалъ нѣсколько строчекъ— *и охота прошла и отъ стиховъ и отъ прозы.* Вотъ эти строчки:

Мечты прелестныя, минуты наслажденья,
 Отрада въ горести, въ нещастьѣ утѣшенье —
 Воспоминанія! пребудете навсегда
 Душамъ чувствительнымъ залогомъ непремѣннымъ.
 А ты, священный даръ благаго Провиденья,
 Надежда! даруя страдальцамъ подкрѣпленье,
 Возжги свѣтильникъ свой и озаряй тотъ путь,
 По коему влачимъ мы жизнь свою въ безвѣстїи.
 И странникъ въ челнокѣ на семъ пространномъ морѣ,
 Валовъ морскихъ игра съ суровымъ рокомъ въ спорѣ,

Минуты щастія протекши вспомянувъ,
Свой духъ возвеселить, надеждой укрѣпленный! ¹⁾

17 *Августа. Суббота.* Приходя домой, записываю, что издержалъ въ теченія дня; посчитавши теперь оставшіяся деньги, щеть мой оказался невѣрнымъ: не знаю, забылъ ли что-нибудь записать, или не обманулся ли гдѣ въ промѣнѣ золота. Это неприятно; буду впередъ тотчасъ записывать издержанное. Сегодня пилъ по утру кофе въ R[alais] R[oyal] и прочелъ всѣ газеты. Обѣдалъ хорошо, а послѣ обѣда пошелъ въ Тюльери, а оттуда ко всеобщей. Пѣвчіе пѣли очень хорошо; я пѣлъ съ ними и подлинно наслаждался. Священникъ обошелся со мною ласково. Въ церкви никого не было. Князь, какъ сказывали, обѣдалъ въ это время одинъ въ саду, и лакей прогонялъ мухъ огъ его Сіят[ельства] цвѣтами. Это было уже въ 7 часовъ: не знаю, были ли въ это время тамъ мухи. Садъ очень хорошъ. Повечеру возвратился въ R[alais] R[oyal], пилъ кофе и наслаждался спгаркою, сидя въ алеѣ. Мимо меня проходили многіе; я думалъ о Геттингенѣ, и только онъ мѣшаетъ мнѣ съ нетерпѣніемъ желать возвращенія въ Россію. Пора спать и курить, мечтать не могу — голоденъ. —

18 *Августа. Воскресенье. 1/4 12 часа ночи.* Сегодня Итальянскій учитель, Signor Pio, заставилъ меня прежде 9 часовъ встать изъ постели. Я взялъ первый урокъ и повторилъ. Пошелъ въ R[alais] R[oyal]; тамъ пилъ кофе и читалъ газету. Оттуда къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни позвали къ Князю. Тутъ я нашелъ Г. Лаврова, съ кот[орымъ] завтракалъ по-Русски у нашего подлинно Русскаго священника. Оттуда пошелъ съ Г. Лавровымъ обѣдать. Потомъ къ Г. Уткину, съ кот[орымъ] я познакомился и нашелъ въ немъ очень ласковаго человѣка. вмѣстѣ ходили мы въ Jardin des Princes: тутъ маленькія дѣвочки поднимались на шару. Потомъ были въ Frascati; зашли въ R[alais] R[oyal]; они — домой, я — пить пиво и читать газеты. Усталъ и хочу спать. Г. Уткинъ занятъ портретомъ Князя, кот[орый] дѣлалъ уже во всѣхъ видахъ, выключая съ звѣздою Легіона Чести, кот[орая] блистаетъ на немъ и на портретѣ между Андреевскою и Владимірскою.

19 *Августа. Понедѣльникъ. 11 вечера.* Въ 9 часовъ Итальянецъ опять поднялъ меня съ постели. Послѣ сего я не могъ долго повторять по причинѣ холода. Пошелъ завтракать къ Davois. Оттуда пошелъ въ cabinet de lecture. Оттуда въ Лувръ, гдѣ нашелъ Г. Лаврова (съ нимъ обѣдалъ), кот[ораго] проводилъ домой; былъ у него и пошелъ въ Одеонъ. Опъ туда же

1) Это очевидно черновой набросокъ того самаго стихотворенія, которымъ начинается шестая книга дневниковъ Тургенева (см. выше, стр. 5).

послѣ пришелъ. Играли въ 1 разъ Семирамиду. Актеръ Crivelli пѣлъ прекрасно. M-me Festa тоже хорошо. Я купилъ піэсу съ Французскимъ переводомъ и оттого понималъ все то, что они пѣли. Народу было тьма. Со-сѣдамп я сегодня былъ очень щастливъ. Одинъ препростой, другой-переговорливый. Потомъ, какъ всегда со мною бываетъ, я былъ щастливъ тогда, когда не имѣлъ въ ихъ нужды: я читалъ съ начала, а потомъ говорилъ съ землякомъ. Театръ Одеонъ внутри очень красивъ, такъ какъ и съ наружи. Нѣкоторыя декораціи были очень хороши.

Меня Парижъ не такъ занимаетъ, какъ прежде — и сіе съ нынѣшняго дня. Въ Геттингенѣ очень хочется побывать.

Вторникъ. 1/2 12 ночи. 20 Августа. Сегодня Signor Pio опять поднялъ меня съ постели. Я взялъ урокъ, повторилъ, приготовился и пошелъ завтракать; потомъ домой; перевелъ и пошелъ обѣдать. Послѣ обѣда въ Федо; играли les Diables à quatres. Актриса Govandar прекрасно играла Марго, жену сапожника. Потомъ играли Richard Coeur de Lion. Тутъ понравилась мнѣ только Alex. St-Aubin, игравшая мальчика Антоніо. Прочіе всѣ посредственно играли и пѣли, тѣмъ болѣе, что я вспоминалъ о вчерашнемъ актерѣ Crivelli. Музыка хороша. Народу было довольно много. День провелъ я по-обыкновенному. Мнѣ очень нравится ходить въ моемъ Геттингенскомъ сертукѣ: напоминаетъ прошедшее, а настоящее и пріятно только лишь прошедшимъ и даже врядъ ли не болѣе, нежели будущимъ. Будущность темна; прошедшее ясно, но походить на сонъ.

Не знаю, какъ сказать, скоро или долго прошли для меня эти три недѣли, кот[орыя] я провелъ въ Парижѣ: и то и другое, но болѣе, кажется, *долго*, ибо я привыкъ жить здѣсь.

21 Августа. Среда. 1/2 12 ночи. Всѣ афишки театровъ не прельстили меня: ни одна піэса мнѣ не понравилась. Я сегодня два раза гулялъ въ Тюльери, гдѣ видѣлъ много порядочныхъ дамъ. Сидѣлъ долго на стулѣ, между двумя разговаривавшими компаніями и слышалъ ихъ болтанье. Тюльери мнѣ очень нравятся; по все это уже меня теперь не занимаетъ. Готовъ оставить Парижъ, посмотрѣвши окрестности. Завтра надѣюсь получить билеты для осмотра нѣкот[орыхъ] дворцовъ. Началъ и кончилъ день по обыкновенію моему въ R[alais] R[oyal] — и сіе пьемъ кофе. Газеты читаю я всѣ ежедневно. Иногда критики игранныхъ піэсъ, актеровъ, интригъ и нѣкоторыхъ книгъ — хороши, въ особенности соч[иненныя] Жофруа. — На путешествіе въ Италію смотрю я, какъ на море, кот[орое] мнѣ должно переплыть. Любопытство и туда влечетъ меня: наслажденія, кот[орыя] представлялъ тамъ себѣ прежде, не представляются болѣе моему воображенію.

Домой! домой! А Геттингенъ? Эта мысль не позволяетъ еще разъ сказать: домой! Въ Геттингенъ! А потомъ уже домой. Домой! домой! домой! Что тамъ будетъ за этимъ моремъ, за горами? Ахъ, не знаю! Въ головѣ моей бродятъ мечты, но мечты не плѣнительныя, не сладостныя. Воображенію моему представляется многое, но это *многое* не озаряется лучемъ *утѣшительной* надежды. — Можетъ ли Надежда быть не утѣшительна? Не думаю. Если она не утѣшаетъ, то она болѣе не надежда; тогда это будетъ страхъ, боязнь: Надежда всегда пріятна и сладостна. Сегодня обѣдалъ за 30 су съ $\frac{1}{2}$ бут[ылкой] вина на Rue St. Honorè, и намѣренъ ходить туда впредь до перемѣны. Обѣдъ хорошъ. Передъ этимъ я платилъ 40 су, но ѣлъ не сытнѣе. Теперь сидѣлъ въ саду передъ павильономъ, курилъ сигару и пилъ кофе. Красавицы мелькали мимо меня; одна изъ нихъ была изрядна и мнѣ нравилась.

Сидя сегодня въ Тюльери на стулѣ подъ деревомъ, посреди гулявшихъ, думалъ я о различныхъ состояніяхъ жизни. Въ молодости, когда человѣкъ не испыталъ еще несчастій потери любезныхъ сердцу, душа его весела: онъ видитъ въпереди одно только щастіе. Но когда кто испытаетъ эти жестокія несчастія, тотъ часъ отъ часу дѣлается болѣе и болѣе хладнокровнымъ и наконецъ, лишившись всего, если онъ еще живетъ и имѣлъ чувствительное сердце, — то онъ дѣлается камнемъ — болѣе, нежели камнемъ: онъ смотритъ на все съ ненавистью. Прельщать его, веселить ничто не можетъ. Это замѣчаніе почерпнулъ я изъ собственнаго опыта; но я не сдѣлаюсь совершеннымъ камнемъ, ибо врядъ ли переживу всѣ несчастія, могущія случиться съ человѣкомъ. Одно можетъ [заставить] меня только жить — Отечество! Оно для меня должно быть выше всего на свѣтѣ.

22 Августа. Четвергъ. $\frac{1}{4}$ 12 ночи. Сегодня ходилъ въ Elysée Bourbon, теперь — Napoléon, и получилъ тамъ билетъ для осмотра Мalmaison. Проходя отсюда черезъ Тюльерійскій садъ, я зашелъ въ находящійся тутъ кофейный домъ, пилъ кофе, воду и читалъ газеты. Разборъ Жофруа Семирамиды, какъ самой піесы, такъ и игры актеровъ, очень хорошъ, написанъ съ умомъ и тонкостію. Вчера читалъ я два разбора сей оперы въ другихъ газетахъ: въ одномъ оную хвалятъ, въ другомъ напротивъ. Жофруа не дѣлаетъ ни того, ни другаго. Первые не имѣютъ силы; послѣдній долженъ согласовать различныя мнѣнія. Не знаю почему Жофруа такъ cavalièrement говоритъ о Шекспирѣ: онъ пишетъ не для той публики, кот[орая] рѣшить судьбу піесъ и актеровъ, сидя въ théâtre de la Gaité и т. п. А кажется только этой публикѣ можетъ нравиться такая критика славнаго Англичанина. Я говорю: *нравится* — думаю, что Жофруа] написалъ это только для того,

чтобы понравиться, ибо съ его умомъ нельзя не отдавать должной справедливости, нельзя не удивляться — Шекспиру! Онъ также разбиралъ игру актеровъ въ Richard Coeur de Lion. Разборъ мнѣ очень понравился, тѣмъ болѣе, что онъ согласенъ былъ съ моими чувствами при смотрѣннн сей пѣасы. — Тюльерійскій садъ представлялъ мнѣ очень хорошее мѣсто для питья кофе. Воздухъ былъ хорошъ, не скажу, благорастворенный; по крайней мѣрѣ не было пыли. Вчера, прогуливаясь по этому саду, я примѣтилъ нѣсколько лужковъ: мнѣ пришелъ на мысль лугъ на широкомъ дворѣ, какъ, напримѣръ, у насъ въ Княжевѣ. Я думалъ: хорошо ли имѣть въ деревнѣ Тюльери? и отвѣчалъ немедленно самъ въ себѣ: нѣтъ! (кромѣ тѣни). Мысль о лугѣ затмила всѣ красоты Тюльери. Природа! природа! Я болѣе, нежели когда-нибудь чувствую твои прелести, будучи такъ далекъ отъ нихъ. Обѣдалъ на Rue St. Honoré за 30 су хорошо. Потомъ пошелъ въ Feydeau. Играли la Colonie и Cendrillon. Тутъ пѣли двѣ актрисы хорошо, актеры дурно. Alexandrine St. Aubin мнѣ очень понравилась, въ особенности въ своемъ простомъ платьѣ. Главное ея искусство — природы въ Парижѣ, кажется, быть не можетъ — состоитъ въ томъ, что невинность, простота ея кажутся быть не театральными, но подлинно природными. Она плясала — куплю портретъ въ этой позиціи. Изъ театра прямо домой, нанялъ комнату за 20 фр. и 6 фр. за услугу въ мѣсяць: плачу 60 и 12—.

Парижъ мнѣ даже наскучилъ, т. е. это значитъ: я хочу домой, хочу въ Геттингенъ.

23 Августа. Пятница. $\frac{3}{4}$ 12 ночи.

Сегодня просидѣлъ за Итальянскимъ языкомъ до 1-го часа. Твердилъ сопряженія какъ будто Смита. Трубка заставляла забывать голодъ. Кончивши это, я пошелъ на почту, надѣясь получить писемъ изъ Геттингена, и для того отложилъ завтракъ до возвращенія отсюда. Читать письмо изъ Геттингена и пить кофе въ Кава — можно ли въ Парижѣ проводить пріятнѣе время! Но мечты мои исчезли, когда на почтѣ мнѣ сказали, что писемъ ко мнѣ нѣтъ. Я ощущалъ что-то очень непріятное въ моемъ сердцѣ и пошелъ назадъ. Пришедши въ R[alais] R[oyal], зашелъ въ Café выпилъ чашку кофе и перечиталъ всѣ газеты. Потомъ обѣдалъ съ Г. Лавровымъ и съ нимъ же былъ въ Théâtre Français. Играли L'héritier universel и Médecin malgré lui. Театръ былъ пустъ, да: совершенно пустъ. Когда началась музыка, то въ партерѣ было 19 человекъ; 4 въ ложахъ перваго ряда, 9— въ райкѣ. Вчера въ Сандрильонѣ, кот[орую] играли въ 105 разъ, все было полно. Я сначала думалъ, что публика соберется ко второй пѣсѣ, но число зрителей немногимъ увеличилось. Музыка была очень посредственная. Играли хорошо, въ

особенности Thenord въ ролѣ лакея въ 1-й пiесѣ и лѣкарь во второй. Я смѣялся много противъ моего обыкновенiя, т. е. я никогда почти не смѣялся въ другихъ театрахъ. Отъ Федо у меня совершенно прошла охота. Вотъ вкусъ публики, думалъ я, и не удивлялся сему вкусу. Изъ театра пошли мы въ R[alais] R[oyal]. Были въ Milles colonnes. Хозяйка хороша, какъ во-сковая кукла, les garçons всѣ молодцы; чашки, карафины все хорошо, чисто, блистаетъ. Кофе хуже, чѣмъ въ Каво. Въ Emblais¹⁾ хожу затѣмъ, что тамъ скорѣе и легче можно прочесть всѣ газеты, нежели въ Каво, гдѣ кофе всѣхъ лучше.

Парижъ меня болѣе нежели не веселитъ. Домой! въ Геттингенъ!

24 Августа. Суббота. Около полуночи — часы мои стоятъ.

Сегодня, напившись прекраснаго кофе въ Каво, пошли мы съ Г. Лавровымъ на набережную у Тюльери, наняли повозку des environs de Paris и отправились въ Malmaison, оба за 40 су. Съ нами сидѣлъ одинъ гвардейскiй солдатъ. Я освѣдомлялся у него о жалованьи солдатъ. Un vieux grenadier reçoit 23 sous par jour, un vieux grenadier à cheval болѣе. Армейскiе солдаты 7 су, кавалеристы болѣе; егеря гвардейскiе и тиральеры²⁾ менѣе гренадировъ. Дорога, по кот[орой] мы ѣхали, была хороша: прiятна, широка. Мнѣ прiятно было быть за городомъ, но я не чувствовалъ ни одного изъ тѣхъ удовольствiй, кот[орыя] обыкновенно каждый имѣетъ, выѣзжая изъ города въ поле. Мѣстоположенiе было не плѣнительно, кромѣ Сены. Поля и деревья были покрыты пылью. Видовъ тоже не было. Я былъ за городомъ — не болѣе; но много и этого: быть за Парижемъ. — И я этимъ былъ доволенъ. Прiѣхавши въ M[al]m[aison], пошли мы въ садъ; садъ Англiйскiй хорошъ: много иностранныхъ дорогихъ деревьевъ; есть хорошия виды. Дворецъ съ наружи ничего не обѣщаетъ; напротивъ очень кажется печальнымъ, когда его называютъ château. Внутри — совсѣмъ противное. Мнѣ чрезвычайно понравился: многое тамъ сдѣлано съ большимъ вкусомъ, нап[р]имѣръ] библиотека, спальня и т. п. Картина зимы мнѣ отмѣнно понравилась и имѣла на душу мою большее дѣйствiе, нежели всѣ видѣнныя мною картины. На картинѣ было видно начало зимы; снѣгъ на горахъ, крышахъ и на путешественникахъ: это напомнило мнѣ время наступленiя зимы у насъ въ Россiи; это время, которое всегда располагаетъ душу мою къ прiятной меланхоли — это время задумчивости и размышленiя. Эту картину поставилъ бы я въ углу, смотрѣлъ бы на нее и задумывался. Прiятно иногда говорить и съ самимъ собою. Въ галлереѣ отличаются между прочими картинами 4 ланд-

1) L'Emblin? 2) Т. е. tirailleur — стрѣлокъ.

шафта Clode Lor[gr]ain Мнѣ они очень нравились. Земляка моего плѣнили; я вѣрилъ ему: это s[ehr] hoch! Оттуда хотѣли мы итти пѣшкомъ въ Marli, но прежде стали обѣдать. Пообѣдавши разочли, что не можемъ поспѣть въ театръ, естъли поѣдемъ туда — а сегодня Тальма. Marli и послѣ! Хорошо! Ёдемъ въ Парижъ. Съ этимъ словомъ вышли на большую дорогу и легли подъ деревомъ — я съ трубкою. Недолго покоились мы, и съ возвращавшеюся повозкою въ Парижъ возвратились въ Тюльери, заплатя по 15 су каждый. Прямо въ театръ, выпивши бут[ылку] пива. Я чувствовалъ большую одышку и слабость, вѣроятно отъ ѣзды. Я уже давно не ѣздилъ, а все ходилъ. Въ Français играли Танкреда. Тальма игралъ, какъ Тальма. Но роль его не такъ позволяла ему показать всѣ свои таланты, или, лучше сказать, не позволяла намъ ихъ видѣть такъ, какъ въ Гамлетѣ; и отъ того онъ мнѣ менѣе понравился, нежели въ первый разъ. Хорошо, что я его сегодня не въ первый разъ видѣлъ. Прочіе всѣ играли посредственно. Лучше всѣхъ игралъ Lасаве, и странно — наперстника Танкредова. M-elle Volnais играла (не знаю сказать какъ), играла, кричала, кривлялась, горячилась иногда очень много. Ей аплодировали. Мнѣ, мнѣ — она не понравилась, да, не понравилась. — Въ слѣдовавшей послѣ комедіи le Plaisir du ménage былъ 1 актеръ и двѣ актрисы. М-г Argend игралъ мужа хорошо, M-me или -lle Mags играла очень хорошо: мила собою. Оттуда я въ R[alais] R[oyal]. Походилъ, посмотрѣлъ, подумалъ: ахъ, Парижъ, Парижъ! я тебя видѣлъ! и не захочу видѣть еще разы!

Развернувши теперь журналъ свой, мнѣ попались слова: «тѣмъ болѣе, что мечты путешествія меня совсѣмъ не занимаютъ». Да, къ сожалѣнію, теперь менѣе, нежели когда-нибудь. Прошло то время, когда путешествіе было красно для меня какими-то мечтами, которыми я часто въ путешествіяхъ въ самомъ дѣлѣ наслаждался; но теперь — ахъ, какъ все это перемѣнилось! Какъ и мысли мои объ этомъ перемѣнились! Даже любопытство ослабѣваетъ. Домой — но и тамъ — мрачныя предчувствія... Отечество! — Оставляю перо!

Скажу по пріѣздѣ домой: сколько разъ благодарилъ я судьбу во время моего путешествія, что я Русской — утѣшительная мысль.

26 Августа. 1/4 1 часа пополудни. Понедѣльникъ. Занимаюсь Итальянскимъ языкомъ. Вчера не писалъ я въ этой книгѣ: пріѣхалъ въ 2 часа изъ Версали и очень усталъ. Въ 6 часовъ пріѣхалъ я туда. Воды начали играть около семи. Народу было много; видъ прекрасный. Имп[ераторъ] съ Имп[ератрицею] проѣхали около фонтановъ. Послѣ этого я пошелъ въ Trianon; тамъ былъ иллюминированъ весь садъ, очень большой, и, сколько можно

было видѣть — очень хорошо. Я вмѣстѣ съ другими дожидался фейерверка. Слышалъ остроты деревенскихъ дѣвочекъ съ городскими: первыя были откровенны, во вторыхъ голая откровенность казалась безстыдствомъ. Первыя привели мнѣ на память Margo въ le Diable à quatre. И я тѣмъ больше мнѣніе возымѣлъ о сей прекрасной актрисѣ, видя сходство ея, oui Monsieur, съ деревенскими женщинами. Фейерверка не было, и я возвратился домой — пріѣхалъ сюда въ 2 часа. — NB. Туда ѣхалъ я въ компаніи четырехъ, какъ они говорили, шляпошниковъ, изъ коихъ двое или трое были очень веселаго характера: ввали безъ милосердія. Я смѣялся отъ чистаго сердца. Въ особенности смѣялись надъ пѣшеходами, надъ женщинами и надъ тѣми, кои ѣхали въ телѣгахъ (charrette). На одной лошади ѣхало иногда около 2 дюжинъ; они кричали имъ: à la charrette, aux galères, de la canaille? Тѣ кричали имъ тоже, смѣялись и, кажется, никто не обижался. У заставы въ Версальи спросили, нѣтъ ли чего-нибудь на верху кареты. Одинъ изъ шляпошниковъ отвѣчалъ: Il y a du foin? — I-a-t-il aussi de l'avoine pour vous? спросилъ заставный служитель. Опять никто не обидѣлся. Шляпошникъ отвѣчалъ, что и для него тутъ есть. Всѣ смѣялись. Возвращаясь оттуда, одинъ изъ проходящихъ спросилъ у нашего кучера, естьли у него въ каретѣ два мѣста. Non, non, отвѣчалъ сей послѣдній]. Vous êtes fou, сказалъ первый. Кучеръ улыбнулся]. Въ Германіи сколько бы Швернутовъ слышно было при такой встрѣчѣ. Эти два замѣчанія даютъ мнѣ большій свѣтъ о народномъ характерѣ. — Наполеонъ потолстѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ, и даже обрюзгъ. Вода играла очень недолго, думаю, менѣе часа. Одинъ изъ тамошнихъ жителей сказывалъ мнѣ, что для этого удовольствія они должны были три дня терпѣть недостатокъ въ водѣ. Фонтановъ много, но нѣтъ ни одного даже порядочно большаго. Кассельскаго и Ганноверскаго и сравнивать съ этими нельзя.

26 Августа. Понедѣльникъ. Полночь. Сдѣлавши Италіянскій переводъ, голодъ заставилъ меня ит[т]и въ Palais Royal. Въ Lemblin выпилъ чашку кофе и прочелъ всѣ газеты. Потомъ зашелъ къ Davois, чтобы посмотреть земляковъ. Оттуда обѣдать; потомъ съ Г. Лавровымъ въ Odéon. Играли Opera buffe (кажется) Grisella. Сегодня въ первый разъ видѣлъ я M-me Varilly: пѣла прекрасно. Я чувствовалъ отвращеніе къ Федо, представляя себѣ пѣніе на семь послѣднемъ театрѣ. Duo M-me Varilli и Festa было чрезвычайно. Голосъ первой болѣе приличенъ primo, второй — секундѣ. Такъ онѣ и пѣли; голосъ первой чище и нѣжнѣе, голосъ послѣдней полнѣе. Я не знаю, которой изъ нихъ отдать преимущество: обѣ мнѣ понравились. Голосъ первой сформированъ совершенно, [голосъ] послѣдней вѣроятно еще

усовершенствуется. Вотъ преимущество Барилли передъ Фестою, естъли первая не имѣетъ еще преимущества въ искусствѣ. Въ особенноти поправилась мнѣ въ Барилли легкость, съ кот[орою] она дѣлаетъ самыя труднѣйшія трели. Актеръ Grivelli пѣлъ тоже хорошо очень. Мнѣ кажется, что еще лучше было, естъли бы голосъ его былъ громчѣе. Не смѣю судить: это не Политическая Экономія. Арія, пѣтая другимъ актеромъ, который имѣетъ много искусства, *но мало голоса*, была восхитительна; ему кричали бисъ — онъ пропѣлъ въ другой разъ и другимъ образомъ: это въ особенноти хорошо. Соло на скрипкѣ было очень хорошо. Игра на гобоѣ плѣнительна; и все это—за 30 су! Оттуда вышли мы въ 11 часовъ. Я пошелъ въ Каво, пить тамъ кофе. Garçon сказывалъ мнѣ, что хозяинъ платитъ ежегодно за мѣсто, занимаемое павильономъ, 400 или 500 франковъ. Я удивился, но удивленіе мое прошло, когда я услышалъ отъ него, что за комнату, гдѣ находится кофейная, и за другія комнаты, принадлежащія къ оной, онъ платитъ 14.000 фр. Кофе былъ прекрасный. Въ Lemblin я пью гораздо хуже, хотя и за ту же цѣну; но за то въ семь послѣднемъ могу прочитывать всегда очень легко всѣ газеты, чтò очень трудно въ Каво. За Milles colonnes платится, какъ онъ думаетъ, 7000 фр.

27 Августа. 1/4 12 ночи. Вторникъ. Только лишь Италианскій учитель ушелъ, у меня родилась охота идти въ R[alais] R[oyal], а потомъ ѣхать куда-нибудь за городъ. Напился въ Каво славнаго кофе, прочелъ Journal de l'Empire,—разборъ Жофруа Танкреда заставилъ меня много смѣяться: много острога. Говоря объ усиліяхъ M-lle Volnais и Baptiste l'aîné, упоминаетъ, что и они хотятъ лучше играть, нежели въ самомъ дѣлѣ могутъ, и что ихъ намѣренія хороши и проч. Онъ приводитъ отвѣтъ, сдѣланный однимъ древнимъ философомъ поэту, кот[орый] спрашивалъ у него, отъ чего онъ, поэтъ, желая всегда сдѣлать оды свои лучше и лучше, не можетъ никогда ихъ окончить. Философъ отвѣчалъ ему: отъ того, что онъ хочетъ всегда сдѣлать болѣе, нежели сколько можетъ. Мнѣ пріятно было вспомнить, что и я замѣтилъ это усиліе M-lle Volnais. Самую трагедію разкритиковалъ очень смѣшнымъ образомъ и сказалъ много правды.—Я спѣшилъ купить планъ окрестностей Парижа; купилъ и поѣхалъ въ St. Germain. Пріятно было выѣхать въ поле. Поля можно иногда принимать символомъ свободы. Остановился у славной машины Марліиской; сперва осмотрѣлъ дѣйствіе огромнѣйшихъ колесъ, кот[орыя] поднимаютъ воду; потомъ пошелъ на гору, по которой идутъ трубы, и гдѣ находятся два *бассейна*, водохранилища. Въ одномъ пзъ оныхъ придверникъ показывалъ силу воды, ко[торую] онъ сравнивалъ, не безъ причины, съ силою пистолетнаго выстрѣла. Чѣмъ болѣе я

возвыпался, тѣмъ бѳльшее пространство представлялось глазамъ моимъ. Я былъ похожъ на человѣка, который, бывши безъ пищи нѣсколько дней, видить передъ собою множество прекраснѣйшаго кушанья: различіе было только то, что человѣкъ сей можетъ быть наконецъ насыщенъ, я же—я бы никогда не посмотрѣлся на эту прекрасную равнину, на эти луга, деревья, селенія, на Сену, острова, раздѣляющіе ее, и проч. Тихо шелъ я на гору, оглядываясь безпрестанно назадъ и останавливаясь. Трубка имѣла свое дѣйствіе въ семь наслажденій. Я былъ доволенъ своимъ состояніемъ—выраженіе мнѣ понятное.

Дошедши до втораго водохранилища, увидѣлъ я домъ и садъ. Я вошелъ въ сей послѣдній. Большой, прекрасной лугъ представился моему виду, на концѣ кот[орого] находился красивый павильонъ; колоны придавали ему видъ болѣе, нежели пріятный. Подлѣ меня на холму стоялъ храмъ. На всѣ стороны вели дорожки по густымъ аллеямъ и, что всего важнѣе, не во Франц. вкусѣ. Домъ сей принадлежалъ *M-me du Barry*; въ павильонѣ она принимала Лудвига XV, когда сей Король ѣздилъ на охоту или къ ней. Тутъ Король сей бросался въ объятія своей любезной. Немудрено естли сады Тюльерійскіе казались ему ничего незначущими въ сравненіи съ скромнымъ лугомъ этого сада. Оттуда пошелъ я далѣе, черезъ деревню *Louvecienne*, и чрезъ нѣсколько времени былъ у подножія Аркадъ, по кот[орымъ] течетъ вода: видъ ихъ издали хорошъ. Башня, гдѣ находится водохранилище, имѣетъ 149 ступеней, и въ вышину 75 тоазовъ. Арки находятся отъ поверхности Сены 500 тоаза; имѣютъ въ длину 333 тоаза. Это сказывала мнѣ моя проводница. Видъ съ верьху башни былъ еще величественнѣе и богатѣе. Парижь, *Montmoranci*, *St. Denis*, *St. Germain*, Сена и проч. и проч., все это мѣшалось одно съ другимъ и представляло глазамъ прекраснѣйшую картину. Оттуда спустился я до Сень-Жерменской дороги и пошелъ прямо въ *St. Germain*. Дорога славнѣйшая, алея прекраснѣйшая. Я шелъ, чувствовалъ живнѣйшее удовольствіе; спрашивалъ самъ у себя, что такое удовольствіе,—и чувство сердца отвѣчало мнѣ самымъ яснымъ образомъ. Я повернулъ, по совѣту работавшей на дорогѣ дѣвушки, съ большой дороги на право и дошелъ по тропинкѣ, ведущей между виноградниками, въ *Port-Marly*. Тутъ съѣлъ кусокъ курицы и выпилъ два стакана вина; чувствовалъ пріятность независимости (хоть дикой!). По улицѣ ѣхала телега. Я спросилъ о *St. Germain*. Сидѣвшій въ ней кожевникъ (какъ я узналъ), очень хорошо одѣтый, доvezъ меня даромъ до *St. Germain*. Приѣхавши туда, я пошелъ по улицѣ: фруктовы продавали множество, и все хорошіе. Я ѣлъ виноградъ зеленый и черный, съѣлъ персикъ, сливу, все у разныхъ старухъ, и

все за 4 или 5 су. Желаніе мое было видѣть террасу. Нашелся провожатый. Довелъ меня до парка и показалъ мнѣ пространное мѣсто, начинавшееся въ ширину отъ стѣны, сдѣланной внизу того дуга, на кот[оромъ] я стоялъ, а въ длину простиравшейся до рѣшетки на другомъ концѣ лѣса. Я спросилъ: гдѣ тераса? у одного проходившаго старика, — онъ мнѣ показалъ тоже. Я продолжалъ: росъ ли тутъ виноградъ и проч. и въ прежнія времена? Онъ сказалъ: да. Я видѣлъ передъ собою подлинно чрезвычайную равнину, посреди кот[орой] протекала Сена, и которую вдаль ограничивали прекрасные холмы. Множество строеній придають болѣе прелести сей равнинѣ. Я былъ въ нѣкоторомъ восторгѣ; искалъ въ памяти чего-нибудь сему подобнаго. Ничего не нашель, кромѣ вида въ Шампаніи, т. е. за границею. Я пошелъ вдоль по лугу. Подобнаго сему послѣднему я также ничего не помню. Послѣ всего этого я у себя спрашивалъ: что, лугъ ли сей или равнина, называется террасою? Не знаю. Въ городъ возвратился я С. Жерменскимъ лѣсомъ. — Дворецъ понравилсъ мнѣ своимъ древнимъ видомъ — мѣстоположеніа. Живописцы, ступайте въ St. Germain! За сорокъ су доѣхалъ я до Парижа. Лунная ночь дѣлала хорошій конецъ моему печальному путешествію. Природа не могла со мною быть согласнѣ сего. Я очень, очень доволенъ сегодняшнимъ днемъ. Виды всегда пребудутъ въ моей памяти!

29 Августа. Четвергъ. $\frac{1}{2}$ 12 ночи. Вчера не писалъ я въ этой книгѣ; много причинъ тому: 1. Не хотѣлось! довольно! Къ тому же, сидя въ саду въ Р. R., я немного озябъ и съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ той пріятной минуты, когда лягу въ постель. Пришелъ домой, легъ, закурилъ трубку; не читалъ, а думалъ и почувствовалъ, что я немного усталъ. Хорошо это чувствовать не ходя, а лежа въ постелѣ. Это время, когда я ложусь въ постелю — и естли не о чемъ заботиться, — для меня очень пріятно: какъ будго ношу складываю подъ себя и бросаюсь въ объятія покоя и безопасности. Вчера провелъ я день не скажу по обыкновенному, ибо обыкновенно я могу дать по вечеру себѣ отчетъ, что я видѣлъ и проч. Но ничего не¹⁾ видавъ, кромѣ Франкони. Экзерциціи на лошадахъ хороши были; онъ самъ ѣздилъ на прекрасной лошади. Пангомимы мнѣ страшно наскучили. Теперь я часто скучаю, сидя въ театрѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаю — конца. Сегодня переѣхалъ я на другую квартиру; и такъ — я на новосельѣ! Плачу 20 франковъ въ мѣсяцъ и 6 за услугу; тамъ заплатилъ 55 — и 12 —, поговоривши съ хозяиномъ сегодня о первой цѣнѣ. Въ началѣ 6 часа пошелъ въ Th. Français; въ началѣ 7 — вошелъ въ партеръ — играли Ифигенію въ Аулидѣ. Всѣ лучшіе

1) Далѣе въ рукописи зачеркнуто: «сдѣлалъ и не».

актеры были на сценѣ, и такъ удивительно ли, естли театръ былъ полонъ. Сегодня въ первый разъ видѣлъ St. Prix и M-lle Bourgoïn. Перваго природа одарила прекрасными ростомъ, фигуурою и голосомъ: онъ дарованьями своими много соотвѣтствуетъ симъ достоинствамъ; играетъ хорошо — видъ его въ греческомъ платьѣ, въ шлемѣ, когда онъ рѣшается послушать приказанія боговъ и спасти дочь свою — интересныя минуты — величественъ и не оставляетъ ничего желать (Ф.¹) какъ гов. Соп.). Касательно M. Bourgoïn природа была не такъ щедра, но она кажется милою, интересуется посредствомъ своей скромности; жаль только, что монотонія, съ какою она говорила въ продолженіе всѣхъ пяти дѣйствій, приводила мнѣ на память нашихъ дьячковъ. Я не сожалѣю о воспоминаніи, но о причинѣ онаго. Тальма заставилъ меня думать о себѣ. Такъ я думалъ послѣ Гамлета: были минуты несравненныя; въ особенности онъ удивилъ меня своимъ прощаніемъ съ Ифигеніею. Многіе хлопали, всѣ хлопали; но болѣе хлопали тогда, когда Тальма кричалъ, не думая о томъ, или, лучше сказать, не зная того, лучше ли крики сіи словъ, произнесенныхъ тихо. M-lle Duchenois играла очень хорошо; гораздо менѣе афектировала, нежели въ Гамлетѣ. M-lle Volnais — бѣдная! Часто думалъ я объ отвѣтѣ одного Философа, кот. приводитъ Жофруа, говоря о ней. Какъ она старалась играть славно! Всѣ зрители были свидѣтелями ея стараній. Кто не похвалить ее за это? Но кто же и не пожалѣетъ объ успѣхѣ? Lascave игралъ хорошо. Deprez тоже. На сценѣ достоинство сюжета болѣе замѣтно. Развязка на сценѣ болѣе не нравится. Потомъ pour la bonne bouche играли le Mari retrouvé. — Th[eatre] Francais, можно сказать, садится не въ свои сани. Это однакожъ не то, естлибы въ Водевильѣ играли Ифигенію; я хочу сказать, что онъ отниметъ хлѣбъ у сего послѣдняго, играя піэсы, принадлежащія къ опому. Каково видѣтъ Ифигенію, кот[орую] боги назначили жертвою и проч. и проч., наряженную въ синюю юпку, играющую племянницу мѣльничихи и говорящую²) и т. п.? Каково все это видѣтъ и наконецъ слышать, послѣ словъ: immoler aux Dieux, les Dieux rougeront de cette victime, l'amour de la patrie le demande? Какого слышать тетушку переродившейся Ифигеніи, когда она поетъ: je ne laisse mou dre (à mon moulain) personne, excepté quelques bons amis! Я закричалъ: bis, многіе мнѣ послѣдовали, нѣкоторые кричали non; мѣльничиха повторила. Всѣ были довольны. Изъ театра прямо домой. Было очень жарко.

1) Это слово не разобрано.

2) Далѣе не разобрано одно слово.

31 Авг. Пятница. $\frac{1}{4}$ 12 ночи¹⁾. Сдѣлавши Италіянскій переводъ и учивши глаголь tenere, пошелъ я въ Р. R. Зашелъ въ первый разъ въ Café de foi—кофе очень хорошъ, но трудно читать газеты: для сего надобно искать уединенія—въ Р. R! Я зашелъ въ другой кофейный домъ, гдѣ было не болѣе двухъ или трехъ посѣтителей; спросилъ рюмку водки и прочелъ всѣ газеты. Потомъ пошелъ въ N. Dame. Тамъ Card. Маугу конфирмировалъ молодыхъ людей обоого пола; обѣдни большой не было; я заплатилъ 10 су, чтобы взойти въ ложу и видѣлъ за это Мори—дорого за смотрѣніе! Народу въ церквѣ было очень мало: женщины и старухи составляли большую часть зрителей; молящихся совѣмъ не видалъ; торгующихся довольно; благочестія не только что не замѣтилъ, но напротивъ вездѣ было безчиніе: по алтарю бѣгала собака; въ церквѣ бѣгали, кричали, лаяли и т. п. Я возвелъ мысль мою горѣ²⁾ и подумалъ объ Успенскомъ соборѣ. Дай Богъ, чтобы мы во всемъ, т. е. въ образованіи наукъ, литературы, въ учтивости превосходили Французовъ, такъ, какъ въ этомъ! Посмотрѣвши на Кардинала, пошелъ обѣдать, потомъ въ P[alais] R[oyal] сидѣть въ саду на стулѣ; а въ 7 часовъ случайно зашелъ въ театръ Monta[n]cier. Представляли двѣ піэсы; въ одной дѣлали жесты мальчишки на сценѣ, а говорили и пѣли за нихъ мушкетеры и женщины за кулисами. Вторая піэса была le Petit Poucet. Тутъ были только одни Пантомимы. Нѣкоторыя декораціи, въ особенности въ послѣднемъ дѣйствіи рудоконни, были хороши. Я дивился, что во всѣхъ театрахъ есть хорошія декораціи, гардеробы и проч. Сидѣвшій подлѣ меня Французъ толковалъ значеніе піэсы и приглашалъ меня притти завтра, говоря, что піэса будетъ очень хороша. Не знаю, пойду ли,—до Пантомимъ я не охотникъ. Вышедши изъ театра, я выпилъ чашку кофе въ Каво, а потомъ прошелся по саду. Луна освѣщала садъ, лавки, кофейныя, въ кот[орыхъ] искусственныя свѣтила спорили съ свѣтиломъ небеснымъ. Народу было много. Я ходилъ задумавшись, наслаждался пріятностію прогулки;—наслаждался! Но я былъ одинъ; нѣтъ, я не наслаждался, но воображалъ себѣ, какъ бы было пріятно, естли бы я тутъ гулялъ съ моими любезными! Вотъ таковыя случаи тѣмъ сильнѣе приводятъ ихъ на мысль мнѣ. Я думалъ, какъ бы было хорошо, естлибы такая прогулка была въ П.бургѣ: тамъ бы было съ кѣмъ раздѣлить наслажденіе—а безъ этого ничто меня веселить не можетъ. Я наслаждаюсь только мыслію о любезныхъ сердцу!—Вечеръ прекрасный—все теперъ тихо, и сердце мое тихо и уныло; не съ кѣмъ раздѣ-

1) Далѣе зачеркнуто: «Я ошибался какъ видно въ числахъ; въ понедѣльникъ 1 Сент. по нов. ст[илію], слѣд. сегодня 29».

2) Въ рукописи: горе.

лить спокойныхъ, пріятныхъ чувствованій. Некому повѣдать тихое наслажденіе души, извѣстное только умѣющимъ цѣнить такоево расположеніе духа.

31 Авг. Суббота. 2 часа ночи. Утро провелъ за Итал. языкомъ, кофе и газетами. Былъ въ Префектурѣ и проч. Послѣ обѣда былъ принятъ въ Л.¹⁾—Объ этомъ не пишу. — Потомъ былъ въ Каво, пилъ водку и познакомился съ однимъ Нѣмцемъ или Полякомъ, находящемся во Фр. службѣ. Были вмѣстѣ, двое Нѣмцевъ тоже, на балу, гдѣ мнѣ было весело, потому что я былъ веселъ. Шутили съ красавицами. Одна два раза брала у одного изъ Нѣмцевъ шляпу и закладывала ее за персики. Нынче день удачный: между прочимъ, идя къ Mr. Fustier, зашелъ я на почту и получилъ тамъ письмо отъ Сергѣя, писанное отъ 1 Авг. и пришедшее сюда 10. Я спрашивалъ три раза на почтѣ; но въ послѣдній разъ совсѣмъ письма не тамъ искали, гдѣ сегодня нашли. Получивши оное и вышедши отъ Mr. Fustier, я спѣшилъ въ Каво и, хотя не хотѣлось кофе, взялъ по обѣщанію $\frac{1}{2}$ чашки, ѣлъ виноградъ, читалъ письмо отъ брата и отъ Каверина и ожидалъ итти въ Л.¹⁾— вотъ минуты, каковыя я давно не имѣлъ; вотъ что сдѣлало меня веселымъ! Братья мои и друзья въ Геттингенѣ видно не очень веселятся—они не знаютъ, каково мнѣ теперь думать о Геттингенѣ! Сергѣй пишетъ, что переводчиковъ жалуютъ въ тит. сов., а не въ ассесоры. Зовутъ въ П.б[ургъ]—ѣду, ѣду, спѣшу! А Геттингенъ? Напишу въ Россію, что буду въ Москвѣ въ концѣ зимы. — Каверинъ не пьетъ м., но не пишетъ обстоятельно: вѣтренность! Не говоритъ хорошенько, здоровъ ли—и кому? мнѣ! Но кажется, что онъ теперь здоровъ. Нѣмца или Поляка зовутъ von Neum. Онъ сидѣлъ въ карцерѣ вмѣстѣ съ Штендеромъ за дуэль Югансена съ.....

По сію пору былъ на балу; теперь ложусь спать и буду читать письма объ Италиі, кот[орыя] ничего не общають.

Письмо изъ Геттингена меня оживило примѣтнымъ образомъ.

1 Сентября. Воскресенье. 3/4 12 ночи. Сегодня читалъ глупую прокламацію глупаго Правительства. Пошелъ на бульвары, ибо намѣренъ былъ быть въ Тиволи. Народу было на бульварахъ очень много; прогулка прекрасная; напомнила мнѣ воскресенья у насъ въ Россіи. Передъ Тиволи зашелъ въ одинъ трактиръ обѣдать. Хозяинъ и хозяйка старались всячески мнѣ услужить: поставили мнѣ столъ въ саду подъ тѣнію. Подали обѣдъ. — Кромѣ прекраснаго ципленка все было болѣе, нежели посредственно. Послѣ обѣда я рвалъ персики съ дерева и ѣлъ ихъ, яко десертъ. Выпилъ (нынче Воскре-

1) Ложу?

сенье) бутылку вина, которое было изрядно, несмотря на то, что стоило только пятнадцать су. За этотъ обѣдъ, состоявшій изъ супа, три кушанья и 1 бут[ылки], заплатилъ я 3 фр. и 19 су — дорого, въ сравненіи въ особен-ности съ обыкновенными. Вошелъ въ Тиволи. Это было $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ 5-го. Никого еще не было. Я пошелъ купить сигарокъ; выкурилъ двѣ, сидя въ бесѣдкѣ, украшенной зеркалами. Я былъ сытъ, выпилъ за обѣдомъ бутылку и теперь курилъ въ прекрасномъ саду — *чего больше надобно для чувствен-ности?* Народу нособралось. Я ходилъ по саду и наконецъ сѣлъ противъ бесѣдки, гдѣ стоялъ колдунъ и предлагалъ проходящимъ de dire leur bonnes aventures—за 10 су. Я заснулъ. Проснулся; народу было уже много. Танцо-вали многіе. Музыка играла, сколько я слышалъ, въ 3 мѣстахъ. Я видѣлъ фейерверкъ; видѣлъ, какъ M-lle Delcourt всходила на веревкѣ до очень вы-сокаго столба и спускалась оттуда, окруженная тучами, огнями, посреди выстрѣловъ, рукоплесканій, музыки и проч. Потомъ видѣлъ—о времена! о вѣкъ! — Князя Куракина, Русскаго Посланника (!), сидѣвшаго въ алеѣ на скамейкѣ. Его Сіятельство лакомился мороженымъ. Оттуда шелъ до самыхъ бульваровъ съ большимъ множествомъ народа. На бульварѣ было тоже много. Я курилъ, луна сіяла—*чего больше надобно для мечтанія?* Садъ очень хорошъ, мосты, пещеры и—украшаютъ его. Освѣщеніе было очень хорошо. Искусство спорило съ самою луною. Оттуда въ Р. В. выпилъ рюмку водки и домой. Сегодня я издержалъ 9 фр. 14 су. Много!

$\frac{2}{2}$ Сент. Понед. $\frac{1}{2}$ 2 ночи. Пилъ кофе въ Café de l'Europe. Обѣдалъ на улицѣ St. Нопогé. У хозяйки не было талеровъ, и она сказала, что я могу заплатить послѣ. Вчера въ Tivoli такого рода учтивость меня еще болѣе удивила. Я взялъ бутылку пива, выпилъ стаканъ и сказалъ, чтобы мнѣ оставили ее, что я приду еще послѣ; вынимаю деньги—хозяинъ гов[оритъ]: cela suffit, Monsieur, que vous voudrez; и право, съ трудомъ, т. е. учти-востью могъ я ему отдать деньги, сказавъ, что можетъ быть я и не приду. Послѣ обѣда пошелъ на бульваръ въ Th. des Variétés. Между прочимъ играли l'Agnèsse. Potier игралъ славно. Брюнетъ игралъ Belle-Belle. Много я смѣялся надъ Потье, въ кот[ораго] роляхъ заключалось много т. н. бонмо, хотя сіи послѣдніе были совершенно такого рода, какіе вчера гов[орили] паясы. Въ послѣдней піесѣ мнѣ понравились слова арлекина, кот[орый] пѣлъ, что онъ любитъ тогда, когда пьетъ, и пьетъ тогда, когда любитъ. Эти строчки очень хороши. Въ Agnèsse, кромѣ вышеупомянутыхъ бонмо, было много каламбуровъ и проч. Театръ былъ полонъ. Оттуда пошелъ въ R[alais] R[oyal]. Дорогою оборонялся отъ прелестницъ сигаркою. Выпилъ рюмку водки въ Каво и пошелъ на балъ (Prince-club). Тутъ выигралъ въ Рулетку 20 фр. Это

хорошо. Вѣроятно сегодня видѣлъ я самыхъ лучшихъ дѣвушекъ, посвятившихъ себя удовольствію мужскаго пола. Embarras des richesses!! Одѣты очень хорошо и чисто. Съ одною я долго говорилъ. Она очень мала и молода, даже интересна, и слѣд. жалка.

Со вчерашняго письма отъ Сергѣя, гдѣ онъ пишетъ, что меня зовутъ домой, я безпрестанно думаю о Россіи; думаю и говорю: не зовите! Я воспользуюсь этимъ случаемъ и прямо, черезъ Геттингенъ, въ Москву!

3 Сентября. Вторникъ. $\frac{3}{4}$ 12 ночи. Кончивши Италіанскій урокъ, пошелъ пить кофѣ въ Palais Royal; оттуда пошелъ къ воротамъ St. Denis, но еще дорогою нанялъ мѣсто въ повозкѣ въ St. Denis за 10 су. Дорога ведетъ туда хорошая; осажена молодыми деревьями. Прежняя алея была вырублена во время Революціи. Приѣхавши туда, пошелъ смотрѣть церковъ! всѣхъ лучше церковей, видѣнныхъ мною въ Готическомъ вкусѣ — внутри. Видѣлъ подземелье, гдѣ были похороняемы Французскіе Короли и гдѣ будетъ — — — Императоръ — (?). Во время Революціи всѣ тѣла королей были вынуты и брошены въ яму (гдѣ кажется была известка); и теперь еще онія находятся тамъ: столько могъ я понять изъ словъ проводника. Оттуда доѣхалъ я до Vallée Montrogансу и пошелъ пѣшкомъ въ Эрмитажъ: мѣста плѣнительныя, виды прекрасныя! Все это казалось мнѣ болѣе, нежели плѣнительнымъ, болѣе, нежели прекраснымъ, при мысли о томъ, кто жилъ въ этой долинѣ. Къ смиренному жилищу философа приближался я не съ трепетомъ, не съ благоговѣніемъ, но съ сердечнымъ удовольствіемъ: все казалось мнѣ очаровательнымъ. Въ домѣ живетъ теперь композиторъ Гретри. Въ саду стоитъ бюстъ Ж[анъ]-Ж[ака Руссо]. Я видѣлъ мѣсто, гдѣ, по словамъ старухи, кот[орая] его знала и мнѣ оное показывала, онъ писалъ Эмиля. Я вышелъ оттуда съ непонятнымъ чувствованіемъ, кот[орое] безпрестанно возобновлялось, когда я окидывалъ взоромъ прекрасную долину, кот[орую] Природа одарила прекраснѣйшими мѣстоположеніями и которой Руссо далъ новыя прелести. Оттуда пошелъ я въ городъ Монтогансу. Ходилъ въ томъ лѣсу, гдѣ часто прогуливался авторъ Элоизы — невзначай сломилъ тамъ пруть, кот[орый] буду беречь. Подъ тѣнію густыхъ орѣховыхъ деревъ я отдыхалъ, думалъ о безсмертномъ; думалъ о щастіи, кот[орое] долженъ ощущать внутри души своей такой человѣкъ. Подумалъ, всталъ и пошелъ назадъ. Тѣлъ виноградъ въ виноградникѣ. Отправился пѣшкомъ въ St. Denis; а оттуда за 15 су довели меня до Парижа.

Путешествіе¹⁾ мое было самое пріятное, выключая конца, когда мнѣ уже мечтаніе не шло на умъ. Я шелъ и курилъ; луна сіяла во всемъ величіи

1) Въ рукописи: «пѣшествіе».

или, лучше сказать, во всей величинѣ. Пилъ кофе въ Каво и проигралъ 11 фр. въ рулетку. Одна изъ Нѣмцевъ долженъ терпѣть по уговору $\frac{1}{2}$ проигрыша.

Сегодняшняя прогулка пребудетъ для меня навсегда незабвенною. Я видѣлъ мѣстоположенія плѣнительныя. Долина Монмогансу есть третій прекрасный видъ, кот[орымъ] я наслаждался во Франціи, — или четвертый (3-й въ St. Germain, гдѣ мѣстоположеніе представляло Русской ландшафтъ. Такъ хорошо).

$\frac{3}{4}$ Сентября. $\frac{3}{4}$ 12 ночи. Среда. Сегодня я думалъ куда-нибудь ѣхать поранѣе, а для того отказалъ Италіянцу. Вмѣсто того, уставши вчера, пролежалъ сегодня въ постели до 2 часа. У меня были Г. Г. Лавровъ и Рудневъ. Съ послѣднимъ пилъ кофе въ l'Emblin; потомъ были всѣ вмѣстѣ въ Казинѣ. Игралъ Молинару. Арія на голосъ: На толь въ печали, пѣтая Фе-стоне и Тагардини и потомъ басомъ¹⁾, была подлинно восхитительна. Я наслаждался въ полномъ смыслѣ. Нѣкоторыя другія аріи были прекрасны. Въ театрѣ я сѣлъ съ фунтъ винограду. Музыка была превосходная. Пришедши домой, я сдѣлалъ Итал[іанскій] переводъ и теперь хочу ложиться спать. — Все думаю о Россіи. Быть въ Геттингенѣ и надежду потерялъ. Итал[іанская] опера возродила въ мнѣ еще большее желаніе ѣхать въ Италію и научиться этому прекрасному языку. — Нюхаю Русской зеленой табакъ.

$\frac{5}{5}$ Сентября. Четвергъ. $\frac{1}{2}$ 11 ночи. Напившись славнаго кофе въ новой кофейной противъ моей квартиры и посмотрѣвши на хорошенькую кофейницу, пустился я на бульваръ по Rue Richelieu. — Странствіе мое по бульвару продолжалось очень долго, какъ по причинѣ отдаленности, такъ и потому, что различные предметы заставляли меня останавливаться и обращать на нихъ вниманіе. Наконецъ дошелъ я до L. b. St. Antoin, сѣлъ въ повозку и поѣхалъ въ Vincennes. Дорога, какъ и вездѣ около Парижа, прекрасная. На правой сторонѣ отъ города находится замокъ, гдѣ прежде жилали многіе изъ Королей; теперь оный превращенъ въ казармы. Первый предметъ, представившійся глазамъ моимъ, была высокая башня, въ которой заключены очень многія важныя особы. На верху башни сдѣлана для нихъ прогулка. Я видѣлъ этихъ гуляющихъ. Вѣроятно, чистый воздухъ для нихъ пріятнѣе, нежели даже для тѣхъ, кои выѣзжаютъ въ поле²⁾ изъ Парижа. Гулявшіе на верху казались мнѣ быть духовнаго званія. Я думалъ о ду-

1) Въ рукописи оставлено мѣсто для фамиліи баса.

2) Въ рукописи: «въ полѣ».

ховномъ консиліумѣ, кот[орый] долженъ по всей вѣроятности кончиться какъ надобно для Правительства. Я ходилъ вокругъ замка — большіе рвы, укрѣпленія—все это придаетъ ему почтенный видъ! Изъ Vincennes поѣхалъ я въ деревню Montreuil, — тутъ обѣдалъ и послѣ обѣда ѣлъ персики, кот[орые] почитаются самыми лучшими на земномъ шарѣ; по крайней мѣрѣ такъ гов[орить] авторъ Паризеума; я не ѣдалъ лучшихъ. Наѣвшись до сыта, возвратился пѣшкомъ въ Vincennes: тамъ опять смотрѣлъ на прогуливавшихся по верху башни и за 10 су приѣхалъ въ Парижъ. Идучи по булевару, зашелъ въ Jardin Turc: тутъ выпилъ бутылку пива и вздремалъ. Славный садъ для общественнаго гулянья. Дорожки, мосты, бесѣдки—все это не можетъ быть лучше для такого сада. Я сидѣлъ у забора и смотрѣлъ на толпу народную на булеварѣ. Мнѣ было грустно, и такъ грустно, какъ еще никогда не бывало въ Парижѣ. Я чувствовалъ тоску по отчизнѣ — Heimweh. Непзьяснимое чувство, благодареніе природы, укрѣпляющее любовь къ отечеству, и даже утѣшительное для умѣющихъ цѣнить оное. Жаль, что сегодня чувство сіе было сопряжено съ какою-то непріятностію, но я забывалъ все непріятное при мысли о любезныхъ сердцу. Вышедши изъ саду, пошелъ я въ Jardin des Princes съ попавшимися моими знакомыми Нѣмцами. На булеварѣ былъ шумъ, причиненный однимъ солдатомъ, кот[орый], какъ говорили, ударилъ саблею въ грудь одного кучера или кого другаго. Проходящіе говорили: il aura toujours raison, car il est militaire. Убѣдительное доказательство! — Въ Jardin des Princes было тоже много народу; въ прекрасной ротондѣ были разставлены электрическія машины, имѣвшія очень блистательный видъ. Мы спросили бутылку пива и за 8 су трое слышали маленькую лекцію и видѣли два опыта. Оттуда (я съ сигарою) пошли въ P[alais] R[oyal]. Походили по саду; шутили съ одною престлницею, кот[орую] мы зовемъ гусаромъ. Нѣмцы остались тамъ, я пошелъ домой.

Въ концѣ этого мѣсяца я намѣренъ непременно оставить Парижъ и, пробѣжавши Швейцарію и Италію, возвратиться наконецъ подъ отечественную кровлю, отдохнуть въ кругу родныхъ и пріятелей и вспоминать прошедшее — о Геттингенѣ? и тѣ, кот[орые] тамъ? Вотъ камень предковенія всѣмъ моимъ мечтаніямъ! Вотъ мысль, къ кот[орой] я не могу и не хочу привыкнуть!

На булеварѣ видѣлъ маленькаго ребенка, кот[орого] показываетъ мать(!) за карлицу; по вечеру видѣлъ одну дѣвушку, кот[орая] занимала проходящихъ своимъ пѣніемъ; голова ея была завернута платкомъ; голосъ былъ пѣженъ. — Не знаю причины сего Incognito.

Въ P[alais] R[oyal] по обыкновенію было много народу; но я къ этому болѣе, нежели привыкъ. Тишина Геттингенская — вотъ что пужно теперь моему сердцу!

NB. Въ Montreuil выпилъ стаканъ за здорвье моихъ Геттингенскихъ.

Изъ записной книжки. Между тѣмъ какъ все перевернуто на военное, на математическое, можетъ ли во Франціи черезъ 20, 30 лѣтъ соединиться такое собраніе людей, каковыя были въ первомъ народномъ собраніи въ революцію?

Оттуда же: Успѣхи Россіи, Англіи, Сѣверной Америки дѣйствовали мало на *Правила* Европейскихъ Правительствъ. Успѣхи Франціи другаго рода подѣйствовали сильнѣе — они были чувствительнѣе (*Théâtre des Variétés*).

6 Сентября. 3 часа по полуночи. Пятница. Теперь, кажется, считая вообще, я не проигралъ, ни выигралъ, ибо проигралъ сегодня въ вечеру въ P[alais] R[oyal] франковъ съ 8. И этотъ проигрышъ былъ для меня право почти пріятнѣе, нежели выигрышъ, самъ не знаю почему. Я думалъ о П[етер]б[ургѣ]. Вчера я былъ въ л[ожѣ] [des] Franc-M[açons]. Оттуда съ другими брр. зашелъ пить пиво, потомъ въ estaminet Turc, а потомъ на балъ; потомъ ещё въ кофейный домъ: болтали до 3 часовъ и пошли по домамъ.

7 Сентября. 3/4 12 ночи. Сегодня въ 7 часовъ разбудили меня и отдали мнѣ два письма, одно изъ Геттингена, другое изъ Гейдельберга отъ Штендера; первое меня не такъ обрадовало, какъ прежнее. Сергѣй въ Геттингенѣ невеселъ. Ахъ! вѣрю: Каверинъ боленъ. Все какъ нарочно! Но что дѣлать? Злобно улыбаться и терпѣть. Все это и обыкновенная мрачность, *находящая*, такъ сказать, на меня по періодамъ, разположили духъ мой къ грусти. Цѣлый день почти былъ дома. Писалъ письма къ Штендеру, къ Вейдемейеру о Курляндцахъ и въ Геттингенъ. Послѣднее было для меня облегченіемъ; я чувствовалъ какое-то удовольствіе при писаніи ихъ и, кончивши оныя, былъ въ маленькомъ волненіи. Такого думать о любезныхъ сердцу! Въ особенности тогда, когда имѣешь въ нихъ болѣе, нежели обыкновенную нужду. Все мрачно вокругъ меня; путешествіе въ Италію почитаю (sic); совѣмъ не чувствую теперь охоты къ путешествію — хочу быть дома; но и тамъ не могу, какъ мнѣ кажется, быть спокойнымъ, пока Сергѣй будетъ не тамъ, Кав[еринъ] тоже тамъ долженъ быть. Его посмотрѣть хочу въ П[етер]б[ургѣ]. Съ жадностію ожидаю конца всему этому. Ищу покоя.

Мнѣ очень грустно. Тальма сегодня въ Британникѣ могъ только заставить позабыть грусть сію. La débutante Meunier мнѣ понравилась не столько игрою своею, какъ собою, хотя она и далека отъ того, чтобы быть

хорошею. — Я много теперь задумываюсь, что опасно на удивцахъ. Иногда случалось, что я нечаянно находилъ на лошадей и проч. Скучно, скучно. Если бы Природа вселила намъ въ душу любовь къ Отечеству, то на что, скажутъ, вложила она намъ въ сердце и тоску по сей дорогой Отчизнѣ? Ахъ! и это хорошо. Человѣкъ въ грусти болѣе входитъ самъ въ себя, болѣе чувствуетъ свое состояніе и умѣряетъ свои желанія, довольствуется меньшимъ и такимъ образомъ дѣлается — не скажу щастливымъ, но по крайней мѣрѣ менѣе несчастнымъ.

Спать хочу. Сегодня мало спалъ.

8 Сентября. $\frac{1}{2}$ 11 ночи. Отвыкъ ходить по вечерамъ въ R[alais] R[oyal]. Люблю поскорѣе ложиться спать, чтобы трубкою, книгою и наконецъ сномъ прогнать грусть, кот[орая] теперь очень велика. Сегодня я провелъ день въ безпрестанномъ движеніи¹⁾. Глаза мои были поражены въ обоихъ Трианонахъ въ Версальи, потомъ въ St. Cloud различными предметами, и отъ того грусть была нечувствительна; но она возвратилась вмѣстѣ съ спокойствіемъ; я грущу; хочу домой и съ радостію считаю дни и часы, кот[орые] приближаютъ меня къ концу путешествія. — Большой Трианонъ прекраснѣйшій дворецъ, богато и со вкусомъ убранъ. Въ маленькомъ хороша спальня; и садъ чрезвычайный, въ особенности le Hameau, кот[орая] представляетъ живѣйшимъ образомъ деревню. — Въ Версальи видны только слѣды стараго великолѣпія. Я съ какимъ-то непонятнымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на стѣны комнатъ этого дворца, въ особенности на театръ. Изъ галлерей, построенной Люд[вигомъ] XIV, видъ чрезвычайный и очень дальній. Алея, ведущая къ пруду, кот[орымъ] кончится садъ, величественна царски. — Фасадъ въ садъ возобновленъ и имѣетъ очень величественный видъ. Фасадъ съ другой стороны другаго рода. Я нынче болѣе осмотрѣлъ садъ. Въ St. Cloud дворецъ застроенъ какими-то стѣнами, подобно крѣпости. Видъ изрядный (sur d'oeil только) есть съзади, на пригоркѣ въ саду. Народу было много очень. Французы и Француженки, даже немолодые и хорошо одѣтые, бѣгали по алеямъ, свистали, кричали, били въ барабанъ и проч. Они, какъ мнѣ сказывали, и въ Парижъ также возвращаются; но кучеръ повезъ насъ по другой дорогѣ, черезъ Issy и Vogirard²⁾. На дорогѣ въ Версаль, подлѣ Севры, въ лѣво на возвышеніи стоитъ Bellevue, хорошій замокъ; террасы въ нихъ прекрасны.

Писать бы могъ болѣе, по все хочется написать о своей грусти; а отъ того она только что увеличивается.

1) Въ рукописи: движеніемъ.

2) Въ рукописи: Иссы и Vogero.

И теперь слышны на улицахъ трещотки, съ кот[орыми] гулявшіе возвратились изъ St. Cloud.

Я сегодня много видѣлъ славнаго, но нѣтъ тѣхъ мѣстоположеній, какъ въ St. Germain. Лудв[игъ] XIV оставилъ сей дворецъ, потому что оттуда видна башня St. Denis!

Хочу въ продолженіе сей недѣли все сидѣть дома и приготовляться къ Италиі. Скоро придутъ послѣдніе дни моего пребыванія въ Парижѣ.

9 Сентября. Понедѣльникъ. 1/2 12 ночи. Хотѣлъ сидѣть дома, но вмѣсто того ничего не могъ сдѣлать; съ начала помѣшалъ Нѣмецъ, который приходилъ занимать денегъ; а потомъ ходилъ къ Министру ин[остр.] дѣлъ для паспорта. Не весело ходить въ faub[ourg] St. Germain, въ жаръ, и все затѣмъ, чтобы заплатить 10 франковъ. Оттуда въ P[alais] R[oyal]. Пилъ въ Кафо изъ любопытства болѣе, нежели изъ жажды groseille; так[ъ] же какъ и теперь частію изъ любопытства, а болѣе изъ жажды ѣлъ тамъ мороженое. Въ 5 часовъ стоялъ уже я у Th. Fr[ançais]. Нынче играли въ первый разъ «la Manie de l'indépendance». Первое дѣйствіе было хорошо, и я почти сожалѣлъ, что не услышу ни свисту, ни шуму; но въ послѣдствіи желаніе мое исполнилось и можетъ быть болѣе, нежели сколько бы я хотѣлъ. Шумъ начался при монологѣ отца, кот[орый] говорилъ долго, очень долго, и о революціи; увѣрялъ, что онъ теперь свободнѣе нежели былъ тогда. Партеръ зашумѣлъ: à bas la révolution! Свистки засвистѣли со всѣхъ сторонъ; кричали, чтобы эту сцену пропустили; стучали. Актеръ, кажется, пропустилъ и началъ: le grand homme a raçi, возвысивъ голосъ, но долженъ былъ это повторить отъ шума. Чѣмъ далѣе играли, тѣмъ болѣе увеличивался шумъ. Игра актера превратилась въ пантомиму, но и этого не было довольно. Отецъ (Baptiste l'aîné) спросилъ: хочетъ ли публика, чтобы онъ окончилъ: oui, oui, кричалъ партеръ. Актеръ началъ продолжать, но шумъ не уменьшался. Они хотѣли кричать. Нѣкоторые даже свистали пѣсни. Одинъ изъ партера прокри[чалъ]: on est venu pour voir 5 actes: il ne faut pas donc interrompre. Ему отвѣчалъ партеръ, прокричавъ: bis, bis! Другой, въ [то] время, какъ многіе кричали: silence! — кричалъ: patience! Наконецъ поднялся крикъ: à bas la toile! Шумъ увеличился, началась драка и волненіе въ партерѣ, и занавѣсъ былъ опущенъ прежде 5 дѣйствій. Князь Куракинъ былъ въ ложѣ и улыбался, видя эти спектакли. Часто кричали: à la porte! Актерамъ аплодировали, въ особенноти когда они молчали и оставляли сцену. M-lle Mars аплодировали очень много и даже кричали, что это для нее, а не для піэсы. Сосѣдъ мой сказывалъ, что ей уже 37 [лѣтъ], а она такъ молода со сцены, и что у ней уже было 7(ро) дѣтей. — О Мамзель Bourgoin сказывалъ,

что она очень богата—отъ подарковъ ея обожателей; что живетъ роскошно; что ее содержитъ экс-мин. Шапталъ — невинная Ифигенія! Онъ мнѣ рассказывалъ анекдоты и о другихъ актерахъ. Народу было тьма. Актеры въ 1 пiэсѣ играли славно — несчастный авторъ! А видно, что онъ имѣеть большія дарованія. Вторую пiэсу Crispin играли изрядно. Иной кричалъ: *arrêter l'auteur!* Даже дама изъ ложи кричала (но ужъ и дама!) изъ первой галлерей: *à la porte!* Не знаю, какъ кончилась драка. Многіе говорили, что въ партерѣ была большая *sabale* противъ новой пiэсы. Не знаю, появится ли она въ другой разъ на сцену. Видѣлъ Жофруа въ ложѣ. Ожидаю его разбора.

10 Сентября. 1/2 11 ночи. Читалъ въ *Courrier de l'Europe* съ любопытствомъ разборъ вчера игранный пiэсы. Рецензентъ не хвалитъ ея, но не входитъ въ подробности; въ *Journal de l'Emp[ire]* я читалъ разборъ Жофруа игры *M-me Menier*; онъ въ особенности гов[оритъ], что ея фигура ничего не имѣеть царскаго, и что всѣ актрисы, послѣ Жоржъ, тщетно пробовали себя въ сихъ роляхъ. Игру ея тоже не хвалитъ. Правда, что она не царица; въ другой ролѣ, менѣе важной, она могла бы правиться: въ ней есть что-то пріятное. Ж[офруа] замѣчаетъ, что теперь ни одинъ актеръ не имѣеть въ игрѣ довольно благородства, и что первѣйшій актеръ и актриса отличаются другими достоинствами. — Былъ въ Тюльери. Послѣ обѣда читалъ Архенгольца, сидя въ саду *R[oyal]* до того времени, когда смерклось. Мнѣ скучно было (не грустно); я пошелъ смотрѣть Китайскія тѣни. Марионеты мнѣ очень понравились: много искусства въ танцахъ куколъ. Оттуда опять въ садъ. Народу было очень много: не было ни одного свободнаго стула. Мнѣ Французы уже надоѣли — пора отсюда!

11 Сентября. Среда. 1/4 12 ночи. Сегодня день тезоимянитства нашего Императора. Чтобы отличить день сей отъ прочихъ, я выпилъ передъ обѣдомъ рюмку водки и пошелъ обѣдать къ *Verri*. Выпилъ бутылку вина. Пилъ отъ чистаго сердца изъ полнаго стакана здоровье Русскаго царя. Сорокъ миліоновъ Русскихъ имѣли одно со мной желаніе въ день сей; сорокъ миліоновъ радовались. Я, думая о своемъ государѣ, и позабылъ, что я не между земляками, и былъ радъ дню сему, какъ будто въ Россіи. Надобно бы было идти къ Посланнику — и онъ имянинникъ, но я оставляю другимъ поздравлять его. Я поздравлялъ заочно Александра I, и поздравлялъ какъ Русской. Въ этомъ увѣрять никого не нужно. Сорокъ миліоновъ доказательствъ можно бы было имѣть сему сегодня въ Россіи.

Послѣ обѣда сидѣлъ въ *R[oyal]* и разговаривалъ съ знакомымъ Французомъ; разговорились о театрѣ Г. Пiеро; дама, сидѣвшая подлѣ

насъ, сказала намъ его адресъ, и мы пошли туда. Я видѣлъ совершенно похожее той кинетогрaфии, кот[орую] показывалъ въ Москвѣ Робертсонъ; (только за 1 Фрапкъ, а не за серебряный рубль). Мнѣ нравится. Кинет[ографъ] Робертсона лучше, нежели театръ Пьеро; и сіе вѣроятно потому, что тогда глаза мои были неопытны, а теперь даже притупились, смотря на всѣ эти вещи. Сегодня еще читалъ два разбора de la Manie de l'Indépendance; всѣ не хвалятъ, но оправдываютъ партеръ. Изъ театра Г. Пьеро зашли мы въ кофейной домъ противъ меня, выпили бутылку пива и — пошли по домамъ, поболтавши о чувственности, но не благородствѣ страстей человѣческихъ. — Сегодня видѣлъ въ Palais des beaux arts нѣсколько проектовъ зданія для Университета. Кажется, можно бы было сдѣлать лучше оныхъ.

12 Сентября. 1/2 11 часа ночи. Четвергъ. Странно, думаю, кажется Французамъ сравненіе Литтературы и Наукъ до и послѣ Революціи, когда они знали ихъ въ оба сіи періода. Теперь они могутъ гордиться въ семь случаѣ только прошедшимъ; ссылаются, приводятъ въ примѣръ, въ доказательство только прошедшее. Настоящее совершенно пусто и не представляетъ ничего въ семь отношеніи замѣчательнаго. Отъ того Ж[офруа] и гов[орить] сегодня въ своемъ разборѣ новой комедіи la Manie de l'Indépendance, что публика должна бы быть снисходительнѣе къ оной, ибо, говоритъ онъ, мы теперь въ новѣйшія времена не такъ богаты мастерскими произведеніями. Въ разборѣ его много остраго; и разборъ его справедливѣе всѣхъ мною читанныхъ. Говоря о независимости, онъ нападаетъ на Contrat Social; говоритъ, что Руссо былъ *не при своемъ умѣ* въ то время, когда онъ писалъ оный, и что онъ не думалъ, qu'après lui il viendra d'autres gens plus grands que lui, кот[орые] захотятъ бредъ его привести въ исполненіе. Онъ называетъ Contrat Social ouvrage très ennuyeux и непонятнѣе апокалипсиса. Многіе, можетъ быть изъ самолюбія, или, лучше сказать, изъ глупости не хотятъ признаться, что не понимаютъ сего прославившагося сочиненія Руссо; но что касается до меня, то я согласенъ съ Ж[офруа], что Contrat Social въ иныхъ мѣстахъ непонятенъ. А что касается до этихъ самолюбивыхъ людей, то, право, они не могутъ стыдиться, не понимая того, чего Ж[офруа] не понимаетъ. Вчера читалъ я въ Архенгольцѣ объ Аполлонѣ и сегодня пошелъ смотрѣть его (теперь все подъ рукою!) и искать божественныхъ чертъ, кот[орымъ] удивлялись всѣ и — Винкельманъ, — смотрѣлъ со вниманіемъ и видѣлъ болѣе, нежели въ первый разъ.

Повечеру ходилъ съ Г. Лавровымъ на Montmartre смотрѣть заходеніе солнца; весь Парижъ виденъ оттуда — не Москва! Я почти рѣшился

прежде Октября оставить Парижъ; по надобно видѣть собраніе Института, нѣкоторыя Масс[онскія] лл. — вотъ что меня удерживаетъ.

13 Сентября. 11 часовъ ночи. Пятница. За Л[ожу] надобно еще заплатить около 7 N[apoléon]d'or. Много, много денегъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Все это побуждаетъ меня разстаться поскорѣе съ Парижемъ; по надобно еще кое-что видѣть; къ тому же нѣтъ отвѣта изъ П[етер]б[урга]. Какъ бы то ни было, пушусь въ Италию: съ нынѣшняго дня я рѣшился; итакъ думаю только объ этомъ путешествіи. Сегодня, занимавшись до 12 часа Итал[ьянскимъ] языкомъ, пошелъ пить кофе. Потомъ возвратился домой, занимался опять Итальянскимъ языкомъ и читалъ Архенгольца. Для разсѣянія пошелъ послѣ обѣда въ Th[éâtre] des Variétés. Въ 15-тый, кажется, разъ играли сегодня Огрену, кот[орою] Парижъ любитъ каждый день. Потомъ играли піэсу M. Scarron. Тутъ много остраго, въ особенности въ роли Скаррона. Сегодня въ первый разъ видѣлъ я на сценѣ аббата въ духовномъ платьѣ. Его роль не дѣлаетъ чести духовенству. Въ началѣ его употребляли за — сводника, между тѣмъ, какъ онъ воспользовался этимъ случаемъ и способствовалъ къ примиренію Маркиза Vitarbeau съ его женою. Наконецъ онъ подсмѣялся надъ своимъ состояніемъ. Я записалъ нѣкоторыя слова. Онъ говоритъ о своей молодости и старости: ...Je valai quatre... mais il faut bien rabattre, . . . quand on porte le rabbat. — Въ послѣдней піэсѣ (въ 4-й), la Ferme et le Chateau, много изрядныхъ арій. M-r Garadon пѣлъ изрядно; Брюнетъ игралъ деревенскаго *парня* и смѣшилъ искуснымъ подражаніемъ. M-lle Pauline, игравшая въ Огренѣ амура, и тутъ играла хорошо. Очень нравится мнѣ M-r Potier, игравшій рыцаря въ Огренѣ. Народу было — полонъ театръ. Нѣмецъ правъ, говоря (выписка изъ его путешествія въ Courier de l'Europe), что между тѣмъ какъ Французы критикуютъ Нѣмцевъ за то, что въ ихъ піесахъ нѣтъ ни природы, ни искусства, театръ, въ кот[оромъ] наиболѣе нарушаются правила и того и другаго, находится посреди Парижа, и Парижскіе жители съ восхищеніемъ смотрятъ на . . . (кажется глупыя) шутки Брюнета и Тирселена. Вышедши изъ театра, я съ большимъ аппетитомъ или, лучше сказать, большою жадностью выпилъ бутылку пива и поспѣшилъ домой въ объятія — Морфея — некого другаго! Сегодня мнѣ пришла странная мысль о Принцѣ Брауншвейгскомъ.

14 Сентября. Суббота. 2 часа пополудни. Сей часъ пришелъ отъ Mercier (автора de Tableau de Paris); видѣлъ въ немъ и въ бывшемъ тамъ его пріятелѣ двухъ авторовъ такого рода, о кот[орыхъ] часто пишутъ и говорятъ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ. Пріятель его *Cubier* взошелъ вмѣстѣ со мною. Одежда его ясно показывала, что онъ принадлежитъ къ числу та-

кихъ сочинителей, которые богаты — своими произведеніями. У нихъ начался разговоръ объ Одеонѣ. Cubier пришелъ звать Mercier на завтракъ, который имъ даетъ новой предприниматель сего театра. M[ercier] гов[оритъ]: Nous prendrons un fiacre. Cubier: «не пужно». Il (сеи предир[иниматель]) nous regarde, гов[оритъ] Cubier, comme les deux colonnes сего театра и обѣщаетъ de faire jouer toutes vos, кажется, 54 pièces. Потомъ Cubier продолжалъ, что теперешній начальникъ Одеона не имѣетъ въ дѣлахъ своихъ порядка, не платитъ авторамъ, не даетъ новыхъ пьесъ и проч. Je leur presentai, dit-il, tous mes quatre volumes (какое изобиліе). Je sais que mes pièces ne sont pas bonnes, mais du moins elles sont nouvelles (не великое достоинство!), et le public veut des nouveautés. — Pourquoi ne donne-t-il pas [ses] pièces? Votre Socrate? Oui, mon Socrate, отв[ѣчалъ] M[ercier]. — Cubier хвалилъ это и другія комедіи M[ercier], и сіе точно такимъ образомъ, какъ я читывалъ въ книгахъ, въ кот[орыхъ] авторовъ представляютъ съ смѣшной стороны. — Cubier гов[орилъ], что онъ вчера завтракалъ съ M-me Jenlis, что выдаетъ Кн. Куракина у Princesse de . . . Этому бы я не повѣрилъ, посмотри на его платье. Далѣе они говорили о новой кометѣ: Ce n'est pas une comète; ce n'est qu'un météore¹⁾: было мнѣніе обоихъ. — Pourquoi n'écrivez-vous rien là dessus dans le journal de Paris? спросилъ Cubier. — Ah! je me suis brouillé avec l'éditeur; vous savez que ce sont des intrigues. — Oui, oui! — Обыкновенно въ выше упомянутыхъ книгахъ служанки, всегда старья, играютъ не послѣднюю роль, когда дѣло идетъ о такихъ авторахъ. И это видѣлъ я сегодня на практикѣ. Служанка ввела меня къ M[ercier] и, когда сей учтивый старикъ подвинулъ ко мнѣ стулъ и просилъ меня положить на оный шляпу, то она сказала Cub[ier], чтобъ и онъ положилъ свою шляпу, и сіе тономъ хозяйки или, лучше сказать, тономъ служанки автора. M[ercier] живетъ какъ философъ (симъ именемъ и называетъ его Cubier) — очень просто. Геттингенскіе ученые живутъ несравненно лучше, судя по крайней мѣрѣ по наружности. Онъ подтвердилъ мнѣ, что Сарториусъ сдѣланъ корреспондентомъ Института. Далѣе онъ не любопытствовалъ о Германіи. Тото Егоръ теперъ пось вздереть! M[ercier] былъ со мною очень ласковъ и назначилъ мнѣ притти въ пятницу въ Библіотеку Института, откуда онъ введетъ меня въ засѣданіе particulière. Une séance publique будетъ въ первую пятницу Октября. Не знаю, доживу ли я до того времени въ Парижѣ. M[ercier] старъ и слабъ. По выходѣ я спросилъ у служанки имя другаго гостя. —

1) Въ рукописи: methiore.

C'est M. Cubier. «Кто онъ»? — C'est un auteur; il vient souvent voir Monsieur. — Madame, je vous salue.

Моему Итал[ианцу] Рио обязанъ я болѣе всѣхъ въ Парижѣ, или, лучше сказать, всѣмъ обязанъ я ему одному. Онъ — атеистъ! Надобно предложить ему завтракъ.

14 Сентября. 11 ночи. Суббота. Послѣ обѣда пошелъ въ Тюльери. Сѣлъ и читалъ Путешествіе Кокса по Швейцаріи: нахожу гораздо менѣе интереснаго, нежели въ путешествіи Архенгольца по Италіи. Немного вздремалъ, потомъ опять читалъ — до тѣхъ поръ, пока сдѣлалось темно. Пошелъ въ Palais Royal въ кафе des Variétés, выпилъ бутылку пива и видѣлъ оперу, въ ожиданіи кот[орой] читалъ.

Мысль: суевѣрные имѣютъ ту выгоду передъ невѣрными, что для первыхъ существуютъ новыя идеи, новая вселенная, неизвѣстная послѣднимъ. Врядъ ли выгода разсудка здраваго у сихъ послѣднихъ можетъ сравниться съ первою.

⁴/₁₅ Сентября. 1811. 10 час. вчера. Воскресенье. О, Потье, о, Брюнетъ! въ какихъ видахъ не забавляете вы своихъ зрителей! Невинный Брюнетъ игралъ сегодня la petite Cendrillon. Надобно только вспомнить объ Alex. St. Aubin! Потье игралъ Морица *Мирлифлера* и игралъ прекрасно. Этотъ актеръ очень мнѣ нравится. Если я еще пойду въ Var[iété], то это для него. La Chatte merveilleuse или la petite Cendrillon не имѣетъ только каламбуровъ и другихъ смѣшныхъ пустяковъ, какъ l'Agnesse! Не знаю, за что Журналисты предпочитаютъ первую послѣдней. Декорации, нѣкоторыя перемѣны въ la Chatte, правда, гораздо блистательнѣе. Изъ многихъ каламбуровъ я помню только одинъ: Маркизь изъясняется въ любви и между тѣмъ, приближившись очень близко къ площадкѣ, гов[орить]: je sens le feu . . . Потье заставлялъ меня много смѣяться. Двѣ первыя пьесы были не интересны. Послѣднюю Marquis de la Moncade я видѣлъ уже и прежде. Тутъ отличается Брюнетъ въ роли лакея. Этотъ лакей долженъ играть dans une Comedie bourgeoise le Marquis de Moncade. Принимая служанку невѣсты своего барина за служанку въ пьесѣ, онъ гов[орить] ей въ арии, что прежде вечера ему надобно сговориться съ ея госпожею; «иначе мы надѣлаемъ глупостей въ нашемъ положеніи». Слишкомъ явное двусмысліе. Потомъ, браня кого-то, онъ гов[орить]: cette sottise и вмѣстѣ съ этимъ дѣлаетъ прыжокъ. Весь этотъ¹⁾ ensemble смѣшенъ. Потье даже интересенъ. Сегодня за обѣ-

1) Въ рукописи: етотъ.

домъ для воскресенья взялъ бутылку вина и потому съѣлъ лишнее кушанье— все за 44 су! Написалъ письмо къ Матушкѣ, но еще не послалъ.

Въ Journal des arts читалъ смѣшное описаніе пародіи комедіи: la manie de l'Indépendance. Авт[оръ] гов[орить] о шайкѣ, которая была въ партерѣ въ пользу піесы подѣ начальствомъ какого-то Leroux.— R[alais] R[oyal] уже меня не занимаетъ. Какъ съ начала было мнѣ пріятно тамъ снживать послѣ обѣда и послѣ уж[ина], т. е. по вечеру. Ужины ужъ до Москвы!

⁵/₁₆ Сентября. 1/4 3 часа пополудни. Понедѣльникъ. Занпмаюсь Италианскимъ языкомъ. Итакъ я дожилъ въ Парижѣ до того времени, что иногда я не знаю, что дѣлать. Странно! Зачѣмъ долѣе оставаться? Надобно еще видѣть завтра ложу. Потомъ Институтъ и побывать въ Ermenonvill'ѣ. Не знаю, что дѣлать, то есть не знаю куда идти: все присмотрѣлось. Впрочемъ дѣла довольно по части Итал[іанскаго] путешествія. Съ нѣкотораго времени я безпрестанно думаю о войнѣ. Незванныя мысли занимаютъ мое воображеніе. Но лучше объ этомъ думать, нежели писать.

1/4 12 часа ночи. Возвратившись домой послѣ обѣда, вооружился я книгою и трубкою и вступилъ на поле¹⁾ сраженія противъ Морфея — для большаго спокойствія я скинулъ съ себя кафтанъ. Все предвѣщало, что я долженъ буду уступить силѣ сего непреодолимаго бога. Отягощеніе желудка, нѣкоторая усталость и, что всего важнѣе — книга — всѣ эти предметы были вѣстниками его побѣды. Два раза отражалъ я сего бога съ важными усиліями; но наконецъ, не бывъ болѣе въ состояніи противиться, я бросился въ его объятія²⁾, онъ возторжествовалъ. Я уснулъ крѣпко. Ахъ, когда бы всѣ потерянные сраженія были такъ пріятны для побѣжденныхъ! и когда бы всѣ побѣды были вообще такъ полезны! Проснувшись уже въ 9-мъ часу, я кончилъ путешествіе Кокса и пошелъ для разсѣянія въ R[alais] R[oyal]. Вспомнилъ о³⁾, зашелъ въ эту кофейную; выпилъ рюмку водки и за это слышалъ d. Vauchredner. Этотъ проказникъ безпрестанно, показывалъ свое искусство, стоялъ къ публикѣ спиною. Фарсы его производили большой хохотъ въ почтенной публикѣ. Острота его тупилась только надъ двусмыслиями; напр. онъ часто гов[орилъ], что женщины также могутъ ventriloquer отъ 20 до 75 лѣтъ. Въ заключеніе онъ какъ будто ненарочно вылилъ бутылку пива на своего товарища: можно ли было послѣ этого сомнѣваться въ рукоплесканіяхъ? Потомъ ходилъ и сидѣлъ въ саду; съѣлъ вафлю, пол-

1) Въ рукописи: полѣ.

2) Въ рукописи: въ объятіи.

3) Далѣе въ рукописи не разобрано одно слово.

фунта винограду — и теперь буду курить и читать на постелѣ, какъ въ Геттингенѣ.

$\frac{6}{17}$. *Вторникъ. Полночь.* Утро провелъ за Италіанскимъ языкомъ. Утро, то есть время до обѣда, а послѣ обѣда au Grand-Orient, куда пошелъ я вмѣстѣ съ Fustier. Въ R[alais] R[oyal] сегодня совсѣмъ не былъ: врядъ ли это не въ первый разъ случилось со мною. Fustier сказалъ мнѣ, что для Эрменонвиля надобно ѣхать въ Лувръ. На этой недѣлѣ постараюсь это исполнить. Но въ пятницу въ Институтъ. Итакъ врядъ ли успѣю. Послѣ этого буду думать объ отъѣздѣ. Пора. Прости, Парижъ! Adieu Paris! Въ Сенѣ не прибавится воды отъ слезъ моихъ. — Теперь здѣсь безпрестанно слышно о разбояхъ по ночамъ, и даже не поздно, на улицахъ. Въ Москвѣ этого не слышно.

$\frac{7}{18}$. $\frac{1}{4}$ 2 часа ночи. *Среда.* Сегодня смотрѣлъ le palais du Corps Législatif. Хорошее зданіе для своего назначенія. Потомъ хотѣлъ видѣть арсеналь артиллеріи, но въ пятницу. По вечеру пошелъ въ ложу, но было рано; я ушелъ и не возвращался, предпочитая говорить сегодня по-Русски съ Г. Лавр[овымъ]; былъ съ нимъ въ Café Borel, гдѣ ventriloque; потомъ на балѣ.

$\frac{7}{18}$ [*Сентября*]. $\frac{1}{2}$ 12 ночи. *Четвертъ.* Сегодня я видѣлъ два представления: въ N[otre] D[ame] и Th[éâtre] Fr[ançais]. Въ первомъ простился съ моею шляпою, въ послѣднемъ съ Тальмою. Въ N[otre] D[ame] была панегида по недавно умершему епископѣ. Всѣ кардиналы и епископы тамъ были — около 100, — всѣ въ Парижѣ! Шляпа моя была украдена очень искусно. Я послѣ смѣялся этому происшествію и думалъ, что еслибы у меня украли все мое имѣніе (только не теперь), то я умеръ бы — со смѣху. — Изъ церкви зашелъ въ Hotel-Dieu. Видѣлъ больныхъ, умирающихъ, выздоравливающихъ. Поспѣшилъ выйти оттуда. Страждущее челоѣчество — самый жестокой видъ для глазъ моихъ. Послѣ обѣда пошелъ въ Th[éâtre] Fr[ançais] и нечаянно попалъ кстаті: Тальма игралъ сегодня въ послѣдній разъ, такъ, какъ и Duchenois. Я боялся, что не увижу его въ его блескѣ, ибо съ начала роль его (играли¹) была очень суха; но подъ конецъ она перемѣнилась и показала Тальму въ его величіи. Я видѣлъ Тальму; онъ отличился въ особенности въ то время, когда спрашивалъ у матери и любовницы, кто умертвилъ его брата. Michelot игралъ очень хорошо и мнѣ нравится. — Вторая пѣса была глупая комедія (во вкусѣ Французовъ, кот[орымъ] она очень нравилась). — Всѣ удовольствія смѣшаны съ неприятностями; по крайней мѣрѣ естли бы тутъ былъ Потье. Увидѣвши нанудренныхъ шу-

1) Далѣе не разобрано одно слово.

товъ въ шитыхъ кафтанахъ, я вспомнилъ о лицахъ въ предъидущей трагедіи. Это заставило меня о многомъ думать. Отъ костюма я перешелъ къ людямъ, а отъ людей къ образу правленія и наконецъ заключилъ, что Республиканское правленіе есть самое лучшее. Люди чувствуютъ себя [лучше] и болѣе думаютъ объ Отечествѣ. Что видѣлъ свѣтъ напр[имѣръ] во Франціи, сей многовѣчной монархіи! Гдѣ великіе люди съ характерами? Естьли гдѣ было какое-нибудь сходство съ древними, то это между военными людьми. Я не говорю о литературѣ и наукахъ, но только...¹⁾ относящихся къ чувству любви къ Отечеству. — Потомъ думалъ, что у Французовъ и другихъ народовъ неловко брать примѣры для трагедіи изъ Отечественн. Исторіи. У нихъ опытъ показаль, что это хорошо. М-me Menier мнѣ опять правилась; мнѣ пріятно было, что ей много аплодировали; но при всемъ томъ какое разстояніе между нею и M-lle Duchenois! Я простился съ сожалѣніемъ съ Тальмою. Естьли не о немъ одномъ, то по крайней мѣрѣ о немъ болѣе всего сожалѣю, оставляя Парижъ.

$\frac{8}{19}$. Пятница. $\frac{1}{4}$ 12 ночи. Сегодня поутру и повечеру шелъ маленькой дождикъ: давно уже его не было. У меня былъ Итал[ьянскій] учитель; но я послѣ него не занимался Итал[ьянскимъ] языкомъ; дождался, стоя у окошка, конца трубки, чтобы идти со двора. Сегодня былъ въ арсеналѣ, т. е. гдѣ собраны оружія и латы различныхъ вѣковъ. Хорошо. Потомъ былъ въ Институтѣ. Тутъ я долго дождался Mercier. Наконецъ онъ пришелъ, ввелъ меня въ залу и сказалъ, что президентъ m'a accordé l'entrée dans cette séance et toutes les consécutives. Члены собрались. Сосѣдъ мой показывалъ мнѣ Левека, Ларше, Visconti и проч. Пасторетъ занималъ мѣсто президента. Гаїи, получившій за Фукидида Владимірской крестъ 4-ой степени, читалъ свое разсужденіе касательно древней тактики у Грековъ, гдѣ онъ нападалъ на какого-то Француза — не мое дѣло. У Гг. членовъ зашелъ споръ о словѣ Геронъ, кот[орое] Гаїи употребилъ на Французскомъ. Многіе гов[орили], что можно сіе Греческое слово перевести Фр[анцузскимъ] словомъ temple или enceinte du temple. Объ этомъ они болѣе всего спорили, или, лучше сказать, это былъ единственный предметъ ихъ споровъ и разговоровъ. Нѣкоторые благую часть избрали и продолжали дремать; и я бы не сказалъ спать, естьлибы Левекъ не храпѣлъ довольно сильно. При всемъ томъ мнѣ было пріятно быть въ этомъ собраніи. Я представлялъ себѣ разницу состоянія судьи и члена Института. Какъ первое непріятно, и какъ хорошо послѣднее! Я вышелъ передъ концемъ, видя что Mercier выходитъ. Я гов[о-

1) Далѣе не разобрано два слова.

рилъ] ему о билетѣ въ séance publique 5. Oct. Но не знаю, достану ли отъ него; и не знаю, буду ли я въ Парижѣ.—Послѣ обѣда въ 6 часу ходилъ къ воротамъ St. Martin, чтобы освѣдомиться о повозкѣ въ Louvre. Возвращаясь оттуда, почти ровно въ 7 часовъ, зашелъ въ Feydeau; не зная, что играютъ—но былъ на этотъ разъ щастливъ. Играли 1. Medicin turc. Тутъ отличалась своимъ невиннымъ видомъ... пріятная, естли не милая, Alex. St. Aubin. (Я строгъ!) Она плясала, какъ въ Cendrillon, но пѣла плохо. Во 2 піесѣ, «Billet de Loterie», M-me Deru, ея сестра, пѣла славно; дѣлала рудалы чрезвычайныя. Арія начиналась и кончалась: Non, je ne puis pas chanter. Gavoudon играла служанку и нравилась мнѣ по обыкновенію очень. Въ 3-й піесѣ: Les deux Savoyards M-mes или M-lles Moreau и Gavoudon, дружно играли Савоярдовъ; обѣ очень хороши. Первая пѣла одну арію чрезвычайно, подражая голосу мальчика. Я былъ очень доволенъ и благодарилъ судьбу, что она дѣлаетъ меня способнымъ еще забавляться въ Парижѣ.

$\frac{12}{23}$. *Понедѣльникъ. 1/4 12-го ночи.* Я опять въ Парижѣ. Въ субботу поѣхалъ я въ Эрменонвилъ и сегодня возвратился оттуда. Видѣлъ славный садъ, отличающійся отъ обыкновенныхъ, въ особенности противоположностію искусства и природы (contraste sublime). Посреди сада, на одной сторонѣ видны алеи, дорожки, произведенія рукъ человѣка,—на другой—горы и скалы доказываютъ твореніе природы.

Въ скалахъ сихъ сдѣлана хижина, посвященная Ж. Ж. Руссо. Главнѣйшее украшеніе сада есть гробница, содержавшая прахъ великаго гражданина Женевы. Отечество (неблагодарное!) изгнало его изъ своихъ предѣловъ, и онъ нашелъ убѣжище въ Государствѣ Монархическомъ, подлѣ столицы; и въ семь уединенія скончалъ дни свои. Тополевый островъ (île des Reupliers) поражаетъ своею красотою, но сколько цѣны придаетъ ему эта гробница, съ которой чувствительныя сердца срываютъ мохъ, кладутъ въ записныя книжки, а энтузіасты ломаютъ вѣтви съ тополевъ и разсаждаютъ сіи величественныя деревья на жестокомъ сѣверѣ (въ Швеціи). О чувствительность! Иногда ты производишь чудеса вздора, иногда услаждаешь сердце, иногда, иногда... Довольно! Я не веселъ, грустенъ, скученъ—хочу въ Россію и хочу спать. Ахъ, естлибы первое желаніе сбылось такъ скоро, какъ второе! Сегодня видѣлъ въ Одеонѣ Гризельду.

$\frac{13}{24}$ [*Сентября*]. *Вторникъ. 1/4 12 ночи.*

Подѣломъ говорятъ, что посланники должны быть прозорливы и всевидящи. Сегодня я пошелъ въ домъ посланника за паспортомъ и намѣренъ былъ поговорить съ которымъ-нибудь изъ секретарей. Но Г. Дивовъ ска-

залъ мнѣ (очень учтиво), что Князь любить, когда у него спрашиваютъ позволенія въ такихъ случаяхъ. Г. Колоколовъ подтвердилъ слова его. Меня впустили къ Князю — онъ, поговоривъ со мною немного, потребовалъ отъ меня одолженія, кот[орое] состояло въ томъ, чтобы я взялъ бритву и обрилъ мои усы. О!... Тутъ бы былъ случай сказать ему какой-нибудь вицъ, но я такъ удивился, что позабылъ о вицахъ и смотрѣлъ въ глаза его Сят[ельства]. Потомъ сказалъ, что я еще никогда не брился. Онъ былъ этимъ доволенъ; спрашивалъ у меня, черезъ какіе города я поѣду, и велѣлъ приготовить 4 письма къ различнымъ особамъ знатымъ. Это заставило меня подумать о новыхъ штанахъ; но..... по долгомъ размышленіи, я рѣшился остаться при лѣтнихъ своихъ панталонахъ и кюлотахъ, пока кто-нибудь не напомнитъ, что пора сшить новыя. —

По вечеру былъ я въ Большой Оперѣ. Въ ожиданіи поднятія завѣса, я прочелъ письмо отъ Сергѣя изъ Гамбурга. Ему весело. Я этому радъ, но его отсуствіе изъ Геттингена заставитъ меня писать прямо въ П-бургъ о деньгахъ. Раззоряемъ мы и Матушку и брата; но какъ быть: одна въ году весна, одна въ жизни молодость! А Сергѣю такъ много нельзя ѣздить, какъ мнѣ, въ особенности съ начала. — Въ театрѣ давали *Améline à la cour*: сумазбродная опера въ 3-хъ безмысленныхъ дѣйствіяхъ. Всѣ актеры казались мнѣ не при своемъ (или можетъ быть при собственномъ своемъ) разсудкѣ. Музыка Гретри — есть хорошія аріи, но монотонны и безпорядочны. За послѣднее не отвѣчаю, ибо не мое дѣло. Но зато балетъ (*Vénus et Adonis*), послѣдовавшій сей оперѣ, вознаградилъ все мое страданіе и утѣшилъ меня. *M-me Clautilde* (первая танцовщица) имѣетъ прекрасную фигуру. *M-me Digolini* и двѣ другія танцуютъ славно. Потомъ *M. Албертъ*, *M. Antono*. *Cour d'oeil* нѣкоторыя были очаровательны на сценѣ, на горахъ, въ облакахъ — вездѣ танцовали. Музыка способствовала къ этой очарованности. Хорошей лицемъ ни одной въ балетѣ не замѣтилъ. *M-me Armand* въ? (оперѣ) очень мила, и голосъ ея хорошъ. Народу было много. Князь Куракинъ сидѣлъ въ ложѣ и замѣтно наслаждался сладострастными танцами. То правда! Хотя не его такъ прельстятъ: сквозь флеровыя юпки или тюники видны всѣ панталоны тѣлеснаго цвѣта, а слѣдственно и *les contours du corps*. Въ такомъ случаѣ для воображенія остается не много! — Я теперь начинаю оставлять Парижъ — и болѣе къ нему привязываюсь. Деньги заставляютъ меня часто задумываться.

¹⁴/₂₅ [Сентября]. Среда. ¹/₂ 12 ночи. Изъ Парижа понуждаетъ меня выѣхать поскорѣе и дурная погода. Садъ *Palais Royal*'я, представлявшій мнѣ всегда множество народа, прогуливающагося, дремлящаго, читающаго, т. ск.

любящагося — этотъ садъ теперь пустъ: тамъ и сямъ видны только нѣкоторыя изъ прелестницъ, кот[орыя] не столько для прогулки, сколько изъ любви къ уединенію и меланхоліи мелькаютъ между алеями, освѣщаемыя лучами фонарей и кометы. И павильонъ пустъ; промежъ столбовъ его дуетъ и свищетъ вѣтеръ. Все печально. Днемъ идетъ часто дождикъ; но лишь только солнышко проглянетъ, то и явятся со всѣхъ сторонъ гуляющіе. Пережить такую перемѣну трудно; и для того я спѣшу не въ Швейцарію, не въ Италію, но *черезъ* Швейцарію и *черезъ* Италію въ Россію. Для того сегодня поутру искалъ дешевѣйшаго способа или случая ѣхать въ Женеву; но пѣтъ нигдѣ, кромѣ обыкновенныхъ дилижансовъ. Мѣсто стоитъ 84, въ кабриолетѣ не дешево. Это для меня досадно, потому что я всетаки хочу ѣхать въ кабриолетѣ, чтобы имѣть вокругъ себя свободный видъ. Правда, что холодно, но нѣтъ нужды. Въ вечеру былъ въ Th[éâtre] Fr[ançais]; играли le menteur; хорошая комедія и стоящая удивленія, когда кто вспомнитъ, что это первая комедія *comme il faut* на Французскомъ языкѣ. — Потомъ играли другую комедію во 2 разъ. Тутъ отличалась Mlle Mars; въ обѣихъ — Тенордъ и Армандъ, особенно въ первой. Michelot игралъ хорошо въ обѣихъ. Baptiste l'aîné игралъ только въ первой и хорошо. Народу было много.

Долго думалъ я, дѣлать ли новые штаны или нѣтъ; и наконецъ увидѣлъ, что сегодня на всѣхъ въ P[alais] R[oyal] были суконные штаны; я кончилъ свое размышленіе въ невыгоду кошелька моего. На всѣхъ были суконные. Это не изъ подражанія я сдѣлалъ, но изъ самолюбія. NB. Главная причина — изъ нужды.

Среда $\frac{21 \text{ Сентябр.}}{2 \text{ Октябр.}}$ 1/2 12 ночи. Давно я не писалъ здѣсь; давно не записывалъ и расхода. Нѣкоторыя эволюціи, мрачныя мысли о предстоящемъ мнѣ путешествіи дѣлали меня неспособнымъ писать, ни даже мечтать. Levion, Solié, Boulanger, Lesage и проч. разогнали мою скуку или, лучше сказать, разсѣяли оную на сей вечеръ: я былъ въ Одеонѣ. Первый играетъ и поетъ прекрасно. Музыка въ Tableau parlantъ прекрасная (Гретри). Boulanger поетъ хорошо; но партеръ не показалъ сегодня много вкуса, — кромѣ того, что часто ей аплодировали, когда она фальши[ви]ла. Многіе говорили, что она — divine, верхъ атепсма! Нѣтъ вѣрно ничего непохожее на divinité, какъ Boulanger. Третьяго дня я слышалъ, что ее называли belle femme — такое же несходство. Поетъ хорошо, иногда очень хорошо; но какое сравненіе съ Фестою, съ Varilly!

И сегодня ночь лунная. Я вчера долго сидѣлъ въ саду Palais Royal, смотрѣлъ на луну и взглядывалъ на проходящихъ. На сихъ дняхъ я былъ въ Булонскомъ лѣсу; прекрасное мѣсто по своей близости отъ Парижа. Садъ

въ *Varascat*¹⁾ славный. Мѣстоположенія за лѣсомъ превосходны. Сегодня былъ въ панорамѣ, представляющей Ваграмское сраженіе: превзошло все мое ожиданіе. Я ѣду послѣ завтра. Хочу поскорѣе вырваться изъ Парижа. Много выведу досады. Да будетъ ли этому конецъ?

Дижонъ. 7 Октября. Понедѣльникъ. 9 часовъ утра. Въ пятницу оставилъ я Парижъ съ нѣкоторымъ чувствомъ довольствія. Простившись съ нѣкоторыми знакомыми за завтракомъ, я сѣлъ въ кабриолетку. (Окрестности Парижа и съ этой стороны хороши. Первую ночь мы провели въ дорогѣ). Луна напомнила мнѣ ту ночь, которую я провелъ на Зюдерзе. Я ощущалъ внутреннее удовольствіе. Утро встрѣтилъ я съ трубкою въ рукахъ и привѣтствовалъ небесное свѣтило ениміамомъ американскимъ. Вторую ночь ночевали мы въ Тонерѣ. Съ двора трактира, въ которомъ мы остановились, можно было видѣть нѣкоторыя окрестности города: онѣ хороши. Я закурилъ трубку и вперилъ зоры свои на горы и долины, наслаждался тихимъ видомъ, видомъ простоты и свободы, и болѣе увѣрился, что мѣстоположенія и красоты природы должны имѣть большее дѣйствіе на характеръ и образъ мыслей человѣка. Гдѣ природа представляетъ видъ свободы или величества, тамъ и люди должны болѣе чувствовать цѣну свободы и великихъ дѣяній. — Повечеру мы пошли (*toute la compa[g]nie de la diligence*) въ кофейный домъ. Играли на биліардѣ, пили кофе, водку. Одинъ изъ офицеровъ сдѣлался многорѣчивымъ отъ водки, болталъ безъ милосердія и шумѣлъ, пришедши домой. Въ два часа мы поѣхали. Луна опять сіяла, но я болѣе спалъ, нежели въ первую ночь. Сегодня ночевали въ²⁾, выѣхали въ въ 4 часа утра. Я съ начала спалъ, но сонъ мой прошелъ, когда мы въѣхали въ *Val-Suson*. Мы кружились по крутымъ горамъ, и каждый кругъ представлялъ глазамъ моимъ лучшій видъ и придавалъ болѣе прелести мѣстечку, лежащему въ долинѣ. Утро было прекрасное. Я смотрѣлъ вокругъ меня и не могъ наглядѣться. Горы превышали одна другую, дорога извивалась по онымъ. Повозки поднимались на верхъ и образовали цѣпь, которая имѣла видъ круга (однако ихъ было немного). Взобравшись на верхъ, я въ послѣдній разъ взглянулъ на *Val-Suson*. Обернулся и увидѣлъ передъ собою Дижонъ.

*9 Октября*³⁾ $1/2$ 1-го по полудни. *Среда.* Все возвѣщаетъ мнѣ, что я

1) *Jardin de Frascati.*

2) Пропускъ въ рукописи.

3) Отсюда и до 11 октября включительно Тургеневъ по ошибкѣ ставитъ «сентября» вмѣсто октябрю.

приближаюсь къ Швейцаріи. Съ городка Poligny начались вчера горы и продолжаются по сію пору. Сонъ прогоняють мнѣ величественные виды. Видѣлъ самую высокую гору во Фр[анцузской] la Dôle.

1/2 8 часа по полудни. Я не могъ кончить писать все то, что хотѣлъ: дилижансъ былъ готовъ. Я сѣлъ и закурилъ трубку. Ъхали все горами. Мнѣ наконецъ очень захотѣлось спать; но вдругъ сонливимъ глазамъ моимъ представился величественный видъ горъ снѣжныхъ, вмѣстѣ съ долиною, въ которой была видна часть Женевского озера. Сонъ прошелъ, и я любовался великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Нельзя изобразить того впечатлѣнія, которое дѣлають въ первый разъ эти снѣжныя громады. Впечатлѣніе сіе должно, кажется, еще болѣе быть сильнѣе на человѣка, который привыкъ съ младенчества видѣть снѣгъ: онѣ напоминають ему родину, напоминають мирныя зимніе вечера, проведенные въ кругу родныхъ и пріятелей; однимъ словомъ они напоминають ему Отечество. Ахъ! я сильно чувствую теперь всю скуку, тоску, кот[орыя] не оставляють меня и дѣйствуютъ сильнѣе, когда я бываю одинъ. Ничто не прельщаетъ меня. Я соглашаюсь не видать Рейнскаго водопада, не быть на Mont-blanc, чтобы поскорѣе посмотрѣть на Италію и начать свой возвратный путь въ отечество, кот[орый] я полагаю съ Рима. Я буду имѣть тогда новыя силы. При каждой мысли, что я приближаюсь къ Россіи, сердце мое будетъ радоваться, и я не буду грустить. — Пора! пора! Мучительно быть одному.

О положеніи Женевы говорятъ такъ много! Женева лежитъ на Женевскомъ озерѣ. «Этого довольно», скажутъ мнѣ. Я согласенъ. Но я представлялъ себѣ нѣчто лучшее. Впрочемъ я еще ничего хорошенько не видалъ. Противуположности видовъ — снѣжныя горы и плодоносныя долины — единственны и составляютъ главнѣйшую прелесть Женевы послѣ Озера. Я ходилъ по улицамъ т. ск. *нижняго города*: не плѣнительны; даже очень дурны. Замѣчательнаго видѣлъ только родъ галлерей, пристроенныхъ къ домамъ по обѣимъ сторонамъ улицъ. Лучше это можно назвать *навѣсомъ*. Эти галлерей укрываютъ пѣшеходцевъ отъ дождя и снѣга, но за то тѣнятъ улицу и дѣлають оную темнѣе. — Снѣгу на горахъ очень много падаетъ. На М. Blanc и въ окружностяхъ выпало уже много снѣгу въ нынѣшнюю осень. Сегодня поутру ѣхали мы по такъ наз. новой дорогѣ, сдѣланной, какъ я слышалъ, пять лѣтъ тому назадъ. Видъ съ сей дороги въ окружающія ее пропасти ужасно величественъ. Но я сидѣлъ спокойно въ кабриолетѣ, смотрѣлъ вокругъ меня и наслаждался. Я примѣтилъ, что я большой охотникъ до хорошихъ мѣстоположеній и видовъ. Хижины, разсѣяныя по долинамъ между ужасныхъ горъ и утесовъ, очень пріятны для вида. Я бы желалъ имѣть та-

кую хижину, но только въ Россіи. Страшно хочется домой, въ особенности когда я одинъ.

Иногда на верху горъ есть дома, или, лучше сказать, клева для коровъ.

Смотрѣлъ въ окошко: напротивъ меня живетъ какая-то Польская Графиня. Я видѣлъ, что на канале сидѣли двѣ дамы. Передъ ними стоялъ круглый столъ, около котораго сидѣли три мужчины. Они разговаривали. Это привело мнѣ на мысль вечера, кот[орые] мы проводили въ Москвѣ такимъ же образомъ. Какъ различно отъ того теперешнее мое сиротское состояніе. Буду ли еще когда-нибудь проводить такъ вечера? Какая мысль! Гдѣ я и что я буду? Неизвѣстность — Но между тѣмъ мнѣ наскучило очень, очень быть одному.

10 Октября. Четвергъ, 1/2 1-ю часа. Сегодня смотрѣлъ со вниманіемъ мѣстоположеніе Женевы. Выдѣ съ т. н. promenade de la treille, гдѣ стоитъ бюстъ Руно, чрезвычайно хорошъ. Потомъ я былъ у того мѣста, гдѣ Арва втекаетъ въ Рону. Оттуда Женева представляется въ самомъ выгодномъ видѣ. Жаль, что хорошія строенія отдалены отъ озера, такъ что берега Лемана наполнены красильнями, нужниками, прачками и т. п. Это есть и на Сенѣ. Хорошо естлибы по берегу были построены хорошіе дома. Нужно быи городу быть получше. Нѣтъ ни одной хорошей улицы. Самая лучшая не велика; правда, что по обѣимъ сторонамъ оной дома очень большіе, но они не столько походятъ на Palais, какъ гов[орить] Reichard, какъ на казармы. Я видѣлъ соборную церковь — всѣ попы какъ будто согласились говорить все одно и тоже. Видѣлъ водяную машину и проч. Въ самомъ городѣ мало замѣчательнаго: всего незамѣчательнѣе строенія. На колокольнѣ соб[орной] церкви я нашель одну женщину, кот[орая] только что возвратилась изъ Шамуни. Послѣ я гов[орилъ] объ этомъ вояжѣ и съ другими, и наконецъ рѣшился туда отправиться. Даже намѣренъ ѣхать въ Шафгаузенъ. Roman!

1/2 7 вечера. Послѣ обѣда пошелъ я за portier de Simplon и, повертивши налѣво по прекрасной алеѣ, дошелъ я до береговъ озера, которое, представляясь глазамъ моимъ мало-по-малу и наконецъ во всемъ своемъ величїи, поразило или, лучше сказать, плѣнило меня. Я сожалѣлъ, что не было со мною трубки, иначе бы наслажденіе было двоякое. Сѣвши на берегу, долго смотрѣлъ я на всѣ стороны. Я вспомнилъ Пере[я]славское озеро, кст[орое] казалось еще болѣе. Мысль, что я одинъ, и тутъ пришла мнѣ въ голову; да и можетъ ли быть иначе? Кому сказать: «посмотри, братъ, какъ это хорошо!» Съ кѣмъ раздѣлить наслажденіе и — съ

кѣмъ раздѣлить скуку? Какъ пріятно можно провести время въ путешествіи вмѣстѣ съ другомъ! и какъ скучно быть одному! — Мысль, что самый грубый человѣкъ, какъ, напримѣръ, *conducteur*, желаетъ раздѣлить радость свою съ другимъ, родила въ мнѣ мысль, что люди не такъ злы, какъ обыкновенно думаютъ. Люди имѣютъ также врожденное состраданіе къ себѣ подобнымъ; примѣромъ можетъ служить множество плѣнныхъ, кот[орымъ] непріятель оставляетъ жизнь. Съ другой стороны я иногда думаю, посмотря на существо, кот[орое] повидимому носитъ только образъ человѣка, но имѣетъ сердце хуже, нежели звѣрское, — иногда я думаю: «чего бы, кажется, жалѣть, естлибы такой человѣкъ попался подъ гильотину?» Но я бы первый пожалѣлъ объ немъ. Надобно вспомнить слабость людей. — Насмотрѣвшись — нѣтъ: посмотрѣвши на озеро, я пошелъ назадъ въ городъ, взошелъ на верхъ на *Place de Maurice*, сѣлъ на скамьѣ противъ озера и примѣчалъ, какъ постепенно удареніе лучей на поверхность воды дѣлалось постепенно слабѣе. Золото и серебро блистали яркимъ свѣтомъ. Мало-по-мало тѣнь простиралась по водѣ; вдали образовался пурпуровый туманъ... Ахъ, нѣтъ! Приведите злодѣя, приведите безбожника — покажите ему эту картину природы, дайте имъ время подумать: первый сдѣлается добрѣе, послѣдній воскликнетъ: «Велій еси, Боже, и чудны дѣла Твоя!» Я оглянулся на право и увидѣлъ снѣжныя вершины альпійскія: заходящее солнце дѣлало ихъ пурпуровыми — видъ единственный, противоположность плѣнительная. При видѣ сего величества и душа удивляющагося возвышается, и первая мысль, кот[орая] рождается въ умѣ его, есть мысль о Творцѣ неба и земли — великія зрѣлища возбуждаютъ великія мысли. — Солнце заходитъ и восходитъ вездѣ, и нигдѣ не должно быть безбожниковъ. — Тѣнь покрыла озеро. Я всталъ и пошелъ съ волненіемъ душевнымъ. Проходя по другой прогулкѣ, гдѣ было болѣе народу, я остановился и долго смотрѣлъ на западъ. Солнце закатилось за высокія горы. Багровая тѣнь простиралась по ихъ вершинамъ. Лучи солнца дѣлали небо какъ будто горящимъ. — Когда бы можно выразить тѣ чувства, кот[орыя] человѣкъ чувствуетъ въ подобныхъ случаяхъ! — Видъ съ горы замка въ Гейдельбергѣ и съ *Place Maurice* въ Женевѣ — навѣки останутся незабвенными въ душѣ моей. Естли чувство нельзя выражать, то по крайней мѣрѣ о нихъ можно вспоминать: чувствительное сердце находитъ много пищи въ воспоминаніяхъ!

11 Октября. $\frac{1}{4}$ 8-го вечера. Пятница. Я былъ въ Фернеѣ. Съ удивительнымъ любопытствомъ (кот[орого] я не помню въ другихъ случаяхъ) вступилъ я на крыльцо того дома, гдѣ жилъ (врядъ ли не) остроумнѣйшій

изъ всѣхъ писателей (а ихъ такъ много!). Служанка примѣтила изъ дали коридора насъ. Мы вошли въ комнату (она въ нижнемъ этажѣ, окошкомъ въ садъ). На одной стѣнѣ¹⁾ виситъ портретъ великой Екатерины (который, какъ говорятъ, вышитъ ея императорскою рукою). Вънизу вышиты слова: à M-r de Voltaire par l'auteur. Но навверху видно: Lasalle invenit et fecit. На другой стѣнѣ¹⁾ портреты Фредерика Великаго, Волтера самаго (я со вниманіемъ смотрѣлъ на сатирическое лице его — его голова должна была произвести la Pucelle, le Catechumène, Кандида и проч.). Портретъ Лессеия виситъ у кровати на той же стѣнѣ¹⁾. Онъ представленъ въ ролѣ Нерона. Приятно было Волтеру, проснувшись, видѣть передъ собою портретъ, присланный Екатериною, и портретъ своего Нерона. На третьей стѣнѣ¹⁾ виситъ портретъ Marquise du Chatelet — Французское лице. На четвертой повѣшены портреты Вашингтона, Даламберта, Франклина и проч. и проч., и также эстампъ, представляющій гробницу Волтера, на которой четыре части свѣта, изображенныя въ видѣ Екат[ерины] Вел[икой] (Азія), Даламберта (Европа), Франклина (Америка) и Африк. владѣтеля Сирококо, хотятъ положить вѣтви миртовыхъ и лавровыхъ; но Гений неспѣжества, вырвавшійся изъ своего берлога или пещеры, воспрещаетъ имъ воздать достойное праху Волтера: богатая мысль!! Въ нишѣ стоитъ родъ пирамиды, гдѣ хранилась прежде сердце Волтерово. Надпись на доскѣ еще тутъ: son esprit est partout, mais son coeur est ici. Я оторвалъ кусочикъ отъ чернаго завѣса, кот[орымъ] покрыта нишъ. Это хорошо для воспоминанія. — Долго смотрѣлъ я около себя въ комнатѣ и вышелъ съ большимъ удовольствіемъ въ сердцѣ. Величественныя и прелестныя мѣстоположенія способствовали къ великости духа. Подлѣ дома у стѣны церкви видна гробница, сдѣланная для Волтера, но въ кот[орую] овъ не былъ положенъ. — Видъ съ двора чрезвычайный, въ особенности на Альпійскія горы. Мы сѣли въ нашу колесницу (char-à-bancs), и ретивая кляча понесла насъ по густой алеѣ, поворотила на право и пустилась по дорогѣ въ Женеву. Сопутникъ мой, Нѣмецъ, не могъ насытиться, смотря на окружности Женевскія. Я тоже, и соглашаюсь теперь, что мѣстоположеніе сего города прекрасно, — и соглашаюсь очень охотно. Возвратившись въ городъ, я взялъ трубку и пошелъ съ Нѣмцемъ на Place de Maurice (имя теперешняго Мера). Солнце уже зашло, но видъ все еще былъ плѣнителенъ. Вдали, на вершинахъ горъ, видѣлъ я огонекъ, кот[орый] зажигаютъ живущіе тамъ пастухи. Тамъ, высоко, тамъ довольство духа. Это непустая мечта. Сдѣлалось темно. Мы пошли домой. —

1) Въ рукописи: стѣнѣ.

Въ Женевѣ замѣтилъ я очень много людей обоего пола въ траурѣ. Не знаю причины. Можетъ быть несчастныя прибѣгаютъ сюда забывать свое горе — ахъ, они правы! Завтра въ 8 часовъ отправляюсь я въ Chatoune. Keller сказалъ мнѣ теперь, что трауръ носится здѣсь очень долго.

— *Окт[ябрь]. Среда. 1/2 7 вечера.* Сегодня въ 5-мъ часу возвратился я въ Женеву. Путешествіе мое началось въ субботу по утру. Я ѣхалъ въ линейкѣ. Проѣхавши съ $\frac{1}{4}$ отъ Женевы, я очутился въ Савоѣ. Ручей раздѣляетъ двѣ деревеньки, изъ коихъ одна называется *Chene sur Geneve*, а другая *Chene sur la Savoie*. Я не ожидалъ такъ скоро быть въ замкѣ, о кот[оромъ] не имѣлъ почти никакого понятія. Но съ начала перемѣна была не чувствительна. Дорога отъ Женевы до Sallanches почти вездѣ хороша. Сосѣдка моя, молодая Савоярдка была очень разговорчива и наконецъ сдѣлала и меня таковымъ же. За *Bonneville*, городокъ, гдѣ мы обѣдали, дорога ведетъ между горами. Величественныя виды! Индѣ попадаются каскады. Вездѣ почти надобно ѣхать по берегу Арвы. Рейхардъ правъ, превознося сія мѣстоположенія. Иногда видны церкви на вершинѣ, какъ кажется, неприступныхъ горъ. Тамъ собираются простые Савоярды, молятъ Всевышняго о плодородіи долинъ своихъ — и Онъ внемлитъ моленію ихъ. Самыя приличныя мѣста для храма Богу». Творецъ сдѣлалъ ихъ залогомъ своего величія и Могушества! — Тѣнь пала на горы и долины, и мы были еще въ дорогѣ. Темнота придавала новыя прелести скаламъ, утесамъ и полямъ, и вселяла нѣкоторое благоговѣніе въ душу мою: водопады шумѣли сильнѣе; рѣка текла быстрѣе. — Сосѣдка моя пѣла мнѣ одну Савоярдскую пѣсню:

Duca Gionetta veux-tu te marida — la 4 —) 2.

Prendre un homo d'un bono façon

Noni mamori, je ne veux pas me marida.

Также извѣстную мнѣ:

Enfant de la Provence,

J'ai aux jours noirs,

Le plaisir et la douce,

Voilà tout mon refrain,

C'est le refrain du tambourin — 4. —

1) Въ рукописи внизу къ этому слову прибавлено: «Eglise de Chatelan».

Поужинавши въ Саланшѣ довольно хорошо и заказавши на другой день лошака и проводника, я легъ спать. (Изъ окошекъ трактира въ Bonneville славный видъ на горы). — На другой день въ 7 часу отправился я въ Chamouxy. Прошедши съ часъ отъ Sallanches, взошли мы въ долину, раздѣляемую Арвою. Одна половина называется pleine de Passy; другая — de Domamy. Въпереди Альпы; съзади тоже высокія горы, имѣющія различныя названія (вообще, кажется, la chène de Varraut), по сторонамъ тоже горы, усѣянные домиками и т. п. Будучи пораженъ столь величественнымъ и вмѣстѣ прекраснымъ видомъ, я начертилъ маленькой обрисъ плана. (Послѣ я проходилъ по долинамъ, кот[орыя] были несравненно лучше этой, какъ-то: Vallé de Chamouxy).

Прошедши долину, повернули мы въ лѣво на гору и видѣли la Cascade de Chede. Потомъ чрезъ горы, пропасти, лѣса дошли мы до т. н. Torrent Noire. Вода стремится по чернымъ камнямъ съ утесовъ и падаетъ въ Арву. Передъ этимъ мы видѣли и la C. de Chede — прекрасное явленіе между сею дикостію: чистое озеро, окруженное горами. Въ 12 час. пришли мы въ Servoz. Я позавтракалъ въ трактирѣ и пустился было далѣе, но у памятника, воздвигнутаго несчастному Саксонцу, погибшему въ горахъ, остановилъ меня Г. Лене, смотритель надъ рудоконными заводами. Онъ узналъ отъ своего гостя (Банкиръ Геншъ), что я пріятель съ Мих[алковымъ], и пригласилъ меня обѣдать. Оба встрѣтились мнѣ на дорогѣ. Мы взошли въ его petit chateau, кот[орый] имѣетъ очень выгодный видъ между утесами и ледяными горами. Жена его ловкая, говорливая Парижанка встрѣтилась мнѣ въ сѣняхъ, была очень ласкова, а онъ — очень и очень. Мы взошли въ комнату и сѣли у камна; потомъ я игралъ съ пею въ волапъ, — обѣдали, ходили. Я былъ очень доволенъ ихъ гостепрѣимствомъ; простился, поблагодарилъ и поѣхалъ. Г. Лене заставилъ меня обѣщать зайти къ нему на возвратномъ пути. Думалъ ли я имѣть такую встрѣчу въ Савойскихъ горахъ! и видѣть тамъ вертлявую и учтивую Парижанку! — Хорошо знаться съ хорошими людьми. Спасибо Сер[гѣю] Ив[ановичу].¹⁾ Расскажу ему все это и поклонюсь отъ мужа, а въ особ[енности] отъ жены. —

Черезъ часъ взошли мы въ Vallée de Chamouxy. Рейх[ардъ] называется ее somme un pouveau monde: естли не совсѣмъ то, то по крайней мѣрѣ очень похоже. На правой сторонѣ представляется прекраснѣйшій паркъ — нѣтъ, это слово мало для Шомунійской долины. Домики, разбросанные тамъ и сямъ, превосходятъ своею прелестію всѣ бесѣдки и павиль-

1) Михалкову.

ены, кот[орые] мы видимъ въ садахъ. А водопады? Могутъ ли они сравняться съ искусственными лужами, на которыя охотники до садовъ употребляютъ столько издержекъ? Мы проходили черезъ рвы, воды, горы и проч. Наконецъ попали на ровную дорогу и уже поздно, по вечеру пришли въ Chamouny. Трактирщикъ принялъ меня у дверей своего дома. Былъ учтивъ, разговорчивъ, но накормилъ меня на другой день очень дурно и хотѣлъ взять за одинъ обѣдъ 4 фр[анка].— Запасшись завтракомъ, пустились мы на другой день въ путь съ свѣтомъ. Я ѣхалъ на лошацѣ около $1\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$. Потомъ слѣзъ у колодца и пошелъ пѣшкомъ. Прошедши съ $\frac{1}{2}$ часа, мы расположились завтракать подъ большею сосною. Шомунійская долина была подъ нами. На верьху блистали снѣжныя Альпы — можно ли было ѣсть безъ большого удовольствія? Если смотрѣть съ горъ на низъ, то домы кажутся подлинно, какъ говоритъ Рейхардъ, карточными домиками, Арва — ручейкомъ, пашни-шашечною доскою. Въ 10 часу въ началѣ дошли мы до домика, посвященнаго на вершинѣ горы — Природѣ. Я растянулся на травѣ и смотрѣлъ на низъ въ долину, въ кот[орой] рука всемогущаго со-творила лѣдное море — видъ чрезвычайный. Р[ейхардъ] гов[орить]: представьте себѣ волнующееся море, вдругъ остановленное. — Правда. Я сошелъ на низъ, ходилъ по льду, смотрѣлъ въ разщелены и не могъ видѣть конца льду. Лавины, кот[орыя] падаютъ на сіе (а не въ сіе) море, бывають выжимаемы ими на верьхъ, когда трещины начинають затворяться. Я пилъ много воды, ѣлъ много льду и не могъ налюбоваться сими рѣдкими видами, кот[орые] такъ живо напоминали мнѣ Россію. Возвратившись въ домикъ, я закурилъ трубку, легъ на траву, смотрѣлъ, не сожалѣлъ о своемъ предпріятіи. Въ $\frac{3}{4}$ 11 часовъ пошли на низъ и черезъ три часа были въ Chamouny¹⁾. Сходя, я болѣе усталъ, нежели входя; хотя вообще я не очень, очень не очень усталъ и могъ бы тотчасъ же предпринять опять путешествіе на верьхъ. Сходить очень трудно. Надобно опираться на бульшую палку. Я съ своимъ Московскимъ посохомъ шелъ гораздо скорѣе по менѣе худой дорогѣ отъ колодезя. Въ Chamouny измараны всѣ стѣны именами путешественниковъ, стихами, фигурами и т. п. Въ 3 часа я поѣхалъ, въ $\frac{3}{4}$ былъ въ Сервосѣ. Поговорилъ съ гостепріимнымъ Лене. Видѣлъ начало ихъ фейерверка и спѣшилъ перейти поскорѣе черезъ Torgens. Проводникъ мой сѣлъ позади меня, но было уже очень темно. Я ипогда опасался. Въ долинѣ лошацъ всего пугался, два раза бросался въ сторону и во второй разъ сбросилъ меня съ себя и ушелъ домой. Еслибы ему вздумалось сдѣлать по-

1) Chamounix.

добный sortomortal на горѣ—чтобы со мною было? Часто, пробираясь на лошака по тропинкѣ или черезъ такъ называемыя avalanches (т. е. палки, по кот[орымъ] les avalanches de neige скатываются въ нпзъ. Ихъ тамъ много), думалъ я, что жизнь того существа, кот[орое] гордится быть повелителемъ всѣхъ твореній, кот[орое] сотворено по образу и по подобію Сотворшаго его,—какъ жизнь этого существа зависитъ отъ одного шага лошака, на кот[оромъ] онъ ѣдетъ! Страшно! но все такого на свѣтѣ. Повелитель всего и—игралище легчайшихъ вѣтровъ. Дорогою назадъ перемѣнялось много спутниковъ въ каретѣ. Съ начала, по утру въ 5 часовъ, сѣлъ подлѣ меня молодой аббатъ, съ кот[орымъ] я не гов[орилъ] ни слова, ибо хотя (sic!) спать. Но за то онъ наговорился съ другими пассажирами. Болталъ безъ милосердія: о контр-революціи, о пренебреженіи духовенства, о выгодахъ холостой жизни; и наконецъ заключилъ, сказавъ, что онъ не со-всѣмъ еще отказался отъ прекраснаго пола: онъ можетъ еще жениться. Потомъ сѣлъ адвокатъ. Этотъ меня подчивалъ виномъ. Потомъ опять попъ: этотъ болталъ въ другомъ родѣ. — Въ этихъ странахъ обрабатываютъ часто землю не лошадьми, не быками, но желѣзными вилами. Савоярды вообще мнѣ понравились: просты, учтивы. Ребята въ особ[енности] имѣютъ пре-красный видъ: здоровы, веселы, толсты. —

Всѣ эти чудеса природы хорошо посмотрѣть, но я не захотѣлъ бы жить между горами: нѣтъ чистаго поля! Возвращаясь по вечеру, я увидѣлъ въ ямѣ кузницу — славная картина! Смотря на Лене, мнѣ понравилась сельская жизнь. Еслибы не пол[итическія] обстоятельства!¹⁾

Возвратился въ Женеву и нанялъ мѣсто въ Лозан[н]у въ повозкѣ. Ъду въ 6 часовъ.

Теперь поужиналъ, закурю и лягу спать.

— *Четвергъ. 8 утра. Лозанна.* Вчера въ 7 часу выѣхали мы изъ Женевы. Я перемѣнилъ мѣсто свое въ каретѣ на мѣсто въ кабріолетѣ и пошелъ въ сидѣвшемъ подлѣ меня Французѣ хорошаго сосѣда. Говорилъ съ нимъ много о революціи. Онъ рассказывалъ мнѣ анекдоты изъ осады Ліона и другіе. Разтолковалъ слово colonne mobile: она состоитъ изъ 4000 гвардейцевъ Наполеона, кот[орые] переходятъ изъ одной провинціи въ другую и живутъ на щетъ обывателей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ конскрибенты не всѣ находятся на лицѣ. Часто они продаютъ дома сихъ послѣднихъ или жгутъ оныя; или сажаютъ въ тюрьму ихъ родственниковъ. Парижъ и Ліонъ осво-

1) Далѣе въ рукописи сдѣланъ набросокъ чертежа окрестностей Chamoni, но онъ не доконченъ и зачеркнутъ, а ниже приписано: «Вып. изъ книжки (и предыдущее) Sabat. На льдяномъ морѣ и здѣсь въ костелѣ — двѣ различныя точки».

бождены отъ сего *прямаго* налога. Въ Лионѣ много строится на щетъ правительства. Гов[орилъ] о Mariages republicains: т. е. женщинъ бросали въ воду съ мушкетерами. Увидѣвъ въ Моржѣ дѣвушекъ, одѣтыхъ по Французской модѣ, онъ замѣтилъ, что это въ употребленіи здѣсь недавно и что Нѣмецкіе Швейцарцы здѣшнихъ за это очень не любятъ. Гов[орилъ] о разпутствѣ провинціальныхъ городовъ; приводилъ мнѣ примѣры онаго въ Лионѣ, которые заставляють меня вѣрить словамъ его, что развратъ въ провинціяхъ врядъ ли не сильнѣе, чѣмъ въ Парижѣ.

Подъ вечеръ мы долго гов[орили] о Парижѣ, о театрахъ; онъ пѣлъ пѣсни, читалъ стихи и проч. и уговорилъ меня остаться сегодня въ Лозаннѣ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Ивердонъ. — Часа съ два отъ Женевы кончатся Франція и начинается Швейцарія, Canton de Vaud. У меня спросили паспортъ. Тутъ живетъ, въ замкѣ отца своего M-me de Stael, кот[орой] запрещено въѣзжать во Францію. Погода была прекрасная. Мы все ѣхали Женевскимъ озеромъ. Мѣста по берегамъ его плѣнительны. Вдали видны Альпы. Нѣкоторые замки на дорогѣ построены очень выгодно. Приѣхавши сюда, мы сѣли ужинать. Я много ѣлъ de la truite. Разговаривали о многомъ. Долго о различныхъ способахъ вести контрабандный торгъ. Многіе изъ оныхъ заставляли меня смѣяться.

18 Окт. Пятница. Ивердонъ. Въ Лозаннѣ обѣдали мы хорошо. Поутру я ходилъ смотрѣть соборъ. Съ колокольни видъ славный во всѣ стороны. По городу ходить скучно. Надобно безпрестанно спускаться или подниматься по лѣстницамъ или по мостовой. Впрочемъ эти неровности придають много прелести городу, когда смотришь на него изъ дали. Всѣ строенія составляютъ какъ будто кучу, на верху которой возвышается соборъ. Послѣ обѣда я легъ спать и вознаградилъ раннее вставанье многихъ ночей. Потомъ пошелъ съ моимъ товарищемъ гулять за городъ. Ходили, разсуждали, болтали. Окрестности мнѣ почти болѣе нравятся, нежели Женевскія. Поутру въ 6 часовъ поѣхали мы сюда въ хорошей и покойной каретѣ. Дорога прекрасная; часто ведетъ лѣскомъ. Приѣхавши сюда, мы отобѣдали и пошли въ Институтъ Песталоци. Г. Нидереръ водилъ насъ къ Песталоци, у кот[ораго] мы были недолго. Не было объ чемъ говорить. Къ тому же товарищъ мой не знаетъ по-Нѣмецки, а ГГ. Воспитатели лучше любятъ говорить по-Французски. Съ Г. Нидереромъ проплись мы по алеѣ. Онъ знаетъ А. С. Кайсарова. На лугу промежь алей играли воспитанники Песталоци. Мы до захожденія солнца прогуливались по прекраснымъ алеямъ и по берегу озера и горячо разсуждали о состояніи Литтературы Нѣмецкой и Французской и о Нѣмецкой экономіи, которою мой товарищъ очень не доволенъ. Вообще онъ

очень не любить Швейцарцевъ и Нѣмцевъ. Дорогою разговаривали мы о теперешнихъ Вельможахъ Франціи. Товарищъ мой рассказывалъ мнѣ анекдоты о нихъ и сравнивалъ ихъ съ актерами. Я очень доволенъ, что мнѣ попался такой товарищъ, хотя я и долженъ путешествовать не такъ скоро и долженъ осматривать окрестности различныхъ городовъ и часто почевать. Но—каково зато ѣздить и одному?

19. *Полдень.* Едва имѣю время отдать моей книгѣ отчетъ объ Институтѣ Г. Песталоци. Вчера отъ 8 час. вечера разговоръ мой съ мопмъ товарищемъ былъ прерванъ — другомъ человѣчества: учитель Фр[анцузскаго] языка въ Институтѣ. Видъ его былъ видъ истиннаго философа безъ шляпы, безъ галстука, съ длинными зачесанными волосами. Лишь только онъ сѣлъ на стулъ, какъ краснорѣчіе полилось изъ устъ его. Часто бессмысленныя рѣчи придавали болѣе важности словамъ его. Иногда онъ запутывался — по и можно ли иначе при такой матеріи? Между прочимъ онъ сказалъ, что онъ 10 лѣтъ ищетъ людей и наконецъ нашелъ Песталоци, человѣка, каковаго онъ не нашелъ ни въ Польшѣ, ни въ Германіи, ни въ Саксоніи, ни даже въ Галлѣ. Французъ мой вралъ безъ милосердія — они другъ друга не понимали — невозможное для нихъ было невозможно. Наконецъ ученный ушелъ. Французъ началъ его критиковать. Я — читать тетрадь, принесенную первымъ и сочиненную Жюльеномъ. Главное, что мнѣ понравилось все изъ Руссо. На Intuition все висить. Сегодня былъ въ Институтѣ. Въ 1 классѣ можно уже получить идею о методѣ. Дѣти, смотря на цвѣты, и разсуждаютъ о нихъ. Въ Географ[ическомъ] классѣ отвѣчали хорошо. — Хорошо, что мальчики имѣютъ болѣе свободы, нежели въ обыкновенныхъ школахъ, отъ чего они учатся съ удовольствіемъ и слѣд. лучше. Учители, кажется, хорошо съ ними обращаются. Хорошъ классъ, цитаютъ въ умѣ: это заставляетъ ихъ думать и приучаетъ думать и понимать скоро. Учители вообще нечисты до невозможности.

Бернъ. 21 Окт. 12 час. утра. Изъ Ивердона поѣхали мы послѣ обѣда въ маленькой повозкѣ. Въ трактирѣ взяли съ насъ очень дорого. Погода была хороша. Туманъ разсѣялся. Мы ѣхали по берегу озера и болтали. Дорога ведетъ по прекраснымъ мѣстамъ. По вечеру пріѣхали въ Паерну. Зажгли огонь въ каминѣ и сѣли грѣться. Французъ рассказывалъ мнѣ множество анекдотовъ; и мы провели время весело. Служанка недурна собою, строили куры. Потомъ ужинали. На другой день въ 9 часовъ поѣхали въ той же повозкѣ въ Бернъ. Обѣдали на берегу озера въ городкѣ Morat¹⁾.

1) Murten.

Тутъ разговариваль я съ однимъ купцемъ о налогахъ. Онъ гов[орилъ], что платить за свою лавку 2 gros-écus за три года; что кто купить право гражданства, тотъ ничего не платитъ, но имѣеть еще доходъ и т. п. Проѣжжали черезъ Аваншъ. На одномъ домѣ видѣли бюсты Римскихъ Импер[аторовъ]. Фундаменты состояли иногда изъ корнишей Римскихъ зданій прекрасной работы. За городомъ видна 1 колона и нѣкот[орыя] развалены и стѣна. Ночевали здѣсь. Гулялъ по городу. Гулянье около собора не велико, но чрезвычайно хорошо по своему мѣстоположенію. Видъ славный. Соборъ понравился мнѣ внутри очень. Я не помню ни одного такого, что касается внутренности. — Дорогою въ Гюминѣ¹⁾ пили самую славную Kirsch-Wasser. Хороша. Видѣли танцы мужиковъ и ихъ ловкости. Французъ вралъ часто; иногда, показывая на проходящую карикатуру, гов[орилъ]: это Песталоци и проч. За ужиномъ съ визгомъ гов[орилъ] о революціи. Съ этими разговорами мы и заснули.

1/2 9-го часа вечера. Послѣ обѣда ходили гулять съ Французомъ. Потомъ я ходилъ на валъ съ трубкою. Солнце уже закатилось. На одной стронѣ вершины горъ были позлащены лучами солнечными. На другой—Альпы блистали въ вѣчныхъ льдахъ своихъ. Прекрасная долина и холмы, покрытые зеленью, быстрый Ааръ производили прелестную противоположность сему великолѣпному зрѣлищу Природы. Я сидѣлъ, пока сдѣлалось темно. Огонь свѣтилъ во многихъ домахъ. Оттуда пошелъ я въ кофейный домъ. Курилъ, читалъ, пилъ кофе. Французъ мой пришелъ туда.

Герцогенбуксе²⁾ (какъ говорятъ). 7 час. вечера. Вторникъ. Мы болтали. Онъ бранилъ Нѣмцевъ. Пришедши домой, я началъ писать, но торговцы помѣшали. Мы спорили о Лафаетъ, говорили о революціи и т. п. Французъ горячился, рассуждая о теперешнемъ положеніи Франціи. Долго все это продолжалось. На другой день, отобѣдавши, мы поѣхали въ chaq-à-balces за 11 écus ou 6 fr. до Шафгаузена. Погода была очень хороша. Поднявшись на первую гору, я увидѣлъ передъ собою Бернъ. Дорога прекрасная, шоссе. Проѣжжали черезъ Linchberg, деревня. Дома прекрасные, и я удивлялся (наружному) благосостоянію народа. Поля обработаны хорошо. Скотъ, въ особенности коровы, славные. Заходящее солнце представило мнѣ зрѣлище, кот[орому] подобнаго я не помню. Небо казалось болѣе нежели прозрачнымъ. Лучи, ударяя сквозь туманъ, образовали различные цвѣты радужные. Подъ вечеръ сдѣлалось довольно свѣжо. Мы проѣжжали черезъ нѣсколько деревень: вездѣ славные дома и видъ благосостоянія. На (т. ск.) чердакъ дома можно

1) Gümnenen.

2) Gerzogenbuchtsee.

въѣжжать на повозкѣ. Тамъ кладется хлѣбъ. Дорогою встрѣтился намъ Французской вербовщикъ; онъ сидѣлъ въ повозкѣ. За нимъ шли конскрибенты съ цвѣтами и Фр[анцузскими] кокардами на шляпахъ и съ цвѣтущими лицами. Французъ гов[орилъ], что недавно въ два мѣсяца на вербовали 3000 и болѣе, нежели сколько нужно. Онъ это слышалъ. Я не ручаюсь за истину, тѣмъ болѣе что иногда рассказы его походятъ на вымыслы пылкаго воображенія. Онъ охотникъ до разговоровъ, въ особенности любитъ спорить. Бездѣлицы рассказываетъ съ видомъ важности и можетъ пустяками заговорить хоть кого, и о чемъ угодно. Если онъ не понимаетъ предмета разговора, то говоритъ въ отвѣтъ о другомъ и всегда съ возвышеннымъ лбомъ. Я это узналъ изъ разговора съ учителемъ Института Песталоци и даже съ другими. Часто теперь, показывая на карикатуры, вмѣсто Песталоци, говоритъ: c'est Guillaume Tell. Я очень доволенъ его компаніею. — За обѣдомъ сегодня было весело: болтали, пѣли; каждый подчивалъ другихъ: насъ было четверо. — Ходить въ Бернѣ хорошо. Въ нижнихъ этажахъ каждаго дома есть галереи, услащенные камнемъ. Сегодня я видѣлъ тамъ родъ ярмонки, или, лучше сказать, базаръ. Дорогою видѣлъ много рѣпы: все бѣлая, такъ, какъ и морковь. (Voilà ce taureau. Qu'il congé. Je n'y voyais pas clair. Анекдоты рассказанные Французомъ). —

*4 Ноября. Праздникъ въ Миланѣ*¹⁾. Языкъ Швейцарскій въ произношеніи много имѣетъ, какъ кажется, сходства съ Голландскимъ.

Путешествуя не одинъ, путешествіе имѣетъ несравненно болѣе для меня пріятности; и я иногда даже мечтаю о странствіи своемъ. Съ мрачностію предвижу то время, когда опять буду одинъ. Но время летитъ, и я приближаюсь къ пѣли.

Баденъ. 8 час. вечера. Среда. Въ 6 часовъ пустились мы въ путь. Туманъ покрывалъ поля и дорогу и препятствовалъ лучамъ солнечнымъ дѣйствовать на насъ самымъ благодѣтельнымъ образомъ. Было довольно холодно. Но чего не могло сдѣлать солнце, то сдѣлалъ завтракъ. Мы плотно напился и наѣлся. Между тѣмъ и туманъ прошелъ. Но мы отъ другой причины: N'y avous pas vu clair. Шосе было такъ хорошо, что не препятствовало намъ дремать; и, пріѣхавши къ обѣду, мы, не выходя изъ своей повозки, соснули. Потомъ немного поѣли и поѣхали. Погода была хороша: не жарко. Проѣзжали черезъ Linzburg²⁾. За городомъ виденъ замокъ, построенный на утесѣ и на высокой горѣ. Вообще замки на горахъ здѣсь

1) Напечатанное здѣсь курсивомъ означаетъ не дату, а очевидно замѣтку на память о какомъ-то праздникѣ въ Миланѣ.

2) Lenzburg.

очень часто встрѣчаются. Дорога вездѣ славная. Благосостояніе вездѣ замѣтно. Французъ мой пѣлъ нынче новыя пѣсни, разсказывалъ новыя анекдоты. — Швейцарскіе часы болѣе Фр[анцузскихъ] *lieux*. Мѣстоположенія вообще хороши. Альповъ давно уже не видимъ. Въ трактирахъ еще не дорого платимъ. Стращаютъ трактирами въ т. н. маленькихъ кантонахъ. Кучера, трактирщики и *цы* вообще говорятъ по-Нѣмецки и по-Французски. Женскій полъ отличается здѣсь дородностію, но платья ихъ много придаютъ имъ толстоты. Вообще женщины одѣты хорошо. Здѣсь въ трактирѣ (аих *Balances*) пашель я пѣчь, совершенно похожую на наши, и грѣлся, стоя по-Русски. Французъ влѣзъ на верхъ и читаетъ Рейхарда; я забавлялся газетами. Несносный стиль. Узналъ новое выраженіе: «*die Napoleoniden*».

1/2 7 вечера. Четвергъ. Шафгаузенъ. Въ 7 часу поѣхали мы сегодня изъ Бадена. Дорога вела лѣсомъ. Мы набрали нѣсколько грибовъ и оставили ихъ въ повозкѣ впродъ до повелѣнія. Рѣпою засѣяно множество полей: я ѣлъ дорогою этотъ фруктъ и вспомнилъ свою молодость. Деревни, чрезъ кот[орыя] мы проѣзжали, не показываютъ того благосостоянія, кот[орое] примѣтно было прежде. На дорогѣ мы завтракали въ городѣ *Kauserstuhl*. Переѣхавши черезъ Рейнъ, очутились мы въ Герцогствѣ Баденскомъ. Это привело мнѣ на мысль Гейдельбергъ. Я думалъ, какъ я приближился къ Геттингену послѣ большаго отдаленія, и завтра начну опять отдаляться — и все сіе, не увидя мѣста, о кот[оромъ] не могу думать хладнокровно. Проѣхавши слишкомъ три часа отъ *Kauserstuhl*, мы услышали шумъ Рейнскаго водопада: я почувствовалъ въ себѣ большее любопытство, ожидалъ видѣть что-нибудь подлинно великолѣпное и изящное; но ожиданіе мое не было удовлетворено. Я воображалъ себѣ, что вода падаетъ съ гораздо большей высоты; и съ начала не хотѣлъ вѣрить Французу, кот[орый] гов[орилъ], что это Рейнскій водопадъ. Переѣхавши на другую сторону Рейна, мы вошли въ одинъ домъ; въ верхнемъ этажѣ сдѣлана *самега obscura*, посредствомъ коей Рейнскій водопадъ представляется въ видѣ живой картины. Видъ изъ окошекъ нѣсколько лучше, нежели прежде. Мы пошли далѣе; дѣвушка, пришедшая изъ замка, открыла намъ дверь на маленькій балконъ, построенный надъ самымъ водопадомъ. Тутъ онъ виденъ во всемъ своемъ величествѣ: быстрота ужасная; шумъ внушаетъ нѣкоторое почтеніе къ Природѣ. Потомъ взошелъ на верхъ горы, гдѣ построена бесѣдка, изъ окошекъ которой Рейнъ виденъ прежде и послѣ водопада. Я сожалѣю, что не видалъ обоихъ водопадовъ Нарвскихъ. Но такъ какъ тотъ, коего я не видалъ, лучше того, который я видѣлъ, то я думаю, что первый не уступитъ Рейнскому. Когда я сказалъ Французу, что я очень обманулся въ мо-

емъ ожиданіи, то онъ напустилъ на путешественниковъ, кои ѣздятъ, смотрятъ это, замѣтивъ, что Фр[анцузскіе] короли никогда этого не видали, и что вообще мало Французовъ предпринимаютъ трудъ сей. Это маленькое странствіе совершилъ я съ трубкою въ рукахъ. Погода все еще хороша. Завтра ѣдемъ въ Цюрихъ. Оттуда, не знаю какъ, переберусь въ Италію. — Французъ мой, большой охотникъ спорить, началъ было утверждать, что деньги, собранныя посредствомъ палоговъ и удержанныя Правительствомъ, остаются въ Государствѣ, и что все это не вредно; но наконецъ долженъ былъ замолчать и перемѣнить матерію. Я былъ доволенъ этимъ. Вотъ дѣйствіе истинны на пустое многоглаголаніе моего болтливаго товарища.

25 Окт[ября]. $\frac{1}{4}$ 7 вечера. Цюрихъ. Вчера съ моимъ товарищемъ случилось смѣшное происшествіе, кот[орое] онъ мнѣ разсказалъ, и мы много смѣялись. Въ 6 часовъ встали и пустились въ дорогу. Видили съ горы Рейнской волопадъ. Завтракали въ Eglisen. Въ комнатѣ стояли два или три стола, надъ кот[орыми] висѣли сапоги, банки и проч. въ миниатурѣ, что означаетъ мѣсто различныхъ мастеровыхъ. Благосостоянія я совѣмъ не замѣтилъ въ деревняхъ. Вмѣсто того большая нечистота на улицахъ. Дорога вездѣ хорошая, мѣста попадаются прекрасныя, въ особенности около Цюриха. Городъ сей имѣетъ хорошій видъ съ наружи. Рѣка Лимать придаетъ много прелести его окрестностямъ. На берегу есть алея для гуляющихъ. Приѣхавши сюда, мы остановились въ трактирѣ Мѣча. Хозяинъ объявилъ намъ, что въ 4 часа гости его поѣдутъ на лодкѣ по озеру. Дождикъ не препятствовалъ сему предиріятію. Общество составляли Кн[язь] Любомирскій съ женою и дочкою, какой-то Балькъ, кот[ораго] здѣсь зовутъ Русскимъ каммергеромъ и проч. Музыка загремѣла, какъ скоро мы отстали отъ берега. Хозяинъ билъ въ барабанъ. Огъѣхавши нѣсколько отъ берегу, мы догнали артиллерію, принадлежавшую къ нашему фрегату. Она состояла въ одной пушкѣ, поставленной на лодкѣ. По командѣ хозяина: erste Brigade attaquit и проч. изъ пушки стрѣляли. Эхо повторяло звукъ сей. Иногда хозяинъ посылалъ свою лодку съ пушкою атаковать непріятеля—все по командѣ: она стрѣляла и съ триумфомъ возвращалась назадъ, а онъ съ важною миною, изо всего горла возвѣщалъ непріятелю его потерю и свою собственную побѣду. Черезъ нѣсколько времени лодка остановилась, дабы дать гулявшимъ время взглянуть на Цюрихъ и на окрестности озера. Славные виды. Дождикъ пошелъ сильнѣе; мы пристали къ берегу. Я пришелъ домой съ Французомъ. Пили ликеръ, теперь оба пишемъ.

26 [Октября]. $\frac{1}{2}$ 12 часа утра. Сегодня ночью былъ я разбуженъ плачевною трубою, звукъ кот[орои] походилъ на мычаніе умирающей ко-

ровы. Съ двухъ башенъ трубили такимъ образомъ, и звукъ сей возвѣщалъ нещастіе. Я всталъ съ постели, отворилъ окно и узналъ по крику и бѣганью народа, что причина этому былъ пожаръ. Я хотѣлъ было итти смотрѣть дѣйствіе здѣшной полиціи, но остался въ теплой постелѣ. Трубы долго мычали и мѣшали мнѣ спать. Вставши поутру, я увидѣлъ тѣ горы, кот[орыя] вчера не были покрыты ничѣмъ,—покрытыя снѣгомъ. Это привело мнѣ на память наступленіе зимы въ Россіи,—время, въ кот[орое] душа бываетъ такъ расположена къ Меланхоліи; и теперь смотрю на этотъ новый снѣгъ и вспоминаю Отечество. Туманъ покрываетъ большую часть горъ; однѣ вершины освѣщаются небеснымъ свѣтомъ. Горы можно назвать эмблемою величества Божія. Сегодня писалъ къ своимъ.

Сей часъ читалъ въ Цюрихскихъ газетахъ постановленіе правительства Луцернскаго кантона въ разсужденіи рекрутированія во Фр[анцузскую] службу; между прочимъ позволяетъ брать съ принужденіемъ въ сію службу людей дурнаго поведенія и между прочимъ тѣхъ, кот[орые] дѣлаютъ незаконныхъ дѣтей. Республиканская строгость!!! Французъ сказывалъ мнѣ, что нещастныхъ матерей таковыхъ дѣтей осуждаютъ, напри- мѣръ, въ Базелѣ, на вѣчное заточеніе и работу. Не ручаюсь за истину. Справлюсь.

Вазень. 27 Окт[ября]. 1/4 7 вечера. Воскресенье. Въ 6 часовъ вечера (въ субботу, вчера) поѣхалъ я изъ Цюриха съ т. н. курьеромъ, кот[орый] возитъ письма. Буенъе прощался со мною; прощанье съ обѣихъ сторонъ было неравнодушно. *Quelque opinion de savant agence qu'on puisse avoir de soi-même, l'amour-propre de l'homme est toujours flattée, quand il voit que dessins, qui à peine ont fait sa connoissance s'interessent à lui d'une manière marquante; on commence à rechercher les causes de cet achement, et on finit par être..... contrat de soi-même.*

Участь путешественниковъ — познакомиться и проститься — навсегда. Прощанье съ Б[уенъе] сдѣлало меня мрачнымъ. Всю ночь я проѣхалъ. Останавливался въ одной избѣ, гдѣ при входѣ хозяйка сказала мнѣ: *guten Abend* и подала руку. Я выпилъ рюмку *Kirsch-Wasser*. На разсвѣтѣ приѣхалъ я въ *Brunnen*. Тутъ пилъ кофе довольно хорошій, и съ какимъ аппетитомъ! Въ 7 часовъ сѣлъ въ лодку и поѣхалъ по озеру (*der eine Waldstätter-See*). Крутые, высокіе утесы служатъ берегами сему озеру. Погода была очень дурная, шель дожджикъ. Облака туманныя покрывали вершины горъ. На утесахъ часто видны домики, церкви и проч. Часа черезъ 2 ѣзды пристали мы къ часовнѣ Телевой. Стѣны украшены живописью, представляющею исторію Теля. Приставши къ берегу, къ *Fluelen* мы дошли пѣшкомъ (я нашелъ товарища

въ Брунненъ) до Альтдорфа. Въ книгѣ иностранцевъ видѣлъ ямя Данилевскаго; а внизу написалъ вздоръ какая-то каналья, не знающая по-Русски, еще стихами на Русскомъ языкѣ. Въ Альтдорфѣ пообѣдавши, я уснулъ. Дожжикъ шелъ проливной и мѣшалъ намъ ѣхать. Наконецъ поутихъ. Мы взлѣзли на колей своихъ и поѣхали. Попадавшіеся говорили намъ: guten Abend. (Это всегда послѣ 12 час[овъ]). Погода дурная не мѣшала мнѣ наслаждаться величественными горами, которыхъ вершины покрыты снѣгомъ. Каскады безпрестанно падаютъ съ горъ. Часто надобно было переѣзжать ихъ. Рейсъ представляется въ различныхъ видахъ и часто поражаетъ величствомъ своимъ. Нѣсколько водопадовъ образуются въ его теченіи, и нѣкоторые, кажется, не уступятъ Рейнскимъ (сей выше, тѣ длиннѣе). Иногда между водопадами, утесами, лѣсами стоитъ смиренная хижина. Видъ простоты не можетъ не нравиться никому. Иногда великолѣпіе не можетъ уничтожить въ сердцѣ человѣка это чувство, которое сама Природа запечатлѣла въ немъ: чувство простоты и самая простота сродны каждому. Недалеко отъ Вазена переѣзжали мы черезъ мостъ на Рейсѣ, построенный надъ пропастью, называемою Pfaffenspring. Лошадь моя была *уставши*. Приѣхавши сюда, первое дѣло было повѣсить капотъ къ печкѣ, ибо я вымочился. Страшаютъ снѣгомъ на Готардѣ. Дорога и 6 часовъ ѣзды не возродили во мнѣ аппетита.

Госпиталь. $\frac{15}{28}$ Окт[ября]. Съ ночлега поѣхали мы въ 7-мъ часу. Погода перемѣнилась: не было ни дождя, ни снѣгу. Поднявшіеся нѣсколько на горы, мы могли чувствовать благодѣяніе лучей солнечныхъ. Я не могъ довольно насмотрѣться на горы, покрытыя снѣгомъ, на чистые водопады, образуемые Рейсомъ. Проѣзжали мимо Чортаго камня. Потомъ¹⁾ переѣхали черезъ Чортовъ мостъ; это незабвенное мѣсто въ Исторіи вѣковъ. Рейсъ течетъ тутъ съ ужаснымъ шумомъ и падаетъ съ высокихъ камней. Какъ намъ здѣсь сказывали, что одинъ изъ сводовъ (съ той стороны былъ разоренъ Французами; а Русскіе посредствомъ бревенъ и шарфовъ перешли безо всякой потери. Потомъ проѣзжали мы черезъ Ursernlach. Въ ней шелъ дожжикъ. Послѣ этого погода перемѣнилась. Пошла крупа, когда мы въѣхали въ Thal. Снѣгъ покрывалъ долину и сравнивалъ поверхности дороги съ полями. Отъ деревни Урзенъ пришли мы сюда въ $\frac{1}{2}$ часа. Здѣсь видѣлъ я ту комнату, гдѣ спалъ Суворовъ (не зная, что я и самъ тутъ же буду

1) Здѣсь оканчивается шестая книга дневниковъ Тургенева; продолженіе идетъ на отдѣльныхъ (8) листахъ. На послѣднемъ листѣ книги Тургеневъ пытался сдѣлать оглавленіе своего дневника, но, начавши, бросилъ. Сохранились только слѣдующія слова: «Гейлигенштатъ—1 (стр.), Веймаръ—2; Лейпцигъ—5; Дрезденъ—12».

спать). Позавтракавши отправились мы въ 12 часу отсюда на St. Gothard. Часъ шли благополучно, не смотря на самую дурную погоду. Снѣгъ шелъ, вѣтеръ вѣялъ: дороги было не видно. Лошадь моя съ начала взошла по брюхо въ снѣгъ. Я съ трудомъ вылѣзъ. Проводникъ хотѣлъ вести лошадь и увязъ съ нею вмѣстѣ. Я шелъ пѣшкомъ. Лошадь и по сіе время (4 часа) находится тамъ. Долго мы бились съ нею, но все тщетно. Проводникъ увязалъ по горло въ снѣгъ. Мимоходящіе нѣсколько намъ помогали—но наконецъ всѣ ушли, не смотря на то, что однихъ я просилъ. Они, по словамъ ихъ, боялись опоздать сами. Я усталъ, бившись съ лошадыю и безпрестанно вылѣзая изъ снѣгу. Проводникъ не знаю для чего, оставивши мою лошадь, хотѣлъ привести другую, но и эта увязла. По совѣту моему мы оставили несчастныхъ лошадей тамъ, а сами пошли домой. Проводникъ былъ печаленъ и плакалъ. Я, не смотря на мое хладнокровіе, не смотря на то, что за минуту передъ симъ въ слякоть и вѣтеръ, шѣлъ: на толь, чтобы въ печали кто могъ любить; и я чувствовалъ внутри себя неудовольствіе: первое, что это насъ задерживаетъ, второе, что дѣйствіе происходило въ глубокихъ сугробахъ, на берегу Рейса. Мы возвратилсъ по снѣгу, грязи и водѣ. Не помню такого путешествія. Теперь послали людей вытаскивать нашихъ скотовъ.

7 час. вечера. Сей часъ привели нашихъ лошадей: онѣ лежали все на томъ же мѣстѣ; только обѣ ямы соединилсъ въ одну.

NB. Въ Италіи запрещено имѣть при себѣ карманные ножи съ острыми концами.

Auf dieser Welt ist schön das Leben
 Wenn man sich's selbst nicht trübe macht;
 Das [Leben] das uns Gott gegeben,
 Froh der Natur entgegen lacht.
 Des Schöpfers Güte dein Gemüthe
 Zeigt sich auf lauter Flur und . . .

Мої товарищъ, Швейцарецъ, началъ было мнѣ диктовать сію пѣсню, кот[орую] я часто слыхалъ въ Геттингенѣ и Касселѣ, но не знаетъ далѣе.

Три человекъ, кот[орые] помогали нашему проводнику вытаскивать нашихъ лошадей требуютъ для каждаго двадцать Боцей и ча водку (тридцать или тридцать три равны большому Фр. талеру); между тѣмъ какъ другой несъ на самую вершину, вдвое долѣе, на себѣ ношу и служилъ проводникомъ за двенадцать.

Трубка и палка служили мнѣ утѣшеніемъ въ снѣгахъ.

Аріоло. 30 Окт. 2 часа пополудни (Середа).

Пужинавши третьяго дня въ Госпиталѣ, мы легли спать. Могъ ли я негодовать на нашу неудачу, лежа въ постелѣ, въ которой за нѣсколько лѣтъ спалъ Суворовъ. Эта мысль заставляла меня даже радоваться нашему приключенію. Ночью шелъ дождикъ и вѣялъ вѣтеръ. Поутру сказали намъ, что ѣхать нельзя. Я утѣшился, въ надеждѣ еще разъ спать въ моей постелѣ. День провелъ я, читая *die Schrecklichsten Jahre im Leben, von Aschenbrenner*. Эта книга меня очень заняла, но я замѣтилъ, что авторъ много лжетъ. Послѣ обѣда погода переменилась. Одинъ Итальянецъ поѣхалъ даже на лошади на гору, но долженъ былъ послать лошадь назадъ и продолжать путешествіе свое пѣшкомъ. Путешественниковъ собралось много въ компаніи, многіе пришли съ коровами. Мѣшки, коими были покрыты ихъ головы, и веревки, коими они были подпоясаны, подали мнѣ мысль, что они капуцины; ибо они подлинно походили на [капуцин]овъ, встрѣтившихся намъ на дорогѣ. Погода подъ вечеръ стала очень хороша. Надежда насъ не обманула. Сегодня, позавтракавши, сѣли мы въ 8 часовъ на коней своихъ и пустились на *St. Gothard*, взявъ съ собою еще одного проводника съ заступомъ. Дорога не была покрыта снѣгомъ, какъ наканунѣ. Мы благополучно проѣхали то мѣсто, въ кот[оромъ] наши лошади провели нѣсколько неприятныхъ часовъ. Вскорѣ однакожь мы начали ѣхать совершенно по снѣгу. Тропинка была проложена коровами. По обѣимъ сторонамъ возвышались сугробы. Лошадь моя не могла итти долгое время благополучно и наконецъ увязла. Я пошелъ пѣшкомъ. Дорога была очень затруднительна. Вѣтеръ вѣялъ, и туманъ покрывалъ бѣлизну снѣга. Я сѣлъ на лошадь моего товарища, кот[орый] шелъ пѣшкомъ, и такимъ образомъ съ большимъ трудомъ мы поднялись на верхъ. Съ какимъ удовольствіемъ увидѣлъ я домъ, кот[орый] возвѣщаль намъ, что мы на вершинѣ *St. Gothard*'а. Озеро доказывало тоже. Мы вошли въ домъ. Пили тамъ вино, ѣли сыръ и хлѣбъ. Въ 12 часу начали спускаться. Съ начала я ѣхалъ верхомъ, но наконецъ крутизна горы заставила и меня итти пѣшкомъ. На встрѣчу попадались намъ сани съ быками, для кот[орыхъ] проводники должны были часто прокладывать дорогу. Это продолжалось съ часъ. Наконецъ я опять сѣлъ на лошадь. Черезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ я предѣлы Италіи. Небо было покрыто облаками, но очень различествовало съ небомъ Швейцарскимъ. Скоро почувствовалъ я вокругъ себя другую атмосферу. Воздухъ сдѣлался теплѣе. Зеленъ видна была на поляхъ. Горы были здѣсь покрыты соснами. Одни только вершины походили на вершины горъ на той сторонѣ Готарда. Я не могу изобразить чувствованій своихъ при сей переменѣ. Я хотѣлъ сравнить это съ чѣмъ-нибудь,

но не могъ: естли, походивши долго въ подземельи, выдешь на чистый лѣтній воздухъ, то сія перемѣна будетъ похожа на первую.

Домъ, въ кот[оромъ] мы останавливались на вершинѣ Готарда, принадлежалъ къ монастырю или къ гостиницѣ; отъ которой остались одни только стѣны свидѣтельствомъ буйства человѣческаго и доказательствомъ золь, сопряженныхъ съ войною. И въ эти высокія мѣста, въ кот[орыхъ] обитало истинное христіанское человѣколюбіе и гостепрїимство, и въ эти мѣста проникъ всеразрушающій мечъ. Во время Италіанской войны Французы раззорили и сожгли сію гостиницу, прогнавъ человѣколюбивыхъ пустынниковъ.

Ролеггіо. 31 Окт. Въ 4 часа выѣхали мы изъ Аріоло¹⁾. Погода намъ не благопрїятствовала. Но Тессинъ²⁾, инде стремящійся по утесамъ, инде текущій спокойно въ берегахъ своихъ, или образующій величественныя каскады, занималъ меня; и я забылъ думать о погодѣ. Трубка представляла мнѣ другое удовольствіе. Все говорило мнѣ, что я перешелъ Готардъ, что я въ Италіи. Въ 7 часу прїѣхали мы въ Aldazio или Zollhaus. Насъ не осматривали. Поужинавши легли спать. Въ 7 часу утра отправились. Долго спустились мы съ крутой горы. Водопады шумѣли подо мною, утесы висѣли надъ головою. Все это составляло величественную картину, изображавшую въ полномъ смыслѣ дикость природы. Проѣзжали черезъ нѣсколько деревень. Послѣ часа дорога началась прямая. Въ одномъ мѣстѣ видѣлъ я множество камней, кот[орые] бурею были сброшены съ горы и раззорили нѣсколько амбаровъ. Посреди сихъ камней стоялъ столбъ, на вершинѣ кот[ораго] былъ поставленъ черепъ и окруженъ желѣзомъ. Тутъ былъ казненъ какой-то преступникъ. Здѣсь начинается и хлѣбопашество, и даже много виноградниковъ; между тѣмъ какъ по ту сторону Готарда нѣтъ ничего, кромѣ сѣна, кот[орое], какъ гов[орятъ], очень хорошо. Хлѣбъ развѣшиваются здѣсь на жердяхъ. Погода теперь прекрасная: мнѣ было даже жарко. Я еще не могу привыкнуть къ этой перемѣнѣ. Таково-то ругнулъ насъ Готардъ; но воспоминанія объ Отецествѣ заставляли меня все забывать.

Белминцона. 1/2 7 вечера (31 Окт.). Пообѣдавши съ большимъ аппетитомъ, мы поѣхали, отпустивъ напередъ нашего проводника. Дорога хороша. Теперь дѣлаютъ тутъ шосе. Каскады безпрестанно попадались намъ. На одной изъ нихъ солнечные лучи образовали прекрасную *волнистую* радугу. Тесинъ течетъ здѣсь гораздо спокойнѣе. На утесъ, кот[орый] кажется изъ дали неприступнымъ, видѣлъ я церковь: видъ прекрасный, и

1) Надо: Айроло (Airolo).

2) Тичино.

прекрасное мѣсто для церкви. Въ деревняхъ, черезъ кот[орья] мы проѣхали, я не замѣтилъ никакихъ слѣдовъ благосостоянія; да и можно ли иначе въ сихъ дикихъ мѣстахъ? Чистота тѣсно соединена съ благосостояніемъ поселянъ; потому и дома по большей части не чисты. Въ народѣ чистоты тоже очень мало; родъ савдалей, кот[орья] служатъ имъ вмѣсто башмаковъ, очень просты. Физиогноміи жителей имѣютъ много значительности — совершенно противоположное съ Нѣмецкимъ мужикомъ.

Все говоритъ мнѣ, что я въ католической землѣ: безпрестанный звонъ вездѣ, безпрестанныя разпятія и картины, представляющія страданія святыхъ (которымъ православные для забавы часто выкалываютъ глаза, носы и проч., гдѣ нѣтъ желѣзныхъ рѣшетокъ), даже дома, изрисованные подобными предметами. Нигдѣ эта набожность болѣе не полезна, какъ на горѣ Готардѣ, гдѣ кресты и проч. поставлены по дорогѣ и служатъ вмѣсто показателей или вѣховъ, кот[орья] ставятся не прежде зимы. Но что можетъ быть всего болѣе напомнило мнѣ, что я нахожусь между католиками, — это былъ сегодняшній обѣдъ. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ намъ дать мяса по причинѣ поста. Естли¹⁾ онъ насъ не предувѣдомилъ, то мы сами не могли бы догадаться, ибо обѣдъ былъ очень хорошъ: рыбы, макароны были въ маслѣ и проч. Къ тому же вино было очень хорошо, какого я не пивалъ давно уже.

Вечерняя меланхолія опять посѣтила меня со вчерашняго дня. Лишь только смерклось, мнѣ стало грустно: я хотѣлъ самъ не зная чего — но все это стремится къ Отечеству. Тамъ покой! Тамъ отрада! — Теперь мнѣ опять грустно. Черезъ два мѣсяца — каково будетъ предпринимать возвратный путь? Такъ какъ обыкновенно люди не вѣрятъ будущему щастію, то и я не смѣю думать о той щастливой минутѣ, въ кот[орую] я вступлю въ благословенную Русь. Какого будетъ, сидя дома подлѣ печки, вспоминать о Св. Готардѣ?

Здѣсь оставляемъ мы лошадей своихъ. Я совершилъ теперь самое *занимательное* изъ всѣхъ моихъ странствій; и сіе по многимъ причинамъ. Лошадь моя была очень дурна. Проводникъ очень мнѣ понравился своею простотою и усердіемъ. Коли когда желаю я богства, то это въ подобныхъ сему случаяхъ: помочь и даже облегчить судьбу добрыхъ.

Прошедшую ночь видѣлъ я во снѣ Як[ова] Ив[ановича] Булгакова и прогуливался съ нимъ пѣшкомъ. На другой день думалъ о немъ и сравнивалъ его съ Кн. Курякинымъ и подобными ему.

1) Далѣе зачеркнуто: «бы».

Ломоносовъ—Румянцевъ.
Державинъ—Суворовъ.

Державинъ, описывая водопадъ, вѣрно видѣлъ его въ радужномъ сіяніи.
Я, увидѣвъ сегодня тоже, сказалъ:

.....
Алмазна сыплется гора!
.....

Боромеевскіе острова. 1 Ноября. 8 вечера. Сегодня еще, при лунномъ свѣтѣ сѣли мы въ маленькую одноколку и поѣхали въ Magadino. Ку-черъ нашъ пошелъ напередъ пѣшкомъ, и съ начала дорога вела по шосе; но скоро наѣхали мы на лужи, грязь, кочки, камни и все, что дѣлаетъ до-рогу непріятною. Нѣсколько разъ думали мы, что одноколка наша упадетъ на бокъ. Нѣмецъ однажды сошелъ и продолжалъ путешествіе пѣшкомъ. Я тѣмъ болѣе чувствовалъ толчки и качанье отъ дороги. При всѣхъ этихъ непріятностяхъ, ты еще насъ не оставила, Луна, подруга и собесѣдница неща-стныхъ! Ты освѣщала путь нашъ и препятствовала увязнуть по горло въ грязи или сломить голову! Благодареніе благодѣтельному свѣтилу! Шосе опять началось, но только для того, чтобы тѣмъ болѣе дать намъ почувство-вать толчки нашей повозки, кот[орые] вскорѣ слѣдовали за оною. Между тѣмъ солнце спорило съ луною: яркій свѣтъ перваго боролся съ слабымъ свѣтомъ второй. Луна покрывалась облаками: все было блѣдно около ея; багровое небо предвѣщало восходъ солнцъ. Я не помню такого зрѣлища, ибо обыкно-венно въ это время спалъ; но теперь до сна ли мнѣ было, когда я не думалъ и о трубкѣ?—Шосе опять началось. Мы проѣхали черезъ воду и наконецъ рысью домчались до трактира Magadino. Тутъ позавтракали и сѣли на лодку, дабы ѣхать далѣе. Въ началѣ дороги проводники наши хотѣли остано-вляться и итти къ обѣднѣ, ибо, гов[орили] они, сегодня праздникъ всѣхъ свя-тыхъ; но я не соглашался съ этимъ, а они должны были согласиться со мною.—Какъ различно озеро сіе отъ Швейцарскихъ: тихая вода, берега, покрытые не утесами, а зеленью, и на коихъ безпрестанно встрѣчаются или домики, или деревушки, или большія села и городки. Часто даже рас-тутъ по горамъ виноградники; все это имѣетъ прекрасный видъ, все это до-казываетъ прекрасный климатъ, и все это говоритъ мнѣ, что я въ Италіи, а не въ Швейцаріи. Погода намъ благопріятствовала, и я считалъ сіе путе-шествіе прогулкою.

Въ 11 часовъ пріѣхали мы къ таможи. И тутъ католики! Никого не было дома: всѣ у обѣдни. Я послалъ за ними; но обѣдня еще прежде кончилась. Насъ осматривали, разкрывали мой чемоданъ, подписали паспортъ. Мы отправились. Дорогою намъ еще встрѣтился конвой таможенныхъ служителей; одинъ входилъ къ намъ въ лодку, спрашивалъ паспорта. Товарищъ мой показалъ свой. Теперь я на дѣлѣ видѣлъ невыгоды таможенъ, я понимаю, почему столь много людей было прежде (Necker) употребляемо для возпрещенія запрещеннаго торга вооруженною рукою. Таможен[ные] служители были съ ружьями. Мы ѣхали тихо; вѣтра не было, и парусъ намъ не могъ служить. Безпрестанно проѣзжали мы мимо деревень, церквей и проч. Всѣ выкрашены бѣлою краскою, что придаетъ хорошій видъ симъ строеніямъ, въ противоположность съ водою. Не смотря на все это мнѣ скучалось: я выщитывалъ время, въ кот[орое] я буду дома; и нетерпѣніе мое было удивительное. Я говорилъ съ товарищемъ о пріятностяхъ путешествія. Что можетъ быть лучше этого озера, — гов[орилъ] я, — окруженнаго горами, на кот[орыхъ] разсѣяны домики и проч. и проч.? Прекрасная погода, наконецъ — что можетъ быть лучше этого путешествія? При всемъ [томъ] *ich annuire mich sehr*. Вотъ участь моя и вѣрно многихъ. Обѣдать пристали въ маленькую деревеньку противъ Livino, въ которой остался мой спутникъ. Мы пообѣдали вмѣстѣ и простились. Я пилъ довольно вина. Взошедши въ лодку, я предположилъ себѣ не скучать и для того легъ спать. Гребцы дали мнѣ матрацъ. Я закурилъ трубку и читалъ описаніе Боромеевскихъ озеровъ. Въ такомъ положеніи день казался мнѣ краснѣе, берега зеленѣе, окрес[т]ности озера прелестнѣе; и я подумалъ, что для путешественниковъ есть пріятныя минуты и тогда, когда они вообще скучаютъ. Скоро я заснулъ. Проснулся, чтобъ взглянуть на заходящее солнце, и опять вернулся въ капотъ мой. Теперь ложусь опять спать. Одному несравненно скучнѣе. Я это прежде не столько, кажется, чувствовалъ.

Сесто-Календе. 2 Ноября. 1/2 7 вечера. Вставши сегодня поутру, я пошелъ смотрѣть домъ Князя Боромея. Въ комнатахъ вездѣ висятъ картины: одна Tintoretto — Тайная вечеря. Одна изъ комнатъ была прежде употребляема для аудіенцій; и теперь еще стоятъ въ оной кресла подъ балдахиномъ, какъ у коронованныхъ главъ. Въ верху нѣтъ болѣе ничего замѣчательнаго, но нижній этажъ достоинъ вниманія, ибо всѣ стѣны и полы состоятъ изъ мозаиковъ, сдѣланныхъ изъ маленькихъ камней: это имѣетъ прекрасный видъ. Послѣ того пошелъ я смотрѣть садъ: вездѣ по стѣнамъ растутъ лимоны; я прошелъ по лимонной алеѣ, какъ буд[то] по липовой, и это сдѣлало бы на меня еще большее впечатлѣніе, еслибы садовникъ не

сказалъ мнѣ, что на зиму все это покрывается—все, кромѣ лавровъ: они цвѣтутъ и лѣтомъ и 6-го Декабря (Очаковъ). Нѣкоторыя изъ лавровыхъ деревь, изъ сосенъ очень высоки. Все это растеть на землѣ, которую должно было съ начала напосить на утесъ. Оттуда выдя, поѣхалъ въ Арону. Статуя Св. Карла. Оттуда сюда. Озеро славное. Статуя Св. Карла кажется гораздо болѣе Кассельскаго Геркулеса.—Захожденіе солнца, тишина озера придавали неизъяснимыя прелести отдаленнымъ снѣжнымъ горамъ: Св. Bernard'у, Simplon и проч. Берега, усѣянные деревнями и мѣстечками, возвѣщали благословенный климатъ Италіи. Часто встрѣчались мнѣ разрушенныя замки, стояшіе на утесахъ: доказательство всеразрушающей руки человѣческой. Мѣста, запечатлѣнныя природою для неприступности и для ужаса, были еще болѣе укрѣплены человѣкомъ и послѣ имъ же разрушены! Гордый С. Бернадъ видитъ дилижансы, кот[орые] спокойно по немъ катятся. Все это даетъ мысль важную о могуществѣ человѣка. Но на все это не такъ пріятно смотрѣть, какъ на берега озера при концѣ онаго, гдѣ вытекаетъ Тесинъ. Горы не ужасаютъ болѣе усталыхъ глазъ смотрѣть на необозримыя цѣпи ихъ. Бугорки, луга, эмблема тишины и спокойствія, представляются глазамъ вашимъ, лишь только въ дали лучи заходящаго солнца придаютъ туманный видъ озеру и багровый цвѣтъ снѣжнымъ Альпамъ. Подлинно съ удовольствіемъ подъѣхалъ я къ Сесто; но удовольствіе мое было *meer geel*, когда мнѣ принесли ужинать. Я былъ голоденъ, теперь поѣлъ и выпилъ стакана два-три вина, кот[орое] здѣсь вездѣ хорошо.—Нанялъ за 8 фр[анковъ] кабріолетку до Милана. Проведу ночь въ дорогѣ¹⁾.

1) Этимъ оканчивается приложение къ *шестой* книгѣ дневниковъ Тургенева; продолженіе составляетъ *седьмая* книга, начатая въ Миланѣ 4-го ноября того же 1811-го года.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

—

(1811–1813 гг.)

Продолженіе путешествія (изъ Парижа въ 1811) до Петербурга. 1812.

Миланъ.

Огонь въ каминъ дома!

Много его было въ остріяхъ.

Миланъ. 4 Ноября. 12 час. утра. Понедѣльникъ. Въ 8 часовъ поѣхалъ я изъ Сесто въ маленькой кабріолеткѣ. Проводникъ стоялъ позади. Мы ѣхали скоро: два раза обгоняли дилижансъ и въ 4 часа утра были въ Миланѣ. Въ 10 часовъ утра, взявъ наемнаго лакея, я пошелъ смотрѣть городъ. Это было время обѣдни. Мы заходили во многія церкви: нѣкоторыя очень хорошей архитектуры и богаты внутри. Церковь св. Александра написана очень хорошо. Церковь св. Виктора тоже. Въ сей послѣдней слышалъ я проповѣдника, кот[орый] удивилъ меня своимъ тономъ и жестами: иногда онъ присядалъ, иногда хлопалъ въ ладоши, иногда билъ кулакомъ о кафедру и проч. Въ особенности онъ былъ смѣшенъ, говоря о Даніилѣ, какъ онъ ѣлъ между львами, e mangiò benissimo. У церкви св. Лаврентія видѣлъ я рядъ колоннъ, оставшійся отъ Римлянъ. Въ церкви della Grazia, гдѣ былъ сперва монастырь, видѣлъ я славную картину Да-Винчи: Тайная вечеря. Она нарисована al-fresco въ бывшей столовой. Сырость испортила ее уже совершенно, но при всемъ томъ еще можно видѣть искусство живописца изъ лица Спасителя, кот[орое] сдѣлано чрезвычайно хорошо. — Всѣ церкви, гдѣ я былъ, были полны. Хорошо понамъ въ Италиі. Я спокойно проходилъ мимо рядовъ молящихся и слышалъ вокругъ меня одинъ только шопотъ: всѣ стояли на колѣнахъ и молились. Даже на улицахъ попадались мнѣ люди обоюго пола и всякаго возраста, кот[орые] довольно громко читали молитвы. Лакей сказалъ, что они молятся за умершихъ, коихъ праздникъ былъ вчера; потому при входѣ у нѣкоторыхъ церквей я видѣлъ столъ съ чернымъ сукномъ, на кот[оромъ] были положены черепъ челов[ѣка] и блюдо для денегъ.

Посмотрѣвши на церкви, пошелъ я смотрѣть le cirque: прекрасная вещь. Это сдѣлано на подобіе Римскихъ цирковъ; въ немъ могутъ помѣститься 40000 человѣкъ. Не знаю, почему вездѣ въ большихъ городахъ не сдѣлаютъ такихъ мѣстъ. Домъ, находящійся въ семь циркѣ¹⁾, имѣетъ съ наружи прекрасный видъ. Фасадъ украшенъ 8 гранитовыми колон[н]ами изъ

1) Въ рукописи: «церкви».

одного куска. Внутри карнизъ залы удивителенъ своею живописью, кот[орую] всякой принимаетъ за скульптуру: работа прекрасная.—Оттуда пошелъ я за городъ въ la Casa Simonetta слышать эхо: удивительное и непонятное явленіе. Эхо повторяетъ разъ съ 50 или 60 пистолетный выстрѣлъ. Домой пришелъ въ 3 часу; очень усталъ. Послѣ обѣда (очень посредственнаго) ходилъ на оба Corso; на одномъ было много народу. Потомъ черезъ садъ, опредѣленный для гулянья, пришелъ я въ театръ della Scala. Какъ удивился я, вошедъ въ залу, кот[орая] содержитъ въ себѣ 6 этажей, изъ коихъ въ каждомъ находится 38 ложъ. Сцена также очень велика. Въ партерѣ сидѣть прекрасно. Долго дожидался начатія; но въ театрѣ было уже довольно народу, когда я пришелъ. Не знаю, зачѣмъ Италіянцы рано ходятъ, ибо они не много слушаютъ актеровъ. Безпрестанный шумъ, особливо въ ложахъ, показался мнѣ очень дурною привычкою. Иногда шикали передъ какою-нибудь хорошею аріею. М-me Corea занимаетъ здѣсь мѣсто della prima donna: голосъ у нее прекрасной, полнѣе, чѣмъ у Парижскихъ, и чрезвычайно пріятенъ; но при всемъ томъ не можетъ сравниться съ Барильи и Фестою. Толстота ея уродлива, въ особенности когда она буфонить. Актеры, кот[орымъ] публика аплодируетъ, благодарятъ за честь сію поклонами. Прочіе пѣли хорошо, но вообще нѣтъ того искусства, кот[орымъ] отличаются Фр[анцузскіе] актеры; въ особенности жесты ни на что не похожи. Было два балета: одинъ Игорь и Ольга, а другой buffa. Танцеры и танцовщицы хороши, но у послѣднихъ у всѣхъ ноги очень толсты, между тѣмъ какъ онѣ сами иногда очень худощавы: большая противоположность съ Парижскими. Я часто смотрѣлъ на ложи и удивлялся пространству театра.

Сегодня ходилъ смотрѣть соборную церковь. Фасадъ дѣлаетъ чрезвычайное впечатлѣніе: вся церковь покрыта мраморомъ; и бѣлизна мрамора въ фасадѣ придаетъ всему прекраснѣйшій видъ. Я входилъ на верхъ, удивлялся величинѣ зданія и работѣ. Жаль, что не со всѣхъ сторонъ церковь сія окружена площадью; съ одной стороны она касается до дворца.

4 [нояб.] 11 час. ночи. Я было думалъ непременно отправиться отсюда завтра, но vetturino¹⁾ этого не можетъ сдѣлать; итакъ я ѣду послѣ завтра. Конечно, все равно пробыть въ Миланѣ два или три дня; но я рѣшился, и мое намѣреніе не исполнилось. День, кот[орый], кажется, я живу на землѣ напрасно(!), этотъ день дѣлается для меня естли не неспособнымъ, то по крайней мѣрѣ скучнымъ. Но такъ и быть! Я нанялъ кучера за 39 франковъ — со

1) Въ рукописи: voturino.

всѣмъ, не выключая и пищи. Въ 7 часу, кончивъ у воротъ трактира свою трубку, я набилъ другую и пошелъ въ Teatro della S. Rodogonda — вездѣ святыя!—Давали: gli Rivali finti, опера (слишкомъ) buffa. La prima donna, Leoni, имѣетъ нѣсколько искусства; прочіе всѣ, кромѣ славнаго буюна, очень посредственны. Въ балетѣ было также много лубочнаго буюнства, но публика находила въ этомъ большое удовольствіе. Я безъ зазрѣнія совѣсти спалъ. Вышедши изъ театра, я закурилъ трубку и пошелъ домой. Погода прекрасная,—свѣтитъ луна.—Миланъ *большой* городъ, но нѣтъ ничего оригинальнаго. Французскій языкъ здѣсь совсѣмъ не въ такомъ употребленіи, какъ въ Нѣмецкихъ земляхъ, принадлежащихъ Французамъ.—Фасадъ соборной церкви еще красивѣе ночью: бѣлизна мрамора придаетъ ему новыя прелести въ то время, какъ все кажется темнымъ.

5 Ноября. Вторникъ. 1/2 12 ночи. Сегодня я только что старался убить время. Поутру лежалъ долго въ постелѣ, читалъ Масонскую ручную книгу. Потомъ вспомнилъ о дѣлѣ и написалъ длинное письмо къ Сергѣю. Все это продолжалось до 1-го часу. Кончивъ, закурилъ трубку и, ходя по комнатѣ, размышлялъ о томъ и о семъ. Потомъ пошелъ обѣдать. Послѣ обѣда ходилъ на улицу de Braga, чтобы видѣть библиотеку, но видѣлъ только одинъ большой домъ. Теперь феріи. Возвратился домой, легъ съ трубкою на постелѣ и думалъ: главныя мысли стремились къ сѣверу. Потомъ пошелъ въ кофейную, пилъ шоколадъ, читалъ газеты и въ 8 часовъ былъ во Фр[анцузскомъ] театрѣ — прекрасная, обширная зала: 5 этажей съ 34 ложами каждый. Играли Nanine. Игравшая сію ролю имѣетъ довольно искусства и не дурна собою. Впрочемъ и другіе всѣ не дурны. Потомъ играли Скапена (les fourberies de Scapin....¹⁾).

Въ главной роли отличался актеръ, съ которымъ я случайно познакомился и говорилъ еще сегодня въ кофейной. Игралъ хорошо. Зрителей было очень мало. Въ раю какой-то острякъ очень громко зѣвалъ. Оркестръ очень малъ. — Теперь укладъ все въ чемоданъ, завтра ѣду. Хочется поскорѣе быть въ Римѣ. Сегодня видѣлъ Вицероя²⁾).

Я привыкъ путешествовать машинально. Приѣхавъ въ городъ, осмотрѣть что можно, разшнуровать и зашнуровать чемоданъ. Обѣдать. Потомъ закурить трубку, надѣть шапку и сѣсть въ карету. Не машинально однакожъ путешествовалъ я по Швейцаріи, ибо Французъ, мой спутникъ, очень меня забавлялъ, и мнѣ было очень весело. Въ Римъ спѣшу, какъ домой;

1) Въ рукописи не удалось разобрать нѣсколько словъ.

2) Vicerói.

тамъ надобно будетъ основаться на нѣсколько недѣль. — Здѣсь много славныхъ домовъ, напр[имѣръ] въ кот[орыхъ] живутъ министры, и казенныя строенія. По театру можно часто судить о благосостояніи или, по крайней мѣрѣ, о роскоши публики. Съ этой стороны Миланъ подаетъ хорошее о себѣ мнѣніе; но теперь театры пусты. Были ли они прежде полны? Вѣроятно, ибо ихъ построили таковыми не безъ нужды. — Кофе, шоколадъ, ликеры здѣсь не очень дороги. Обѣдъ тоже. Вино я пью съ болышею охотою; нежели во Франціи. Обѣдаю въ Pension Suisse. Однажды обѣдалъ дома, но плохо и къ тому же одинъ въ комнатѣ.

7 *Ноября. 5 часовъ вечера.* Терпѣніе! Терпѣніе! Никогда не ѣздилъ я такъ тихо, какъ теперь. Сегодня послѣ обѣда здѣлали только 5 Ит[альянскихъ] миль—это 6 версты! И такъ-то приближаюсь я къ Отечеству? Такъ спѣшу обнять любезныхъ сердцу, отдохнуть подъ родительскою кровлею отъ странствій своихъ? О! это несосно! Много будетъ мнѣ стоить труда рѣшиться еще разъ ѣхать съ проклятыми вотуринами. Отъ самаго Милана лошади его ни разу не шли рысью. Путешествовать для удовольствія—и съ вотуриномъ! Изъ Генуи поѣду въ Римъ съ курьеромъ. Съ вотуриномъ надобно для сего путешествія 15 дней. Одна эта мысль страшнѣе всѣхъ снѣговъ Готардскихъ. Сегодня кучеръ просилъ у меня позволенія сдѣлать 5 миль крюку, дабы взять съ собою трехъ дамъ. Я конечно согласился, и онъ привезъ меня сюда ночевать въ поганую деревнишку. Комната моя ничѣмъ не отличается отъ клева или отъ голубятни: въ окошкахъ, вмѣсто стеколъ, разорванная бумага; все изломаное, запачканое. И въ этомъ-то положеніи долженъ я дожидаться ночи, пока благодѣтельный сонъ сомкнетъ глаза мои и заставитъ забыть всѣ дневныя неприятности.—Изъ Милана выѣхали мы вчера въ 12 часу. Дорога прекрасная; мѣстоположенія незначительныя, ибо нѣтъ ничего, кромѣ равнины. Ночевали въ Павіѣ—красивый городъ. Тутъ есть военныя училища и университетъ. Въ семъ послѣднемъ считается до 2000 студентовъ. Я ѣхалъ съ двумя—видѣлъ нѣкоторыхъ. Они не имѣютъ ничего отличнаго, какъ Нѣмецкіе. Сегодня обѣдали въ Вогерѣ. Тутъ оставилъ меня другой спутникъ, офицеръ, съ кот[орымъ] мнѣ было не скучно. — Пойду на улицу съ трубою. — О, Римъ! когда я хоть въ твоихъ стѣнахъ буду, естли о московскихъ и думать не смѣю?

8 *часовъ вечера.* Я провелъ вечеръ безъ скуки. Ласковый (и бѣдный!) хозяинъ поставилъ мнѣ стулъ у огня; я грѣлся и, курия табакъ, разговаривалъ съ нимъ. Ужинъ былъ хорошъ. Я ходилъ гулять. Теперь ложусь спать. Вотурино предлагаетъ всѣ услуги, касающіяся до ужина. Съ ласковыми людьми можно вездѣ провести время, естли не нескучно, то по крайней мѣрѣ

нѣ: непріятно. Непріятности иногда хуже, иногда лучше скуки, судя по степени первыхъ и послѣдней. Теперь одна мысль въ головѣ: огонь въ каминѣ дома.

8 Окт[ября]. 7 вечера. *Vollaggio*. О, терпѣніе, терпѣніе! Еще разъ зываю къ тебѣ! Еще разъ—въ послѣдній до Рима. Послѣ различныхъ переговоровъ съ вотириномъ и проч. сѣлъ я въ Нови на лошадь и поѣхалъ. Дорога тутъ начинается гористая и продолжается до сихъ поръ и далѣе. Горы, утесы напоминали мнѣ Швейцарію; но виды сіи теряютъ всю свою прелесть, ибо на высококой горѣ, на утесахъ построена крѣпость, въ кот[орую] сдѣланъ входъ, какъ я замѣтилъ, съ воротъ города *Vega*. Приѣхавши сюда, я стоялъ долго у окошка; потомъ пошелъ въ кофейный домъ—кофейный домъ! *C'est profaner ce nom, qui est toujours accompagné de tant de notions agréables, que de nommer comme cela cette baraque, où j'ai bu du café.* Тутъ провелъ я болѣе часу въ безпрестанныхъ разговорахъ, съ начала съ Меромъ города (человѣкомъ очень неглупымъ). Мало по малу составилъ около меня кругъ любопытныхъ. Сперва разсуждали о моей трубкѣ. Потомъ нѣкоторые заговорили о Россіи, узнавъ, что я Русской. Я сидѣлъ, качаясь на стулѣ, въ шаклѣ, съ трубкою, и проповѣдывалъ имъ на Итальянскомъ языкѣ чудеса о Россіи. Многіе проповѣдники позавидовали бы мнѣ, видя вниманіе слушателей. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ *ist in der Statistik von Russland ein bischen zu Hause*, раз[с]прашивалъ у меня о многомъ, ссылаясь на географическую карту и на какую-то исторію. Малой неглупой и смыслящій, кажется, болѣе, нежели попъ, кот[орый] съ начала былъ тутъ и не зналъ, что Неаполь составляетъ теперь особенное королевство. Однакожь хозяинъ сказалъ мнѣ о немъ, что онъ знаетъ все, *lo tutto*. Въ семь часовъ проповѣди мои кончились—слушатели пожелали мнѣ доброй ночи и добраго пути и разошлись по домамъ. Сегодняшній вечеръ усовершенствовалъ меня немного въ Итал[ьянскомъ] языкѣ. Всѣ хвалятъ Русскихъ солдатъ—смѣются и не любятъ Нѣмцевъ. Здѣсь падаетъ много снѣгу, и оный остается иногда до 4 мѣсяцевъ. Виноградъ зарываютъ въ землю, какъ въ Швейцаріи. Конскрибты безпрестанно встрѣчаются.

Прежде въ Пиемонтѣ, со стороны Генуи, считалось, какъ мнѣ сказывалъ офицеръ, ѣхавшій со мною третьяго дня и вчера поутру, 10.000 разбойниковъ, кот[орыхъ] правительство боялось и не препятствовало ихъ разбоить. Зато они съ своей стороны были привязаны къ Королю и дрались противъ Генуэзцевъ, которыхъ войска также состояли изъ разбойниковъ. Пугешественники, говорилъ офицеръ, часто адресовались въ бюро сихъ разбойниковъ въ Генуѣ и платили нѣсколько со ста; получали свидѣтельство,

съ кот[орымъ] они спокойно путешествовали съ остальными деньгами. За что купилъ, за то и продалъ сей книгѣ.

Въ королевствѣ Италіанскомъ налоги не такъ велики, какъ во Франціи, напр[имѣръ] нѣтъ, кажется, податей съ дверей и окошекъ.

Мѣсто сраженія подъ Нови видѣлъ я сегодня. Пространнѣйшія поля, незабвенныя въ исторіи вѣковъ. Вчера слышалъ, что послѣ сраженія Суворовъ велѣлъ сжечь всѣхъ павшихъ на полѣ битвы съ нашей стороны. Слава праху ихъ!

Генуя. 9 Октября ¹⁾. *3 часа пополудни*. Вчера отъ скуки началъ я читать свой журналъ. И теперь уже воспоминанія, въ особенности о Германіи, для меня чрезвычайно пріятны. Съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ я о счастливыхъ годахъ, проведенныхъ въ сей землѣ. Въ 5 часу утра поѣхалъ. На разсвѣтѣ переѣзжали гору La Vochetta, которая съ обѣихъ сторонъ имѣетъ 7 ит. миль. Туманъ предписывалъ очень недалекія границы глазамъ моимъ ²⁾. Наконецъ небо сдѣлалось чище, и виды представились во всемъ величествѣ. На каждомъ шагу попадались мнѣ лошаки и ослы и часто препятствовали ѣхать. Ослы вездѣ скучны! За нѣсколько миль передъ Генуей начали мнѣ встрѣчаться загородные дома и продолжались въ неизчислимомъ множествѣ до самаго города. Но эти *барскіе* дома ничего въ сравненіи съ *барскими* городскими домами. Я былъ въ трехъ: Тего, Durazzo и ³⁾ Въ первомъ видѣлъ прекрасную и пребогатую залу. Второй почитается величайшимъ въ Генуѣ; есть дворъ. Въ комнатахъ втораго и послѣдняго много картинъ славнѣйшихъ мастеровъ: Павла Веронеза — омовеніе ногъ, Гвидореневъ St. Sebastien. Караважжіо изъ Тассовой поэмы. Видѣлъ одну маленькую Рафаэля; Казановы, Тинтореттовы. Фандиковы по большей части портреты фамиліи 3-го дома. Мой наемный лакей знаетъ много именъ картинъ, узнаетъ Рубен[с]а по колориту. Давно я такъ не удивлялся, какъ нынѣ. Богатство, великолѣпіе, кот[орыхъ] я нигдѣ не видалъ, кромѣ дворцовъ; не говорю о Саксонскомъ. Дома эти пусты — гдѣ господа? При дворѣ Наполеона. — Комната моя окошкомъ на море. Я не иначе смотрю, какъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ на сію колыбель просвѣщенія Европы. Былъ въ двухъ церквахъ; одна расписана великолѣпно, съ мраморными колон[н]ами; другая славна своими статуями. Генуя построена полукругомъ. Я могъ это замѣтить, приближаясь къ городу, когда оный представился совершенно жаднымъ глазамъ моимъ. Скучно жить въ приморскомъ городѣ безъ торговли. Сегодня жарко.

1) Ноября.

2) Надъ этими строками сверху страницы написано: «Только слышны были вокругъ меня крики проводниковъ лошаковъ и колокольчики ихъ».

3) Въ рукописи пропускъ.

Римъ.

14 Октября¹⁾). Четвергъ. 7 час. вечера. Наконецъ я въ Римѣ! Главнѣйшая цѣль моего путешествія достигнута, но не безъ труда. Изъ Генуи выѣхалъ я въ субботу вечеромъ верхомъ. Ночь была темная; дорога дурная. Я слѣдовалъ за курьеромъ, кот[орому] предшествовалъ навьюченный лошакъ, понукаемый и освѣщаемый мальчикомъ съ фонаремъ. Благодѣтельные лучи сего свѣтила были для насъ гораздо полезнѣе лучей кометы, которая начинаетъ прятаться. Курьеръ мой—идеаль всѣхъ курьеровъ — бодро сидѣлъ на лошаки своемъ, хлопая бичемъ. Длинный плащъ его покрывалъ большіе его сапоги и шпоры и касался предѣловъ сырой земли. Свѣтящіеся червячки напоминали мнѣ безпрестанно темноту ночи и опасность путешествія. Мнѣ пришло на мысль: для чего Природа не сотворила этихъ червяковъ большими, такъ чтобы они могли служить вмѣсто фонарей: тогда бы мы развели ихъ во всѣхъ Московскихъ переулкахъ и проч. Въ этихъ мысляхъ, которыя однакожъ очень часто были прерываемы спотыканьями лошади, кот[орыя] грозили мнѣ паденіемъ, спускался я по горамъ, камнямъ, водамъ и проч. Долго шли пѣшкомъ, ибо дорога была слишкомъ дурна. Но что было всего труднѣе: это не спать. Я хотѣлъ спать и вмѣстѣ хотѣлъ не спать. Пренесносное состояніе. Я все пробовалъ для прогнанія сна: пѣлъ веселыя пѣсни, кричалъ; но меланхолическія мысли имѣли болѣе сильное дѣйствіе, и одинъ вздохъ сердечный заставлялъ забывать сонъ болѣе всѣхъ пѣсень. Въ первую ночь долго мы ѣхали по берегу Средиземнаго моря. Волны съ шумомъ разбивались объ утесы и разливались по берегамъ, досягая почти слѣдовъ пути нашего. На другой день долго мы ѣхали рысью; въ особенности послѣ завтрака я сообщилъ куражъ мой моей лошади, и она скакала. Но все это заставило меня подъ вечеръ почувствовать боль въ тѣхъ мѣстахъ, которыя всего ближе къ сѣдлу, такъ что въ слѣдующую ночь я съ трудомъ могъ ѣхать. И въ такомъ-то жалобномъ состояніи приближался я къ Сарсанѣ, считая минуты и секунды, кот[орыя] уносилъ съ собою вѣтеръ. Опять ѣхали по скверной дорогѣ, по берегу моря и проч. Въ Сарсанѣ сѣли въ коляску и поѣхали покойно. Переменна чрезвычайно прекрасная. Во вторникъ поутру приѣхали во Флоренцію. Ужинали въ Пизѣ; я видѣлъ тамъ соборъ, гдѣ находится много хорошихъ картинъ, четверо бронзовыхъ дверей, изъ коихъ одни, какъ го[ворятъ], изъ Иерусалима. Прекрасная церковь. Колокольня²⁾ наклоняется очень примѣтно. Въ

1) Надо: ноября.

2) Въ рукописи: колокольня.

кладбищѣ (Campo santo), преобразованномъ теперь въ Музей древностей, всѣ стѣны изписаны различными картинами, драгоценными теперь по своей древности. Множество гробницъ, найденныхъ въ Пизѣ и окрестностяхъ. Земля на дворѣ или на самомъ кладбищѣ привезена изъ Іерусалима. Профессоръ или инспекторъ музея показывалъ мнѣ все это. Потомъ видѣлъ набережную. Съ этой стороны Пиза похожа на большой городъ. Потомъ поужинали и тотчасъ поѣхали. Я начиналъ тогда отдыхать.

15 *Ноября. Вечеръ.* Сколько прелестей имѣла для меня, во время сего труднаго и шумнаго пути, тихая жизнь семейственная, т. е. съ роднею или друзьями; прелестей, кот[орыя] мнѣ никогда не приходять въ голову или не кажутся таковыми, когда я самъ на покоѣ. Жизнь Бенеке казалась даже мнѣ очень пріятною. Но какъ бы то ни было, я увѣрился теперь, что тихая, спокойная жизнь есть первѣйшее блаженство для человѣка. Часто общественное щастіе вредитъ семейственному—но щастливы тѣ, кот[орые] могутъ это чувствовать. Въ Луккѣ остановились мы часа на два. Я пилъ кофе. Городъ изрядный. Поѣхали далѣе. Во Флоренцію пріѣхали въ 7 утра. Поѣхали въ 7 вечера. До 3-го часа я спалъ. Потомъ обѣдалъ. Изъ Флоренціи поѣхалъ я съ другимъ курьеромъ. Первый уговорился съ симъ послѣднимъ о цѣнѣ. Первый взялъ съ меня нѣсколько болѣе, нежели такса; также хотѣлъ и послѣдній, но я заплатилъ ему по таксѣ. Послѣдній хотѣлъ удержать всѣ деньги, вѣроятно, при себѣ и для того не объявилъ на почтѣ, что я съ нимъ ѣду; у воротъ просилъ меня нагнуться и сказалъ, что ѣдетъ одинъ. Я исполнилъ просьбу его, думая! man muss leben und leben lassen. Но это снисхожденіе довело меня до хлопотъ. Въ Сиенѣ онъ долженъ былъ объявить, что я съ нимъ ѣду; но такъ какъ мой паспортъ не былъ прописанъ съ Флоренціи, то онъ не могъ взять меня съ собою далѣе. Я тотчасъ пошелъ къ комисару полиціи; разбудилъ его—это было 7 утра; пошелъ съ нимъ въ его присутствіе и, не говоря ни о чемъ ни слова, просилъ прописать паспортъ—онъ, не глядя даже онаго, подписалъ. И сонливые люди хороши, въ особенности когда лишь только встали съ постели. Но не знаю, могъ ли бы и не сонливый комисаръ сдѣлать какія-нибудь затрудненія въ семъ случаѣ. Это привело все въ порядокъ. Мы напились кофе и поѣхали.

Нигдѣ благосостоянія, нигдѣ довольства, нигдѣ хорошей обработанности. Прежде хотъ города давали хорошее мнѣніе о жителяхъ, напр. Сиена очень большой и красивый городъ; но тутъ все кончилось. При въѣздѣ въ Campagna di Roma видъ сдѣлался еще жалостнѣе. Поля, кот[орыя] бы при малѣйшемъ обработываніи стократно вознаградили труды земледѣльца, лежать въ совершенномъ забвеніи и напоминаютъ дикую природу въ семъ

божественномъ климатѣ. Прекраснѣйшія долины, красивые холмики, горы— все это не умножаетъ ни однимъ грошемъ народнаго богатства и только что даетъ непріятелямъ христіанства болѣе доказательствъ въ ихъ пользу и утверждаетъ ихъ въ мнѣніи своемъ. Каждая десять или 8 миль перемѣняли мы лошадей, но не въ деревняхъ, а на постоялыхъ дворахъ, кот[орые] соединяютъ въ себѣ почту и трактиръ. И въ сихъ-то степяхъ въ 4 часа пополудни съ горы увидѣлъ я Римъ. До сихъ поръ былъ я равнодушень. Но при видѣ Рима не остался таковымъ. Неизъяснимое чувство родилось въ душѣ моей. Я подлѣ Рима, думалъ я, и погружался въ размышленія. Но не чувства радости были главнѣйшими. Конечно мнѣ странно или пріятно было думать, что я изъ Симбирска заѣхалъ въ Римъ. Но чувства сожалѣнія, чувства меланхолическія занимали мою душу. Вотъ что стало изъ Рима! Римъ лежитъ теперь въ степяхъ! Какіе ужасные перевероты довели его до такого положенія! Сколько произшествій соединено съ судьбами его! Сколько замѣчаній можетъ сдѣлать хотящій замѣчать или думать! И каковы будутъ замѣчанія? Ахъ! оныя не плѣнительны! Мизантропа увѣрятъ болѣе въ ненависти къ людямъ, подкрѣпятъ безбожника въ его мнѣніи. — Время! Время! ничто не можетъ противустоять тебѣ—и Римъ можно назвать синонимомъ слова: *sic transit gloria mundi*.—Римъ, для котораго вселенная казалась быть тѣсною, этотъ Римъ заключается теперь въ степяхъ, кот[орые] можно почестъ стыдомъ обработанной Европы. — Но великое велико и въ развалинахъ.

Съ этими мыслями въѣхалъ я на *Ponte Molle*, кото[орый] построенъ черезъ Тибръ. Эта рѣка совершенно соотвѣтствуетъ меланхолии, царствующей на берегахъ ея. Желаящіе питать меланхолическія чувствованія не могутъ найти для сего лучшихъ мѣстъ береговъ Тибра. Не знаю, какъ люди для удовольствія пріѣзжаютъ сюда проводить время. Любовь къ древностямъ въ художникахъ должна быть очень велика — или не знаю что, когда они [съ] величайшею охотою живутъ въ Римѣ; тѣмъ болѣе, что имъ въ особенности извѣстна цѣна сихъ остатковъ великой древности. Какъ можно быть равнодушнымъ при видѣ всего этого? Можетъ быть привычка заглушаетъ чувства, кот[орые] родились во мнѣ въ первый день моего пребыванія въ Римѣ. — Поужинавши вчера довольно хорошо, я возвратился въ свою комнату и началъ писать. Но опять усталось не позволила всего кончить. И я старѣю, и я начинаю знать усталость! Это испыталъ я въ продолженіе моего послѣдняго путешествія. Когда я легъ въ постелю, то я очень живо чувствовалъ, что я не лежалъ такъ уже шесть дней; и это сдѣлало отдохновеніе мое чрезвычайно пріятнымъ. — Сегодня еще въ постелѣ принялъ я *Sign[ore] Managala, ciccone*, съ кот[орымъ] уговорился о цѣнѣ—4 франка

въ день, и уже сегодня началъ съ нимъ осматривать Римъ. Истолкованіями его очень доволенъ. Съ начала пошли въ Chiesa del Gesù, кот[орая] принадлежитъ Іезуитамъ. Главный олтарь сей церкви очень богатъ и, по словамъ М[апаgала], самый богатѣйшій въ Европѣ. Богатство различныхъ мраморовъ подлинно удивительно. Архитектура славная. Двѣ группы по сторонамъ олтаря прекрасны. Одна представляетъ Мартына Лютера, низверженнаго торжествующею религіею — недостойная мысль прекрасной работы. Въ особенности замѣтны при семъ олтарѣ 4 колонны изъ lapislasuris.

Потомъ пошли въ Капитолію, отъ которой осталось теперь одно только мѣсто, гдѣ находилось сіе незабвенное зданіе въ исторіи древняго свѣта. Посреди мѣста поставлена статуя Марка Аврелія на лошади, о кот[орой] Mich[el] Angelo сказалъ, что онъ забываетъ, что она жива: Si scorda ch'e viva. Это правда, ибо выраженіе въ головѣ лошади удивительно. Подлѣ Капитоліи находился Тарпейскій утесъ, середина котораго видна еще и теперь. Нижняя часть въ землѣ, а верхняя застроена сараями. Тутъ же видѣлъ я нѣсколько статуй, изъ коихъ по рѣдкости замѣчательна статуя Юлія Кесаря во весь ростъ. Также ноги ужасной величины, принадлежавшія къ двумъ статуямъ Аполлона. Руки отъ колоссальной статуи Нерона (гораздо болѣе Карла Боромея). Голову отъ статуи Домиціана въ профиль. Голова сія чрезвычайно похожа на Наполеона. Нѣсколько барельефовъ, представляющихъ Марка Аврелія въ различныхъ положеніяхъ. Копію Рустральной колонны, сдѣланную Михайль Анжелло изъ мрамора.

Оттуда пошли на Foro Romano. Здѣсь видѣлъ я нѣсколько колоннъ (8), составлявшихъ портикъ того храма, въ которомъ произнесена Цицерономъ славная рѣчь противъ Катилины. Можно ли думать, увидѣвъ даже сіи остатки, чтобы Цицеронъ говорилъ¹⁾. Храмъ Юпитера громовержца (Giove tonante) начинаютъ теперь вырывать изъ земли или, лучше сказать, отрывать землю, скрывающую его отъ глазъ любопытныхъ.

Потомъ видѣли la prigione Mamertino, гдѣ содержался Югурта и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Петръ апостоль. Отъ древняго зданія остались еще нѣкоторые камни. Теперь тутъ часовня, увѣшенная различными дарами чудотворному разпятию. По стѣнамъ виситъ множество ножей, штыковъ, клюкъ, палокъ и т. п., съ картинами, изъясняющими чудеса, сотворенныя надъ сими предмѣтами.

Потомъ видѣли Триумфальныя ворота Септимія Севера: нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ т[акъ] н[азываемыхъ] розановъ въ низу, изъ коихъ ка-

1) Далѣе не разобрано одно слово.

ждый отличенъ одинъ отъ другаго. Работа въ низу хороша, въ верху очень дурна. М[анагалья] замѣтилъ, что ворота сіи были построены уже во время упадка художествъ.

Проходя по улицамъ, М[анагалья] показалъ мнѣ на одной стѣнѣ надпись, кот[орая] гов[орить], что тутъ былъ похороненъ Caius Lucius Vibulus, трибунъ: одинъ онъ былъ только погребенъ внутри города.

Потомъ входили въ церковь апостоловъ. Въ стѣнѣ портика находится памятникъ, сдѣланный Кановою и представляющій дружбу, оплакивающую смерть Voltato, друга художника. Работа и мраморъ прекрасные. Внутри церкви находится памятникъ (также работы Кановы), воздвигнутый надъ гробомъ папы Клементя XIV. У алтаря замѣтны двѣ колон[н]ы di verde antico. Церковь прекрасная.

Послѣ обѣда взошли на Monte Pincio, гдѣ находится la villa Medici, превращенная въ академію Французскихъ художниковъ. Тамъ видѣлъ копіи славнѣйшихъ статуй; гулялъ въ саду по лавровымъ и миртовымъ аллеямъ.— Оттуда ¹⁾ пошли на piazza delle 4 fontane. Потомъ на piazza di Monte cavallo. Тутъ стоятъ подлѣ обелиска двѣ лошади, кот[орыхъ] держатъ два человѣка. Противъ дома префектуры и дома, въ кот[оромъ] папа жилъ зимою, прекрасныя, великолѣпныя зданія. Оттуда пошли въ Пантеонъ. Дурцкихъ башенъ въ близи не видно. Внутри построено нѣсколько алтарей, посвященныхъ всѣмъ святымъ. Портикъ великолѣпный. Бронза, изъ кот[орой] состояли переклады, употреблена папою (Сикстомъ V) на колонны въ церквѣ св. Петра.

Проходя по улицамъ, видѣлъ первый здѣшній фонтанъ, fontana di Trevi: очень хорошъ — лучше всѣхъ, мною видѣнныхъ. Но я воображалъ себѣ большее количество воды. Неужели при семъ фонтанѣ Саксонскій Герцогъ сказалъ: довольно! — Также славны колонны Антонина (на Piazza Colonna) и Траяна, обѣ изъ мрамора. Изъ бронзы, изъ кот[орой] былъ вылитъ Траянъ, сдѣлали апостола Петра! Можно ли сдѣлать еще большую глупость? Парижская колон[н]а выше и той и другой. Но не заслуживаютъ ли сіи послѣднія преимущества потому, что сдѣланы изъ мрамора?

Проходя по различнымъ улицамъ видѣлъ множество великолѣпныхъ зданій, принадлежавшихъ или монастырямъ, или роднѣ палъ.

Вотъ что [видѣлъ] въ одинъ день, незабвенный въ моей жизни. —

Нищихъ множество на всѣхъ улицахъ и у всѣхъ церквей. Нѣкоторые удивляли меня своимъ видомъ—не нищеты, но противнаго сему. М[анагалья]

1) Въ рукописи: «оттуда».

гов[орилъ], что нѣкоторые получавшіе доходъ при Папскомъ правленіи, должны теперь ходить по міру.

³
16. *Суббота 11 [час.] вечера.* Сегодня, вставши въ 8 часовъ, пошелъ я съ М[апагала] въ кофейный домъ, а оттуда въ Ватиканъ. Прошедши крѣпость св. Ангела и нѣсколько дурныхъ улицъ, взошелъ я на площадь гдѣ построена церковь св. Петра. Фасадъ болѣе нежели не удивилъ меня; ничего не общаетъ и даже очень дурень. Но внутренность — можно ли описать то, что едва могу я себѣ представить? Итакъ я молчу. Великолѣпіе, симметрія, богатство въ мозаичныхъ портикахъ, въ колон[н]ахъ — все это надобно видѣть, чтобы имѣть объ этомъ понятіе. Тутъ я немного примирился съ Папскимъ Правленіемъ, видя, что Папы сдѣлали. Походивши болѣе двухъ часовъ по церкви, пошли мы въ музей Braseli и Ciaromonte. Рѣдкости, вазы, древности и гробницы изъ одного куска ужасной величины — все это наконецъ перестало меня удивлять, и глаза мои устали, смотря на предметы, кот[орые] по сію пору были имъ неизвѣстны и неизвѣстны всему свѣту, кромѣ Рима. Лѣстницы, переходы, мозаичные полы и все произвело самое сильное впечатлѣніе на мои чувства, такъ что я не могу отъ этого опомниться. Въ Парижѣ видѣлъ я много рѣдкаго; но тамъ предметы сіи въ сиротствѣ; здѣсь въ неизчислимомъ множествѣ, въ большомъ семействѣ. Кановинъ Персей ничто въ сравненіи съ Аполлономъ. Теперь я чувствую слыше цѣну великихъ остатковъ древностей; и надобно бы было побывать сперва въ Италіи, а потомъ въ Парижѣ. — Послѣ обѣда, выпивши кофе, пошли мы смотрѣть лѣстницу въ домѣ Strozzi — чрезвычайное великолѣпіе, богатство, вкусъ спорятъ между собою, украшая ее. Потомъ зашли въ одну церковь, кот[орая] была полна народомъ, ожидавшимъ благословенія отъ попа. Возвратившись домой, я познакомился съ Нѣмцами и пошелъ съ ними въ театръ. Играютъ *Venise. Prima Donna*.¹⁾ поетъ изрядно, но не Феста, не Барилли. Главный актеръ играетъ и поетъ хорошо. Крикъ партера былъ несносенъ: два раза вызывали послѣ пер[ваго] дѣйствія актеровъ на сцену и велѣли пѣть *da capo*. Блестящая одежда актеровъ противна для глазъ; музыка хороша (*Zingarelli*), не слишкомъ шумна. —

Никакой народъ, думаю, не сроденъ такъ къ игу иноплеменниковъ, какъ Италіанцы, — и я ихъ ни мало не жалѣю.

По субботамъ нищіе ходятъ по всѣмъ кабакамъ и кофейнымъ и почти вездѣ дадутъ имъ милостыню.

1) Въ рукописи фамилія примадонны написана очень неразборчиво; можно прочитатъ какъ *Nacher*.

Путру познакомился съ Г. Матвѣевымъ, живописцемъ, живущимъ здѣсь уже 30 лѣтъ. 1 $\frac{1}{2}$ мѣсяца, какъ я не говорилъ ужъ по-Русски. Иногда только по-Польски — по-Польски? Какъ привыкъ я къ трактирной жизни.

$\frac{4}{17}$. $\frac{1}{2}$ 12 ночи. Какъ пріятно провести вечеръ съ Русскимъ! Давно уже не говорилъ я такъ много по-Русски, какъ сегодня съ Н. Ив. Мартосомъ. Онъ сегодня путру пришелъ ко мнѣ, и изъ одного сего поступка я узналъ въ немъ настоящаго соотечественника. —

Въ 10-мъ часу началъ я свои странствія по Риму; много ходилъ и очень усталъ. Былъ въ церквѣ Капуциновъ, гдѣ видѣлъ мастерское произведеніе Guido-Reni, представляющее Михаила Архангела, кот[орый] попираетъ ногами діавола и замахивается на него мечемъ¹⁾. Нельзя ничего видѣть благороднѣе и похожѣе на ангела, какъ сей образъ (фигура).

Былъ на Piazza Termini, гдѣ прежде находились бани Діоклетіановы. Три тысячи человекъ могли купаться въ оныхъ, не видя одинъ другаго²⁾. Изъ трехъ оставшихся зданій, гдѣ грѣлась вода, сдѣланы теперь церкви, изъ коихъ одна величественна, украшена прекрасными картинами. 4 (8) колонны изъ одного куска, гранитовые, сохранились еще въ томъ же положеніи, въ каковомъ находились въ древности.

Потомъ въ церквѣ Santa Maria di Vittoria. Тутъ замѣчательны два олтара съ мраморными группами, надъ коими сдѣланы лучи изъ золота, освѣщаемые лучами солнечными — выдумка прекрасная. Одна изъ группъ почитается мастерскимъ произведеніемъ Бернини.

Потомъ въ Basilica di S. Maria Maggiore. Передъ церковию поставлена колонна, самая высочайшая изъ одного куска.

Видѣлъ Arca di Galieno — ничего.

Потомъ шли долго по улицамъ, находящимся еще въ стѣнахъ города, но гдѣ уже нѣтъ домовъ, и пришли въ огородъ, къ храму Венеры (Medica). Величественныя развалины даютъ понятіе о красотѣ храма. — Тутъ начнутся славные водоводы³⁾ — три построены одинъ надъ другимъ: Acqua Claudia, Giulia et Marcia. Въ сихъ же мѣстахъ видѣли развалины храма Венеры и Купидона, и мѣсто амфитіатра Castrensi; стѣною оному служили частію водоводы.

Потомъ видѣли Basilica di S. Croce in Gerusalemmo. Тутъ былъ монастырь. Я входилъ въ нѣкоторыя келіи, гдѣ еще въ стѣнахъ видны угольки,

1) Въ рукописи: мѣчемъ.

2) Въ рукописи: одинъ другъ.

3) Акведуки.

гдѣ святые отцы варили себѣ шоколадъ и проч. Теперь все пусто; на стѣнахъ начерчены мѣломъ гренадиры. Какая противоположность, какая прервратность! Подлѣ Basilica di San Giovanni Laterano находится та лѣстница, по кот[орой] входилъ, по мнѣнію всему вѣрящихъ, Христосъ. На лѣстницу должно входить на колѣнахъ. Я видѣлъ двухъ грѣшниковъ, кот[орые] вѣроятно въ слѣдствіе возложенной на нихъ эпитиміи, входили на оную болѣе одно[го] раза.

Потомъ взошелъ въ Bas[ilica] di S. Giov[anni] Laterano. Потолокъ очень богатъ; церковь большая и прекрасная.

Видѣлъ Battisterio di Costantino, гдѣ ежегодно крестятъ Турку или Жида.

Посмотрѣвши на это, я по прямой, длинной улицѣ возвратился къ лѣстницѣ горы Pincio; сошелъ съ нее, взошелъ въ свой трактиръ и сѣлъ обѣдать. Послѣ обѣда прошелъ по Corso, гдѣ было нѣсколько каретъ. Былъ въ саду Borghese. Потомъ въ двухъ кофейныхъ — и провелъ вечеръ очень пріятно.

Надгробные памятники двухъ Папъ, изъ коихъ одинъ снялъ бронзу съ Пантеона для 4 колон[н]ъ, и другой (Фарнезе) изъ отломковъ колон[н]ъ построилъ или позволилъ построить дворецъ, — сдѣланы такъ, что первый поднимаетъ руку, а второй опускаетъ оную, находясь одинъ противъ другаго. Это подало поводъ къ выдумкѣ сихъ словъ: 1-й — ah, che tu hai: fatto. 2-й — E tu non burli.

⁵/₁₈ 9 [час.] *вечера. Понедѣльникъ.* Сегодня, напившись кофе, пошли мы въ церковь св. Петра. Я съ новымъ удивленіемъ смотрѣлъ на чудеса архитектуры. Могъ судить о величинѣ церкви по главному престолу, кот[орый] не кажется чрезмѣрно высокимъ, но равенъ въ вышинѣ зимнему дворцу. Въ 10 часовъ началась обѣдня въ одномъ изъ придѣловъ. Сегодня былъ праздникъ. Нѣсколько кастратовъ ознаменовали оный достойнымъ образомъ; одинъ теноръ пѣлъ прекрасно. Я не знаю самъ, что я чувствую, слушая кастратовъ. Пѣніе ихъ пріятно; сами они кажутся мнѣ жалкими. Послѣ обѣдни пошли смотрѣть ложи и комнаты Рафаэлевы. Какая разница отъ картинъ на холстинѣ и *alfresco*.

Я увидѣлъ наконецъ тотъ пожаръ, котораго описаніе читалъ въ Дюпати такъ давно. Думалъ ли я тогда, что увижу эту картину? Что думалъ я тогда о Римѣ? Такъ же точно думаю я теперь о томъ, что со мною случится черезъ нѣсколько лѣтъ. О, судьба, о, неисповѣдимая судьба! Неизвѣстность будущности есть одно изъ величайшихъ благодѣяній, которыми одарило насъ Провидѣніе. Человѣкъ какъ будто съ завязанными гла-

зами поднимается на гору, окруженный туманомъ. Лишь только прошедшее освѣщается для него слабымъ лучемъ воспоминанія; но и эти воспоминанія— ахъ! хорошо, когда бы Провидѣніе иногда и ихъ сравняло съ будущностію. Но иногда — а! какъ они пріятны, утѣшительны! —

Оттуда пошли въ бібліотеку; рядъ комнатъ удивительный. Оттуда въ *Capella Sistina*, гдѣ видѣлъ страшный судъ Мих[ель] Анг[ела]¹⁾ и его потолокъ. Потомъ въ домѣ Инквизиціи, гдѣ теперь дѣлаются мозаичныя картины. — Вечеръ опять провелъ съ М. Мартосомъ. Теперь хочу читать мой журналъ. Воспоминанія!

Какъ бы можно было жить щастливо, естлибы вокругъ себя мы не видали нещастія!

$\frac{6}{19}$. $\frac{1}{4}$ 1-го ночи. Сегодня утро было для меня очень занимательно. Съ начала пошелъ въ Капитолію и былъ тамъ въ двухъ музеумахъ. Нѣкоторыя статуи прекрасны. Въ залахъ, гдѣ прежде по временамъ собирався сенатъ и проч., стѣны изписаны *alfresco* — и хорошо. Потомъ пошелъ на *Foro Romano*. Видѣлъ храмъ Антонина и Фаустины, Ромула и Рема, Мира, *Giove Statore*. На *Monte Palatino* видѣлъ развалины. Тамъ въ подземелья[хъ] замѣтны двѣ комнаты, принадлежавшія къ банямъ. Живопись на стѣнахъ еще и теперь видна. Прекрасная работа; золото сохранилось невредимо. Тутъ купалась Авгурова супруга, Ливія. Какія времена! Какія мысли! Какія бани! — Тамъ же смотрѣлъ на развалины баней Нероновыхъ.

Потомъ Триумфальныя ворота Тита Веспасіана. Жиды не проходили въ сіи ворота, но обходили оныя всегда по тропинкѣ съ боку.

Потомъ Тр[іумфальныя] вор[ота], сдѣланныя для Константина. Всѣ барельефы и колонны взяты съ трі[умфальныхъ] вор[отъ] Траяна. Барельефы, сдѣланные во времена Константина, отличаются своею грубостію.

И наконецъ былъ въ Колосеѣ. — Наконецъ, ибо столько о немъ слышалъ; и наконецъ, ибо я оттуда пошелъ обѣдать.

Видѣлъ еще остатки отъ храма Солнца и Луны.

Послѣ обѣда не ходилъ ничего осматривать. Игралъ съ Г. Мартосомъ въ биліардъ, пилъ кофе, вино; опять кофе и пошелъ въ театръ. Играли опять *Verenice*. *Monbelli* чрезвычайно хорошій актеръ. Не только что поетъ, но и играетъ славно. Никто не думаетъ, чтобы ему было 66 лѣтъ. Н....²⁾ пѣла хорошо. *Amati* хороша собою. Кричали много. Мартосъ познакомилъ меня съ Русскими дамами, бывшими въ партерѣ. Мнѣ было это очень пріятно.

1) Микель Анжело.

2) *Nascher*? См. выше.

Когда мы шли изъ театра, то между прочимъ слышали, какъ одинъ прохожій, кот[орый], судя по его одеждѣ, слушалъ оперу вѣрно за стѣною и смотрѣлъ въ щель, повторялъ арію Monbelli: Taci, taci, amore и проч. Маркеры въ трактирѣ, гдѣ мы обѣдали, тоже знали все это наизусть. Вотъ что называется врожденное дарованіе къ музыкѣ. Французы знаютъ оперныя аріи, но какія оперы!

Сего[дня] послѣ обѣда все шелъ дождикъ и идетъ даже и теперь. Сегодня отослано письмо къ Матушкѣ.

$\frac{7}{20}$. $\frac{3}{4}$ 10 вечера. Сегодня былъ только у Графини Шуваловой: древность въ своемъ родѣ! Однакожь она приняла меня какъ настоящая Русская Госпожа: очень ласково и хорошо; звала обѣдать въ субботу. Въ залѣ ея видѣлъ я картину Матвѣева: прекрасная. Я очень досадовалъ, видя что Русскіе, заслуживающіе все вниманіе такого благодѣтельнаго Правительства, какъ наше, живутъ въ чужихъ краяхъ, и живутъ небогато. Передъ обѣдомъ заходилъ къ Мартосу, видѣлъ его работу и сердечно порадовался его искусству. Зерно, брошенное Правительствомъ, упало не на бесплодную землю. Съ нимъ обѣдалъ. Потомъ игралъ [въ] биліардъ, пилъ кофе. Были у меня, болтали, наконецъ ходили въ кофейную на Piazza Colonna и пили тамъ чай. Чай! О нѣтъ, мы пили крапиву. Чай! это имя слишкомъ священно для этой дряни. — Ни къ какому городу я такъ скоро не привыкалъ, какъ къ Риму. Я здѣсь нѣсколько даже обжился и замѣчаю, что много времени провожу въ праздности. — На дворѣ довольно холодно. Вчера вымочилъ насъ дождь, когда мы шли изъ театра. — Хочется писать, но нѣтъ мыслей. Сегодня написалъ письмо къ брату Ал[ександру] Ив[ановичу].

$\frac{8}{21}$. 9 вечера. Сегодня отъ девяти до трехъ осматривалъ съ М[артосомъ] древности. Видѣлъ церковь св. ап[остола] Павла, построенную Константиномъ. Полъ, крышка и колонны въ томъ же положеніи, какъ были и при семъ Императорѣ. Два ряда колон[н]ъ очень хороши, но они древнѣе времени Константиновыхъ. Колонны, кот[орыя] дѣланы при немъ, отличаются грубостію своею. Фасадъ церкви замѣчательнъ мозаичною картиною XIV в. Далѣе видѣлъ нѣсколько храмовъ древнихъ, коихъ теперь имени не запомню. М[артосъ] подастъ мнѣ объ этомъ ноту. Былъ на развалинахъ Титовыхъ бань. Живопись въ нѣкоторыхъ подземельныхъ комнатахъ сохранилась въ довольно хорошемъ положеніи. Тутъ видны еще остатки арабесковъ, которыя Рафаель срисовалъ въ т[акъ] н[азываемыхъ] Рафаелевыхъ ложахъ. Нельзя хладнокровно смотрѣть на развалины древнихъ храмовъ. Ничто такъ не доказываетъ величія народовъ или по крайней мѣрѣ ихъ Правителей,

какъ зданія. И можетъ быть ничто такъ не доказываетъ, что правленіе сихъ народовъ было далеко отъ Республиканскаго.

Обѣдалъ въ 4-мъ часу плохо. Послѣ обѣда отдыхалъ съ трубкою въ кофейной. Пилъ кофе, игралъ съ Мартосомъ въ шашки; потомъ прошли по Курсу¹⁾. Заходили смотрѣть морскаго тигра и въ Cafe nuovo пили чай, кот[орый] былъ лучше вчерашняго. — Приятно, походивши цѣлое утро, отдохнуть въ кофейной. — Теперь мнѣ захотѣлось непременно написать четыре стишка на первомъ листѣ этой книги; но всѣ мои труды были напрасны. Я не могъ ничего другаго выдумать или вынудить изъ моего воображенія, кромѣ слѣдующихъ строчекъ:

Въ минуты сладостны, покою посвященны,
Въ кругу однихъ друзей и съ трубкою въ рукахъ,
Вспомнить часы прошедшаго блаженства —
Вотъ чѣмъ утѣшусь я и въ Питерскихъ снѣгахъ!

Я никогда бы не рѣшился написать этого вздору въ этой книгѣ, еслибы я не писалъ весь мой журналъ совершенно для себя одного. —

Ноября $\frac{9}{22}$. Пятница. $\frac{1}{2}$ 10 вечера. Сегодня ходилъ съ Нѣмцами въ Palazzo Rospiglioso и Palazzo Colonna. Одна только Палская родня могла построить такія зданія и украсить ихъ такими картинами. Множество изъ сихъ послѣднихъ сдѣланы лучшими мастерами, даже и Французскими, какъ то Claude Лоренемъ и Пуссенемъ. Въ первомъ видѣли 4 комнаты съ картинами. Болѣе всѣхъ замѣтны тутъ картина Доминикино: побѣда Давидова, и Лудовика Кар[р]аша: Самсонъ. Но важнѣйшая изъ всѣхъ находится въ саду, въ павильонѣ: на потолкѣ представлена Гвидоренемъ²⁾ Аврора. Нельзя видѣть ничего величественнѣе, ничего лучше; колоритъ прекрасный.

Въ Pal[azzo] Colonna въ особенности замѣтны: Богородица Рафаелева, его перваго манера. Эту картину можно назвать совершенною въ родѣ раждавшейся живописи. Потомъ Leda въ банѣ, Кореджіева. Далѣе жертвоприношеніе Августово, сдѣланное Карломъ Магам[ме]: прекрасная, большая картина. Также смѣшна и натуральна карриатура (пьющій весельчакъ) Караважіева; и наконецъ прекрасный портретъ di Cene — Guido Reni. Нѣкоторыя изъ сихъ картинъ висятъ въ большой галлерей, кот[орая] могла бы занимать не послѣднее мѣсто въ дворцахъ Императорскихъ: вызолоченныя колон[н]ы, карнизы, столы, изрисованные потолки (побѣдами одного Колонна

1) Corso?

2) Въ рукописи: «Гвидоренемъ».

надъ Турками) — все это придаетъ сей залѣ видъ величества необыкновенный. Я вспомнилъ о дворцѣ Саксонскаго короля! — Оттуда пошли въ Pal[azzo] Doria; но тутъ не было ни одного лакея, и мы не могли ничего видѣть. Вечеръ провелъ съ Мартосомъ. Безъ него бы не зналъ, что дѣлать. Въ кофейной, куда мы ходимъ, всегда много Нѣмцевъ. Какъ видно много ученыхъ, но какіе разговоры! Они вездѣ Нѣмцы! Римскія развалины не внушаютъ имъ ничего высокаго: говорили о сапогахъ, гдѣ оныя дороги или дешевы. — Сегодня за обѣдомъ много ѣлъ и чувствовалъ тяжесть въ желудкѣ. Вотъ что я вчера видѣлъ: церковь di S. Nicola in carcere, fabricata sopra le ruine delle prigioni di Claudio Decemviro. Tempio della pieta Filiale, гдѣ дочь кормила молокомъ своимъ отца, осужденнаго умереть съ голоду. — Островъ Тиберіевъ. Храмъ Эскулаповъ, то есть развалины. — Ponte Senatorio, Cestio, Fabrizio, Supplizio — всѣ черезъ Тибръ. Tempio della Fortuna virile. Tempio di Vesta. Tempio della pudicizia Patrizia — отъ всѣхъ остается по нѣскольку кусковъ колон[н]ъ или карнизовъ. — MonteAventino. Tempio di Diana. Tempio di Ercole. Piramide di Cajo Cestio. Въ сихъ мѣстахъ погребаютъ теперь иностранцевъ. Многіе изъ надгробныхъ камней, въ особенности Англичанъ, сброшены суетвѣрными дураками.

Monte Testacio. Porta Fregimina, oggi San Paolo. Arco di Giano Quatrifonte. Cloaca Massima. Arco di Settimio Severo al Velabro. Tempio di Romolo. Basilica Giulia, ossia Comizia.

¹⁰/₂₃. 9 вечера. Суббота. Сегодня, напившись въ Caffè Nuovo чаю, началъ я странствія свои съ M[anagala]. Были въ нѣсколькихъ церквяхъ. Входили на monte...¹⁾, гдѣ сдѣлана, на подобіе храма Весты, маленькая церковь. Съ этой горы виденъ весь Римъ. Множество церквей дѣлаютъ его похожимъ на Москву. Но все не то. На этой же горѣ²⁾ находится славный фонтанъ — fontana Paulina. Оттуда пошли смотрѣть бани Каракалловы — развалины величественныя. Дорогою всходили на крыльцо одной церкви, откуда видны всего лучше важнѣйшіе остатки древности: колосей, развалины дворца на Monte Palatino, водопадовъ и проч. Какое пространное поле для мечтаній! Я, при всей усталости, не могъ не отдаться въ волю воображенія. Мѣстоположеніе для Императорскаго дворца было самое величественное и приличное. Тутъ жили они, тутъ жили тѣ люди, кот[орые] великолѣпіе, роскошь, величество доводили до невѣроятной степени. Глаза не вѣрятъ себѣ, видя даже и развалины. — И все это исчезло. Въ Колосеѣ,

1) Въ рукописи оставлено пустое мѣсто; очевидно Яникульскій холмъ.

2) Въ рукописи: горе.

поставлены престолаы, и совершенно некстати, ибо нигдѣ Христіанская Религія не представляется въ такомъ невыгодномъ положеніи, какъ на развалинахъ языческой, но великой древности. — М[апаgала] старался мнѣ доказать, когда мы были въ Колосеѣ, что П[авель]¹⁾ Фарнезе точно разрушилъ сей неоцѣненный остатокъ отъ древности для дворцовъ, кот[орые] построены изъ камней сего зданія.

Въ 3-мъ часу возвратился домой, переодѣлся и пошелъ обѣдать къ Графинѣ Шуваловой. Она была ласкова, съ чувствомъ вспоминала о Русскихъ кушаньяхъ и о Россіи. Не знаю, зачѣмъ она живетъ здѣсь. Надобно Русской Штатсдамѣ долго привыкать къ здѣшнему обществу. Оттуда вышелъ съ Мартосомъ. Были въ кофейной, у меня. Теперь я все почти осматрѣлъ достопамятное внутри Рима. Мало цѣлаго, — все части.

¹¹/₂₄. Воскресенье. ¹/₂ 1-го ночи. Сегодня поутру ходилъ съ Нѣмпами въ Галереи *Doria* и *Spado*. Въ первой множество картинъ, изъ коихъ очень много хорошихъ, но также и дурныхъ. Во второй мало, но мало и дурныхъ. Здѣсь всего болѣе мнѣ понравился лежащій Христосъ Мих[ель] Анг[ело] Бунаротти. — Оттуда ходили къ колон[н]ѣ Траяновой и всходили на верхъ оной: видъ величественный! — Потомъ прошли по курсу²⁾; много видѣли народу. Послѣ обѣда я сидѣлъ на крыльцѣ *Caffè Nuovo* и смотрѣлъ на гулявшихъ по курсу пѣшкомъ и въ каретахъ. Повечеру пошли въ театръ. *Monbelli* игралъ и пѣлъ чрезвычайно. Мы много смѣялись одному бонмо. Предводитель Римскаго воинства пѣлъ очень дурно и, кончивъ одну арію: *credo sul incanto*³⁾ *il fulmine strisciar dal Campidoglio*, ушелъ. Сидѣвшій позади насъ человекъ, по виду степенный, очень серьезно сказалъ: *Va pisciar al Campidoglio*. — Это было для насъ тѣмъ смѣшнѣе, что мы только лишь передъ симъ говорили о переводахъ, которые дѣлаются въ академіяхъ и корпусахъ, напр[имѣръ]: Румяной солдатъ: *vous capustez*; *j'ai rascoussé* и проч. Послѣ ужинали вмѣстѣ. Я спорилъ съ Молдаванцемъ Богданомъ о Масонствѣ. Но объ этомъ спорить неловко. Ужинали съ виномъ порядочно. Въ театрѣ я въ точности наслаждался музыкаю. — Сегодня видѣлъ картину *Lethière*, представляющую казнь Брутовыхъ дѣтей.

Понед[ѣльникъ] ¹²/₂₅. ³/₄ 10 ночи. Сегодня изходилъ я по щету М[апаgала] 12 *Ит[альянскихъ]* миль. Усталъ, но не очень. Пошелъ въ 9, пришелъ въ ¹/₂ 3. Видѣлъ на *Via Appia* поле сраженія Гораціевъ и Куриціевъ. Развалины гробницъ вольноотпущенныхъ Ливіи. Также былъ въ т[акъ]

1) Папа Павелъ III.

2) Corso?

3) Въ рукописи пропускъ.

н[азываемыхъ] катакомбахъ, подземелья, гдѣ древніе христіане погребали умершихъ. М[апагала] гов[орилъ] мнѣ, что онѣ имѣютъ въ окружности около 25 Ит[альянскихъ] миль. Оттуда прошесть по Аппіевой же дорогѣ до надгробнаго памятника Сициліи Метеллы¹⁾. Это мнѣ очень понравилось. Башня сохранилась еще въ очень хорошемъ состояніи. На верьху видны укрѣпленія, сдѣланныя въ послѣдствіи вѣковъ христіанами. Монументъ сей можетъ служить доказательствомъ²⁾ роскоши древнихъ. Стѣны чрезвычайно толсты. Подлѣ сего зданія эхо. Тутъ же видны развалины цирка Каракаллы. Въ сводахъ видны горшки. Это для того, чтобы тяжесть была менѣе. Оттуда прошли къ фонтану Евгиріи³⁾; потомъ къ храму Tempesta. Возвратясь въ городъ, видѣлъ развалины храма Паллады и дворцы Нервы. — Изъ башни Сп[ициліи] Метеллы Папы брали камни для строеній въ городѣ. — Иначе ли было, естлибы Правительство въ Римѣ было обыкновенное Монархическое, а не Папское? Этотъ вопросъ сдѣлалъ я самъ себѣ сегодня и думаю теперь, что по крайней мѣрѣ хуже быть бы не могло. Обѣдалъ съ большимъ адетитомъ. Потомъ былъ въ кофейной и смотрѣлъ одного фигляра. — Въ Римѣ, осмотрѣвъ все любопытное, мнѣ нечего будетъ дѣлать. Говорить по-Италянскіи мало случая: все по-Русски или по-Нѣмецки. Съ однимъ только М[апагала] практикуюсь въ Ит[альянскомъ]. Завтра званъ къ Графинѣ на балъ.

Сегодня ночью приснилось мнѣ, что я въ Геттингенѣ встрѣтилъ Каверина, кот[орый] сказалъ мнѣ, что братъ жить безъ меня не можетъ. Теперь я менѣе думаю о Геттингенѣ, но за то воспоминанія бывають чувствительнѣе. При мысли, что я его не увижу, я невольно досаую на все. Ахъ, Геттингенъ! Тамъ должно бы мнѣ еще разъ увидѣть Сергѣя, Кав[ерина] и потомъ вспомнить на мѣстѣ о спокойныхъ годахъ, пролетѣвшихъ въ дѣятельности и уединеніи: мысль подлинно меланхолическая; я много отъ оной завишу; не могу не печалиться, не грустить. Римъ — и все заграничное — не имѣетъ для меня столько прелестей, какъ смиренный Геттингенъ. Но наконецъ нельзя, чтобы я его никогда болѣе не увидѣлъ!

¹³/₂₇. 12 час[овъ] утра. Вчера, легши въ постелю, взялъ я читать журналъ свой; читалъ о Гейдельбергѣ и проч. Все прошедшее тогда живо представилось моему воображенію. Воспоминанія пріятны, но пріятность сія соединена съ сильнымъ меланхолическимъ чувствомъ, — чувствомъ грусти, пе-

1) Цециліи Метеллы.

2) Въ рукописи доказательства.

3) Эгеріи (нимфы).

чали. И такъ-то дорого должно покупать даже и пріятное! Я не знаю, съ какимъ-то сердечнымъ сожалѣніемъ думалъ я о¹⁾ тѣхъ мѣстахъ, черезъ кот[орыя] я проѣзжалъ; я думалъ о нихъ какъ будто объ оставленной родинѣ. Сонъ мой прошелъ, и вздохъ тяжелый вылетѣлъ невольно изъ сердца. Какъ скоро дошелъ я до Рейна въ моемъ журналѣ, то я болѣе ничего не чувствовалъ и ко всему былъ равнодушенъ. — Читая, когда я приближался къ мѣсту, гдѣ говорится о Геттингенѣ, то это я заранѣе чувствовалъ. Оставивъ читать журналъ, я хотѣлъ было думать; но всѣ мысли были устремлены на проведенные годы въ Германіи. Воспоминанія были для меня очень чувствительны; я грустилъ и взялъ для разсѣянія Вази и читалъ въ немъ описаніе того, что вчера видѣлъ.

15
29. 1/2 9 вечера. Вчера поздно пришелъ домой и потому не писалъ въ этой книгѣ. Вчера я былъ званъ къ Графинѣ Шуваловой; исполнилъ это и пошелъ къ ней на балъ. Гости, по большей части, почти всѣ были Нѣмцы. Подъ конецъ пріѣхалъ туда Князь Козловской, кот[орого] я зналъ въ Москвѣ. Я тотчасъ узналъ его, долго разговаривалъ съ нимъ тамъ; потомъ поѣхали къ нему въ трактиръ, гдѣ я пробылъ до третьяго часа. Онъ меня очень удивилъ своими разсужденіями о характерѣ народовъ. Я думаю, что долгое пребываніе въ чужихъ краяхъ есть подлинно зараза для многихъ Русскихъ: они непримѣтно перемѣняютъ образъ мыслей о всемъ, даже и объ отечествѣ. Но меня, кажется, таковыя примѣры тѣмъ болѣе укрѣпляютъ въ любви къ этому божественному идеалу, усиливаютъ высокое мнѣніе мое о характерѣ Русскомъ и подтверждаютъ справедливость моего мнѣнія. Естьлибы примѣры свыше были противныя, то у насъ бы гораздо менѣе было сихъ явленій, кот[орыя], не дѣлая стыда цѣлому, дѣлаютъ презрительными этихъ несчастныхъ, кот[орые], заблудившись въ лабиринтѣ мнѣній нѣкоторыхъ ложно мыслящихъ несмысленныхъ иностранцевъ, продолжаютъ кружиться подъ ихъ вліяніемъ безъ цѣли, безъ правилъ и, такъ сказать, съ завязанными глазами, не хотя обращать никакого вниманія на безчисленные примѣры, кот[орые] легко могутъ опровергнуть всѣ ихъ пустыя умствованія. Несчастны, несчастны тѣ, кот[орыхъ] кровь не волнуется при мысли²⁾ объ Отецествѣ, и которые хладнокровно смотря на происшествія, дѣйствующія на судьбу онаго. *Человѣкъ можетъ всего лишиться: имѣнія, друзей, родныхъ; но Отечество для него всегда остается.* Благо онаго можетъ его утѣшить, и при собственномъ несчастіи онъ отретъ гор[ь]кія слезы, видя Оте-

1) Далѣе зачеркнуто: «Германіи».

2) Въ рукописи: мыслѣ.

чество въ благоденствіи. Благо общее замѣняетъ для него благо частное.— Привязанность къ любезнымъ сердцу людямъ часто ослабѣваетъ съ отдаленіемъ; но привязанность къ Отечеству въ такомъ случаѣ обыкновенно увеличивается: вотъ сила того чувства, которое Провидѣніе вложило въ душу каждаго; чувство, которое превышаетъ даже чувство къ роднымъ и пріятелямъ.

16
30. 2 *полудни.* Третьяго дня былъ въ театрѣ. Во второй піесѣ выходили на сцену монахи. Шелъ снѣгъ изъ стружекъ¹⁾, и гремѣлъ громъ. Изъ театра мы зашли ужинать на Monte Citorio. Вчера былъ съ Кн[яземъ] Козловскимъ въ Ватиканѣ. Повечеру у Консула нашего Болони. Обѣдалъ съ О[едоромъ] М[ихайловичемъ]²⁾, а ужиналъ съ Мар[тосомъ]. Сегодня былъ въ рабочей Кановы. Венера прекрасна; такъ и другія женскія статуи. Мужскія не хороши.

17 Ноября. *1*
1 Декабря. *1/2* 1-го *ночи.* Сей часъ простился съ Княземъ Козловскимъ. Все время, которое я съ нимъ провелъ, провелъ я очень пріятно. Онъ много говорилъ. Рассказывалъ анекдотъ о Папѣ и Ген[ералѣ] Фр[анцузскомъ] Бертъе. Сегодня отвѣтъ Англійскаго посла Фрид[риху] П: Dieu est le seul de nos alliés à qui nous ne donnons point d'argent. Отвѣтъ Фр[анцузскаго] посла Королю Шведскому: Oui, Sire, Gascon du midi (Je suis). Русскаго Нессероде Прусскому Королю: не удивительно, что солдаты ваши разбѣжались, когда уже и пушки ваши бѣгають въ Польскую армію.

Сегодня былъ я въ церквѣ св. Петра, гдѣ были собраны всѣ чиновники, la guardia nobile—шуты. Музыка и пѣнье были посредственны, тѣмъ болѣе что порядочно нельзя было и слышать. Въ церквѣ было много солдатъ въ строю; падали на колѣнки, какъ говорятъ, передъ стуломъ Императора; также какъ и всѣ чиновники и гвардія. Послѣ обѣда былъ на бѣгу лошадей на Piazza Navona. Видѣлъ только бѣгъ двухъ послѣднихъ; все дурно, кромѣ вида на множество зрителей, окружавшихъ и наполнявшихъ площадь и всѣ окошки домовъ на площади. Потомъ былъ у Порты; жена у него прекрасная, на такой многіе бы женились. Видѣлъ скаредную иллюминацію нѣкоторыхъ домовъ. Былъ, по обыкновенію моему, и въ кофейной. Князь Козловскій рассказывалъ намъ нѣсколько анекдотовъ и о себѣ, которые привели мнѣ на память, не болѣе: не любо—не слушай, а лгать не мѣшай. Слишкомъ странны и романически. Изъ Рима мнѣ пора убираться. Хочется черезъ недѣлю. Не

1) Въ рукописи: стружекъ.

2) Матвѣевымъ.

знаю, успѣю ли видѣть все остальное. О неапольской дорогѣ много говорятъ, страшатъ разбойниками и приводятъ вѣрныя происшествія.

Сегодня писалъ въ П[етербургъ] съ К[няземъ] К[озловскимъ]. Я здѣсь ожился и помирился нѣсколько съ судьбою путешественниковъ; но зато тѣмъ страшнѣе представлялась бы мнѣ мысль моего предпринимаемаго возвратнаго путешествія, еслибы другая мысль, что я буду приближаться къ Отечеству, не утѣшала меня. Отечество! Отечество! Тамъ! Тамъ! и нигдѣ!
^{18 Н. 1).}
^{2 Декабря.} 9 вечера. Понедѣльникъ. Сегодня нигдѣ не былъ и ничего не видалъ. Обѣдалъ дома. Потомъ ходилъ съ Богданомъ за Porta de[1] Popolo. Погода была прекрасная; довольно свѣжо. Вчера такъ было даже жарко — въ Декабрѣ! Въ кофейной уговорился съ Нѣмцами послѣ завтра ѣхать въ Тиволи. Теперь сидѣли и болтали у меня съ Мартосомъ. Меланхолія посѣтила меня на сей вечеръ: политическія обстоятельства, холодная комната, скука вечеровъ въ Римѣ призвали, думаю, ее; такъ что Петербургскій каминъ и все кажутся мнѣ не столько прелестными, какъ прежде. Все это породило во мнѣ странную мысль, а именно: ѣхать изъ Вѣны въ Геттингенъ, побывать тамъ и возвратиться домой Пруссією. Вотъ мысль, ког[орой] исполненіе заранѣе меня восхищаетъ; не смотря на то, что вѣроятно этого никогда не будетъ. Но почему? Потому, что меня ожидаютъ въ Россію. А какъ бы хорошо было весною выѣхать изъ Геттингена! Но надобно непременно все ѣхать по почтѣ, ибо о дилижансахъ я не могу вспомнить хладнокровно. Когда бы какой-нибудь случай представился къ поѣздкѣ въ Геттингенъ! Тамъ надобно мнѣ увидѣть Сергѣя, увидѣть и Каверина, Бенеке, Дорнетхенъ, бібліотеку, почитать — ахъ!

¹⁹/₃. 1/2 9 вечера. Сегодня въ постелѣ принялъ я къ себѣ Г. Бевилакка, къ кот[орому] имѣлъ карточку отъ Фюстье. Я былъ у него три раза и не заставлялъ его дома. Вчера оставилъ карточку и сказалъ, гдѣ живу. Въ пятницу онъ обѣщалъ итти со мною въ ложу. Обѣдалъ дома. Уговорился было съ Нѣмцами ѣхать въ Тиволи; но съ Шмерцами мудрено сладить: иной идетъ zu Fuss, иной беретъ осла, чтобы быть zu Hause. Сей послѣдній охотникъ все Bekanntschaff machen. По утру былъ у Мартоса, и рисовали тамъ мой портретъ. Послѣ обѣда былъ въ кофейной; болталъ съ Ѳ[едоромъ] М[ихайловичемъ]²⁾ и Богданомъ. Потомъ Мартосъ повелъ меня къ Французенкѣ, съ кот[орой] онъ страннымъ образомъ познакомился. Тамъ мы поговорили, позѣвали и пошли ужанать. — Мысль, родившаяся у меня вчера — побывать

1) Надо: ^{20 нояб.}
2 декабря.

2) Матвѣевымъ.

въ Геттингенѣ — очень ослабѣла. Множество непріятностей, трудностей, издержекъ сего путешествія заставили меня отложить это предпріятіе. Домой опять хочется, но болѣе не для чего, какъ для покою. Трактирная жизнь скучна, не смотря на то, что здѣсь мнѣ веселѣе всѣхъ прочихъ мѣстъ, гдѣ я былъ со времени моего выѣзда изъ Геттингена.

$\frac{20}{4}$ ¹⁾. *Тиволи. 8 вечера.* Сегодня дожидался до двухъ часовъ ветурина, кот[орый] хотѣлъ заѣхать за мною въ 11. Ходилъ, стоялъ, курилъ, читалъ, завтракалъ въ ожиданіи отправления въ Тиволи. Наконецъ сѣлъ въ карету, или, лучше сказать, скелетъ кареты. Выѣхалъ изъ Рима изъ воротъ св. Лаврентія. Тотъ же видъ представляется и здѣсь, какъ и съ другой стороны Рима, гдѣ я въѣзжалъ въ городъ сей. Необработанныя поля, все опустѣлое. Инде встрѣчаются развалины гробницъ древнихъ, печальные остатки ихъ величія, напоминающіе живо упадокъ потомковъ ихъ. Дорогою надобно переѣзжать черезъ ручей, вытекающій изъ одного озера, кот[орого] дурпой запахъ слышанъ еще изъ дали. Съ наступленіемъ вечера я заснулъ въ каретѣ; проснувшись, увидѣлъ множество деревьевъ и принялъ оныя за величественныя развалины какого-нибудь храма; здѣсь все мечтаются развалины. — Здѣсь поужиналъ и погрѣлся около огня. Завтра осмотрю все. — Приѣхавши сюда, хозяинъ тотчасъ узналъ по моимъ разговорамъ, что я Русской. Этого со мною, кажется, никогда не случалось, чтобы прямо отгадывали. Погода была сегодня пасмурная.

$\frac{21}{4}$. *1/10 вечера*²⁾. Въ комнатѣ у меня хоть волковъ морозъ. Дрожатъ руки. Сегодня въ 9-мъ часу, въ дождикъ вышелъ я изъ города; видѣлъ: храмъ Сибиллы, каскады, каскателли, дома: Горація, Мецената, Este; пещеру Нептунову и проч. Послѣдняя чрезвычайна. Видъ съ горы, гдѣ былъ домъ Вара, прекрасный: виденъ куполъ св. Петра. Оливковыхъ деревьевъ здѣсь множество. Я вырѣзалъ въ саду Este лавровую палку. Дождикъ меня вымочилъ, но немного. Это одолженіе сдѣлалъ онъ мнѣ послѣ обѣда, когда я ѣздилъ на ослѣ въ Villa Adriani. Величественныя развалины живо напоминаютъ величество Императоровъ древнихъ. Оттуда возвратился въ 5-мъ часу; грѣлся у огня и провелъ вечеръ въ разговорахъ. Одинъ изъ Италіянцевъ проницески разсуждалъ о Французахъ, ругалъ ихъ, говоря: tutti percettori alcuni pagatori. О податяхъ говорили: здѣсь или въ Римѣ берутся подати со стульевъ, естли ихъ и нѣтъ. Говорили о Папѣ. Одинъ ставилъ его выше

1) Надо: 22 ноября.

2) Можетъ быть: $\frac{1}{2}$ 10-го вечера.

всѣхъ монарховъ. Съ двумя я ужиналъ — изрядно. Теперь отъ холоду оставляю писать и ложусь спать.

$\frac{23}{6}$. 1 пополудни. Вчера по вечеру возвратился изъ Тиволи. Вставши тамъ поутру, вышелъ я съ трубкой въ рукахъ на дворъ, гдѣ стоитъ храмъ Сибиллы. Изъ комнаты, въ храмъ Сибиллы съ трубкою! Все это было для меня такъ ново, такъ пріятно. Но, окинувши глазомъ окрестные виды, я не могъ удержать восторга. Горы, водопады, утесы, оливковыя деревья, — все это придавало храму Сибиллы, симъ священнымъ развалинамъ древности, новыя красоты, внушало въ меня новыя чувства. Я не могъ насмотрѣться на все это; даже воспоминаніе не можетъ вмѣститься въ моемъ воображеніи. Приѣхавши сюда, пошелъ я въ 7 часу съ Г. Бевилаква, къ которому имѣлъ карточку отъ Фюстье, въ Л[ожу]. — Оттуда съ Нѣмцами въ Palazzo Borg-hese, гдѣ въ нижнемъ этажѣ есть большая комната, гдѣ обыкновенно бывають все Нѣмцы. Комната сія и общество живо напомнили мнѣ т[акъ] н[аз.] Keller въ Германіи и пріятные вечера, проведенные въ Гетт[ингенскомъ] Келлерѣ. Я вспомнилъ о Т.¹⁾ и о прочемъ. Все прошло! Не будетъ болѣе такихъ беззаботныхъ вечеровъ!

Сегодня былъ съ Нѣмцами въ церкви S. Maria degli Angeli, гдѣ я и прежде былъ. Картина Батони меня сегодня плѣнила еще болѣе прежняго. Потомъ были у Бергина, гравера. Нѣмцы гов[орили], что я, яко Русской, долженъ рекомендоваться. Я не прочь. Ласковый хозяинъ. Потомъ были у Торвальдсена, ко[торый] въ барельефахъ сильнѣе Кановы. Потомъ я водилъ ихъ къ Камучини и Ланди. Первый, кажется, заслуживаетъ преимущество. У послѣдняго Граци, обезоруживающія Марса, не красавицы собою. Послѣдняго нашли въ его мастерской.

$\frac{25}{8}$ ²⁾. $\frac{1}{4}$ 10 вечера. Понед[ѣльникъ]. Я не думалъ такъ долго прожить въ Римѣ. Но день за день и далѣе! Сегодня были съ нашимъ добрымъ Консуломъ, Осипомъ Осиповичемъ Болони у живописца Фиданца и у одного рѣзчика каменьевъ. Къ сему послѣднему идемъ завтра слушать музыку. Я, къ удивленію моему, нахожу здѣсь очень много добрыхъ и учтивыхъ людей. Не отъ того ли, что они артисты? Потомъ прошлись по Курсу. Видѣли домъ, кот[орый] Консулъ нанимаетъ для Барона Строганова. Дворецъ за 70 скуди! Обѣдали у Консула же; ѣли щи, пироги. Каково это! Жена и онъ очень, очень добрые люди. Жаль ихъ, что теперь живутъ не въ лучшихъ обстоятельствахъ. Первая здѣсь очень скучаетъ; я этому слишкомъ вѣрю. Послѣ

1) Можетъ быть д-ръ Томсъ, сосѣдъ Тургенева.

2) Надо: 26 ноября.

славнаго обѣда грѣлись у камина, играли въ карты. Потомъ пили въ кофейной съ Март[осомъ] чай. — Вчера и сегодня повечеру посѣтила меня меланхолія или, справедливѣе сказать, тоска по отчизнѣ. Жестокія чувства по любезной отчизнѣ, и вы еще утѣшительны для сердца! Я здѣсь долго зажился. Пора! Пора!

²⁶/₉. 11 вечера. Сегодня по утру, полуодѣвшись, пошелъ я съ Мартосомъ въ Ватиканъ. Видѣлъ еще разъ мозаичную работу; былъ въ Galleria Geographica и обсерваторіи. Видъ отсюда великолѣпный: вдали снѣжныя Аппенины; здѣсь — зелень, фонтаны и проч. Искавши долго Литейной, мы имѣли нѣсколько разъ случай замѣтить, что Ватиканъ похожъ, по пространству своему, на цѣлый городъ. Улицы настоящія, строенія ужасныя! Потомъ я пошелъ въ церковь, хотя итти на куполь, но не удалось. Обѣдали на Monte Citorio. По вечеру вмѣстѣ съ Консуломъ и его супругою ходили къ одному рѣщику, у кот[орого] вчера были, слушать музыку. Игралъ Полякъ Билькевичъ на фортопіанахъ и Фиданца сынъ на скрипкѣ, и третій на віолончелѣ. Всѣ очень хороши. Я много гов[орилъ] съ отцемъ Фиданца. Я провелъ время пріятно. Удивляюсь и радуясь учтивости и гостепріимству, въ своемъ родѣ, Италіянскихъ художниковъ. Они совсѣмъ намъ не были знакомы. Ужиналъ напротивъ дома въ остеріи. Разсуждалъ съ однимъ Саксонцемъ изъ Готы о Нѣмецкой и Французской учености. Ахъ, какъ пріятно было мнѣ вспоминать и достойно восхвалять Геттингенъ! Онъ въ особенности отдавалъ преимущество своимъ землякамъ касательно инструментальной музыки. Это же говорили сегодня и Италіянцы. — Мнѣ отсюда пора вонъ, но пора домой. Но въ Неаполь не охотно ѣду. Не столько боюсь разбойниковъ, сколько не получить денегъ моихъ досадно будетъ. Но во всякомъ случаѣ я провожу снѣгъ въ Россіи. Но какъ ожиданіе мучительно, когда надежда такъ прелестна! — Но и тамъ ожидаетъ меня что-то нерадостное: такъ говоритъ мое сердце; оно неспокойно при мысли¹⁾ объ Отечествѣ. Но надежда на имя Русское меня подкрѣпляетъ.

— Французы по многимъ частямъ очень пустой народъ. Какъ немного у нихъ существеннаго! Гдѣ музыка? Гдѣ многое? — Естьлибы я не былъ Русскимъ, то вѣрно не захотѣлъ бы быть Французомъ.

²⁷/₁₀ Н. Д. Среда. 1/8 часа. Сегодня сдѣлалъ я прекрасную прогулку. Въ 10-мъ часу пошелъ съ двумя Нѣмцами и въ сопровожденіи Managala на Monte Sacro. Дорогою видѣли il Campo Scelerato и на ономъ храмъ *Минервы*, и подлѣ то мѣсто, гдѣ похороняли живыхъ весталокъ, погрѣшившихъ въ грѣхѣ,

1) Въ рукописи: мыслѣ.

столь естественномъ и столь свойственномъ всѣмъ смертнымъ и, можетъ быть, въ особенности женскому полу. Потомъ видѣли церковь di S. Agnese, построенную Константиномъ, въ кот[орой] находится нѣсколько древнихъ прекрасныхъ колоннъ и бюстъ (!) Спасителя, сдѣланный М[икель] Анг[ело] Бунаротти. Подлѣ сей церкви стоитъ храмъ Бахусовъ, превращенный въ храмъ Божій во времена Константина. Прекрасное строеніе. Долго, съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на остатки древнихъ мозаиковъ, изъ кот[орыхъ] иные сохранились невредимыми и отличаются прекрасною работою, напр. птица и проч. Оттуда пошли мы далѣе на Monte Sacro. Дорогою восхищались прекрасными видами горъ, изъ коихъ однѣ синѣлись, другія были покрыты снѣгомъ; солнце освящало ихъ и придавало неизъяснимыя прелести сей великолѣпной, плѣнительной картинѣ.

На Monte Sacro удалялся Римскій народъ, недовольный Сенатомъ и своими Господами. Переходили черезъ мостъ по Теверонѣ (Аниене), построенный, какъ сказывалъ М.¹⁾, Нарзесомъ. На возвратномъ пути завтракали въ одномъ деревенскомъ трактирѣ, на чистомъ воздухѣ — въ Декабрѣ! Погода была прекрасная и даже жаркая. Солнце запрещало мнѣ скинуть шляпу. Мы ѣли съ аппетитомъ, курили сигары и непримѣтно дошли до Villa Albani: настоящаго барскаго дома²⁾. Картинъ тутъ славныхъ нѣтъ; но зато мѣсто сіе отличается ужаснымъ богатствомъ въ древнихъ статуяхъ, бюстахъ и въ особенности въ Этрусскихъ барельевахъ. Въ прекрасномъ портикѣ поставлены древнія статуи Римскихъ Императоровъ. Прекрасная работа! Удивительное богатство! Въ комнатахъ и галереяхъ замѣтны въ особенности Корсатини, смѣшны Пріапы и статуя Езопы и Гермафродиты. Въ саду построенъ маленькій храмъ Апполлоновъ, въ видѣ развалинъ. Прекрасный видъ. Въ домикѣ, гдѣ кардиналь Альбани пивалъ кофе, замѣчательны древнія мозаики; а въ залѣ, въ большомъ домѣ, на потолкѣ представленъ Апполонъ съ Музами. Фигура Аппол[л]она, ноги, недостойна славнаго художника; но при всемъ томъ виденъ въ картинѣ духъ Менгса. Въ саду нѣтъ совсѣмъ тѣни: это, кажется, не хорошо при здѣшнемъ климатѣ. Статуя Ахилла замѣчательна по своей рѣдкости. Другая у Браски: только двѣ. Статуя Сатиры единственна: нигдѣ нѣтъ другой такой же. — Оттуда я пришелъ домой. Былъ въ кофейной. Въ 8 часовъ пойду въ Keller.

²⁸ Н[оября]. 10 вечера. Четвергъ. Въ Келлерѣ вчера не былъ, а пошелъ съ Мартосомъ ужинать; болтали; я пѣлъ Русскія пѣсни. По вечеру, легши

1) Managala?

2) Въ рукописи: «настоящемъ барскомъ домѣ».

въ постелю, я читаль Сталь, и читаль съ большимъ удовольствіемъ. Она знаетъ хорошо судьбу путешественниковъ, говоря, что *voyager est un des plus tristes plaisir du monde*. Сегодня ходили въ домъ Камучини, но не застали хозяина дома. Потомъ я былъ у Мартоса, у Матвѣева; видѣлъ его мастерскую: славный живописецъ. Потомъ былъ въ полиціи для паспорта. Потомъ въ Palazzo Farnesini, гдѣ не могъ насмотрѣться на Рафаелеву Галатею: подлинно безподобная картина! И въ Palazzo Corsini: здѣсь много славныхъ картинъ. Потомъ опять у Мартоса, потомъ опять въ полиціи и на почтѣ. Послѣ обѣда записался на почтѣ и припелъ въ кофейную. Тутъ Март[осъ] сказалъ мнѣ о побѣдѣ нашихъ надъ Турками. Я побѣждалъ читать Фр[анцузскія] газеты. Радовался славѣ Кутузова: честь ему! Войска наши не имѣютъ нужды въ похвалахъ. Потомъ былъ въ кофейной, а теперь возвратился изъ Келлера. Въ большой дѣятельности провелъ я день сей: бѣгалъ и, думаю, отъ того самаго не усталъ. На сихъ дняхъ чувствовалъ я гемороиды и такъ сильно никогда не чувствовалъ ихъ. Это, по словамъ одного Нѣмца, происходитъ отъ здѣшняго вина. Теперь дожидается меня декреторъ¹⁾, чтобы, скинувъ съ меня сапоги, заслужить одну или двѣ байки²⁾.

Неаполь.

²/₁₅ Д[екабря]. Понедѣльникъ. 2 пополудни.

Я въ Неаполѣ! Ахъ, въ Неаполѣ — и безъ денегъ! Никогда не былъ я въ такомъ непріятномъ положеніи съ этой стороны, какъ теперь. Надѣялся получить здѣсь мои 100 черв[онцевъ], но предчувствіе мое, что ихъ не получу, было справедливо. Я былъ у Князя, и онъ мнѣ ничего не говорилъ о деньгахъ; слѣд[овательно] онъ ничего не получилъ изъ Парижа. Былъ на почтѣ, получилъ письмо отъ Сергѣя и отъ Каверина; но нѣтъ ничего изъ Парижа. Спасибо тѣмъ, кот[орыхъ] я просилъ о пересылкѣ. Не дай Богъ мнѣ исполнять такимъ образомъ чужія прозбы. Мнѣ остается теперь только одно средство: просить денегъ у Князя. *Просить! Денегъ!!* О, эти слова неслышны даже для слуха моего. Какого будетъ произнести ихъ! Какой будетъ на нихъ отвѣтъ?—Эти мысли препятствуютъ мнѣ наслаждаться послѣдними минутами моей безопасности, независимости!

Пріятныя мечты, раждающіяся при видѣ славнаго театра, при видѣ моря и проч., бывають, т[акъ] ск[азать], угнетаемы мыслію о проклятыхъ

1) Décrotteur.

2) Baiocco (Вајоссо), старая римская монета.

деньгахъ. — Вчера въ 4 часа ночи пріѣхалъ сюда. Цѣлый день шолъ проливной дождь. Я обѣдалъ въ своемъ трактирѣ. Послѣ обѣда пилъ кофе на верху у камина. Тамъ собираются всѣ жильцы сего дома. Хозяйка большая болтунья. По вечеру былъ въ театрѣ S. Carlo. Прекрасное зданіе. Я признаюсь: церкви, не выключая и св. Петра, никогда не дѣлали на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ Миланскій и здѣшній театръ, а въ особенности здѣшній. — Зовутъ обѣдать.

9 вечера. Обѣдалъ дома и по сію пору сидѣлъ на верху, въ комнатѣ хозяйки. Всѣ гости почти Французы. Одинъ Италіянецъ, актеръ, читалъ трагедію въ стихахъ своего перевода съ Фр[анцузской] прозы. Онъ придавалъ много важности самымъ незначущимъ словамъ. Но самъ сочинитель всегда болѣе чувствуетъ, нежели другіе. — Я не выхожу никогда, потому что думаю безпрестанно о деньгахъ; но завтра надо будетъ просить. Просить денегъ у незнакомаго! Одолженіе! — Письма изъ Геттингена были бы для меня чрезвычайно пріятны, еслибы болѣзнь или даже и дуэли Каверина меня не огорчали. Мысль, сколько онъ терпитъ и теряетъ отъ своей болѣзни, помѣшала бы и мнѣ совершенно наслаждаться Неаполемъ, еслибы я подлинно наслаждался. Сергѣй пишетъ, что онъ занялъ денегъ въ Амстердамѣ. Что мудренаго, если я скажу кому-нибудь, что я занялъ въ Неаполѣ? Описаніе его путешествія вселило и въ меня новую мысль: наслаждаться послѣднимъ временемъ моего путешествія; а это здѣсь нѣсколько возможно. Я потерялъ здѣсь теперь три дня: это все отъ денегъ! Съ занятыми у Долгорукаго деньгами (ибо должно у него и ни у кого другаго взять ихъ!) я, кажется, не буду такъ экономенъ, какъ съ своими собственными.

Сегодня ночью я былъ разбуженъ прекрасною серенадою на нашей улицѣ въ честь, какъ мнѣ сказывали сегодня, Богородицы. Серенада была сопровождаема выстрѣлами, кот[орые] я много и послѣ обѣда слышалъ. Это бываетъ передъ Рождествомъ. — Сегодня поутру я ходилъ гулять; былъ на Chiaja; видѣлъ тамъ находящіяся статуи, въ числѣ кот[орыхъ] отличается быкъ. — Теперь хочу писать въ Геттингенъ. Какъ огорчаетъ меня болѣзнь Каверина!

11 вечера. Написалъ два письма въ Геттингенъ и одно въ Римъ; завтра кончу ихъ развязкою моего денежнаго дѣла. Теперь все думаю, какъ говорить съ Княземъ. Неужели онъ откажетъ? *Утро вечера мудренѣе* — ложусь спать; но эта пословица меня ни мало не утѣшаетъ. Скучное, непріятное состояніе. Но тутъ хоть есть надежда на Князя. Что кабы и этого не было? Впрочемъ я ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ аккуратности и въ вѣтрености упрекать себя не могу. Сегодня слышалъ, что чистыхъ денегъ нельзя пе-

решать изъ Парижа сюда; но они бы прислали вексель, какъ я просилъ. Не знаю, что объ этомъ думать. Я бы въ такомъ случаѣ, на ихъ мѣстѣ, не пропустилъ ничего.

$\frac{3}{16}$. $\frac{1}{4}$ 2 ночи. Я просилъ сегодня денегъ! Что чувствовалъ я, приближаясь къ дому Князя! Но онъ принялъ все очень хорошо и далъ мнѣ письмо къ банкиру Фальконету на 100 черв[онцевъ]. Сверхъ того звалъ обѣдать и въ свою ложу въ театрѣ. Какъ бы хотѣлось доказать ему мою благодарность какимъ-нибудь одолженіемъ! Тогда только мнѣ будетъ легче думать объ этомъ займѣ. Отъ него шелъ я легкимъ шагомъ: почти какъ будто гора съ плѣчь свалилась; оставалась только тяжесть одолженія, кот[орая] впрочемъ очень чувствительна. Но такъ и быть; это было единственное средство, хотя мои Нѣмцы и говорили сегодня, что въ случаѣ нужды и пріятели могли бы меня ссудить деньгами. Съ аппетитомъ обѣдалъ я сегодня. Послѣ обѣда ходилъ во Фр[анцузскій] театръ, въ партеръ. Играли *Le mariage de Figaro*, по приказанію Короля, кот[орый] былъ въ театрѣ. Онъ мнѣ понравился болѣе всѣхъ ему подобныхъ. Смѣется, кланяется, какъ должно; и совсѣмъ не манерится, и хватъ сверхъ того собою. Актеры посредственные; актрисы, кромѣ одной посредственной, гадки, въ особенности одна, кот[орая] пѣла во второмъ дѣйствіи одну арію. Публика аплодировала только Королю. Изъ театра пошелъ я съ Нѣмцами ужинать; провели разговоръ¹⁾ въ разговорахъ о кредитивахъ и чистыхъ денегъ¹⁾, нужныхъ для путешествій. Такъ какъ Князь Долгорукой звалъ меня завтра обѣдать и совѣтывалъ съѣздить къ Барону Строганову, то я разсудилъ за благо заказать себѣ сдѣлать другіе штаны. — Завтра тоже день потерянъ, и все отъ денегъ. — Сегодня на все я смотрю другими глазами, кончивъ свое дѣло по деньгамъ. Но еще бы лучше было, еслибы совсѣмъ ничего и ни у кого не просилъ.

2 [часа] ночи. Кончилъ письма — все благополучно! Теперь ложусь спать съ гораздо спокойнѣйшимъ духомъ, нежели вчера. Пусть опять серенады, ка[къ] вчера и третьяго дня, меня разбудятъ; но я спокоенъ. Идя къ Князю давеча, не смотрѣлъ даже на свѣтъ!

$\frac{4}{17}$ [декабря]. 11 [час.] ночи. Былъ у банкира на биржѣ. Плохая биржа! Онъ представляетъ мнѣ тысячу трудностей для выданія 100 червонныхъ. Обѣщалъ дать отвѣтъ завтра. Сегодня цѣлое утро продолжалъ писать письма. Потомъ отдалъ половину на почту и пошелъ на Chiaja. Долго сидѣлъ я на берегу моря и смотрѣлъ, какъ волны крутились, боролись съ волнами и наконецъ превращались въ пѣну: все это дѣлалось такъ легко. Видъ величе-

1) Такъ въ рукописи.

ственный простоты Природы! Походилъ по алеямъ и въ 4 часа пошелъ обѣдать къ Князю. Сожительница его — не жена — довольно мила. Я бы желалъ, чтобы всѣ наши посланники послѣдовали примѣру здѣшняго, ибо обыкновенно къ женамъ ихъ нѣтъ приступа; а тѣ, которыя заступаютъ ихъ мѣсто, очень ласковы и разговорчивы. Баронъ Голландъ много имѣетъ Нѣмецкаго. — Оттуда пошелъ въ театръ S. Carlino смотрѣть Pulcinello¹⁾: изъ всѣхъ глупостей глупѣйшая глупость. Въ другой разъ не пойду. Потомъ ужиналъ съ Нѣмцами; пилъ довольно вина, кот[орое] было изрядно. — Поутру видѣлъ Короля въ Гишпанскомъ платьѣ, въ кабріолетѣ. Щеголяетъ и не заботится видно ни о чемъ. За то спасибо: наслаждается жизнью.

⁶/₁₉ или 20. Пятница. 6 [час.] вечера. Пришедши вчера въ 1 часъ ночи, я не писалъ въ книгѣ, забывши, что я наслаждался поутру едвали [не] самыми величественными видами, кот[орые] мнѣ встрѣчались въ чужихъ краяхъ. Прохлопотавши до 12 часовъ съ банкиромъ и получивши отъ него 1000 франковъ — 8 піастровъ, я пошелъ съ старымъ и вмѣстѣ очень плохимъ наемнымъ лакеемъ на гору St. Elme. Должно было всходить довольно высоко, но трудъ сей былъ болѣе, нежели вознагражденъ наслажденіемъ при видѣ на море, на Везувій и даже на Неаполь. Видъ сей въ особенности прекрасенъ съ балкона изъ монастыря. Я не могъ насмотрѣться на всѣ предметы, кот[орые] право ослѣпили глаза мои своими величественными прелестями. Душа невольно стремится въ слѣдъ за морскими волнами; глаза хотятъ видѣть предѣлъ моря; воображеніе наполняется мечтами благоговѣйными. Душа стремится въ слѣдъ за волнами и, видя одну только великолѣпную безконечность, остается какъ будто неудовлетворенною и продолжаетъ желать: не можетъ ли это служить доказательствомъ высшаго произхожденія души человѣка, которая всегда невольно хочетъ возвышаться и не можетъ быть довольна средствами, которыя ей представляютъ чувства? Нельзя ли заключить изъ этого о ея безсмертіи? Есть по крайней мѣрѣ предметы во вселенной, кот[орые] невольно вливаютъ въ сердце самага безбожника великую мысль о творцѣ своемъ и его. Кажется, никогда нельзя привыкнуть къ виду моря, такъ чтобы смотрѣть на оное хладнокровно. — Сойдя съ сего балкона, учтивый проводникъ повелъ меня въ монастырь, преобразованный теперь въ инвалидный домъ. Дворъ монастыря украшенъ богатымъ портикомъ, кот[ораго] колон[н]ы всѣ изъ мрамора. Въ церкви находится много славныхъ картинъ, изъ кот[орыхъ] въ особенности замѣтны: Спаньолеттовъ умирающій Христосъ (pietà della St. Deberia); надъ дверьми

1) Въ рукописи: Pulshinello.

картина, представляющая лѣстницу дома Пилата, когда вели на судъ его Христа, сдѣланная тремя славными художниками; пророки *alfresco* и проч. Въ сакристїи всѣ шкапы покрыты рѣзною работою, т. е. наклейкою на подобіе ломберныхъ столовъ, одного Нѣмца-монаха, жившаго за 300 лѣтъ.— Положеніе монастыря, столь плѣнительное, мало служило для монаховъ, ибо они не должны были выходить изъ своихъ келій.

Потомъ былъ я въ одной церкви, гдѣ видѣлъ смѣшную статую Богородицы, смѣшную по одеждѣ, ибо она наряжена въ фижмы, въ длинное платье и, кажется, въ чепчикъ. Набожные бормотали частію на Латинскомъ языкѣ молитвы. Гогардъ бы воспользовался случаемъ и замѣтилъ бы нѣкоторыя лица молившихся.— Оттуда пошелъ въ монастырь св. Клары. Тутъ учтивый Францисканъ показывалъ мнѣ двѣ колонны, кот[орыя], какъ говорятъ нѣкоторые, находились въ храмѣ Соломоновомъ. Но болѣе любопытенъ былъ для меня видъ черезъ рѣшетку, выходъ монахинь. Сїи несчастныя, всѣ изъ знатнѣйшихъ фамилій, не могутъ выходить изъ монастыря своего, ни даже изъ келій. Нѣкоторыхъ я видѣлъ и смотрѣлъ на нихъ съ какимъ-то чувствомъ жалости и любопытства. Церковь сїя украшена, или болѣе нежели украшена, позолотою.— Повечеру былъ въ театрѣ *S. Carlo*. Тамъ пѣла *M-me Charbrand* прїятно. Король былъ въ театрѣ. Послѣ ужиналъ съ Нѣмцами.

Сегодня, позавтракавши, поѣхалъ я въ коляскѣ за городъ. Проѣзжали черезъ *grotta Pausalippa*¹⁾, сїю ужасно величественную галерею, сдѣланную въ утесахъ. Она длинна и въ серединѣ освѣщается фонарями. Видъ сей привелъ меня въ восхищеніе. Нельзя не почитать древнихъ, видя таковыя памятники ихъ величія. Предметъ нашей прогулки была славная *grotta de Cane*. Я видѣлъ опытъ, сдѣланной надъ бѣдпой собакой: ее вытащилъ хозяинъ замертво изъ пещеры, подержавши ее нѣсколько секундъ носомъ къ землѣ. Она скоро отдохнула и радовалась возвращенію прежней жизни. Я самъ нѣсколько разъ прикладывалъ лице къ землѣ и чувствовалъ дѣйствіе испаренія, кот[орое] похоже, кажется, на винный запахъ и примѣтно ослабѣваетъ силы.— Тутъ же были мы въ комнатахъ, кот[орыя] легко могутъ служить вмѣсто Русскихъ бань. Жаръ въ оныхъ, въ особенности въ одной, очень великъ; я обжигалъ раза съ два или три руку, вкладывая оную въ дыру, гдѣ испареніе всего сильнѣе.— Въ мѣстахъ сихъ видны развалины древнихъ строеній. Походивши по берегу *laco Aniano*²⁾, мы поѣхали смотрѣть прогулку, называемую *bagnano*, на берегу моря.

1) Pausilippa.

2) Anagno.

Смотрѣли и гуляли. Возвратились, пили чай. Теперь пойду во Фр[анцузскій] театръ.

Множество пословицъ говорятъ о Неаполѣ. Иногда называютъ страну сію кускомъ земли, упавшимъ съ неба. Иногда гов[орятъ], что это земной рай, но NB — гдѣ живутъ черти. Я оправдываю и то и другое, но не имѣлъ еще самъ доказательствъ сего послѣдняго замѣчанія. Простой народъ здѣсь очень учивъ. —

Поэты! спѣшите въ Неаполь!

Живописцы! спѣшите въ Неаполь!

Чувствительныя сердца, мечтатели! спѣшите въ Неаполь!

Я никогда не былъ плѣненъ мѣстоположеніями въ такой степени, какъ здѣсь.

$\frac{8}{21}$ ¹⁾. Возвратился съ Везувія. Усталъ до невозможности. Ложусь въ постелью спать и мечтать, и отдыхать.

$\frac{9}{22}$ ⁽¹⁰⁾. *Понедѣльникъ. Полдень.* Въ субботу, въ 11-мъ часу пошелъ я съ двумя знакомыми Нѣмцами въ т[акъ] н[аз.] Studii. Мы успѣли осмотрѣть музеумъ древнихъ статуй. Какія ужасныя богатства Правительство здѣшнее собрало изъ Геркуланумъ и Фарнезкаго дворца. Статуй очень много, и между ними много такихъ, кот[орыя] поражаютъ и приводятъ въ недоумѣніе зрителя; напр[имѣръ], Аристидъ, статуя въ ростъ, съ мантиею; Флора, колос[с]альная статуя, кот[орой] платье сдѣлано чрезвычайно; Атласъ. Также удивительны статуи Венеры di Spesser, Амура съ дельфиномъ, Геркулеса Фарнезкаго, Фаона или лѣшаго, дающаго уроки въ музыкѣ сидящему подлѣ него мальчику. Учитель, плѣненный красотою ученика, хочеть, по всей вѣроятности (!), вознаградить труды свои непозволеннымъ поступкомъ. Ученикъ робѣеть и не знаетъ, что дѣлать. Это изображено очень искусно. Желаніе Сатира представлено очень ясно. Тутъ же находятся двѣ верховыя статуи отца и сына Гальбы, найденныя на площади Геркуланской. Сюда перенесутъ быка, ибо, какъ намъ сказывалъ проводникъ, морской воздухъ для статуй [вреденъ]; и показывалъ намъ примѣръ сего: Венеру точно такого росту и фигуры, какъ Медицейская, испорченную морскимъ воздухомъ. Тутъ находятся также многія бронзовыя статуи, множество древнихъ орудій, посуды и проч. Проводникъ показывалъ намъ одну трубу, кот[орая] служила для провозженія воды: въ оной и теперь еще есть

1) Надъ цифрами написано: «Поздній вечеръ».

вода, оставшаяся отъ древнихъ времяаъ. Нѣчто сему подобное показывали мнѣ и въ Тиволи. Но тамъ вода была въ стѣнахъ, въ чану, куда проводникъ бросалъ камень для доказательства; слѣд[овательно] туда можно и налить воды. Здѣсь это вѣроятнѣе. — Пообѣдавши въ одной Италіанской, то есть національной тракторіи, очень изрядно, повечеру поѣхали мы въ Резину. Лишь только мы туда пріѣхали и сказали, что хотимъ ѣхать на ослахъ на Везувій, то ослы вмѣстѣ съ проводниками были уже тутъ. Als ob sie aus der Erde wuchsen, сказалъ одинъ нашъ товарищъ. Мы сѣли на нашихъ ciuc[h]i. Намъ было 7. Проводники, подравшись нѣсколько между собою, пошли за нами. Факель освещалъ путь нашъ. Луна была для насъ болѣе пріятна, нежели полезна. Черезъ нѣсколько времени море представилось намъ со всѣми своими прелестями: оно было тихо, и луна освещала его. Видъ величественный. Нельзя было хладнокровно смотрѣть на это. Сердце мое билось. Берегъ, гдѣ лежитъ Неаполь, былъ освещенъ огнями, кот[орые] образовали линію. — Взбираясь по дорогѣ, покрытой лавою, и окруженные громадами, составленными симъ ужаснымъ веществомъ, дошли мы наконецъ до дому пустытника. Слѣзши съ лошадей, мы невольно всѣ подошли къ самому краю горы и вперили взоры наши на море. Тутъ оно представилось намъ еще въ большемъ величіи. Насилу могъ я рѣшиться войти въ домъ, гдѣ ожидала насъ яишница, лукъ и lacrima cristi. Мы ѣли, пили, пѣли и наконецъ заснули. Въ 5 часовъ отправились пѣшкомъ на Везувій. Съ полчаса дорога была хороша; потомъ началась другая, кот[орая] часто приводила мнѣ на память стихъ изъ путешествія Львова на Дудорову гору: «что шагъ впередъ, то два назадъ». Я держался за веревку, кот[орую] надѣлъ на себя нашъ сісегопе. Чѣмъ болѣе мы возвышались, тѣмъ хуже, тѣмъ опаснѣе становилась дорога. Иногда намъ надобно было итти по струямъ лавы, которые были такъ узки, что легко можно бы было поскользнуться и сдѣлать назадъ или въ сторону болѣе двухъ шаговъ. Но наконецъ мы были на верху. Сѣвши на лавѣ, произшедшей изъ послѣдняго изверженія, подъ которую былъ еще огонь, — мы подкрѣпили себя виномъ и яблоками и грѣлись у жерла, изъ котораго выходило пламя. Тутъ пекли ¹⁾ мы яблоки и ѣли ихъ. Когда лишь только начало разсвѣтать, пошли мы осматривать поверхность горы и различные кратеры; въ одинъ изъ сихъ, изъ кот[орого] выходилъ большой дымъ, мы входили: жерло сіе было покрыто сѣрою. Потомъ были на краю главнаго кратера: дымъ и туманъ препятствовали намъ видѣть внутренность его. Отсюда, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, надобно было спуститься въ низъ

1) Въ рукописи: пѣкли.

черезъ сѣрный дымъ. Я былъ съ проводникомъ впереди. Лишь только я почувствовалъ трудность дыханія въ семь дыму, то я чуть-чуть не задохнулся и хотѣлъ возвратиться назадъ. Проводникъ сказалъ, что дымъ тотчасъ кончится. Я пустился впередъ, но вскорѣ, видя большую трудность, закричалъ и опять хотѣлъ возвратиться. Но проводникъ повторилъ свои увѣренія, и я побѣждалъ съ нимъ въ низъ. Подъ конецъ я могъ свободнѣе дышать сими парами. Скоро это кончилось, и я началъ увѣрять другихъ товарищей, кот[орые] были въ томъ же положеніи, изъ каковаго я вышелъ, и кричали: Io non posso, non posso! Всѣ спустились. Прощедши по краю горы, мы начали наконецъ, окруженные туманомъ, сходить на низъ. По увѣренію одного Нѣмца, проводникъ нашъ самъ не зналъ этой дороги. Но мы все шли и наконецъ не были уже въ туманѣ. Тутъ надобно было спускаться по золѣ, кот[орая] во время изверженій выходитъ изъ Везувія и каковою покрыты Помпея и Геркуланумъ. Тутъ шаги наши были гигантскіе. Мы бѣжали, катились, ка[къ] на конькахъ, иногда и сидя. Камни стремились внизъ тысячами. Наконецъ по косогамамъ, по лавѣ, по камнямъ прошли мы 10 миль до одного городка, гдѣ обѣдали; и откуда поѣхали въ Помпею. Я и одинъ Нѣмецъ, Baron Carlovitz, взяли двухъ cuic[h]i¹⁾). Названіе сіе заставляло насъ часто смѣяться. Съ начала осмотрѣли загородный домъ, принадлежавшій, по словамъ проводника, одному винному купцу, ибо въ подземныхъ погребахъ и теперь еще видны большіе кувшины, служившіе для сего напитка. Оттуда пошли въ Помпею. Дорогою видѣли нѣсколько домовъ и наконецъ взошли на *via Arria* сего города. Не знаю, почему говорятъ, что у древнихъ тутъ не было окошекъ на улицу: это должно знать изъ другихъ источниковъ, ибо въ Помпеѣ развалины домовъ не позволяютъ судить объ этомъ. Очень удивило меня то, что дома очень малы. Мы входили во многіе: живопись *alfresco* въ нѣкоторыхъ сохранилась удивительно хорошо. Вообще щикатура и приготовленіе стѣнъ для сей живописи удивительно. Я на все смотрѣлъ съ неизяснимымъ удовольствіемъ. Никакія картины и ничто не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ сіи остатки отъ древнихъ. Потомъ видѣли два театра. Оттуда дошли пѣшкомъ черезъ *Torra dell' Anonzia*²⁾ до *Torre di Greca*³⁾. Здѣсь я и Б[аронъ] Carlovitz сѣли въ коляску и доѣхали до *Resina*: 1 миль. Усталость моя была такъ велика, что я не могъ рѣшиться, сдѣлавъ 20 или болѣе миль, дойти еще одну пѣшкомъ. Тутъ сѣли въ двѣ коляски, и я доѣхалъ до самаго трактира.

1) Въ рукописи: cuici.

2) Torre Annunziata.

3) Torre del Greco.

Въ Помпею непременно надобно еще разъ съѣздить. Ничто меня такъ не занимаетъ — и я не обмануть въ ожиданіи. Я нашель то, о чемъ думаль. Живопись превзошла даже все мое ожиданіе. Эти Нимфы, эти Сфинксы ¹⁾, гирлянды, въ особенности большая картина купающейся Діаны, все это никогда не выдетъ изъ моей памяти.

Теперь сижу дома и обѣдаю тоже здѣсь.

Полночь. Кончивши описаніе моего странствія, пошелъ я обѣдать. Потомъ пилъ кофе на верьху и разговариваль, пока пришли ко мнѣ Нѣмцы. Я пошелъ въ кофейную съ двумя и потомъ въ театръ. Играли: Отелло и La marchande de modes ou la parodie de la Vestale. Послѣднюю (оперу) играли довольно хорошо; я смѣялся. Многія аріи были тѣ же, каковыя я слыхаль въ Геттингенѣ отъ брата, Каверина и Росси. Это было для меня всего пріятнѣе. Воспоминанія пріятныя суть чувства едва ли не самыя щастливѣйшія, но всегда при оныхъ сердце наше не бываетъ довольнымъ и чего-то все желаетъ. Чего? Ахъ! Оно желаетъ прошедшаго! Настоящее не питаетъ его. — Первую (трагедію) едва ли не можно назвать пародією Отеллы; но актеры игрою своею возродили во мнѣ мысль сію. Я довольно наскучился. Не понимаю, зачѣмъ здѣсь дѣлають пародіи, не объявляя этого въ афишахъ!! — Пришедши домой, я засталъ еще хозяйку и нѣкоторыхъ жильцевъ. Уживаль, рассказываль и слушалъ анекдоты. Замѣтнѣй о женѣ, M-me Lefevre, кот[орая] сказала во дворцѣ: je suis fottue, а когда мужъ посмотрѣлъ на нее, то она отвѣчала: non, monsieur, je ne suis pas fottue.

Вторникъ. $\frac{11}{24}$. $\frac{3}{4}$ перв. ночи. Сегодня былъ опять въ Studii. Осматриваль картинную галерею. Мало хорошихъ. Есть изрядныя. — Въ Капеллѣ S. Severo видѣлъ славную статую съ сѣтью: удивительная работа, изъ одного куска. Помнится, что Фіорилло говорилъ о ней. Также и двѣ статуи, на кот[орыхъ] замѣчательны покрывала; одна — кротости, другая умершаго Христа. Обѣдалъ въ тракторіи; ѣлъ почти все рыбу. Послѣ обѣда ходилъ съ Нѣмцами гулять, въ кофейныя и проч.; и наконецъ ужинали дома. Столъ былъ полонъ, и гости веселы. M. Rigetti, актеръ, импровизироваль намъ всѣмъ и иногда меня удивляль. Такимъ образомъ и въ Неаполѣ провожу время пріятно и безъ церемоніи. Зубъ, кот[орый] поеть уже дня съ три, пересталь, по обыкновенію, ныть за ужиномъ. Вино утѣшило его и уговорило. Ыль дыню: и цвѣтъ и вкусъ водяной. Теперь проводилъ Нѣмцевъ и ложусь спать. — Страшная пальба по всѣмъ улицамъ — и у насъ на крышкѣ — изъ ружей, пистолетовъ, шутихъ и проч. Всѣ, говорятъ, веселятся здѣсь въ сей

1) Въ рукописи: свинксы.

вечерь. Бѣдные копятъ для сего деньги нѣсколько недѣль: иные все продають, чтобы повеселиться въ рождество.

Середа. $\frac{12}{25}$. 1 пополуночи. Всегда послѣ театра и послѣ ужина возвращаюсь домой поздно. — Сегодня былъ большой праздникъ, и это было здѣсь очень замѣтно. Въ 12 часовъ вышелъ я со двора. Мнѣ попадалось много народу, и всѣ были праздны, не такъ, какъ обыкновенно. Церкви безпрестанно наполнялись набожными, и безпрестанно набожные выходили изъ оныхъ. На площади у дворца и подлѣ у кофейныхъ стояли люди всякаго состоянія въ разговорахъ. Самыя кофейныя, а повечеру, какъ я видѣлъ, и карточные дома были полны. Чего же удивляться, когда и S. Carlo театръ былъ почти полонъ? Эта громада! Играли Пирра. Пѣлъ Давидъ. Онъ не Monbelli въ пѣньѣ своемъ, хотя и равенъ лѣтами. Былъ балетъ, кот[орый] я уже и прежде видѣлъ. — Мнѣ по праздникамъ всегда бывало грустиѣ обыкновеннаго. Это же замѣтилъ я и сегодня. Поутру мнѣ было грустно. Въ Россіи я бы развеселился, смотря на веселіе другихъ. Но веселіе здѣшнее не такъ сильно, чтобы могло веселить постороннихъ людей. — Въ особенности на улицѣ Толедо праздникъ былъ замѣтенъ. Тамъ всегда тѣма народа; но сегодня было много замѣтно только гуляющихъ. — Мнѣ сегодня захотѣлось опять очень домой. Здѣсь останусь не долго. — На дорогѣ отсюда въ Римъ ограбили еще на сихъ дняхъ одного курьера и убили двухъ жапдармовъ. Вотъ еще другое убѣжденіе не ѣздить съ курьерами. Итакъ я пушусь съ ветуриномъ. Не опоздаю ли въ Венецію? — Здѣсь встаю я обыкновенно очень поздно. Все думаю о Петерб[ургскомъ] вставаньи и о Петерб[ургской] ѣдѣ. Какого-то тамъ вино будетъ? А здѣсь я къ нему привыкъ совершенно.

$\frac{13}{26}$. Четв. 2 пополудни. Вставши сегодня, пошелъ къ Нѣмцамъ; съ нимъ пилъ кофе и ѣлъ хлѣбъ, похожій на наши куличи. Потомъ, запасшись сигарами, пошли мы смотрѣть гробницу Virgilіеву. Я при семъ случаѣ вспомнилъ о Сергѣѣ, яко объ антикварѣ. По порѣ дошли мы до виноградника, гдѣ видна пещера, въ кот[орой] стояла, какъ думаютъ нѣкоторые, гробница великаго поэта. Стѣны измараны именами любопытныхъ. Коцебу написалъ въ Штамбулѣ у Ермита: wer schreibt viel, der hat wenig Gefühl. Это едва ли не справедливо. Проводница и сісегоне, кот[ораго] мы поймали на дорогѣ, суетились, желая намъ услужить. — На верху сей пещеры растеть лавровое дерево. Сісегоне увѣрялъ, что это славный Virgilіевъ лавръ. Меуер нашель тутъ какой-то корень. Все хорошо! — Видъ оттуда на Неаполь прекрасный. — Сопедши на низъ, пошли мы вдоль по берегу. Сѣли на набережной, сдѣланной изъ лавы, и разсуждали. Потомъ въ лодкѣ

доѣхали до прогулки на Chiaja. Я пробовалъ морскую воду: очень солоня. Забавно было приближаться къ берегу: волны толкали и поднимали нашу лодку. Я этого еще никогда не испытывалъ. На Chiaja было много гуляющихъ. Погода — ахъ, погода! даже жарко. Благодарю судьбу, что я здѣсь не лѣтомъ.

10 ночи. Послѣ обѣда гулялъ по набережной. Прекрасная прогулка! «Хожу я по улицѣ, да не нахожуся. — Гляжу я» — на кого? Ахъ! милаго здѣсь для меня нѣтъ! — *На синемъ море*, да не наглажуся! — При всемъ развлеченіи я не перестаю думать о возвратномъ пути. И изъ Неаполя хочется выѣхать, но не потому, чтобы мнѣ было скучно. День скуки вознаграждается хорошою аріею въ театрѣ, каковую я сегодня слышалъ отъ Пеллегрини. Искусство, голосъ, нѣжность: все соединяется, чтобы сдѣлать пѣнье его восхитительнымъ. Я слушалъ со вниманіемъ и чувствовалъ. М-me Charbrand пѣла хорошо. Жесты ея, ея голосъ, она сама имѣютъ что-то такое, кот[орое] привлекаетъ невольно, подаетъ хорошее мнѣніе о ея характерѣ, знакомитъ сердце, и, посмотрѣвъ на нее, нельзя не пожелать ей добра, и пожелать отъ чистаго сердца. — Буфонъ буфонилъ въ своемъ родѣ очень хорошо и смѣшилъ Италіянцевъ. Быть въ театрѣ Фіорентини тѣмъ болѣе пріятнѣе, что, какъ я слышалъ, все актеры между собою пріятели; и слѣд. за кулисами нѣтъ вражды; но зато иногда такія лица оттуда выглядываютъ — такія лица! Эти зажигальщики плошекъ; эти подниматели занавѣса, передвигатели кулисъ, — все это такъ иногда противоположно лицамъ на сценѣ, что желаніе ихъ не видать невольно рождается въ воображеніи зрителя. — Передъ театромъ, съ общаго согласія, по моему предложенію, зашли мы въ ресторацію *Солнца* и выпили бутылку мускатнаго и вмѣстѣ очень пріятнаго вина. — Партеръ былъ полонъ. Я имѣлъ мѣсто въ углу; могъ стоять и отъ того лучше слышать арію. — Изъ театра прямо возвратился домой; не ужиналъ и отъ того пишу здѣсь такъ рано. — Вечеръ былъ тихій. — Тоску по отчизнѣ чувствую я теперь сильнѣе обыкновеннаго. Но не знаю; имѣю какое-то предчувствіе непріятностей въ дорогѣ. — Геморойды меня никогда такъ не беспокоили, какъ въ Неаполѣ: въ Римѣ эта нечестивая боль началась, можетъ быть, отъ Италіянскаго вина, кот[орое] я теперь пью менѣе прежняго. Зубъ нѣсколько ноетъ. Хозяйка, М-me Gasse, предложила мнѣ лѣкарство: тереть поутру зубы солью съ перцемъ и потомъ полоскать ротъ теплою водою, увѣряя что это лѣкарство дѣйствительно противъ всѣхъ родовъ зубной боли. Я дѣлалъ это вчера и нынче: вчера какъ будто боль утихла; но нынче опять оную чувствую, хотя и въ очень малой степени: оная меня еще не беспокоила очень.

$\frac{14}{27}$. *Пятница*. $\frac{1}{2}$ 2 *полудни*. Сегодня ходилъ съ двумя Нѣмцами въ Катакомбы, подъ церквою св. Януарія in roveri. Никогда, кромѣ развѣ Везувія, и я не радовался чистому воздуху, какъ вышедши изъ сего обитающаго лица смерти и заразительнаго воздуха. Проводникъ показывалъ намъ скелеты въ стѣнахъ; но нѣкоторые изъ оныхъ возбудили въ насъ невѣріе своею величиною. Комната, гдѣ погребались монахи, всего любопытнѣе и всѣхъ вонючѣе. Монаховъ не клали въ гробы и не зарывали въ землю, но сажали въ ниши. Я видѣлъ еще скелетъ одного изъ нихъ, умершаго всѣхъ послѣ, и спѣшилъ вонъ. Вышедши на чистый воздухъ, я боялся еще дышать, воображая вокругъ себя заразный пещерный воздухъ; и дорогою одно воспоминаніе объ ономъ причиняло омерзѣніе. — Искавъ сихъ пещеръ, мы попали въ другую церковь св. Яннуарія. Тутъ служилъ обѣдню одинъ каноникъ удивительной *доброты*, т. е. en bon point. Онъ былъ въ арх[і]ерейской шапкѣ, и мнѣ сказали, что это особенная привиллегія. — Улица Толедо безпрестанно полна народомъ: ѣдущимъ, скачущимъ, идущимъ и ползущимъ въ истинномъ смыслѣ слова. Вчера, когда я легъ спать, странныя мысли возмущали мое воображеніе: я представлялъ себѣ величайшее несчастіе, могущее мнѣ случиться; не могъ успокоиться, сердце билось, и я какъ-будто что-то предчувствовалъ. Но надѣюсь, что все предчувствіе и все воображаемое мною не случится. Теперь я спокоенъ. Вчера положеніе мое было едва ли не ужасно. Я не могъ ни читать со вниманіемъ, ни думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ происшествій, о кот[орыхъ] одна мысль раздражаетъ мое сердце и приводитъ на умъ мысль разстаться съ жизнію.

Пятница. *Полночь*. Сегодня я также былъ въ театрѣ; но аріи всѣмъ не такъ были занимательны, какъ вчера. Сегодня присылалъ за мною Князь. Я былъ у него и получилъ письмо отъ Матушки и отъ брата Ал[ександра] Ив[ановича]. Къ Князю онъ тоже писалъ о мнѣ и какъ будто предвидѣлъ, что я буду у него просить денегъ. Кромѣ удовольствія обыкновеннаго, я радовался еще тому, сколько братъ о мнѣ думаетъ. Это утѣшеніе, и величайшее утѣшеніе въ жизни. Матушка недовольна моимъ путешествіемъ. Но мнѣ стало бы дороже жить теперь въ П[етер]б[ургѣ], нежели путешествовать. Впрочемъ я не получилъ письма ея отъ Октября.

Теперь ужиналъ дома. До ужина были разговоры о дѣяніяхъ любовниковъ, у кот[орыхъ] любовь была сильнѣе разсудка. Всякой рассказывалъ свое. Я говорилъ за столомъ много, провелъ время пріятно.

$\frac{14}{28}$. $\frac{3}{4}$ 12 *ночи*. Сегодня былъ въ Портичи и въ Геркуланомъ. Въ музей Портичи видѣлъ множество картинъ или остатковъ отъ картинъ древ-

нихъ *alfresco*. Забѣтилъ въ особенности Амура, ѣдущаго на козлѣ, на птицахъ и т. п. Важнѣйшія картины: Ахиллъ, кот[орый] учится играть на флейтахъ; Флора, гдѣ фигуры Юпитера и сына его прекрасны, и проч. Въ Геркуланумѣ видны только части амфитеатра: все покрыто лавою. Повечеру былъ въ театрѣ *Fenice*. Играли: Обычаи *della Germania* — *buffa* въ прозѣ. Вздоръ, какъ и ожидать было надобно. — Ужиналъ дома; болтали. Теперь идетъ дожжикъ. Поутру и ночью шелъ тоже. — Я собираюсь отсюда. Остается Бая¹⁾ и Поцуоли. Франц[узскіе] актеры, говорятъ, много стоятъ двору; врядъ ли есть болѣе безполезныя издержки.

Воскр[есенье]. Дожджикъ все еще идетъ и опять идетъ.

¹⁵/₂₉. *Воскр[есенье]*. *Полночь*. Утро занимался писаніемъ писемъ; но надобно замѣтить, что я всталъ съ постели въ 11 часовъ. Лежать долго поутру сдѣлалось теперь для меня удовольствіемъ, и сіе единственно потому, что или некуда итти или нечего дѣлать, или дурна погода. Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда былъ на Chiaja, въ пристанѣ при лунномъ сіяніи и потомъ во Фр[анцузскомъ] театрѣ. Играли Синну²⁾. Игравшая любовницу его имѣетъ очень подлую фигуру. Я замѣтилъ, что лучше бытъ очень нехорошею собою, какъ, напр[имѣръ], *Mlle Duchenois*, нежели имѣть что-нибудь подлаго въ фигурѣ. Первое по крайней мѣрѣ не презрительно. Синна игралъ такъ, какъ и всѣ, — плохо. Но всѣхъ смѣшнѣе была напудренная и курносая голова Августа. Это превосходитъ всю критику. Надобно, надобно было смѣяться. Максимъ былъ настоящій Максимъ. Однажды, пришедши въ восторгъ, запутался въ своей мантии или догѣ и чуть-чуть было не упалъ.

¹⁶/₃₀ [декабря]. *1/2 7 вечера*. Сегодня въ 9 часовъ нанялъ я кабріолетку за 11 (заплатилъ 12 карл.) въ Поцуоли. Съ начала путешествіе обѣщало мнѣ мало удовольствія. Погода была холодная; вѣтеръ сильный; море волновалось, и волны, разсѣкаясь о берега, препятствовали работникамъ на большой дорогѣ дѣлать свое дѣло. Дожджикъ и градъ шли попеременно. — Приѣхавши въ Поцуоли (какъ мнѣ сказывали, тамъ 13000 жителей), я взялъ представившагося мнѣ *ciccone* и пошелъ съ нимъ съ начала смотрѣть *la Solfatara*. Прежде тутъ было жерло огнедышущей горы. Теперь все покрыто сѣрою. Въ одномъ мѣстѣ идетъ дымъ. Внутри, какъ говорятъ, пусто; но при Королѣ Фердинандѣ тутъ много рыли, не нашли пустаго и оставились по причинѣ дыму. Потомъ видѣли развалины амфитеатра и храма Серапизы. Сіи послѣднія даютъ понятіе о важности и красотѣ сего храма. —

1) Байи.

2) «Цинну».

Сѣвши на *ciuso*, пустился я съ начала къ озеру d'Acirino, подлѣ Monte Nuovo. Въ 1538 ночью родилась гора сія и рожденіемъ своимъ погребла монастырь, находящійся тутъ. Недалеко видны развалины храма Аполлонова. Оттуда, прошедши *Iaso d' Averno*, взошли мы въ *grotta della Sibilla*. Оная походитъ на Павзолиппину; имѣла прежде три Ит[альянскія] мили въ длину; теперь видна только одна часть ея. Черезъ сію проходила Куманская Сибилла въ свои бани, находящіяся подлѣ. Бани сіи теперь наполнены водою; меня вносилъ на себѣ туда проводникъ. При всей трудности моего положенія я не остался равнодушнымъ при мысли о Сибиллѣ Куманской, о ея баняхъ: я видѣлъ тѣ мѣста, гдѣ она купалась. Все это производитъ неизъяснимыя чувствованія. — Вышедши съ другой стороны пещеры, мы пошли по берегу моря въ бани Нероновы. Тутъ-то я былъ въ радости, видя на стѣнахъ множество Русскихъ имянъ. Одинъ написалъ: «Въ здѣшнихъ прекраснѣйшихъ, теплыхъ водахъ удивительно». Разберите каждое слово — и почувствуете простую силу сей рѣчи. Проводникъ мой раздѣлся; но это, кажется, для того, чтобы болѣе выманить денегъ у любопытнаго, ибо я безъ труда въ шинели сходилъ до самаго источника. Тамъ почерпнулъ проводникъ въ горшекъ воды, положивъ туда яиць, кот[орыя] я съѣлъ послѣ, и онѣ мнѣ показались другаго вкуса потому, что я мало положилъ соли. — Къ сему источнику сходилъ и всходилъ я на верхъ съ факелами. Тутъ шелъ я по слѣдамъ моихъ соотечественниковъ, въ истинномъ смыслѣ слова сего. Тутъ наши паривались, и для большей удобности надѣлали ступеньки. Съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на мѣста сіи, кот[орыя] свержъхъ всего напоминали мнѣ Русскихъ. Оттуда пошелъ въ Баю. Дорогою два развалившіеся храма Венеры и Діаны. Бая древняя была далѣе, чѣмъ теперешняя, и развалины ея возвышаются теперь изъ моря.

Въ *Баолъ* видѣлъ древнее водохранилище, *le certo camere* и *le carcere di Nerone*. Тутъ же вступалъ я и на ту землю, которой одно имя возбуждаетъ въ насъ какое-то чувство благоговѣнія, соединенное съ очарованіемъ. Я былъ въ Элисейскихъ поляхъ. Черезъ *mare morto*, кот[орое] теперь составляетъ озеро, перевозилъ Харонъ души умершихъ. Никогда мысль, *что тутъ было*, не возбуждала во мнѣ столь живыхъ мечтаній. Теперь видны еще стѣны, окружавшія поля сіи. Туда стремилось пылкое воображеніе Римлянъ, туда обращались поэты — тамъ несчастные надѣялись имѣть утѣшеніе.

Возвращаясь назадъ, я нечаянно увидѣлъ пламень, извергаемый Везувіемъ. Новыя, непонятныя чувства, новыя мечтанія!

Какой богатый день въ наслажденіи!

Идя по берегу моря, я набралъ нѣсколько раковинъ: пусть онѣ на сѣверѣ напомнятъ мнѣ живѣе проведенныя мною минуты на берегѣ Средиземнаго моря — минуты блаженныя!

¹⁷/₃₁ *Декабря. 1/2 2 утра.* Весь Неаполь въ волненіи. Всѣ ѣздить, ходить, дѣлаютъ визиты, закупаютъ гостинцы — все встрѣчаетъ новый годъ въ нѣкоторой радости. Но я не причастенъ ни къ чему. Причина? — Нашъ новый годъ еще не пришелъ!! Сегодня я почти уже рѣшился ѣхать отсюда въ пятницу, и съ ветуриномъ, ибо это вдвое дешевле курьера. Это объявилъ я и Князю. Онъ сказалъ, что дастъ мнѣ, для покойнѣйшаго путешествія, курьерской паспортъ. Да, конечно, это было бы покойнѣе, еслибы съ кур[ь-ерскимъ] паспортомъ были соединены курьерскія деньги. Итакъ съ курьерскимъ паспортомъ я поѣду съ ветуриномъ. Надобно будетъ подалѣе паспортъ сей спрятать. — Сегодня я много ходилъ по улицамъ; хотѣлъ купить носовой платокъ — нужный гостинецъ моему гардеробу, но все просятъ 10 карл. Одинъ отдавалъ за 8, и я вѣроятно къ нему возвращусь. Живу здѣсь уже третью недѣлю — пора! пора! — Римъ, Флоренція, Венеція, Вѣна п... п... и Москва! Москва! Я прежде воображалъ себѣ, что я съ бѣльшимъ восхищеніемъ предприиму сіе возвратное путешествіе, нежели въ самомъ дѣлѣ; но это происходитъ отъ того, что мнѣ здѣсь совсѣмъ не скучно. Напротивъ хотѣлъ бы пробыть здѣсь еще долѣе: первый городъ въ моемъ путеш[ествіи], изъ котораго я выѣзжаю противъ моего желанія.

^{1/4} 2 *ночи.* (1 Января 1812 по н[овому] ст[илію]). Кончивши писать здѣсь, я легъ на постелю съ книгою и трубкою; но скоро заснулъ и проснулся прямо къ обѣду. Послѣ обѣда ходилъ за своею палкою, вырѣзанною у амфитеатра въ Помпеи. Потомъ былъ въ café Veronese. Куча Нѣмцевъ пріѣхала сюда изъ Рима; но они имѣютъ только лишь невыгодное Нѣмцевъ. Всѣ были въ театрѣ Fiorentini: играли Итал[ьянскую] оперу і pretendenti delusi. Шарбранъ была очень мила. Casocelli смѣшилъ въ различныхъ костюмахъ. Во второмъ дѣйствиі публика требовала, чтобы сіи двое повторили арию; они не исполнили сего требованія. Свистанье, шиканье, кричанье, стучанье были слѣдствіемъ ихъ ослушанія и долго препятствовали какъ имъ, такъ и другимъ актерамъ продолжать свое дѣло. Но мало-по-малу¹⁾, въ особенности когда взошли въ партеръ солдаты, шумъ утихъ; и публика спокойно слушала другую актрису, кот[орая] играла на скрыпкѣ: она играла чисто, пріятно и съ искусствомъ. Я слушалъ ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Новость видимаго мною, мысль,

1) Въ рукописи: по-мало.

что женщина играет на скрипкѣ, ея простота въ ухваткахъ и въ тѣлодвиженіяхъ — все это придавало игрѣ новую цѣну, новыя прелести. Шарбранъ тутъ же пѣла; но пѣнье съ скрипкою неидетъ. — По окончаніи оперы нѣкоторые кричали *bis*, и тѣмъ осмѣявали публику, на которую актеры не много смотрятъ. Послѣ сего ослушанія и Casocelli не смѣшили и Шарбранъ не нравилась, — даже и я съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Послѣ театра мы ужинали въ Солнцѣ. Было 7 Нѣмцевъ. Баронъ Карловицъ малой доброй и часто меня смѣшить; мнѣ съ нимъ быть пріятно. Фигура Нѣмецкая, и Нѣмецъ въ формѣ.

Завтра надобно итти въ 8 часовъ къ Князю. Онъ присылалъ для этого сегодня челоуѣка; не знаю, зачѣмъ. Вѣроятно о паспортѣ. Какъ сказывали сегодня пріѣхавшіе Нѣмцы, что въ Римѣ разбойники преслѣдовали одного Фр[анцузскаго] чиновника до Ponte Molle, или даже и до Porta di Popolo. Удивительно!

Вспомнилъ одну арію изъ Пародіи Весталки 1).

Trempe ton pain, jolie, 2, dans l'eau claire.
Si toute fille qui peche
Devrait boire de l'eau fraiche
Bientôt l'eau serait plus chere que le vin.

18 Декабря. $\frac{3}{4}$ 2 *пополудни.* Сегодня разбудилъ меня ветуринъ и сказалъ, что Безувій сдѣлалъ страшное изверженіе нынѣшнею ночью. Я послѣ видѣлъ дымъ, происходившій вѣроятно отъ лавы. — Одѣвшись, пошелъ къ Князю. Онъ вручилъ мнѣ паспортъ курьерскій и велѣлъ всѣмъ сказывать, что онъ посылаетъ меня курьеромъ. А я ѣду съ ветуриномъ. Я хотѣлъ было итти, но мало-по-малу составился у насъ разговоръ о различныхъ предметахъ управленія государственнаго. Онъ началъ говорить сперва, что бостонъ отнимаетъ у нашихъ Министровъ много времени. Потомъ раздѣлялъ силу государства на *force militaire, résuniaire* и *fédérative*, и заключилъ, что мы ничего этого не имѣемъ. Заключилъ разговоры свои мнѣніемъ, что надобно запретить ввозъ товаровъ, служащихъ для роскоши. Я все говорилъ мало; но тутъ распространился, тѣмъ болѣе, когда рѣчь зашла о торговомъ балансѣ. Этимъ кончилъ я разговоръ, продолжавшійся долго. Князю надобно было ѣхать во дворецъ. Я пошелъ на площадь, смотрѣлъ на пріѣзжающія во дворецъ кареты и на гвардію: кавалерія славно одѣта.

1) Въ рукописи: Весталы.

$\frac{19 \text{ Д[екабря].}}{2 \text{ Янв[аря].}}$ $\frac{1}{4}$ 3 *позднѣе*. Что я вчера видѣлъ; что я видѣлъ, то тому еще и теперь почти не вѣрю: я видѣлъ изверженіе Везувія. На половинѣ горы открылось новое жерло, и оттуда въ сумерки началъ выходить огонь. Я часовъ въ пять увидѣлъ нечаянно съ терассы нашего дома изверженіе въ самомъ блистательнѣйшемъ состояніи. Огонь вылеталъ¹⁾ всегда съ новою силою изъ двухъ жерлъ. Камни стремились на верхъ подобно каплямъ водомета, падали на гору и катились на низъ. Все это горѣло, все свѣтлѣлось. Лава текла на низъ и образовала огненный путь, виденный нами. Вышедши изъ дому, я пошелъ къ морю любоваться симъ единственнымъ и самымъ величественнымъ зрѣлищемъ природы. Любопытныхъ было не очень много. Посмотрѣвши до 8-го часу, когда изверженіе почти совсѣмъ утихло, я пошелъ въ театръ. Славнѣйшее освященіе театра 750-ю свѣчьми (150 × 5) не сдѣлало на меня никакого вліянія: Везувій былъ у меня въ головѣ, Везувій занималъ всѣ мои мысли. По окончаніи оперы и не дождавшись балета, пошли мы ужинать, а потомъ поѣхали въ Портичи; но доѣхали до Torre di Greco; потомъ пошли пѣшкомъ къ кучамъ еще горячей пѣны лавы. Путь былъ труденъ — по лавѣ. Но зато видъ горящихъ, сыплющихся камней, что было подобно текущей водѣ, вознаградилъ все и привелъ насъ въ новое восхищеніе. Мы сидѣли, лежали, ходили и грѣлись около сей огненной горы. Часто большіе камни падали съ шумомъ на низъ и оставляли по себѣ огненный путь; имъ слѣдовали другіе, и такимъ образомъ все это подвигалось впередъ. Лава *работала* въ низу, отъ чего камни и пѣна, уже почернѣвшая отъ лавы, безпрестанно сыпалась и подвигалась впередъ. Несчастные поселяне рубили еще не поглощенные симъ ужаснымъ веществомъ, но изсохшіе виноградники. Я и Б[аронъ] Карловицъ вырѣзали себѣ и здѣсь по палкѣ. Долго наслаждались мы симъ теплымъ зрѣлищемъ. Наконецъ зола полетѣла на насъ, и мы удалились. Увидѣвши человѣка, стоявшаго съ дубиною, Карловицъ сказалъ, что это Lavawächter стоитъ у лавы на часахъ. Salvatori, нашъ²⁾ cicerone и Vesuvinspector, повелъ насъ по хорошей дорогѣ. Мы сѣли въ коляску и возвратились. Одинъ изъ Нѣмцевъ сказывалъ, что Коцебу предлагалъ, для безопасности отъ лавы Неаполя, обнести сей городъ стѣною. Не ручаюсь за справедливость словъ сихъ. Другой Нѣмецъ отвѣчалъ: Man sollte besser d. Loch zu mauern!! Мы много этому смѣялись. Въ 5 часу легъ уже я въ постелю. Дорогою мы много зябли: вѣтеръ былъ очень холодной.

1) Въ рукописи: вылеталъ.

2) Въ рукописи: насъ.

Итакъ для новаго года Везувій далъ жителямъ Неаполя прекраснѣйшій фейерверкъ. Хотѣли, какъ гов[орить] Карл[овиць], дать фейерверкъ и на Chiaja, aber die Leute wurden sich getheilt haben.

Этотъ вечеръ 1-го Января 1812 п[о] н[ов.] ст[иллю] останется на вѣки для меня незабвеннымъ.—Отъ сего мнѣ еще менѣе теперь хочется выѣхать изъ Неаполя. Ожидаютъ другаго изверженія, ибо оное пресѣклось вдругъ, послѣ двухъ ужаснѣйшихъ ударовъ внутри горы.

11 [часовъ] ночи. Обѣдалъ у Князя. Вчера между имъ и Фр[анцузскимъ] посланникомъ случилась очень непрятная исторія. Весь городъ говорить объ этомъ, и всѣ рассказываютъ происшествіе различнымъ образомъ. Я сидѣлъ тамъ долго послѣ обѣда, дожидаясь бумагъ отъ Князя; но наконецъ онъ сказалъ, чтобы я пришелъ завтра.—Потомъ зашелъ я въ театръ Fidel. Подобной глупости я еще никогда не видывалъ. Играли Коломбо, кот[орый] пріѣхалъ въ Мексику и воюетъ и мирится тамъ съ Монтезумою. Онъ привезъ съ собою паяса ¹⁾, всего въ мукѣ, кот[орый] служилъ ему адъютантомъ и секретаремъ. Паясъ ¹⁾ щупалъ у дочери Монтезумы титки, билъ ее по ж. . . , толкалъ шпагою въ мѣсто, кот[орое] всего болѣе отличаетъ мужчинъ отъ женщинъ. Солдаты, сидѣвшіе въ лежахъ и партерѣ, бросали въ нихъ свертками бумаги. Мнѣ это было глупо до смѣха.

Римъ. 23 Дек. 811. Понед[ѣльникъ]. 3/4 10 вечера.

Князь ускорилъ мой отъѣздъ изъ Неаполя и, заставивши меня торопиться, причинилъ ущербъ и кошельку моему. Я отправился съ курьеромъ, заплативъ болѣе таксы. Австрійскій посланникъ отыскалъ меня въ минуту моего отъѣзда и далъ пакетъ для Меттерниха. Хлопоты, торопливость не дали мнѣ времени или не позволили мнѣ во всей мѣрѣ чувствовать разлуку съ городомъ, aus welcher ich doch so ungeru weggegangen bin. Дорога была безпокойная; въ особенности въ послѣднюю ночь я вытерпѣлъ много толчковъ. Въ эту же ночь нагналъ меня и Баронъ Голландъ, ѣдущій въ Парижъ. Я у него пилъ водку и ѣлъ колбасу. Это было очень кстати. Къ Риму подѣвжалъ я вчера въ 9 часовъ утра. Погода была хороша. Я смотрѣлъ на все съ жадностію. Забѣгалъ въ S. Giovanni in Laterano. Но Римъ показался мнѣ очень скучнымъ. Изъ Неаполя вдругъ очутился я здѣсь. Идя по улицѣ, я искалъ глазами моря; Везувія — и встрѣчалъ церкви. Но сегодня былъ для меня день наслажденія. Позавтракавши на monte Citorio, поѣхалъ я съ Март[осомъ] въ Ватиканъ и, походивши по церквѣ, всходили на куполь до самаго верха. Съ карнизовъ церковь кажется очень небольшою. Видъ на

1) Въ рукописи: пояса.

городъ и на окрестности пространный. Все колосальное, все гигантское! Сошедши на низъ, мы услышали музыку и вошли въ придѣлъ, гдѣ она производилась. Сегодня Крещенье. Это была вечерня. Кастраты пѣли много и долго. Я слушалъ все это съ чувствомъ какого-то печальнаго наслажденія. Въ послѣдній разъ, думалъ, слышу я это пѣніе и въ послѣдній разъ вижу церковь эту. Погруженный въ сихъ мысляхъ и съ безпокойнымъ или стѣсненнымъ сердцемъ, вышелъ я изъ церкви. Видъ площади, колонады усилилъ сіи меланхолическія чувствованія. Я остановился и смотрѣлъ на эти чудеса архитектуры. Мнѣ казалось, что я только лишь въ сію минуту почувствовалъ всю важность этого зданія, всю его огромность. Взглянувъ еще разъ — ахъ, эта минута пребудетъ для меня незабвенною на вѣки! — взглянувъ еще разъ на Петровскую церковь, я пошелъ къ мосту св. Ангела, съ мыслями о ея великолѣпіи и съ чувствомъ неизъяснимымъ меланхоліи и сожалѣнія.

Вчера я былъ въ большемъ здѣшнемъ театрѣ; слышалъ М-ше Marandі. Давно пѣніе женщины не дѣлало на меня такого впечатлѣнія, какъ [къ] въ этотъ вечеръ. Она поетъ хорошо; но ея лице, выраженіе, чувство дѣлаетъ ея пѣніе для меня врядъ ли не пріятнѣе пѣнія Фесты и Барильи, въ кот[орыхъ] нравится одно только искусство. Marandі, однимъ словомъ, плѣнила меня своимъ пѣніемъ, и еще болѣе выраженіемъ въ лицѣ и глазахъ. Я хотѣлъ и сегодня ее слышать, но театръ былъ запертъ.

Римъ, я еще повторяю, заслуживаетъ всѣхъ болѣе названіе большой деревни. Надобно пожить въ Римѣ прежде Неаполя, ибо теперь бы мнѣ было здѣсь скучно. —

Такъ какъ я приближаюсь домой, къ Россіи, то и желаніе быть тамъ умножается. Сегодня купилъ бусъ. Никогда не платилъ я денегъ съ болѣшимъ удовольствіемъ, какъ за сію покупку. Причина — естественная.

Отъ Фондо до Терачины¹⁾ провожали насъ 3 жандарма и 9 человекъ пѣхоты. Дорога все еще опасна, и разбойниковъ не ловятъ.

Правда, что Петр[овская] церковь не дѣлаетъ великаго впечатлѣнія при входѣ въ нее. Пантеонъ имѣетъ въ семъ отношеніи большее преимущество. Тутъ все открыто и все дѣйствуетъ на глаза въ самую минуту вступленія. Въ Петр[овской] церквѣ надобно осмотрѣть всѣ углы. Къ тому же пестрота²⁾ лишаетъ храмъ сей того простаго величества, кот[орое] всего болѣе прилично зданіямъ, посвященнымъ Творцу міра.

1) Fondi и Terracina.

2) Въ рукописи: пѣстрота.

Завтра ѣду.

La Galleria de' Medici. Il Cabinetto di storia naturale. Il ponte S. Trinità. S. Lorenzo, dove è la Capella dei Medici. S. Marco (piccolo) del' Annunciata, dove è la Madonna del Sacco, d' Andrea del Sarto.

Флоренція.

27 [декаб.] Пятница. 7 вечера.
10 [января]

Вчера въ 2 часа пополудни приѣхаль я въ Флоренцію. Съ начала мочилъ меня дожджикъ. Дорога въ теперешнее время дурна. Но вообще я не усталъ; мало ѣлъ, но за то много спалъ. Видъ снѣга былъ для меня приятенъ: онъ напоминалъ мнѣ Отечество, и я тѣмъ болѣе радовался, что я къ нему теперь приближаюсь, и скорыми, курьерскими шагами. Отъ того чувство сіе не имѣло ничего меланхолическаго. Естьлибы я увидѣлъ снѣгъ теперь и удалялся бы отъ Россіи, то тогда грусть, но грусть пріятная, питательная родилась бы въ душѣ моей.

Мѣстоположенія были иногда очень хороши; въ особенности около St. Lorenzo, гдѣ видны развалины древняго города. Но вездѣ страшная необработанность, похожая болѣе на запустѣлость. Въ Тосканѣ видъ полей становится конечно лучше. — Передъ отъѣздомъ изъ Рима завтракали со мною земляки. Пріятно было видѣть, что и изъ Рима провожали меня Русскіе. Конечно вмѣстѣ было жалко прощаться съ ними, въ особенности съ Матвѣевымъ, котораго вѣроятно болѣе никогда не увижу. Такого удовольствія не могутъ имѣть Нѣмцы и Французы, ибо кромѣ того, что они вездѣ находятъ соотечественниковъ, отечественныя чувства для нихъ не такъ извѣстны, какъ для Русскихъ. — Пообѣдавши, былъ вчера въ нѣсколькихъ кофейныхъ. Въ одной множество народу окружало два билларда, хотя игроки были очень посредственны. Пошелъ въ театръ; играли in prosa. Въ партерѣ было нѣсколько дамъ въ маскахъ. Геморойды заставили меня выгнати изъ театра и лечь въ постелю. Но ночью проклятая боль мѣшала мнѣ спать. Теперь одинъ докторъ, живущій здѣсь, прописалъ мнѣ рецептъ для сей болѣзни.

Сегодня поутру былъ въ т. н. Медицейской галлерей. Въ двухъ главныхъ залахъ нѣтъ почти ни одной хорошей картины; но за то боковыя комнаты богаты оными. Много прекрасныхъ картинъ Фламандской школы. Двѣ Венеры Тиціана и 5 картинъ Рафаеля, изъ кот[орыхъ] одна — третья женщины — въ особенности замѣчательна. Очень важно въ здѣшней

галереѣ собраніе портретовъ живописцевъ, писанныхъ ими самими. Тутъ я видѣлъ портреты Рафаеля, Тиціана и, что очень замѣчательно, Гольбейна. — Статуи разставлены вездѣ. Для семейства Ниобе опредѣлена особенная комната. Группа, представляющая мать съ дочерью, всѣхъ важнѣе. Послѣ всего видѣлъ я собраніе различныхъ бронзовыхъ фигуръ, древнихъ и новыхъ.

Такъ наз. Кабинетъ привелъ меня въ большее удивленіе своимъ богатствомъ, хорошимъ разположеніемъ и хорошимъ состояніемъ какъ предметовъ, такъ и шкаповъ. Съ начала видѣлъ я Анатомическій кабинетъ и смотрѣлъ на все со вниманіемъ, потому что все было сдѣлано изъ воску. Потомъ кабинетъ Естественной Исторіи, по царству растѣній, ископаемыхъ и животныхъ. Богатое собраніе раковинъ мнѣ очень понравилось. Въ низу двѣ комнаты опредѣлены для царства животныхъ. Въ верху много птицъ.

Послѣ обѣда былъ въ церквѣ св. Лаврентія, гдѣ видѣлъ придѣлъ, долженствовавшій служить для погребенія фамилии Medici. Удивительное богатство въ различныхъ камняхъ, которыми покрыты всѣ стѣны. Но все это пестро и темно. Потолокъ долженъ былъ быть украшенъ живописью Менгса. Но все это должно теперь оставаться неконченнымъ — впредь до повелѣнія. Церковь del' Anonciata велика и красива, въ особенности главный олтарь. Надъ одними дверьми¹⁾ съ наружи нарисована Андреемъ del Sarto Madonna, извѣстная подъ именемъ Madonna del Sacco, ибо въ картинѣ виденъ мѣшокъ. Въ главныхъ сѣняхъ есть тоже три картины сего живописца *alfresco*, кот[орыя] онъ, какъ гов[орятъ], рисовалъ во время, когда хотѣли его сажать въ тюрьму за долги, — рисовалъ отъ скуки или изъ барыша.

Теперь былъ въ кофейной; читалъ длинный артикулъ подъ названіемъ *Farsa*, гдѣ авторъ, въ видѣ *Pantalone*, *Pulcinello* и проч., говоритъ противъ критиковъ, нападающихъ на Флорентинскіе театры.

Я опять совершенно одинъ, и мнѣ опять скучно; но теперь я смѣюсь надъ скукою, думая, что возвращаюсь домой. Теперь я живо чувствую прошедшую скуку въ то время, когда былъ одинъ и не приближался къ Отечеству. Теперь все сношу хладнокровно.

Флоренція хорошій городъ. Неаполь! Неаполь! Ни изъ какого города, гдѣ я бывалъ послѣ Геттингена, не выѣзжалъ я такъ неохотно, какъ оттуда.

Теперь иду въ театръ *la Pergola* смотрѣть, или, лучше сказать, слушать Гризельду. И теперь же въ первый разъ отъ роду хочу принять двѣ или три пилюли отъ геморроидовъ.

1) Въ рукописи: двѣрми.

Изъ Рима выѣхалъ во вторникъ въ 1 часть. Сюда пріѣхалъ въ четвергъ въ 2 [часа] пополудни.

$\frac{1}{2}$ 1 [часа] ночи. Былъ въ театрѣ. Гризельду играла М-me Reer. Поетъ прекрасно; въ особенности искусна въ руладахъ. Уже не молода. Alei che adogo было прощѣто просто. Партеръ былъ довольно полонъ; ложи почти всѣ пусты. Теперь ужиналъ дома.

Я въ восхищеніи отъ Италіанской музыки и сожалѣю, разставаясь съ Италією, только почти одну музыку, т. е. пѣнье или вокальную. Нѣтъ ничего и не можетъ быть ничего пріятнѣе для сердца, питательнѣе для души.

$\frac{28}{11}$ [января]. Суббота. 4 [часа] пополудни. Геморойды меня очень много беспокоятъ. Лѣкарство имѣло свое дѣйствіе: ночью спалъ покойно. Но передъ обѣдомъ чувствовалъ боль, такъ что, осматривая Академію Художествъ, долженъ былъ безпрестанно ходить, потому что боль была чувствительнѣе, когда я стоялъ на одномъ мѣстѣ. Сидѣть еще хуже; не могъ быть болѣе нѣсколькихъ минутъ за обѣдомъ, и ѣлъ ходя по моей горницѣ. Теперь ничего. Несносно, при началѣ жизни, чувствовать уже естественныя невыгоды оной столь сильно: худая надежда на будущность. Сегодня не пилъ ни капли вина.

Путру былъ въ Palazzo Pitti. Комнаты хороши, но темны. Въ галереѣ довольно хорошихъ картинъ. Въ нижнемъ этажѣ стѣны украшены архитектурною живописью al fresco. Потомъ былъ въ Академіи. Входилъ въ комнаты, гдѣ работаютъ художники и учатся рисовать мальчики на щетъ правительства. Тутъ видѣлъ я нѣсколько хорошихъ картинъ директора Академіи, Bonaventі, какъ-то: Аполлона, Амура со львомъ и проч. Колоритъ точно, кажется, такой, какъ у Камучини, и вообще живопись похожа на живопись сего послѣдняго.

Въ одной залѣ Академіи находится нѣсколько рѣдкихъ картинъ, въ особенности три картины Перужино, изъ кот[орыхъ] одна почитается его мастерскимъ произведеніемъ. —

Наконецъ былъ въ галереѣ Маркиза Gerini, богатой рѣдкими произведеніями славнѣйшихъ живописцевъ. Въ особенности замѣтилъ я нѣсколько картинъ Figoni, живописца, о кот[оромъ] я ничего не зналъ. Два славные ландшафта Сальватора Розы; много Гверчино, нѣкоторыя Рубенса; двѣ большія картины Баттони и проч. и проч. Пришедши домой, все лежалъ въ постелѣ отъ боли геморoidalной. Въ сей послѣдней галереѣ дали мнѣ книгу, гдѣ были комнаты (означены) по нумерамъ и вмѣстѣ были означены мѣста картинъ. — Теперь ожидаюся другаго лѣкаря и оттого сижу дома.

Погода прекрасная; довольно свѣжо. — Лѣкаръ былъ, велѣлъ оставить пилюли и употреблять другое, болѣе непріятное лѣкарство.

²⁹/₁₂. *Воскресенье. 1 [часъ] пополудни.* Теперешняя погода напоминаетъ мнѣ нашу святую недѣлю, ибо обыкновенно въ Москвѣ въ это время погода прекрасная. Разница та, что здѣсь теперь сухо. Погода конечно имѣетъ большее вліяніе на состояніе духа, на мрачность или веселость онаго. Я невольно сегодня былъ веселъ, въ особенности стоя на прекрасномъ мосту della Trinita, откуда виды очень хороши. Съ одной стороны видны дома, съ другой — гулянье la Castino и видны горы, покрытыя снѣгомъ. Безпрестанныя встрѣчи съ нищими препятствуютъ совершенно наслаждаться прогулками. Въ особенности поразила меня сегодня одна женщина, стоявшая на колѣняхъ, съ чернымъ вуалемъ, на которомъ было приколото свидѣтельство приходскаго попа, что она подлинно жена одного отставнаго disimpegnato, и имѣетъ 4 дѣтей и добраго поведения.

Сегодня былъ въ церквахъ St. Croce, гдѣ въ одномъ придѣлѣ потолокъ украшенъ живописью Bronsini — удивительная работа. Замѣчательна очень его же картина limbo da Dei — колоритъ прекрасный. Тутъ много картинъ Мих[ель] Ан[гела] Бунаротти — славныя. Его гробница и гробница Alfieri, Кановиной работы.

Въ церквѣ St. Spirito [много] прекрасныхъ картинъ. Въ церквѣ «St. Spirito» оltарь замѣчателенъ работою dei Pietri Duri. Какъ я сегодня купилъ крышку для таберки за 2 $\frac{1}{4}$ скуда.

Былъ въ Maria della Novella. Хорошія картины.

Въ «St. Spirito» между церковію и сакристіею показываютъ потолокъ рѣдкой работы, кот[орый], какъ гов[орятъ], сдѣланъ изъ одного куска. Но мнѣ показался онъ слишкомъ великимъ для одного куска. Работы Brunginello, такъ какъ и картины.

Въ соборной Battisterio видѣлъ славныя двери, раб[оты] Giberti, отца и сына, кот[орыя] Мих[ель] Ан[гелъ] называлъ райскими дверями.

На улицахъ много народу, въ особенности сегодня. Мода носить шляпы женщинамъ, какъ сказывалъ мнѣ мой Lohnbed[iente], введена недавно и снята вѣроятно съ Англичанокъ.

Вчера былъ въ театрѣ. Играли: Древніе Римляне въ Помпеѣ. Чтобы придать сей трагедіи или комедіи болѣе обманчивости или очаровательности, то послѣднее дѣйствіе (а ихъ 5!!) кончится у подошвы огнедышущаго Везувія. Жаль только, что много было дыму. Игравшіе актеры, какъ я слышалъ, дѣлаются таковыми только на Карнавалъ; впрочемъ каждый въ остальное время года шьетъ кафтаны или продаетъ книги.

Сегодня я опять хочу итти въ Гризельду. Италіянская музыка меня плѣняетъ.

$\frac{30 \text{ [декаб.]} }{13 \text{ [января]}}$. *Понедѣльникъ. 11 [час.] утра.* Какая мучительная ночь, какое трудное утро! Вчера заболѣли у меня зубы болѣе обыкновеннаго, вѣроятно потому, что я ѣлъ винныя ягоды. Я пришелъ домой, легъ въ постелю, но боль увеличилась. Цѣлую ночь провелъ я въ ужасномъ состояніи; иногда боль выводила меня изъ терпѣнія; иногда трудно было даже дышать. По временамъ боль утихала, но за то вновь начиналась еще съ большею силою. Я ходилъ по комнатѣ, клалъ на зубъ водки; но спасеніе было одно — теперь вырвалъ зубъ сей. Остальные всѣ хороши. Геморойды меня не беспокоятъ. Лѣкарь былъ еще сегодня и велѣлъ употребить клестиръ.

Вчера послѣ обѣда былъ въ саду Boboli, принадлежащемъ къ Palazzo Pitti; обширный и съ хорошими лавровыми аллеями. Есть хорошія статуи, фонтаны, прудъ и проч.

Повечеру былъ въ театрѣ. Арія, пѣтая Гризельдою вмѣстѣ съ Лизеттою, въ особенности заслуживаетъ похвалу. Всѣ хорошія пѣвицы, кот[орыхъ] я слышалъ, имѣютъ свои особенные способы пѣть; одна отличается въ томъ, иная въ другомъ. Въ театрѣ была и Герцогиня; ей хлопали и даже начинали кричать. Но публика совсѣмъ впрочемъ не женировалась: въ партерѣ стояли въ шляпахъ, аплодировали, кричали и проч. Послѣ театра былъ на верху маскерадъ. Очень похожъ на наши; только что нѣтъ ничего порядочнаго, даже такого, что бывало видно у Зарубина. Три маски, одѣтыя въ листья, были замѣтны. Зубная боль заставила меня скоро итти домой.

Вчера повечеру видѣлъ я на площади ящикъ съ восковыми фигурами, представлявшими Страсти Христовы. Между прочимъ показыватель говорилъ: *Vede come il Signore ricevi 6066 bastonati.* Я попросилъ его повторить, и онъ тотчасъ исполнилъ мою прозбу.

$\frac{31 \text{ [декаб.]} }{14 \text{ [января]}}$ 1). $\frac{1}{2}$ 10 утра. *Вторникъ.* Сегодня я хотѣлъ ѣхать, но курьеръ имѣетъ уже четырехъ пассажировъ. Потому рѣшился ѣхать съ Ветуриномъ, тѣмъ болѣе, что я теперь, можетъ быть въ первой разъ въ жизни, принимаю въ разсужденіе покой. Ветуринъ ѣдетъ сегодня въ ночь. Вчера пилъ кофе въ одной маленькой кофейной, очень хорошей. Ходилъ по площади, смотрѣлъ на куклы, на пѣвцовъ и проч. — Повечеру былъ въ театрѣ Маріонетовъ и удивлялся искусству хозяина, S. Pagani: куклы пляшутъ и дѣлаютъ жесты очень хорошо. Цѣны въ партеръ — 2 граци. Не

1) Надо: $\frac{2}{14}$ января.

знаю, много ли хозяинъ имѣеть прибыли. На сценѣ замѣтна симметрия. Куклы кажутся въ ростъ, и когда я увидѣлъ руку человѣка, кот[орый] съ верху двигалъ ихъ, то я удивился величинѣ оной. Не дождавшись конца, я пошелъ домой. Сонъ клонилъ меня. Поужиналъ; болталъ съ ласковыми Итальянцами, обыкновенно здѣсь обѣдающими или, кажется, живущими; и всю ночь проспалъ самымъ крѣпкимъ сномъ.

Съ курьерскимъ паспортомъ и съ ветурино.

2 [часа] *пополудни*. Ходилъ смотрѣть библіотеку въ церквѣ св. Лаврентія; она состоитъ изъ рукописей. Видѣлъ атласъ, сдѣланный въ 15 столѣтій, изданіе Плінія 14 ст[ол.]. Поля украшены живописью удивительнаго искусства и колорита. Изданіе Тита Ливія и Петрарки. Заходилъ въ церковь и еще разъ видѣлъ Ночь Мих[ель] Анг[ела]. Трудная мысль, но выражена свойственно предмету. Теперь былъ въ Café Militaire, читалъ газеты, курилъ. Потомъ гулялъ. Здоровъ совершенно. Лѣкарство отъ гемороевъ мнѣ очень помогло.

Думаю все о моей будущей жизни въ П[етер]б[ургѣ]. Привыкши къ перемѣнѣ мѣстопробыванія, будетъ странно поселиться на всегда или, по крайней мѣрѣ, на неизвѣстное время на одномъ мѣстѣ. Погода прекрасная. Довольно холодно. Я бы не хотѣлъ жить въ Италіи зимою, ибо холодъ въ комнатахъ очень чувствителенъ, въ особенности когда нѣтъ каминовъ.

Болонія. $\frac{5}{17}$ ¹⁾ января. 1812. Пятница. $\frac{1}{2}$ 7 часа.

Сегодня видѣлъ соборную церковь св. Петра: полая церковь. Тутъ Благовѣщеніе Лудовика Караччи. Въ этой картинѣ, кажется, замѣтна ошибка въ драперіѣ, кот[орая] дѣлаеть обѣ ноги правыми и о кот[орой] говорилъ Фіорилло.

Церковь Madonna dei Filippini. Тутъ картина, представляющая Христа (въ пустынѣ) съ Богородицею и св. Іосифомъ. Тутъ же картина, представляющая Христа, Оому, влагающаго переть въ его раны и проч., работы Елисаветы Sirani, — прекрасная картина; много выраженія.

Фасадъ сей церкви очень древній. Внутренность отдѣлана въ новѣйшія времена Папою Gregori'емъ XV.

Церковь S. Salvatore. Тутъ замѣтна картина S[anta] Famiglia — Benvenuto Garofali, въ кот[орой] онъ подражалъ Рафаелю. Тутъ же картина Александра Тиорини — рождество. Голова Мадонны и Іосифа хороши. Мой лакей ее очень хвалить.

1) Надо: $\frac{5}{17}$ января.

Церковь S. Paolo. Тутъ двѣ славныя статуи, представляющія казнь св. апостола Павла, работы Algardi. Выраженіе въ головѣ св. апостола Павла хорошо.

Тутъ же *рай*, картина Ludov[ico] Caracci. [Тутъ же] il purgatorio di Guercino—хороша. Въ соборной церквѣ видѣлъ картину, предст[авляющую] плачущаго св. Петра у ногъ Богородицы. Славная, но много претерпѣвшая картина. Тутъ она на холстѣ; въ Palazzo Zambecari — на бумагѣ.

Церковь патрона городского, S. Petroni. Старинная готическая церковь; фасадъ похожъ на стѣну Грановитой палаты, такъ какъ и dei Филиппина.

Palazzo Tanari. Тутъ славнѣйшія картины: Guercino — Вознесеніе Богородицы: выраженіе удивительное. Долго я смотрѣлъ на сію картину, такъ какъ и на Мадонну Guido Reni. Голова чрезвычайная: болѣе, нежели въ ростъ. Тутъ же la Madonna della Rosa del Parmagianino. Въ сей картинѣ прекрасна головка маленькаго Христа; прекрасна, но нѣтъ выраженія, свойственнаго Рафаелю.

Il baso di findo di Ludov[ico] Caracci.

La negazion di S. Pietro — —

La nativita d'Alessandro il Magno —

I bagni di Diana di Aug[ustino] Caracci).

La Loiletta di Venere di An[nibalo] Caracci).

Вообще здѣсь вездѣ много Карашей.

Галерея въ Palazzo Zambecari.

Тутъ: la casio di Schneider. S. Paolo и la Magdalena, двѣ большія, прекрасныя картины Гверчино; и въ особенности S. Francesco di Guido Reni: изнуренность представлена чрезвычайно.

Тутъ три [картины] Lud. Caracci: il sogno di Giacobo; ангелы у Авраама и третья¹⁾. Эти славятся; но мнѣ не очень понравились.

Въ капеллѣ — рѣзная работа Дюрера очень хороша.

Юдиша di Sionito di Caravaggi — это оригиналь. Въ Римѣ видѣлъ подобную картину.

Тутъ Гомеръ, играющій на скрипкѣ, — di Calabrese. Изрядный.

Въ церквѣ св. Giacomo видѣлъ славную картину di Francie—la santa Famiglia, кажется.

1) Въ рукописи третья картина не названа.

Потомъ былъ въ Институтѣ или Университетѣ. Тутъ видѣлъ кабинеты трехъ царствъ, библіотеку, — все, кажется; посредственно. Любопытнѣе всего мнѣ показались гіероглифы на ящикѣ, въ кот[оромъ] была мумія.

— Изъ библіотеки книгъ не выдаютъ? спросилъ я у проводника.—О, конечно! отвѣчалъ онъ съ видомъ увѣренности, какъ будто бы я спросилъ у него, не дарятъ ли книгъ изъ библіотеки.

Послѣ обѣда былъ въ Campo Santo, гдѣ прежде была la Certosa за 10 лѣтъ. Это Campo Santo можетъ почитаться первѣйшей въ своемъ пространствѣ: очень пространно. Подъ аркадами на стѣнахъ всѣ памятники только нарисованы. Только двѣ гробницы сдѣланы изъ мрамора. Въ эти 10 лѣтъ уже наполнилась одна стѣна.

Въ церквѣ картина вышеупом[янутой] Sirani, кот[орая] была отравлена ядомъ на 27 году отъ роду, въ слѣдствіе ревности двухъ ея любовниковъ-живописцевъ. — Тутъ много мощей.

Наконецъ видѣлъ галерею, имѣющую въ длину три мили и ведущую отъ городскихъ [воротъ?] до церкви Madonna di S. Luce. Аркъ считается 640. Сдѣлана посредствомъ милостынь.

Въ Campo Santo строится теперь часовня; это меня очень удивило: набожность дѣлаетъ такія усилія въ эти времена! Строится тоже посредствомъ милостыней.

Завтра ѣду. Арки у всѣхъ домовъ здѣсь очень хороши; тѣмъ болѣе что гораздо выше и слѣд[овательно] свѣтлѣе, чѣмъ въ Бернѣ. — Есть хорошія строенія. Статуя Нептуна и фонтанъ на большой площади хороши. — Прогулка за городъ была очень пріятна: погода была теплая и прекрасная.

Изъ Флоренціи выѣхалъ я въ новый нашъ годъ, т. е. въ среду¹⁾ рано поутру; а пріѣхалъ сюда въ четвергъ повечеру. Дорога была пріятная. Я много шелъ пѣшкомъ и наслаждался величественными видами Аппениновъ, по кот[орымъ] мы ѣхали почти до самой Болоньи. Тутъ думалъ я о скоромъ моемъ возвращеніи въ Отечество, и путешествіе мое казалось мнѣ цѣпію наслажденій. — Дорогою мало снѣгу, было довольно холодно. Завтракали въ первый день въ Maschere. Тутъ одинъ только трактиръ. Проѣзжали конные заводы Вел[икой] Герцогини. Тутъ видѣлъ прекрасныя алеи, гряды и проч.

Въ Loiano видѣлъ вывѣску хлѣбника на 5 языкахъ, и между прочимъ наконецъ и на Русскомъ, ибо я прочелъ второе слово: *некаръ*. Прочтя, я ничего не замѣтилъ; но, увидѣвши Becker, вспомнилъ о прочтенномъ. Последнее слово извѣстнѣе для памяти моей, нежели первое.

1) Въ среду 15-го января было 3-е января по стар. стилю.

Теперь иду въ театръ.

Въ эту дорогу мнѣ ни скучно, ни грустно не было; и приближеніе вечера представляло мнѣ лишь только новыя наслажденія видомъ заходящаго за горы солнца.

Отсюда ѣду опять съ ветуриномъ въ Феррару за 36 франковъ съ ужиномъ и постелей. Буду тамъ въ два дня съ $\frac{1}{2}$.

Я самъ себѣ не вѣрю, что я возвращаюсь домой. Четыре года кажутся право однимъ или и менѣе. Прощаніе съ родными и друзьями такъ живо еще въ памяти; и прочее почель бы сномъ, естлибы воспоминанія о Геттингенѣ не лежали у меня на сердцѣ и не возбуждали бы при первой мысли сильно моего воображенія. Желаніе увидѣть Геттингенъ во мнѣ совсѣмъ не уменьшилось.

$\frac{8}{20}$ Янв[аря]. 1812. Вторникъ¹⁾. 7 $\frac{1}{4}$ утра. Венеція.

Въ пятницу повечеру былъ я въ Болоніи въ театрѣ. Давали комедію. (Играли оперу, которую я видѣлъ въ Римѣ, только съ нѣкоторыми перемѣнами. La Prima Donna Marcolini пѣла изрядно; но имъ далеко отъ Маранди, о кот[орой] я тутъ вспоминалъ. Театръ довольно великъ и довольно красивъ). На другой день въ 7 часовъ утра поѣхалъ я съ ветуриномъ за 3 секина (36 франковъ) до Падуп. Дорога была ровная и почти вездѣ обсажена деревьями. Обработанность земли очень замѣтна; но нѣкоторые крестьянскіе домики удивили меня своею малостію. Они имѣли видъ кровлей, тѣмъ болѣе, что были совершенно покрыты соломой. Сопутниками я былъ доволенъ. Но они между собою однажды поссорились. Дама съ собакою, съ кот[орою] я ѣхалъ и изъ Флоренціи, въ нѣсколько жаркомъ разговорѣ сказала фурьеру, ѣхавшему съ нами: *sicte troppo Giovan[ni]*. — *Evoi sicte troppo vecchia*, отвѣчалъ ей фурьеръ. Что для женщины можетъ быть непріятнѣе, даже обиднѣе сего, впрочемъ невиннаго упрека, въ особенности для женщины, кот[орая] не переставала болтать и говорить о временахъ ея молодости? Тишина послѣдовала сей ссорѣ. Но все скоро было забыто. Приѣхавши въ Феррару, я взялъ наемнаго лакея. Онъ показывалъ мнѣ домъ, кот[орый] называютъ брилліантовымъ, потому что стѣны сдѣланы такъ, какъ Грановитая Палата. Потомъ мы прошли по предлинной (3 мили или 2 $\frac{1}{2}$) улицѣ, кот[орой] ширина была соотвѣтственна длинѣ оной, и кот[орая] меня удивила;

1) Надо: понедѣльникъ.

а потомъ прошли по Курсу¹⁾, тоже довольно длинная и широкая улица. Но дома и на той и на другой невелики и некрасивы, выключая нѣкоторые. Послѣ обѣда или ужина я пошелъ въ театръ. Играли оперу²⁾. Народу было очень много. Стукъ, крикъ, хлопанье слѣдовало почти за каждою аріею. Теноръ былъ очень похожъ на Сарторіуса. Въ Феррарѣ видѣлъ я и соборъ, готической архитектуры. Въ 8 часу выѣхали мы оттуда. Мостъ или перевозъ черезъ По на канунѣ изломался, и мы должны были сдѣлать 10 миль Ит[альян.] лишняго. Обѣдали въ одномъ трактирѣ, гдѣ дочь хозяина пожертвованіемъ своей чести спасла жизнь своего отца, когда разбойники хотѣли его убить. Она сказала разбойникамъ, что сдѣлаетъ для нихъ все, что они пожелаютъ, если отецъ останется невредимымъ. Она была очень хороша собою, и разбойники (ихъ было, какъ говорятъ, 15!) согласились на ея предложеніе. Ея теперь нѣтъ въ трактирѣ, какъ говорятъ, потому что всѣмъ извѣстно сіе происшествіе. Конечно пожертвованіе нѣсколько карикатурно, но дѣлаетъ ей много чести. — Въ Ровиго пріѣхали мы ночевать еще довольно рано. Трактиръ за городомъ. Я походилъ по городу, а потомъ по валу. Солнце было на закатѣ. Багровое небо, свѣтя промежъ деревьевъ, представляло прекраснѣйшую картину. Я легъ съ трубкою на валу, и валъ Rovigo напомнилъ мнѣ Геттингенскій. Множество сладостныхъ мечтаній, множество желаній слѣдовали за симъ воспоминаніемъ. Чувства пріятныя, смѣшанныя съ меланхоліею, раждались въ душѣ моей. Я мечталъ и наконецъ былъ доволенъ симъ вечеромъ. На другой день, въ другой коляскѣ, кот[орая], какъ я тотчасъ узналъ, была сдѣлана въ Германіи и напоминала мнѣ коляски Геттингенскія, кот[орыя] ѣздятъ въ Венде, въ Нортенъ и въ Marienspring — о счастливыя времена! вы прошли; можно ли возвратить васъ, возвратясь въ Геттингенъ? — Ахъ, нѣтъ! Трудно! — Пріѣхавши въ Падую, я пошелъ съ наемнымъ лакеемъ по городу; былъ въ трехъ церквахъ, изъ кот[орыхъ] одна — св. Августина — имѣетъ много хорошихъ картинъ. Полъ изъ мрамора, очень хорошъ. Монахи, какъ гов[орить] лакей, имѣли (тутъ) 100.000 чего-то — scudi, кажется — доходу и 20.000 раздавали бѣднымъ. Въ Падуѣ замѣтна площадь Vale del Prato³⁾. Она окружена водою и статуями въ два ряда; мостиками съ пирамидами. Изъ статуй я замѣтилъ статую Галилея-Галилея. На другой площади видѣлъ большую залу, кот[орая], какъ гов[орить] Рейхардъ, величайшая въ свѣтѣ. Послѣ обѣда пошли мы на барку (la Coriera), похожую на трехшуйты, только болѣе и гораздо покойнѣе внутри. Въ 8 ча-

1) Corso.

2) Въ рукописи оставлено пустое мѣсто.

3) Prato della Valle.

совъ поѣхали и теперь прибыли сюда. Всѣ мѣста были полны. Я все почти спалъ. Иные говорили; одинъ хотѣлъ даже говорить остро,—эти люди вездѣ встрѣчаются, — но какъ рѣдко имъ удается! (. . . съ нѣск[олькими] су ра-ботать)¹⁾. — У меня кошелекъ становится очень легокъ: теперь только 12 лудировъ. Думаю, что станетъ до Вѣны. — Съ ветуринами ѣздить не такъ скучно, какъ я воображалъ, какъ скоро только спутники хотя изрядны. Если ѣдешь только, то пріѣхавши можно сытно поѣсть, а потомъ съ трубою грѣться у камина и даже разговаривать. Это я дѣлалъ и мнѣ это понравилось. — Въ Падуѣ, въ церквѣ св. Августина замѣтна одна мраморная колон[н]а, прямыми полосами, черными по бѣлому.

$\frac{1}{2}$ 1 ночи. Площадь св. Марка превзошла мое ожиданіе: она прекрасна, величественна; окружена съ трехъ сторонъ дворцемъ, а съ одной стоитъ церковь, имѣющая видъ важный. Сегодня я былъ съ наемнымъ лакеемъ въ San Giovanni e Paolo. Тутъ видѣлъ я нѣсколько прекраснѣйшихъ барельефовъ работы Баццаны²⁾ и Тальешіетри³⁾. Въ особенности удивительны барельефы перваго. Въ этой церквѣ есть картины славнѣйшихъ живописцевъ. Вознамѣрясь экономничать какъ можно болѣе — съ 12 луд[орами] въ карманѣ — я отпустилъ лакея, побывавши съ нимъ въ новомъ саду; и пошелъ одинъ въ дожевъ дворець. У воротъ какой-то писарь предложилъ мнѣ свои услуги и показывалъ все достойное замѣчанія. Тутъ въ большой залѣ, гдѣ нѣкогда засѣдалъ дожъ, мѣста еще цѣлы. Я сожалѣлъ о прошедшемъ, думая о настоящемъ. Тутъ находится картина Palma Vecchio, представляющая страшный судъ. Любовница его видна и въ раю и въ аду: слѣдствіе ея невѣрности. Въ другой, большей залѣ, гдѣ засѣдалъ дожъ со всѣми дворянами Венеціанскими, всѣ стѣны украшены картинами представляющими побѣды Венеціанцевъ, торжество папы надъ Фридерикомъ, рыжею бородою. Между прочимъ есть одна картина Bassano (Leandro?) и очень хороша. — Теперь въ этомъ домѣ присудственныя мѣста, Префектура и проч.

Послѣ обѣда, очень умѣреннаго (за 37 Вен. су), былъ въ соборной церквѣ. Всѣ стѣны изъ мозайковъ: все что кажется золотомъ сдѣлано изъ стекла вызолоченнаго золотомъ сениннымъ⁴⁾. Тутъ есть колонны, привезенныя изъ Константинополя, Іерусалима и даже колон[ны] изъ храма Соломонова (на пѣдесталахъ жабы). Также и двери изъ Кон[стантинополя]. Я всходилъ на колокольню. Видѣлъ съ верьху громаду домовъ, кот[орые] кажется

1) Здѣсь въ рукописи написано неразборчиво.¹

2) Бассано?

3) Имя художника въ рукописи написано не очень разборчиво.

4) Можетъ быть: ціанистымъ.

ничто не раздѣляетъ. Потомъ былъ въ кофейной, и даже два раза пилъ кофе, желая слушать пѣвуновъ, вошедшихъ туда. Народу было множество на одной сторонѣ подъ сводами. Были и маски. Одна отличалась тѣмъ, что человѣкъ ѣхалъ на ослѣ. Это въ Венеціи рѣдкость. Онъ иногда останавливался, проповѣдывалъ; иногда падалъ. Я сидѣлъ подъ сводами, ходилъ и провелъ время безъ скуки. Въ 8 часовъ пошелъ въ театръ Моисея. Была опера. Первая Donna и tenor изрядны. — Венеція — большой городъ. Я думалъ сегодня, что хорошо иногда бывать въ большихъ городахъ, но лучше жить обыкновенно въ маленькихъ. Въ театрѣ я иногда былъ разбужаемо хлопаньемъ; сонъ моей волѣ довольно подвластенъ.

$\frac{8}{22}$. *Янв. Среда.* Сегодня нанялъ Ветурина до Вѣны за 9 $\frac{1}{2}$ луд. Это средство продолжать путешествіе сдѣлалось для меня единственнымъ, ибо половина денегъ платится Ветурина въ Вѣнѣ. — Сегодня я всталъ поздно и, напившись хорошаго кофе и отдавши паспортъ въ полицію, взялъ гондолу и поѣхалъ смотрѣть церкви и арсеналь, но удалось только видѣть церковь St. Giorgio maggiore и Redentore. Первая построена Палладіемъ. Хороша внутри и съ наружи. Есть картины Тинторета, Павла Веронезе и Бассано. Въ послѣдней съ задней стороны олтара есть прехорошій барельефъ. Въ 3-мъ часу обѣдалъ, а потомъ пошелъ въ кофейную. Тутъ пилъ кофе, ѣлъ мороженое и сидѣлъ до 7-го часа: сидѣлъ, думая о праздности и вида передъ собою многихъ, кои такъ, какъ и я, старались только убивать время въ кофейной. Нещастны тѣ Венеціанцы, кот[орые] прибѣгаютъ къ сему средству. Многіе сидѣли, не говоря ни слова, и сидѣли очень долго.

Масокъ сегодня менѣе вчерашняго. Кофейныя нравятся мнѣ здѣсь болѣе всѣхъ видѣнныхъ мною, во всякомъ случаѣ выключая Mille colonnes, по убору комнатъ. — Отсюда поѣду я въ понедѣльникъ. Довольно долго, но площадь св. Марка будетъ прогонять скуку. Народу тамъ всегда много.

Происхожденіе Венеціи или причина основанія сего города подлинно очень замѣтна. Искавшіе убѣжища поселились на маленькихъ островкахъ, куда рука завоевателя не могла тогда достигнуть. Они, такъ сказать, украли нѣсколько клочковъ земли у моря.

Теперь иду въ театръ совершенно отъ нечего дѣлать.

11 ноч. Возвратился изъ театра. Партеръ состоитъ изъ маленькихъ деревянныхъ стульевъ, связанныхъ досками. Смѣшно и непонятно. Театръ самъ по себѣ примѣтно широкъ. Это дѣлаетъ хорошій видъ и покойно для зрителей. Играли комедію очень посредственно. Какъ я замѣчаю, Венеціанская публика болѣе привыкла къ хорошимъ театрамъ, нежели Болонская, Феррарская и Флорентинская въ комедіяхъ. Ибо актеры вездѣ почти равны

въ искусствѣ; но здѣсь нѣтъ того крику, того хлопанья, того восхищенія, кот[орые] на каждомъ шагу сопровождали актеровъ въ сихъ другихъ городахъ; напротивъ здѣсь болѣе шикають, нежели хлопають. Я это и вчера замѣтилъ. Хорошо, скажутъ, быть довольнымъ и малымъ. Да, я помню тѣ времена, когда я не спалъ ночей, думая все о той блаженной минутѣ, когда я пойду въ Университетской театрѣ. Это было состояніе младенчества, невинности; въ такомъ состояніи находятся и публики, хлопающія безъ памяти дурнымъ актерамъ. Но что естественно въ ребенкѣ, то непростительно въ публикѣ. — Мнѣ сперва много нравились комедіи; теперь я въ нихъ не нахожу никакого толку. Естьли онѣ не заключаютъ въ себѣ другой цѣли, какъ представить какое-нибудь происшествіе, странное, смѣшное или обыкновенное публикѣ, кот[орая] хотя и узнаетъ въ дѣйствующихъ лицахъ иной свою тетушку, иной бабушку, иной свата и проч., — но все это безъ цѣли, *все это умираетъ въ самую минуту своего рожденія*. Столь же бесполезными кажутся мнѣ теперь и драмы ¹⁾, мелодрамы и проч. Оперы хороши для пѣнья, трагедіи для стиховъ и для представленія характеровъ, принадлежность, свойственная также и комедіямъ, хотя и въ другомъ родѣ.

Странно было смотрѣть на *разъѣздъ* изъ театра. Гондолы играли совершенно ту же роль, кот[орую] въ другихъ городахъ при семъ случаѣ играютъ кареты. Тѣснились, перебивали другъ друга и т. п. Но пѣшеходцы скорѣе кончили дѣло свое.

⁹/₂₃. Четвергъ. 1/2 2 ночи. Никогда не возвращался я такъ поздно изъ театра, какъ сегодня. Начинаются поздно, должны такъ и кончаться. Естьлибы я во время балетовъ не спалъ, то для меня бы было очень скучно. Курва Вальсовани здѣсь примируетъ. Я увидѣлъ ее какъ будто знакомую. Конечно и самые незначущіе предметы дѣлаются для насъ важными и пріятными, естьли наминаютъ пріятныя минуты. Она пѣла изрядно, но не можетъ ничего дѣлать хотя нѣсколько труднаго. Ее называли prima donna, можетъ быть потому, что другая, которая имѣетъ болѣе искусства, но менѣе голоса, играла мужчину; но все это было съ грѣхомъ пополамъ. Теноръ изрядный. Въ оперѣ, разумѣется, нѣтъ смысла. Театръ la Fenice здѣсь самый большой и хорошъ.

Сегодня въ 9 часу отправился я, напившись кофе, смотрѣть i mugazzi. Въ Портѣ видѣлъ нѣсколько кораблей. Здѣсь безпрестанно строятъ новые. Mugazzi видѣлъ, но тщетно искалъ, останавливалъ всѣхъ встрѣчающихся и спрашивалъ о надписи Anso Rom . . . Никто не могъ мнѣ сказать, гдѣ она;

1) Въ рукописи: «драммы».

и я возвратился назадъ, не выдавъ оной. Возвратился уже въ 6 часу, въ исходѣ и спѣшилъ обѣдать. Ълъ pasto съ большимъ аппетитомъ. Потомъ пилъ въ кофейной кофе и читалъ газеты. Туда приходили пѣвицы, маски. Народу было много. Мнѣ было пріятно быть тамъ, ибо цѣлый день зябъ. Въ 8 часовъ противъ воли оставилъ кофейную и пошелъ, какъ будто къ должности — въ театръ. —

Сидячая жизньъ въ П[етер]б[ургѣ] мнѣ теперь опять очень нравится. Лишь бы зажить себѣ теплую, покойную комнату.

Какъ хочется поскорѣе согрѣться у Русской пѣчки, — въ Италиі — иззябъ!!

^{10.}₂₄ *Пятница. 9 вечера.* Сегодня два раза ѣздилъ въ Арсеналь, но ни разу не могъ застать дома комисара. Былъ потомъ въ церквѣ и Scuole di S. Россо. Первая и послѣдняя наполнены картинами Тинторета. Прекрасная живопись, но нельзя не пожалѣть о выборѣ предметовъ. Въ scuole лучшею картиною почитается его распятіе; пребоольшая и подлинно прекрасная картина; но меня болѣе поразила другая его картина: Рождество. Тутъ двѣ сцены. Въ верху видна Богородица съ младенцемъ, сидящая на сѣнникѣ; въ низу стойло съ коровою. Картина сія меня поразила тогда, когда я смотрѣлъ на нее изъ другой комнаты черезъ дверь, такъ что другіе, окружающіе ее предметы были для меня не видны. Въ особенности удивительна отдѣльность различныхъ частей. Лѣстница, ведущая въ залу или церковь, хороша; и я бы назвалъ ее лѣстницею, кот[орую] видѣлъ во снѣ Іосифъ¹⁾, естлибы на стѣнахъ не была представлена въ четырехъ картинахъ язва, свирѣпствовавшая однажды въ Венеціи. Картины сіи впрочемъ очень хороши: работы Санти и Негри.

Сегодня же я былъ и внутри церкви Salute. Внутренность соотвѣтствуетъ наружности: величественная простота. Церковь вся круглая; но круговъ два²⁾. Второй наполненъ различными олтарами. Замѣчательно Благовѣщеніе Веронезово. Фигура ангела прекрасна. Церковь сія мнѣ очень нравится. Хорошо, естлибы церковь св. Петра была *какъ-нибудь такъ* сдѣлана! — Былъ также въ церквѣ св. Іеремія, богатой мраморомъ. — Прѣжжая по большому каналу, я заходилъ въ Palazzo Pisani Moretta, гдѣ видѣлъ двѣ картины П[аоло] Веронезе: семейство Даріево и смерть его. Первая въ большой славѣ, и подлинно прекрасная картина. Вторая мнѣ не

1) Іаковъ.

2) Въ рукописи за этимъ словомъ нарисованы два небольшіе кружка, изъ которыхъ одинъ помѣщается въ другомъ.

очень понравилась; но впрочемъ очень хороша. Жаль, что время оставило на ней слѣды свои. — Возвратившись на сухой путь, я обошелъ всѣ лубочныя, находящіяся на берегу Лагуны; потомъ обѣдалъ, а потомъ и до сихъ поръ сидѣлъ въ кофейной. Масокъ было довольно много, но все обыкновенныя. И сегодня замѣтилъ я многихъ, кот[орые], какъ казалось, искали уединенія посреди шуму и крику народнаго, т. е. сидѣли молча по нѣскольку часовъ въ кофейной. Я былъ изъ нихъ первой. Въ театръ не ходилъ. Хочу теперь писать письма.

$\frac{3}{4}$ 12 ночи. Сей часъ кончилъ письма (3).

$\frac{11}{25}$. Суббота. $\frac{1}{2}$ 3 ночи. Сегодня я попалъ было въ бѣду. Пошелъ въ арсеналъ. Тамъ, къ моему щастію, былъ пожаръ; всѣхъ пускали, и я, взявши проводника, началъ осматривать строеніе кораблей. Взошедши на одинъ строящійся корабль, я хотѣлъ итти далѣе и не видалъ, какъ ступилъ въ дыру, гдѣ должна быть лѣстница для соединенія этажей. Проводникъ меня тогда уже *предупредилъ*, когда я былъ одною половиною тѣла въ ямѣ. Однакожъ не потерявъ присудствія духа, я повернулся, чувствуя уже, что падаю внизъ, и правою рукою легъ на одинъ край ямы, а лѣвою ногою уцѣпился за другой. Такимъ образомъ я остался невредимъ.

Въ арсеналѣ видѣлъ Русскіе корабли; смотрѣлъ на нихъ, какъ будто на могилы родныхъ. — Нѣсколько часовъ сидѣлъ въ кофейной. Потомъ былъ въ театрѣ. Музыка была хороша; а послѣ театра въ маскерадѣ или т[акъ] н[азываемомъ] редутѣ. Точно какъ наши, только дракъ нѣтъ. За входъ ничего не платятъ. Это, кажется, даютъ на свой щетъ содержатели азартныхъ¹⁾ игръ, коимъ воздвижены столы во всѣхъ комнатахъ. Меня удивило, что всѣ тѣ, кои вертятъ рулетку, собираютъ и выдаютъ деньги,—маленькіе мальчики. Жаль было смотрѣть, что невинная молодость употребляется на такія занятія. — Народу въ маскерадѣ было тьма; толпились, плясали, бужонили и проч. Духота была очень велика. Я случайнымъ образомъ узналъ о существованіи редута. Изъ Венеціи мнѣ хочется поскорѣе выѣхать. Никого не знаю. Но теперь уже совсѣмъ не скучаю: возвращаюсь домой. — Нѣмецкій языкъ и здѣсь слышенъ, хотя и не такъ часто, какъ въ Римѣ и Неаполѣ.

Здѣсь замѣтно болѣе, нежели гдѣ-либо въ Италіи, порядочно одѣтыхъ людей. Вѣроятно отъ того, что купцы.

$\frac{12}{26}$ 2). Воскр[есенье]. $\frac{1}{2}$ 2 ночи. Опера, кот[орую] я вчера видѣлъ, мнѣ еще болѣе сегодня понравилась. Музыка подлинно прекрасная. Можетъ

1) Въ рукописи: газартныхъ.

2) Надо: $\frac{14}{26}$ января.

быть въ послѣдній разъ слышу я Ит[альянскую] оперу, думалъ я; и пѣнье актеровъ казалось мнѣ еще прелестнѣе. При аріи одного мѣлкопомѣстнаго актера: *ò ragaga colla vita tua* — партеръ и ложи повторяли за нимъ слова сіи. Я много смѣялся этому. Я могу отъ чистаго сердца хохотать и этакимъ шуткамъ. Актеръ и самъ дѣлалъ тоже и, кажется, даже отъ чистаго же сердца.

Послѣ театра, кот[орый] кончился въ 1-мъ часу, я пошелъ въ редутъ. Было много народу, но не было танцевъ и масокъ. Сегодня я, по обыкновенію, долго сидѣлъ въ кофейной *Giorgo Quadri*. Народу было безпрестанно тѣма. Масокъ видно было сегодня много, и нѣкоторыя хороши. — По утру одна половина площади, гдѣ свѣтило солнце, была покрыта гулявшимъ народомъ всѣхъ состояній.

Много было мужчинъ порядочно одѣтыхъ. Вообще въ Венеціи я замѣтилъ чистоту въ одеждѣ болѣе, нежели въ другихъ городахъ Италіи. Обѣ одеждѣ женщинъ судить не могу. О ихъ красотѣ. Я замѣтилъ только одну хорошую собою, и то по-неволѣ, потому что она т. о. ¹⁾ бросилась мнѣ въ глаза; иначе бы и она не заставила меня взглянуть на себя. Здѣсь много видно шубъ. Иногда смѣшно смотрѣть на франтовъ, одѣтыхъ въ шубы, въ каковыхъ у насъ ходятъ подъячіе или лакеи. И теперъ на площади еще есть народъ также, какъ и въ кофейныхъ. Ночь, въ особенности лунная, придаетъ новую, непонятную прелесть или пріятность прогулкамъ и дѣйствуетъ сильно на воображеніе. —

Солнце свѣтитъ на всѣхъ, и можетъ быть погому красные дни нравятся!!

¹⁴/₂₈). *Вторникъ. 1/2 6 вечера. Conegliano.*

Вчера въ 5 часовъ послѣ обѣда простился я съ Венеціею. Провелъ тамъ время хорошо. Маски придавали много живости площади св. Марка и занимали меня. Повечеру, при лунномъ сіяніи, приѣхали мы въ *Mestre*. Тутъ болталъ я долго съ своимъ товарищемъ-Нѣмцемъ, — и Нѣмцемъ въ формѣ, — сидя съ трубкою передъ каминомъ. Онъ добрый малой, иначе бы я не сталъ говорить съ нимъ о Геттингенѣ. Когда зашла рѣчь сія, то сердце мое начало сильно биться; я говорилъ съ жаромъ, вспоминая тѣ щастливыя времена, когда я радовался своему существованію и наслаждался жизнію: я вспомнилъ тотъ день (Воскресенье), когда я послѣ долгихъ занятій вышелъ за городъ по Венденской дорогѣ, съ трубкою и съ моимъ Картушемъ. Все

1) Такимъ образомъ?

2) Надо: ¹⁶/₂₈ января.

живо осталось въ моей памяти: луга, горы, заходящее солнце — ахъ! оно не будетъ уже болѣе такъ свѣтить! и я не буду никогда чувствовать того, что тогда чувствовалъ. Все окружавшее меня было легко; я дышалъ свободно. Вспоминалъ и о веселыхъ минутахъ, проведенныхъ въ Келлерѣ; помню, какъ однажды у меня сердце билось отъ радости, когда я приближался къ этому смиренному убѣжищу Геттингенскихъ практическихъ политиковъ. Ахъ! я тогда былъ щастливъ и такъ щастливъ, что даже чувствовалъ свое щастіе. И въ сію минуту духъ мой безпокоенъ, слезы хотять литься при одной мысли о Геттингенѣ. — И этого щастія лишился навѣки! Навѣки! Нѣтъ — надобно возвратиться туда и вновь испытать быть щастливымъ. Но того довольствія, того покоя я уже не возвращу — мысль печальная!

Сегодня завтракали въ Тревизо. Дорога вездѣ прекраснѣйшая. Поля обработаны хорошо. Городки, кот[орые] мы проѣзжали, имѣютъ очень изрядный видъ. Я ожидаю горъ. Горы возвышаютъ воображеніе.

Венденская дорога! Неужели я не буду гулять по тебѣ? Иногда думаю я навсегда [уѣхать] въ Геттингенъ. Но многое будетъ этому мѣшать.

Перчлахъ 1). $\frac{18}{1}$. $\frac{1}{4}$ 7 вечера. Суббота.

Еще вчера вступили мы въ Германію, т. е. въ Иллирійскія провинціи. Теперь вступили въ Австрію. Со вчерашняго дня все доказывало мнѣ перемѣну. Другой языкъ, другіе обычаи, другія лица; и я много удивлялся столь важному различію на столь маломъ пространствѣ. Изъ сего можно заключить, что и характеры двухъ народовъ очень отличны одинъ отъ другаго и что они совсѣмъ не мѣшаются между собою.

Первая встрѣча въ Германіи была неудачна. Пьяной хозяинъ, какихъ я не помню въ Италиі, разговаривалъ безъ милосердія и, такъ какъ и всѣ прочіе, въ особенности же портной, рассуждалъ о политикѣ. Это едва ли не одна изъ отличительныхъ чертъ Нѣмцевъ: страсть къ болтанію о полит[ическихъ] дѣлахъ. Вчерашній вечеръ былъ щастливѣе. Тамъ нашли мы не пьяныхъ, хотя тоже политиковъ, и молодую, хорошенькую собой служанку, кот[орая] сварила намъ сегодня очень хорошій кофе. Въ Виллахѣ, гдѣ мы сегодня завтракали, служившая намъ дочь хозяина была очень ласкова и услужлива.

Паспорты наши подписывали разъ съ 6 или 7. Разъ съ 6 попадались таможня и два раза дотрагивались руки, впрочемъ уступчивыхъ служителей, до моего чамодана. — О курсѣ бум[ажныхъ] денегъ имѣютъ здѣсь люди очень хорошія практическія свѣденія. Даже и пьяный хозяинъ сказалъ

1) Pörtschach (въ Каринтіи).

свое безпристрастное мнѣніе о двухъ своихъ Императорахъ. — Когда провинці сія отошли ко Франціи, то жители должны были употребить почти всѣ свои бумажныя деньги на закупку различныхъ вещей въ Австріи. — Новыя Einlösungs-Scheine никогда не были равны съ чистыми деньгами. — Я теперь добиваюсь узнать, были ли мѣдныя деньги всегда равны въ нар[ицательной] цѣнности бумажкамъ.

Дорога почти до Понтіебы ¹⁾ была совершенно ровная и прекрасная. Тутъ начались горы и еще продолжаютъ, но дорога все гладка. Я радъ былъ, смотря на горы, покрытыя соснами и снѣгомъ. Это такъ живо напоминало мнѣ Россію. Отсюда 2 часа до Клагенфурта.

Въ одномъ Итал[ьянскомъ] городкѣ я видѣлъ подлѣ воротъ въ запертой комнатѣ женщину. Проповѣдывалъ мужу о избавленіи ея и былъ одобренъ окружающими меня старухами.

^{24.}₆ 1/2 7 *вечера. Нейштатъ.* Путешествіе мое продолжается хорошо, лучше, нежели я думалъ. Я почти совсѣмъ не скучаю. Цѣлый день въ каретѣ курю табакъ; въ трактирахъ вездѣ встрѣчаются практическіе политики, кот[орые] иногда очень ясно даютъ свое мнѣніе о ихъ Имп[ераторѣ] и о Принцахъ. Какія Нѣмецкія лица встрѣчались мнѣ! Я много смѣшнаго въ Нѣмцахъ добылъ во время моего путешествія, но теперь сильныя доказательства напоминаютъ мнѣ старое. Въ особенности смѣшна одежда здѣшнихъ крестьянъ. Кафтаны какъ сарафаны, а шляпы — о, преужасныя, — а язычекъ!! Впрочемъ замѣтно въ нѣкот[орыхъ] случаяхъ и преимущество предъ Французами и Италіянцами. Въ трактирахъ здѣсь служители и служанки никогда не просятъ денегъ и всегда довольны. Я не причисляю къ хорошимъ привычкамъ ту, что они часто благодарятъ цѣлованіемъ руки.

Замѣтна и чувствительна разница состоянія солдатъ во Франціи и здѣсь. Здѣсь видна уже на лицѣ воина изнуренность; видна вездѣ нищета. Раненые, оставленные безъ пансіона или съ 4 крейцерами, ходятъ по міру. Россія! содрагаюсь, думая о защитникахъ твоей славы, твоего величія; но надѣюсь...

— За бум[ажныя] деньги народъ очень недоволенъ, въ претензіи; въ особенности когда теперь правительство объявило неспособными для обращенія d[ie] 6 Kr.-Stücke и возвысило 1 Kr[euzer]-Stücke на 5 Kr., дабы сравнять ихъ нареченную цѣнность съ Einlösungs-Scheine, между тѣмъ какъ оныя равнялись прежде нареченной цѣнности der Banko-Zettel. Люди говорятъ здѣсь много и сильно.

1) Pontebba.

Сегодня въѣхали мы въ соб[ственно] т[акъ] н[азыв.] Австрію. По горѣ я шелъ пѣшкомъ. Первый день былъ сегодня пасмурный.—Въ одномъ городкѣ сумасшедшая женщина насильно хотѣла ѣхать съ нами въ Вѣну: смѣшно было смотрѣть, какъ она оборонялась отъ двухъ молодыхъ людей, кот[орые] тащили ее домой.—Городки, кот[орые] мы проѣзжали, имѣютъ хорошій видъ; въ особенности Klagenfurt хорошій городъ, но былъ частію разоренъ Французами въ послѣднюю войну. Neustadt прекрасный городокъ, сколько туманъ позволялъ мнѣ судить о немъ; и въ 1793 отличился приверженностію Императору (Reich[ard]).

Дорогою такъ часто надобно прибѣгать къ мечтанію; думаю я иногда о прожектѣ удалиться въ Геттингенъ, жениться тамъ на какой-нибудь Аделаидѣ и проводить дни и годы въ мирѣ и тишинѣ. Иногда чужая сторона страшитъ меня, но зато тысячи мѣлкихъ пріятностей плѣняютъ меня. Нельзя пользоваться всѣмъ въ одно и то же время, надобно избрать лучшее, а что лучше покоя? — Здѣсь странные слухи о войнѣ. — Съ моимъ товарищемъ я спорилъ о законѣ католическомъ: кто бы думалъ, чтобы еще и въ XIX ст. попы могли уговорить молодаго Нѣмца здѣлаться католикомъ, и католикомъ самымъ смѣшнымъ? — Завтра ночью въ Вѣнѣ.

²⁷/₉. *Воскресенье. 9 утра. Вѣна.* — Вчера въ полдень пріѣхалъ я сюда. Городъ представился мнѣ во всей обширности версты за двѣ отъ заставы. Мнѣ подъ конецъ моего двѣнадцатидневнаго путешествія не очень хотѣлось въ Вѣну. Я предчувствовалъ, что первыя встрѣчи будутъ неудачны, т. е. что я не найду здѣсь денегъ. Я съ справедливою могу въ теперешнемъ моемъ положеніи нѣсколько негодовать на брата Ал[ександра] Ив[ановича], естли онъ причиною сего. Свиданіе мое съ Штакельбергомъ было смѣшно. Но вчерашній день былъ съ другой стороны удаченъ. Здѣсь въ трактирѣ нашелъ и Русскаго Полковника Никича, очень ласковаго человѣка; а въ театрѣ нашелъ Бернера, съ кот[орымъ] провелъ время очень весело, разговаривая о прошедшемъ. Вчера же нашелъ я здѣсь и Бульмеринка, у кот[ораго] я былъ за три года съ половиною. Странно было мнѣ, смотря на него, вспоминать о скоромъ прошествіи сихъ лѣтъ. — Неимѣніе денегъ очень непріятно; отнимая охоту, отнимаетъ и способъ пользоваться пребываніемъ въ Вѣнѣ. Я не знаю, долго ли здѣсь пробуду и какъ пробуду.

Вчера былъ я въ театрѣ при Kärnthnerthor. Играли оперу Francisco de toi. Музыка нравилась публикѣ; нравилась и мнѣ, хотя и часто я тщетно ожидалъ какой-нибудь трели или тому подобнаго, къ чему я такъ привыкъ въ Италіи. Музыка была пріятна, но она совсѣмъ другаго рода, какъ Италіянская и даже Французская, предъ кот[орою] имѣетъ преимущество.

Сколько я могъ судить, то музыку сію можно почестъ національною Нѣмецкою, по крайней мѣрѣ во многихъ частяхъ, ибо много было похожаго на пѣсни, слышанныя мною въ Германіи. Смотри на актрисъ, сдѣлалъ я печальное замѣчаніе и подтверждаю теперь мнѣніе, отъ кот[орого] я хотѣлъ отстать, что Нѣмки пѣть по-Нѣмецки не могутъ, а еще менѣе говорить по-Нѣмецки съ пріятностію. Alles ist so hölzern, все какъ будто на пружинахъ, поклоны, тѣлодвиженіе, а всего болѣе ужасно иногда отверзтіе рта. Въ актерахъ языкъ klingt besser, но они походили болѣе на ширмейстеровъ, нежели на королей, на графовъ и т. п. Пѣли изрядно. — Столь же и на офицеровъ смотрѣлъ я съ улыбкою. Они какъ будто нарочно стараются одѣваться какъ можно смѣшнѣе. Какіе сертуки, воротники, — шпаги ни на что непохоже, портупей, все смѣшно! Но мнѣ право нѣтъ охоты смѣяться.

²⁸/₁₀. 10 утра. Понед[ѣльникъ]. Вчера былъ съ Кн. Козловскимъ въ церквѣ св. Стефана. Внутри ничего нѣтъ замѣчательнаго. Повечеру былъ въ Burg-Theater. Играли двѣ комедіи. Первая наполнена Нѣмецкими фарсами и самыми глупыми. Актеры плохи. Потомъ былъ съ Курляндцами въ Аполлоновой залѣ. Не знаю, что сказать объ этомъ чудовищномъ произведеніи архитектуры. Видъ великолѣпный; много хорошаго, но много и слишкомъ простаго, т[акъ] с[казать] Gemein. Росписанныя стѣны ландшафтами и т. п. ни на что не похоже. D[ie] Seescher-Allee прекрасна. Публика — все, какъ жется, Handwerkers-bursch. Ни одного т[акъ] и[азыв.] порядочнаго не видалъ. Приѣхалъ домой въ 4-мъ часу. Сегодня пришелъ ко мнѣ Полков[никъ] Никичъ; подчивалъ меня чаемъ. Теперь хочу итти въ библіотеку. — Вчера былъ у Отто. Преласковой человекъ, но зато въ формѣ Нѣмецъ.

²⁹/₁₁. 2 пополудни. Втор[никъ]. Вчера былъ съ Княземъ Козл[овскимъ] у Новосильцова. Очень радъ, что видѣлъ этого человекъ. Я еще никогда не слыхивалъ никого изъ такого рода Господь нашихъ, [могущихъ] изъясняться по-Русски такими выраженіями, какъ онъ.

Потомъ обѣдалъ съ Козл[овскимъ] и съ П. Никичемъ въ Dianabad. Недорого. Былъ съ ними же у Балка. У насъ теперь, какъ видно, человекъ de bon ton надобно непремѣнно умѣть буфонить и передражнить дураковъ. Гдѣ этотъ народъ учился? Хотятъ умничать, задавать тонъ въ наукахъ, и показываютъ свое невѣжество. — Въ театрѣ видѣлъ вчера комедію Коцебу — критика на черепословіе. Какой вздоръ! Въ Редутѣ видѣлъ нашихъ Русскихъ Господь. Много смѣялся съ Кн. К[озловскимъ] надъ Нѣмцами, танцовавшими миновенты. Нарочно нельзя болѣе буфонить. Видѣлъ тамъ нѣкоторыхъ Генераловъ. Furibonde Lichtenstein имѣетъ преподлую кривоносу ю харю. Въ солдатахъ не видно той свободы, кот[орой] отличаются Французскіе.

Сегодня купилъ себѣ за 12 черв. двѣ пребольшія трубки. Такъ какъ я буду вѣроятно вести филистерскую жизнь въ П[етер]б[ургѣ], то хорошо заготовиться этимъ товаромъ.

³⁰/₁₂. Сер[еда]. 9 утра. Вчера провелъ вечеръ очень пріятно въ обществѣ одной дѣвушки, кот[орая] при своемъ искусствѣ въ пѣньѣ — поетъ еще и Русскія пѣсни. Послѣ сихъ послѣднихъ понравилась мнѣ въ особенности одна Итал[ьянская] арія, кот[орая] напомнила мнѣ тѣ минуты, въ которыя пѣнье восхищало меня или услаждало душу. Сверхъ всего этого я не помню ни одной столь умной Нѣмки, какъ эта. Оттуда пошелъ съ Берн[еромъ] въ кофейную Тарони. Тутъ пилъ шнапсъ, вино, ѣлъ сыръ, курилъ табакъ. Въ 9 час. отправились въ редутъ. Народу было очень много. Я видѣлъ и Императорскую фамилію. Всего болѣе удивлялся самому Императору. — Въ Вѣнѣ мнѣ нескучно, въ особенности бы мнѣ здѣсь понравилось, еслибы были деньги.

12 утра. Теперь былъ въ Кабинетѣ Естеств[енной] исторіи. Разположеніе и local прекрасны.

Вчера легъ я въ постелю съ трубкою въ рукахъ. Читать было нечего, — я началъ думать. Первая мысль была: человекъ не имѣетъ воли; часто то, что называютъ *волею*, есть только одно *желаніе*. Воля тогда есть воля, когда человекъ, избравъ одно изъ двухъ, имѣетъ способность исполнить свое намѣреніе. Напр. человекъ имѣлъ [бы] волю, еслибы, предпочтя продолженіе жизни смерти, могъ не умереть, а остаться живымъ. Тогда бы онъ имѣлъ волю. Волею же нельзя назвать позволеніе, данное Сенека избрать родъ смерти. Это очень плохая воля, или т. ск. невольная воля. Воля должна быть всегда еще и свободна. Самыя способности, думалъ я, свойства, дарованныя человекъ Природою, или т. ск. самая натура его доказываютъ, что онъ не можетъ имѣть воли. Человекъ отъ всего зависитъ, слѣдственно тутъ нѣтъ воли. Смерть приходитъ безъ его спроса; одинъ изторгается изъ круга людей, другіе являются; все это безъ соизволенія человека. Если человекъ можетъ лишиться себя жизни, по своей охотѣ, то это односторонняя способность: онъ не можетъ дать себѣ жизни — слѣд[овательно] нѣтъ воли.

10 вечера. Обѣдалъ у Посланника. Были тамъ по большей части Австрійцы, два Генерала, два Excellenzen; были Русскіе, по крайней мѣрѣ судя по кокардѣ; но съ ними я не говорилъ. Обѣдъ былъ порядочный. Потомъ былъ въ Академіи художествъ, гдѣ раздавали награжденія воспитанникамъ. Тутъ прошелъ я безъ билета, имянемъ посла. Было много народу. Видѣлъ всѣхъ Герцоговъ и Карла. Видѣлъ много обвѣшанныхъ лентами и

бриліантами. Многихъ слышалъ, говорящихъ по-Французски, и вездѣ слышу то же, и вездѣ болтають очень дурно.

Потомъ былъ въ театрѣ. Тамъ пѣли одинъ Итальянецъ и Итальянка. Изрядно. Музыка Итал[ьянская] прекрасна и восхитительна. На скрипкѣ игралъ Нѣмецъ очень хорошо. Я еще, кажется, такой игры не слыхивалъ. Ни на какомъ инструментѣ нельзя играть такъ дурно и такъ хорошо, какъ на скрипкѣ. При разъѣздѣ замѣчалъ экипажи. Прекрасныхъ очень много.

$\frac{1}{14}$ [февраля]. Утро. Сегодня ѣду. Вчера былъ въ Пратерѣ. Видѣлъ превеликой домъ Разумовскаго. Въ вечеру былъ въ Kasper-Theater. Преглуныя буфонства приманили тьму зрителей.

Москва.

6 Марта. Вотъ уже три недѣли, какъ я здѣсь, и по сію пору не опомнися. Многое показывается мнѣ здѣсь въ такомъ видѣ, въ какомомъ Кн[язь] Козл[овскій] представлялъ мнѣ дорогою. Незначущія лица, на которыхъ видна печать рабства, грубость, пьянство — все уже успѣло заставить сердце обливаться кровію и желать возвращенія въ чужіе края. Непросвѣщеніе высшихъ классовъ также дѣйствовало на произведеніе послѣдняго желанія. Суровая зима показала мнѣ совсѣмъ не таковою, какъ я представлялъ ее, будучи въ Геттингенѣ и Неаполѣ. Она подлинно убивственна. Служба — а! Я радъ нѣкоторымъ образомъ, что во мнѣ родилось теперь чувство почти совершеннаго равнодушія ко всѣмъ выгодамъ оной. Это почти исчезнетъ тогда, когда я на опытѣ увижу, что полезнымъ быть нельзя. Теперь я также замѣтилъ, что у насъ мало вреда происходитъ отъ малаго выбора, дѣлаемаго Правительствомъ при врученіи чиновникамъ должностей: на что тамъ выбирать, гдѣ не изъ чего, по крайней мѣрѣ обыкновенно, выбирать? Единственный родъ службы, кот[орый] былъ бы хотя нѣсколько сходенъ съ моими желаніями, есть въ Колл[егіи] Ин[остран.] Д[ѣлъ]. И отсюда я долженъ выходить! Отъ Финансовъ, т. е. отъ службы по сей части, отбило всю охоту, какъ скоро я прочелъ *Планг* — — — —.

7 Апрѣля. Вотъ уже другая недѣля¹⁾ въ исходѣ, какъ я здѣсь, а въ книгѣ ничего не написано; между тѣмъ какъ въ головѣ моей родилось столько новыхъ мыслей, новыхъ понятій о Москвѣ и о Россіи — и о себѣ самомъ.

1) Мѣсяцъ? Тургеневъ пріѣхалъ въ Москву около 14—15 февраля.

Москву нашелъ я въ очень грязномъ состояніи, и сіе во всѣхъ отношеніяхъ. Никакіе предметы не подѣйствовали на меня сильно-пріятно. (Были ли хотя и слабо-пріятныя дѣйствія?). Я обманулся въ надеждѣ, питавшей воображеніе мое въ Геттингенѣ. Больно сердцу имѣть такія чувствованія при видѣ мѣстъ, свидѣтелей моей юности, послѣ 4-лѣтней разлуки. Всего, что я чувствую на каждомъ шагу, не могу я изобразить. Только все мрачно и грязно. Мысль, родившаяся у меня въ Петербургѣ: ѣхать опять современемъ въ чужіе края, только тѣмъ не усиливается, что и тамъ много скучнаго и непріятнаго. Пріятной жизни въ Отецествѣ я и вообразить не могу: это не мало для той головы, кот[орая] такъ много воображала и такъ много мечтала о будущемъ. — Въ П[етер]б[ургѣ] еще лучше для меня жить, нежели здѣсь, говоря вообще; но здѣсь много такого, чего я не могу имѣть въ П[етер]бургѣ. Знакомое, родное всегда остается знакомымъ и роднымъ. Это я разумѣю только о неодушевленныхъ предметахъ, ибо они всегда сохраняютъ свою невинность; а одушевленные — такъ перемѣнчивы!

Пребываніе въ Россіи, т. е. родъ жизни, ведомый мною здѣсь, много перемѣнить, и уже перемѣнилъ меня; я только могу смотрѣть на *Zapiski*¹⁾ и на *налоги*, доказательства беззаботной и дѣятельной жизни, — и всегда сердечный вздохъ слѣдуетъ за взглядомъ. Жаль, жаль — не могу даже и писать объ этомъ болѣе.

Ан[дрей] Кайсаровъ пишетъ ко мнѣ довольно странное письмо. Судя по всѣмъ названіямъ, кот[орыя] ему даютъ, можно заключить, что о немъ говорятъ очень много. Можно бы на этомъ и помириться, еслибы подлинно о немъ говорили столь много.

«Люди перемѣнчивы», гов[орить] онъ. — Правда, говорю и я. Или я, или братъ Ал[ександръ] — тоже перемѣнились, ибо во мнѣ нѣтъ уже тѣхъ пылкихъ чувствъ, кот[орыя] я питалъ къ нему въ Геттингенѣ.

Я читаю свои налоги — часто съ удовольствіемъ, но вмѣстѣ и съ сожалѣніемъ, увѣренъ будучи, что теперь я бы *того* и *столько* не могъ написать.

9 *Апрѣля*. Семка! дай перо! — Прочелъ возраженіе Ростопчина противъ Стройновскаго. На первой страницѣ увидѣлъ уже я, что Р[остопчинъ] *не знаетъ дѣла* и мыслить, при улучшеніи состоянія полезнѣйшаго класса народа въ Государствѣ, о свободѣ и независимости, кот[орыя] были проповѣдываемы властолюбивыми республиканцами и энтузіастами-философами. Далѣе плохо и безразсудно думаетъ онъ о благосостояніи Россіи, вообра-

1) Записки, рабочая тетрадь, веденная (и переплетенная) въ Геттингенѣ.

жая, что оно основано на рабствѣ. Плохо и доказываетъ благоденствіе наше примѣрами бѣдности нищихъ другихъ народовъ. Клепаетъ на Стр[ойновскаго], приписывая ему виды и намѣренія, кот[орые] ему приписывать онъ не имѣетъ права и причины. Конечно предложеніе Стр[ойновскаго] чрезъ поповъ увѣрить народъ въ правилахъ свободы и собственности *смѣшно*, но не болѣе. Ложно заключаетъ о выгодахъ рабства, приводя въ примѣръ повѣйшія нещастія Поляковъ. Естли я бѣденъ, то я не могу утѣшаться тѣмъ, что есть люди еще меня бѣднѣе, и потому стараться оставаться въ бѣдности и не пещись объ улучшеніи моего состоянія.

Также и похвалы Правительству, впрочемъ справедливыя, здѣсь не у мѣста.

С. Петербургъ.

1812.

Горестъ и скука сносятся на чужой сторонѣ, чѣмъ на своей.

Мая 14. 11 [час.] вечера. Вотъ уже съ недѣлю, какъ я опять въ П[етербургѣ] и по сію пору лишь только не перестаю замѣчать, что родъ здѣшней жизни для меня не хорошъ, и сіе даже и по такимъ причинамъ, коихъ я и не предвидѣлъ, но которыя совершенно сходны съ порядкомъ вещей въ свѣтѣ.

Я еще не избралъ для себя никакой цѣли. Всѣ мои мысли и мечты о занятіяхъ и т. п. исчезли; ничто не льститъ, кромѣ нѣкоторыхъ простыхъ, обыкновенныхъ удовольствій; но и сіи льстятъ единственно потому, что я еще ихъ не вкушалъ или не имѣлъ. Но съ первымъ опытомъ мечтанія сдѣлаются холоднѣе. Часть отъ часу болѣе удостовѣряюсь, что мнѣ надобно оставить Отечество, которое такъ люблю и для кот[ораго] такъ бы охотно всѣмъ пожертвовалъ; но тѣма препонъ, невозможность съ моей стороны быть полезнымъ заставляють болѣе и болѣе знакомиться съ мыслію о разлукѣ. А съ Отечествомъ едва ли не труднѣе прощаться, чѣмъ съ людьми, о кот[орыхъ] обыкновенно въ такихъ случаяхъ жалѣють. — Мирная жизнь! къ тебѣ стремлюсь я, если слишкомъ разсѣянная не суждена мнѣ рокомъ. Прими въ объятія твои человѣка, кот[ораго] характеръ сдѣлался мрачнымъ отъ мрачныхъ мыслей о людяхъ, но кот[ораго] сердце сохранило еще довольно чувствительности, дабы цѣнить выгоды, кот[орыя] онъ найдетъ въ тебѣ. Онъ имѣетъ теперь, кажется, довольно привычки не плѣняться блескомъ наружности — конечно отъ взаимнаго презрѣнія, кот[орое] люди имѣють одни къ другимъ, а Мизантропъ и *Философъ* — ко всѣмъ.

Горестъ и скука сноспѣе на чужой сторонѣ, чѣмъ на родной. — Какую цѣль могу я здѣсь предположить себѣ? Право, кажется, никакой. — Вонъ, вонъ! Разсѣяніе! Путешествіе! Голова моя такъ полна мыслей, что я не знаю что и писать.

Теперешняя скука различна отъ другихъ, кот[орыя] я имѣлъ прежде, ибо она заставляетъ меня о многомъ думать, многое предполагать и рѣшаться не на бездѣлицы, т. е. рѣшаться въ мысляхъ; ибо объ исполненіи еще мнѣ думать нельзя.

Мая 16. Четвергъ. Полночь. Трудно жить въ свѣтѣ! Долженъ ли я радоваться, что я знаю это не по себѣ, а по другимъ? Ахъ! нѣтъ. Развѣ только долженъ я благодарить судьбу за то, что мнѣ еще жить *не трудно* — въ самомъ узкомъ смыслѣ сего слова, ибо болѣе и я о себѣ сказать не могу. — Какъ всѣ трудятся, какъ всѣ хлопчатъ, добиваются, мучатся — для того только, чтобы *жить*: чтобы жить, влачить эту жизнь, кот[орая] дается и получается — безъ согласія и поневолѣ. Вотъ Рокъ! Вотъ жизнь! И смерть приходитъ неожиданно! — Жизнь будущая! Во глубинѣ сердца его (человѣка, преданнаго благодати) почиваетъ духъ утѣшенія и мира, *всякъ умъ превосходящаго*, который Иисусъ Христосъ даетъ ученикамъ своимъ, *не якоже міръ даетъ*: ибо миръ міра есть краткая дремота подъ шумомъ опасной бури, безопасность, основанная на невѣденіи, такъ что радостныя восклицанія: *миръ и утвержденіе!* иногда прерываетъ *внезапу нападающее всегубительство*. Стр. 7. Слово на день пятидесятницы. 1812. Филаретъ.

Духъ смиренія, кот[орый] среди богатства благодати Божіей усматриваетъ въ себѣ одну бѣдность и недостойнство, дабы тѣмъ болѣе *величить Господа*; между тѣмъ какъ неотрожденные духомъ Б[ожіимъ] въ самыхъ недостаткахъ своихъ стараются находить нѣчто великое, самымъ униженіемъ просятъ себѣ почтенія, ползаютъ для того, чтобы давить. — [Стр.] 8.

22 Мая. Сегодня получилъ свои Геттингенскія тетради — и люблюсь, смотря на нихъ. Но не знаю, что-то при этомъ чувствую печальное, непріятное. Мнѣ кажется, какъ будто бы я времяемъ не совсѣмъ воспользовался или что я не могу этого впередъ дѣлать; что это прошло. . . . Такъ прошло спокойствіе, прошла безпечность — и прошли невозвратно. Теперь читаю свои послѣднія записки (или журналъ) Геттингенскія: тѣ же чувства, та же грусть. Хочется посмотрѣть на тѣ мѣста, которыя ничто и никогда не можетъ изгладить изъ моей памяти.

Братъ гов[орить], что дорого стоитъ перевозъ моихъ тетрадей; а я говорю: «малымъ дѣтушкамъ не родной отецъ».

Каждый день я хожу въ Департаментъ; но тамошняя работа мнѣ уже наскучила, и налоги опять меня могутъ пріятно занимать.

Теперь у меня есть планы на Англію; и эти мысли, хотя и очень похожі на пустыя мечтанія, — занимаютъ меня.

1. Скажи, Москва, мой свѣтъ,
 Зачѣмъ поставили меня въ буфетъ?
 Ахъ, Матушка Царица!
 Отвѣчаетъ Ей столыца:
 Не сердись на клобъ,
 Вить тутъ Директоръ холонъ.

—

2. Depuis que sa bouche est de travers,
 Les affaires vont droit.

Сказано о К. при извѣстіи, что съ нимъ былъ параличъ.

Также: у него ротъ и умъ на одной сторонѣ (б.).

Щ. сдѣланъ тогда Камергеромъ. Итакъ: depuis que K. est malade, Щ. a mis la clef au cul.

25 Мая. *Полночь.* У меня все еще кружится голова. Никакой постоянной мысли и цѣли еще не имѣю, кромѣ одной, которой я исполнить и достигъ теперь не могу: ѣхать въ В. Отъ того ничто меня не льститъ и ничто не занимаетъ. Время однакожь провожу я не скучно, т. е. не скучаю; но такое непостоянство въ мысляхъ или, лучше сказать, слишкомъ большое постоянство и отъ того происходящій безпорядокъ — еще хуже. Скуку можно иногда развлечь, этого — никогда. Чужіе края мнѣ нравятся, но надобно и здѣсь пожить; да и какъ туда ѣхать? Оставимъ все времени. Но мысль: видѣть смерть невдалекѣ у меня очень въ головѣ вертится. Это нужно, очень нужно для спокойствія. Одна только мысль сильно вкоренилась у меня въ головѣ, что кромѣ П[етер]б[урга] мнѣ нигдѣ въ Россіи жить нельзя. Развѣ въ Ригѣ.

Сегодня я былъ въ театрѣ. Играли la Molinaga на Русскомъ. Музыка восхитительная; пѣли хорошо. — Теперь мнѣ хочется кончить свои налоги; но сіе только потому, чтобы драгоценное, святое время, уотребленное на то въ Геттингенѣ, не совсѣмъ пропало.

Погода изрядная. Я, право, странный человекъ, и странный у меня характеръ: очень скоро дѣлаюсь хладнокровнымъ къ тому, что можно по-

честь мою цѣлю, и къ чему стремлюсь я по ходу вещей, т. е. по службѣ. Между тѣмъ *laisse ich es gehen wie es will*.

Мысль о несчастномъ состояніи большей части людей въ Россіи, кот[орая] не выходитъ изъ моей головы, много дѣйствуетъ на образъ мой мыслить и многое заставляетъ презирать. Хорошо, что я хоть презираю подлинно достойное презрѣнія каждаго, хотящаго размышлять.

5 *Юня. Вечеръ*. Третьяго дня былъ я вмѣстѣ съ другими у Министра. Вышелъ *rempli d'indignation* къ тѣмъ, кот[орые] тамъ разсуждали, возобновленнымъ, и съ сердечнымъ сожалѣніемъ къ тѣмъ, на коихъ они имѣютъ вліяніе, т. е. на миліоны.

Теперь сижу дома. Чувствую страшную тоску въ сердцѣ. Не знаю, отъ чего. Къ П[етер]б[ургу] ничто меня не привязываетъ. По службѣ не предвижу ничего лестнаго для меня; а естли и можно добиться чего-нибудь лучшаго, чѣмъ теперь, — то на это нужно время, кот[орое] дороже того, что можно получить, и кот[орое] можно употребить съ большею пользою и удовольствіемъ тамъ, куда душа моя стремится, и о чемъ безпрестанно думаю.

8 *Юня. 3/4 12 ночи*. Отъ работы по службѣ отпала охота, ибо я видѣлъ, что оною мало занимаются, и что я болѣе служу инструментомъ. А работа *est à portée de moi*; и жаль, что я не могу заниматься съ ревностію. Отъ того я болѣе началъ думать о своихъ налогахъ, которые можно кое-какъ кончить и показать даже, въ случаѣ нужды, свѣту.

Многое узпалъ я здѣсь и, къ несчастію, узпавая, долженъ былъ всегда сожалѣть. Внутреннее управленіе Государства въ большемъ безпорядкѣ, и всего болѣе безпорядокъ сей замѣтенъ въ П[етер]б[ургѣ]. А агенты? Казнь *Michel-Michel*¹⁾ дѣлаетъ пмъ, или одному изъ нихъ — мало чести. Возвышеніе и паденіе Сперанскаго не доказываетъ 1-е—порядка, а 2-е—осторожности.

Меня опредѣлили также и въ К[оммиссію] С[оставленія] З[аконовъ]; но, право, ничто меня не льститъ. Все желаю одного или желаю многоаго. А это одно могло бы случиться, и можно бы надѣяться и далѣе. Ограничить желаній своихъ въ этомъ случаѣ не могу: они²⁾ такъ давно уже кроются въ моемъ сердцѣ.

Погода сегодня была теплая, самая лѣтняя. Теперь былъ у всенощной. Завтра Троицынъ день.

Съ Турками заключенъ миръ.

1) М. М. Сперанскаго.

2) Въ рукописи: онѣ.

Rosenkampf долженъ быть преподлое, презрительное и опасное, въ особенности въ нынѣшнія времена, твореніе. Я у него былъ und er ist mir zum Ekel geworden.

О Сергѣѣ мы ничего не знаемъ, но кажется нечего опасаться, кромѣ того, что можетъ быть онъ не получить посланныхъ къ нему денегъ.

Сегодня видѣлъ одного изъ старыхъ соучениковъ. Всѣ говорятъ о моемъ мѣстѣ; я одинъ молчу и не думаю: другое у меня на умѣ; даже и налоги не могутъ сего послѣдняго выгнать изъ головы моей. Впрочемъ мнѣ въ П[етер]б[ургѣ] совсѣмъ не скучно.

11 Юня. 3/4 1-го ночи.

Сегодня былъ въ театрѣ. Играли Димитрія Донскаго на Французскомъ. Жоржъ играла всѣхъ лучше, но часто переходы ея и перемѣны были слишкомъ outrés. Но иногда, напримѣръ, въ сценахъ съ Д[имитріемъ] Д[онскимъ] и съ Тверскимъ, была она прекрасна, pleine de force et d'expression. Нѣмцы, сидѣвшіе около меня, наскучили мнѣ своими сужденіями. Одинъ выхвалялъ очень Яковлева, говоря передъ симъ о Тальмѣ! — Послѣ я прошелся по проспекту. Погода послѣ дождя была прекрасная. Аплодированіе въ партерѣ дѣлало мало чести сужденію слушателей.

18 Юня. Вторникъ. 11 час. вечера.

Война съ Французами загорѣлась. — Боже праведный и всемогущій! Благослови дѣла Александра! Да храбрость вѣранныхъ ему воиновъ получить достойное воздаяніе!

Голова моя теперь еще болѣе смущена. Тщетное стремленіе къ постоянной цѣли часъ отъ часу болѣе усиливается; а будущее такъ неизвѣстно.

29 Юня. Полночь. Война все еще, такъ сказать, таится подобно малому огню въ пеплѣ подъ угольями. Все ожидаетъ ужаснаго воспламененія. — Прокламація Генерала Эссена къ жителямъ Риги написана очень хорошо.

Il faut connoître la manière de vivre, et je ne veux pas du tout faire sa connoissance, — думаю я.

Сказываютъ, что Феслера взяли подъ присмотръ.

— — — — —

Благодарность есть священный долгъ для каждого. Я желаю исполнить оный симъ слабымъ доказательствомъ в. почтенія и усердія, съ коими имѣю честь быть — — — — —

NB. Этого однакожь, кажется, не будетъ.

Юля 13. 1/4 2-го ночи.

Теперь читалъ: Ueber die neuere Geschichte — Vorlesungen von Aug[ust] Schlegel. Замѣтилъ: стремленіе къ единовладычеству перешло изъ

Азія въ Европу. Извѣстно, что Государства, опредѣленныя природою для того, чтобы быть т[акъ] н[аз.] торговыми Государствами, всегда болѣе имѣли республиканское правленіе; и что т[акъ] н[аз.] Государства твердой земли всегда болѣе (съ большими, кажется, однакожь исключеніями)¹⁾ имѣли Монархическое правленіе. Нельзя сомнѣваться, что вѣроятная цѣль (если она вообще существуетъ) народовъ есть жить въ различныхъ сношеніяхъ между собою; а посему Горовыя Государства болѣе соотвѣтствуютъ сей цѣли, нежели другія; а посему республиканское правленіе, т. е. не деспотизмъ, не стремленіе къ единовладычеству — естественнѣе, нежели состояніе Государствъ большихъ и сильныхъ, коимъ бы были покорены и другія Государства.

— Schl[egel] однажды называетъ политическій балансъ искус[с]твеннымъ балансомъ, гдѣ между прочимъ всегда есть на одной сторонѣ перевѣсъ. Это названіе всегда бы можно для сего предмета употреблять.

Государь, какъ говорятъ, въ Москвѣ. Ополченія вездѣ, какъ слышно, сильны.

Какая будущность!

Какія ожиданія!

Какая наука для мыслящаго!

Пятница. 19 Июля. 9 вечера.

Естьли я приму въ разсужденіе теперешній родъ моей жизни, то результаты, право, будутъ не плѣнительны. Естьли я подумаю о будущемъ, то также не предвижу ничего утѣшительнаго. Я воображаю себѣ, что съ меланхоліею буду я знакомиться безпрестанно болѣе и болѣе, пока наконецъ жизнь моя [не] сдѣлается одною долгою и темною ночью. Все вокругъ меня угаснетъ, а потомъ придетъ чередъ и до той силы, которая живить составъ мой. Мрачныя ожиданія, но путь жизни не можетъ привести меня ни къ чему иному.

Естьли я посмотрю на другихъ — всѣ къ чему-то стремятся, жертвуютъ спокойствіемъ, свободою и чистыми наслажденіями, *чего-то* ожидая; и такимъ образомъ, прежде нежели они до этого *чего-то* достигнутъ, прежде нежели они замѣтятъ потерю времени, жизнь ихъ уже начиааетъ увядать, и

1) Въ рукописи надъ словами въ скобкахъ приписано: въ особенности когда сіи isolir'ованы.

такое безпрестанное и безуспѣшное стремленіе ихъ дѣлается имъ (по крайней мѣрѣ многимъ) противнымъ. — Итакъ гдѣ же это (возможное) щастіе, гдѣ довольство? Неужели оно существуетъ только въ воображеніи?— Нѣтъ, нѣтъ! оно можетъ существовать на дѣлѣ, и, сколько я замѣтилъ, имъ пользуются, кажется, нѣкоторые. Но сіи нѣкоторые избранные рѣдки, и надобно, чтобы обстоятельства довели ихъ неволью къ сему довольствію; надобно, чтобы опытъ рано доказалъ имъ выгоды ихъ состоянія, — рано, т. е. прежде, нежели несчастная старость сдѣлаетъ ихъ неспособными ко всѣмъ пріятнымъ и щастливымъ впечатлѣніямъ. Одни умствованія для сего недостаточны. Но и тутъ нужно, чтобы часто находились они въ забвенности, и чтобы мятежное существованіе, чтобы бѣдствія имъ подобныхъ рѣдко пробуждали ихъ и нарушали ихъ внутреннее спокойствіе. Еслили они будутъ находиться въ уединеніи, то надобно, чтобы мысли о сихъ бѣдствіяхъ рѣдко напоминали имъ тяжесть или, лучше сказать, ничтожность сей жизни.

26 Юля. Пятница. Полночь.

23[-го] получено извѣстіе отъ Ген[ерала] Витгенштейна отъ 21-го, что онъ разбилъ и прогналъ корпусъ Удино. Это извѣстіе очень обрадовало П[стер]бургъ, по вѣстѣ, кажется, заставило еще болѣе думать о рѣшительной минутѣ главнаго сраженія. — Какъ всѣ мысли перемѣнятся, какъ перемѣнятся обстоятельства, и какъ скоро! Пора возторжествовать храбрости и щастію! Пора возторжествовать благородной народной гордости!

Надежда меня не обманула въ разсужденіи Витгенштейна. Дай Богъ, чтобы она исполнилась въ разсужденіи Богратіона! Не знаю, почему я очень надѣялся на этихъ двухъ Генераловъ.

Москва показала, что жители ея суть корень Россійскаго народа. Удивительныя пожертвованія отъ всѣхъ состояній. — Здѣшнее купечество оказало духъ des arnseligen Krämers. Говорятъ, что иностранцы-купцы отличились гораздо лучше. На Москву я теперь смотрю съ другой точки зрѣнія противъ того, каковою она мнѣ показалась во время послѣдняго моего тамъ пребыванія.

Не помню, записалъ ли я въ сей книгѣ тотъ день, въ кот[орый] я былъ у обѣди въ Казанской во время празднованія мира съ Турціею. Я стоялъ на хорахъ. Богослуженіе имѣло для меня какой-то таинственный и подлинно ангельскій видъ. Навсегда останется въ моей памяти та минута, въ которую, между тѣмъ какъ всѣ, начиная отъ Императрицы и Вел[икихъ]¹⁾ Князей до послѣдняго работника, — стояли на колѣняхъ: Митрополитъ читалъ молитву

1) Въ рукописи: Всел.

о войнѣ. Слова: *всякое зрѣніе Державы Ею даруя* глубоко врѣзались въ сердце моему. Я плакалъ и былъ виѣ себя, и когда, въ продолженіи обѣдни, вспоминалъ объ этомъ, то слезы текли изъ глазъ моихъ. Съ тѣхъ поръ Митрополитъ кажется мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Пусть послѣ этого говорятъ, что Любовь къ Отечеству есть одна только пустая мечта. —

Понед[ѣльникъ]. Юля 29. Полночь.

Соображая все, кажется мнѣ, что о Сергѣѣ нечего опасаться. Конечно, безпокойство, неудовольствіе, скука и тоска теперь съ нимъ; но важнѣе сего врядъ ли что есть. Думая и передумывая все, конечно, сердце за него сильно бьется.

Изъ арміи ничего еще нѣтъ.

Вчера былъ праздникъ Смоленской Богородицы. Армія наша подъ Смоленскомъ. Что будетъ?!

Кромѣ всего, съ одной стороны Геттингенъ, съ другой — Москва меня сильно безпокоятъ. Какъ неизвѣстна для насъ будущность! — Какъ тяжело настоящее! Что теперь на землѣ происходитъ! Какъ распространены слѣдствія сумасшествія одного народа! Не было ли бы лучше, естлибъ народы были болѣе раздѣлены, т. е. естлибъ не было столь большаго отдѣльнаго числа людей, говорящихъ однимъ языкомъ! Стали бы тогда многіе соединяться? Конечно, теперь одинъ, болѣе сильный народъ велитъ соединяться съ собою другимъ, менѣе сильнымъ каждый въ особенности, и всѣ идутъ и дерутся вмѣстѣ.

Никогда я такъ за Сергѣя не боялся: сердце сильно, очень сильно бьется; холодный потъ выступаетъ на лицѣ; дыханіе тяжелѣ обыкновеннаго; мысли разсѣяны, и я самъ не свой. Дыханіе становится еще тяжелѣ; рука дрожитъ. Этотъ день надобно замѣтить. Сергѣй! думаешь ли ты теперь о насъ? Есть ли время тебѣ думать? Но кажется, что думать ты можешь и вѣрно думаешь. Подкрѣпись! Укройся въ мирномъ Геттингенѣ и терпи! Время то настаетъ, когда и мы будемъ вмѣстѣ. Но какъ, можетъ быть, время то будетъ различно съ тѣмъ, когда мы разставались!

5 Авг[уста]. 11 ночи. Понед[ѣльникъ].

Изъ большой арміи все еще ничего нѣтъ новаго, Французы отступаютъ отъ Смоленска и тянутся къ Малороссіи. Витгенштейнъ извѣщаетъ, что онъ еще въ другой разъ разбилъ Удинота. — Посл[анникъ] Яковлевъ пишетъ изъ Копенгагена, что Сергѣй и Каверинъ остались въ Геттингенѣ и ждутъ денегъ для возвращенія. Непонятное дѣло, и непонятно по всему. Завтра пишемъ къ Сергѣю и посылаемъ еще денегъ.

На меня, кромѣ всего, нашла теперь моя обыкновенная скука, которой

однакоже я давно хуже не чувствовалъ. Все мрачно! — Разсуждая и думая о теперешнихъ обстоятельствахъ, можно очень многому научиться: многое, о чемъ прежде сомнѣвался, подтверждается; многое поражаетъ своимъ естественнымъ ходомъ. Но какъ ужасна такая школа! Когда Европа будетъ спокойна?

Я, можетъ быть, скоро поѣду въ Москву. Здѣсь безпокойства усилились, по крайней мѣрѣ смотря по приготовленіямъ, сколько мнѣ извѣстно, очень смѣшнымъ, которыя начинаютъ производиться въ дѣйствіе.

9 Авг[уста]. Вечеръ.

Долгое ожиданіе изъ арміи извѣстій, молчаніе, неизвѣстность кончились — назначеніемъ К[нязя] Кутузова Главнокомандующимъ. Этому всѣ рады, а во мнѣ — новыя мысли. Какъ кажется, мудрено ли достичь того, чего достигли теперь полмиліона людей, и многіе, можетъ быть, противъ своей воли? — Досадно, но что дѣлать? Терпѣть! Чѣмъ это все кончится? И когда узнаемъ конецъ? Брауншвейгскій Принцъ у меня въ виду.

Гейне, какъ я читалъ въ Сѣверной Почтѣ, умеръ; но тутъ сказано что-то похожее на скоропостижную смерть!

Къ Сергѣю письмо и два векселя посланы 6 Августа. Къ 1-му Сентябрю онъ должесть ихъ получить.

Въ Москвѣ, какъ пишетъ Булг[аковъ] къ брату, былъ высѣченъ Французъ-поваръ Гр[афомъ] Рост[опчинымъ] кошками и сосланъ въ Сибирь за болтанье — zu stark! Булг[аковъ] восхищается умомъ и осмотрительностію Гр[афа] Рост[опчина]. Это не дѣлаетъ чести его простотѣ. Другой Французъ ожидаетъ кнута. Все это мнѣ очень, очень не нравится. Народъ смотритъ, гов[орить] Б[улгаковъ], на все это съ удовольствіемъ. Еслибы народу объявили вину сихъ преступниковъ, то онъ бы вѣрно былъ другаго мнѣнія съ Б[улгаковымъ]. Можно, если хотятъ, вселять другимъ образомъ ненависть въ народѣ къ Французамъ. Diese Palliative sind keine rechten Mitteln.

Государь отправился въ Финляндію.

Мысль оставить Отечество опять во мнѣ возродилась; но сіе желаю я сдѣлать не иначе, какъ побывавъ тамъ, *гдѣ можно думать и повѣрять*, т. е. въ арміи. Петербургъ, въ особенности здѣшняя служба, которая мнѣ опротивѣла, и на все будущее время ничего мнѣ лестнаго и желательнаго не представляютъ.

Теперь я вижу, что до каждаго доходитъ очередь, т. е. что на всѣхъ улицахъ бываютъ праздники. Итакъ это подаетъ мнѣ питательную, но пустую надежду, что и на моей улицѣ будетъ праздникъ. Конечно, все это gilt in

der Abstraction von anderen Dingen, ибо мысли, при взглядѣ на ратниковъ, возбуждаютъ во мнѣ совсѣмъ другія чувства.

Die Götter, Niobe! versteinten deine Glieder,
Und hartem Marmor gab
Praxiteles das Leben wieder!¹⁾.

26 Авг[уста]. Вечеръ.

Армія наша около Можайска. Я предчувствую побѣду и воображаю радость и славу Россіи! Естьли это вообразить себѣ можно! Но желаніе мое теперь быть свидѣтелемъ и соучастникомъ рѣшительнаго сраженія такъ велико, что я болѣе терпѣть не могу теперешняго моего положенія. — Каковы будутъ или могутъ быть воспомнанія, въ особенности когда я оиать буду за границею! Я упустилъ многое; но нерѣшительность всему причиною.

Пятница. Авг[уста] 30-го дня. Александровъ день.

Богъ всемогущъ, Онъ милосердъ, справедливъ; и храбрость Русская вознаградилась побѣдою! Народъ, раздраженный дѣйствіями и замыслами врага и движимый истинною любовію къ Отечеству, удивлялъ даже и самого себя своими жертвованіями. Каждый старался стать передъ Москвою, чтобы хотя нѣсколько своимъ бытіемъ сохранить бытіе первопрестольнаго града. Глаза всего народа были обращены на мѣсто, омерзненное наше-ствіемъ пновѣрца, но теперь вновъ освященное побѣдами православныхъ! Сердца бились у всѣхъ, у друзей и недруговъ; во всѣхъ очахъ сіяла надежда, святой даръ благаго Провидѣнія. Наконецъ приближился рѣшительный часъ — и Россія возторжествовала!

Естьли смертнымъ дана способность изъ прошедшаго и настоящаго заключать о будущемъ, то по всему видно, что настоящая война, будучи сопровождаема непрерывными успѣхами, поставитъ Россію на величайшую степень величія и славы, на которой еще никогда и никакой народъ не находился. Были народы, коихъ могущество давало законы всѣмъ ихъ современникамъ, — и слава ихъ велика, ужасна. Но не было еще народа, который бы, противоборствуя спльному и искусному завоевателю²⁾ и угрожаемый разпространившимся повсюду наводненіемъ отъ разъяреннаго моря, котораго волны ударялись уже о стѣны его столпцы, — остановилъ успѣхи врага, обратилъ вспять разъяренное море и волны его обрушилъ на погибель

1) Ниже этихъ стиховъ зачеркнуто слѣдующее: Aus dem.....übersetzt.

2) Далѣе въ рукописи зачеркнуты слѣдующія слова: «и стремясь остановить, такъ сказать, всеобщій потокъ варварства, грозившій наводнить...»

вражеской наглости и нечестія. Не было такого народа, но теперь онъ существуетъ: храбрость и любовь къ отечеству возвели Россію на сію степень славы.

Съ тѣхъ поръ, какъ Отечество наше, въ слѣдствіе дѣяній великаго человѣка, должно принимать въ событіяхъ Европы непрестанное и живое участіе, сіе послѣднее въ теченіе многихъ лѣтъ зависѣло почти всегда отъ политики кабинетовъ, отъ личныхъ качествъ Государей и Министровъ. Но когда отъ искаженной образованности, отъ ложнаго просвѣщенія, отъ безпорядка въ правленіи и отъ природнаго непостоянства Французскаго народа возгорѣлась революція, и когда правители сего государства извлекли всѣ возможныя силы изъ народа — чего никто прежде сдѣлать не осмѣливался, — тогда направленіе политики Европейскихъ государствъ не могло болѣе быть сомнительно, и всѣ должны были вооружиться противъ, такъ сказать, персидившагося народа Французскаго. Никогда народъ, какъ замѣчаютъ нѣкоторые великіе умы, не бываетъ столь опасенъ, какъ послѣ важныхъ внутреннихъ переворотовъ: всѣ и вооружились. Несогласіе въ союзахъ, недостатокъ въ искусствѣ, измѣна содѣйствовали къ неуспѣху въ предпринятыхъ мѣрахъ. Ходъ вещей доказывалъ, что два народа казались быть избранными Провидѣніемъ для воспрепятствованія всеобщей гибели. Россія и Англія, самою природою и взаимными выгодами назначенныя быть всегда въ дружелюбныхъ сношеніяхъ м[ежду] с[обою], соединились еще тѣснѣйшими узами и противостали Франціи въ то время, какъ началъ показываться въ славѣ своей владычествующій нынѣ тамъ герой, горькій плодъ революціонной свободы! Суворовъ показалъ, что возможенъ великій человѣкъ съ горстью храбрыхъ и непобѣдимыхъ. Но нечистосердечность нашихъ союзниковъ, Австрійцевъ, или, справедливѣе сказать, нечистосердечность Эрцъ-Герцога Карла, покрывшагося вѣчнымъ стыдомъ въ прошедшую войну противъ Французовъ, разстропла самый союзъ и прекратила успѣхи Русскихъ войскъ въ Швейцаріи и Италиі. Съ тѣхъ поръ, ободренный послѣдовавшими успѣхами, Наполеонъ Бонапарте жертвовалъ на полѣ брани всѣмъ для удержанія начальства надъ Французами, а внутри государства жертвовалъ всѣмъ для удержанія и разпространенія своихъ завоеваній. Чудовищныя конституціи Германіи и Италиі, а въ особенности сего перваго государства, отверзли путь славѣ и могуществу сего болѣе щастливаго, нежели истинно великаго завоевателя, и сіи земли содѣлались жертвами его безмѣрнаго честолюбія. Конечно Франція неотмѣнно должна была чувствовать тяжесть желѣзнаго его скипетра. Изнуренная революціею во время Республиканскаго правленія, Франція не пріобрѣла покоя и отдохно-

венія при Монархическомъ или, въ сущности, Деспотическомъ правленіи: конскрипція завершила опустошеніе городовъ и селеній, воспріявшее свое начало во времена ужасовъ революціонныхъ; обработываніе полей предоставлено старикамъ и женщинамъ; всѣ взрослые люди содѣлались жертвами страсти одного тирана: поля Германіи и Гиспаніи обагрились ихъ кровію, но нѣтъ поту ихъ на поляхъ отечественныхъ!

Покоривъ Нѣмецкое Государство и Италію своей ужасной власти и наполняя свои легіоны побѣжденными, Императоръ Французовъ возмечталъ завладѣть и Гиспанією.

Употребивъ въ помощь обыкновенное свое средство¹⁾ обманъ, онъ ввелъ туда войска свои; но дерзости его были положены ужасныя препоны. Тутъ увидѣлъ онъ невозможность покорить народъ, исповѣдающій одинъ законъ и служащій одному Государю. Усилія его были удивительны: около полу-миліона войскъ Французскихъ нашли свой гробъ подъ развалинами опустошенныхъ ими городовъ и селеній; и наконецъ самый братъ его, перемѣщаемый изъ одного Королевства въ другое, содѣлался жертвою его алчности. — Слава непобѣдимымъ Гиспанцамъ! Слава храбымъ и нетоумнымъ ихъ союзникамъ! — Никогда кровь человѣческая не проливалась съ большею справедливостію, съ большею честію, какъ кровь Гиспанцевъ и Англичанъ въ мпнувшихъ годахъ.

Падшіе на полѣ брани кровію своею искупили свое Отечество, искупили свободу. Слава праху ихъ!

Утомленный сею пагубною войною, постыженный, но еще надмѣнный Императоръ Французовъ предпринялъ новую войну; но пошелъ къ гибели своей тою же дорогою; вторгнулся въ предѣлы Россіи съ многочисленнымъ войскомъ рабовъ и поработченныхъ и мнилъ вознаграждать бывшія неудачи новыми завоеваніями. Но остановись, безумецъ: есть Богъ въ небесахъ! и гибель твоя неизбѣжна.

Обольщенный пустыми надеждами, пздревле безразсудный народъ Польскій соединился съ Французскимъ Императоромъ и за тщетное названіе Варшавскаго Герцогства жертвовалъ тысячами своихъ единокровныхъ на пораженіе Гиспанцевъ, народа, который никогда не былъ и не могъ ему быть опаснымъ; и сіе для того, чтобы умножить собою число несчастныхъ народовъ, подпавшихъ подъ иго Наполеона.

При настоящей войгѣ народъ сей мнилъ достигнуть предполагаемой имъ цѣли и, совокупившись во едино, содѣлаться подданнымъ, или, какъ это

1) Надъ этими словами приписано: «Часть мщенія и свободы!»

у нихъ называется, союзникомъ Франціи. Но Провидѣніе бдитъ и надъ заблужденными; и Польша никогда не достигнетъ желаемого ею себѣ нещастія.

Привыкнуши побѣждать Австрійцевъ и Прусаковъ, Наполеонъ, кажется, не воспользовался уроками, данными ему на поляхъ Ейлавскихъ и Пултусскихъ, и при вступленіи на Русскую землю, въ своей непостижимой самонадѣянности, пошелъ къ Смоленску; а отъ Смоленска — о верхъ заблужденія и надмѣнности! къ Москвѣ. Отъ чего могъ онъ подумать сравнить Бѣлокаменную съ закуреною Вѣною, съ Берлиномъ? — Отъ Смоленска онъ пошелъ къ Москвѣ. Но тутъ встрѣтило его Русское воинство, съ¹⁾ нетерпѣніемъ ожидавшее битвы и со славою отразившее дерзость вражескую, которая не могла имѣть дальнѣйшихъ предѣловъ. —

Народы Европы! ободритесь! Скоро увидите вы тирана вашего, совершенно пораженнаго вашими избавителями. — Се насталь часъ мщенія и свободы!

Мысли по выслушаніи благодарственнаго молебна²⁾ въ Невскомъ монастырѣ 30 Авг. за побѣду надъ Французами.

30 Авг[уста]. Кончилъ³⁾, переписалъ и доволенъ. — *1/2 4-го ночи.* Курю, пишу и вспоминаю Геттингенъ.

А какъ бѣлое прочелъ, то довольство уменьшилось. Однакожь нѣтъ нужды.

13 Сентября.

Естьли я долго не писалъ въ этой книгѣ, то долго всѣ и молчали: но молчаніе было ужасное, неизвѣстность мучительная. Наконецъ всѣ заговорили, или, лучше сказать, всѣ хотѣли говорить, но удивленіе ихъ позволяло имъ выговаривать только слова: Французы въ Москвѣ, какъ? что? —

Это меня сразило. Пребываніе здѣсь дѣлается мнѣ несноснымъ. Я хочу ѣхать въ Симбирскъ, вступить въ ополченіе и итти противъ непріятеля.

Я давно этого хочу, но хотѣть не довольно. Сергѣй остановленъ въ Гамбургѣ. Все это позволяетъ только на минуту забываться, но потомъ тѣмъ съ большею силою чувствовать тягость своего положенія. — Отсюда отправляютъ всѣ правительственныя дѣла — и все въ Крохинскую пристань на Бѣломъ озерѣ. А я безпрестанно мучусь отъ того, что здѣсь, и эта мысль ѣсть сердце мое, какъ ржавщина желѣзо. Право не прибавлю.

2 Сент[ября] вступили Фр[анцузы] въ М[оскву].

1) Далѣе зачеркнуто: жадностію.

2) Въ рукописи: молебна.

3) Очевидно свое сочиненіе о налогахъ.

Москва! Кого ты видишь въ стѣнахъ своихъ? Неужели это останется безъ отмщенія? Если будетъ воля свыше хорошая, то все будетъ вознаграждено справедливымъ и ужасно-сладостнымъ мщеніемъ.

27 Сентября. 11-го 1/2 ночи. Суббота.

Сегодня день моего рожденія. Мнѣ 23 года. Какая несчастная молодость! Какой будущности надѣяться можно! Есть ли что-нибудь лестнаго кромѣ невозможнаго? Теперь сижу я одинъ и раздумался о положеніи моего Отечества. Какое несчастіе можетъ сравниться съ взятіемъ и сожженіемъ Москвы? Какое глубокое впечатлѣніе сдѣлало это въ моемъ сердцѣ! Мнѣ кажется, что я всего лишился на свѣтѣ, и право остается только умереть. Горькія слезы текутъ изъ глазъ и запечатлѣваютъ истинну чувствъ моихъ, ибо я самъ не вѣрю, что вижу, и что къ несчастію такъ вѣрно. Москва! Россія! Я теряюсь въ горести и изступленіи.

7 Октября. Понедѣльникъ. Ночь.

Военныя обстоятельства остаются непремѣнными; надежда ослабѣваетъ, какъ кажется, съ нашей стороны. Однакожь мало говорятъ о мирѣ: всѣ желаютъ продолженія войны.

Уваровъ и Пр..... написали по нѣскольку страницъ на случай взятія войны¹⁾; и сочиненія ихъ, въ особенности перваго, очень публикѣ нравятся; а мнѣ это чудно.

Сегодня цѣлой день читалъ я описаніе жизни Князя Шаховскаго. Какъ видна въ немъ эта *рабская* вѣрность, которою наши патріоты отличаются или, по крайней мѣрѣ, отличались. Хорошо ли это или нѣтъ? Право теперь, подумая, кажется, отвѣчать надобно: 2×2 составляютъ ли 4?

Козловскій ѣдетъ завтра. Какія-то темныя предчувствія меня здѣсь удерживаютъ; хотя по службѣ и нельзя, да нѣтъ причины чего-нибудь надѣяться, но все еще идея пуля и огня вертится въ головѣ моей; а путешествовать теперь нѣтъ охоты.

Отъ Данилевскаго получаю письма, но мало утѣшительныя. Теперь я часто хожу въ театръ, но въ Русскій всегда не съ охотою, а такъ... А во Французскомъ всегда съ большимъ удовольствіемъ вижу Фелиску. Въ Нѣмецкомъ давно уже не былъ. Живу очень уединенно.

Судьба Сергѣя меня очень беспокоитъ. Третьяго дня видѣлъ его во снѣ въ Геттингенѣ въ Вестфальскомъ солдатскомъ мундирѣ. Отъ Матушки по сію пору писемъ не имѣемъ.

1) Москвы?

16. Вторникъ. 10 ночи.

Москва избавлена отъ иноплеменныхъ. Мюратъ былъ разбитъ Кутузовымъ. Побѣда славная, какъ всё говорятъ. Радость здѣсь неописанная. Слава народу Русскому! Слава храброму воинству! Слава Кутузову! Кутузову слава! Ахъ, если сбудется сказанное (какъ говорятъ) Кутузовымъ: Москву-то онъ увидитъ, да Парижа-то ему не видать. Тогда только Европейцы, могущіе цѣнить народъ Русской по наружнымъ явленіямъ, возымѣютъ должное уваженіе къ нему. А я, право, не могу безъ слезъ вспомнить о томъ великомъ народѣ, кот[орый] люблю не потому, что принадлежу къ нему.

Какъ явно доказывается намъ истина! Чѣмъ болѣе мы стрясываемъ съ себя иностранное, тѣмъ въ большемъ блескѣ, въ большей славѣ являются народныя свойства наши. Чѣмъ болѣе обращаемся сами къ себѣ, тѣмъ болѣе познаемъ достаточность свою на удовлетвореніе требуемаго отъ чужеземцевъ для нашей пользы. Слава Кутузову!

Отъ Сергѣя имѣемъ письмо. Онъ ѣдетъ сюда. Хочется увидѣть и Кав[ерина].

Отъ Матушки имѣемъ тоже изъ Симбирска письмо.

Я все сижу дома. Сегодня извѣстіе о побѣдѣ выгнало меня на Невской проспектъ. Былъ у раненаго Ал[ександра] Мих[айловича] Тургенева.

19 [Октября]. Вчера привезены 24-ре знамя, отнятыя Ген[ераломъ] Штейнгелемъ у Баварцевъ.

Сей часъ пришелъ изъ Нѣмецкаго театра. Играли Ludwig des Springers ein altdeutsches Ritterschauspiel. Чего тутъ не было! Одинъ, представлявшій монаха, ѣздилъ верхомъ на Линденштейнѣ, другой заклеилъ губы, чтобы бонмо свои хоть тѣмъ сдѣлать лучше, что они не будутъ слышны. Въ 4-мъ дѣйствии представляли d[as] Gottesgericht и дѣлали d[ie] Feuerprobe; а въ 5-мъ дрались на дуэлѣ, и одинъ, умирая, дрягалъ ногою, между тѣмъ какъ чрезъ сіе освобожденная жена его, которая клялась ненавидѣть любовника своего, если онъ убьетъ ея мужа, — жена во время сего погодряганія обнималась съ своимъ любовникомъ, убійцею мужа. Только Нѣмецкая голова можетъ все это выдумать, и только Нѣмцы могутъ сему аплодировать. Все это имъ нравится, они предовольны и даже восхищаются игрою своихъ актеровъ — щастливое заблужденіе.

28 Окт[ября]. 11-го ³/₄. Понедѣльникъ. Мы—на новой квартирѣ. Старую оставилъ, не имѣя въ головѣ ни одного пріятнаго воспоминанія. Напротивъ, проѣзжая мимо тѣхъ улицъ, какое-то мрачное чувство наполняетъ сердце; а вспомнивъ о дняхъ и вечерахъ, которые я одинъ просиживалъ въ моей ко-

мнатѣ, проводя время въ скучныхъ мечтаніяхъ, въ представленіи себѣ прошедшаго, обманутыхъ надеждъ и т. п. — я говорю самъ себѣ: какъ можно было сносить это все такъ хладнокровно! Но теперь — не то ли же все будетъ?

Я чувствую въ себѣ теперь какую-то перемѣну: размышленія мои сдѣлались покойнѣе; какое-то уныніе даетъ имъ видъ сей. Часто думаю я: какъ жить въ свѣтѣ? и никогда не нахожу въ головѣ своей ни одного удовлетворительнаго способа. Всѣ роды жизни, которые для меня возможны, не представляютъ ничего такого, чтобы было сходно съ образомъ моихъ мыслей, съ моимъ характеромъ, съ моими намѣреніями; а если иногда нѣсколько пылкое воображеніе и представитъ мнѣ нѣкоторые слабые оттѣнки прелестей возможныхъ, то вскорѣ строгій разумокъ изглаживаетъ сіи усладительныя мечты; и мрачность, уныніе заступаютъ мѣсто щастливыхъ размышленій ¹⁾).

Прости, надежда! Долго обманывала ты воображеніе, которое, не умѣя судить о свѣтѣ, о жизни, предавалось быстрымъ мечтаніямъ. Но какъ скоро, какъ сильно выведенъ изъ заблужденія разумокъ мой! Сердце мое иногда блпось при различныхъ мечтаніяхъ о будущемъ! Но теперь оно спокойно. При самомъ т[акъ] ск[азать] вступленіи въ жизнь (предтекшіе годы были голько приближеніемъ къ оной); при самомъ началѣ ясно увидѣлъ я, что нельзя имѣть никакой разумной цѣли, нельзя имѣть — о, несчастная опытность! нельзя имѣть и надежды!

Теперь я подобенъ человѣку, совратившемуся съ *предлежавшаго* ему пути (по крайней мѣрѣ *таковымъ* я его почиталъ), стоящему посреди страннаго поля и незнающаго куда направить стопы свои.

Трудно согласиться на то, чтобы одинъ случай управлялъ поступками и дѣяніями человѣка; трудно отдать челнокъ свой на произволь вѣтра. Трудно, но я долженъ это сдѣлать, т. е. долженъ согласиться, что иначе нельзя, хотя и не хочу предаться сей неутѣшительной мысли.

Въ арміи главной все идетъ хорошо. Французы ретируются. Витгенштейнъ продолжаетъ бить и гнать непріятеля. Для чего я не тамъ? Чортъ знаетъ, что будетъ съ моимъ характеромъ! а веселость *ist dachin*.

Между многими мыслями представляется мнѣ одна, всегда бывшая моею мыслію ²⁾). Какъ можно было думать, что можно быть полезну по службѣ, хоть бы то было черезъ 10—20 лѣтъ? Можно было думать, бу-

1) Далѣе зачеркнуто: «Прости, надежда, прости, пріятное спокойствіе духа! Долго обманывали вы...»

2) Далѣе зачеркнуто: «а теперь, благодаря опытности...»

дучи далеко отъ поприща службы; но въ близк — а! какъ все это иначе кажется! Безконечный беспорядокъ, хаосъ потрясають самое крѣпкое намѣреніе; а хотя маленькое узнаніе лицъ или особъ вселяетъ въ душу совершенное отчаяніе, т. е. безнадежность, за которою и слѣдуетъ отвращеніе.

15 Ноября. 12 ночи. Храбрость и правая сторона возторжествовали. Въ нѣсколько дней увяли лавры, украшавшіе Французскихъ предводителей. Такъ и быть должно. Наконецъ всякой имѣетъ свое: Русскіе славу — Французы безславіе и стыдъ. 12.000 Фр[анцузовъ] сдалось вдругъ подъ Смоленскомъ. Нѣмцы должны обрадоваться, найдя себѣ подобныхъ, да еще и въ своихъ повелителяхъ. Сей примѣръ можетъ возродитъ въ нихъ желаніе возвыситься надъ своими тиранами. Кутузовъ открылъ глаза Европѣ. Что касается до Русскихъ, они никогда въ общемъ заблужденіи не были, и всегда чувствовали свое превосходство надъ Французами во всемъ, относящемся до храбрости и искусства. Надобенъ былъ Кутузовъ, для представленія имъ случая доказать сіе чувство на дѣлѣ. Онъ представлялъ сей случай нѣсколько разъ; и доказательства оправдали ненескромное ожиданіе Русскаго народа. Жаль, что Богратіонъ не доложилъ до сихъ поръ.

Сергѣй возвратился изъ чужихъ краевъ. Каверинъ тоже пріѣхалъ: я нашель его ни мало не перемѣнившимся. Я все скучаю — все одно въ головѣ.

16 Нояб[ря]. 3/4 12-го ночи. — Теперь слышалъ о новыхъ успѣхахъ нашихъ армій. Пльнныхъ и пушекъ берутъ очень, очень много.

Сегодня по вечеру былъ въ Фр[анцузскомъ] спектаклѣ. Давали Весталку. Музыка прекрасная, но больно слушать непрекрасное пѣнье.

Отъ чего люди жалуются на настоящія времена и хвалятъ протекшія? — Частію отъ того, что въ молодости всѣ чувства сильнѣе, какъ отъ другихъ причинъ, такъ и отъ неопытности: и добро чувствуется и доказывается сильнѣе; скорѣе, охотнѣе оказываются услуги, даже необдуманно (отъ неопытности). Что покажется незлымъ или добрымъ съ перваго взгляда, то вотъ уже и добродѣтель въ глазахъ молодаго, неопытнаго и болѣе пылкаго человѣка. Онъ обманывается, думаетъ, что это случайно; но когда видитъ, что обманы сіи часто повторяются; когда часто удостоверяется въ своей поспѣшности при первомъ взглядѣ, то опытность дѣлаетъ его холоднѣе, и, смотря по тому, часто или рѣдко онъ обманывается, и характеръ¹⁾ его дѣлается болѣе или менѣе недовѣрчивымъ, холоднымъ.

Я теперь не буду стремиться къ исполненію желаній другихъ съ такимъ рвеніемъ или съ такою скоростію, какъ прежде. Щастливъ, кто долго

1) Въ рукописи: халактеръ.

не сдѣлаеть сего опыта! Наконецъ конечно каждый долженъ испытать сіе; каждый, кто почитаетъ за должное итти, хотя и не зная сего, на обманъ.

23 Ноября. 11 час[овъ] ночи.

Сегодня я не простился съ уѣхавшимъ Каверинимъ: все вздоры, и пустые. Предчувствіе говоритъ мнѣ, что съ нимъ должно случиться что-нибудь очень, очень неприятное во время его отсудствія изъ П[етербурга]; а сіе заставляеть меня тѣмъ болѣе сожалѣть, что разстался съ нимъ не простясь. Вчера и сегодня очень холодно; вчера, какъ гов[орятъ], было 12, а сегодня 17°. Вчера для меня казалось холоднѣе.

Отъ Витгенштейна получено извѣстіе, что онъ разбилъ Фр[анцузскую] гвардію. Успѣхи, увеличиваясь, должны заставить думать болѣе и болѣе. Прежде была одна цѣль: спасти Отечество; теперь — утвердить и прославить его. Кто избранъ Провидѣніемъ для того, чтобы воспользоваться дѣянiями Смоленскаго? Сердце что-то бьется. Прости! Аддіо! Умъ и размышленіе не блистають и не показываются.

24 Ноября. 11 ночи. Сегодня былъ въ Нѣмецкомъ театрѣ. Давали die Familie Pumpernica. Lindenstein смѣшилъ меня много. — Раздумая, я очень грущу. Уединеніе конечно заставляеть о многомъ подумать, а размышленіе — о многомъ беспокоиться. Сердце бьется отъ горестнаго предчувствія. Уединеніе тѣмъ болѣе несносно, естли чувствуешь тяжесть, не чувствуя нужды онаго. Очень, очень грустно. На всѣ случаи нельзя предостеречься; а сдѣлавши недолжное и пропустивъ случай поправить, очень послѣ досадно и больно.

28 Ноября. 2 ч[аса] ночи.

Чичаговъ заставилъ много говорить о себѣ.

Здѣсь пронеслись слухи о смерти Наполеона; и сіе, какъ говорятъ, отъ ошибки въ сочиненіи Шишкова.

Я теперь привожу къ концу свою дисертацію. Вчера цѣлый день сидѣлъ за нею, даже не обѣдалъ. Идетъ, кажется, ладно и годится для печати; но вѣрно по напечатаніи я увижу много безпорядка; хотя и теперь знаю, что многое могу сдѣлать лучше. Но переработываніе трудно и скучно. Кажется, что могу.

О Москвѣ ужасные слухи, убивственныя. Желалъ бы ее теперь видѣть.

12 Декабря. 3/4 1 ночи.

Путру занимался дисертацію. Послѣ обѣда читалъ Дельфину: прекрасная книга. Какъ привязываетъ къ себѣ Дельфина! — Многое въ семь романѣ я понималъ, чего бы прежде вѣрно не понималъ.

Отъ Каверина получилъ письмо изъ Москвы: очень жалѣю, что онъ нездоровъ.

Нещастье-ль то или судьбъ уставъ?
 Отъ дѣда Карлъ ушелъ, отъ батюшки Густавъ;
 Сынокъ же прозѣвалъ скелетъ Наполеона, —
 Бѣда, какъ попадетъ между орловъ ворона!

—

Durchmarschiren,
 Einkwartiren,
 Alimentiren,
 Requisiren,
 Conscribiren,
 Frau entführen,
 Haus verlieren,
 Nicht resoniren,
 Und doch illuminiren —
 Dies ist zum krepiren.

—

Я не знаю, какое непостижимое чувство любви и привязанности привязываетъ одного къ другому. И къ сему чувству присоединяется чувство состраданія, которое всегда сіе первое сопровождало. Всегда стараешься увѣрить въ сихъ чувствахъ, и всегда кажется, что другой того не знаетъ: это ослабляетъ силы и заставляетъ терять надежду. Въ Дельфинѣ много нашель я чувствъ, кот[орыя] мнѣ показались справедливыми и доказательствомъ опыта.

21 Декабря. 12 ночи.

Сергѣй теперь отправился. Покуда я его провожалъ, я все былъ весель; но, возвратившись домой, сдѣлалось мнѣ очень грустно. Все предчувствія; но такъ какъ они меня часто уже обманывали, то я имъ и не вѣрю, и хорошо дѣлаю. Чортъ знаетъ, какъ по сіе время судьба нами играетъ!

Съ Герке жалко было разставаться: малой умной и веселой¹⁾.

Читая Юнга, пришла мнѣ мысль о комитетѣ, кот[орый] можетъ быть учрежденъ при Министерствѣ Полиціи. Онъ будетъ изыскивать невинно

1) Далѣе цѣлая страница была исписана карандашемъ, а потомъ то же самое было переписано чернилами (между строкъ).

страдающихъ въ тюрьмахъ и т. п.; будетъ разсматривать различныя полицейскія рѣшенія и приговоры. — Служащiе тутъ не должны получать никакого жалованья, ни чиновъ, ни крестовъ; и всякъ долженъ знать, что они служатъ безъ малѣйшихъ выгодъ.

Съ понедѣльника на вторникъ¹⁾ видѣлъ я во снѣ, что ѣду въ армію.

1813.

4 Января. 7 вечера. Теперь я кончилъ свое разсужденіе и чувствую нѣкоторое удовольствіе, кот[орое] похоже нѣсколько на ощущаемое послѣ того, какъ сдѣлаешь добро. По крайней мѣрѣ мнѣ работа много добра сдѣлала, избавляя меня отъ скуки, въ особенности въ послѣднія недѣли. Я теперь смотрю на оное какъ будто съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, разлучаясь съ оною: она теперь мнѣ не принадлежитъ, а принадлежитъ публикѣ, т. е. если напечатается. Пойду теперь обѣдать.

1 1/2 ночи.

Меланхолическія мысли въ головѣ. Нельзя рѣшиться, какой образъ мыслей принять за лучшій: смотрѣть ли на все со смѣхомъ или со слезами. Сердце сильно побуждаетъ къ послѣднему мнѣнію; разсудокъ слабо показываетъ на первое. Жизнь странна человѣческая: многіе не видятъ этого; многіе и видятъ, да все какъ-то не такъ, какъ я смотрю на сіе. Мнѣ жизнь моя не представляетъ никакой цѣли и совершенную пустоту; мгновенныя произшествія, желанныя мною, могутъ наполнить пустоту сію; но онія должны слѣдовать всегда послѣ одно за другимъ, дабы всегда имѣть въ движеніи воображеніе. Но есть однакожь для человѣка одинъ источникъ радостей и наслажденія: любовь. Чувство любви конечно *сверхъ-естественно*; одно существо, любящее другое, видитъ въ семъ послѣднемъ не человѣка, но нѣчто болѣе. Все въ ономъ нравится и восхищаетъ. Но высшія существа человѣковъ, какъ будто завидуя щастію смертныхъ, не позволяютъ тихому блаженству долго продолжаться: любовь исчезаетъ, и человѣкъ вступаетъ, т[акъ] ск[азать], въ свою обыкновенную колею; и пріятныя воспоминанія только что причиняютъ боль сердцу и тушатъ лучъ, хотя и слабый, надежды сладостной. Щастливая взаимность представляется воспоминанію съ новыми прелестями, которыя изобрѣтаются мыслями разлуки или одиночества. — Но гдѣ искать сего щастія? Сколько препонъ! Сколько опасностей, кот[орыя] заставляютъ страшиться невозвратнаго!

1) Надъ этими словами написано: «съ 30 на 31 Декабря».

12 Января. 11 ночи. Каждый вѣкъ имѣетъ особенную печать свою. Прошедшій вѣкъ отличается тѣмъ, что всѣ разсуждали и писали о достоинствѣ человека, о самостоятельности и независимости государствъ; о свободѣ гражданъ относительно ихъ лицъ и относительно ихъ собственности. Это былъ вѣкъ благородства, въ коемъ царствовали чувстваванія сердца и понятія разсудка. — Ахъ! для чего не жилъ я въ семъ вѣкѣ, естли мнѣ жить неотмѣнно опредѣлено было! Въ какомъ вѣкѣ люди столь удалились отъ образа мыслей прошедшаго вѣка, или, лучше сказать, происшествія удалили нашихъ современниковъ отъ того столь далеко, что для нихъ правпа ихъ предшественниковъ кажутся даже смѣшными, а иногда и вредными? — Сн отпечатки различныхъ вѣковъ видны изъ книгъ, писанныхъ въ каждомъ изъ оныхъ, въ особенности изъ мѣлкихъ сочиненій, гдѣ всего яснѣе и доказывается образъ мыслей людей вообще. — Разсмотрѣвъ тщательо, и въ особенности съ намѣреніемъ узнать сей образъ мыслей, произведенія различныхъ вѣковъ въ литературѣ вообще; разсмотрѣвъ отличительныя черты законовъ, мѣстныхъ гражданскихъ постановленій; разсмотрѣвъ образъ жизни лицъ, характеръ правительствъ; прнявъ въ разсужденіе всѣ обстоятельства, объясняющія сн измѣненія, какъ то: характеръ, свойство общественныхъ памятниковъ, заведеній и проч. и проч. и проч.: разсмотрѣвъ все сіе въ каждомъ вѣкѣ, можно представить любопытную и поучительную Исторію *образа мыслей* въ различныхъ вѣкахъ. Великая идея! Но естлибы нѣкоторые ученые, вмѣсто своихъ бесплодныхъ, но трудныхъ занятій, занялись, хотя каждый одинъ¹⁾, однимъ извѣстнымъ періодомъ, то изъ сего составилось бы *цѣлое*, которое, при всей обширности и несовершенствѣ въ произведеніи въ дѣйство, принесло бы существенную пользу.

Вчера пришла мнѣ мысль: надобно, чтобы я былъ скученъ для всѣхъ, потому что свѣтъ и жизнь только что скучны для меня. —

Теперь пришла мнѣ мысль собрать вмѣстѣ всѣ разбросанныя замѣчательныя мысли во всѣхъ моихъ журналахъ и переписать это набѣло, начивъ годъ, мѣсяцъ и день, когда каждый изъ отрывковъ былъ написанъ. Это для того, что мнѣ сдается, что я недолго жить буду на свѣтѣ; недолго — да, кажется, скоро, очень скоро долженъ я умереть. Пусть же останется для тѣхъ, кои обо мнѣ вспомнятъ, хотя нѣкоторая извѣстность, почему я долженъ былъ умереть, и почему смерть есть для меня щастіе.

Можетъ быть разсѣянность развлечетъ мрачныя мысли, но разсѣянность сія сдѣлаетъ меня похожимъ на пьянаго, который напивается до без-

1) Надъ этими словами надписано: individuum.

памятства отъ горя и, приходя въ себя, чувствуетъ еще сплывше горе свое, къ чему присоединяется также и чувство нездоровья или боли отъ самаго пьянства.

— Такая разсѣянность, развлекая мысли меланхолическія только на нѣсколько времени, тѣмъ вѣрнѣе приведетъ меня къ концу, т. е. ко гробу.

Тамъ неизвѣстность; а можетъ быть и надежда!

Отъ Каверина получилъ письмо, живо изображающее нѣкоторые отѣнки характера его непочтеннаго батюшки, характера, кот[орый], кажется, перешелъ и на сынка.

Я замѣтилъ, что когда я лягу въ постель и представлю себя какъ будто внѣ міра, представлю, что о мнѣ никто совершенно не думаетъ, представлю себя совершенно одинокимъ (isolé), то чувства безпокойныя, похожія на робость, начинаютъ тяготить сердце мое. — Я долго не проживу. Эта мысль утверждается во мнѣ *malgré-bongré*. — Есть ли существа, невидимыя для насъ, отъ коихъ мы зависимъ. (Я случайно не поставилъ?, но это хо-рошо.)

Si on ne peut pas être le premier, on veut du moins être égal; mais si on n'est pas égal, on ne veut pas être le dernier.

31 Янв[аря]. 2 ночи. Сегодня я былъ въ Совѣтѣ Коммпссіи. Досадно, но надо шутить. Итакъ мнѣ вздумалось представить на табакеркѣ круглый столъ, за которымъ сидятъ Присутствующіе и толкуютъ о комерческомъ уложеніи для Россіи. Рувье можно представить говорящаго: «Овцеводство мнѣ не удалось, я принялся за законодательство». Буше: «Процессы во Франціи приносили мнѣ мало пользы; я принялся здѣсь за лекціи; но поговорить о законахъ однажды въ недѣлю и получать 12000 руб[лей] гораздо легче и пріятнѣе». Рувье прибавитъ: «За овецъ мнѣ много платили: у меня ихъ не было. За свѣдѣнія въ законоискусствѣ надобно платитъ еще болѣе, ибо ихъ у меня еще менѣе, чѣмъ овецъ было». —

Розенкампфъ: Я на все готовъ, берусь за все, оставляя однакожь при себѣ 20000 рублей жалованья, квартиру и оранжерею Ком[миссіи]. — Дружининъ: Господа! конечно я по профессіи Гардеробмейстеръ, но я за то Русской и держусь пословицы: хоть не радъ, да будь готовъ; и потому принялся за законы.

Повечеру я занимался часа съ три сряду хотя и переводомъ, однакожь это напомнило мнѣ щастливые вечера тихой моей жизни въ Геттингенѣ. Какъ различно теперешнее положеніе моего духа отъ тогдашняго! Наружность спокойна, но внутренность съѣдаютъ скука, неудовольствіе и даже отчаяніе. И надежда мучительна, когда она невѣроятна. Я теперь очень разположенъ

къ самому *дальному, но скорому* путешествію; и умеръ бы съ сердечною радостію.

Теперешній родъ жизни моей ни на что не похожъ и естьли долго продолжится, — но конечно онъ долго продолжится, ибо я не предвижу перемѣны — желаемаго простаго благополучія, кот[орое] бы для другаго было непріятно; но для меня неудача въ ономъ очень мучительна.

Что естьли вся жизнь такъ пройдетъ? Но, кажется, мнѣ жить на свѣтѣ недолго. Эта мысль — справедливо ли предчувствіе или нѣтъ — меня очень утѣшаетъ. Но непріятно иногда видѣть въ себѣ живаго мертвеца. Прости, надежда! Обнимемъ съ тобою, вѣрная сопутница моя, скука! Подружимся, мы — старые знакомые. Пусть также не оставитъ меня и горесть.

— Но не хочу имѣть дѣло съ несчастіями обыкновенными.

8 Февраля. Вечеръ. Вчера былъ у брата *thé* и ужинъ: все было хорошо. Лишнимъ только былъ одинъ я. — Сегодня былъ я въ Нѣмецкомъ театрѣ; давали: *d[as] Unterbrochene Opferfest*. Музыка Винтера хороша, но оркестръ и актеры негодные. Въ Галтенгофѣ замѣтна однакожь прошедшая пріятность. Онъ *турниоры* Италіянскіе хорошо употребляетъ.

Надежда моя рушилась. Остается только та, что когда думаешь такъ, то случается напротивъ. Лучше забиться на особой квартирѣ одному въ уголь: сидѣть да лежать, курить и читать. Пріятнаго, оставаясь здѣсь, совершенно ничего не предвижу, тѣмъ болѣе, что, будучи теперь какъ будто отрѣзанъ отъ общества, мнѣ уже и начинать теперь едвали съ успѣхомъ возможно. Да впрочемъ общества тогда только пріятны, когда ихъ желаютъ. А у меня все одна мысль въ головѣ, одно желаніе, котораго я ни на минуту цѣлой день позабыть не могу. Все некстати и непріятно.

25 Февраля. 1/2 1-го ночи.

Вообще, увѣренный въ потерѣ надежды, нахожусь я все еще въ непріятномъ положеніи. Разные планы мелькаютъ въ головѣ моей; но ни одинъ изъ нихъ не остается твердымъ, не имѣя основаніемъ исполненія тѣхъ желаній, которыя совершенно овладѣли душою моею. Часто я забываюсь мечтою; но далеки сіи мечтанія отъ тѣхъ, коими я плѣнялся прежде, не думая и не хотѣвъ думать о неудачѣ. Утѣшенія отъ обманутыхъ ожиданій я не нахожу; такимъ образомъ въ неизвѣстности, не рѣшаясь ни на что, спускаюсь съ горы жизни (т. е. существованія) въ низъ — къ цѣли, которой не знаю, и которая не представляетъ мнѣ ничего пріятнаго.

На сихъ дняхъ обѣдалъ у Гр[афа] Строганова. Послѣ обѣда были споры о предметахъ Политической Экономіи. Нов[осильцева] я очень полюбилъ какъ за его свѣденія, такъ и за хорошее его обращеніе. Также попра-

вился мнѣ и Князь Дм[итрій] Вл[адиміровичъ] Голицынъ, хотя онъ мало говорилъ. Гр[афъ] Строгановъ понравился же мнѣ по его сужденіямъ; но онъ строже Нов[осильцева] и говоритъ болѣе *ръзкимъ тономъ*.

Вральченко¹⁾ вралъ безъ милосердія. Такіе споры хороши, естьли надобно о чемъ говорить въ обществѣ: лучше предмета разговоровъ (topicque) выбрать нельзя.

Сегодня начался великой постъ. Для меня и все не масленица. На масленицѣ я съѣлъ одинъ только блинъ за столомъ у Графа. Это замѣчаніе не простое²⁾: естьли въ Россіи на масленицѣ не ѣшь³⁾ блиновъ, слѣд[овательно] нѣтъ связей, нѣтъ даже знакомыхъ.

Теперь цѣлой вечеръ читалъ Журналъ: Любитель Словесности. Боюсь привыкнуть къ такому пустому и поверхностному чтенію, каковы наши журналы.

Путру читалъ Simondi о бум[ажныхъ] деньгахъ съ большимъ вниманіемъ.

Aus dem Oesterreichischen P[apier] G[eld] kann ich nicht klug werden.

А Нов[осильцевъ] все ихъ въ примѣръ приводитъ.

Читая на одной изъ предъидущихъ страницъ⁴⁾: «Каждый вѣкъ имѣетъ особ[ую] печать свою»... мнѣ пришло начать так[имъ] обр[азомъ] Предисловіе къ моему Разсужденію. Говорить о благородствѣ того вѣка и о печальномъ концѣ или развязкѣ важной загадки, кот[орую] представляло *общее мнѣніе* того вѣка. Потомъ перейти къ началу нашего вѣка, совершенно тому противоположнаго, и сказать, что изъ добра того вѣка и изъ зла нашего⁵⁾ можно ожидать чего-нибудь *средняго*, т. е. возможнаго щастія гражданскаго, кот[орое] уже будетъ прочнѣе тѣмъ болѣе, что добро и зло, слѣдствія желаній слишкомъ великихъ щастія гражданъ, у насъ въ свѣжей памяти, и что мы, видя сами и то и другое, можемъ *избирать*, а можетъ быть еще и *созидать*, естьли не для себя, то для потомковъ. — Теперь простый наблюдатель по одной силѣ происшествій прошедшаго и настоящаго⁶⁾ вѣка можетъ справедливѣе судить о системахъ правительствъ, о

1) Вронченко?

2) Далѣе зачеркнуто: «изъ сего видно, что мнѣ...»

3) Въ рукописи: ѣшь.

4) Въ рукописи: стрр.

5) Послѣ этого слова сверху написано карандашомъ: «что добро было приготавливаемо для ангела, а не для людей».

6) Къ этимъ словамъ ниже (черезъ два листа) сдѣлано слѣдующее дополненіе. «Доказательствомъ сему служить и то, что теперь гораздо менѣе энтузіастовъ; во всѣхъ разсужденіяхъ о Политикѣ, какъ ученыхъ, такъ и другихъ,—видно болѣе хладнокровія и слѣд-

образъ правлепій и т. п., нежели прежде самые славнѣйшіе полптпки. Нѣкоторыя справедливыя понятія, истины вкоренились въ мнѣніе публики; и эти истины основаны не на положеніяхъ ученыхъ людей, но на опыгѣ. Потому-то онѣ и вкоренились, потому-то и неоспоримы, — потому-то и могутъ быть очень полезны.

Благородство прошедшаго вѣка обѣщало прекрасную развязку; уже разпро[стра]ненныя и разпространяемыя тогда ею истины, казалось, ведутъ къ щастливой цѣли, которая будетъ служить началомъ и основаніемъ гражданскаго благополучія.—Ожиданіе сіе было обмануто. Но напрасно будутъ иные говорить, что нельзя было ничего ожидать хорошаго: таковая, присвояемая несправедливо прозорливость невѣроятна и невозможна. Сей ложный патріотизмъ, ложный, т[акъ] ск[азать], Катонисмъ не сдѣлаетъ спмъ несправедливымъ судіямъ никакой чести; но напротивъ того обнаружитъ неспособность ихъ разсуждать и ихъ невѣжество. Исторія одна только можетъ направлять сужденіе наше (а исторія безпристрастна, слѣдственно и мы должны быть таковыми же)¹⁾. — Неудача сія происходитъ отъ того, что люди никогда не могутъ быть умѣренны ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ. Но сильныя обоого рода доказательства опыта могутъ на насъ, современниковъ и злова и хорошаго, нѣсколько подѣйствовать; и еслили судьбою опредѣлено намъ *созидать*, то мы можемъ надѣяться, что зданіе наше будетъ прочнѣе зданій прошедшаго вѣка и полезнѣе зданій нашего желѣзнаго вѣка.

— Вотъ утѣшеніе, которое остается другу человечества и сыну отечества, при столь жестокихъ и ужасныхъ событіяхъ; вотъ надежда, которая совмѣстна какъ съ закономъ природы, такъ и съ законами Христіанской Религіи.

28 *Апрѣля. Утро.* Я все въ безпокойствіи внутреннемъ. Отъ того и писать здѣсь даже не хочется.

Читаю въ Вѣстникѣ²⁾ о блаженномъ времени жизни.

[ственно] болѣе основательности. Сии уроки въ Политикѣ заплачены народомъ его благосостояніемъ и его кровію. Они твердо впечатлѣваются и остаются не безъ пользы. Исторія Наполеона составляетъ одинъ изъ сихъ уроковъ, за который народы Европы заплатили очень дорого. Но урокъ сей правоучителенъ какъ для народа, кот[орый] хочетъ, чтобы имъ хорошо управляли, такъ и для тѣхъ, которые желаютъ управлять народомъ. Фр[анцузская] революція есть цѣль (série) таковыхъ уроковъ, за которую дорого заплатили Европа, Азія и Америка. Пусть нѣкоторые берутъ на себя важный трудъ давать наставленія царямъ и народамъ; пусть они основываютъ свои положенія на правилахъ, истекающихъ изъ сихъ событій, и пусть менѣе безпокоятъ они древность: у насъ теперь своего слишкомъ много».

1) Надъ этимъ словомъ въ рукописи приписано: «вздоръ».

2) Европы (1803 г.).

Думаю: щастливѣйшія минуты жизни суть тѣ, когда мы забываемъ свое существованіе. Итакъ щастіе жизни тогда, когда мы не живемъ.

13 Юня. Отъ чего такъ долго не писалъ я въ сей книгѣ? — Отъ того, что отъ скуки ничего дѣлать не хочется, а еще менѣе бесѣдовать съ самимъ собою. Сіе дѣлается только при пріятномъ разположеніи духа; а я щптаю проходящіе дни и не нахожу ничего пріятнаго, ничего утѣшительнаго. Совершенная пустота наполняетъ ихъ; будущее представляется мнѣ длинною и вмѣстѣ скучною дорогою, и всегда одинаковою. Не вижу лѣса, въ кот[оромъ] можно бы было, уклонясь отъ дороги, отдохнуть. Не вижу холма, съ котораго можно бы было обозрѣть всѣ вокругъ лежащіе предметы и смотрѣть съ¹⁾ спокойствіемъ на захожденіе солнца — на конецъ жизни. Вездѣ глубокой песокъ, вездѣ либо зной, либо — что еще чаще — холодъ. Нѣтъ прохлады; а всего мучительнѣе эти деревья, которыя, не давая отъ себя ни плодовъ, ни даже тѣни, стоятъ на дорогѣ и только что заслоняютъ путь. Но нѣтъ: люди еще хуже деревьевъ! Всего неутѣшительнѣе мысль о тѣхъ людяхъ, въ кругу коихъ жить надобно будетъ; съ людьми, отъ кот[орыхъ] бы уѣхалъ въ Америку, надобно жить въ одномъ городѣ, надобно быть съ ними въ сношеніяхъ, надобно видѣть стыдъ, кот[орый] они дѣлаютъ человечеству, и вредъ, кот[орый] производятъ себѣ подобнымъ. Нѣтъ круга мудрыхъ, съ кот[орыми] бы можно было забывать, хотя на нѣкоторое время, скучную и тяжелую жизнь. — Прежде неохота къ П[етер]б[ургу] была во мнѣ однимъ только предчувствіемъ, неяснымъ, подобно всѣмъ предчувствіямъ; но теперъ я все это вижу и, что еще скучнѣе, воображаю будущее еще хуже, нежели каково настоящее.

Я заговорился самъ съ собою, а началъ писать съ тѣмъ, чтобы записать сегодняшній день въ моей книгѣ: день Погребенія Свѣтлѣйшаго Князя²⁾. Какъ кто ни думай, какъ кто ни говори, а всякой, кто видѣлъ въ среду (третьяго дня), какъ народъ везъ гробъ Покойнаго, какъ другіе плакали, какъ всѣ знатные шли за гробомъ, какъ сегодня его хоронили, — всякой скажетъ: онъ спасъ Отечество! Такъ всѣ думаютъ, хотя и не всѣ такъ говорятъ. Когда гробъ поднесли къ могилѣ, то лучи солнца черезъ верхнее окно прямо ударили на мѣсто, назначенное вмѣстилищемъ незабвеннаго. Казалось, само небо брало участіе въ изъявленіи признательности и въ отдачіи чести безсмертному Побѣдителю того, кот[орый], ругаясь [надъ] человечествомъ, забылъ Бога и, угнетая твореніе Его, противился волѣ Его.

1) Далѣе зачеркнуто слово: тихимъ.

2) Кутузова-Смоленскаго.

Небо благословило дѣянiя благочестиваго, признательнаго народа, въ честь щастливаго защитника правъ человѣчества и святой Религiи.

23 *Юля*. Что заставило меня взять въ руки книгу сію? — Неприятное воспоминаніе: погода уже другой день самая осенняя. Я провелъ вечеръ одинъ въ моей комнатѣ; мнѣ подали свѣчу и чаю; я сильно задумался и сдѣлался весьма печальнымъ. Все это напомнило мнѣ вечера прошедшей зимы, въ которые я былъ такъ мраченъ, и когда въ головѣ моей бродили ужасныя мысли. Что со мною будетъ, думаю я теперь, если я проведу и слѣдующую зиму такимъ же образомъ, какъ и прошедшую? Что со мною будетъ, если я нѣсколько зимъ проведу также? — А какая переменна, прiятная воображенію, представляется мнѣ? — Никакой. — Развѣ и въ правду жениться, какъ я сказалъ теперь Гр[афу] Сиверсу? Но la comparaison n'est pas une raison. Мысль все та же — удивительное постоянство въ сей мысли! Три года — и все одна мысль; и время не ослабляетъ, но усиливаетъ ее.

Нынѣшнюю недѣлю я очень былъ занятъ Ком[миссіоннымъ] Уложениемъ: прiятное занятіе. Еще же прiятнѣе было для меня заниматься пересматриваніемъ переписанныхъ листовъ изъ *Налоговъ*. Хотя они и могли бы быть гораздо лучше, но кто дѣтямъ не отецъ? — Я замѣтилъ, что чтеніе и поправки *Налоговъ* были для меня нѣсколько разъ утѣшеніемъ въ скукѣ здѣсь въ П[етер]бургѣ.

Это болѣе удостовѣряетъ меня въ той мысли, что надобно безпрестанно имѣть одно главное занятіе, кот[орое] бы съ теченіемъ времени принесло какой-нибудь плодъ если не другимъ, то по крайней мѣрѣ самому себѣ. Итакъ я теперь помышляю о изобрѣтеніи предмета для сего занятія: и ни одного приличнаго мнѣ не попадается. Во всякомъ случаѣ сей предметъ долженъ быть совершенно отдѣльный отъ занятій по службѣ и т. п. и быть, такъ сказать, келейнымъ. Вообще цѣль нужна вездѣ, а въ житiѣ или жизни еще болѣе.

31 *Августа*. Налоги мои переплетены прекрасно, и я поднесъ ихъ Министру. Жалѣю немного, что не написалъ маленькаго предисловія. Мин[истръ] обѣщалъ прочесть. Я желалъ бы, чтобы онъ хотя нѣкоторыя главы совершенно прочелъ. Но все сіе дѣлается для формы; а я за труды очень награжденъ и тѣмъ, что въ П[етер]б[ургѣ] Налоги были самымъ прiятнымъ для меня занятіемъ и часто избавляли меня отъ скуки.

— — Надобно непремѣнно имѣть что-нибудь постоянное въ виду, исполненіе чего казалось бы вѣроятнымъ и представляло бы воображенію прелести и наслажденія. Съ тѣхъ поръ какъ Богъ знаетъ съ чего попала мнѣ на умъ женитьба на черноокой незнакомкѣ, съ тѣхъ [поръ] я на всѣ

мои неудачи и непріятности смотрю хладнокровнѣе, имѣя въ виду вѣчное щастіе, вѣчное наслажденіе. Странно: я думаю, что если не удастся мнѣ женит[ь]ся на ней, то я ни на комъ не женюсь. Этой мысли о женидьбѣ конечно причиною скучная жизнь моя. Женидьба представляетъ мнѣ также много опаснаго, много непріятнаго; но все покоряется воображенію: оно представляетъ мнѣ нѣжную подругу въ жизни; съ нею буду проводить я дни и часы, и въ мрачныхъ мечтаніяхъ глубокой ночи она первая представится объятіямъ моимъ; и, обнимая ее, какъ нѣкое высшее существо, забуду горе и скуку быстро и пробужусь съ тою мыслию, чтобы засыпать съ нею вмѣстѣ. Нѣтъ: я на ней долженъ жениться. — Странно. — Вчера былъ я въ Невскомъ монастырѣ у обѣдни, а третьяго дня — у всенощной.

Dis-moi, homme cruel et mysterieux, *quoique très sensible!* Dis-moi de quelle manière dois-je te faire connoître mes sentiments, de quelle manière dois-je t'ouvrir mon coeur, afin que tu puisses y voir la douleur et le malaise que le consument. *Toutes les veines de mon coeur battent pour toi;* ce n'est que quand je pense à toi que je vis, que je sens la vie. — Adieu! De grâce pardonne mon insolence — tu en es la première et l'unique cause. *Tout ce dit, tout ce fait par toi.*

Votre très dévouée servante.

Думалъ о моихъ Налогахъ. Это сочиненіе сопряжено со всѣми чистѣйшими удовольствіями моей жизни. Если я вспомню теперь для меня чуждое удовольствіе вечерней прогулки въ Венде, то тотчасъ придетъ мнѣ на мысль, что я прогуливался послѣ долгихъ трудовъ; а трудился я надъ Налогами. Если вспомню, что и въ скучномъ П[етер]б[ургѣ] имѣлъ я пріятныя минуты, въ кот[орыя], забывая настоящее, мысленно переносился въ прошедшее, — то и сими минутами сладостнаго забвенія обязанъ я Налогамъ же.

Еслии, наконецъ, я ощущалъ нѣкое неизъяснимое удовольствіе при видѣ толстой книги въ сафьянномъ переплетѣ. . . . ¹⁾

Кому, какъ не вамъ, почтенный и удостоившій меня бесѣды своей чловѣкъ! долженъ я посвятить труды свои? Еслибы я зналъ другаго чловѣка ²⁾, имѣющаго равное вамъ право на мое уваженіе, то вѣрно бы книга моя не была посвящена никому, ибо двумъ посвящать нельзя. — Примите

1) Фраза не окончена.

2) Далѣе зачеркнуто: «для меня столь же достойнаго моего»...

книгу мою, какъ отпечатокъ щастія моей жизни; съ нею связаны неразлучно всѣ щастливья минуты, коими я наслаждался въ свободѣ и независимости.

Daran hängen alle die Freuden meines Lebens, des unabhängigen und freyen.

Содѣлайтесь участникомъ протекшаго моего блаженства! Такого блаженства, которымъ смертные рѣдко наслаждаются и которое неизвѣстно тѣмъ изъ нихъ, въ кругу коихъ и вы и я жить должны.

Послѣ такого страннаго для васъ приношенія вы не подумаете, что я имѣю при семъ въ виду какія-нибудь мѣлкія выгоды. Еслибы вы меня короче узнали, то конечно узнали бы во мнѣ человѣка, совершенно неспособнаго ни къ лести, ни къ проискамъ. Но къ чему увѣренія, когда я вручаю вамъ залогъ пріятнѣйшихъ моихъ воспомнаній? Переселяюсь я мысленно въ тѣ мѣста, кот[орыя] видѣли мое щастіе; а въ тѣхъ мѣстахъ я и въ другихъ не умѣлъ даже видѣть ничего низкаго. И въ пріятномъ мечтаніи вижу васъ посреди тѣхъ мѣстъ, вижу и вручаю вамъ плоды свободной и трудолюбивой жизни. Такъ воображеніе мое сливаетъ образъ вашъ вмѣстѣ съ тѣми предметами, кот[орые] теперь представляются мнѣ тихимъ и вѣрнымъ пристанищемъ, гдѣ надѣюсь въ мирѣ окончить жизнь свою.

Если по прочтеніи сего письма родится въ душѣ вашей чувство нѣкоторой пріятности, то тогда dokonчите его и примите чистое увѣреніе мое, что я питаю къ вамъ нѣкоторое, для меня самого неизъяснимое чувство почтенія, которое есть между прочимъ причиною и странности моего посланія къ вамъ. Если вы по прочтеніи невольно улыбнетесь или и засмѣетесь, то опять прошу васъ вспомнить о томъ чувствѣ, съ коимъ я и навсегда пребуду вашимъ

Н. Т[ургеневъ]¹⁾.

1) Этимъ оканчивается седьмая книга дневниковъ Тургенева; продолженіемъ служить книга, имѣющая на корешкѣ слѣдующую надпись: «9 жур[наль]. 1813—1814. Н. Т.». Книга эта начата 15 октября 1813 и окончена 28 іюля 1814 г.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

—

(1813—1814 гг.)

*Моимъ перомъ да пишется
Правда и Законъ.*

15 Октября [1813]. Вотъ уже съ педѣлю, какъ собираюсь въ свою дорогу. Б[аронъ] St[ein] сдержалъ свое слово, и я въ полной мѣрѣ радовался бы сей поѣздкѣ, еслибы не думалъ, что нѣкоторымъ образомъ перебиваю теперешнее мое мѣсто, тѣмъ болѣе, что Сергѣй идетъ въ военную службу.

Люб[езному] др[угу] своему, Ал[ександру] Ив[ановичу] Дан[илевскому] много я обязанъ; и тѣмъ болѣе чувствую сіе, что еще никогда не удавалось съ моей стороны услужить ему. Напрасно послалъ онъ письмо съ Полк[овникомъ] Эйхеномъ, за непріездомъ коего я еще здѣсь и можетъ быть прощущу случай ѣхать съ Шилингомъ.

Хотя я и весьма радъ, что ѣду, въ особенности когда воображеніе мое хотя нѣсколько разгорячится; но не менѣе чувствую что-то непріятное или, лучше сказать, неловкое; и въ семъ случаѣ утѣшаюсь только мыслію, что предчувствія дурныя часто меня обманывали.

Всего болѣе беспокоитъ меня опасеніе быть совершенно лишнимъ для St[ein'a]. Теперь въ первый разъ въ жизни чувствую я въ себѣ желаніе нравиться, — въ первый разъ, ибо я еще до сихъ поръ не старался никому нравиться. И потому боюсь теперь за успѣхъ, тѣмъ болѣе dass ich gar nichts anziehendes in mich habe! —

Такимъ образомъ мысли мои лавируютъ между надеждою на успѣхъ и опасеніемъ неуспѣха. Только въ веселыя минуты, при разгоряченномъ воображеніи я не предвижу ничего, кромѣ пріятнаго.

Надобно признаться, что я поступаю теперь согласно съ пословицею и, *не спросясь [броду] бросаюсь въ воду*. Но что дѣлать? Рисковать надобно. Желая только имѣть послѣ развязки какъ можно менѣе непріятныхъ воспоминаній. Сожалѣю также, видя что мои желанія исполняются, сожалѣю, что желанія другихъ, близкихъ къ моему сердцу, не исполняются. Это производитъ во мнѣ нѣкоторое неизяснимо непріятное ощущеніе, которое отравляетъ собственную радость. Радость — нѣтъ, слово сіе слишкомъ хорошо

для изъясненія моего чувства. Я доволенъ, что относительно меня въ особенности желанія мои исполнились, но гораздо бы лучше было, естълибы и случая сего не было исполниться моимъ желаніямъ. — Я надѣюсь увидѣть Геттингенъ. Эта мысль одна изъ пріятнѣйшихъ, и для сего удовольствія я соглашусь вынести нѣсколько непріятностей.

20 Октября. Полковникъ Эйхенъ все еще не бывалъ. Но я рѣшился ѣхать въ среду и не дождавшись его. — Я хотя и началъ имѣть болѣе надежды на успѣхъ моей поѣздки, но не болѣе робости. Сердце сильно бьется, предчувствуя какъ будто что-то весьма непріятное. Участь Сергѣя въ особенности сему причиною. Какова будетъ развязка судьбы моей? Конечно отъ сей первой будетъ зависѣть будущая моя участь, хотя и въ болѣе мѣрѣ. Сіе можетъ быть отвлечетъ меня и отъ милого незнакомаго предмета. Но естъли я переставу думать о щастіи — щастливѣ ли я буду?

Сколько и въ пріятномъ непріятнаго! Всего лучше, кажется, спокойствіе и мрачная неизвѣстность; тѣмъ и другимъ пользовался и наслаждался я въ Геттингенѣ. Тамъ хотя и было скучно, и иногда несносно скучно; но вообще сердце и душа были покойнѣе. — Буду ли я когда-нибудь жить опять также? — Здѣсь въ П[етер]бургѣ невозможно; а въ прочихъ частяхъ Россіи и еще менѣе.

Сегодня ѣздилъ къ Министру. Велѣлъ пріѣхать во вторникъ.

21 [октября]. Утро. Вчера повечеру читалъ я журналъ свой 1806 года. Nicolas Tourg[uenef] d'alors me plaît beaucoup, plus que N. T[ourguenef] d'à présent. Я тогда болѣе думалъ, болѣе мечталъ и лучше теперешняго смотрѣлъ на вещи.

Дерптъ. Понедѣльникъ 27 Октября.

Въ пятницу въечеру выѣхали мы изъ П[етер]б[урга]. Прощанье стоило мнѣ болѣе, нежели думалъ. Не знаю, какое-то чувство сожалѣнія, странное, но пріятное, сильно безпокоило меня. Выѣхавши за заставу, думали мы, что оставляемъ людей знакомыхъ и ѣдемъ жить съ незнакомыми — чего искать надобно? Всему причиною любопытство. — Дорогою о многомъ я думалъ и всегда заключалъ мыслію, что тихая семейственная жизнь должна наконецъ быть единственно приличною для благоразумнаго человѣка. Но вмѣстѣ съ симъ думаю я теперь, что такая жизнь уничтожаетъ любопытство! Такъ все имѣетъ свою хорошую и дурную сторону.

Выѣхавши изъ П[етер]бурга, вспомнилъ я то время, когда въ него въѣхалъ, возвращаясь изъ чужихъ краевъ. Не долго протекло времени; но какъ я самъ по себѣ перемѣнился! Какъ постарѣлъ я физически и нравственно!

При вѣяніи вѣтра чувствовалъ нѣкоторую боль; чувствовалъ, что уже путешествіе для меня не есть одно наслажденіе, какъ прежде бывало, и проч. А моральная-то перемѣна? А! П[етер]б[ургъ] хорошая школа для опытности; но для опытности жить съ людьми, слѣдственно печальная опытность! Образъ моихъ мыслей относительно будущаго рода жизни весьма перемѣнился; но ничего не могу самъ себѣ сказать опредѣлительнаго.

П[етер]б[ургъ] — хорошая школа! Но что пользы отъ того, чему въ сей школѣ научаемся!

28 Окт[ября]. Рига. Въ Дерптѣ пробыли мы до вечера. Обѣдали у дяди моего товарища: настоящій Лифляндскій Баронъ! Съ презрѣніемъ говорить о Лифл[яндскомъ] простомъ народѣ. Когда мы ему рассказали, что Гр[афъ] Воронцовъ уступилъ оставленное ему наслѣдство Кн[ягиню] Дашковою закопнымъ ея наслѣдникамъ, то онъ отвѣчалъ: Nun sehen Sie Mahl— diese miserable Romanenschreiber wollen immer die Ehelichheit unter den Bauern haben, wobei gar nicht zu finden ist — In Jedentheil haben die gut erzogenen Leute auch die besser erhöhten Gefühle. — Площадь въ Дерптѣ очень красива для маленькаго городка. Я видѣлъ на улицахъ нѣсколько студентовъ, и что въ Геттингенѣ хорошо и натурально, то въ Дерптѣ очень смѣшно.

Почтовые дворы вездѣ хорошо построены, и содержатели почтъ учтивы. Въ особенности понравилось мнѣ крыльцо у одного изъ почт[овыхъ] домовъ, подлѣ кот[ораго] растеть дерево. Дружелюбный¹⁾ дубъ, растущій тѣсно подлѣ дома, какъ будто старается охранять сей послѣдній, соединивъ свою судьбу съ судьбою дома. Такъ, думалъ я: неодушевленные предметы часто придають много прелести другимъ предметамъ въ воображеніи нашемъ. Не потому ли это отъ части, что они — неодушевленные, что зла отъ нихъ ожидать нельзя такъ, какъ отъ людей? Мрачная мысль! Но что за люди живутъ въ этой сторонѣ, кот[орую] я проѣзжаю? Тѣ, кои всѣхъ болѣе имѣють право на щастіе — земледѣльцы — въ какомъ они положеніи! Нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть и на почталіоновъ. Однакоже въ Вольмарѣ, гдѣ во время нашего проѣзда была ярмонка, видѣли мы много простыхъ людей, весьма хорошо одѣтыхъ, и, естли все это были мужики и естли нѣкоторые изъ нихъ были господскіе мужики, — то по виду почтарей не должно заключать о благосостояніи простаго народа въ Лифляндіи.

При вѣздѣ въ Ригу прежде всего представились взорамъ моимъ трубы множества сожженныхъ домовъ. Я вспомнилъ о Москвѣ — каково бы было

1) Надъ этимъ словомъ приписано: Freundlicher.

мнѣ ее увидѣть въ такомъ положеніи! Славная жертва, принесенная во спасеніе Отечества и Европы.

Здѣсь обѣдали мы за table d'hôte. Это напомнило мнѣ Германію. Въ Дерптѣ можно, кажется, жить довольно пріятно, занимаясь бібліотекою и обществомъ нѣкоторыхъ профессоровъ.

29 Окт[ября]. Сей часъ пришелъ отъ Марк[иза] Паулучи, у котораго обѣдалъ вмѣстѣ съ Шил[ингомъ] и баварскими полковниками. Паулучи много похожъ на Италіянскаго шута, но, кажется, неглупъ, хотя очень умнаго ничего въ немъ не замѣтно. Но тѣмъ хорошо, что всѣ его очень любятъ. Въ особенности здѣшнему Дворянству оказалъ онъ важную услугу, освободивъ его отъ какой-то поставки. Эссена всѣ ненавидятъ. — Послѣ пожара стало здѣсь 9000-ми жителей менѣе. Дороговижна въ Ригѣ очень большая, какъ по всему замѣтно. Карета на полдня стоитъ два талера, или 10 руб. Городъ некрасивый, и очень непріятно ѣздить по здѣшнимъ улицамъ послѣ П[етер]бургскихъ. — Я чуть-чуть было не купилъ здѣсь коляски. Съ Шилингомъ ѣхать хлопотно.

Теперь пойду въ театръ и потомъ въ Муссу съ Neuenthal'емъ.

20 Ноября. Варшава.

Утомленный дорогою, пріѣхалъ я сюда сегодня поутру, и ожидалъ пріѣзда съ нетерпѣніемъ. Грязная, тряская дорога, темныя ночи, одинъ въ Польскихъ лѣсахъ — ахъ, какъ часто думалъ я вечерами о комитетѣ нашемъ въ П[етер]бургѣ! И иногда бывало мнѣ такъ грустно, что я самъ себя не понималъ и съ радостію желалъ бы возвратиться въ П[етер]бургъ и жить въ теплой горницѣ покойно. Какъ могъ я когда-либо думать, что могу быть щастливъ внѣ своего отечества, далеко отъ любезныхъ моему сердцу! Пустыя мечты, порождаемыя забвеніемъ и т[акъ] сказ. уединеннымъ воображеніемъ. Нѣтъ! Нѣтъ! Нельзя ради одного климата предпочесть жизнь въ Отецествѣ жизни на чужой сторонѣ. При всѣхъ непріятностяхъ — тамъ, тамъ пріятнѣе; тамъ только могу жить, тамъ и умру спокойно!

Въ Ковно разстался я съ Шилингомъ и, очутившись одинъ, въ полной мѣрѣ чувствовалъ скуку одиночества. Каждый вечеръ наводилъ на меня меланхолю. Каждую ночь проводилъ я по нѣскольку часовъ въ нервномъ размышленіи. Иногда смѣялся, какъ, напримѣръ, когда изъ Пренъ повезъ меня старикъ почталіонъ ночью, вооруженный тесакомъ, увѣряя, что сіе нужно для разбойниковъ. Или, какъ вчера, Русской офицеръ, увидѣвшій, что я пью у почтмейстера пиво, спросилъ: платятъ ли и за пиво Schmirrgeld? ¹⁾

1) Schnappsgeld?

Та часть Герцогства Варшавскаго, кот[орую] я проѣзжалъ, состоитъ въ степяхъ и въ скверныхъ деревнишкахъ, населенныхъ по большей части Жидами, этимъ гадкимъ народомъ. Вездѣ видна бѣдность, раззореніе и грубое рабство.

Сердце все у меня бьется и ноетъ. Думаю, что дорога прогнать эту скуку; но вечера всегда для меня непріятны, ибо такая меланхолія, какую я по вечерамъ чувствую, совсѣмъ непріятна.

Жители Герцогства Варшавскаго весьма унылы, какъ я самъ замѣтилъ, и какъ Русскіе здѣсь говорятъ. Окружности Варшавы не похожи на окружности столицы: слѣды сраженій, грабежей, раззореніе — вотъ что видно здѣсь на каждомъ шагу.

11 часовъ вечера. Сей часъ возвратился изъ театра. Давали драмму: Петръ Великій. Театръ былъ полонъ. Катаржина, какъ они говорили, очень кривлялась; и всѣ играютъ неудачно. Недаромъ дорогою, слыша пицанье и шикавье колесъ въ грязи, сравнивалъ я звуки сіи съ звуками Польскаго языка. Въ театрѣ тоже самое пришло мнѣ на мысль. Даже и въ устахъ женщинъ языкъ сей не имѣетъ для меня никакой прелести. Послѣ драммы давали комедію; буфа смѣшонъ.

Возвращаясь домой, сдѣлалъ я одно предложеніе моему наемному лакею (Lohnbediener); и онъ, обѣщая исполнить, сказалъ: Положитесь на меня: ich werde das für Sie als B[rude]r thun. Если разобрать дѣло въ сущности и въ слѣдствіяхъ, то такая услуга не будетъ нимало странна, хотя нѣкоторымъ таковою и покажется.

Вотъ уже, скажетъ Ганнеманъ, и выгода быть в[ольнымъ] к[аменищникомъ].

О Понятовскомъ всѣ вообще Поляки очень жалѣютъ; его, какъ вездѣ слышно, много Поляки любили. Здѣсь была и церемоніальная панихида и Trauerslogen.

Здѣсь нанялъ я себѣ лакея по 4 черв[онца] на мѣсяцъ съ его одеждою и пищею. Кажется, довольно забавенъ. Я слышалъ, что онъ даже и въ Актерахъ бывалъ.

Мнѣ надобно ѣхать въ Франкфуртъ на М[айнѣ]. Это увеличеніе моего путешествія весьма мнѣ не нравится.

Дрезденъ. 26 Ноября. 10 часовъ вечера. Сей часъ пріѣхалъ я въ Дрезденъ. Вездѣ дорогою видны слѣды гнусности Французовъ; въ особенности въ Саксоніи почти всѣ деревни по большой дорогѣ выжжены. Городокъ Bischofswerda сожженъ совершенно. На поляхъ видны еще биваки, сдѣланные Русскими.

Въ Бреславлѣ пробылъ я нѣсколько часовъ. Городъ очень красивый. Вообще Силезія кажется богатою и хорошо обработанною и хорошо населенною землею, въ особенности въ противоположности съ Герцогствомъ Варшавскимъ.

Въ П]етер]бургѣ и въ другихъ мѣстахъ хвалятъ дисциплину Русскихъ солдатъ въ Германіи; но я иногда замѣчалъ, напримѣръ въ Гёрлицѣ, что эта дисциплина, принося пользу жителямъ, невыгодна пли вредна болѣе, нежели сколько требуетъ справедливость, для солдатъ; а это также не хорошо.

30 [Ноября]. Лейпцигъ.

Третьяго дня приѣхалъ я сюда и былъ удержанъ Княземъ Репнинымъ до сего дня.

Дорогою попадалось намъ множество Freywillige Jäger, изъ коихъ многіе весьма хороши собою и хорошо одѣты. Почти всѣ очень молоды. Саксонцы.

Здѣсь въ Лейпцигѣ узналъ я много неприятнаго во многихъ отношеніяхъ. Слышу, что многихъ перебили. Содержаніе нашихъ Hospital'ей въ союзныхъ земляхъ. — Поведеніе Австрійцевъ, даже и Прусаковъ. — Наше управленіе Саксоніею. — А Кн[язь] Репнинъ хочетъ еще имѣть меня при себѣ! Признаюсь: всячески буду стараться для отвращенія сего. —

Здѣсь я нашелъ П. П. Соколовича, Кассіуса и Консула — всѣ тѣже.

Въ Французскихъ Госпиталяхъ умерло здѣсь до 300 и болѣе чело-
вѣкъ; и теперь еще много мр[уть].

3.4 Декабря. Суббота¹⁾. Гёттингенъ.

Я — въ Геттингенѣ! Едва вѣрилъ я глазамъ своимъ, смотря на Бенеке, Геерена и проч. Приближаясь третьяго дня въ вечеру къ городу, чувствовалъ я что-то непонятное. Сердце у меня дрожало и содрогалось. Сколько думалъ я, послѣдовало перемѣнъ со мною и съ моими друзьями съ тѣхъ поръ, какъ я отсюда выѣхалъ! Сколько изъ нихъ не существуетъ уже болѣе! Какъ я самъ перемѣнился! Всѣ мы, бывшіе здѣсь, здѣсь были щастливы, не зная свѣта, не имѣя опытности въ обращеніи съ людьми и въ знаніи людей. Можно ли же было хладнокровно приближаться къ мѣсту, которое, какъ нѣкій отлетѣвшій рай, напоминало намъ наше щастіе, нашу свободу? Такъ, долго могъ бы я прожить здѣсь и жить одними только воспомина-
ніямъ.

О, Гёттингенъ, Гёттингенъ! Еслибы я здѣсь не бывалъ, то не чувствовалъ бы многаго.

1) Суббота была 3-го декабря.

Пріѣхавши въ Корону, нашель я тутъ Бенеке, Рау и Курляшцовъ. Бенеке сдѣлался, кажется, еще добрѣе — или это отъ того мнѣ такъ показалось, что я теперь болѣе чувствую цѣну его качествъ: опытность, обращеніе съ людьми недобрыми научил мени. Цѣлый вечеръ провелъ я въ пріятнѣйшей бесѣдѣ съ нимъ и чувствовалъ нѣкоторое удовольствіе, разговаривая съ человѣкомъ истинно добрымъ и честнымъ, и кот[орый] педаромъ тяготитъ землю и живетъ трудами своими, приносящими пользу и наслажденіе ближнему. Въ П[етер]б[ургѣ] такихъ людей зналъ я мало — но зналъ ли я хотя одного?

Поутру былъ я съ Б[енеке] въ библіотекѣ: новая зала, отдѣланная въ готическомъ вкусѣ, прекрасна. Я радовался отъ чистаго сердца и благодарилъ Ерему за украшеніе Гёттинг[енской] библіотеки.

Потомъ былъ у Сарторіуса: все тотъ же. Болталъ. Мнѣ было съ нимъ весьма пріятно: тысячи воспоминаній представилсь моему воображенію. Я обѣдалъ съ нимъ и былъ какъ будто посреди родныхъ, кот[орыхъ] давно уже не видалъ.

Былъ у Геерена — новыя пріятныя воспомнанія. Слушая его лекцію, я вспоминалъ, какъ умъ мой постепенно образовался лекціями Гетт[ингенскихъ] Профессоровъ, какъ свѣденія мои ежедневно разпространялись, и какъ сужденіе мое направлялось мало по малу къ одной точкѣ, съ кот[орой] обнималъ я все слышанное и узнанное мною. Все это живо представляется теперь моему воображенію. Вотъ жизнь! Ежедневно чувствовать свое усовершенствованіе — жить въ истинномъ значеніи сего слова.

Былъ у Меіера: дочери его прекрасны.

Былъ у Томса: Lotte все еще очень прекрасна, но и очень для меня жалка.

Всѣ, какъ я очень легко могъ замѣтить, обрадовались свиданію со мною. Что я радовался — сіе весьма натурально; они радовались — это показывало добрую ихъ душу и, право, неспорченность нравовъ. Это — ученые! Кто послѣ сего истинныхъ ученыхъ почитать не будетъ, особливо вспомня о слушающихъ и т[акъ] назыв. должностныхъ людяхъ въ П[етер]б[ургѣ], кот[орые] рѣдко радуются, особливо смотря на другихъ?

Старый Рейсъ — все тотъ же. Бунзенъ нѣсколько постарѣлъ.

Я живу здѣсь какъ будто во снѣ. Я истинно былъ бы щастливъ, еслибъ не думалъ, что долженъ разстаться съ Геттингеномъ въ скоромъ времени. Теперь я еще болѣе буду любить Геттингенъ: и теперь уже не могу почти безъ слезъ думать о немъ.

[4] *Декабря. Воскресенье.*

Вчерашній день провелъ я такъ, какъ едва кто-либо проводилъ день

въ Геттингенѣ. Поутру въ 11 час. былъ званъ на завтракъ, въ 12 на обѣдъ послѣ обѣда на кофе; по вечеру на ужинъ — статочное ли дѣло въ Геттингенѣ? Я вездѣ былъ и вездѣ провелъ время пріятно, въ особенности съ Бенеке, съ кот[орымъ] завтракалъ у Сакена и у котораго ужиналъ. Вмѣстѣ со мною ужиналъ у него Виллерсъ: онъ мнѣ показался не столь пріятнымъ и умнымъ, сколько я себѣ воображалъ. Бенеке живетъ какъ Профессоръ, но лучше, кажется, чѣмъ Сарториусъ. Прежде, будучи здѣсь, я видѣлъ, какъ Бенеке или кто другой наслаждались за рюмкою вина или за стаканомъ негуса. Вчера мы пили много рейнвейну и дрейфусу; я видѣлъ, что онъ былъ веселъ, но не завидовалъ его наслажденію или, лучше сказать, не наслаждался, видя его наслаженіе: образъ мыслей перемѣнился отъ опытности въ свѣтѣ. Но вмѣстѣ сія опытность перемѣняетъ и чувства наши.

Сегодня воскресенье. Все по-прежнему, на улицѣ тихо. Я вспоминаю, какъ пріятно мнѣ иногда бывало отдыхать по воскресеньямъ.

10 Декабря. Вотъ уже пятый день какъ я во Франкфуртѣ. Приѣхалъ сюда поутру; остановился было въ трактирѣ, но переѣхалъ къ А. Шц. Въ первое еще утро былъ у Штейна; онъ принялъ меня ласково и далъ для прочтенія нѣкоторыя бумаги, а вчера препоручилъ написать два письма по-Французскому. Работающіе у него въ канцеляріи ласковы и обходительны. Отъ Австрійскаго двора опредѣленъ къ нему камергеръ Bar[on] v[on] Spiegel. Кромѣ его работаютъ у него три Прусака: St[aats]-Rath Friese, Kamer — — Eichhorn и Major Rühl. По утрамъ они докладываютъ по вошедшимъ бумагамъ, и Шт[ейнъ] даетъ резолюціи скоро и умно. Множество ходитъ по утрамъ къ нему: Принцы, Генералы, Депутаты.

Третьяго дня изъ окошекъ въ квартирѣ Булгакова видѣлъ я разводъ; а вчера въ казино видѣлъ Милорадовича и другихъ Русскихъ Генераловъ: разительная разница между Генералами и офицерами нашими и иностранными, въ особенности Австрійскими. Прусаки, подражая намъ, и походятъ болѣе на насъ.

Мы недолго здѣсь останемся.

NB. Видя вблизи, у кого въ рукахъ дѣла находятся, будешь и себя самого почитать къ чему-нибудь способнымъ. Н. Тургеневъ.

Карлсруэ.

5/17 Декабря. 5 часовъ вечера. Сегодня поутру усталъ я отъ ходьбы для сысканія квартиры St[ein'a]. Завтракалъ дома, обѣдалъ у А. Дан[илевскаго], а сей часъ былъ у St[ein'a].

Вчера былъ въ театрѣ. Строеніе внутри хорошо, не велико, но содер-

жить въ себѣ 6 ярусовъ. Играли трагедію Моогъ: въ 1-мъ еще дѣйствиі было на сценѣ сраженіе льва съ какимъ-то героемъ — Нѣмецкія шутки. Я ни слова не слышалъ; желалъ бы и не видать Актеровъ. Театръ былъ до-вольно пустъ. — Теперь пришелъ домой; отъ нечего дѣлать хочу читать предисловіе къ своей книгѣ. А писать? — Нѣтъ мыслей.

6 час. вечера. Дорогою — праздность мать размышлений — размышлялъ я объ основаніи твердаго мира въ Европѣ. Первое, что представляется, есть — обезопасеніе Европы отъ Франціи. Какое вліяніе имѣла Франція на судьбу Европы не только въ политическомъ, но даже и въ нравственномъ отношеніи! Итакъ надобно, т[акъ] ск[азать], обложить Францію сколь возможно болѣе непреодолимыми границами. Такая граница всего нужнѣе со стороны Германіи. Для сего всего, кажется, лучше и вѣрнѣе¹⁾ противопоставить на берегахъ Рейна Франціи Германскую державу 1-го класса, которая бы одна во всякое время, при каждомъ покушеніи Франціи, могла одна противиться сей послѣдней державѣ. Для сего нужно пожертвовать нѣсколькими мѣлками владѣніями. Но все должно покориться великой цѣли независимости народовъ-владѣтелей, или лишиться, въ слѣдствіе сей перемѣны, земель своихъ. Можно частію вознаградить въ другихъ частяхъ Европы, или даже *оставить* съ пенсіонами. Династія, кот[орая] должна будетъ царствовать въ семъ новомъ воздушномъ королевствѣ, должна быть связана съ одною изъ сильнѣйшихъ державъ въ Европѣ не только узами политики, но также и узами родства. Такую же державу должно основать и въ Италіи. Для сего королевство тамъ уже готово, а имянно: Итальянское королевство. Въ Голландіи должно учредить династію, которая бы также была связана самыми тѣсными узами съ одною изъ первѣйшихъ Европейскихъ державъ. Итакъ на Рейнѣ будутъ царствовать родственники Имп. Россійскаго, въ Италіи — [родственники] Австріи, въ Голландіи — [родственники] Короля Англійскаго, Англійскіе Принцы, или Принцы Дома Оранскаго, который сверхъ того связанъ и съ Прусскимъ Дворомъ. Въ срединѣ Германіи могутъ существовать державы 2-го, 3-го и т. д. ранга: окруженныя тремя перво-классными державами въ самой Германіи, онѣ никогда не будутъ опасны для свободы сей земли и съ симъ вмѣстѣ для свободы Европы. Et cette belle France будетъ въ клѣткѣ сама любоваться своею красотою.

21 Декабря. Вечеръ. Фрейбургъ.

Третьяго дня повечеру приѣхалъ я сюда. Вчера повечеру приѣхалъ St[ein]. Сегодня я у него обѣдалъ. За столомъ много разговаривали. Говоря

1) Далѣе зачеркнуто: «можно сдѣлать слѣдующее»:

о бум[ажныхъ] деньгахъ, дошли и до Россіи. St[ein] весьма умный человѣкъ, и я съ любопытствомъ слышалъ, какъ такой человѣкъ разсуждаетъ о Россіи, хотя онъ и самъ говоритъ, что, не зная языка, онъ не можетъ имѣть яснаго понятія о Россіи. Онъ гов[оритъ], что надобно удержать или возстановить все національное, даже русскіе кафтаны и бороды, и что надобно отвращать вліяніе иностраннаго (иностранной литературы) и проч. Что по-Французски Русскимъ совсѣмъ почти не надобно учиться, развѣ только по-Англійски и по-Нѣмецки, по причинѣ торговыхъ сношеній съ Англіею и сосѣдства съ Германіею. По сему ему весьма не нравится, что въ Сибири читають Дельфину въ Русскомъ переводѣ. Говорилъ о Сперанскомъ. St[ein] утверждалъ, что онъ сдѣлалъ хорошаго: 1 — умножилъ доходы (хотя и согласенъ со мною, что *die Abgaben waren schlecht gewählt*) и 2-е — что прекратилъ вышукки Ассигнацій. Я, отдавая справедливость Сперанскому относительно его доброй воли, утверждалъ, что Сперанскій невѣдешемъ своимъ финансовъ и охотою къ переменамъ сдѣлалъ много вреда, и что удаленіе его полезно для Россіи. Онъ утверждалъ сему противное, гов[оря], что теперь, для теченія дѣлъ по внутренней части, Спер[анскій] былъ бы полезенъ въ Главной Квартирѣ. — Какъ трудно судить о Россіи, думалъ я, даже и умнѣйшимъ людямъ!

Сегодня читалъ я донесеніе доктора Рейля о рашеныхъ въ Лейпцигѣ послѣ сраженія. Ужасно даже и читать. Рейль умеръ, заразившись отъ больныхъ.

Вчера ходилъ я на Schlossbad подлѣ Фрейбурга — видъ прекраснѣйшій. Жители не только что вездѣ имѣютъ къ намъ Respect, но даже и охотно желаютъ намъ услуживать; такъ что, я думаю, подобной доброты нельзя нигдѣ найти, кромѣ Германіи; въ особенности, кажется, здѣшніе Нѣмцы лучше сѣверныхъ; впрочемъ и обстоятельства нынѣшнія много переменяютъ въ такомъ сужденіи.

Дорогою отъ Карлсру до Фрейбурга безпрестанно встрѣчались намъ войска. Австрійскіе гусары, т. е. Венгерцы, очень хороши. Также и гренадеры — тоже Венгерцы. А Нѣмецкая пѣхота ничего не имѣетъ марціальнаго. Кавалерія тяжела лучше. Артиллерія смѣшна до крайности, какъ относительно *des*¹⁾ такъ въ особенности и относительно одежды. Вообще всѣ Австрійскія войска, кромѣ гусаръ, уланъ и (нѣсколько) кпрасирь, одѣты безъ вкуса; а сіе есть не послѣднее дѣло въ арміи. — Венгерскіе гренадеры, содержащіе карауль у дома, гдѣ будетъ жить Нашъ Императоръ, весьма хороши.

1) Въ рукописи здѣсь не разобрано одно слово.

28 Декабря. Сегодня поутру проходили через Фрейбургъ Виртембергскіе полки: конница и пѣхота. Конница очень хороша; нѣкоторые изъ офицеровъ прекрасны. Лошади и приборы въ особеннсти отличаются. Императоры, нашъ и Австрійскіи, выѣзжали за городъ для встрѣчи ихъ верхомъ: были по видимому веселы, смѣялись.

Сегодня обѣдалъ я у Штейна. У него обѣдалъ d[er] St[aats] Kanzler Hardenberg, другой Hardenberg, Князь Радзивиль и секретарь А[н]глійскаго Генерала Стурга. Всѣхъ болѣе интересовалъ меня Гарденбергъ: я увидѣлъ въ немъ человѣка съ выгодною наружностію, но не нашелъ ничего необыкновеннаго, чего ожидалъ я въ первомъ человѣкѣ Прусской монархіи. Съ St[ein]омъ] никакъ изъ нихъ сравнивать нельзя: превосходство бросается въ глаза.

— Весьма мнѣ нравится въ St[ein]ѣ] то, dass er gar keine Ministerielle Gesichtsrole schneidet, т. е. не дѣлаетъ *глазомъ*, не морщится безъ нужды— такъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые наши Министры, хотяще замѣнить умъ умничаньемъ; также, что безъ нужды не вздыхаетъ, не дрягаетъ ногою,— что также въ привычкѣ у нашихъ господъ и господчиковъ. — Откровенность St[ein]а] также мнѣ нравится, тѣмъ болѣе (какъ я замѣчаю), что это согласнo и съ собственнымъ моимъ характеромъ. Я замѣтилъ, что я неспособенъ ни къ малѣйшей принужденности, и естьли когда и приму на себя видъ, несогласный съ моими чувствованіями, то въ такомъ состояніи не могу остаться долго и смѣюсь внутренно самъ надъ собою. — Разговоры за столомъ были просты, даже иногда и такіе, кот[орые] для стола не годятся. St[ein]а], какъ обыкновенно, шутилъ и разговаривалъ смѣючися: une superiorité décidée.

Сегодня читалъ я недавно сочиненную книжку Генерала Теобальда о *народной* войнѣ и проч. Естьли, гов[оритъ] сочинитель, сказано, что для войны нужно: Geld, Geld, Geld, — то sagen wir, что для національной войны нужно: Zeit, Zeit, Zeit!!! Далѣе онъ доказываетъ, что народа въ народной войнѣ побѣдить нельзя. Это похоже на Нѣмца: послѣ ужина горчица!

1/2 9 вечера. Пришелъ изъ театра. Давали между прочимъ: die Abendstunde, ein Schauspiel in 1 Act v[on] Kotzebue. Къ Нѣмецкому пастору является Французскій бѣглець, кот[орый] за 10 лѣтъ убилъ его дочь. Пасторъ, зная сіе, скрываетъ бѣглеца въ своемъ домѣ и платитъ еще 1000 съ тѣмъ, чтобы его не искали. Бѣглець въ раскаяніи, узнавъ, что преступленіе свое онъ сдѣлалъ противъ своего избавителя, проситъ сего послѣдняго оставить его у себя для услуги. Ich werde, гов[оритъ] сентиментальный кающійся 1),

1) Далѣе не разобрано три слова.

Arbeiten bey Ihnen verrichten. — Религіозный пасторъ соглашается; дочь о семь же его просила. — Естьлибы это было истинное происшествіе, то можно бы еще было смотрѣть на сіе съ интересомъ; но на выдумку такого рода можно ли смотрѣть безъ смѣху? Убийца дочери является къ отцу — отецъ его спасаетъ: хорошо, но не далѣе. Этого очень, очень довольно для представленія христіанской добродѣтели во всемъ ея сіяніи: религія торжествуетъ. Но заставить этого добраго пастора принять въ домъ убійцу его дочери, съ тѣмъ чтобы онъ мелъ его дворъ и чистилъ: это можетъ сдѣлать только человѣкъ въ горячкѣ¹⁾ или съ разстроеннымъ, искаженнымъ воображеніемъ. Сей послѣдній поступокъ пастора нашель бы болѣе приличное мѣсто въ послѣдней піесѣ: die Zerstreute — тоже Коцебу, піесѣ забавной и искусно сложенной.

Съ тѣхъ поръ какъ я кружусь въ вихрѣ главной квартиры, многое мнѣ открылось. Дѣла, въ коихъ хотя я и не имѣю участія, но кот[орыя] такъ близко отъ меня производятся, становятся мнѣ какъ будто знакомыми. Каждый разъ вспоминаю я о будущей моей жпзни въ Пет[ер]бургѣ съ нѣкоторымъ непріятнымъ чувствомъ, въ особенности какъ вспомню пустыя занятія по службѣ: только Ком[миссія] Сост[авленія] Законовъ является воображенію моему въ лучшемъ видѣ.

Досадно очень, что братья и теперъ все въ П[етер]бургѣ. Какъ все трудно въ отдаленіи: трудности, кажется, растутъ вмѣстѣ съ отдаленіемъ! Какъ не желать вступить въ службу, какъ не вступить въ службу въ такое время, каково наше? Но думаю, что по статской службѣ въ $\frac{1}{10}$ долю не такъ пріятно здѣсь, какъ на войнѣ; а иногда можетъ случиться и напротивъ.

Говоря сегодня за столомъ о Герцогствѣ Баденскомъ, Гарденбергъ сказалъ: c'est une chaussée joliment entourée.

Ник. Тургеневъ.

31 Декабря.

Сегодня поутру проходило черезъ Фрейбургъ нѣсколько кирасирскихъ полковъ Русскихъ. Прекрасной народъ и хорошія лошади.

Погода уже третій день нехороша: холодно и туманно. «Туманно у меня и на сердцѣ», писалъ я сегодня въ П[етер]бургъ. Это правда. Сего рода скука происходитъ частію и отъ того, что у St[ein'a] для меня мало дѣла. Совѣстно на себя смотрѣть, когда живешь безъ дѣла тамъ, гдѣ пустыхъ

1) Къ этому слову внизу страницы (20а) сдѣлано такое добавленіе: «И похвальный поступокъ, имѣвшій причиною благородное и чистое сердце и простую добродѣтель, теряетъ свою цѣну, будучи произведенъ von einer excentrischen Imagination».

людей по настоящему бы держать непадобно было. — Скука сегодня увеличилась отъ письма, полученнаго мною изъ П[етер]бургга. Я воображаю положеніе братьевъ, въ особенности Сергѣя—и грусть весьма увеличивается. — О П[етер]бургѣ не могу имѣть никакого рѣшительнаго мнѣнія. Знаю, что надобно тамъ жить; знаю, по потому мнѣ и скучно, что я это знаю. Не вижу ничего пріятнаго въ будущности, кромѣ развѣ женидбы. На супружескую жизнь, кажется, должно когда-нибудь рѣшиться.

Неизвѣстность, тѣсность, т[акъ] ск[азать], пастоящаго положенія, — мрачность въ будущемъ: вотъ удѣлъ мой; между тѣмъ какъ можно бы было имѣть другую участь.

4 Января 1814.

Вотъ еще въ первый разъ, какъ я развертываю эту книгу въ Базелѣ. Вставши, тотчасъ ухожу; разставшись съ людьми, тотчасъ ложусь въ постелю. Да и нечего писать. Въ новый годъ переходила наша гвардія и проч. черезъ Рейнъ и кричала ура. Всѣ теперь кричатъ о Linke Rhein-Ufer. Сегодня у St[ein]a, какъ изъ рукава, посыпались Генераль-Губернаторы для сей освобожденной части Европы.

Сегодня читаль прокламацію Блюхера къ его Арміи при переходѣ черезъ Рейнъ: превосходна. Письмо Гнейзенау, кот[орое] я сегодня переводилъ съ Нѣм[ецкаго] на Франц[узскій], писано en maître. Естъли мы, гов[орить] онъ, не будемъ въ Парижѣ, то d[ie] Rache und d[ie] Triumphe wären unvollständig: la vengeance et le triumphe ne seraient qu'incomplets. Правда! Правда! Всѣ этого желаютъ, и основательно.

Вчера и сегодня было много работы. Я этому радъ, наскучивъ быть безъ дѣла. А завтра ѣдемъ далѣе.

5 Января. Вечеръ. Сегодня повечеру мнѣ, такъ сказать, скучно со скуки. Пришедши домой, я закурилъ трубку табаку, привезеннаго еще изъ П[етер]бургга. Мнѣ казалось, что я курю его въ П[етер]бургѣ, вспоминая о братьяхъ... Но грусть грустью не прогоняють, и мнѣ стало еще скучнѣе.

Сегодня рано поутру уѣхалъ St[ein]. Теперь я здѣсь на чужой сторонѣ какъ будто за три года. Хорошо, что еще товарищи мои по службѣ добрые люди.

Теперь, во время ужина, разговаривалъ я съ монмъ Вильгельмомъ. Мнѣ пріятно, что онъ не изъ простыхъ невѣждъ и разсуждаетъ о освобожденіи рѣкъ посредствомъ взятія крѣпостей. Я имъ доволенъ. — Сегодня прістала къ намъ въ трактирѣ zu den drey Könige собака, которую я называлъ Базелемъ. Названіе сіе очень понравилось Барону Шпигелю, и онъ просилъ

не перемѣнять его. — Собака эта щипается при всѣхъ насъ, и мы всѣ — für die gute Sache.

St[ein] очень умный человѣкъ и, кажется, уже слишкомъ знаетъ хорошо и подробно исторію послѣднихъ годовъ, современниковъ и статистику.

Слышно, что Шварценбергъ готовится къ сраженію. Теперь вѣроятно уже извѣстно тамъ на мѣстѣ нѣчто болѣе ожидаема.

5 Января. Сегодня я не чувствовалъ той скуки, какъ вчера. — Утро былъ занятъ покупкою лошадей. Ламапскій Рыцарь позавидовалъ бы мнѣ — я вдвое его богаче: онъ имѣлъ одну, я — двухъ; стобать однакоже 16 лупдоровъ съ хомутами. На Русскія деньги это выдетъ много.

Обѣдалъ въ Grey Könige; сидѣлъ подлѣ Песталоци: онъ мнѣ теперь гораздо болѣе понравился, нежели въ Ивердонѣ. Въ немъ много, кажется, добраго и почтеннаго. Онъ сидитъ въ своемъ углу, не претендуетъ на славу временную и преходящую. — За тѣмъ же столомъ сидѣлъ Alorus; у него ленты, звѣзды; Песталоци — въ черномъ фракѣ: чья участь почтеннѣе?

Нѣтъ! Много грусти въ свѣтѣ. Будущность льститъ намъ только до нѣкотораго времени. Приходитъ и то время, когда человѣкъ долженъ жить настоящимъ; приходитъ время, когда должно жить прошедшимъ, воспоминаніями. Который періодъ жизни счастливѣйшій? Можно колебаться между первымъ и послѣднимъ; но вѣрно нельзя выбрать средній. — Жить въ будущемъ значитъ жить въ забвеніи; жить въ прошедшемъ значитъ жить въ разсужденіи; жить въ настоящемъ — значить ли жить? Не знаю; знаю только, что я *теперь* не живу нѣкоторымъ изъ сихъ трехъ образовъ. Настоящее не можетъ льстить; будущее наводитъ уныніе; прошедшее представляетъ много горя. Но и я жилъ нѣкогда (anch'io son pittore), наслаждался минутами настоящаго и терялся въ счастливыхъ мечтаніяхъ о будущемъ. Anch'io son pittore! И чувствую теперь, какъ скучно быть лишена радости жить въ будущемъ душою, а въ настоящемъ тѣломъ, переноситься изъ настоящаго въ будущее. Все говорятъ, что человѣкъ созданъ для такой жизни, еслии онъ созданъ для счастья. Счастливъ можетъ быть человѣкъ только въ одномъ мечтаніи.

Надежды нѣтъ! Одна надежда есть — жить воспоминаніями, ибо надеждою жить не могу.

Н. Тургеневъ.

Уединеніе родитъ мысли; я теперь это вижу. Н. Тургеневъ.

6 Января. Сегодня утро сидѣлъ дома, или, лучше сказать, смотрѣлъ въ окошко. Обѣдалъ въ 3 Könige; неожиданно попалъ въ сосѣдство Княгини

Волхонской. Она спросила меня о здоровьи и разговаривала со мною, всегда начиная разговоръ вопросами. Мнѣ она очень понравилась: ласкова и любезна.

Повечеру былъ въ Casino, безпрестанно курилъ трубку и смотрѣлъ на игру въ биліардъ¹⁾.

— Репутація честнаго человѣка, поступающаго по правиламъ, коихъ частное исполненіе соотвѣтствуетъ общему, должна зависѣть и, такъ сказать, сосредоточиваться въ собственной его совѣсти. Надобно стараться презирать мнѣніемъ и искать только быть согласну съ своею совѣстію. — Человѣкъ, предпринимающій и исполняющій что-нибудь полезное и хорошее, почти всегда дѣлается въ общественномъ мнѣніи жертвою своей доброй и справедливой воли. Человѣкъ, кот[орый] не жалуется на несправедливость мнѣнія людскаго, человѣкъ, кот[орый] живетъ *себѣ*, а не обществу: разсмотрите его и — едвали что-нибудь презрѣннѣе его найдете. Эгоистъ, въ обширномъ значеніи сего слова, не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, а еще менѣе космополитомъ. Эгоисту нѣтъ извиненія, подобно нѣкоторымъ Нѣмецкимъ патриотамъ, которыхъ число, кажется, теперь весьма уменьшилось¹⁾.

7 Января. Утро. Государь, правитель великаго народа, долженъ имѣть свои правила въ управленіи; онъ долженъ имѣть въ виду цѣль, къ кот[орои] всѣ его поступки должны стремиться. Сія правила и сію цѣль долженъ онъ сдѣлать извѣстными народу (*manifestes*) и показать, что онъ твердъ въ намѣреніи своемъ, *dass er Nachdruck wirken will*. Тогда общественное мнѣніе будетъ въ пользу Государя, т. е. согласно съ его мнѣніемъ и правилами, каковы бы впрочемъ сіи ни были. Тогда Государь найдетъ въ народѣ ревностныхъ и успѣшныхъ поборниковъ своей волѣ. Такимъ образомъ пусть въ Россіи правительство приметъ одну систему во внутреннемъ управленіи и во внѣшнихъ сношеніяхъ и пусть покажетъ народу, что оно намѣрено съ твердостью и съ силою слѣдовать сей системѣ; оно найдетъ себѣ напигрику во мнѣніи народномъ, *und alle Individuen werden dem grossen Ziele mitwirken suchen*. — Напримѣръ, пусть правительство серіозно примется за исправленіе нашихъ чиновниковъ, за отученіе ихъ отъ взятокъ; пусть оно примется за возвышеніе знанія простаго солдата и земледѣльца. Сначала мало будетъ партизановъ; но послѣ нѣсколькихъ сильныхъ и можетъ быть крутыхъ поступковъ, доказывающихъ *твердую волю* правительства, общее

1) Ниже этихъ словъ Тургеневъ, вѣроятно ради развлеченія, три раза написалъ свою фамилію.

мнѣніе обратится къ мнѣнію правительства, и сіе послѣднее найдетъ дѣятельнѣйшаго соотрудника въ томъ народѣ, котораго благо оно созидать желаетъ.

Славный удѣлъ дѣйствовать на миліоны людей! Тѣ, коимъ онъ представляется, рѣдко чувствуютъ свою важность. Не можетъ все итти само собою: надобно и можно направлять мнѣніе. Я не всегда такъ рѣшительно думалъ; но новѣйшія произшествія доказали справедливость словъ сихъ. Was hat Preussen und was Oesterreich geleistet — и сіе отъ того, по большой части, что вліяніе свѣше было различно. *Торопливость*, т. е. рѣшимость нужна, необходима въ важныхъ и рѣшительныхъ минутахъ.

Исторія 1812 и 1813 годовъ — какой представляетъ источникъ для мыслящаго политика! Я вздумалъ о Махіавелѣ: при первомъ случаѣ буду его студировать.

Вечеръ. Пришелъ изъ театра; давали Albrecht der Streitbare — Нѣмецкая трагическая фарса. Ни смыслу, ни завязки, ни развязки. Эти трагедіи Нѣмецкія похожи на наши сказки; каждая изъ сихъ въ рукахъ Нѣмецкаго марателя wurde einen Reichen Stoff gewähre für ein Schauspiel.

Ник. Тургеневъ.

На: Auf dieser Welt ist schön d[as] Leben.

1.

Минуть щастливыхъ
Воспомянанье!
Вотъ нашей жизни
Все наслажденье!

2.

Проходитъ радость,
Проходитъ щастье;
Мечты исчезнутъ —
Поблекнетъ младость.

3.

Удѣлъ жестокой,
Но непремѣнный:
Судьбы законы
Для смертныхъ святы.

4.

О другъ! обнимемъ
Сей призракъ щастья;
Онъ пасъ сокроетъ
Въ смиреннѣ мрачномъ.

8 или 9. Вечеръ.

Наконецъ завтра я отсюда ѣду. Здѣсь стало мнѣ наконецъ несносно. О всѣхъ важныхъ произшествіяхъ слышишь, какъ будто живя въ провинціи. Лошадей я себѣ купилъ. — Сегодня повечеру мнѣ было очень грустно.

Chaumont. 5 Февраля и. ст. Въ Лангрѣ узнали мы о побѣдѣ. Здѣсь видѣли раненыхъ.

Изъ Лангра¹⁾ St[ein] посылалъ меня въ Дижонъ и Женеву. Дорога была скучная, въ особенности по горамъ, покрытымъ снѣгамъ. Уединеніе рождаетъ мысли. Я много думалъ — ничего пріятнаго и лестнаго однакоже не входило мнѣ въ голову. Будучи въ Женевѣ, думалъ я о избраніи сего города мѣстопробываніемъ на нѣсколько лѣтъ, и мнѣ казалось, что никакой городъ для сего столь не приличенъ, какъ Женева. Всякій вечеръ провожать день съ Моридовой площади, смотря на озеро и на Альпы, или выходить за городъ. День читать, лѣто жить за городомъ въ щастливомъ уединеніи. Я сожалѣлъ, что я не привыкъ такъ къ Женевѣ, какъ къ Геттингену, гдѣ климатъ, мѣстоположеніе и многое другое не столь привлекательны. Всѣ мои мечтанія, подобныя симъ, заключаются мыслию (совсѣмъ не мечтою) о П[етер]бургѣ: воображеніе замерзаетъ, когда вспомню о тамошней зимѣ, о образѣ жизни и качествахъ жителей, — и мрачная задумчивость заступаетъ мѣсто щастливаго забвенія. Но надобно тамъ жить, гдѣ судьба опредѣлила. Странствія не вѣчны. Я уже чувствую необходимость постоянного жилища, постоянной жизни и, не теряясь, какъ прежде бывало, въ мечтаніяхъ, стараюсь съ спокойнымъ духомъ думать о 8 мѣсячной зимѣ и о прочемъ, что еще почти хуже зимы.

Народъ Французскій очень жалокъ; есть въ характерѣ его пріятныя черты, замѣченныя всѣми: учтивость въ пространномъ смыслѣ сего слова; но есть и непріятныя. Симъ сужденіемъ можно бы было удовольствоваться, еслибы Французы не причинили столько вреда другимъ народамъ. И потому иногда пріятно видѣть, если воины союзныхъ армій нѣсколько мстятъ имъ за нанесенныя обиды прежде. Русскими войсками довольны болѣе всѣхъ. Русской солдатъ — великое и предостойное названіе!

Гадкая система Французскаго Правительства не щадила и тѣхъ несчастныхъ, кот[орые] на горахъ Юры осуждены проводить $\frac{3}{4}$ года въ глубокихъ снѣгахъ, а остальную $\frac{1}{4}$ въ трудномъ обработываніи²⁾ бесплодной земли и питаться дурнымъ полувсянымъ хлѣбомъ и водою. И они чувствовали желѣзный скиптръ Наполеона. Жители присоединенныхъ къ Франціи съ се[й] стороны кантоновъ до сего соединенія промышляли по крайней мѣрѣ контрабандою, въ особенности табакомъ, и на барыши покупали для своихъ семействъ хлѣба и соли; но, будучи присоединены къ Франціи, и сего лишились.

1) Надъ этимъ словомъ приписано карандашомъ: «en Janvier».

2) Далѣе зачеркнуто: «неблагодарной».

Французы привыкли къ несчастіямъ болѣе, нежели какой другой народъ. Теперь посѣтило ихъ несчастіе, хотя мгновенное и для нихъ спасительное, совсѣмъ другаго рода, нежели къ коимъ они привыкли; и они отъ непривычки иногда на сіе жалуется, вообще же надѣются, что приходъ непріятеля освободитъ ихъ отъ теперешняго правительства.

Н. Тургеневъ.

10 Февраля. Труа.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ безпрестанно видны по дорогамъ раненые. Деревни отъ Бар-сюръ-Лобъ до Труа оставлены. Дома пусты, но мебели и посуда цѣлы, т. е. предоставлены волѣ проходящихъ солдатъ. Поля усланы соломою, разломанными бочками, посудою, пухомъ — слѣды бивакъ.

Я изъ Лангра ѣздилъ въ Женеву — путешествіе скучное. Теперь сказался больнымъ, дабы не ѣхать въ Брюссель. Не знаю, какъ это поправится Штейну. Но путешествовать или ѣздить курьеромъ въ теперешнее время по Франціи, гдѣ на почтовыхъ дворахъ нѣтъ ни лошадей, ни повозокъ, ни корма — ужасно. Я сдѣлалъ одну станцію, но возвратился.

12 Февр[аля]. Труа. Сегодня выѣхалъ отсюда Государь въ Pont-sur-Seine. Мнѣ хочется отсюда убраться поскорѣе, дабы не пропустить Дѣла у St[ein'a] опять нѣтъ. Отъ Брюссельской поѣздки отдѣлался, кажется, удачно. Объ этомъ вояжѣ, о трудностяхъ и непріятностяхъ онаго вспоминалъ я часто, сидя въ театрѣ или за ста[ка]номъ пунша съ Ал[ександромъ] Ив[ановичемъ]¹⁾. Какая разница!

Сегодня обѣдалъ я у St[ein'a]. Тамъ же обѣдалъ Pozzo di Borgo, кот[орый] мнѣ очень понравился.

Сей часъ былъ у Свинына: безпрестанно толкуеть о Рапатенѣ и безпокоится, желая увѣрить, что онъ самъ правъ, а тотъ виноватъ. — Какъ пріятно чувствовать въ себѣ довольно силы презирать своихъ непріятелей!

26 Февраля. Мы опять въ Лангрѣ. Ужасное дѣло ретирада! Желая приблизиться къ арміи, поѣхалъ я изъ Труа далѣе за главную квартиру и доѣхалъ до Вгау. Маленькой городокъ сей былъ набитъ главными квартирами союзныхъ армій. Я нашелъ мѣсто съ Ал[ександромъ] Ив[ановичемъ]. Съ сего мѣста начинается ретирада главной квартиры. Я нашелъ себѣ полезнаго товарища въ Свинынѣ, ибо онъ можетъ варить супъ, искусство, кот[орое] памъ очень пригодилось. На другой день въ полдень были мы въ Тренелѣ. Тутъ ожидали отвѣта о мирѣ, и я остался ночевать. На другой

1) Данилевскимъ.

день все пошло далѣе, и я былъ очень радъ, очутившись съ Дан[илевскимъ] у камина въ Труа и намѣреваясь итти повечеру въ театръ. Все время, проведенное съ нимъ, было проведено хорошо. Маленькой Шерб. забавлялъ меня своими разсужденіями. Повечеру мы точно были въ театрѣ, а на другой день, разставшись съ Д[анилевскимъ], поѣхалъ я съ своими товарищами далѣе.

St[ein] былъ твердъ и увѣренъ въ успѣхъ, когда я его видѣлъ въ Труа. Вчера въ Шомонѣ онъ былъ въ безпокойствѣ и нетерпѣннѣ.

Ужасное дѣло ретирада! Выѣхавши изъ Труа, стояли мы около часа у воротъ. Дорога была наполнена обозами, солдатами, конницею и выюками. Иной ѣхалъ на 3-хъ колесахъ; иные, дипломаты, услышавши о ретирадѣ, выбѣжали изъ города пѣшкомъ, оставили карету и деньги въ городѣ, сказавъ людямъ своимъ: *Rettet euch wie Ihr könnt*. Одного посланника (города Любека) довезъ я на блучкѣ до Бара.

Въ Барѣ ночью горѣла Ратуша. Сказываютъ, что нѣсколько раненыхъ погибли¹⁾.

Тутъ польстили насъ пріятными извѣстіями, и я жалѣлъ уже, что выѣхалъ изъ Труа, ибо думали туда возвратиться. Но нѣтъ: поѣхали на другой день въ Chaumont. Тутъ сказывали мнѣ, что въ слѣдствіе ретирады потеряли мы болѣе 10.000 больныхъ и раненыхъ. Такое извѣстіе дало мнѣ полное понятіе о ретирадѣ²⁾.

Изъ Шомона пріѣхали сюда. Въ Шом[онѣ] не могли уже мы имѣть овса для лошадей. Не знаю, долго ли здѣсь пробудемъ.

При предпріятіи всѣхъ дѣлъ надобно, какъ говорятъ, имѣть цѣль. Великая истина. Если мы шли впередъ и трактовали о мирѣ съ N[apoléon], кот[орый] намъ уступалъ все, то чего мы хотѣли? Если хотѣли перемѣны, то должно было бы объявить желаніе наше. Итакъ надобно имѣть цѣль и надобно объявить оную тѣмъ, кои имѣютъ участіе въ нашемъ дѣлѣ посредственно или непосредственно, т. е. народу.

Сижу у камина и думаю. Въ головѣ моей мысли бродятъ безъ связи и безъ цѣли. Нѣтъ такой идеи ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, къ кот[орой] бы всѣ прочія стремились, и кот[орая] бы, т[акъ] ск[азать], поглощала (absorber) всѣ прочія непріятныя. Если заблудившійся въ пространномъ полѣ, идя по труднымъ дорогамъ, видитъ вдали синѣющійся холмъ, мѣсто его отдохновенія и конецъ трудностей и непріятностей путешествія, — то судьба такого человѣка завидна. Но бродить съ трудомъ и съ непріятно-

1) Последнія три слова подчеркнуты и сдѣлана позже приписка: «Неправда».

2) Далѣе идетъ сдѣланная очевидно позже приписка: «Не подтвердилось, или и на-противъ».

стями, безъ цѣли и безъ надежды — изнурительно безъ утѣшенія, скучно безъ отрады.

29 Февраля. Мы опять отправляемся въ Шомонъ. Приятное возвращеніе, но не знаю, что-то не вѣрится, ибо ничего положительнаго о успѣхахъ нашихъ армій мы не знаемъ.

Вчера по вечеру выходилъ я за городъ. Повозки ѣхали уже къ Шомону. Но страшное дѣло война! Жалки небогатые и бѣдные жители городовъ и сель.

Погода стоитъ прекрасная: днемъ солнце, ночью мѣсяць. Досадно видѣть при такомъ времени ретирату.

Теперь чаще слышно о смертоубійствахъ союзныхъ солдатъ жителями, нежели прежде. Не знаю, долго ли можно вести войну въ здѣшной сторонѣ. Безъ привоза провіанта и фуража изъ Германіи армія могла бы здѣсь погибнуть.

Шоманъ. 5 Марта н[оваго] ст[илія]. Вечеръ. 10 часовъ. Сижу одинъ у камнина. Ничто не страшитъ меня, кромѣ будущности и Петербурга. Чего тамъ ожидать мнѣ? Что можетъ льстить мнѣ, что можетъ питать душу, что услаждать жизнь?

Холодная зима, болѣе еще холодные люди, прямыя улицы, рабство! Вотъ гдѣ надобно жить мнѣ безъ радости, безъ природы! Это не пустыя слова: сердце обливается кровію, слезы навертываются на глазахъ при одной только мысли о П[етер]бургѣ и о тамошнемъ родѣ жизни. — Но гдѣ жить? Умѣю ли я пользоваться свободою? Естьли я спрошу свое сердце, то врядъ ли отвѣтъ будетъ удовлетворителенъ. Такъ; кажется, что я не чувствую еще *сей* цѣны свободы, и *теперь еще* не въ состояніи въ полной мѣрѣ наслаждаться ею. Но это не все. Меланхолія, которая меня не оставляетъ, будетъ сильнѣе въ свободномъ состояніи, неразлучномъ съ уединеніемъ. — Что есть нравственная свобода, какъ не частое уединеніе? Свободно дышать и свободно мыслить можно только одному, съ самимъ собою. Я не смѣю думать о щастіи супружескаго состоянія, кот[орое], взявъ оное истинно щастливимъ, слишкомъ хорошо и высоко для меня. — Уединеніе питаетъ душу, но грызетъ сердце. — Странное и новое для меня положеніе — жить безъ цѣли. — *Ich bin aus einem gleich gekommen, — kann und will nicht in d[as]selbe wieder eintreten.*

Теперь пришелъ я изъ театра. Поютъ безъ музыки, играютъ впрочемъ по-лубочному. Прусскій Король всегда въ театрѣ. Публика состоитъ по большей части изъ Русскихъ. Музыканты Преображенскаго полка играютъ въ антрактахъ и очень хорошо.

$\frac{2}{14}$ Марта. Вечеръ. Шомонъ опустѣлъ. Императоры и Король уѣхали въ Bar-sur-Aube. Я остался здѣсь одинъ, ибо уѣхалъ Дан[илевскій]. Вчера держали мы □¹⁾. Старшій Щербининъ былъ принятъ. Н. Неуне, Preragator, дѣлая съ нимъ начальныя путешествія, говорилъ хорошо, т. е. съ чувствомъ, напомнивъ ему два раза о недавно умершемъ его братѣ. — Съ чувствомъ говорилъ онъ — это доказывали его слезы. Вотъ Масонство! Черныя души только не могутъ любить или по крайней мѣрѣ уважать его. Далѣе говорилъ Щербининъ рѣчь, въ кот[орой] много хорошаго, но въ особенности должна быть пріятна и незабвенна для нихъ обоихъ, потому что онъ говорилъ ему о ихъ взаимной дружбѣ. Говорить объ этомъ въ □ чистосердечно, при пріятіи — все это придаетъ новую цѣну словамъ и мыслямъ.

У St[ein'a] обѣдали сегодня Князь Чарторижскій и Радзивиль. Говорили о процессѣ Гр[афа] Орлова съ мужиками Гр[афа] Салтыкова. Я сожалѣлъ о рѣшеніи его въ пользу наслѣдниковъ. St[ein] и Чарторижскій, умные люди, не думающіе, какъ видно, что благоустроенное государство или что сама Россія должна созидать свое щастіе на несправедливости; не думающіе, что *униженіе одного класса гражданъ другимъ можетъ когда-либо быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно добраго Государства*, — были со мною согласны.

Потомъ мы говорили о другихъ предметахъ — даже о Вронченкѣ: этотъ человѣкъ всѣмъ надоѣлъ. St[ein] гов[орилъ], что онъ ему весьма наскучилъ въ особенности разсказываніемъ своихъ любовныхъ исторій: *son recit étoit long et ennuyeux comme lui-même*. Говорили о братѣ, о его опроверженіи Арндтова катихизиса. И даже о томъ, что *Helene soupire pour lui*. Это я сегодня только что узналъ.

Какъ жаль Строгановыхъ! Кто болѣе ихъ достоинъ щастія? И они наказаны судьбою, потерявъ сына!

Всѣ живутъ въ ожиданіи важнѣйшихъ произшествій. Извѣстіе, что Блюхеръ разбилъ Мармонта, обрадовало, но не успокоило насъ.

Какъ вредны слабые люди, имѣющіе власть! Какъ вредны мѣлкіе люди²⁾ съ умомъ, удобнымъ только къ хитрости и подлости!

Какъ вредно властителямъ окружать себя незначущими, безхарактерными людьми!

Все это ясно теперь представляется глазамъ наблюдателя.

При неизвѣстности лучше вѣрить людямъ твердымъ и имѣющимъ ре-

1) Ложу.

2) Далѣе зачеркнуты слова: «имѣющіе хитрость».

путацію умныхъ людей и съ характеромъ, нежели этимъ политическимъ кюнслерамъ. Отъ глупости, отъ ошибки одного зависитъ въ рѣшительныхъ, скоропреходящихъ обстоятельствахъ судьба миліоновъ.

Ibidem].

Долго смотрѣлъ я на карту Росс[ійской] имперіи. Ужасное, (почти) необъемлемое пространство! Какое отечество! Какъ теряютъ тѣ, коихъ одна только природа привязываетъ къ ихъ родинѣ, а не вмѣстѣ съ нею образованность жителей, обработанность земли и климатъ!! Это я чувствую. Нельзя болѣе любить своего отечества, какъ я люблю Россію; но всегда, при мысли объ отечествѣ, мысль нѣкоторой жалости, мрачная и печальная, побѣждаетъ всѣ другія мысли. Прежде, напр[имѣръ], живя въ Геттингенѣ, при мысли объ отечествѣ сердце билось отъ радости, отъ восхищенія. — Гдѣ то время! Теперь напротивъ. Въ перемѣнѣ сего чувства конечно люди гораздо болѣе причиною, нежели природа.

Ужасное пространство Россіи! Какъ управлять ею изъ П[етер]бурга? Какъ управляютъ ею?

Настоящій переворотъ въ Европѣ перемѣнилъ весьма, весьма многое. Многія даже книги, въ коихъ разсужденія были справедливы, сдѣлались теперь негодными или ложными. Многія истины политическія, даже финансовыя, бывъ истинами до 1812 года, симъ переворотомъ опровергнуты. Даже многія аксіомы, основанныя на исторіи, ничего теперь не доказываютъ. Какой конецъ увѣнчаетъ теперь такія важныя произшествія! Въ теченіе сихъ двухъ годовъ сдѣлано столь много хорошаго и истреблено столь много дурнаго, что совершенно неудачной развязки даже и ожидать нельзя. Сія послѣдняя можетъ быть лучше или хуже, но всегда должна быть и останется хорошею, полезнаю.

³/₁₅ [Марта]. Вечеръ. Сегодня обѣдали у St[ein'a] Чарторижскій, Радзивиль и Лагарпъ. Сего послѣдняго видѣлъ я уже два раза у St[ein'a]. Онъ мнѣ не очень нравится; но я всегда стараюсь смотрѣть на него съ почтеніемъ, помня, что онъ принималъ участіе въ воспитаніи Государя¹⁾. Онъ могъ имѣть вліяніе на вселеніе въ умъ Государя тѣхъ человѣколюбивыхъ и истинно благоразумныхъ правилъ, кот[орыя] ознаменовали поступки и дѣянія Монарха, обожаемаго Европою и имѣющаго право на признательность отечества.

Сегодня узнали здѣсь подробности о побѣдѣ Блюхера надъ Н[аполео-

1) Надъ этими словами въ рукописи приписано (очевидно позже) слѣдующее: «въ послѣдствіи я узналъ его короче и весьма, весьма полюбилъ».

номъ]. Но рѣшительнаго все еще нѣтъ. Между тѣмъ губернаторы и многіе частные люди увѣдомляютъ о частныхъ бунтахъ и о разположеніи народа къ общему возмущенію.

Сегодня читаль я Mémoires, кот[орые] написалъ Государю пріѣхавшій сюда Французъ Тюро. Написано очень искусно. Тюро отправился сегодня въ Троа въ сопровожденіи Русскаго 14-го класса. Наружность его поразительна. Вообще онъ сдѣлалъ на меня непріятное впечатлѣніе.

Увѣряютъ, что Н[аполеонъ] препоручаетъ Французамъ, естли попадутся въ плѣнъ, бунтовать народъ¹⁾. Также посылаетъ особенныхъ бунтовщиковъ, даже Генераловъ, кот[орые], переодѣвшись, возмущаютъ жителей земель, занятыхъ нашими войсками.

Непріятное предчувствіе тяготитъ мое воображеніе, въ особенности когда я думаю о поѣздкѣ отсюда.

Послѣ завтра ѣдемъ мы въ Троа. Прежде думали ѣхать въ Шалонъ. Мысль о Троа дѣлаетъ на всѣхъ непріятное впечатлѣніе — всѣ благоразумные и честные люди страшатся ужаснаго и пагубнаго бездѣйствія. Оно продолжаетъ и увеличиваетъ страданія народовъ.

Мнѣ очень скучно; но эта скука сопровождается безпокойствомъ. Трудно быть одному. Отъ тоски, чтобы убить время, я спалъ послѣ обѣда. Теперь хочу читать сочин[еніе] Staël о Германіи, 2-ю часть.

Уединеніе убивственно, изнурительно для меня въ теперешнихъ обстоятельствахъ.

Lessing. Le major Tellheim dans Minna, Odoard, le père d'Emilie (Galotti) et le templier dans Nathan, ont tous les trois une sensibilité fière dont la teinte est misanthropique. — Это выраженіе меня почти поразило. Я нашелъ нѣкоторое сходство съ ощущаемымъ иногда мною.

De l'Allemagne. T. II, p. 17 или и circa.

Le drame est à la tragédie ce que les figures de cire sont aux statues; il y a trop de vérité et pas assez d'idéal: c'est trop, si c'est de l'art, et jamais assez pour que ce soit de la nature.

p. 20.

Говоря о Разбойникахъ: L'éducation de la vie déprave les hommes légers et perfectionne ceux qui réfléchissent.

1) Надъ этими словами приписано: «Это въ: parceque nous l'avons bien voulu».

Léger, гов[орить] *Staël*: что дѣлаетъ воспитаніе жизни съ чувствительными людьми, расположенными къ Меланхоліи?

Это правило *Staël* не всегда и не вездѣ можетъ быть справедливымъ.

Bar-sur-Aube.

$\frac{5}{17}$. *Вечеръ*. Сегодня мы было совсѣмъ отправились въ Троя; но извѣстіе, полученное сегодня ночью, остановило насъ. Реймсъ и Шалонъ были заняты Французами.

Мы воротились по своимъ квартирамъ. Дѣлать нечего. Погода была прекрасная. Въ $\frac{1}{2}$ 11 часа мы пошли гулять. Возшли на ближнюю гору. Я остался одинъ. Все было около меня тихо. Еслибы, думалъ я, я былъ одинъ изъ жителей сего города, потерпѣвшихъ отъ послѣдняго сраженія, то я бы ходилъ иногда на эту гору и, смотря на поля, на горы и на городъ, старался бы забывать и презирать свое нещастіе, сравнивая малость города съ окружающими его предметами. Такъ я чувствовалъ въ эту минуту нѣчто неизъяснимо пріятное. Лѣтній чистый воздухъ, свободное дыханіе напоминало мнѣ сельскую жизнь въ отечествѣ — мысль сія какъ будто вкралась въ мою голову, посреди печальныхъ и ужасныхъ предметовъ, напоминающихъ безпрестанно о войнѣ. — Я смотрѣлъ на небо, смотрѣлъ на высокія горы — щастіе сельской жизни, свобода, наслажденіе любви въ объятіяхъ Природы, все это представлялось моему воображенію съ новыми прелестями. Мысль о ужасной дѣйствительности, отравляя пріятныя мечтанія, придавала тѣмъ сильнѣйшій перевѣсъ сравненію щастія и нещастія. — Долго сидѣлъ въ глубокой задумчивости: воображеніе, т[акъ] ск[азать], нѣжась въ пріятномъ и щастливомъ, не хотѣло отдать мѣста угрюмой задумчивости. —

Идучи по грязной дорогѣ, заваленной нечистотою, думалъ я, что хорошая погода заставляетъ забывать непріятность дороги. Въ П[егер]бургѣ теперь ходятъ по сухому тротуару, но въ холодную погоду. Что лучше?

$\frac{8}{20}$ [*марта*]. *Воскр[есенье]*. *Château de Poligny* — за часъ отъ *Bar-sur-Seine*. *Вечеръ*.

Въ Троя почевалъ я только одну ночь. Съ охотою остался бы тамъ долѣе, ибо попалась хорошая квартира. Но должно было отправляться далѣе. На другой день всѣ взбарабошились. Къ нещастію нашему особенно, изломалась у моей коляски ось. И въ мирное время это непріятно, а въ военное, да еще и при ретирадѣ — п подавно. Мы дожидались, куда подвязывали колъ подъ коляску. Непріятно быть зрѣлищемъ прожжающихъ, оставаясь по случившемуся нещастію. Наконецъ я радъ былъ концу этой

перевязки и отправился далѣе съ Staats-Rath'омъ Fr[iese]. Въ Bar-sur-Seine ось мою починили. Между тѣмъ вечеръ былъ пріятный. Многіе въ размышленіи, съ трубкою табаку ходили по улицамъ. Такимъ образомъ новое удовольствіе узналъ я въ главной квартирѣ: гулять по вечеру при хорошей погодѣ. Въ срединѣ шума и произшествій военныхъ пріятно *иногда* наслаждаться мрачною, непокойною неизвѣстностію.

Починивши ось, я отправился сюда. Ночь была прекрасная. Я ѣхалъ верхомъ. Пріѣхалъ въ замокъ. На дворѣ стояли наши повозки. Зажженные фонари у нѣкоторыхъ давали нѣкоторый видъ этой картинѣ. Я люблю замки. Въ замкахъ сверхъ того можно безпрестанно строиться, пристраивать новое, и все сіе не заботясь о строгихъ правилахъ красивой архитектуры, но по своему вкусу. Мнѣ отвели большую комнату. Легши въ постель, многія мысли романическія и, т[акъ] ск[азать], chevaleresque, даже донкишотскія представились моему воображенію. Я думалъ о пріятныхъ обществахъ въ замкахъ. Простота сельская и частое уединеніе дѣлаеть сіи общества интереснѣе. А интриги — онѣ вдвое интереснѣе въ замкахъ. Тихая погода, лунная ночь, садъ, водопадъ — все это придаетъ любви и наслажденію новыя прелести.

Вечернія прогулки, утреннія занятія — все это здѣсь живо и занимательно. Поутру собираются къ завтраку; расходятся по своимъ комнатамъ. Обѣдъ всѣхъ соединяетъ — вечернія прогулки въ сумерки или и при темнотѣ располагають душу къ мечтательности и къ тихой, усладительной меланхолии. Естьли кто щастливъ любовію — какое неизчерпаемое море пріятныхъ мечтаній! Какія наслажденія!

Я люблю замки. Полевыя прогулки присоединяются къ т[акъ] ск[азать] внутреннимъ наслажденіямъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, воображеніе мое безпрестанно gespannt.

Сегодня поутру, съ книгою Mme. de Staël въ рукѣ и съ трубкою табаку, пошелъ я гулять по саду. Читалъ сперва лежа на землѣ, потомъ на плоту, сдѣланномъ на Сенѣ; потомъ сидѣлъ на берегу сей рѣки, у дерева на скамейкѣ. Какъ бы желалъ я имѣть такой замокъ и жить въ немъ такъ, какъ я воображаю, что тутъ жить ¹⁾ можно. Обѣдалъ съ St[ein]. Послѣ обѣда онъ позвалъ меня гулять. Мы прошли по саду. Видѣвъ сегодня поутру плачущую женщину, хоронившую свою дочь, онъ разпросилъ о ней и далъ денегъ. Но, гуляя, мы не переставали говорить о произшествіяхъ военныхъ и политическихъ. Послѣ сего я опять ходилъ гулять. Теперъ слышу, что се-

1) Въ рукописи: жизнь.

годня положено атаковать N[apoléon'a]. Естли мы выиграемъ, то поѣдемъ въ Троа; въ противномъ же случаѣ — въ Лангръ.

Баръ-сюръ-Объ. ¹⁰/₂₂. *Вечеръ.* Не узнавъ ничего объ ожидаемой атакѣ, вдругъ отправились мы сюда. По проселочной дорогѣ было трудно ѣхать. По крайней мѣрѣ мы были всѣ вмѣстѣ. Здѣсь узнали о нѣкоторыхъ успѣхахъ нашей Арміи. Теперь болѣе, нежели когда-либо, должно стараться кончить войну и добрымъ порядкомъ разпрощаться съ Франціею. Тѣ земли, гдѣ армія наша проходила, совершенно изтощены, и деревни сожжены. Народъ питаетъ — *compte de raison* — къ намъ великую ненависть. Наше бездѣйствіе толкуютъ жители въ пользу N[apoléon] думая, что мы, не дѣлая ничего, не *можемъ* ничего дѣлать; не подозрѣвая, что иногда и не *хотятъ* ничего дѣлать, имѣя средства и возможность. Словомъ: всѣ теперь болѣе, нежели прежде, думаютъ о возмущеніи народномъ. Наши губернаторы безпрестанно это подтверждаютъ, ссылаясь на происшествія. Непріятное положеніе. — Между тѣмъ Конгрессъ Шатильонскій разошелся. Непростительно, естли трактатіи дѣлались серіозно и повредили операціямъ военнымъ.

¹¹/₂₃. *Иб. Утро.* Теперь идетъ маленькой дождикъ. Въ первый разъ шоль, [какъ] я замѣтилъ. Это дѣлаетъ нѣкот[орое] пріятное впечатлѣніе, но вмѣстѣ и печальное, когда, вспомнивъ о прелестяхъ природы, вспомнишь и о нещастіяхъ, кот[орыя] безпрестанно представляются здѣсь глазамъ каждаго. Сегодня приводили на площадь, гдѣ я живу, 3 партіи плѣнныхъ. Первая состояла изъ Французовъ, по большей части молодыхъ конскрибтовъ. Вторая состояла по большей части изъ Поляковъ, *chevaux-légers de la garde*. Третья состояла изъ Гвардейскихъ *grenadier à cheval*. Тутъ мы видѣли Голландцевъ, Нѣмцевъ, Швейцарцевъ: въ особенности жалко смотрѣть на сихъ послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что они охотно бы вступили въ службу противъ N[apoléon].

¹²/_[24]. *Иб. Вечеръ.* По сію пору не получено никакихъ извѣстій изъ армій. Пріѣхавшій изъ главной квартиры курьеръ сказывалъ, что Шварценбергъ долженъ былъ ѣхать въ St. Ouin. — St[ein] сдаетъ часть своихъ дѣлъ Австрійцамъ и Прусакамъ, предоставляя себѣ только начальство надъ Русскими ген[ералъ]-губернаторами. Ему дѣла эти надоѣли. Онъ скучаетъ. Миѣ его даже и жаль, сказать по просту; но по настоящему не должно удивляться, что истинный и возвышенный талантъ всегда не довольно цѣнимъ. — Сегодня и вчера обѣдалъ у него Лагарпъ, кот[орый] миѣ теперь гораздо болѣе нравится, нежели съ перваго раза.

¹⁸/₃₁ Марта. Четвергъ. Утро. Дижонъ.

Вотъ уже дней съ 5, какъ мы здѣсь. Въ самый день нашего отъѣзда изъ Баръ-сюръ-Объ пожаловалъ туда N[apoléon]. Французскіе пикеты находились отъ насъ въ 2 часахъ. Мы ѣхали со всѣмъ Австрійскимъ обозомъ, подъ прикрытіемъ гусаръ. Шатильонъ показался мнѣ раемъ въ сравненіи съ Баръ-сюръ-Объ. Я удивился, увидѣвъ, что въ деревняхъ по этой дорогѣ продаютъ курицъ. Нѣкоторые даже остановились покупать ихъ. Шатильонъ очень красивый и чистый городокъ во всякое время. Какъ же онъ долженъ быть намъ показаться послѣ бѣдной, разоренной, сожженной Шампани! За нами слѣдуютъ, какъ видно, Французы. На другой день нашего отъѣзда изъ Шатильона пожаловалъ туда Асіхъ съ мужиками¹⁾. Курьеры ѣздятъ теперь подъ прикрытіемъ гусаръ; но не смотря и на то почти всѣ теряютъ свои депеши. Одинъ Русской Полковникъ потерялъ изъ 100 козаковъ съ 20. Мужики въ этой сторонѣ всѣ вооружились, пресѣкаютъ комуникацію, вспомоществуемые солдатами и жандармами. Эти извѣстія безпокоятъ здѣшнихъ Дипломатовъ. Баронъ Spiegel, мой товарищъ, сдѣлался даже боленъ отъ страха, но N[apoléon] разбитъ подъ Fère-Champenoise, и съ выступленіемъ его изъ Шампани порядокъ можетъ возстановиться.

Бурбоны, кажется, могутъ теперь болѣе, нежели прежде, надѣяться вновь воцариться во Франціи. Дай Богъ! N[apoléon], смотря въ Тюльери на играющихъ въ саду ребятъ, сказалъ: ils sont bien heureux. Ему отвѣчали, что и Римской Король хорошъ и щастливъ. «De grands malheurs l'attendent». — Это покажется инымъ чувствительнымъ; но имѣетъ ли право N[apoléon] на чувствительность, le don le plus précieux de la Providence, какъ гов[орить] М^т. de Staël. Вспомня хотя объ одной жертвѣ, принесенной честолюбію N[apoléon'a] и будущему владычеству его сына, можно ли хотя на одну секунду принять нѣкоторое участіе въ чувствительности сего чудовища!

Я здѣсь познакомился съ М. Mathieu, кот[орый] при вступленіи Австрійцевъ въ Дижонъ надѣлъ бѣлую кокарду. Отважный старикъ.

Вчера, такъ какъ и всѣ дни, былъ въ театрѣ. Актеры не дурны. Нѣкоторые хороши.

Смотря на St[ein'a], можно нѣкоторымъ образомъ потерять честолюбіе (если кто его имѣетъ). Этотъ человѣкъ живетъ посреди людей, кот[орые] были свидѣтелями его заслугъ и его дѣяній и кот[орые] должны чувствовать великое разстояніе между имъ и ими. Но эти люди его не любятъ.

1) Надъ этимъ словомъ приписано, очевидно позднѣе: «не подтвердилось».

Можетъ быть онъ нетерпѣливою откровенностію своею удаляетъ отъ себя нѣкоторыхъ. Но можно ли думать и принимать въ разсужденіе подобныя сему недостатки, видя въ томъ же человѣкѣ великій умъ, благородство характера и чистую сердечную доброту? — Мѣлкіе и слабыя умы рады находить въ возвышенныхъ людяхъ недостатки. Недостатокъ этого нетерпѣнія и безпокойной живости весьма замѣтенъ и легко представляется глазамъ глупцовъ и злыхъ, кот[орые] не упускаютъ хулить за то человѣка, жалѣть о немъ и радоваться внутренно. Но эта сволочь врядъ ли и хитрости довольно имѣетъ, чтобы сравнить оную съ умомъ и съ характеромъ того, кого они осуждаютъ стараются.

St[ein] между прочимъ сказалъ недавно: Wenn ich um den Menschen sehe, der in meiner Stube setzen könnst, so glaube ich einen Wolf vor mich zu sehen. Вотъ награда за услуги и за благодѣянія своимъ собратьямъ! Потомство одно только бываетъ справедливо.

5 Апрель.

Vive le Roi! — Этотъ крикъ раздавался вчера, 4 Апрѣля, въ первый разъ въ Дижонѣ: въ первый разъ послѣ 25 лѣтъ. Я, иностранецъ, не могъ хладнокровно видѣть и слышать Французовъ, ходящихъ съ радостными лицами по улицамъ и восклицающихъ: Vive le Roi! Въ особенности нѣсколько даже тронулъ меня одинъ Французъ, который, какъ видно, отъ радости выпилъ лишній стаканъ за здоровье своего Короля, — пришелъ въ театръ съ пляскою, крича: Vive le Roi! Vivent les alliés! Бѣлыя кокарды видны въ особенности на лучшихъ жителяхъ, на ихъ дворянахъ, въ особенности на молодыхъ людяхъ. — Каково Французу послѣ 20 лѣтъ — но какихъ лѣтъ! опять свободно дышать и въ полнотѣ сердечной кричать: Vive le Roi! Сколько въ теченіи сего времени происшествій поражали Французовъ то ужасомъ, то удивленіемъ, отчаяніемъ — ни одно радостію. Теперь все старое, тихое и мирное, получившее большую цѣну противоположностію новаго, возвращается.

Вчера на улицахъ народъ толпился кучами. Знакомые и незнакомые поздравляли другъ друга. Конечно были лица, кот[орыя] не радость представляли. Иныя показывали сумнѣніе, иныя недоумѣніе, а иныя даже и досаду. Но Богъ обратитъ ихъ на путь правый. Поводомъ ко всему сему было извѣстіе о занятіи нами Парижа.

St[ein] былъ очень радъ. Также и Лагарпъ, кот[ораго] я за его доброту очень люблю.

Парижъ. Апрель [22]¹⁾. Второй день праздника.

1) Въ рукописи здѣсь было оставлено пустое мѣсто. Очевидно Тургеневъ не успѣлъ высчитать что пасха въ 1812 году была 21 апрѣля.

Третьяго дня пріѣхали мы сюда. Вчера, въ Свѣтлый праздникъ, былъ я свидѣтелемъ славѣйшаго праздника, кот[орому] когда-либо бывало что подобное: парадъ Русской гвардіи на place de Louis XV или de la Révolution! За 25 лѣтъ народъ, пренебрегшій религію, святость нравовъ и законовъ, казнилъ тутъ невиннаго Короля своего. Теперь сильнѣйшій Государь въ свѣтѣ, болѣе всѣхъ прочихъ почитающій Религію, на той же самой площади, окруженный своимъ воинствомъ, благодарить Творца вселенной за ниспосланіе силы и крѣпости оружію его; на мѣстѣ казни курится оміамъ благодарности, и дымъ, возлетающій къ небесамъ, примиряя наконецъ небо съ землею, показываетъ знакъ совершеннаго избавленія и свободы свѣта. Религія и свобода возторжествовали. Провидѣніе болѣе, нежели когда-либо, явило дѣйствіе свое. Парижъ, исполненный благодарности, восклицаетъ и съ восторгомъ произноситъ имя избавителя; воины радуются, видя своего истиннаго повелителя. А онъ, онъ — о! Провидѣніе, готовивъ его на сіи славные и благодѣтельные подвиги, зная слабость человѣческаго сердца, разположеннаго къ гордости и высокѣмѣрію, — снабдило душу его ангельскою кротостію; величіе и скромность изображены на челѣ его; онъ благодаритъ Небо, благодаритъ своихъ сподвижниковъ, о себѣ не мыслить. О, скромность, вѣнецъ всѣхъ великихъ дѣяній! никогда не озаряла ты лица смертнаго съ ббльшею блистательностію, съ ббльшею прелестію.

Отобѣдавъ въ трактирѣ у Вери, пошелъ я смотрѣть *Athalie*. Видѣлъ Тальму, Рокуръ, Сенпри, Дюшенуа — и наслаждался.

Четвергъ. Утро. Время провожу я въ Парижѣ довольно скучно и непріятно. Парижъ мнѣ очень нравится. Но, при теперешнемъ моемъ здѣсь пребываніи, многое непріятно. Нѣкоторыя минуты, секунды нравственнаго и физическаго наслажденія плѣняютъ душу и производятъ нѣкоторый восторгъ; но эти минуты рѣдки.

Третьяго дня былъ я въ театрѣ (Th. Français). Давали: *La partie de chasse d'Henri IV*, — піеса, соотвѣтствующая теперешнимъ обстоятельствамъ. Пѣли на сценѣ нѣсколько пѣсень въ честь Короля и союзниковъ, между прочимъ, «*Vive Alexandre, roi des rois!*» Въ одной изъ пѣсни пѣты были слова: *Jurons d'être fidèles! — Oui, jurons*, закричалъ партеръ, поднявъ шляпы вверхъ. — *Vive le Roi, vive Alexandre!* безпрестанно были слышны.

Актеры играли въ совершенствѣ. Fleury игралъ Н[enri] IV и представлялъ его точно такимъ, какимъ его исторія представляетъ. Damas игралъ Сюлли съ рѣдкимъ искусствомъ или, лучше сказать, съ искусствомъ, извѣстнымъ только въ Théâtre Français.

Вчера былъ въ Италіянскоі оперѣ. Давали Romeo и Giuletta. М-me Sessi и S-re Crivelli пѣли прекрасно. Речитативы показались мнѣ скучными.

Вообще очень беспокоятъ меня деньги, кот[орыя] мнѣ будутъ нужны для отъѣзда изъ Парижа.

17 *Апрѣля*. Утро. Третьяго дня былъ я въ Grand'Opéra. Давали Oedipe en Colon. Тамъ были оба Императоры, Король Прусскій и Графъ Artois. Хлопанья и кричанья было довольно. Когда Laïs пѣлъ слова: Du malheur auguste victime, то всѣ обернулся на Artois и хлопали и кричали: Vive le Roi! Онъ отеръ слезы. Когда аплодировали союзнымъ Монархамъ, то Artois, обращаясь къ нимъ, соединялъ свои рукоплесканія съ рукоплесканіемъ партера. Когда пѣли слова: O, des Rois modèle, то партеръ закричалъ: Vive Alexandre! Вотъ награда за труды его — и Французскіи партеръ различить умѣлъ suum cuique. Въ театрѣ видѣлъ я Шварценберга и проч. Французы были въ восхищеніи.—Roi Henri IV играли, пѣли и наконецъ танцовали.—Сосѣдъ мой однажды спросилъ меня: Правда ли, что Турки въ П[етер]бургѣ?

Вчера былъ въ Одеонѣ. Barilly былъ очень печаленъ, играя Фигаро. Увидѣвъ на сценѣ въ 1-ый разъ М-me Sessi, кот[орая] играла роль покойной жены его, онъ заплакалъ и ушелъ со сцены.

Sessi и Morandi пѣли дуэтъ чрезвычайно хорошо. Morandi играла очень пріятно.

Въ оперѣ Grande танцовали: М-г Albert, Vestris, кот[орыи] отъ старости спотыкался. М-me Bigotini играла la petite folle съ удивительнымъ искусствомъ. Пріятная фигура увеличивала прелесть.

24 *[Апрѣля]*. Вчера былъ я dans un anéantissement fatigant отъ скуки, отъ сна и отъ недостатка надежды на будущность. — Обѣдалъ у Лагарпа, кот[орый] показывалъ мнѣ 2 письма, писанныя къ нему Импер[аторомъ] Алекс[андромъ] — одно въ 1797 году, другое по возшествіи на престолъ. Я благодарилъ его за наслажденіе, истинное, душевное, которое я ощущалъ при чтеніи сихъ писемъ. Тутъ душа Алекс[андра] показывается въ истинномъ своемъ величїи и благородствѣ. Дай Богъ, чтобы желанія его исполнились. Если онъ не успѣетъ основать благоденствія Отечества, то Богъ знаетъ, когда оно можетъ быть возможнымъ.

25 *[Апрѣля]*. Чего можно не ожидать въ теперешнія времена? Вчера dans le Grand Opéra М-г Vestris и М-me Gardol плясали Комаринскаго: о, времена, о вѣкъ! И все это случилось.

Хорошо. Но я желаю чудесъ другаго рода, но кот[орыя] послѣ того, что случилось, не должны казаться чудесами. Наша Русская Армія отличалась предъ всѣми прочими не только храбростію, но и лучшимъ поведеніемъ.

Теперь Французы въ восхищеніи отъ нашихъ офицеровъ. Теперь возвратятся въ Россію много такихъ Русскихъ, кот[орые] видѣли, что безъ рабства можетъ существовать гражданскій порядокъ и могутъ процвѣтать царства. Что можно сдѣлать умными распоряженіями и постановленіями!

Послѣ того, что Русскій народъ сдѣлалъ, что сдѣлалъ Государь, что случилось въ Европѣ, освобожденіе крестьянъ мнѣ кажется весьма легкимъ, и я поручился бы за успѣхъ даже скорого переворота. Духъ разума, которымъ Русской народъ дышетъ вмѣстѣ съ атмосферою, предупредитъ ихъ безпорядки. Вотъ вѣнецъ, кот[орымъ] Русскій Императоръ можетъ увѣнчать всѣ дѣла свои. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то нельзя и надѣяться на такую перемѣну.

Надобно быть одушевлену тѣмъ духомъ, кот[орымъ] Провидѣніе оарило Ал[ександра]. Надобно имѣть ту опытность, кот[орую] онъ получилъ теперь, и надобно имѣть ту славу. Но въ нашемъ Монархѣ можетъ все это соединиться.

29. Утро. Что за Французы! Въ то время, какъ другіе народы пользуются нещастіями и внутренними переворотами и присвояютъ владычество (soveraineté) себѣ, вручая Королю исполнительную власть, Французы тоже теперь кричатъ, но о чемъ? О томъ, кому они принадлежатъ! Одни кабалятъ себя Лудвигу, другіе думаютъ, что гораздо славнѣе быть рабомъ Наполеона. — Вчера въ Palais Royal разговаривалъ я съ однимъ Французомъ, кот[орый] былъ сего послѣдняго мнѣнія и безъ пощады бранилъ Бурбоновъ. — Но между тѣмъ Французскій народъ не видалъ еще никакаго полезнаго дѣйствія революціи. Онъ остался безъ конституціи и въ деспотизмѣ. Какое нещастіе, какой стыдъ для цѣлаго народа! Драться, рѣзаться, убить Короля за свободу, и потомъ, послѣ жесточайшихъ войнъ, притти на то же мѣсто, съ котораго пошли за 25 лѣтъ!

Пришедши вчера домой, нашелъ я приглашеніе въ □ du Point parfait. Это приглашеніе обрадовало меня болѣе обыкновеннаго.

4 Мая. Вчера въѣзжалъ въ городъ Король. Энтузіазмъ народный былъ гораздо слабѣе, нежели при въѣздѣ Гр[афа] Артуа. Проходившіе остатки Наполеоновой гвардіи очень морщились, и говорятъ даже, что нѣкоторые кричали: Vive l'Empereur! Имъ эта перемѣна не правится. Впрочемъ ничего почти не слышно, кромѣ неудовольствій на Бурбоновъ. Ихъ не очень народъ любитъ. Церемонія шествія Короля была великолѣпна.

Повечеру былъ фейерверкъ — не великолѣпный, но пріятный. Народу было множество на Сенѣ и на улицахъ.

Я слышалъ, что нѣкоторые изъ главнѣйшихъ чиновниковъ Государь-

ственныхъ сосланы. Между прочимъ Камбасересъ, Савари, Ген[ераль] Гюлень и проч. Эта мѣра весьма не нравится народу.

Мнѣ вчера было очень грустно. Теперь не веселѣе. Необходимость возвращенія въ Пе[тер]бургъ меня весьма беспокоитъ и уничтожаетъ воображеніе. Мысль о жизни П[етер]бургской никакъ не *лзетъ*¹⁾ въ мою голову. Не знаю, что будетъ. А пріятнаго ничего не предвижу. Сегодня получилъ письмо отъ бр[ата] Ал[ександра] Ив[ановича]. Оно также не можетъ способствовать къ развлеченію.

5 Мая.

Вчера намъ дали въ □ Jérusalem Ecoss. высшія степенн. □ была красиво убрана. По окончаніи я былъ съ Дан[илевскимъ] и Шпл. въ Palais R[oyal].

14 Мая. ^{1/2} 11 ночи. Скука, хотя иногда и развлекаемая □□, но не менѣе того непріятная. Причиною отчасти и бездѣліе, въ кот[оромъ] я нахожусь, и недостатокъ въ планахъ и въ мечтаніяхъ о будущемъ. Масонству обязанъ я единственно пріятными минутами, кот[орыя] я здѣсь имѣлъ. Въ □ de Jérusalem Ecoss. есть весьма порядочные люди, въ особенности le Vener. Roquier. Тамъ оставляетъ меня снѣдающая скука, тамъ предаюсь я, въ средѣ вв. кк.²⁾, отрадѣ и веселію. Тамъ увлекаетъ меня безпечіе; настоящее занимаетъ, оставляя горе прошедшаго назади и не внушая вкрадываться въ воображеніе размышленіямъ о будущности. Тамъ я ѣмъ, пью, пою съ наслажденіемъ. Говорю съ откровенностію и чистосердечіемъ. — Театры, кромѣ развѣ Brunet, незанимательны для меня въ теперешнемъ моемъ положеніи. Вчера были мы въ ложѣ zum Eisernen Kreuz; но мало было пріятнаго. Въ скукѣ или въ грусти Нѣмецкая серіозность не утѣшительна. Французская веселость въ такомъ случаѣ производитъ лучшее дѣйствіе.

16 или 17. Среда. Полночь.

Третьяго дня были мы въ □ de l'Admirateur de l'Univers. Въ 6 часовъ начался банкетъ и продолжался, къ нашему большому удовольствію, до 11-го часа. Многіе изъ братьевъ пѣли своего сочиненія куплеты, забавные и остроумные, но не всегда лаконическіе. Было весело. Подлинно нигдѣ нельзя наслаждаться болѣе истиннымъ удовольствіемъ, какъ посреди масоновъ. Изъ □ пошли мы въ кофейную и пили пуншъ. Тутъ тоже пѣли и говорили безпрестанно каламбуры. При прощаніи тоже были слышны куплеты:

1) Въ рукописи: *«не лзетъ»*.

2) Вольныхъ каменщиковъ, т. е. масоновъ.

Bon soir, mes amis, bon soir ect. ect. ect.

Сегодня я былъ въ Одеонѣ. Давали Ораціевъ. Пѣли чрезвычайно. Я сидѣлъ между Гнейзенау и Лагарпомъ.

22. Четвертаго дня были мы въ Дамской □. Работы состояли въ пѣніи и игрании на фортепiano и скрипкѣ, а по заключеніи □ танцевали. Мало замѣчательнаго.

Слышно, что на будущей недѣлѣ всѣ отсюда отправляются. Многіе полагаютъ, что послѣ выступленія союзныхъ войскъ изъ Франціи, спокойствіе нарушится. Правда, что правительство должно быть весьма осторожно. Вѣроятно, что хорошая, т. е. выгодная для народа конституція можетъ утвердить Бурбоновъ на престолѣ.

Франкфуртъ $\frac{11}{24}$ Июня. 1814.

Какъ легко можно безъ сожалѣнія переѣзжать изъ одного мѣста въ другое! Это потому, что меня ничто не привязываетъ ни къ какому мѣсто-пробыванію. Здѣсь веду я жизнь весьма монотонную. Могъ бы, постараясь, познакомиться здѣсь съ нѣкоторыми. Но стараніе сіе для меня неизвѣстно. Къ тому же, не видя ничего важнаго въ назначеніи своемъ, ничего даже занимательнаго или даже ничего немѣлкаго и непустаго, нѣтъ охоты вознаграждать это пустыми и незначущими бездѣльями. Tout est manqué et tout [est] perdu, rien de gagné. Я оставляю теперь совершенно вести меня въ сей жизни по ея произволу, не имѣя никакого предлога и, ce qui plus est, никакого права направлять ходомъ моей жизни. — Я пишу здѣсь обещаніями, потому что не хочется даже самому себѣ говорить откровенно, боясь и мыслить съ откровенностію о моемъ положеніи и о видахъ на будущее. *Презрѣніе людей* производитъ *презрѣніе людей*.

21 Июля. Охота писать въ этой книгѣ проходить видно со временемъ. По многому, по всему вижу я, что мнѣ надобно избрать родъ и образъ жизни, совершенно для меня новые и отличные отъ тѣхъ, кот[орые] мнѣ были извѣстны по сію пору.

Теперь на свободѣ думать и мечтать (хотя мои теперешнія мечтанія не такъ пылки, не такъ лестны, какъ прежде: elles sont maintenant plus bourgeoises) изыскиваю я себѣ родъ жизни, кот[орый] мнѣ всего приличнѣе и выгоднѣе принять можно, и всѣ, возможные въ исполненія планы мои касаются до чужихъ краевъ, ибо въ Россіи я не предвижу и не могу предвидѣть ничего для меня лестнаго и пріятнаго. Лестнаго! Но лестнаго я нигдѣ не вижу; пріятнаго вездѣ очень мало. Я пишу покойнаго, но можно ли имѣть это въ П[етер]бургѣ? Я пишу нѣкоторыхъ простыхъ, сердечныхъ удоволь-

ствій, по можно ли мнѣ теперь имѣть ихъ или надѣяться когда-либо имѣть въ П[етер]бургѣ? А оставшись здѣсь, т. е. въ чужихъ краяхъ, можно по крайней мѣрѣ надѣяться и ожидать, а кто знаетъ? Можетъ быть удастся мнѣ когда-либо наслаждаться жизнью, о чемъ я каждый день и каждый часъ думаю.

$\frac{6}{18}$ *Июля*. На сихъ дняхъ St[ein], возвратившись изъ Брухсала, привезъ мнѣ Анненскій крестъ и чашъ. Хотя и не уважаю знаковъ отличій, однакоже крестъ для меня пріятно имѣть иногда, напр. вчера за обѣдомъ у моей хозяйки, или для тѣсноты въ театрѣ.

Я живу здѣсь все по-прежнему. Ужинаю всякій день въ Römischer Kauser. Тамъ всегда бываетъ одинъ старый и бѣдный Баронъ, кот[орый] очень забавенъ, рассказывая каждый день новые анекдоты. Хозяева этого трактира также услужливые люди.

На сихъ дняхъ обѣдалъ у Штейна Гарденбергъ. Легко можно было замѣтить, что онъ былъ теперь гораздо веселѣе и, такъ сказать, легче, нежели тогда, когда я видѣлъ его у Штейна въ Фрейбургѣ. Онъ, кажется, человѣкъ очень добрый и поправился мнѣ откровенностію и простотою. Онъ, наприм[ѣръ], гов[орилъ], что онъ für seine Person держитъ сторону Норвежцевъ. Школьникъ-Министръ никогда бы не осмѣлился сказать это при многихъ, хотя и былъ бы увѣренъ въ справедливости мнѣнія. Я, какъ и прежде, ничего быстраго и особенно возвышеннаго въ Гарденбергѣ не замѣтилъ. Но я думаю, что доброта, честность и благонамѣренность суть первыя достоинства Госуд[арственнаго] человѣка. Одно, что мнѣ не нравится въ немъ и въ другихъ — мнѣ не нравится, но можетъ быть дѣлаетъ честь ихъ безпристрастію—есть то, что они слишкомъ много хвалятъ Англичанъ. Я конечно почитаю этотъ народъ щастливѣйшимъ въ Европѣ — какая похвала лучше?—Но о преимуществахъ иностранцевъ надобно думать и говорить, стараясь принаравливать къ своему народу. Но опять правда! Какое сравненіе можетъ быть между Пруссією и Англією, между новенькимъ съ иглочки Берлиномъ и древнимъ Лондономъ? Но при всемъ томъ они, т. е. Гарденбергъ и другіе, между коими и St[ein], — несправедливы, говоря, что Англія подобна морской скалѣ, о кот[орую] разбивались всѣ варварскіе замыслы N[apoléon]. Они забываютъ, кто низпровергнулъ N[apoléon]. Они забываютъ, видя, что мы изъ скромности объ этомъ имъ не напоминаемъ и приписываемъ все Богу. Справедливѣе и лучше бы можно сказать: что Англія болѣе всѣхъ, т[акъ] ск[азать], *подкапывалась* подъ Колосса для низверженія его и конечно ослабила основаніе его, но что Россія низвергнула его — она его низверг-

нула, но онъ опять возсталъ, хотя уже не такъ страшенъ; тутъ противоборствовали ему общія силы. Но не надобно забывать, какъ Россія участвовала въ сей борьбѣ, что обыкновенно дѣлають, видя, что Россія, дѣйствовавъ прежде одна, дѣйствуетъ теперь въ соединеніи. И въ семь соединеніи какое участіе принималъ лично обладатель, Репрезентантъ Россіи! Труды и борьба Англій продолжительнѣе. Труды и борьба Россіи быстрѣе, сильнѣе и конечно дѣйствительнѣе, или единственно успѣшны. Что бы сдѣлала Англія и вся Европа безъ Россіи? Кто на это отвѣчать можетъ, что Англія и Европа могли бы уничтожить N[apoleon]? Но естьли мы спросимъ, что бы (бы не нужно): что сдѣлала Россія безъ Англій и Европы, или, лучше сказать, безъ Англій противъ всей Европы? Она все побѣдила. Россія стоитъ въ такомъ величественномъ, свѣтломъ и чистомъ блескѣ, что всѣ Европейскія державы, кромѣ Англій, должны смотрѣть на нее съ благоговѣніемъ и не смѣть сравнивать себя съ нею. Она, Россія, была принуждена побѣдить Пруссію и Австрію. Она или Онъ — имя Россіи не должно быть раздѣляемо съ именемъ Александра не потому, что онъ ея обладатель, но потому, что онъ — Александръ, онъ повелъ съ собою Прусаковъ противъ N[apoleon'a], онъ заставилъ глупыхъ Австрійцевъ стрясти съ себя гнусное иго, онъ показалъ Германіи путь къ чести и славѣ и велъ ихъ къ цѣли не останавливаясь и, презирая препятствія, дѣйствительными и вымышленными малодушіемъ и непозволительною хитростію. Всѣ это знаютъ. Нѣмцы обожаютъ den Kauser Alexander, Французы въ изумленіи отъ l'Empereur (т. е. l'Emp[ereur] Al[exandre]). Отдаленные отъ театра войны и происшествій Англичане, и часто весьма неудачные въ сужденіи, также кричатъ: the Emperor Alexander (and peculiarly the benevolent Emp. Al[exander]). Всѣ это знаютъ и при малѣйшемъ рыцарствѣ каждый удостовѣрится, что безъ Россіи и безъ Александра не было бы успѣха.

Впрочемъ: естьлибы кто и усумнился, что *спасеніе бысть отъ сѣвера*, то увѣрится, узнавъ, что Максимъ Ивановичъ¹⁾ это проорочествовалъ.

1. Мнѣніе народное и нѣкот[орыхъ] министровъ объ участіи, кот[орое] принимали различныя державы въ успѣхѣ послѣдней войны. Предразсудокъ въ пользу Англій — опроверженіе сего и похвала Англій. Что сдѣлала Англія.

2. Что сдѣлала Испанія.

3. Что сдѣлала Россія. Опроверженіе общаго мнѣнія, что зима выгнала

1) Невзоровъ.

Французовъ изъ Россіи¹⁾. Армія и народъ, а не холодъ выгнали Французовъ. Бородино, Красное и проч. Легковѣрность народная и вѣра въ бюллетени. Какой миръ Россія могла заключить съ N[аролеон'омъ], выгнавъ его изъ Россіи и Польши. Какое бы тогда было положеніе Россіи.

4. Тогдашнее состояніе Пруссіи и Австріи. Генераль Йоркъ.

5. Союзъ съ Пруссіею. Общія условія.

6. Союзъ съ Австріею.

7. Союзъ съ Нѣмецкими владѣтелями.

8. Переходъ черезъ Рейнь.

Взятіе Парижа.

Что сдѣлала Россія въ семь союзѣ, или что сдѣлалъ ея Императоръ, вездѣ видно съ начала 1812-го года до взятія Парижа, что болѣе всего сдѣлала или Россія или ея Императоръ.

1814. $\frac{5}{18}$ *Юля*. Въ Франкфуртѣ заключена сія книга. Для меня лично менѣе, нежели можно было предполагать, случилось и перемѣнилось въ теченіе времени съ того дня, когда я въ первый разъ началъ писать здѣсь по сію пору. Н. Тургеневъ²⁾.

$\frac{28}{28}$ *Юля*. *Четвергъ*. 8 *вечера*. Сегодня, какъ и часто, провелъ я всѣ послѣ обѣда съ 3 часовъ въ чтеніи. Фоблазъ теперь меня занимаетъ. Размышляя теперь объ уединеніи, я чувствовалъ, что оно сносно для меня или и пріятно, когда я имѣю надежду на конецъ дня, прежде ночи, вытти изъ своей комнаты. Здѣсь напр. хожу я ужинать въ Röm[ischer] Kauser и черезъ то, такъ сказать, освѣжиться и получить новыя силы для проведенія ночи въ уединеніи. Я не помню, чтобы когда либо ночи были для меня столь скучны и продолжительны, какъ теперь. Часто не спится. Я думаю, что это отъ части происходитъ отъ ужиновъ. Не знаю, почему пришло мнѣ на мысль, когда я думалъ объ уединеніи, что я буду когда-нибудь сидѣть въ тюрьмѣ. Это мнѣ *давалось*. Не дай Богъ. Безпрестанное заточеніе страшно, но униженіе, досада, видя себя игрушкою въ рукахъ другихъ, еще страшнѣе. — Штейнгъ уѣхалъ. Сегодня у насъ было 3-е засѣданіе нашей Коммиссіи. Все идетъ какъ по маслу. Я сожалѣю, что по приѣздѣ сюда я здѣсь ни съ кѣмъ не позна-

1) Въ рукописи здѣсь прибавлено: «NB. Французы гов[орятъ]: ils sont entré parseeque nous l'avons voulu. — Вздоръ: въ сраженіяхъ они были биты».

2) Эта предпоследняя запись сдѣлана Тургеневымъ на пятомъ листѣ рукописи, гдѣ было пустое мѣсто. Слѣдующая послѣдняя запись восьмой книги дневниковъ Тургенева сдѣлана имъ въ началѣ тетради, на оборотѣ второго листа.

комплса. — Слова, сказанныя однажды St[ein'омъ], что *каждый новый человекъ кажется ему волкомъ*, — также у меня теперь на умѣ¹⁾.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Западъ на Сѣверѣ.

1813. Сентябрь²⁾.

Безпрестанно представляющіеся примѣры³⁾ бѣдствій, въ коихъ находятся многіе изъ гражданъ, заставляютъ думать о способахъ облегчить участь несчастныхъ. Не входя въ изслѣдованіе состоянія раззорившихся отъ настоящей войны въ Россіи, ни о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ благомыслищими соотечественниками и иностранцами, скажу только, что *сдѣланныя пособія неудовлетворительны и что новыя пособія нужны*. Въ семъ утвержденіи согласится со мною каждый. Но откуда взять новыхъ пособій? Какіе источники для сего Россія имѣетъ?

Кромѣ способа учрежденія *новаго заемнаго банка для вспоможенія отъ войны*, о чемъ входитъ въ подробности я не намѣренъ, я предлагаю новое средство, весьма естественное, весьма удобное въ исполненіи и — что всего важнѣе — безвредное; по крайней мѣрѣ слѣдствія отъ исполненія моего предложенія не будутъ вредны и даже, смѣю сказать, ощутительны для Государства; а имянно:

Предлагается *пустить въ обращеніе на 2 или на 3 мил.⁴⁾ бумажныхъ денегъ, кои должны служить для вспоможенія раззореннымъ отъ войны*.

Конечно, мысль о умноженіи количества нашихъ бумажныхъ денегъ вообще предосудительна; но цѣль и обстоятельства могутъ ручаться за успѣхъ предлагаемаго средства. Сверхъ того опытъ послѣднихъ произшествій доказалъ ясно и всегда доказывалъ, что Русскія ассигнаціи не могутъ совершенно входить въ теорію бум[ажныхъ] денегъ въ другихъ государствахъ; и сіе не потому, чтобы сами по себѣ ассигнаціи наши были отличны отъ бумажныхъ денегъ въ чужихъ краяхъ, но потому, что *внутреннія силы Россіи еще мало извѣстны*.

1) Этимъ заканчивается восьмая книга дневниковъ; конецъ тетради (листы 52а—58) заняты черновымъ наброскомъ «проекта о вспомогательныхъ ассигнаціяхъ». Мы помѣщаемъ его здѣсь въ видѣ приложенія.

2) Такой заголовокъ сдѣланъ Тургеневымъ на послѣднемъ листѣ (59-мъ) тетради; очевидно, онъ хотѣлъ отсюда начать свои записи; но почему-то раздумалъ.

3) Далѣе зачеркнуто: «несчастій и»...

4) Здѣсь на поляхъ приписано: «или и болѣе, смотря по обстоятельствамъ».

Естьли при выдачѣ предлагаемой суммы бум[ажныхъ] денегъ будутъ наблюдены нѣкоторыя условія, то сіи новыя ассигнаціи нисколько не повредятъ старымъ и нимало не потрясутъ государственнаго кредита.

Условія.

Что должно наблюдать при выдачѣ новыхъ ассигнацій?

1) Прежде всего правительство должно дать новымъ бум[ажнымъ] деньгамъ характеръ, совершенно отличный отъ ассигнацій, теперь существующихъ, а пмянно:

а) Правительство должно объявить, что сіи новыя бум[ажныя] деньги выдаются¹⁾ единственно для пособія раззореннымъ и что бытіе ихъ прекратится вмѣстѣ съ поправленіемъ, хотя нѣкоторымъ, состоянія потерпѣвшихъ отъ войны²⁾.

*Мнѣніе есть главное основаніе кредита*³⁾; а естьли мнѣніе, что ассигнаціи выданы для пособія, вкоренится, то народъ отдѣлитъ ихъ въ понятіи своемъ отъ теперешнихъ ассигнацій и, увѣренъ будучи въ благой цѣли новыхъ бум[ажныхъ] денегъ, будетъ неволью способствовать къ сохраненію кредита оныхъ.

б) Дать новымъ бум[ажнымъ] деньгамъ совершенно новый видъ, отличный отъ настоящихъ ассигнацій, и объявить на самыхъ листахъ цѣль выпуска оныхъ, что оныя суть *вспомогательныя ассигнаціи*.

2) Давъ новымъ ассигнаціямъ особенный характеръ, правительство должно однакоже стараться, чтобы оныя обращались точно также, какъ и теперешнія ассигнаціи. Черезъ сіе дана будетъ новымъ вспомогательнымъ ассигнаціямъ истинная мѣновая цѣнность, которая бумажныя деньги дѣлаеть въ обращеніи равными чистымъ.

3) Посему правительство должно обѣщать, что сіи вспомогательныя асс[игнаціи] будутъ принимаемы въ уплатѣ правительству подобно ассигнаціямъ; но что частныя люди не должны быть принуждаемы принимать ихъ, хотя сіи вспомогательныя асс[игнаціи] и могутъ переходить изъ однихъ рукъ въ другія безъ вѣдома правительства⁴⁾.

1) Здѣсь на поляхъ приписано: «независимо отъ банковыхъ ассигнацій».

2) Здѣсь на поляхъ приписано: «Для уплаты учрежденъ банкъ».

3) Здѣсь на поляхъ приписано: «Obligations du G[ouvernement] envers le peuple».

4) Здѣсь на поляхъ приписано карандашемъ слѣдующее: «Основательнѣе давать ихъ только раззореннымъ. Сіи могутъ ихъ промѣнивать на банковыя ассигнаціи. Правительство принимаетъ ихъ въ уплатѣ податей, но не платитъ за нихъ чистыми деньгами, или платитъ мѣдью и банковыми ассигн[аціями]. Черезъ 10 лѣтъ платитъ должникъ за нихъ банк[овыми] ассигн[аціями].»

Способъ выпуска.

1) Два миліона вспомогательныхъ асс[игнацій] будутъ выдаваемы особливою коммиссіею частнымъ людямъ въ видѣ займа, *но безъ процентовъ и безъ залоговъ*, хотя съ неисправными плательщиками и будетъ поступаемо по законамъ.

2) Уплата по занятымъ суммамъ будетъ постановлена черезъ 10 лѣтъ.

3) Вспомогательныя ассигнаціи не должны быть выпускаемы менѣе какъ на 500 руб. ¹⁾.

Вредъ, произойти могуцій.

Безъ малѣйшаго опасенія можно поручиться, что вспом[огательныя] асс[игнаціи] не принесутъ никакого вреда государственному кредиту; хотя доказать сего и невозможно: есть истины, кои можно чувствовать, но нельзя доказывать. Опытъ можетъ только подтвердить справедливость словъ сихъ.

Самое вредное дѣйствіе, могущее произойти отъ сего, есть то, что вспомогательныя асс[игнаціи] упадутъ въ цѣнности и не произведутъ предполагаемаго дѣйствія, или что нѣкоторые изъ тѣхъ, кои оными снабжены будутъ, не будутъ въ состояніи заплатить занятой суммы. Дѣйствительный же вредъ есть тотъ, что капиталъ будетъ служить безъ процентовъ.

Польза.

Но пусть помыслятъ о пользѣ такого пособія. Сколько полей будетъ обработано посредствомъ сихъ вспомо[гательныхъ] асс[игнацій]! Сколько денежныхъ капиталовъ будетъ возвращено торговлѣ! Проценты и потеря капиталовъ будутъ сторишно вознаграждены произведенія[ми] земли и промышленности торговой.

Краткое изложеніе Проекта о вспомогательныхъ ассигнаціяхъ.

Увѣренъ будучи, что доброе намѣреніе извинитъ въ глазахъ просвѣщеннаго начальства неосновательность самаго предложенія, рѣшился я представить в. в. ²⁾ слѣдующій способъ помочь хотя нѣсколько страждущимъ гражданамъ, потерпѣвшимъ отъ непріятели и достойнымъ всякаго вспоможенія по ихъ любви къ Отечеству.—Естьли в. в. ²⁾ предложеніе сіе по-

1) Надъ этою цифрою приписано карандашемъ: 100 р.

2) Вашему Величеству.

кажется хотя нѣсколько достойнымъ вниманія, то можно будетъ препроводить оное на подробнѣйшее разсмотрѣніе въ 5-е Отдѣленіе Канцеляріи Министерства Финансовъ. Не входя ни въ какія теоретическія или практическія изслѣдованія, я желалъ только изобразить въ нѣсколькихъ словахъ сущность моего предложенія ¹⁾.

И народъ, признательный къ благодѣяніямъ правительства, увеличить довѣренность свою къ нему и будетъ благословлять тѣхъ, которые, при неусыпномъ попеченіи о пользѣ государственной, не теряютъ изъ виду и благосостоянія народнаго.

Pr. Ros.

..... (Il faut) «de fixer la somme de l'émission des billets de banque d'après une juste proportion avec la valeur de la garantie qu'on peut leur donner».

Что разумѣется здѣсь подъ словомъ: *garantie*? Если оно значить: государственныя имущества и т. п., то спрашивается: какое отношеніе имѣетъ промышленность народная, отъ кот[орой] зависитъ величина суммы б[умажныхъ] д[енегъ] съ собственностію правительства? Всѣ заблужденія, подобныя сему, происходятъ отъ того, что Г. Г. практики или ложные теоретики почитаютъ б[умажныя] д[еньги] какимъ-то орудіемъ въ рукахъ правительства или регалиею правительства. Они думаютъ, что недвижимыя имѣнія прав[ительства] могутъ во всякомъ случаѣ т[акъ] ск[азать] отвѣчать за б[умажныя] д[еньги] — вотъ источникъ всѣхъ сихъ ложныхъ мнѣній о б[умажныхъ] д[еньгахъ]; между тѣмъ какъ оныя суть не что иное, какъ средство обращенія, служащее вмѣсто чистыхъ денегъ, и коего судьба зависитъ единственно отъ промышленности народной, а не отъ богатства правительства.

Если я имѣю на 10.000 руб. ассигнацій и употребляю капиталъ сей въ торговлѣ, то изъ сего еще не слѣдуетъ, что для меня стольже прибыльно и удобно будетъ получить за сіе землю цѣною въ 10.000 руб. Что если всѣ владѣтели б[умажныхъ] д[енегъ] вдругъ сдѣлаются помѣщиками ²⁾!

1) Далѣе зачеркнуто карандашемъ слѣдующее: «Сверхъ того облагодѣтельствованный народъ, видя попеченіе о немъ правительства, будетъ питать къ нему за сіе признательность»...

2) Этимъ оканчивается восьмая книга дневниковъ Тургенева; продолженіемъ служить девятая книга — «Книга Скуки», которая слѣдуетъ ниже.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

—

(1814—1816 гг.).

КНИГА СКУКИ.

Нанси. 17 Окт. 1).

Н. Тургеневъ.

1814. Июль. Фр[анк]ф[уртъ].

1) Это заглавіе и дата сдѣланы позже, именно 17 октября 1815 г. въ Нанси, на что есть прямое указаніе въ этой книгѣ, см. ниже стр. 301.

Quand on avance dans la vie, la prudence prend à tort le pas sur toutes les autres vertus; on diroit que tout est folie dans la chaleur de l'âme, et cependant, si l'homme pouvoit la conserver encore quand l'expérience l'éclaire, s'il héritoit du temps sans se courber sous son poids, il n'insulteroit jamais aux vertus exaltées, dont le premier conseil est toujours le sacrifice de soi-même.

См. 3 Янв. Фр[анк]фуртъ.

*Скука одинокой жизни въ прекраснѣйшей части
Германіи¹⁾.*

29 *Іюля*. На прошедшей недѣлѣ занимался я нѣсколько дней по утрамъ сочиненіемъ объ участіи различныхъ державъ въ успѣхѣ послѣдней войны. Мало по малу отсталъ я отъ этого занятія, видя, что сочиненіе сіе не могло имѣть никакой другой цѣли, какъ находится въ мрачной неизвѣстности, подобно другимъ моимъ сочиненіямъ. По той же причинѣ оставилъ я начатое прежде сего сочиненіе о томъ, чѣмъ Правительство наше должно въ особенности заняться въ теперешній столь важный періодъ времени для Россіи. — Такимъ образомъ все мое время употребляется на чтеніе Фоблаза; но лучше гораздо читать сію книгу послѣ обѣда, а по утру занимать чѣмъ-нибудь такимъ, что бы оставило послѣ себя слѣды или въ памяти или на бумагѣ. Книгъ же здѣсь для чтенія не имѣю, да и мало къ серьезнымъ занятіямъ расположенъ. Скука здѣшней жизни, пустота моихъ отношеній и къ тому неприятныя извѣстія о Сергѣѣ, его положеніе, — все это меня, т[акъ] ск[азать], давитъ. Но въ особенности былъ я въ большой грусти третьяго дня. По вечеру ходилъ въ казино, но едва газеты могли развлекать меня, и тотчасъ по прочтеніи впадалъ я въ задумчивость. Пошелъ по улицѣ. Передъ окнами дома, въ коемъ былъ Король Прусскій, играла музыка; народъ ходилъ взадъ и въ передъ, толпился, слушалъ, разговаривалъ; музыка гремѣла, барабаны били: я, какъ остоленѣлый, стоялъ одинъ на улицѣ, посреди гуляющаго, толпящагося народа. Когда, думалъ я, имѣлъ я счастливыя минуты, когда изъ сердца моего вырывались радостныя восклицанія! Почему осужденъ я на безпрестанную грусть, на безпрестанное т. ск. уничтоженіе самого себя! Горько было мнѣ, слезы катились изъ глазъ, по темпота вс-

1) Девятая книга дневниковъ Тургенева представляетъ изъ себя толстую тетрадь въ 74 листа большого формата, въ переплетѣ; начата $\frac{17}{29}$ іюля 1814 г. во Франкфуртѣ и закончена 16 сентября 1816 года въ Берлинѣ, передъ выѣздомъ Тургенева въ Россію.

чера дѣлала мое уединеніе совершеннымъ среди множества народа. Нѣтъ, думалъ я, я право не заслужилъ такой участи! — Но теперь думаю я: можетъ ли когда-нибудь положеніе мое перемениться? Ахъ, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ бы я на тотъ предметъ, кот[орый] могъ бы облегчить бремя жизни, могущее въ послѣдствіи сдѣлаться несноснымъ, несноснымъ безъ утѣшенія! Но пусть судьба влечетъ меня, какъ она хочетъ; я буду слѣдовать какъ умиленный зритель самого себя, какъ сострадательный, но холодный соучастникъ въ собственномъ горѣ и въ собственныхъ бѣдствіяхъ. Прости, Надежда! Ничто меня несчастіе сдѣлать не можетъ. Вотъ что бы мнѣ надобно было говорить и думать, еслибы унылое воображеніе мое не оживлялось еще нѣкоторыми сладостными мечтами, нѣкоторыми призраками, слабыми конечно, но всегда утѣшительными, всегда питательными. Итакъ — будемъ надѣяться на единственное утѣшеніе — *соучастіе въ жизни!*

А ты, читатель, если когда-либо строки сіи попадутся кому-нибудь: читатель! не суди легко и хладнокровно о сихъ жалобахъ несчастнаго размышленія. Вспомни, что во всѣхъ моихъ бесѣдахъ съ самимъ собою никогда ничего нѣтъ иного, кромѣ такихъ жалобъ на грусть и скуку. Сіе не можетъ быть пусто или напрасно. Вездѣ горе, нигдѣ — блаженства!

4 *Августа.* Довольно важнымъ развлеченіемъ въ теперешнемъ моемъ положеніи представляется мнѣ верховая ѣзда. Вчера повечеру ѣздилъ я въ Гаузенъ. Народу тамъ было множество. Погода была прекрасная. При возвращеніи въ 11-мъ часу сіяла луна. Пыль только весьма непріятна. Жары продолжаются нѣсколько дней, дождя — ни капли.

На сихъ дняхъ находившійся въ здѣшнихъ окрестностяхъ баталіонъ фудльскихъ *freywillige* требовалъ, чтобы его разпустили. Этого не сдѣлали. И тогда солдаты, подъ предводительствомъ своихъ саперовъ, взяли у своего маіора свое знамя и отправились домой. Здѣшнее военное начальство отравило въ ихъ деревни 3 баталіона и даже 1 пушку. Сердечно жаль, если бѣдные мужики будутъ принесены въ жертву общему порядку. Такъ — и еще хуже — у насъ въ Россіи часто бываетъ, но здѣсь жертвы требуетъ общая польза отечества; тамъ — польза какого-нибудь безграмотнаго пса, во вредъ и во стонъ отечества.

Въ Франкфуртской Нѣмецкой газетѣ № 216 заключается слѣдующими словами весьма краткое описаніе теперешняго положенія Швейцаріи:

«*Die Schweiz gleicht einer alten Ritterburg, die der Herr verlassen hat, um zum heiligen Grabe zu pilgern. Er ist nicht zurückgekommen; zeitige Verwalter führen nun das Regiment. Zur Verschönerung, zur Verbesserung des Gebäudes ist nicht geschehen; was verfiel, blieb eingefallen; durch die*

Fenstern bläst der Wind, oder sie sind mit Papier vekkelt, die Thore sind verwittert, die Graben von abgefallenen Ziegeln und eingestürzten Mauern verschüttet; der Wetterhahn hängt schief und zeigt gewöhnlich unrechten Wind; das Thor liegt voll von Bettlern, Krummen und Lahmen; einer von diesen hält den Wachtschiff; im Hofe laufen Hunde, Schweine, Ochsen, Schaafe, Pferde und Hühner untereinander herum; der Burgweg ist kaum noch für ein Tragpferd brauchbar. Viehhirten, Reitknechte und übriges Schlossgesinde versehen, wenn's Noth thut, die Stellen von Rittern mit knappen und zanken sich um Oberbefehle.

А что всего лучше:

Diess ist ein *nicht übertriebenes* Bild der Schweiz.

Wer es nicht glaubt, der gehe hin und überzeuge sich.

!!!

11 Августа. Четвергъ. Съ понедѣльника страдаю я отъ пребезпокойнаго насморка. Вчера чувствовалъ я вдвое сію неприятность. Мы обѣдали въ Forsthaus. Обѣдъ былъ хорошъ, вина много, гости всѣ простые и веселые. Это рѣдко вижу я въ Франкфургѣ. Но насморкъ лишаетъ меня не только обонянія (столь пужнаго для Рейнскаго вина), но также и вкуса. Я не могъ различить вкуснаго отъ невкуснаго. Ызидилъ туда верхомъ, сначала вдоль по Мейну, а потомъ лѣсомъ. Въ 1/2 10-го часа возвратился въ городъ. Сегодня ожидаю возвращенія Сергѣя отъ Stein'a. Погода все стоитъ сухая и жаркая. —

Сегодня не хотѣлось бы мнѣ выходить, дабы попробовать, не будетъ [ли] легче отъ насморка.

29 Августа. Понедѣльникъ]. Утро. Сегодня въ 6-мъ часу утра возвратился я въ Франкфуртъ, сдѣлавъ путешествіе, столь давно мною предполагаемое, по Рейну. Общія замѣчанія мои ограничиваются слѣдующими. Берега Рейна важны для Германіи во многихъ отношеніяхъ. Можно утвердительно сказать, что эта сторона есть самая достопримѣчательная или интересная въ Германіи. Оставимъ политику и не будемъ говорить о важности Рейна, яко границы. Взглянемъ на сія горы, между которыми течетъ Рейнъ плавно и величественно. Многія изъ нихъ ознаменованы памятниками исторіи среднихъ вѣковъ и даже Римлянъ. Башни, смѣло возвышающіяся на ихъ вершинахъ, свидѣлствуютъ о характерѣ ихъ древнихъ обитателей. Вольная жизнь сихъ рыцарей доказывается обыкновениемъ жить въ укрѣпленныхъ замкахъ, построенныхъ на неприступныхъ горахъ. Вѣка средіе богаты таинственными рассказами, чудесными дѣяніями, странною мечта-

тельностью. Преданія сохраняли исторію различныхъ происшествій, иногда ужасныхъ, иногда смѣшныхъ, но всегда привлекательныхъ. Чудесныя преданія неразлучны съ мѣстами, чудесными въ природѣ.

7 Сентября. Дальнѣйшему изложенію моихъ замѣчаній на Рейнѣ помѣшали письма, которыя я получилъ отъ Сергѣя и отъ Данилевскаго, и которыя заставили на нѣкоторое время забыть Рейнъ.

Какую пищу воображеніе поэта, Жуковскаго, могло бы найти въ прекраснѣйшихъ долинахъ, иногда раздѣляющихъ сія горы, или на развалинахъ замковъ, украшающихъ вершины ихъ! Живо представился бы ему отличительный характеръ среднихъ вѣковъ, являющихъ намъ столь много истинно прекраснаго и великаго. Отдаленіе какъ въ природѣ, такъ и во времени придаетъ новыя прелести созерцаемымъ предметамъ.

Вѣна.

19/30 Сентября. Съ стѣсненнымъ сердцемъ выѣхалъ я изъ Франкфурта. Ни путешествіе, ни природа, ни искусство не могли занять меня. Всѣ мои мысли были устремлены на Вѣну. Тамъ, думалъ я, рѣшится судьба моя. Теперь я въ Вѣнѣ. Въ Франкфуртѣ и дорогою дѣлалъ планы для будущей моей жизни. Думалъ ѣхать въ Лондонъ. Много меня туда притягивало; многое оттуда отвращало. Узнаніе Англіи, финансовъ, парламента съ одной стороны, скучная, уединенная, дорогая жизнь съ другой. Сверхъ того здѣсь представились трудности для полученія Консульскаго мѣста; а при Посольствѣ служить безъ денегъ нельзя. Итакъ я обратилъ свои взоры на отечество, началъ представлять и напоминать себѣ людей и вещи, коихъ старался по сію пору только забыть. Старался воображать себѣ все П[етер]бургское въ лучшемъ, сносномъ видѣ, старался себя обманывать. Законъ необходимости заставилъ меня даже и въ П[етер]бургской жизни найти пріятности. Но и всѣ сія пріятности ограничиваются покойнымъ обѣдомъ (?) и бесѣдою съ нѣкоторыми людьми, которымъ я буду не въ тягость (хотя инымъ я конечно буду въ тягость). Вотъ мои надежды! Вотъ прелестныя мечтанія о будущности.

Рѣшившись ѣхать въ П[етер]бургъ, я рѣшился на многое, во-первыхъ: всѣ непріятности сносить съ холодностію и презрѣніемъ. 2. Жить, т. е. произрастать, не заботясь ни о чемъ, и стараться услаждать скуку таковой жизни т[акъ] назыв. филистерскими удовольствіями: игрою въ Бостонъ, куреніемъ табака и, если будетъ можно, верховою ѣздою; также посѣще-

ніемъ церквей въ большіе праздники. Кромѣ всего этого рѣшился я заниматься въ своей комнатѣ безпрестаннымъ чтеніемъ и писаніемъ. Это меня займетъ и подкрѣпитъ. Если по службѣ представится пріятное и работливое мѣсто, то возьму оное. На знакомства, старыя и новыя, отказываюсь, ибо не предвижу пріятныхъ. Естьли же таковыя представятся, воспользуюсь съ радостію. Буду искать любви. Притомъ же будетъ меня иногда поддерживать идея о экспатрированіи; также мысль о уединеніи пустынноической жизни.

Id[em]. Сегодня былъ у Сарторіуса и обѣдалъ съ нимъ у Дан[илевскаго].

^{21/2} [Сентября]. *Понедѣльникъ. Утро.* Вчера былъ у обѣдин; видѣлъ тамъ Государя и радовался, смотря на него, стоящаго съ Императрицею. Что мнѣ особенно, кромѣ Царя, Царицы и Великихъ Князей, понравилось — это Сербы и Далматцы, кои исповѣдуютъ Греческій законъ. Я воображалъ себѣ ихъ удовольствіе. Угнѣтенные¹⁾ повсюду, часто за религію, они видятъ себя въ своемъ храмѣ и перваго царя въ свѣтѣ, исповѣдывающаго единый законъ съ ними.

По вечеру былъ въ Редутѣ. Монархи и Монархини пришли часу въ 11-мъ. Зала, сдѣланная изъ манежа, весьма хороша и освѣщена была чрезвычайно свѣтло, такъ что трудно было смотрѣть на сіе. Императрицы. . . .²⁾ сидѣли въ большей залѣ, Им[перато]ры и Короли²⁾. . . Трудно даже было смотрѣть на Виртембергскаго Короля — каково же было ему стоять: брюхо его ужасное! Передъ симъ собраніемъ почти всѣхъ владѣтелей Европейскихъ маленькія дѣвочки и мальчики танцевали между прочимъ и козачка. — Что еслибы всѣ эти Владѣтели или по крайней мѣрѣ трое изъ нихъ были совершенно согласны и поклялись бы за стаканомъ вина удержать миръ въ Европѣ лѣтъ 50 или болѣе! — Всѣмъ Королямъ и Императорамъ потому весьма трудно знать состояніе народа, различныхъ классовъ онаго и т[акъ] назыв. общее мнѣніе, что они живутъ совершенно въ другой сферѣ, нежели народъ; они окружены новою *придворною* атмосферою, которая густа, многосложна и мѣшаетъ имъ дышать обыкновенною атмосферою. Къ тому же все окружающее ихъ имѣетъ свои выгоды стараться какъ можно болѣе отдѣляться отъ массы народа и прилѣпляться къ этому придворному міру. — Ахъ, республики! Люди, похожіе болѣе на ангеловъ, нежели на людей, изобрѣли республиканское правленіе — идеаль всего человѣческаго.

Н. Тургеневъ.

1) Въ рукописи: угнетѣнные.

2) Конецъ рукописи истлѣлъ, и повидимому одного слова недостаетъ.

7. Вчера купался я въ Dianabad. Нигдѣ не видалъ я лучшаго заведенія въ семь родѣ. Позавтракавши тамъ же внизу, пошелъ я въ Augarten за толпою инвалидовъ, приглашенныхъ туда обѣдать. Разспрашивая одного изъ нихъ, узналъ я, что простой инвалидъ получаетъ въ день только 4 крейцера на пищу и на бѣлье. Хотя на эти деньги и ѣдятъ они мясо, но пьютъ зато воду. Праздникъ былъ не великолѣпный, хотя иллюминація и была порядочная; лучшее было изображеніе колонны, которая будетъ сооружена въ Москвѣ изъ пушекъ. Народу было весьма много, но все было тихо и смирно. Полицейскіе служители, отдавая народъ отъ того мѣста, на которомъ ему стоять не должно было, говорили преумилненнымъ тономъ: Гоб'нь си ди гноде! Для Виртембергскаго Короля была приготовлена колясочка, въ которой онъ, какъ говорятъ, и разъѣзжалъ по саду.

Записка о мнѣ отдана Штейну. Милости или удачи будетъ много, естли по оной исполнится. Боже, упаси противнаго! (Не потому, чтобъ я сталъ жалѣть о томъ, но потому, что это будетъ непріятно для А[лександра]¹⁾). Но мало для меня радости отъ полученія новаго мѣста. Все это безъ цѣли или, что все равно, все это не ведетъ меня къ той цѣли, до которой бы я хотѣлъ достигнуть. А служеніе съ п[етер]бургскими чиновниками, непосредственное сношеніе съ Баккарев[ичемъ] — все это меня страшитъ не менѣе, какъ и принужденная жизнь въ П[етер]бургѣ, кот[орая] мнѣ противна. Естли я лишень буду домашней или, лучше сказать, комнатной свободы, то мнѣ ничего не останется.

28 Сентября
10 Октябръ. Сегодня день моего рожденія. Мнѣ минуло 25 лѣтъ. До сихъ поръ можно было смотрѣть только на будущее, а теперь надобно взглянуть и на прошедшее. Прежде мечтанія сладкія и быстрыя украшали будущность. Прошедшее забывалось; настоящее услаждалось безпечностію. Теперь будущее мрачно; прошедшее заставляетъ сожалѣть о невозвратности времени; настоящее наполнено пустотою или дневными занятіями. Мѣсто мечтаній заступили желанія. . . Жизнь, представлявшаяся молодому воображенію какъ юная дѣва, летающая въ эфирѣ міра, перепархивая съ удовольствія на удовольствіе, съ наслажденія на наслажденіе, — является теперь опытному, пригупленному воображенію какъ дрянная, прозаическая старуха, на каждомъ шагу имѣющая нужду въ опорѣ, переходящая отъ скорби къ новой скорби, отъ непріятности къ непріятности. Девизъ ея: всякой день тоже да тоже; Божество ея — Скука! Всего непріятнѣе въ сихъ т[акъ] в[азыв.] совершенныхъ лѣтахъ рождающаяся увѣренность, что

1) Брата.

неотмѣнно надобно возвратиться къ тѣмъ правиламъ, къ тѣмъ предметамъ, къ тому роду жизни, отъ которыхъ въ молодости клялся удалиться на вѣки и вспоминать ихъ только развѣ для противоположности съ щастіемъ настоящаго положенія. — Вотъ жизнь человѣческая! Живешь для удостовѣренія въ томъ, что не для чего было родиться. Щастливъ тотъ, кому судьба позволить льститься цѣлю въ жизни!

. . . Redoute¹⁾ рагее, но я не ходилъ туда. Былъ въ¹⁾ мнѣ было грустно. По окончаніи театра пошелъ къ Дан[илевскому]¹⁾. Что-то мы разговорились много. Третьяго дня обѣдалъ у него опять съ Сарториусомъ.

Пятница. Вчера былъ я въ Лаксенбургѣ, отсюда двѣ мили. Садъ и паркъ велики. Всего замѣчательнѣе Habsburg, копія съ Габсбургскаго замка въ Швейцаріи. Замокъ сей состоитъ изъ многихъ комнатъ, рѣдко соединенныхъ между собою и содержащихъ всего [sic] не только похожес на древнее, но и весьма много истинно древняго или стариннаго. Для разнообразія лѣтомъ можно съ пріятностію провести въ семъ замкѣ нѣсколько дней; но жить тамъ долѣе должно быть скучно. Но саду такой замокъ придаетъ много красоты. Для чего у насъ въ Россіи не строятъ въ садахъ теремовъ старинныхъ, Русскихъ? А вмѣсто ихъ безпрестанно павильоны, посвященные Флорѣ и т. д., Китайскія бесѣдки. —

Третьяго дня обѣдалъ у Дан[илевскаго] съ Фрейгангомъ. Этотъ человѣкъ утомителенъ своею прилипчивостію и смѣшенъ своею простотою. Сарториусъ, тамъ же обѣдавшій, сердитый видно еще за описаніе Фрейгангово Гетт[ингенски]хъ проф[ессоро]въ, hatte ihn zum Besten и называлъ его всё Н[err] v[on] Freygang, что весьма не понравилось Фрейгангу.

Аридтъ, говоря о Фр[анцузской] революціи: Was der Idee²⁾. ward für unsinnig und für abscheulich erklärt. Aber . . .³⁾, die aller nach Urbegriffen ordnen und schaffen wollten . . .³⁾ erschienen bald nicht nur als die Unwissenschaften und Gemacht . . .³⁾ in der Ordnung und Leitung der grossen Geschäfte, sondern auch als die Unreinsten und Gräuelrollsten».

Я выписалъ эти слова потому, что они меня поразили, когда я ихъ прочелъ; а поразили потому, что передъ прочтеніемъ думалъ о нѣкоторыхъ переворотахъ въ Россіи, и о томъ, какъ бы я сталъ тамъ дѣйствовать, еслибы у меня были средства. Я чувствую справедливость словъ сихъ, ибо я, еще не читая ихъ, думалъ, что я, приводя въ дѣйство различные планы, вертящіеся въ головѣ моей, отъ чистыхъ, начальныхъ идей могъ бы дойти

1) Здѣсь не разобрано два-три слова, такъ какъ уголъ рукописи истлѣлъ.

2) Здѣсь край рукописи истлѣлъ, и потому въ трехъ строкахъ исчезло по нѣскольку словъ.

до глупостей и до жестокости. Я чувствую, что мнѣ или духу моему въ моемъ тѣлѣ узко; еслибы я началъ дѣйствовать вышеупомянутымъ образомъ въ теперешнемъ моемъ разположеніи, то многія мои дѣла не имѣли бы Consequenz, но всѣ бы имѣли печать энергій.

7 Ноября. Я веду жизнь весьма монотонную; не скучаю потому, что думаю о скукѣ Петербургской. Такъ какъ я туда ѣхать долженъ, то мнѣ здѣсь нравится. Вчера видѣлъ Биготини въ ея совершенствѣ¹⁾ въ Nina. Теперь имѣю я, видя часто Биготини, такое понятіе о [совершен]ствѣ балетномъ, котораго я никогда не имѣлъ. Надобно для сего смотрѣть часто на совершенныхъ или на вертугозовъ въ семь родѣ, но не въ Парижѣ, гдѣ въ балетахъ части соотвѣтствуютъ цѣлому; но, напр[имѣръ], здѣсь, гдѣ подлѣ Биготини карячится и Денаро, и танцуетъ пригожая Пфейферъ, тутъ-же и Aimée petite и 2 сестры Aumer — прочее же все гадко и служитъ тѣнію этимъ искусницамъ. Все это составляетъ лѣстницу: съ нижней ступени дойдешь до верхней, отъ Денары постепенно до Биготини. И Нѣмецкая публика поняла и умѣла ее вчера цѣнить: аплодировали много и два раза вызывали.

Сегодня опять иду смотрѣть ее — прекрасную и пренскусную.

Съ 1-го Ноября начался Конгрессъ. Любопытно знать конецъ. Многое легко предвидѣть можно. Но вѣроятнo есть нѣсколько и непредвидѣннаго.

8 Ноября. Изъ Сюлли:

«Les bonnes moeurs et les bonnes loix se forment réciproquement. Malheureusement pour nous, cet enchaînement précieux des unes avec les autres ne nous devient sensible, que lorsque nous avons porté au plus haut point, la corruption et tous les abus, en même temps: en sorte que parmi les hommes, c'est toujours le plus grand mal, qui devient le principe du bien».

12 Ноября. Третьяго дня былъ я въ redoute pa[r]gée] . . .¹⁾ пришелъ въ 11-мъ часу, такъ что зала, сдѣланная изъ манежа, была совершенно полна. Жаръ былъ необыкновенный. Только л[ишь]¹⁾ я вступилъ въ залу, то почувствовалъ себя совершенно к[акъ]¹⁾ въ банѣ. Въ 11 часовъ пришелъ дворъ. Наша Государыня была чрезвычайно хорошо одѣта. Государь былъ въ мундирѣ своего полка. Знатныхъ было много. Дамъ мало видѣлъ хорошихъ, но хорошо было смотрѣть на нихъ, сидящихъ по стѣнамъ въ три ряда.

1) Здѣсь край рукописи истлѣлъ, и потому невозможно разобрать одно слово.

Вицекороль былъ въ генеральскомъ Фр[анцузскомъ] мундирѣ. Домой пришелъ я въ 12-ть часовъ съ весьма спокойнымъ духомъ, поужиналъ и легъ спать. Пожалѣлъ объ отъѣздѣ Каверина, хотя онъ мнѣ и надоѣдалъ здѣсь довольно. Но всегда разлуки неприятны. Il faut être entraîné de se séparer — alors on ne sent pas l'amertume de se séparer avec les personnes même qu'on aime le plus. — Вчера былъ я въ Kasperl и много смѣялся. Играли: Antonius und Cleopatra, ein Szerzspil. Шустеръ игралъ Антонія весьма *удачно* — одѣтъ былъ какъ скороходъ и съ макаронскою физиогноміею. Потомъ давалъ балетъ: Die Zauber Ruinen. Также много было смѣшного, и иногда изрядныя декорации. — Позади меня сидѣлъ въ партерѣ Prince de Ligne — сколько неприятнаго имѣетъ старость! Чувства физическія могутъ прыгнуться, между тѣмъ какъ нравственныя еще въ силѣ; вспомнить пріятности прошедшаго, не надѣяться наслаждаться будущимъ и имѣть цѣлю одинъ только гробъ: а! это не значить жить воспоминаніями! ¹⁾

«Quand on prononce le mot de Parlement, on est porté à y attacher l'idée de l'équité et de la sagesse même: on est fâché de trouver dans tous ces corps des exemples de conduites si irrégulières, qu'on est obligé de conclure que l'infailibilité, si on pouvait espérer de la rencontrer parmi les hommes, se trouveroit encore plutôt dans un seul homme, que dans une multitude d'hommes».

14. Вчера и теперь читалъ я нѣкоторыя брошюры о Саксоніи: двѣ въ пользу уничтоженія сей державы, одну въ пользу сохраненія оной и Короля. Въ сей послѣдней дѣйствительно нехорошаго есть только защищеніе Короля. По моему мнѣнію нельзя ни одного изъ Нѣмецкихъ владѣтелей защищать, въ особенности же членовъ Рейнскаго союза. Впрочемъ же вездѣ въ сей книжкѣ виденъ добрый характеръ Саксонца, привязаннаго къ своей землѣ и къ своему Королю. Доводы его въ пользу Короля потому справедливы, что онъ доказываетъ, что Король согрѣшилъ не болѣе, какъ и другіе, ему подобные. Кромѣ сего замѣтна вездѣ нѣкоторая плаксивость и чрезвычайная осторожность проступиться какимъ-нибудь словомъ (не мыслию) противъ державъ, составляющихъ Вѣнскій Конгрессъ. Двѣ другія показываютъ, что сочинители писали или за деньги — это извинитъ ихъ —, или по какому-нибудь другому неблагородному побужденію, что непростительно. Въ доказательствахъ пользы соединенія Саксоніи съ Пруссіею страсть такъ далеко ихъ иногда увлекаетъ, что они забываютъ прокламаціи Наполеона или показываютъ духъ виновнаго космополитисма. Я не думаю, чтобы такіа

1) Внизу подъ этими словами приписано карандашемъ: «См. ниже Dante».

сочиненія могли нравиться Русскому правительству. Мнѣ кажется, что всего выгоднѣе и приличнѣе для Пруссіи вести себя въ отношеніи къ Саксоніи просто и откровенно (*tenir une conduite franche et loyale*). Посему Прус[ское] Прав[ительство] должно, при соединеніи Саксоніи съ Пруссіею, объявить въ манифестѣ все, какъ было и какъ есть. Сказать, что для блага Германіи, но конечно и для блага Пруссіи, сія послѣдняя должна быть одною изъ первыхъ державъ Европейскихъ. Потомъ представить средства къ достиженію сей цѣли. Польши Пруссія имѣть не можетъ — и причиною сему, безъ дальнѣйшихъ политическихъ и дипломатическихъ изъясненій, представить волю благодѣтельной и сильной Россіи. Прибавить, что по той же причинѣ и на Ганноверъ Пруссія должна отказаться. Показать, что никакая земля въ Германіи не можетъ такъ утвердить могущество Пруссіи, какъ Саксонія. Не надобно съ важностію говорить о пользѣ, кот[орая] отъ присоединенія Саксоніи произойдетъ для торговли сей земли. Уничтоженіе пошлинъ не можетъ и не должно быть поводомъ, ни причиною уничтоженія престола, противъ воли народа. Не надобно хулить Короля; не надобно дѣлать ему упрековъ; но напротивъ сознаться въ его добрыхъ качествахъ, въ его поведеніи въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, поведеніи, превосходящемъ многихъ, если не всѣхъ его братій о Наполеонѣ. Грѣхи же, сими Королемъ сотворенные, должно погрузить въ ту неизмѣримую пучину грѣховъ, которую наполнили и преисполнили своими поступками всѣ Нѣмецкіе правители и многіе частные люди, не выключая Прусаковъ — и сіи Спартане не безгрѣшны. Не надобно, повторяется, хулить Короля. Если часто или всегда народы страдаютъ отъ ошибокъ своихъ правителей, то Пруссія теперь сего обнаруживать не должна — не должна говорить Саксонцамъ, что за грѣхи ихъ Короля они дѣлаются Прусаками. Такъ прилично говорить Пруссіи и Саксонцамъ — просто и откровенно: не таить, что Прусское прав[ительство] чувствуетъ, что такая перемѣна не можетъ и не должна быть пріятна для Саксонцевъ, но что перемѣна сія необходима и полезна всей Германіи; сказать эту истину Саксонцамъ въ лицѣ всего свѣта, но вмѣстѣ обѣщать, что Прус[ское] прав[ительство] не пощадитъ ни попеченій, ни трудовъ, ни терпѣнія вознаградитъ Саксонцевъ и сколь возможно заставитъ ихъ любить и Пруссію и мыслить съ восторгомъ о силѣ и выгодахъ Германскаго отечества.

16 Нояб[ря].

«Вотъ что сдѣлала Россія, почтениѣйшіе слушатели! Но вы, Россіяне! вы знаете, *кто* дѣйствовалъ во имя Россіи; вы знаете, *кому* Богъ ввѣрилъ управление и прославленіе Россіи. Его сердце въ рукѣ Вседержителя! Онъ дѣйствовалъ по хотѣнію Неба и по желанію своего народа. Въ доказатель-

ство правды (справедливости) его дѣяній — Провидѣніе благословило сіи щастливымъ успѣхомъ. Народъ могъ только изъяснить свои чувствованія слезами горячей признательности и сердечнымъ восторгомъ! Вамъ пзвѣстна причина, по коей имя Его замѣняется здѣсь именемъ Его и нашего Отечества¹⁾. Но впрочемъ мы не можемъ и не должны различать сихъ именъ, для насъ равно священныхъ, равно любезныхъ. —

Великій Боже! сохрани Россію! Сохрани ей того, который всего болѣе доказываетъ намъ Твое бытіе, Твою справедливость, Твое всемогущество!

17. Да будетъ намъ позволено на нѣкоторое время забыть всѣ гражданскія званія и титула, отлпчающія соединившихся въ сей высокой бесѣдѣ, и почитать всѣхъ бесѣдующихъ просто сынами одного отечества, любящихъ его благо и славу, — для краткаго разсмотрѣнія успѣховъ, которые Россія сдѣлала въ послѣдніе годы. Дѣлая сіе разсмотрѣніе, мы, которые имѣемъ существенную пользу отъ сихъ успѣховъ, будемъ радоваться нашему щастію; а Тотъ, котораго я дерзаю теперь смѣшивать съ его подданными, да узнаетъ въ семъ разсмотрѣніи дѣло руку Его и увидитъ, что его труды, его попеченіе, его возвышенный образъ мыслей произвели самое благодѣтельное и щастливое дѣйствіе на народъ, ему ввѣренный».

Какъ думали мы за 20 лѣтъ и какъ думаемъ мы теперь?

Sanfte Kühlung wehte von den goldenen Abend²⁾ herab; und die gütige Nacht erhob bereits ihren Mantel der Liebe, um ihn über alle Dinge zu decken, die dies kommen sollten.

23 Декабря.

Давно не писалъ я въ сей книгѣ. Прячиною частію запятія мои отчего о дѣлахъ комиссіи, частію совершенная пустота, а часто мрачность мыслей. Въ теченіе сего времени сдѣлалъ я печальную опытность, которая частію разрушила мои сладостныя надежды и мечтанія о благополучіи любезнаго отечества. Каждая пзъ сихъ жестокихъ идей входитъ въ мою голову послѣ сильнаго сопротивленія со стороны сердца и воображенія. О судьба! какъ играешь ты легко вѣрностію людей, какъ жестоко смѣешься надъ ихъ слабыми, но справедливыми и честными замыслами! — Давно мудрые говорятъ, что легче узнать глубину моря, нежели тайные изгибы сердца человѣческаго. Но на что же и другое ихъ рѣченіе, что *наружность обманлива*? Должно имѣть столь невѣроятное и ужасное доказательство. Святая надежда! не обманн ожиданій чистѣйшихъ и справедливейшихъ,

1) Къ этому слову въ рукописи сдѣлана слѣдующая выноска: «Добродѣтель коей другій примѣръ мы тщетно будемъ искать на землѣ, есть сія причина».

2) Край рукописи истлѣлъ, и конецъ слова исчезъ.

ожиданій блага отечества и торжества разума и справедливости надъ невѣжествомъ и жестокостію! — Туда стремится сердце, гдѣ оно въ первый разъ начало чувствовать! Туда несутся желанія и благословенія, гдѣ въ первый разъ невинное щастіе было испытано, нещастіе нашло соучастника¹⁾! Но духъ безбожнаго невѣжества, грубыхъ предрасудковъ, дикіе крики изступленнаго самовластія встрѣчаютъ сія мечтанія, но не заглушаютъ стenanій невинно угнѣтаемаго человѣчества.

29 Декабря. 11 ночи. Трудно жить на свѣтѣ! Правы тѣ, которые называютъ жизнь труднымъ путемъ. Но правы и тѣ, кои смѣются надъ жизнію и называютъ ее маскерадомъ. Тѣ и другіе позабыли прибавить, что ни трудный путь, ни маскерадь не ведутъ ни къ какой цѣли. Безпрестанное плаваніе — никогда *спокойной* пристани. — Моя жизнь незавидна. Естьли она безъ бури, то вмѣстѣ она не только что безъ покоя, но также и безъ утѣшенія. Образъ моей жизни похожъ на ожиданіе чего-то неизвѣстнаго, похожаго на цѣль. Но малѣйшее размышленіе гонитъ передъ собою далѣе и далѣе цѣль сію, которая наконецъ смѣшивается съ сухою и безутѣшною мыслию о смерти. — Видя себя во власти времени и обстоятельствъ, можно ли слѣдовать внутреннему внушенію, кот[орое] судьба какъ будто на смѣхъ вселила въ сердце человѣка для удостовѣренія его, что произшествія всегда обманываютъ его воображеніе, его надежды? Щастливы тѣ, кои почитаютъ произвольнымъ слѣдованіе непремѣннымъ законамъ рока. Нещастны тѣ, кои размышляютъ, противятся, но при всемъ томъ идутъ по предписанной стезѣ: *volentem fata ducunt, nolentem trahunt.*

Но можно ли искать утѣшенія въ семъ справедливомъ изрѣченіи?

Скучная жизнь! Какія правила нужны для сдѣланія тебя сносною? Удаленіе отъ людей? — Я удаленъ отъ нихъ; но, будучи лишень всѣхъ пріятностей, сопряженныхъ съ обращеніемъ съ людьми, я не освобожденъ отъ непріятностей не только что уединенія — это бы вознаградило сію потерю —, но я не освобожденъ даже и отъ тѣхъ непріятностей, кои встрѣчаются въ обращеніи съ людьми; ибо при весьма рѣдкихъ встрѣчахъ съ ними разговоры отравляются негодованіемъ и горестію. Хотя я желаю избѣгать и сихъ разговоровъ, но они адресуются ко мнѣ — отъ пріятели слышу непріятности, отъ презираемыхъ мною дураковъ — рядъ глупыхъ грубостей. Какая философія можетъ дать правила для жизни съ людьми? Люди, при всемъ своемъ сходствѣ, такъ различны, что мудрено вести себя съ ними по своему размышленію. — Ненависть и презрѣніе — вотъ един-

1) Далѣе зачеркнуто: «Но съ чѣмъ встрѣчаются сіи мечтанія?»

ственные плоды, которые можно собрать послѣ долгаго съ ними обращенія.

Утра, вечера и ночи провожу я теперь за чтеніемъ Коб. Кондоти¹⁾.

При семъ пришла мнѣ [мысль] написать когда-нибудь какой-нибудь романъ. Мнѣ кажется, что въ такомъ сочиненіи всего легче изобразить свои мысли о самыхъ разнородныхъ предметахъ. Ansichten des Lebens — мнѣнія о жизни можно соединить съ мнѣніями политики (Ansichten der Politik); говорить о характерѣ людей, взятыхъ въ особенности (Individuen), и о характерѣ народовъ и правительствъ.

30 Декабря. Пятница. Сей часъ пришелъ изъ театра, гдѣ давали: Maria Stuart. Воображеніе и краснорѣчіе Шиллера блистаетъ во многихъ мѣстахъ. Мортиморъ (актеръ) болѣе прочихъ показывалъ красоты піэсы. Марія Стюартъ (актриса) скрывала ихъ въ своемъ маленькомъ комическомъ голосѣ. Привѣтствіе ея вѣтрамъ, летящимъ къ любимой ею Франціи, должно быть прекрасное и трогательное въ устахъ хорошей актрисы. Но не смотря на бѣдность таланта М-me Kobergonico, гений Шиллера вѣялъ вокругъ ея и возвышалъ талантъ ея въ глазахъ зрителей. Любовные порывы Мортимора, сверхъ краснорѣчія, показываютъ тонкую, благородную, пылающую душу. Презрѣніе опасности, презрѣніе нерѣшительнаго соперника живо дѣйствуютъ. Его описаніе религиозныхъ путешествій (pèlerinage, Wohlfarten)²⁾ въ Италиіи украшаетъ религію и поэзію. («Все человѣчество, гов[орить] онъ, шло на поклоненіе въ небесные предѣлы»): Die ganze Menschheit schien zu Wohlfarten³⁾ in die Himmelreichen. — Объявляя Марію любовь свою и изъясняя прелесть пожертвованной³⁾ жизни любезному предмету, гов[орить] онъ между прочимъ: das Leben ist das höchste Gut des Lebens. — Wehe dem, der...⁴⁾ Какъ слова сіи живописуютъ страсти сердца въ восторгѣ отъ опасной любви! Впрочемъ, кромѣ сихъ прелестныхъ отрывковъ, весь эффектъ сей трагедіи, въ особенности на т[акъ] н[азываемую] публику, принадлежитъ не гению Шиллера, но исторіи. — Прощанія Маріи, согласныя съ исторіею, одушевлены Шиллеромъ и представляютъ богатое поле для искусной актрисы. Казалось, что и эта, неискusstная, вдыхала талантъ съ каждымъ словомъ Шиллера. — Такъ всегда вещи придаютъ цѣну лицамъ. — Рѣдко лица возвыпаютъ вещи.

1) Фамилія писателя написана неразборчиво.

2) Wallfahrten.

3) Позже сверху надписано: «жертвующей».

4) Здѣсь не удалось разобрать два слова.

[1815 годъ].

10 Февраля. Пятница. Вотъ уже шестая недѣля, какъ я не схожу почти совсѣмъ съ постели. Мало по малу привыкъ было къ этому роду жизни, но наконецъ наскучило сидѣть въ заперти, тѣмъ болѣе, что дѣла мои требуютъ хлопотъ съ моей стороны. Съ начала докторъ ласкалъ меня скорымъ выздоровленіемъ; но теперь срокъ моего заключенія опять отдался. — При всемъ томъ однакоже онъ увѣряетъ своимъ честнымъ словомъ, что черезъ двѣ недѣли я буду выходить. Но я уже потерялъ вѣру къ его словамъ и не лщу воображенія прогулками по Kärnthnerstrasse. Въ продолженіе моей болѣзни перечиталъ я множество романовъ и сказокъ о духахъ. Но наконецъ вымыслы надоѣли, и я началъ съ нѣкоторою жадностію читать разсужденія Кювве и т. п. въ *Esprit des Journaux*. — Много мыслей приходитъ мнѣ въ голову — даже и мечтанія вкрадываются иногда въ разстроенную неудобноисполнительными планами голову. — Теперь, размышляя, вздумалъ я, что: ¹⁾

дѣянія отличныхъ (т. е. по дѣламъ своимъ) людей въ обществѣ могутъ быть весьма различнаго рода и свойства; дѣянія однихъ изъ сихъ людей могутъ, т[акъ] ск[азать], *служить* обществу, дѣянія другихъ *управлять* онымъ. Дѣянія первыхъ могутъ доставить неоцѣнимыя выгоды Государству, но кромѣ сего не будутъ имѣть продолжительнаго вліянія на духъ народный, слѣдственно и на все Государство. Дѣянія другихъ, принося мгновенныя или случайныя выгоды, хотя и всегда менѣе блистательныя, нежели выгоды первыхъ, даютъ направленіе духу народному, даютъ печать самому народу и вѣку своему. — Это пришло мнѣ на мысль, думая о Штейнѣ. Напримѣръ, дѣянія Нѣмецкаго славнаго полководца непосредственно вели народъ ко мщенію и свободѣ, но по достиженіи цѣли войны непосредственное дѣйствіе сихъ дѣяній кончилось; напротивъ того дѣянія Штейна, споспѣшествуя ко достиженію главнѣйшей и ближайшей цѣли Германцевъ, не остались безъ важнѣйшаго и непосредственнаго вліянія на Германію. Мысли, возникшія прежде всѣхъ въ его головѣ, или конхъ практическая важность имъ прежде всѣхъ была почувствуема во всей своей силѣ и сообщена другимъ, — разпространились по всѣмъ странамъ Нѣмецкой земли и содѣлались символомъ народа. Такія дѣянія могутъ равняться съ самыми блистательнѣйшими, кои въ свѣтъ всего болѣе удивляется, и коими отечество наиболѣе повидимому гордится. Столь важное вліяніе на духъ времени и на перемену обстоя-

1) Такъ въ рукописи оставлено пустое мѣсто.

тельство принадлежит вѣроятно одному Штейну изъ всѣхъ тѣхъ особъ, кои находились не на военной сценѣ въ послѣднія времена. — Что можетъ заставить насъ думать, что естълибы не было Mett[ernich], Castl[eri] и Nesselrode, то дѣла бы не могли имѣть теперешняго оборота? О Штейнѣ же этого сказать нельзя, и кто бы это сказалъ — весьма бы ошибся. Тѣхъ можно сравнить съ актерами, кот[орые] играли выученную роль и за немѣниемъ коихъ нашлись бы другіе, кои окончили бы трагедію или комедію — какъ хотите — съ такимъ же, естъли не съ большимъ успѣхомъ. Но та роль, кот[орую] игралъ St[ein], была назначена Богомъ или Исторіею, и актеръ для ней былъ предназначенъ, — т. е. другими словами, естълибы не было St[ein'a], то ничто не позволяетъ намъ думать, чтобы кто нибудь другой могъ съ успѣхомъ замѣнить его. —

Un poëte a dit:

On n'aime que la gloire *absente* ;

La mémoire est *reconnoissante* ;

Les yeux sont ingrats et jaloux.

Ce qui vague n'aurait besoin que d'être clair pour paraître superficiel; c'est à son obscurité qu'est due son apparence de profondeur.

Разборъ книги Sismondi: De la Littérature du midi de l'Europe. 4 vol. in 8.

Sismondi, говоря о Сидѣ [сказалъ]:

«Il est placé sur les confins du roman et de l'histoire, mais l'histoire comme le poëte se plaisent à le réclamer. Les romances (о Сидѣ) sont considérées par Jean de Muller comme des documents authentiques tandis qu'[ils] ont fourni à tous les poëtes de l'Espagne des sujets brillants pour le théâtre».

«.....»

Mais l'espérance encore soutient ma vive ardeur;

L'espérance de l'homme est la plus longue erreur».

Eglogue du Prince Boris de Golitzin.

«Eglogue, pleine de douceur, d'harmonie et d'élégance», гов[орить]
рецензентъ.

M. Amaury Duval observe, que «les femmes ne cherchent guère à se

distinguer dans les beaux arts qu'à l'époque où les peuples ont atteint le dernier degré de civilisation. Quoiqu'il en soit à Rome les femmes lettrées, les poètes ne parurent du moins avec un certain éclat, que sous les Empereurs. Une des causes, qui pendant longtemps purent les éloigner de cultiver la poésie, c'est le peu de considération dont jouissaient les poètes. Pour se faire connaître et recueillir des suffrages éphémères ils n'avaient d'autre moyen que des lectures publiques, dont Perse nous donne quelque idée dans sa première satire, qui devaient ressembler assez à certaines lectures modernes, où les poètes font plus de bruit qu'ils n'en remportent de véritable gloire.

Esp[rit] d[es] Journaux. T. 8. 813.

Les préjugés ne sont que la défroque des gens d'esprit, qui habille la canaille». Disait Lagrange à un homme qui lui parlait d'une opinion, qui tour-à-tour adoptée et rejetée, admise et modifiée par les savants, avait fini par devenir un préjugé populaire.

Esp[rit] d[es] Jour[naux]. T. 7. 813.

«J'apprécie votre zèle, dis Charles XII à un de ses aide de camps; mais apprenez qu'en parlant à un Roi vous ne devez mal parler de personne».

Ibid. T. 8.

25 Февраля. Вотъ уже два мѣсяца какъ я боленъ, а двѣ недѣли не схожу съ постели. Надѣюсь однакоже черезъ недѣлю быть въ состояніи выходить, т. е. выѣзжать. Лѣкарь нѣсколько продлилъ болѣзнь мою. Иногда, видя вмѣсто успѣховъ къ лучшему успѣхи худшаго, мнѣ было очень грустно. Также и le mal-à-propos болѣзни въ теперешнихъ обстоятельствахъ меня много беспокоило. Иногда говорили мнѣ объ отъѣздѣ Государя, иногда же объ отъѣздѣ. . . .¹⁾ Но и теперь я думаю или надѣюсь только что выздоровѣть къ ихъ отъѣзду. — Многое передумалъ въ теченіи моего уединенія. Старался украшать въ мысляхъ мою будущую п[етербургскую] жизнь, столь неудобоукрашаемую; и наконецъ, кажется, сдѣлался болѣе довольнымъ моимъ положеніемъ, нежели прежде. Но это вѣроятно отъ того, что это положеніе превосходило (только что!) мое положеніе на постелѣ. Скука выдумываетъ много пустаго, но часто и много хорошаго. Жаль только, что первое по большой части навсегда остается, между тѣмъ какъ послѣднее при малѣйшей разсѣянности исчезаетъ.

Нынѣ перечиталъ довольно. Романы опротивѣли. Нравится Esp[rit]

1) Здѣсь край рукописи истлѣлъ, и повидимому недостаетъ одного слова.

de Journaux. Вчера читалъ Сарацени (Camp[agne] d'Espagne), а сегодня, при возвращеніи Ал[ександру] Ив[ановичу] сей книжка, написана:

Къ писанью Сарацени имѣеть добротство,
Но жаль, что у него съ Кросаромъ видно сходство.

Цари возторжествовали надъ народомъ; Но неблагодарность будетъ пятномъ ихъ, если они, вступая въ прежнія права свои, принесутъ съ собою и прежніе предразсудки и прежнія несправедливости. — Если народъ отдался на произволъ ихъ, то они не должны мстить такому добродушію угнетеніемъ и хитростью.

Belgien Ausz. P. N. — 8. с. означить относительно Юзеф. aus P. N 3.

Tout mal doit être considéré comme un bien dès qu'il en arrête un plus grand.

Le Censeur.

Боятся свободы книгопечатанія! — Но сколько человекъ въ государствѣ читаютъ? Достаточно ли числа ихъ для бунта? — Нѣтъ. — А народъ можетъ взбунтоваться не отъ брошюръ, а отъ долговременнаго угнетенія, которое онъ чувствуетъ сильнѣе, нежели доводы писателей. — La patience des peuples devoit avoir rassurer ces gens (охотниковъ до цензуры) qui paraissent si timides; *car ils n'ignorent pas, qu'il leur faut au moins huit siècles d'oppression et de misère pour les obliger à se remuer.*

Le Censeur.

Хорошо и то, что знаютъ сколько лѣтъ угнетенія производять свободу, хотя срокъ безъ нужды продолжителенъ. — Сколько надобно для сего Россіи?

Читая эту книгу¹⁾, сердце радуется успѣхамъ свободы гражданской, хотя и въ чужой землѣ. Но Русской не можетъ быть равнодушенъ въ семъ случаѣ: Александръ утвердилъ эту свободу Франціи, и сіе прежде еще, нежели онъ возвратилъ ей Бурбоновъ. Сіи вступили въ слѣдствіе сего на Французскую землю, уже очищенные отъ всѣхъ желаній и позывовъ деспотизма, бывшаго, такъ сказать, наслѣдственнымъ достояніемъ ихъ праотцевъ. — О славная эпоха для Россіи и для Русскаго Царя! — Сей бѣлый знакъ, окружающій знаменіе великаго народа, да напоминаетъ вамъ, о вѣрные

1) Здѣсь, какъ и на предыдущихъ двухъ листахъ, текстъ вначалѣ былъ написанъ карандашомъ, а потомъ между строкъ переписанъ чернилами; и въ первомъ текстѣ (карандашномъ) было написано: «Читая le Censeur».

сыны Россіи! что Царь вашъ даровалъ непріязненному и побѣжденному народу, въ самый день покоренія и побѣды, то, чѣмъ справедливо гордится щастливый Албюнъ, принесши для пріобрѣтенія сего въ жертву пѣлыя столѣтія бѣдствій народныхъ.

По завоеваніи Силезіи Кадастръ:

1. Les Domaines Royaux, les terres des Princes, des nobles, des curés et des maîtres d'écoles furent taxées à 28 $\frac{2}{3}$ pour cent de leur produit (?) annuel.

2. Les terres des paysans à 34 p. c.

3. Celles des ordres de Chevalerie à 40 —

4. — du clergé — — — à 50 —

Dans le fait les terres de la noblesse et des paysans ne payaient que 25, weil sie zu niedrig geschätzt waren.

Au surplus toutes les améliorations et défrichements sont exempts d'impôts. Une terre une fois taxée sur le cadastre, ne peut jamais être évaluée plus haut.

Vie de Fréd[éric] II. T. 3, p. 17.

— При пріемѣ les chevaliers du Temple новому брату:

«Vous allez prendre de grands engagements; vous serez exposé à beaucoup de peines et de dangers; il faudra veiller, quand vous voudriez dormir; supporter la fatigue quand vous voudriez vous reposer; souffrir la soif et la faim quand vous voudriez boire et manger; passer dans un pays quand vous voudriez rester dans un autre». — Ensuite on prononçoit les vœux de pauvreté, de chasteté et d'obéissance.

Raynouard. Hist[oire] d. Templiers.

Esprit d. Journaux. 9.

— Mémoire de Mr Brunn Neergard sur la servitude et l'affranchissement du paysan danois.

— L'esclavage fut aboli ou du moins affaibli par la loi d'Uplande du Roi Berger en 1295; il le fut de même en Vestrogothie et dans les autres provinces de la Suède en 1335 par le Roi Magnus Erinsen; et l'on croit qu'il le fut vers la même époque dans le Dannemarc proprement dit. Le christianisme paroît avoir opéré cet heureux changement.

Esprit d. Journaux. 9.

Les nobles (Danois) — Des propriétaires moins riches (qu'eux) se mirent sous leur protection: ce fut l'origine de l'état de *défense* et du droit qui en était la suite (droit de défense). Cet état qui était différent de celui

de l'esclavage, ne s'étendoit qu'aux individus mâles. Le paysan qui y étoit soumis ne pouvoit, sans la permission du seigneur, quitter le lieu où il étoit né; il étoit obligé d'accepter la femme, la maison ou le service qui lui étoit assigné. Le paysan ne pouvoit pas être vendu sans la terre; mais il devoit toujours suivre la propriété. Si son maître le vendait séparément, il devenoit *libre*. (И тогда лучше, чѣмъ теперь у насъ; а Датчане тогда не завоевали Европы!).

Le droit de défense étoit anéanti 1. par la volonté du seigneur, 2. quand l'homme ou¹⁾ sujet avoit habité la ville pendant 10 ans, puis 5 ans, ou 20 ans hors des propriétés de son maître. 3. lorsqu'il recevoit le grade d'officier dans l'état militaire. 4. lorsqu'il se destinoit aux études. — Все лучше! L'état de défense différoit de l'esclavage en ce que dans cet état l'homme pouvoit hériter.

On chercha souvent à détruire cet état. En 1504 le Roi Jean, puis Christian II, Chr[istian] IV. et V. parvinrent à l'adoucir. Frédéric IV. le détruit entièrement. Il déclara en 1702. que ce droit étoit aboli sur tous ceux nés depuis le 25 Août 1699. jour de son avènement. Christian VI. craignant que cela ne dépeuple pas le pays fit naître en 1731 *le droit de glèbe*, d'après lequel aucun paysan ne pouvoit sortir du Royaume, ni quitter son seigneur; il pouvoit seulement entrer au service de terre et de mer du Roi. En 1788. Chr[istian] VII. (по влиянію сына своего Fréd[éric] VI. (теперь Короля) déclara que le droit de glèbe devoit cesser au commencement du XIX. siècle. On exemptoit dès l'instant même tous ceux qui avoient fini leur service militaire ou qui en étoient exclus par leur âge, c. a. d. audessus de 36. ans et audessous de 14. On craignoit que ce ne fut nuisible à l'agriculture et à l'intérêt du propriétaire, mais le temps, qui est en tout le meilleur juge, a prouvé le contraire.

⁴ *Марта*. Вотъ уже три недѣли, какъ я не встаю съ постели. Хочу встать завтра, но все еще не надѣюсь. Желаю выздоровѣть не столько отъ скуки лежать, но для скорѣйшаго окончанія нашихъ дѣлъ. Впрочемъ я теперь читаю болѣе, нежели здоровый. Государь поѣдетъ черезъ недѣлю. Комм[иссія] у меня собирается, но Австрійцы несносны.

1) Въ рукописи написано: у.

..... Nessun maggior dolore
 Che ricordarsi del tempo felice
 Nella miseria.....

Dante dans l'Enfer.

Esp[rit] d. J[ournaux].

Voltaire avoit raison: le superflu est une chose très nécessaire (Ad. Sm.)
 Ib[idem].

Иногда кажется, что въ монархическомъ правленіи человекъ болѣе принужденъ жить какъ съ честными, такъ и съ безчестными людьми, нежели въ республиканскомъ. Въ семъ послѣднемъ выборъ знакомства и связей, кажется, свободнѣе, нежели въ первомъ. Въ респ[убликанскомъ] правленіи отличительный характеръ людей и партій гораздо яснѣе (plus prononcé), и потому человекъ, приставшій рѣшительно къ одной изъ партій, часто даже не можетъ имѣть ни малѣйшей связи съ другою. Изъ сего слѣдуетъ, что человекъ, ясно видя свойство какъ людей, такъ и партій, легче выбираетъ, зная притомъ, что шагъ его въ пользу одной или другой партіи есть рѣшительное объявленіе всѣмъ его образа мнѣній, или его характера. Тутъ всякая перѣшимость (т. е. duplicité) или незначительна или невозможна. Въ монархическомъ же правленіи человекъ всегда обязанъ, хотя и противъ своей воли, ставить свѣчу и ангелу и чорту. Рѣшительное и твердое намѣреніе для него часто вредно, всегда бесполезно.

8 [марта]. Вчера получили здѣсь извѣстіе, что Н[аполеонъ] ушелъ съ острова Эльбы — неизвѣстно куда. Здѣшніе и Французскіе умы, какъ говорятъ, смугились, — а наши смѣются. Нельзя предполагать, чтобы сей *нобъль* имѣлъ важныя слѣдствія; но можно имъ воспользоваться нѣкоторымъ изъ Державъ на конгрессѣ. Отъѣздъ Императора опять, говорятъ, отложенъ. Я очень радъ этому, тѣмъ болѣе, что я все еще не могу выходить — или даже и ходить по комнатамъ могу только съ большимъ трудомъ. Гр[афъ] Головкинъ, узнавъ, что Н[аполеонъ] ушелъ на томъ бригѣ, кот[орый] былъ данъ ему для забавы, сказалъ: il a mêlé l'utile à l'agréable. Любопытно знать послѣдствія. — Отъ Сергѣя совѣмъ не имѣю извѣстій.

16 Марта. Бѣгство Наполéон'ово смутило головы Австрійцевъ. Здѣшніе Французы также въ безпокойствѣ. Вѣроятно тоже и Парижскіе. Но все же я не понимаю причины ихъ безпокойства. Весьма невѣроятно, [чтобы] N[аполéон] могъ еще достигъ до чего-нибудь. Вотъ человекъ безъ всякаго пристанища! Для него нѣтъ дома, нѣтъ кровли, кот[орые] бы могли принять его подъ тѣнь свою. Нѣтъ пещеры, кот[орая] бы могла скрыть его скуку и

отчаяніе. Всѣ претенденты имѣли убѣжище, если не въ своемъ отечествѣ, то по крайней мѣрѣ въ чужихъ земляхъ. Для него нѣтъ отечества, но нѣтъ и сострадательныхъ иноземцевъ. Развѣ не приготовилъ ли онъ себѣ убѣжище у Турковъ?

Послѣ прекрасной погоды наступила очень дурная; снѣгъ и дождь вмѣсто животворнаго весенняго солнца. Я все еще не выхожу. Доктора ласкаютъ меня вѣрнымъ и совершеннымъ выздоровленіемъ на будущей недѣлѣ. Наскучило уже сидѣть дома. Чтеніе менѣе занимаетъ, да и опасно много читать въ болѣзни или во всякомъ другомъ непріятномъ положеніи. Такъ какъ сунъ, кот[орый] мы ѣли долго въ болѣзни, не вкусенъ болѣе въ здоровомъ состояніи или даже и противенъ, напоминая непріятное, то тоже можетъ случиться и съ чтеніемъ.

Сей часъ прочелъ въ Correspondance de Grimm нѣсколько прекрасно написанныхъ строкъ о женщинахъ Дидеротомъ (Т. II).

«À en juger (гов[орить] о сочиненіи Томаса о женщинахъ) d'après sa longue, ingénieuse et monotone dissertation sur les femmes, il n'a pas assez éprouvé une passion, que je prise davantage pour les peines dont elle nous console, que pour les plaisirs qu' elle nous donne».

... Je me serais occupé avec plus d'intérêt et d'ardeur du seul être de la nature qui nous rende sentiment pour sentiment et qui soit heureux du bonheur qu'il nous fait.

..... d'un être, extrême dans sa force et dans [sa grande]¹⁾ faiblesse, que la vue d'une souris ou d'une araignée fait tomber en syncope, et qui fait quelque fois braver les plus grandes terreurs de la vie.

Т. 1. Grimm:..... La vraie tragédie est encore à trouver, et qu'avec tous leurs défauts les anciens en étoient peut-être plus voisins que nous. Plus les actions sont fortes et les propos simples, plus j'admire; je crains bien que nous n'ayons pris, cent ans de suite, l'héroïsme de Madrid pour celui de Rome. En effet quel rapport entre la simplicité et la force du discours de Régulus dissuadant le sénat et le peuple romain de l'échange des captifs, et le ton déclamatoire et ampoulé que nos tragiques lui auraient donné:

(Гов[орить] Rég[ulus])

..... «Vous croyez que, rachetés à prix d'or, ils reviendront plus courageux?... La vertu une fois sortie d'une âme qui s'est avilie n'y

1) Край рукописи истлѣлъ, и потому исчезло одно слово.

rentre pas. N'attendez rien de celui qui a pu mourir, et qui s'est laissé lâchement garotter. O Cartage! Que tu es grande et fière de notre honte».

Grimm: Mettez la main sur la conscience et dites-moi s'il y a dans nos tragédies un mot du ton qui convient à une vertu aussi haute et aussi famillière et quel air pourraient avoir dans cette bouche les sentences ambitieuses et la plupart de nos fanfaronnades à la Corneille?

Это разсужденіе о игрѣ актеровъ, изъ коего выписаны сіи слова, очень хорошо. Авторъ доказываетъ, что эффектъ дѣлается не чрезъ то, что актеръ влѣзаетъ¹⁾, такъ сказать, въ кожу того лица, кот[орое] онъ представляетъ, но единственно чрезъ его искусство, посредствомъ коего актеръ изображаетъ различныя страсти, оставаясь во внутренности своей хладнокровнымъ. Онъ говоритъ, что одна изъ актрисъ, приведшая въ восхищеніе зрителей, падая въ ту минуту въ объятія другаго актера, говорила ему тихонько: Ah que tu es laid! — и много другихъ подобныхъ анекдотовъ.

19 [марта]. Высадка N[apoléon'a] становится серіозною. Но оставимъ большимъ головамъ разсуждать о слѣдствіяхъ дерзости N[apoléon'a] и ихъ. ноль въ нумераціи долженъ находиться хоть при какой-нибудь цифрѣ, дабы что-нибудь значить.

Здоровье мое поправляется, но все еще не выхожу. Новѣйшія произшествія вовлекли меня вчера въ большія и странныя размышленія о моихъ собственныхъ обстоятельствахъ. Но легко дѣлать планы въ своей комнатѣ: вышелъ за порогъ, встрѣтился съ однимъ или съ двумя человѣками — и все перемѣняется въ лишь только сдѣланномъ планѣ. — Французы всячески стараются заслужить презрѣніе другихъ народовъ.

Qui est ce qui ignore que le véritable attachement a sa source dans les services et dans les soins qu'on a rendu? Ce n'est pas le plus bel arbre de mon jardin, c'est celui que j'ai cultivé que je me plait à visiter tous les jours.

Diderot.

Слѣдующая эпитафія трогательна, тѣмъ болѣе, что она написана Скарономъ для самого себя. Какъ по сему, такъ и потому, что Росси читалъ мнѣ ее въ Геттингенѣ, она здѣсь выписывается:

1) Въ рукописи: влезаетъ.

Celui qu'ici maintenant dort
 Fit plus de pitié que d'envie,
 Et souffrit mille fois la mort
 Avant que de perdre la vie.
 Passant, ne fais ici de bruit,
 Garde bien que tu ne l'éveilles;
 Car voici la première nuit
 Que le pauvre *Scarron* sommeille.

22 [марта]. Вечеръ. Изъ Франціи нѣтъ свѣжихъ извѣстій. У меня многіе планы бродятъ въ головѣ; это потому, что нѣтъ ни одного удобоисполнительнаго и надежнаго.

28. Я уже начинаю естьли не выходить, то выѣзжать. Вчера былъ въ Пратерѣ. Кромѣ большаго стеченія народа и множества экипажей, были тамъ нашъ Императоръ и Австрійскій, каждый съ своимъ семействомъ. Веллин[г]тона видѣлъ, но всколзь. Прогулка эта мнѣ весьма понравилась.

По сегодняшнимъ газетамъ N[apoléon] продолжаетъ успѣвать въ своемъ предпріятіи. Только съ Французами можно дѣлать такія вещи. Бѣдный Король! Но его братья и племянники не показываютъ большой храбрости. При всемъ томъ невѣроятно, чтобы N[apoléon] вновь покорилъ Францію. Невыгоды постоянныхъ армій являются теперь во всемъ своемъ ужасѣ во Франціи.

29. Вечеръ. Давно уже, очень давно не ощущалъ я такого удовольствія, какъ сегодня, бывши послѣ 3-хъ м[ѣ]сяцевъ въ театрѣ, гдѣ давали Весталку. Увертюра, прекрасно игранная, развернула душу и расположила ее къ слушанію божественной музыки. Я былъ восхищенъ. Пѣніе актеровъ, арій, выразительныя и трогательныя, продолжали восторгъ. Какое пріятное поздравленіе моему здоровью! Въ каждой изъ арій находилъ я новыя прелести, новое искусство, кои доселѣ слабо дѣйствовали на меня. Такія ощущенія трудно описывать, но легко помнить. Посреди всего этого думалъ я о новыхъ бѣдствіяхъ, грозящихъ Европѣ. Будучи расположенъ къ впечатлѣніямъ музыки — а музыка располагаетъ сердца всего болѣе къ доброму —, какъ показались мрачными тѣ качества людей, которыя, т[акъ] с[казать], отдѣляя ихъ отъ подобныхъ имъ сочеловѣковъ, подвигаютъ на дѣла, противныя общему благу и основанныя на эгопзмѣ. О! какъ это гнусное свойство людей показалось мнѣ отвратительнымъ!

Сегодня узнали здѣсь, что N[apoléon] въѣхалъ въ Парижъ, какъ будто

возвратившись изъ путешествія. Мастерски играетъ онъ роль свою посреди народа, состоящаго изъ актеровъ. Что будетъ? Какое вліяніе переворотъ сей будетъ имѣть на Россію? О любезное отечество! Когда можно будетъ хоть *мечтать* о твоёмъ благоденствіи? Когда просвѣщенный патріотъ найдетъ вниманіе своему правому гласу у соотечественниковъ? Когда можно будетъ говорить? и когда будутъ слушать? Неужели тѣ, кои были свидѣтелями твоего, о Россія, величія и твоей славы, неужели они не будутъ свидѣтелями хотя единаго предзнаменованія твоего щастія? Неужели, радуясь въ молодости торжеству твоей славы, вечеръ дней ихъ не будетъ освященъ зарею твоего блаженства? Неужели торжество правды и свободы, изшедшее изъ нѣдръ твоихъ и разпространившееся въ Европѣ, не возвратится въ тѣ мѣста, гдѣ впервые оно было знаменіемъ небесной милости? (Воображеніе теряется въ будущности; надежда не подкрѣпляетъ его).

О бѣдность человѣческихъ замысловъ! Попутный вѣтръ повѣялъ челноку, несшему врага Европы¹⁾—и потряслись престолы царей; сердца патріотовъ трепещутъ, думая объ отечествѣ! —

Philippe II. avoit en 1754 fait investir la ville de Leyde pour la soumettre au joug Espagnol. Les habitants ont dit, qu'on se résoudra plutôt à mourir de faim qu'à tomber entre les mains d'un ennemi barbare. Après cela on fit une monnaie de papier avec cette inscription: *Pour la liberté*. Ce papier fut après ce siège fidèlement converti en monnaie d'argent. *De Thou*.

Diction[naire] d'anecd[otes]etc.

8 *Апрѣля*. Читая теперь Mémoires hist[oriques] sur les Templiers, мнѣ пришло на мысль, что во время среднихъ вѣковъ и позже до 18 в. различныя государства были соединены между собою нѣкоторыми нравственными узами, происходившими въ особенности отъ религіи, и которыя исчезли вмѣстѣ съ вліяніемъ сей послѣдней. Въ послѣднемъ столѣтіи можно было замѣтить подобное сему соединеніе, или стремленіе къ оному, происходившее отъ литературы и отъ наукъ; отъ чего явилась т[акъ] называемая *Республика писъменъ* (la République des lettres). Но сіе послѣднее весьма различно отъ перваго и, будучи произвольное и ограниченное малымъ числомъ людей, никогда бы не могло имѣть тѣхъ дѣйствій, кот[орыя] производило вліяніе религіи, хотя бы оное и не было ослаблено, естли не разрушено новѣйшими переворотами въ Европѣ. Сіе первое соединеніе явилось

1) Далѣе зачеркнуто: «и миліоны погружены въ новыя бѣдствія».

въ самыхъ важныхъ дѣйствіяхъ своихъ во время †¹⁾ походовъ, онымъ произведенныхъ. Орденъ рыцарей храма, разные исключительно религіозные ордены, въ особенности езуиты, составляютъ ту важную цѣпь, кот[орая] связывала различные народы. Теперь подобнаго соединенія не существуетъ. Полезно ли оно было или нѣтъ? Я думаю, что полезно, ибо отъ всякихъ взаимныхъ соединеній народовъ между собою происходитъ польза.

О политикѣ слышно мало съ нѣкотораго времени. Вѣроятно все *вдруг* заговорить и двинется. — Я о себѣ ничего не предполагаю вѣрнаго. Планы есть, но пустые. Съ St[ein]омъ] рѣдко вижусь. Онъ заговаривалъ кое-что о мѣстѣ для меня; но, видно, вѣрнаго самъ ничего не знаетъ.

Вчера видѣлъ Фигаро. Давали плохо.

Бѣднаго Каменскаго жалко, тѣмъ болѣе что доброта его увеличиваетъ легкость мистификацій.

⁵/₁₈ *Апр[ыля]*. *Полночь*. Сегодня уѣхалъ Козловскій и Ганъ. При сихъ обстоятельствахъ потеря сія для меня весьма ощутительна. Оба они такіе люди, съ коими бы я желалъ вѣкъ свой прожить. Жаль — Богъ знаетъ, когда увидимся.

На сихъ дняхъ имѣю я болѣе занятій, происходящихъ отъ Шведскаго долга. Сегодня былъ у Левенгельма. Очень учтивъ. Несельроде поручилъ мнѣ написать и *projet de convention*, относительно уплаты сего долга. Сей часъ это сдѣлалъ. Сегодня очень холодно. Я все еще слабъ. Геморой меня беспокоить.

⁸/₂₁ *Апр[ыля]*. Эти дни былъ я довольно занятъ, въ особенности по конвенціи, кот[орую] Шведы хотѣли заключить съ нами о деньгахъ. Я ходилъ къ обоимъ Левенгельмамъ, которые не пышно репрезентируютъ Швецію. Но конвенція не состоялась. Я написалъ было уже и проэктъ, кот[орый] былъ одобренъ Несельродомъ. Сей послѣдній поручилъ мнѣ написать письмо и рескриптъ къ Гурьеву на Русскомъ. Какое-то пріятное и вмѣстѣ печальное ощущеніе имѣлъ я, писавъ по-Русски. Это было для меня такъ легко и шло такъ хорошо, въ сравненіи съ Французскимъ. Когда, думалъ я, будемъ мы писать на своемъ языкѣ! О Россія, любезное отечество! Я рѣже теперь о тебѣ думаю, нежели прежде; но тѣмъ трогательнѣе бываютъ воспоминанія! Когда будемъ мы Русскими? Думаютъ, что объ этомъ нельзя еще теперь помышлять; но я увѣренъ, что добро дѣлать и добромъ наслаждаться всегда

1) Т. е. крестовыхъ.

время. Кто знаетъ Русскій народъ, тотъ согласится со мною. Печально думать объ отечествѣ! Ужасная мысль. Что дѣлать? — До чего доживемъ мы? Что мы увидимъ? — Неизвѣстно. Но предчувствую мало хорошаго.

. 1) давалъ мнѣ Штейнъ сдѣлать экстрактъ изъ предложенія ввести б[умажныя] д[еньги] для заплаты за продовольствіе войскъ. При семъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ сдѣлаетъ о мнѣ представленіе. Я замѣтилъ ему, что теперь, можетъ быть, не время получать мѣста и въ особенности жалованье; что это можетъ быть изтолковано въ дурную сторону. Онъ отвѣчалъ мнѣ: *tout le monde sait, que v[ous] êtes un galant homme. Dès qu'on dit votre nom, tout le monde dit que ce sont des gens nobles et honnêtes: tout le monde en parle avec estime, и проч. и проч.* Признаюсь, что эти слова показались мнѣ весьма лестными, и сіе потому, что ихъ сказала Штейнъ, не охотникъ до комплимен[товъ]. Я ихъ долго помнить буду.

Быль въ театрѣ: давали *Fidelio*. Говорилъ съ Лагарпомъ. Я его люблю за его откровенность. Онъ думаетъ, что теперь Франція опять въ лихорадкѣ, и что ее также опасно лѣчить не домовымъ лѣкарямъ, какъ и за 20 лѣтъ. Но что для Франціи эта лихорадка не будетъ имѣть той пользы, кот[орая] могла бы произойти прежде; ибо много хорошихъ людей пропало.

Судя по извѣстіямъ изъ Франціи, дѣло Бурбоновъ кончилось къ совершенному ихъ вреду.

Я спрашиваю: есть ли теперь въ Европѣ люди, которые бы съ совершеннымъ безпристрастіемъ и благоразуміемъ и справедливо судили о проишествіяхъ, случившихся во Франціи и Италиі.

Думая о несправедливости или нелѣпости, съ каковою въ Россіи обвиняютъ въ якобиниствѣ нѣкоторыхъ здравомыслящихъ людей, мнѣ пришло на мысль, что въ семъ смыслѣ можно сказать *que le jacobinisme est le luxe de la liberté*.

¹³/₂₅ *Апр[іля]*. Вчера обѣдалъ я въ Пратерѣ. Чѣмъ болѣе я тамъ бываю, тѣмъ болѣе [мнѣ] нравится это безцѣнное для большаго города мѣсто. . . 2). Деревья каштановыя прекрасны. Послѣ обѣда я ходилъ, сидѣлъ, болталъ и наконецъ въ 7-мъ часовъ поѣхалъ въ театръ. Давали *Жюконду*. Много пріятныхъ арій, одна восхитительна и сладострастна. — Теперь утро, сижу дома; дѣлать нечего. Заниматься чтеніемъ не могу да и книгъ нѣтъ. Эти дни былъ все занятъ. Скучная праздность весьма неприятна. Но есть и пріятная праздность. Сію-то называютъ Италиянцы *il dolce far niente*. Въ

1) Край рукописи истлѣлъ, и повидимому недостаетъ одного слова.

2) Край рукописи истлѣлъ.

Италіи дѣла идутъ весьма плохо для Мюрата. Народъ Италіянскіи не прельстился свободою и независимостію, которыя сулилъ имъ Мюратъ. Конечно это полезно для общихъ дѣлъ, но Италіянцы остались въ покоѣ вѣрно не отъ желанія способствовать успѣху Европейскихъ державъ; и предѣлительность его не приписитъ ему никакой чести. — Во Франціи N[apoléon] видно прилежно готовится къ войнѣ. Говорили о Республикѣ, но слухи сіи не подтверждаются. Въ Польшѣ [говорили о республикѣ]. О Россіи ничего нельзя сказать новаго. Все новое тамъ значитъ хорошее. Это даетъ невыгодное понятіе о старомъ, т. е. о существующемъ.

¹⁶/₂₉ [апрѣля]. Суббота. 10 вечера. Сегодня послѣдняя суббота Русскаго великаго поста. Я поѣду къ заутринѣ. Хочется послушать святаго пѣнія. Оно напомнитъ мнѣ отечество и единоземцевъ въ лучшей день ихъ жизни. Многіе радуются теперь въ Россіи. Всѣ радуются Христу, какъ Богу и какъ другу. О, святой день для православныхъ, дающій цѣну жизни даже и несчастнымъ! Ты равняешь раба съ господиномъ, соединяешь бѣднаго съ богатымъ. Религія является въ [сей день] въ величайшемъ своемъ блескѣ. Какой христіанинъ не поблагодаритъ въ сей день судьбу за свою вѣру. Не доводы, часто пустые и неудовлетворительные, доказываютъ выгоды Христова закона, но дѣла православныхъ во дни, ознаменованные дѣлами Искушителя. Тамъ, гдѣ вѣра доказывается дѣлами, служители олтареи должны проповѣдывать слово Евангелія; мало говорить, но показывать на дѣйствія вѣры. Пусть приведутъ они невѣрныхъ въ тюрьмы и покажутъ имъ, какъ несчастные, заключенные въ нихъ, вмѣстѣ съ Христомъ и по Христу исходятъ изъ гробовъ своихъ. Даже на безсловесныхъ простираются христіанскія дѣянія вѣрующихъ или творящихъ по вѣрѣ.

Теперь пришелъ изъ театра. Давали Sargines. М^{ме} Seidler поетъ хорошо, собою прекрасна, — тѣмъ болѣе интересна, что, имѣя въ игрѣ, въ лицѣ и въ глазахъ много невиннаго и благороднаго, она не походитъ на т[акъ] назыв. актрису. Нѣкоторые аріи и дуэты были восхитительны. М^{ме} Кампи прекраснымъ своимъ пѣніемъ заставляетъ забывать старость и некрасоту свою. Вчера видѣлъ въ Бургѣ комедію Коцебу d[ie] falsche Schaam. Ушелъ отъ скуки. Глупая піеса и глупо играется. Бургъ-театеръ мнѣ опротивѣлъ. На сихъ дняхъ видѣлъ тамъ Ифигенію, кот[орая] мнѣ совсѣмъ не понравилась такъ, какъ Шиллеровы піэсы. Можно сказать, что Ифигенія даетъ аудіенціи въ 5 дѣйствіяхъ. Она безпрестанно говоритъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, и говоритъ такъ, какъ и всѣ другіе — много пустаго. Впрочемъ трагедіи надо читать, а не смотрѣть.

На сихъ дняхъ обѣдалъ я разъ съ 5 въ Пратерѣ. Видь. . .¹⁾ деревьевъ все еще мнѣ нравится и даже болѣе, чѣмъ когда-либо. Свободно дышать пріятно тому, кто любитъ свободу. Но свободно жить и поступать еще пріятнѣе.

2 Мая. *Послѣ обѣда.* Тяжесть жизни, похожая на скуку, очень для меня теперѣ чувствительна²⁾). Неимѣніе знакомыхъ, бездѣятельность и проч., все это составляетъ сію тяжесть. Надобно перемѣнить обращеніе съ людьми и при новомъ образѣ жизни найти новыя знакомства. Впрочемъ и образъ службы, родъ занятій моихъ, отношенія мои, все это мнѣ не очень нравится, но я стараюсь смотрѣть на это хладнокровно; лучшаго хотя и не ожидаю, но надобно же какъ-нибудь жить.

27 *Апрѣля.* 11 *ночи.* Очень скучно, въ особенности по вечеру. Не знаю, долго ли можно жить въ такомъ положеніи. Прежде какая-то надежда на перемѣну облегчала тяжесть скуки; теперѣ же и эта надежда пропала.

Былъ сегодня въ театрѣ. Давали *Iphigénie de Tauride. Musique de Gluck.* Я замѣтилъ нѣкоторую меланхолю или что-то печальное во всѣхъ 4-хъ актахъ.

— Il n'y a aucune restriction au commerce en Turquie, excepté la défense générale d'exporter à l'étranger aucun des objets nécessaires à la vie, spécialement de la capitale, où cette défense est rigoureusement observée. . . . ce moyen, établi dans l'intention d'y assurer l'abondance, est, dans le fait, la seule cause accidentelle des disettes qu'on y éprouve quelquefois. A cette réserve près le commerce est parfaitement libre et sans entraves (on paye toutefois les droits).

T. I. p. 310.

. . . . âge à la vie³⁾) lorsqu'on parle du sulthan [sic], d'ajouter à son [tit]re de *pádicháh* ou empereur celui d'alem-*pénáh*, abri du monde.

T. I. p. 343.

Les casuistes turcs conviennent que le sulthan (sic) peut, sans assigner de cause et sans être accusé de tyrannie, tuer par jours quatorze personnes. (Rycaut dit, «que le Grand Seigneur ne peut jamais être déposé ou rendu responsable pour ses crimes, quand il détruit *sans raisons* moins de mille de ses sujets par jours). La mort donnée de sa main et reçue sans résistance,

1) Край рукописи истлѣлъ и недостаетъ повидимому нѣсколькихъ словъ.

2) Далѣе зачеркнуто: «Дѣла мало, иногда почти совсѣмъ нѣтъ».

3) Здѣсь край рукописи истлѣлъ, и повидимому исчезло нѣсколько словъ.

confère le martyre. On assure que plusieurs Musulmans, après avoir passé leur vie à son service, aspirent à l'honneur d'un tel trépas, comme à un titre pour obtenir la félicité éternelle.

P[age] 345.

Я замѣчаю, что глупыя постановленія дѣлають людей глупыми. Несправедливыя и варварскія постановленія и обыкновенія бывають причиною бунтовъ. Тѣ лжецы или невѣжды, кот[орые] думаютъ, что, дѣлая народу добро, напр. дѣлая его свободнымъ, можно подвигнуть его къ возмущенію. Благодѣянія со стороны правительствъ никогда не возмущали народъ противъ ихъ. Опасеніе перемѣнъ покрываетъ или порокъ или нерадѣніе¹⁾.

Естьли кто, слѣдуя чувствамъ челоуѣколюбія и справедливости, будетъ говорить о безчелоуѣчїи и несправедливости, съ каковыми одни люди поступаютъ съ другими, то сіи первые отвѣчаютъ: «оставьте общество при сихъ беспорядкахъ, при семъ злѣ, естьли не хотите быть свидѣтелемъ ужасовъ, которые произведутъ тѣ, кои теперь въ угнѣтенїи, при малѣйшемъ признакѣ свободы», ибо — «на *все* есть причина» — мы видѣли, что народы, стремясь къ свободѣ, достигали до безначалія.

Безсмысленные! Въ какомъ несчастномъ углѣ свѣта находили вы, чтобы народъ, получающій блага правъ и свободы отъ Правительства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія? Естьли вы видѣли возмущенія цѣлыхъ народовъ или частей онаго, — возмущенія, уничтожавшія всякій порядокъ, то отъ чего сіе происходило? Конечно не отъ благодѣяній Правительства народу, но отъ угнѣтенїи сего послѣдняго.

Итакъ страшитесь возмущенія, когда вы угнѣтаете, но не тогда, когда вы благодѣтельствуете! Народъ платитъ зломъ только за зло, но признательностію и повиновенїемъ за благодѣянїя. Введеніе добраго легче, нежели изкорененіе злаго. Въ Россїи, съ тѣхъ поръ какъ показала жизнь въ народѣ, нѣкоторое стремленіе къ усовершенствованію, — явились уже многіе плоды просвѣщенія, но мало исчезло варварства. — Мы научились болѣе хорошему, нежели сколько отстали отъ дурнаго. Между тѣмъ казалось бы, что гораздо труднѣе *достичь* до просвѣщенія и образованности, нежели *отказаться* отъ нѣкоторыхъ несправедливыхъ правъ, свидѣтельствующихъ грубость нашихъ предковъ²⁾ и наше закостнѣніе въ пагубныхъ и антихристіанскихъ предразсудкахъ.

1) То, что идетъ ниже, до слѣдующей даты (20 мая — 9 іюня), написано на отдѣльномъ листкѣ. Но такъ какъ содержаніе этого листка является непосредственнымъ продолженїемъ предыдущаго, то мы помѣщаемъ его въ текстъ, а не въ примѣчаніе.

2) Къ этому слову сдѣлано примѣчаніе: «или, лучше сказать, предшественниковъ».

26 Мая.
9 Июля. Дѣло приходитъ къ отъѣзду — желаю выѣхать поскорѣе. Между

прочимъ пришло мнѣ на мысль написать что-нибудь о теперешнемъ положеніи Россіи и о способахъ улучшить состояніе простаго народа и т. п. Надобно сказать въ введеніи, что писать о такихъ вещахъ съ либеральностію у насъ опасно, ибо много предрасудковъ.¹⁾ введеніи лучшаго порядка вещей. Къ сожалѣнію, многіе ве[сьма] почтенные люди, хорошіе патріоты раздѣляютъ сіи предрасудки съ невѣждами и эгоистами. Мнѣніемъ сихъ послѣднихъ можно и должно презирать; но всякому истинному патріоту трудно видѣть негодование почтенныхъ своихъ соотечественниковъ. Невыгоды, сопряженные съ симъ либеральнымъ образомъ мыслей, увеличиваются для того, который такъ, какъ я, находится въ службѣ, и желалъ бы, для общей пользы, продолжать оную. Публика легко смѣшиваетъ либеральныя идеи съ якобинскими. Что касается до Правительства, то хотя къ чести и благополучію Россіи, наше Правительство отличается либеральностію и патріотизмомъ, но не смотря на сіе, тотъ не будетъ поступать согласно съ собственными выгодами по службѣ, кто будетъ вооружаться противъ невѣжества и предрасудковъ. Часто сіи послѣдніе бывають достояніемъ великихъ и сильныхъ міра сего²⁾.

1. Прежде можно говорить о теперешнемъ состояніи Россіи.

2. Готовъ ли народъ къ переменамъ. Здѣсь надобно въ этомъ убѣдить не имущихъ вѣры³⁾. Говорить о достоинствѣ человѣка.

3. О средствахъ улучшить состояніе гражданскаго образованія и народа.

4. О слѣдствіяхъ, отъ того произойти долженствующихъ.

Франкфуртъ.

23 Июля.

Третьяго дня пріѣхалъ я сюда. Читаю Русскіе журналы. Многое мнѣ было читать весьма пріятно, многое напротивъ. Намѣренъ написать о семъ письмо къ Жихареву. Въ немъ буду говорить о Вѣстн[икѣ] Европы № 3. 1815. Тутъ о поэмѣ Грамматина. О разсужденіи о деньгахъ. О критикѣ. Потомъ о другихъ статяхъ С[ына] От[ечества].

1) Здѣсь край рукописи истлѣлъ и, повидимому, недостаетъ одного-двухъ словъ.

2) Къ этимъ словамъ внизу рукописи сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Но какъ слабы всѣ сіи препоны для того, который питаетъ въ душѣ пламенную любовь къ отечеству [и которой] поставляетъ себѣ за щастіе жертвовать пользѣ собственнымъ благополучіемъ».

3) Въ рукописи внизу этой страницы сдѣлана слѣдующая выноска: «О поведеніи Русскихъ въ чужихъ краяхъ».

Говоря о Жюкондѣ. «Еще будучи въ Вѣнѣ, слышалъ я, что оперу Жюкондѣ было запрещено играть на П[етер]бургскомъ театрѣ. Запрещеніе сіе показалось мнѣ смѣшнымъ и бесполезнымъ. Таковою же показалась мнѣ теперь и статья о сей оперѣ, помѣщенная въ 4-мъ № С[ына] От[ечества] на 1815. Говоря о неблагопристойностяхъ, кои наполнена сія опера, критикъ приводитъ слова Хераскова, что театръ есть *училище*, и прибавляетъ: училище *нравственности, невинности и добродѣтели*. Замѣтимъ напередъ, что въ семь опредѣленій нѣтъ смысла: еслии *можно* учиться нравственности и добродѣтели, то я не знаю какимъ образомъ можно преподавать публикѣ правила невинности. Кромѣ сего Г. критикъ, какъ видно, имѣетъ жалкое понятіе о нравственности и добродѣтели, еслии онъ думаетъ, что публика можетъ научиться онымъ отъ Г. Г. Щепинова, Глухарева, Соколова и Г. Г. Корсакова, Кн. Шаховскаго, Кобякова, Краснополяскаго, (изъ скромности¹⁾ не упоминаю я нѣкоторыхъ другихъ проворныхъ переводчиковъ оперъ). Конечно, театральныя представленія могутъ имѣть добрую цѣль, но она ограничивается остроумнымъ посмѣяніемъ глупыхъ обычаевъ, модъ и т. п.; но отъ комедіи Мольера и Фонъ-Визина далеко еще до Евангелія, до сочиненій Фенелона, изрѣченій Марка Аврелія и другихъ твореній, въ коихъ преподаются правила истинной добродѣтели и нравственности, коихъ Г. критикъ вѣ[рно не] понималъ²⁾, желая найти ихъ въ²⁾ Жюкондѣ. — Много есть добрыхъ людей, которые мыслятъ такъ, какъ Херасковъ; есть даже и такіе, кои согласны съ мнѣніемъ нашего Жофруа; но все это ничего иного не доказываетъ, какъ то, что они не знаютъ истинной пользы, происходящей отъ театровъ, въ особенности въ большихъ городахъ. Эта польза состоитъ въ томъ, что театръ отвлекаетъ болѣе или менѣе праздныхъ людей отъ вредныхъ и пагубныхъ занятій, доставляя имъ способъ провести время въ театрѣ съ удовольствіемъ и за маловажную цѣну. По сей-то причинѣ Правительства должны стараться объ усовершенствованіи театровъ. Издержки, кои чрезъ то причиняются, вознаграждаются тѣмъ, что многіе, въ особенности молодые люди, не имѣя по вечерамъ никакого занятія, проводятъ время въ театрѣ, а не въ борделяхъ, не за карточными столами и не съ бутылками. Предоставимъ Филаретамъ, Августинамъ и другимъ, какъ священнымъ, такъ и свѣтскимъ особамъ наставлять насъ въ нравственности и добродѣтели; а выше упомянутые питомцы Мельпомены пусть ограничутся занятіемъ забавлять насъ послѣ обѣда. Право, имъ много еще будетъ стоить труда, дабы только отклонить отъ насъ дремоту или обезоружить

1) Надъ этимъ словомъ сверху зачеркнуто: «по дружбѣ пощажу».

2) Здѣсь край рукописи испорченъ.

свистки охотниковъ. — Да впрочемъ я не могу не замѣтить, что строгость Г. критика относительно морали неприлична и смѣшна, когда дѣло идетъ о П[етер]бургской публикѣ. А P[éters]bourg se pique de morale!!! Не кстатн хвастаться нравственностію и добродѣтелью тамъ, гдѣ, какъ всѣмъ извѣстно, справедливые процессы стоятъ денегъ, гдѣ чиновники проживаютъ въ десятеро болѣе, нежели сколько получаютъ жалова[нья и гдѣ] мнѣются женами, какъ лошадьми; гдѣ съ подобными себѣ сочеловѣками поступаютъ какъ съ безчувственными скотами. Это все есть въ П[етер]бургѣ, а въ Новомъ Вавилонѣ, при всемъ его развратѣ, этого нѣтъ».

24 [Юня]. Письмо: Послѣ 10-ти мѣсячнаго пребыванія возвратился я опять во Фр[анк]ф[уртъ]. Здѣсь нашель у земляковъ нѣсколько Русскихъ журналовъ. Съ величайшею охотою принялся читать ихъ. Въ Вѣнѣ я занимался по большей части сухими Финансами и не читалъ въ особенности ничего Русскаго, кромѣ несчастной Сѣверной Почты. Многое радовало меня при чтеніи нашихъ журналовъ, но многое заставляло меня вздыхать, многое сердиться. Къ числу статей, обрадовавшихъ меня, всего болѣе относится разсужденіе о деньгахъ, помѣщенное въ № 3 Вѣстника Европы¹⁾. Въ первый разъ читалъ я разсужденіе о Финансахъ, писанное на Русскомъ языкѣ, и писанное хорошо и по справедливымъ правиламъ. Эта статья подтвердила мнѣніе моѣ, что все основательное и полезное для Россіи выходитъ изъ Москвы. Въ П[етер]бургѣ хотя и ранѣе начали заниматься Политическою Экономіею, но по сію пору тамошніе политики не представили еще нашей публикѣ ничего, кромѣ уродливыхъ произведеній, которыхъ нельзя назвать ни Русскими, ни Нѣмецкими. Кромѣ того, что сочиненія сіи весьма плохи сами по себѣ, они не могутъ принести никакой пользы Русскимъ читателямъ, ибо писаны Нѣмцами²⁾, кои, не будучи въ состояніи итти наряду съ своими учеными соотечественниками, желаютъ поддѣлаться къ Русскимъ и обогащаютъ нашу словесность — Нѣмецкимъ вздоромъ. — Съ сожалѣніемъ нашель я въ этомъ же номерѣ Вѣстника, въ письмѣ какого-то Смоленскаго помѣщика, мнѣнія совершенно противныя въ разсужденіи о деньгахъ правиламъ и противныя з[дравому]³⁾ разсудку. Я желалъ бы, чтобы издатель Вѣстника,³⁾ направленія мнѣнія читателей своихъ, кои не могутъ не удивляться, находя въ одномъ и томъ же номерѣ совершенно противные доводы, — я желалъ бы, чтобы изд[атель] Вѣст[ника] сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній на письмо Смоленскаго Патриота, сказавъ, что пѣтъ никакой славы

1) Далѣе зачеркнуто: «Ты знаешь, что я долго занимался теоріею финансовъ».

2) Далѣе зачеркнуто: «и Венгерцами».

3) Край рукописи истлѣлъ.

и прибыли носить *свое* дурное сукно, когда мы можем носить чужое, которое стоит гораздо дешевле, и что деньги, употребляемые въ Россіи на издѣліе сукна, гораздо прибыльнѣе можно употребить¹⁾ другимъ образомъ, согласно съ теперешнимъ состояніемъ Россіи. Изд[атель] В[ѣстника] могъ бы въ нѣсколькихъ словахъ сказать, что государства²⁾ не могутъ и не должны стараться производить все нужное для внутренняго потребленія внутри своихъ предѣловъ; равно какъ и каждый частный человекъ (un individu) не дѣлаетъ для себя все для него нужное, но покупаетъ кафтанъ у портнаго, сапоги у сапожника, шляпу у шляпошника и т. д.

25 [іюня]. *St. Johanni*. Обѣдалъ въ □.

26. *Еще о Жюкондѣ*. Въ 6 № С[ына] От[ечества] читаю оправданіе приговора, сдѣланнаго объ оперѣ Жюкондѣ. Г. Гречъ продолжаетъ нападать на неблагопрістойность сей оперы. Изъ словъ его можно заключить, что Русскій театръ всегда по сіе время представлялъ публикѣ нравственныя піэсы и не долженъ быть оскверняемъ безнравственными. Но развѣ онъ позабылъ, что въ лучшихъ нашихъ комедіяхъ (напр. въ Бригадирѣ) примѣры развращенности, можетъ быть, представляются болѣе сильными, нежели въ Жюкондѣ? [По сію]³⁾ пору катонисмъ Г. Греча казался мнѣ несправедливымъ; но при чтеніи послѣднихъ строкъ о Жюкондѣ въ 6 № самъ Гречъ показался мнѣ весьма смѣшнымъ. Посмотрите на этотъ эпитафъ: *Vitam impendere vero!* помѣщеннымъ [sic] въ началѣ разсужденія — о Жюкондѣ!! Итакъ Г. Гречъ, разсуждая довольно плохо о Жюкондѣ, думаетъ, что онъ сражается еще съ опаснѣйшими врагами, нежели тѣ, коихъ побѣждалъ Кутузовъ, Багратионъ и т. д., и утверждаетъ *основаніе побѣды и славы Русскаго народа* — какъ скромно для журналиста!!

№ 7. *Проповѣдь о вѣчности*. Она есть начало безъ конца, пространство безъ предѣловъ, *жизнь безъ смерти*. Въ сію страну безсмертія вступаемъ мы вратами смерти! — Логика и ходъ рѣчи хороши. Проповѣдь сію читалъ я съ большимъ удовольствіемъ. Это самая умная піэса изъ всѣхъ №№ С[ына] От[ечества]. Сочинитель имѣетъ глубокой умъ, располагаетъ искусно и съ порядкомъ свои мысли. Слово сіе принадлежитъ къ весьма малому числу истинно хорошихъ Русскихъ сочиненій. Спасибо изд[ателю] С[ына] От[ечества] за помѣщеніе сего слова въ своемъ журналѣ. У насъ, къ сожалѣнію, очень мало читаютъ проповѣди. Но надобно вспомнить, что у насъ ничего такъ хорошо не пишутъ, какъ проповѣдей. Архіереи наши

1) Далѣе зачеркнуто: «на обработаніе другихъ предметовъ».

2) Далѣе зачеркнуто: «такъ, какъ и частные люди (*les individus*)».

3) Край рукописи испорченъ.

обыкновенно люди съ природнымъ умомъ и образованные чтеніемъ древнихъ классиковъ.

¹⁴/₂₆ *Юля. Нанси.* 7-го Юля пріѣхалъ я сюда. Образъ жизни куда мнѣ здѣсь очень нравится, особливо когда много работы, какъ, наприм[ѣръ], вчера: съ 8 утра писалъ я до обѣда и послѣ обѣда до 8 часовъ. Изъ полученныхъ вчера писемъ я съ удовольствіемъ читалъ 2 письма Ермолова: видно, что у него много логики въ головѣ; пишетъ хорошо, ясно и коротко. Я старался и отвѣтить ему лучше, нежели обыкновенно.—Я живу хотя и не въ хорошей квартирѣ, но окошки въ садъ. Съ начала я по вечерамъ, возвратившись домой, послѣ дневныхъ хлопотъ, смотрѣлъ на садъ, на луну и думалъ. Но, при всѣхъ этихъ выгодахъ для размышленія, я хочу перемѣнить квартиру.

Странно положеніе Франціи! Трудно, весьма трудно положеніе Короля. Я думаю, что для теперешняго правительства Франціи нѣтъ ниаго средства, какъ управлять народъ роялистами и строгостію. Много безпкойныхъ умовъ, мало приверженцевъ къ Бурбонамъ.

²⁷/₈ *Сентября.*
Октябръ. Сегодня уѣхалъ Алопеусъ. Такимъ образомъ служба моя въ Нанси совершенно кончилась. Но пріятно даже уже и теперь мыслить мнѣ о проведенномъ мною здѣсь времени—безъ заботъ, спокойно и пріятно. Сожалѣю, что я не писалъ въ этой книгѣ. Но здѣшнее мое пребываніе слишкомъ запечатлѣно въ моей памяти, чтобы остаться для меня незабвеннымъ предметомъ вѣчныхъ воспоминаній. Время было проведено *ohne Sturm und mit Ruhe*. Сначала было много и работы. Подъ конецъ работа исчезла, но въ такомъ (почти) бездѣйствіи непріятно было бы жить, если бы оно продолжилось болѣе нѣсколькихъ дней. Я не надѣюсь никогда такъ пріятно пожить по службѣ, въ особенности когда вспомню о Петербургѣ. — Доказатель[ствомъ] ¹⁾ нескучнаго житья можетъ, какъ я замѣчаю, служить и то, что я почти никогда не писалъ въ этой книгѣ; напротивъ того, пробывши въ Франкфуртѣ нѣсколько дней, написалъ уже я въ этой книгѣ нѣсколько страницъ.

Мое пребываніе въ Парижѣ въ послѣдній разъ не замѣчательно, однакоже я бы могъ, будучи тамъ, записать нѣсколько любопытныхъ или занимательныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ мною въ Парижѣ теперь, по сравненію съ прежними временами, когда я тамъ былъ. Могъ бы замѣтить удовольствіе, чувствуемое мною, когда я видѣлъ Тальму. Также и вечернія прогулки по бульварамъ имѣли бы свое мѣсто въ журналѣ. Разговоры съ якобинцами или съ конституціонными. Но наконецъ меня тамъ нѣтъ, и я

1) Край рукописи испорченъ.

опять здѣсь. Возвратившись сюда, нашель я здѣсь жену Алопеуса: премилая и прекрасная женщнна.

О тихая жизнь! Часто думаю я теперь, что, не будучи въ состояніи дѣлать того, чего хочетъ сердце и разумъ, — ты еще рождаешь утѣшеніе и надежду въ душѣ моей! Но тихая [жизнь]¹⁾ не вездѣ возможна.

15 [октября]. Скука нападаетъ на меня. Вчера уѣхала отсюда М^{ме} Алопеус. Вчера же Барановъ и Багрѣевъ. Я совершенно одинъ остался. Сушковъ съ женою здѣсь, но все не то. Съ удовольствіемъ бы уѣхаль отсюда, естлибы братъ не долженъ былъ быть сюда. Франкфуртъ представляеть мнѣ скучную будущность, вдали же показывается П[етер]бургъ, не представляющій почти никакой отрады, но много скуки, неприятностей и горести! Что дѣлать? Не знаю и знать не могу. *Vollentem* . . .

Былъ теперь въ театрѣ. Давали Весталку, но очень плохо.

17 [октября]. *Вечеръ*. Пора, пора ѣхать изъ Нанси. Скука и бездѣйствіе тяготитъ меня. Завтра, можетъ быть, поѣду въ Мець съ Муравьевымъ. Утро можно безъ скуки провести дома, можно ѣздить верхомъ. Послѣ обѣда, какъ по должности, можно быть въ театрѣ; но [око]нчить¹⁾ день не могу безъ скуки. Сверхъ того тяжело и день проводить безъ малѣйшей пріятности. М^{ме} Алопеус, по крайней мѣрѣ, услаждала вечера. Все это шло, а прежде еще лучше, хотя и безъ нее. Но теперь, теперь!! Странно: скука будущности представляеться мнѣ въ особенности тогда, когда я чувствую скуку въ настоящемъ. Во дни пріятные будущее меня мало занимаетъ и никогда не беспокоитъ. Потому-то, можетъ быть, щастливые не мыслятъ о несчастныхъ; потому-то и *сытъ голоднаго не разумѣетъ*. Теперь 10-й часъ въ началѣ, а я не знаю, что дѣлать; доказательство сему, что пишу въ зеленой моей книгѣ. Ее могъ бы я назвать книгою скуки. Сей часъ сдѣлаю сію надпись²⁾. Пусть черезъ нѣсколько лѣтъ служить она термометромъ препровожденія времени. . . . Писавъ сей часъ заглавіе, я обернулъ листъ и нашель: «*Скука одна* . . .» слова, написанныя въ самомъ началѣ еще въ Франкфуртѣ. Итакъ куда ни взглянешь — вездѣ скука.

18 [октября]. *Утро*.

«Il faut autant de majorats qu'il doivent [sic] y avoir de membres dans la chambre des pairs. Hors delà, l'établissement des majorats ne produit que du mal, parcequ'il tire de la circulation un grand nombre d'immeubles sans aucun bien réel».

Censeur: T. V. p. 20.

1) Край рукописи испорченъ.

2) См. выше, стр. 265.

Это можетъ быть хорошо въ Россіи въ другомъ отношеніи, а именно въ отношеніи перемѣнъ законовъ о наслѣдствѣ.

19 [октября]. Начать должно введеніемъ законовъ, оставивъ неопредѣленнымъ состояніе крѣпостныхъ людей и предоставивъ Правительству право опредѣлить отношеніе крѣпостныхъ людей тогда, когда они будутъ вольными.

Послѣ сего должно слѣдовать образованіе внутренняго и въ особенности земскаго управленія. Когда въ слѣдствіе сего должности Губернаторовъ и Кап[итанъ]-Исправниковъ будутъ заняты порядочными людьми, тогда предоставитъ богатымъ дворянамъ приобрѣтать права Перовъ освобожденіемъ своихъ крестьянъ. Какую прекрасную славу Русскіе Вельможи симъ заслужить могутъ! — Чрезъ то богатые люди соединятся съ Правительствомъ для достиженія великой цѣли общаго освобожденія.

Все это надлежитъ дѣлать постепенно и такъ, чтобы одно предпріятіе не казалось неотмѣнно влекущимъ за собою другое. Въ особенности не нужно терять *ни мало* самодержавной власти прежде уничтоженія рабства. Перы не ограничать ее, но усилить.

Я рѣшился выѣхать отсюда послѣ завтра. Сергѣй, видно, долго еще сюда не будетъ, а мнѣ нечего здѣсь дѣлать. Прости, Нанси! Я жилъ здѣсь пріятно и спокойно; подъ конецъ конечно скучно. Франкфуртъ представляется мнѣ во всей своей скукѣ; это заставляетъ меня думать, что я обманусь, можетъ быть, въ своемъ ожиданіи; хотя и не вижу средствъ провести тамъ время безъ большой скуки.

Франкфуртъ.

2 Ноября. Четвертаго дня пріѣхалъ я сюда. Съ Франціею простился равнодушно — также въѣхалъ и въ Германію. Многое только, принадлежащее къ спокойствію и пріятности въ путешествіи, напр. ѣзда, постели, проворство служителей, — заставляло меня въ Германіи вспоминать Францію.

Франкфуртъ мнѣ въ самомъ существѣ своемъ не нравится. Я нашель здѣсь нѣсколько Русскихъ и живу нескучно. Дѣлъ еще не начиналъ: хочу ихъ скорѣе кончить и ѣхать въ Россію.

15 Ноября. Среда.

Большой скуки я здѣсь еще не испыталъ или даже могу [сказать] ¹⁾, что я и совсѣмъ не знаю здѣсь скуки. Утро сижу дома. Обѣдаю съ Старынкев[ичемъ] и другими. Вечеръ въ театрѣ или съ Стар[ынкевичемъ] у Ро-

1) Край рукописи испорченъ.

зена. Вчера давали Весталку. Эта музыка, при здѣшнемъ оркестрѣ, и порядочное пѣніе М^{ме} Sessi, восхищая душу въ самую минуту наслажденія, оставляютъ и послѣ сего пріятное впечатлѣніе, веселящее сердце и умъ. Подобно источникамъ свѣжей воды, кои находятъ странникъ посреди пространныхъ пустынь, такая музыка питаетъ душу, оживляетъ силу воображенія и примиряетъ странника съ путешествіемъ — въ здѣшній театръ.

До газетъ я теперь не такой охотникъ, какъ прежде. Читалъ вчера Мюратовы прокламаціи Неаполитанцамъ. Какая глупая пародія Наполеона!

Я замѣтилъ, что съ нѣкотораго времени мнѣніе мое относительно Германіи и Нѣмцевъ очень перемѣнилось. Мнѣ теперь кажется, что подлинно мудрено изъ нихъ сдѣлать что-нибудь порядочнаго и прочнаго. Даже уже о Россіи мнѣнія мои не такъ быстры, не такъ точны. Я всегда опасался сей послѣдней перемѣны въ моемъ мнѣніи — какъ назвать ее: Les avantages ou suite de l'age, т. е. ослабленіе силы душевной или слѣдствіе болѣе созрѣлаго ума? — Не знаю. —

.....¹⁾ de Censeur. Мнѣніе его о единствѣ министерствъ справедливо.....¹⁾ что у насъ и теперь будетъ полезно имѣть перваго министра для сохраненія единства какъ въ цѣли, къ которой стремится Правительство, такъ и въ средствахъ достиженія оной. У насъ всего лучше, кажется, имѣть первымъ Министромъ Министра внутреннихъ дѣлъ, разпространивъ сіе министерство. Госуд[арственный] Контролеръ однакоже можетъ быть независимъ.

24 [ноября]. *Пятница. Нанси.* Вотъ уже четвертый день, какъ я въ Нанси. Нещастія Французовъ, подлое высокомеріе и неблагодарность Нѣмцевъ показываютъ добрыя качества первыхъ въ выгодномъ видѣ. Въ театрѣ ихъ бываю съ удовольствіемъ; живость ихъ нравится. Столъ заставляеть досадовать на Нѣмцевъ.

16 *Декабря.* Я опять въ Нанси со вчерашняго дня. Былъ въ Парижѣ; ничего замѣчательнаго тамъ не видалъ, кромѣ сужденія Нея. Обѣдалъ хорошо; жилъ не скучно. Наслаждался ежедневно театрами, въ особенности восхищался балетомъ. Одно только пропустилъ — не видалъ Тальмы и комедіи.

Парижъ показался мнѣ теперь весьма унылымъ. Въ Palais Royal пусто, но вѣроятно отъ зимы. Театры не полны. Жители казались мнѣ печальными.

Нанси наводитъ на меня уныніе. Вообще я бы ни за что не согласился

1) Край рукописи истлѣлъ и недостаетъ по одному слову.

остаться во Франціи; развѣ бы нѣкоторые обстоятельства и п[ожалуй]¹⁾ пріятности жизни — пріятности, [суще]ствующія¹⁾ въ Парижѣ болѣе, нежели гдѣ нибудь, — могли меня заставить согласиться. Но желаніе испытать быть полезну въ Россіи — все превозмогаетъ.

29 Декабря. Франкфуртъ. Вотъ уже дней съ 10, какъ я опять здѣсь. Живу я здѣсь безъ скуки, но и безъ малѣйшаго удовольствія. Къ непріятностямъ здѣшней жизни относится и раное [sic] время обѣда. Краткость утра вредитъ занятіямъ и апетиту. Утро сижу дома. Послѣ обѣда иногда выѣзжаю верхомъ, иногда въ казино играю въ биліардъ и читаю газеты. Вечеромъ всегда почти у Розена. Тутъ играю иногда въ банкъ — это занимаетъ меня и развлекаетъ. Вчера игралъ въ бостонъ, но несчастливо. Въ театръ хожу рѣдко. Третьяго дня однакоже видѣлъ Разбойниковъ: эта піеса очень мнѣ нравится: мало искусства, но много натуры. Роль Карла Моръ весьма благодарна и заставляетъ любить званіе актера. Шиллеръ, кромѣ своего достоинства, какъ поэтъ и ученый, заслуживаетъ и тѣмъ еще благодарность своихъ соотечественниковъ, что онъ, т[акъ] ск[азать], облагородствовалъ недостатки, свойственные Нѣмцамъ; *пороки ихъ сдѣлалъ онъ добродѣтелями.*

[Иностр]анцы¹⁾ упрекаютъ Нѣмцевъ въ нѣкоторой роскоши мрачнаго и неестественнаго воображенія; оно рождаетъ странныя соображенія, чудовищныя лица — это правда. Но возьмите Шиллера — и вы будете наслаждаться сими чудными произведеніями: воображеніе его преобразуетъ сихъ чудовищей [sic] въ идеалы прекраснаго и великаго. — Иногда разумъ не соглашается съ тѣмъ, что глаза видятъ, но сердце всегда біеніемъ своимъ доказываетъ ту симпатію, которая существуетъ между вашею чувствительностію и воображеніемъ автора. Такъ сильное воображеніе можетъ парить выше правдоподобнаго и естественнаго; но еслии воображеніе происходитъ не отъ холоднаго разсудка, но отъ чувствъ сердечныхъ, то оно всегда будетъ понятно сердцу человѣческому, подобно тому чистому чувству любви къ отечеству, которое усиливается²⁾ съ отдаленіемъ.

30 Декабря. Когда я размышляю, то это всегда о Россіи, [желая]³⁾ улучшить состояніе простаго народа. Между прочимъ мнѣ кажется, что съ частію контрибуціи можно что-нибудь сдѣлать въ пользу крестьянъ (кромѣ того, что можно сдѣлать для возвышенія курса ассигнацій), а имянно: можно употребить часть сей контрибуціи на учрежденіе нѣсколькихъ провинціаль-ныхъ заемныхъ банковъ для ссуды мѣлкихъ суммъ. Покупка крестьянъ

1) Край рукописи истлѣлъ.

2) Въмѣсто этого слова было сперва написано: сильнѣесть.

3) Здѣсь край рукописи истлѣлъ.

отъ помѣщиковъ приближаетъ также къ предполагаемой цѣли. Для сего можно учредить общество или комитетъ изъ людей безкорыстныхъ и желающихъ жертвовать собою общей пользѣ. (Присовокупить къ нимъ одного умнаго кушца съ нѣкоторыми Бухгалтерами). Этотъ комитетъ будетъ дѣлать займы въ чужихъ краяхъ (въ Голландіи) съ поручительствомъ или именемъ Правительства. На занятія суммы будутъ покупаемы деревни отъ помѣщиковъ. Можно надѣяться или быть увѣрену, что доходъ съ купленныхъ земель будетъ превосходить проценты съ занятыхъ капиталовъ. Самые высокіе проценты составляютъ теперь 5 (можно занимать съ низшими). Доходъ съ земель можно полагать — 6, 7, 8%. — Итакъ, положимъ проценты по 5., доходы по 8%. Занято 100.000 руб.

*Не надобно забывать выгоды, состоящей въ томъ, что рубль имѣеть бѣльшую дѣйствительную цѣнность внутри государства, нежели въ чужихъ краяхъ. 100 руб. = 90 фр. Заемъ будетъ во франкахъ. На сто фр[анковъ], полученныхъ въ Голландіи, можно имѣть въ Россіи болѣе, нежели сто руб.

..... 1) 100.000 руб.	{ Проценты =	5000 руб.
..... 1) за 100.000	{ Доходы =	8000

Въ 17 лѣтъ заплатится, кромѣ процентовъ, капиталу — 51.000. Въ 33³/₄ года выплатится весь капиталъ.

Можно предвидѣть много средствъ для ускоренія выплаты капитала. Иногда крестьяне могутъ антисипировать въ платежѣ доходовъ, и таковая антисипація будетъ имъ вмѣняема въ выгоду. Если они заплатятъ $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ суммы вдругъ или, что все равно, если они заплатятъ подати свои за нѣсколько лѣтъ впередъ, то тогда выигрываютъ проценты; и въ такомъ случаѣ, если они заплатятъ подати за 5 лѣтъ впередъ, то ихъ можно освободить отъ оныхъ на 6; если заплатятъ за 10, то [освободить отъ оныхъ] на 12 [лѣтъ] или, если расчеты позволяютъ, и болѣе. — Легко быть можетъ даже, что сами крестьяне захо-

	1816 [годъ]	3000
--	-------------	------

	1817	3000
--	------	------

	1818	3000
--	------	------

	1819	3000
--	------	------

	1820	3000
--	------	------

	1821	3000
--	------	------

	1822	3000
--	------	------

	1823	3000
--	------	------

	1824	3000
--	------	------

	1825	3000
--	------	------

	1826	3000
--	------	------

	1827	3000
--	------	------

	1828	3000
--	------	------

	1829	3000
--	------	------

	1830	3000
--	------	------

	1831	3000
--	------	------

	1832	3000
--	------	------

		51.000
--	--	--------

1) Край рукописи испорченъ.

тятъ откупиться, или что найдутся арендаторы (не въ теперешнемъ подломъ смыслѣ сего слова), кои согласятся платить болѣе нежели положенные 8%. Само собою разумѣется, что крестьяне въ такомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, будутъ управляемы по правиламъ, начертаннымъ Правительствомъ; ихъ обязанности, равно какъ и права помѣщиковъ будутъ подъ покровительствомъ и надзоромъ законовъ. Можно даже употр[еблять]...¹⁾ деревни въ видѣ наградъ, которыя Императоръ даетъ...¹⁾). Въ такомъ случаѣ всѣ обязанности займа переходятъ на...¹⁾ такое имѣніе помѣщика. Выгоды сего послѣдняго очевидны: въ самомъ неудачномъ случаѣ опъ имѣеть увѣреніе пользоваться имѣніемъ черезъ 30 лѣтъ. Такимъ образомъ Правительство можетъ дотировать сими имѣніями общепользныя заведенія. Награды и дотаціи будутъ существовать въ дѣйствительности, Правительство ничего не теряетъ. Крестьяне переходятъ въ свободное состояніе непримѣтнымъ образомъ и безъ малѣйшаго ущерба для кого-либо. Продавшій ихъ помѣщикъ имѣеть денежный капиталъ; употребить ли онъ его въ торговлю, въ мануфактуры — Государство выигрываетъ. Если онъ захочетъ купить новое недвижимое имѣніе, то тогда законъ, — который Правительство должно издать и который долженъ установить: «что каждое недвижимое имѣніе съ крестьянами, которое перейдетъ съ такого-то года (съ 1817) въ другія руки, не иначе можетъ быть управляемо, какъ по установленнымъ правиламъ» — негативное средство, ведущее къ освобожденію крестьянъ и на которое никто не можетъ и не будетъ жаловаться — тогда сей простой, тихой, нравственной законъ дастъ сему капиталисту, вмѣсто бывшихъ у него рабовъ, людей свободныхъ. Различные обороты могутъ родить новые...²⁾ предлагаемаго средства. Вреда, ущерба,²⁾, неудачи — существовать не можетъ. Сіе послѣднее доказывается математически. Вотъ какія дѣйствія можетъ имѣть возрастающее состояніе Россіи для ея гражданъ! Нѣкоторые удивятся симъ дѣйствіямъ. Но доказательства легки: Россія идетъ впередъ, идетъ скорѣе, нежели тѣ государства, откуда будутъ почерпаемы средства для предлагаемаго оборота. Это ясно: въ Россіи поденщикъ выигрышемъ одного дня живетъ болѣе, нежели въ Голландіи такой же поденщикъ такимъ же выигрышемъ.

31 Декабря.

Не помню, писалъ ли я уже въ сей книгѣ о негативныхъ средствахъ освобожденія крестьянъ. Онѣ часто представляются и легки въ исполненіи.

1) Здѣсь край рукописи истлѣлъ.

2) Край рукописи истлѣлъ, и потому исчезло нѣсколько словъ.

Напр[имѣръ], отдѣленіе крестьянина отъ земли дѣлаетъ его совершенно свободнымъ (это средство еще самое строгое изъ прочихъ). Такимъ образомъ помѣщики или совсѣмъ не будутъ брать крестьянъ къ себѣ во дворъ, или будутъ брать людей, которымъ будутъ за службу ихъ платить. —

[1816 годъ].

7 Января 1816 года. 1 часъ по полуночи. Съ 12 часовъ начался на улицахъ большой шумъ и еще продолжается. Народъ ходитъ по улицѣ взадъ и впередъ, кричить во все горло: *prosit Neu-Jahr!* Мальчишки отличаются [въ]¹⁾ привѣтствіи новаго года. Чему всѣ они рады: про[шед]шему¹⁾ или будущему? — Ни то, ни другое: они радуются настоящему, наслаждаются минутою праздника. Таковы люди: они могутъ веселиться безъ причины. Есть причина радости при пріятномъ извѣстіи или происшествіи. Но тутъ они радуются 12-ти часамъ ночи; а удары часовъ слышатъ они повседневно. Мудрено предопредѣлить въ абстракціи, что въ такой-то день, въ такой-то часъ буду я веселъ, буду радъ, и сіе безъ всякой посторонней причины! Между тѣмъ въ дѣйствительности точно сіе бываетъ.

Въ одну изъ послѣднихъ ночей былъ здѣсь пожаръ. Шумъ на улицѣ былъ великъ, но теперь болѣе.

Смотря на веселіе народное, я всегда ощущаю что-то жалостно-пріятное. Мнѣніе мое о веселящихся всегда бываетъ тогда въ ихъ пользу. Сожалѣю о тѣхъ, кои въ семъ не принимаютъ участія.

*1 Января. 11 утра*²⁾. Надобно правительству подумать о составленіи *земскаго уложенія*, по которому бы крестьяне имѣли такую же юрисдикцію, какъ и другіе классы народа. Изъ сихъ выгодъ не должны быть исключены крѣпостные, какъ сіе само собою разумѣется.

[Ком]миссіи³⁾ составленія законовъ можно сдѣлать много хорошаго и полезнаго. Законодательство дѣло не невозможное. Ускоряя различными простыми средствами ходъ онаго, правительство вмѣстѣ симъ должно дѣйствовать для лучшаго образованія внутренняго управленія Государства. Должно переимѣнить существо Губернаторовъ и въ особенности земскихъ чиновниковъ. Когда сіи послѣднія переимѣны будутъ произведены въ дѣйство съ успѣхомъ, то тогда, и только тогда и отъ улучшенія состоянія крестьянъ можно будетъ ожидать важныхъ выгодъ для Государства. Прежде, нежели

1) Край рукописи испорченъ.

2) Здѣсь въ рукописи поставленъ особый знакъ, указывающій, что нижеслѣдующая запись должна служить продолженіемъ вышеописаннаго проекта освобожденія крестьянъ.

3) Край рукописи испорченъ.

все сіе будетъ приведено въ порядокъ, нельзя думать о конституціи, ни о репрезентаціи народной.

3 Января. 1816. Вчера по обыкновенію читалъ я книгу, легши спать. Книга была сей случай: de l'Allemagne par Mme Stäel. На 43 страницѣ II-го тома, при разборѣ Донъ Карлоса, былъ я весьма обрадованъ слѣдующимъ мѣстамъ:

«C'est un beau moment que celui où le Marquis de Posa, n'espérant plus échapper à la vengeance de Philippe II, prie Elisabeth de recommander à Don Carlos l'accomplissement des projets qu'ils ont formés ensemble pour la gloire et le bonheur de la nation Espagnole. «Rappelez — lui, dit-il, quand il sera dans l'âge mûr — rappelez — lui qu'il doit porter respect aux rêves de sa jeunesse». En effet, quand on a¹⁾»

Respect aux rêves de sa jeunesse—прекрасное, благородное выраженіе! Я давно уже замѣтилъ, что опытность часто останавливаетъ стремленіе къ добру. Я дорого бы заплатилъ, еслибъ кто-нибудь съ добрымъ намѣреніемъ показалъ этотъ пассажъ Императору. — Почему пожилые люди производили и производятъ великія дѣла? Потому что они сохраняютъ въ груди своей огонь молодости. Посмотрите на Штейна, поговорите съ нимъ: онъ и въ 20 лѣтъ отъ роду не могъ говорить иначе. — За то люблю я Лагарпа, что онъ молодъ въ своихъ мнѣніяхъ; отъ того происходитъ и его откровенность.

Мысль, заключающуюся въ эпиграфѣ, желалъ я выразить, когда въ моемъ послѣднемъ письмѣ къ брату гов[орилъ] я ему о Нов[осильцевѣ]: «дай Богъ, чтобы опытность не погасила въ груди его того пламени, которое озарило щастливѣйшую эпоху Россійской Исторіи — первые 5 лѣтъ царствованія Императора!»

Эту же мысль имѣлъ я, когда я замѣчалъ, что я нравственно старѣюсь. Я съ сердечнымъ сожалѣніемъ видѣлъ, что мечтанія молодости слабѣли [въ]²⁾ моемъ воображеніи, и предчувствовалъ, что наконецъ огонь погаснетъ, и опытность охолодитъ сердце и душу.

4 Января. Я думаю, что въ Россіи надобно стараться налагать сколько возможно менѣе податей на землю, для поощренія земледѣлія. На торговлю извѣстно [sic]. Нужда однакоже заставляетъ думать, что въ Россіи должно ввести поземельную подать. Подать сія не будетъ вредна для земледѣлія, еслили будетъ разпредѣлена на хорошихъ правилахъ, еслили не будетъ возрастать съ усовершенствованіемъ землепашества; и будетъ сверхъ того

1) Край рукописи истлѣлъ, и недостаетъ нѣсколькихъ словъ.

2) Край рукописи испорченъ.

весьма полезно, естьли замѣнить нѣкоторыя изъ взимаемыхъ нынѣ податей, напр[имѣръ], подушный окладъ. Поземельная подать можетъ быть легко введена въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ мужики или уже теперь свободны, или гдѣ освобожденіе будетъ разпространяться; такъ чтобы свободное состояніе крестьянъ вело за собою порядочное собираніе налоговъ. Съ людей, не имѣющихъ собственности, нельзя собирать налоговъ, конхъ вся выгода состоитъ въ томъ, что они сообразуются съ собственностію.

NB. Для лучшаго управленія коронными крестьянами полезно, можетъ быть, раздѣлить всѣ коронныя селенія на нѣсколько отдѣленій или округовъ, сообразуясь съ географическимъ положеніемъ. Каждый изъ сихъ округовъ будетъ порученъ Министромъ особенному отдѣленію въ его канцеляріи. Такимъ образомъ Министръ будетъ въ состояніи судить, въ которомъ изъ округовъ управленіе лучше; онъ можетъ сравнивать. Сіи выгоды исчезаютъ, еслии все управленіе раздѣлено по час[ти]мъ¹⁾. Въ семъ послѣднемъ случаѣ Министръ видитъ каждую отрасль управленія въ особенности и не можетъ сравнивать порядка и хода дѣлъ сихъ отраслей, ибо онѣ разнородны.

5 [*Января*]. Ganilh возстаеъ противъ податей при переходѣ имѣній изъ рукъ въ руки. Онъ справедливо замѣчаетъ, что онѣ падаютъ не на доходъ, а на капиталъ. Въ особенности онъ хулитъ сію подать, когда она взимается при принужденной продажѣ. Я думаю, что можно облегчить или уничтожить сію подать при продажѣ имѣній съ публичнаго торга или при конкурсѣ, дабы подать не причиняла болѣе вреда плательщику, нежели сколько ей убытка причинять позволено. Можно напротивъ того возвысить сію подать съ наслѣдствъ, достающихся дальнимъ родственникамъ, побочнымъ дѣтямъ въ особенности, съ даровыхъ имѣній, съ продажи отъ мужа женѣ и т. п.²⁾.

«Si l'on veut juger des progrès relatifs des divers gouvernements dans la science des finances, il suffit de comparer leurs contributions sur les capitaux».

Ganilh. Considérations sur
la situ[ation] financ[ière] de la France en 1816.

«En France les contributions sur les capitaux forment les cinquième partie de la contribution totale, tandis qu'en Angleterre elles n'en forment que la dix-huitième partie.

1) Здѣсь край рукописи истлѣлъ.

2) Вѣроятно къ этому мѣсту относится кусокъ бумажки, вложенный здѣсь, со слѣдующими словами: «О возвышеніи нал[оговъ] при переходѣ собственности отъ мужа къ женѣ».

En Angleterre les frais de la perception de l'impôt sur les consommations n'excedent pas 5 p[our] c[ent]. — Не думаю.

.....¹⁾ sur le revenu étant permanente, serait insupportable; mais comme impôt temporaire, il est de tous les impôts celui qui porte le moins d'atteinte à la richesse générale et particulière». Подать съ дохода, собранная въ 1812-мъ году въ Россіи, была, кажется, съ чистаго дохода, сколько я помню, и доходъ сей долженъ былъ быть объявляемъ самимъ плательщикомъ.

— Нельзя ли съ пользою приспособить систему залоговъ, кот[орые] чиновники даютъ во Франціи Правительству, къ управленію финансовъ въ Россіи, въ особенности относительно собиранія податей при ввозѣ и вывозѣ товаровъ на границѣ, т. е. относительно таможенныхъ чиновниковъ?²⁾

«Le crédit public quand il peut exister ne dépasse jamais la richesse disponible de chaque pays et aucun état ne peut emprunter au delà de cette portion de la richesse nationale. Ибо частные люди даютъ правительству займы только то, безъ чего они обойтись могутъ. L'emprunt volontaire *seul* donne la mesure de l'état de la richesse nationale.

7 Января.

Письмо, полученное мною сегодня послѣ обѣда изъ П[етер]бурга отъ брата, тяжело меня огорчило: я совсѣмъ инаго надѣялся при видѣ его. Такого труднаго произшествія очень давно уже со мною не случилось. По сію пору я не могу образумиться: оно меня поразило. Что дѣлать? Какъ возвратить его къ надеждѣ? Какъ поддержать его? Что дѣлать? Что ему писать, что совѣтовать? Ничто не спасаетъ человѣка отъ несчастій. И тогда, когда онъ объ нихъ и не думаетъ — судьба его поражаетъ и выводитъ изъ увѣренности. Почему люди къ несчастіямъ привыкнуть не могутъ? Почему я не имѣю въ жизни иной цѣли, кромѣ пустыхъ мечтаній? Почему я не могу отдѣлаться отъ жизни, въ которой не предвижу ни утѣшенія, ни отрады, а еще менѣе благополучія? — Мысли мои въ такомъ безпорядкѣ, какого я никогда или давно не чувствовалъ. Размышленіе заводитъ меня какъ будто въ лабиринтъ, изъ коего разумъ отказывается вывести сердце. Чувствованія слѣдуютъ одно за другимъ, но каждое болѣе и болѣе притупляетъ разсудокъ,

1) Край рукописи испорченъ.

2) Далѣе зачеркнуто карандашомъ слѣдующее: «Jamais le crédit public ne peut entrer en concurrence avec le crédit commercial et privé; et si cela était, ce serait une calamité publique, parcequ'alors le crédit public détournerait de leur destination les fonds nécessaires à la reproduction de la richesse annuelle et entraînerait l'Etat à une ruine inévitable: malheur qui n'arrive jamais... Для сего не излишне опредѣлить количество казенныхъ процентовъ».

давить сердце. Что дѣлать? Всему дѣлаю я вопросъ сей; но ничто отвѣчать мнѣ не можетъ. Будущность ничего не представляетъ. Прошедшее изторгается вздохи. Настоящее мучительно неизвѣстностію и невѣрное. Трудно не знать будущаго, но труднѣе не понимать настоящаго. — По полученіи несчастнаго извѣстія, я какъ будто остолбенѣлъ¹⁾. Пошелъ играть въ карты, пѣлъ. . . .²⁾ пѣсни, но веселость рождалась и умирала съ звуками голоса. Досада грызеть сердце; совершенная мрачность и неизвѣстность положенія затмѣваетъ воображеніе. Что дѣлать? — Не знаю, не знаю, не могу знать, нѣтъ силы знать. О, любезнѣйшій изъ людей! Прими совѣтъ отъ текущихъ слезъ моихъ! Такова жизнь; она — не для добрыхъ. Можетъ быть есть для избранныхъ міра сего другой міръ, другое отечество — еслили тотъ міръ лучше этого, то и тотъ лучше тамъ будетъ, нежели здѣсь. — Письмо твое дышетъ тихимъ, добрымъ духомъ; но духъ сей имѣетъ печать отчаянія.

Вотъ письмо, кот[ораго] каждая строка поворачиваетъ мою внутренность, уничтожаетъ разумъ и производитъ одни только горькія, горькія слезы: «Обстоятельства мои³⁾, милый другъ и братъ, перемѣнились» — ей Богу нѣтъ силы переписывать: пошлю его къ Сергѣю. Вотъ, скажу я ему, доказательство нашего съ тобою блаженства и несчастія: мы имѣемъ братомъ избранно рѣдкаго, но несчастнаго человѣка. Холодное отчаяніе въ благородномъ сердцѣ опаснѣе стѣнаний. Чего можемъ мы ожидать послѣ письма сего? Мысли мои становятся, такъ сказать, въ порядокъ, чтобы дать мѣсто ужасному предчувствію. — Не могу образумиться, не могу собраться съ духомъ. Полночь бьетъ, но спать или плакать? Сердце мое, часто твердое, не подвластно теп[ерь]⁴⁾. Рука дрожить. Я тяжело вздыхаю, а какъ тяже[ло]⁴⁾ онъ изнемогъ! Что я буду дѣлать? Что дѣлать д[ля]⁴⁾ него. Ахъ, несправедливъ онъ, если хотя на одну секунду усумнился въ сердечномъ моемъ желаніи жертвовать ему мною самимъ и всѣмъ. Неужели эта мысль когда-либо могла вмѣститься въ его головѣ? Нѣтъ! Прости! Но что пишу я? Я дрожу и нѣмѣю⁵⁾. Отъ чего такое ужасное положеніе? Но разумъ слабѣ сердца. —

О, письмо, стократъ любезное и стократъ ужасное! Я забылъ объ истинныхъ несчастіяхъ. Ты возвращаешь мнѣ скуку и меланхолію: съ ними никогда не долженъ былъ я разставаться! Привѣтствую васъ, строгія под-

1) Въ рукописи: остолбѣнелъ.

2) Край рукописи истлѣлъ, и одно слово исчезло.

3) Надъ этими словами приписано: 4 Декаб.

4) Край рукописи истлѣлъ.

5) Въ рукописи: немѣю.

руги, моей молодости! Я думалъ, что жить можно тихо, съ мечтаніями. Приходъ вашъ все разрушилъ. Возьмите жертву, обреченную вамъ судьбою. Но есть произшествія, кои васъ обезоружають: отчаяніе еще можетъ служить утѣшеніемъ не имѣющему надежды и потерявшему всѣ: отчаяніе да будетъ моею надеждою. Но каждый взглядъ на письмо опять меня разтрогиваетъ и давить, давить сердце.

[31 Дека]бря 1815. (Во время революціи Министръ дѣлалъ сіе предложеніе Королю). Der Plan bestand darauf, Tag und täglich die ersten Reisen der Tribunen durch 262 vertrautes Personen zu besetzen, deren Bezahlung fest bestimmt wird, nämlich für einen Anführer, der *allein* in Geheimniss ist, täglich 50 fr.; für einen Unteranführer vom ersten gewählt, 25 fr.; für Hotheadjuntanten von den beyden anführen; *die sich untereinander nicht kennen*, und den Auftrag haben, jeder 25 Menschen anzuwerben, und sie jeden Tag in die Versammlung zu führen, 10 fr. jedem, die 250 Menschen aber jeden zu 50.

Bhein. Merkur.

Выписку сію сдѣлалъ я по причинѣ тѣхъ словъ, кои я подчеркнул. Въ установленіяхъ о Нѣм[ецкомъ] Бундѣ также понялъ я, что принятые въ оный члены не должны знать другъ друга. Здѣсь въ мгновенныхъ предпріятіяхъ нашель я тоже.

Сегодня послѣдній день 815 года по ст. ст[илу].

— Вельма бы было полезно для общаго мнѣнія напечатать у насъ въ Россіи о состояніи рабства въ среднихъ вѣкахъ и о средствахъ, употребленныхъ къ уничтоженію онаго (см. написанное... [ка]рандашемъ)¹⁾. Наши дворяне увидѣли бы, что и въ самыя варварскія времена состояніе крестьянъ было лучше, нежели состояніе ихъ мужиковъ въ сіи просвѣщенные и въ особенности для Россіи столь славныя времена. Они бы увидѣли, что вездѣ умные и добрые и даже только что знающіе общую пользу Правительства стремились къ уничтоженію рабства. Это бы ихъ, можетъ быть, нѣсколько удостовѣрило, что рабское состояніе не такъ натурально, какъ они думали, и не такъ необходимо для благоденствія народнаго, какъ они воображали.

25 Января. М^{ме} Stäel хулить, что Вернеръ въ піисѣ 24 Февраля представилъ семейство простаго крестьянина, преслѣдуемое судьбою, такъ что въ каждомъ поколѣніи сего семейства есть злодѣи. Сравнивая сіе семейство съ Атридами, она говоритъ: «L'éclat du rang et la distance des siècles don-

1) Край рукописи истлѣлъ.

nent à la scélératesse elle même un genre de grandeur qui s'accorde mieux avec l'idéal des arts; mais quand vous voyez le couteau au lieu du poignard ce n'est pas le noble effroi qu' une tragédie doit inspirer».

[Разс]ужденіе¹⁾ сіе конечно справедливо. Но мнѣ кажется, что главноество¹⁾ обстоятельство состоитъ въ томъ, что при всемъ ужасѣ нельзя смотрѣть безъ состраданія на злодѣя постояннаго и воспитаннаго въ простомъ классѣ народа. Человѣколюбивое разсужденіе находитъ тьму предлоговъ, коими извиняется преступленіе простаго человѣка и въ особенности бѣдняка. Жаль, что М^{ме} Stael этого не чувствовала. Можетъ быть теорія вкуса отвлекла ее отъ сей мысли.

«Le fatalité des anciens est un caprice du destin; mais la fatalité dans le christianisme est une vérité morale sous une forme effrayante».

Въ «Congrès de Vienne» par Pradt много пустаго; но иногда безпристрастіе автора приводитъ его къ справедливымъ и умнымъ заключеніямъ.

«La guerre ne laisse jamais une nation où elle l'a prise, a dit Burne». «Pour rendre les peuples heureux il ne peut que dépenser peu et administrer le moins possible. Laisser faire et laisser passer, c'est à peu près à quoi se réduit tout l'art de gouverner».

Pradt. Т. II.

Мѣры, принимаемыя Прускимъ правительствомъ противъ патриотовъ, наполняютъ печалію душу каждаго благомыслящаго человѣка. Не таковыя мѣры должно принимать оно. Все это доказываетъ, что правительство сіе n'est pas à même de bien remplir son devoir. Правители не имѣютъ довольно силы и ума, чтобы воспользоваться духомъ времени. Они ему противятся, но будутъ жертвою его.

29 Января. Всѣ постоянныя мои мысли устремлены на [рабство]¹⁾. Я начинаю удостовѣрять себя, что думая безпрестанно о средствахъ улучшить состояніе отечества и соотечественниковъ, относя всѣ произшествія къ обстоятельствамъ своей земли и имѣя впрочемъ чистыя намѣренія, я начинаю вѣрить, что при столь пламенномъ и твердомъ желаніи сдѣлать что-нибудь полезное для отечества, нельзя сего не сдѣлать при удобныхъ обстоятельствахъ, т. е. имѣя на то случай. Я не могу думать, чтобъ человѣкъ могъ такъ сильно, такъ постоянно желать дѣйствовать такимъ образомъ, каковымъ онъ дѣйствовать не можетъ.

«England möchte gern auch mächtig in Deutschland stehen und es in

1) Край рукописи истлѣлъ.

einer Abhängigkeit erhalten, dass es sich ein in eigener Freyheit beengen könne. Und wie schlecht erscheint es und mit welchem kleinlichen und unerschienten Gnitze tritt es bey uns auf, wenn man es mit dem Kayser Alexander von Russland vergleicht! Dieser hat Oeime und Schwäger und Vettern und Schwestern, welche auf deutschen Fürstenthronen sitzen; aber er hat seinen Ruhm lieber gehabt als seine Sizzschaft und für sie nicht um Land und Volk gemäkelt und geworben. England eingegen mit welhem plumpen Eigennutzen...».

Ueber Preussens-Rheinische Merk[ur].

Приписывается Арндту и на него похоже.

За что нѣмецкіе самодержцы и ихъ прихвостни сердятся на такихъ писателей? За что ненавидятъ они свободную мысль, свободное слово? Неужели точно думаютъ они, [что эт]и¹⁾ патриоты желаютъ только что хулить?—Нѣтъ. Эти самодержавные или хотящіе быть таковыми эгоисты и челядь ихъ не знаютъ сердца человѣческаго! Лучше и сладостнѣе хвалить, нежели хулить. Да и опытъ сіе доказываетъ. Почему Нѣмецкіе патриоты хвалятъ нашего Александра болѣе, нежели всѣхъ властелиновъ вмѣстѣ?

30 [Января]. Между прочимъ снилось мнѣ сегодня, что Гос. и братъ разводятся съ своими женами — а одинъ изъ нихъ даже еще и не женатъ. Этотъ сонъ меня поразилъ ночью, и потому я его записываю.

Вчера было холодно, сегодня тоже. Погода прекрасная. Я вчера передъ обѣдомъ ѣздилъ верхомъ, и прогулка сія была для меня весьма пріятна, тѣмъ болѣе что я уже давно, отъ дурной погоды, не могъ ѣздить верхомъ.

31 [Января]. Вчера всѣ мы обѣдали здѣсь (въ R[ö]mischer] K[ayser]). Послѣ обѣда Розенъ со свитою и Габбе поѣхали въ путь. Мы провожали ихъ до Ганау. Тамъ ночевали и сегодня возвратились въ Франкфуртъ. Я чувствую нѣкоторую скуку послѣ сихъ прощаній. Сіе чувство скуки есть вѣроятно предчувствіе большей. У Розена мы собирались ежедневно и проводили время спокойно и иногда пріятно. Юнига въ особенности жаль. Доброй малой. Иногда и Мильхенъ была очень забавна. Погода ка[къ вчера]²⁾, такъ и сегодня была прекрасная. Въ Ганау мы по о[бык]²⁾новенію играли въ 21. Ужинали, пѣли пѣсни Русскія. Боркъ забавлялъ насъ своею веселостію и болтовствомъ. — Былъ на фабрикахъ — не нашель ни одной табакерки, которая бы мнѣ особенно понравилась.

Въ Ганау видѣли мы Гессенскихъ солдатъ при пудрѣ.

1) Край рукописи истлѣлъ.

2) Край рукописи испорченъ.

3 *Февраля.*

... J'en ai tiré cette grande maxime de morale, la seule peut-être d'usage dans la pratique, *d'éviter les situations qui mettent nos devoirs en opposition avec nos intérêts et qui nous montrent notre bien dans le mal d'autrui*; sûr que dans de telles situations quelque sincère amour de la vertu qu'on y porte, on foiblit tôt ou tard sans s'en appercevoir, et l'on devient injuste et méchant dans le fait, sans avoir cessé d'être juste et bon dans l'âme.

Confessions de J. J. R(ousseau).

... Si nous voulions être toujours sages, rarement aurions nous besoin d'être vertueux.

Id[em].

— 7 час. вечера. Вчера и нынѣ провожу я день въ уединеніи. Встаю; утромъ пишу. Схожу въ низъ обѣдать. Возвращаюсь въ мою комнату. Читаю до 7 или 8 часовъ. Потомъ иду въ Casino читать газеты. Безпрестанное уединеніе всегда бываетъ для меня сопряжено съ нѣкоторою грустію. Надобно скучать. Итакъ я рѣшился на то. Новаго въ скукѣ для меня ничего нѣтъ. До сихъ поръ я не жилъ такъ въ Франкфуртѣ; и потому теперь тѣмъ болѣе чувствую тяжесть настоящаго положенія. Все это дѣйствуетъ сильно на разположеніе духа, и я замѣчаю, что я въ мысляхъ, поступкахъ и даже въ наружномъ видѣ имѣю нѣчто меланхолическое. Никогда это не перемѣнится. Я теперь часто думаю о П[етер]бургѣ, но почти всегда съ нѣкоторымъ ужасомъ. Что тамъ меня ожидаетъ? Старая скука, старая меланхолія, старое отчаяніе, безъ надежды на перемѣну! — Я читаю теперь 1. ч[асть] des Confessions de Rousseau. Такое чтеніе не помогаетъ разсѣянію или развеселенію духа. Вообще подлая жизнь становится мнѣ безъ мѣры гадкою и несносною. Вижу и удостовѣряюсь, что ничего хорошаго и прекраснаго сдѣлать нельзя. А жить безъ этой надежды значитъ проклинать жизнь. Гдѣ утѣшеніе? Гдѣ цѣль жизни? — Но пойду въ Casino. Мнѣ самому надоѣло безпрестанно ссориться съ судьбою, безъ всякаго упованія на успѣхъ сей ссоры. — Все горше идетъ, все въ томъ же видѣ мнѣ представляется, какъ всегда сіе было и какъ всегда, вѣроятно, будетъ.

5 *Февраля.*

... Pourquoi faut-il qu'ayant trouvé tant de bonnes gens dans ma jeunesse, j'en trouve si peu dans un âge avancé? Leur race est-elle épuisée? Non, mais l'ordre des gens où j'ai besoin de les chercher aujourd'hui n'est

plus le même où je les trouvois alors: parmi le peuple, où les grandes passions ne parlent que par intervalles, les sentiments de la nature se sont plus souvent entendre; dans les états plus élevés, ils sont étouffés absolument et. . .¹⁾ du sentiment, il n'y a jamais que l'intérêt ou la vanité qui p[ar]lent¹⁾.

Confessions.

Давно уже я замѣтилъ, что между простыми людьми гораздо болѣе хорошихъ и добрыхъ людей, нежели между людьми, принадлежащими къ высшимъ классамъ. Это замѣчаніе Руссо для меня пріятно.

Руссо въ Confessions говоритъ, что однажды въ своемъ путешествіи изъ Парижа онъ заблудился и зашелъ пристать въ одну избу, съ вида весьма бѣдную, которая была въ томъ мѣстѣ единственною. Попросилъ у хозяина обѣдать. Сей послѣдній далъ ему молока и овсянаго хлѣба. Руссо ѣлъ съ аппетитомъ. Хозяинъ, видя сіе, сказалъ ему, что онъ удостоверяется въ истиннѣ его положенія и не думаетъ, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе ему измѣнить; послѣ чего вынесъ своему гостю изъ какого-то погреба хорошаго хлѣба, вятчины и вина. Руссо отобѣдалъ съ удовольствіемъ; но когда Руссо хотѣлъ хозяину заплатить, то безпокойство сего послѣдняго вновь показалось, и онъ съ смущеніемъ отказывался отъ денегъ. Руссо ничего не понималъ. Enfin il prononça en frémissant ces mots terribles de commis et de rats-de-cave. Il me fit entendre qu'il cachoit son pain à cause de la taille, et qu'il seroit un homme perdu si l'on pouvoit se douter qu'il ne mourût pas de faim...Cet homme n'osoit manger le pain qu'il avoit gagné à la sueur de son front.

. . . .¹⁾ *Феврала*. Бетманъ присылалъ опять звать меня обѣдать. Незадолго предъ симъ я обѣщалъ быть, да не былъ. Теперь, нечего дѣлать, пойду. Баденскаго посланника Берштета, послѣ различныхъ переговоровъ, заставили выйти изъ Казино за то, что онъ былъ въ сапогахъ. — За ужиномъ говорю я часто съ Нѣмцами о Политикѣ. Каждый день новые слухи. Вчера говорили, что Баварцы берутъ Франкфуртъ. Сегодня говорятъ, что Австрійцы заняли Зальцбургъ и Inviertel. Потомъ сказываютъ, что Баварцы получаютъ Ганау. Благоразумные думаютъ, что это вѣроятно, ибо Австрійцамъ легче удовольствоваться Баварцевъ чужимъ имуществомъ, нежели своимъ. Между тѣмъ Баденцы узнаютъ, что Австрійцы рѣшаются вознаграждать Баварцевъ также и частію Баденскихъ владѣній. Посланники Великаго Герцога отправляются въ Миланъ. Довѣренная особа ѣдетъ въ П[етер]бургъ въ сопровожденіи профессора Клюбера. Нужно очень знать для Россіи, какъ

1) Край рукописи истлѣлъ.

межуются нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ Дистриктовъ. Бѣдная Teutschheit отъ этого страдаетъ. Патріоты лишаются надежды; духъ имъ [sic] слабѣеть. Въ сіе же время Баварское правительство наполняетъ газеты адресами отъ различныхъ частей своихъ владѣній, въ коихъ жители увѣряютъ Короля въ своей привязанности, клянутся жертвовать всѣмъ на пользу Короля, отечества и для независимости или поддержанія ихъ (Баварской) національности. Вотъ Scandal, котораго Нѣмецкіе патріоты снести почти не могутъ. Между тѣмъ какъ сіи увѣряютъ себя, своихъ земляковъ и Европу, что Teutschheit не одна только пустая идея; что Нѣмцы начинаютъ чувствовать, что прежде нежели они должны [быть Ба]варцами¹⁾, Саксонцами и т. д., они почитаютъ себя Нѣмцами. Между тѣмъ Баварцы клянутся жертвовать всѣмъ для поддержанія своей независимости и національности. Трудно быть Нѣмцемъ и надѣяться на перерожденіе своего отечества. Между сихъ распрей, безпокоющихъ Германію, Курфирсть Гессенъ-Кассельскій сидитъ спокойно съ своей шпиккою въ Касселѣ и привязываетъ пукли и косы своей арміи. Это невинное занятіе отвращаетъ его отъ политическихъ мятежей. Пруссія не подаетъ тѣхъ признаковъ жизни, которыхъ добрые люди отъ нее надѣялись. Правительство приняло какую-то систему, которая почиталась лѣтъ за 50 хорошею, система, которая, не принеся еще никакой выгоды Правительству въ дѣйствительности, повредила уже ему весьма много во мнѣніи какъ Пруссаковъ, такъ и другихъ Нѣмцевъ. Австрія добивалась и добила своей Италіи. Но теперь кажется, что Австрія не знаетъ, что дѣлать съ нею и походить на того Нѣмца, которой былъ въ Парижѣ и vor lauter Häuser hat er nicht die Stadt gesehen. Ломбардо-Венеціанское Королевство есть уродливое произведеніе, посредствомъ коего догадливые Австрійцы хотѣли утѣшить сѣверныхъ Италіянцевъ сохраненіемъ ихъ національности и вмѣстѣ показать, что не одинъ Наполеонъ могъ дѣлать такія вещи, но что и они, Австрійцы, знаютъ цѣнить патріотизмъ Италіянцевъ. Правда, что побѣгъ съ острова Эльбы всего болѣе услужилъ въ семь случаевъ Италіянцамъ, естли впрочемъ этотъ смѣшной и²⁾ шарлатанизмъ можетъ принести какую-либо пользу Италіянцамъ. Каково Италіянцамъ видѣть свое отечество и своихъ единоплеменцевъ во власти — Австрійцевъ и при семъ думать, что власть сія утвердилась въ слѣдствіе не побѣдъ, но пораженій Австрійцевъ! Что естлибы взять обитателя луны или съ того свѣта и показать ему Австрійцевъ а потомъ Венгерцевъ, Италіянцевъ и въ особенности Италію, п

1) Край рукописи истлѣлъ.

2) Край рукописи истлѣлъ.

сказать ему, что Австрійцы царствуютъ въ сихъ двухъ земляхъ; показать ему, что простой и грубой Австріецъ повелѣваетъ умнымъ Италіянцемъ, что жители Вѣны господствуютъ въ Миланѣ, Венеціи, Флоренціи и т. п. — какое бы мнѣніе обитатель луны получилъ о просвѣщеніи земныхъ жителей? Кто бдитъ надъ судьбою царствъ? Провидѣніе столь же неисповѣдимо въ отношеніи къ цѣлымъ народамъ, какъ и въ отношеніи къ людямъ въ ихъ частности. Или, можетъ быть, можно это сравнить съ торжествомъ Давыда надъ Голиафомъ? Но Давыдъ умѣлъ бросать камни, а Австрійцы. . . . Взглянемъ на Англію. Англійское министерство, кажется мнѣ, вступило вновь во всю свою ничтожность, съ тѣхъ поръ какъ оно не можетъ пожинать, хотя и плохо, плодовъ, произведенныхъ арміями. Не худо бы отрядить Веллингтона съ отрядомъ Ганверцевъ или Португальцевъ противъ оппозиціи. Авось Кастильри сладилъ бы тогда съ своими непріятелями въ Парламентѣ.

При взглядѣ на Испанію, опять спрашиваю: кто [править]¹⁾ судьбою народовъ?

10 *Февраля*. En général, les croyants font Dieu comme ils sont eux-même, les bons le font bon, les méchants le font méchant; les dévots haineux et bilieux ne voient que l'enfer, parce qu'ils voudroient damner tout le monde; *les ames aimantes et douces n'y croient guère*. Et l'un des étonnements dont je ne reviens point est de voir le bon Fénelon en parler, dont son Télémaque, comme s'il y croyoit tout de bon; mais j'espère qu'il mentoit alors; car enfin, quelque véridique qu'on soit, il faut bien mentir quelquefois quand on est évêque.

Con[fessions]. Т. II.

...Si les sacrifices qu'on fait au devoir et à la vertu coûtent cher²⁾, on en est bien payé par les doux souvenirs qu'ils laissent au fond du coeur.

Ibid[em].

13 *Февраля*. Прадтъ, говоря объ управленіи Европейскихъ Государствъ: «On ne parlera par de quelques états d'Italie, ni de l'Espagne (т. е. о управленіи ихъ)! *dans ces pays on a bien autre chose à faire que d'administrer*.

18 *Воскресенье*. Скука и уныніе преодолеваетъ меня. Много непріятности моему состоянію прибавляютъ слухи изъ П[етер]бурга. О выгодахъ и щастіи бѣднаго и вмѣстѣ славнаго Отечества мало думаютъ! Будучи

1) Край рукописи истлѣлъ.

2) Въ рукописи: faire

увѣренъ, какое усовершенствованіе можетъ быть произведено въ благосостояніи народномъ, нельзя не печалиться, видя, что главные предметы управленія совсѣмъ выпущены изъ вида, и что бездѣлицы заступаютъ мѣсто важныхъ вещей, формы — [мѣсто] самаго дѣла, легкомысліе — патріотизма, слабость — добродѣтели, суровость — разума. — Эти слухи заставляли меня думать [о бу]дущей¹⁾ судьбѣ моей и объ основаніи оной. Неужели должно будетъ [отка]заться¹⁾ отъ счастливыхъ мечтаній о благополучіи отечества? Неужели должно будетъ проститься съ родимую землю и удалиться въ далекія земли, дабы не быть по крайней-мѣрѣ свидѣтелемъ вѣчной печали, вѣчнаго нещастія любезнѣйшаго отечества? Вся цѣль жизни моей, все, что привязываетъ меня къ жизни, все, что дѣлаетъ ее мнѣ сносною — есть надежда о щастіи и истинномъ величествѣ Россіи. Начало сего щастія составитъ и все щастіе собственной моей жизни. Спокойно оставлю землю, если при смерти можно будетъ видѣть, что святая, великая Россія начала наконецъ итти къ своему назначенію, къ своему гражданскому благополучію. — Но что предвѣщаетъ теперь сіе благополучіе? — Все случающееся или, лучше сказать, все, теперь дѣлаемое, можетъ только что погасить въ патріотическихъ душахъ послѣднюю искру священнаго огня. Добрыя, но слабыя души отрекутся отъ блага отечества при малѣйшей надобности въ пожертвованіи, забудутъ о благѣ семъ, видя, что оно не можетъ утвердиться теперешнею системою. Злые будутъ пользоваться физическими выгодами, будутъ пещись о продолженіи безпорядка для своего интереса. Но что остается дѣлать для истинныхъ сыновъ отечества? Для тѣхъ, кои всему предпочитаютъ благо его и кои всѣмъ готовы жертвовать на пользу его? Какой отвѣтъ можно дать на сіе? — По сію пору не знаю. Между тѣмъ молчать не надо. Говорить вездѣ правду, и говорить смѣло; обличать певѣждъ и бездѣльниковъ во вредѣ, причиняемомъ ими Государству. Добрыхъ поддерживать въ надеждѣ и терпѣніи.

.... Между тѣмъ вчера замѣтилъ я слѣдующее въ Руссо (Conf[essions]):¹⁾ ... On diroit qu'il n'ya que les noirs complots des méchants qui...¹⁾ réussissent: les projets innocents des bons n'ont presque jamais d'accomplissement.

19 [Февраля]. Думая о ругательствахъ, которыми осыпаютъ теперь тѣхъ людей, кои были обвинены правительствами, въ особенности во Франціи, нельзя не удивиться и не подумать, что какъ будто только и есть виноватыхъ, что сіи нещастные. Кто не поноситъ и не проклинаетъ теперь т[акъ]

1) Край рукописи истлѣлъ.

н[аз.] 1)? Никто конечно ихъ защищать не захочетъ и не можетъ. Но безпристрастный человекъ не будетъ и обвинять ихъ исключительно предъ прочими. Если теперь проклинаютъ тѣхъ, кои начали революцію, то почему не говорятъ о тѣхъ, кои подали поводъ къ сему началу? Якобинскою рѣчью 2) нельзя взбунтовать народъ, такъ точно какъ и мѣхами нельзя произвести пожара 3), хотя конечно мѣхи или вѣтеръ и можетъ споспѣшествовать распространенію онаго.

20 *Февраля*. Во времена Карла Великаго у Франковъ Dingstmannen (крестьяне? Knechte?) konnten ihren Herrn in vier Fällen verlassen: wenn er einem nach dem Leben stellte, einen beraubte, einem Stockschläge gab, oder seine Tochter schwächte.

(Т. II, ст. 103). 24. Bücher Allg. Geschichten von Joh. Müller].

Nichts ist verwerflich was zur gehörigen Zeit geschieht; aber noch Erbauung des Pallastes fällt das Gerüste von selbst. Id[em]. Прекрасное замѣчаніе для тѣхъ, кои по построеніи дома хотятъ удержать сіи подмостки! Не худо бы вырѣзать эти слова при входѣ въ Chambre des Députés въ Парижѣ.

Jeder Baukunst waren sie (die Araber) Urheber des Geschmacks, den wir den *gothischen* nennen, weil unser Väter ihn in den westgothische Spanien lernten.

20 [*Февраля*] 4). У насъ не худо бы подумать о издаваніи въ свѣтъ отчета по Мин[истерству] Финансовъ. Также и о независимой отъ всѣхъ Министерствъ Коммисіи Погашенія Госуд[арственны]хъ долговъ. — Читалъ брошюру Opinions sur les Finances, par le Duc de Gaite. Пустая и нечего совершенно въ себѣ не заключающая тетрадка, кромѣ одного слѣдующаго выраженія, коего смыслъ впрочемъ всѣмъ извѣстенъ; итакъ лучше сказать — кромѣ слѣдующей фразы: «La confiance, comme on le sait, est le sentiment le plus indépendant».

21 [*Февраля*]. 1/2 6-го н[осль] о[бѣда]. Послѣ обѣда я заснулъ на канопе. Проснулся теперь, прервавъ сонъ, оставившій во мнѣ приятное, melancholическое утѣшеніе. Мнѣ снилось, что я сплю также на канопе въ домѣ,

1) Здѣсь въ рукописи одно слово не разобрано.

2) Это слово написано два раза.

3) Въ рукописи написано: пожара.

4) Надъ этою датой сверху страницы было написано (очевидно раньше) слѣдующее: «Франкфуртъ 29 Юля. Гдѣ буду я тогда, когда моя тетрадь наполнится до сей страницы? Въ П[етербургѣ? Ахъ! Отвѣтъ 20 Февр. 1816: въ Франкфуртѣ же и ахъ! желаю быть въ П[етербургѣ].»

принадлежащемъ намъ, почти какъ будто на Покровкѣ, въ Москвѣ. Поспавъ въ одной комнатѣ, пошелъ я въ другую. Это была гостиная: прекрасная, овальная комната, почти вся изложенная зеркалами и чистымъ бѣлымъ мраморомъ; на стѣнахъ у дверей висѣли картины. Изъ гостиной большое крыльцо вело въ садъ. Тамъ была видна одна широкая аллея, усланная пескомъ и пресѣкаемая прудомъ. Надъ крыльцомъ висѣло полотно для защиты отъ солнца. Мнѣ представлялось лѣто. По комнатамъ бѣгала . . .¹⁾ собака, кот[орую] я вздумалъ купить въ пруд[ѣ] . . .¹⁾ о лѣтѣ была для меня нова и пріятн[а] . . .¹⁾ чувствовалъ, что жизнь моя текла спок[ойно]¹⁾ и щастливо. Вдругъ проснулся: вмѣсто своего дома очутился въ Röm[ischer] K[aiser], вмѣсто канале въ прекрасной гостиной — въ моей трактирной комнатѣ, на незавидномъ канале. Вмѣсто лѣтняго солнца, вмѣсто аллеи, вмѣсто пруда вспомнилъ Zeit, грязь и т. д. — Тихая жизнь всегда имѣла для меня много прелестей; но я не надѣюсь когда либо наслаждаться ею. Въ Россіи многое сему препятствуетъ. Внѣ Россіи наслажденія не такъ сладостны быть могутъ. — Какая пустая участь! Чувствуешь, видишь свое щастіе, видишь, какъ легко до него достигнуть; видишь, сколь мало надобно для того, чтобы жить щастливо — но, кажется, между мною и щастіемъ ископанъ непроходимый ровъ. Но щастіе мое не подобно ли перспективѣ, нарисованной на доскахъ: изъ дали оно плѣнительно; въ близости видны одни только холодныя доски? — Нѣтъ! Образъ щастія моего слишкомъ простъ, чтобы не быть дѣйствительнымъ, — слишкомъ простъ, чтобы не быть удобоисполнительнымъ. [Получен]ья¹⁾ извѣстія изъ П[етербурга] меня разстроили, въ [особенно]сти¹⁾ мое перемѣщеніе изъ одной Канцеляріи въ другую. Неужели опять думать о возвращеніи въ чужіе края? Отъ сихъ извѣстій и читать и писать скучно.

На другой день 28 Февраля. Вчера Австр[ійскій] Комисаръ увѣдомилъ меня, что Австр[ійское] Прав[ительств]о намѣрено разсмотрѣть свои щеты въ самомъ Дрезденѣ. Кромѣ того, что это глупо, ибо безъ Русскихъ Комисаровъ щетовъ сихъ разматривать нельзя, — это и несправедливо, ибо всѣ прочіе щеты разматривались Коммисією. Я отвѣчалъ ему порядочно. — Это извѣстіе весьма меня встревожило; но, думая сегодня, что многія неудачи превращались мнѣ иногда въ пользу, я серьезно успокоился. Но при всемъ томъ не знаю, что дѣлать. Писать въ П[етербургъ] и ожидать отвѣта? Но долго ли ждать будетъ должно? Ѣхать въ П[етербургъ]? Зачѣмъ, скажутъ, пріѣхалъ? Что привезъ? Гдѣ окончаніе дѣлъ?

1) Край рукописи истлѣлъ, и потому исчезло по одному слову.

2 *Марта*. Вчера писалъ прямо къ Гарденбергу, ибо Стегеманъ не отвѣчаетъ. Австріецъ мой писалъ въ Вѣну — черезъ двѣ недѣли долженъ притти хотя какой-нибудь отвѣтъ. Всѣ эти глупыя и со стороны Австр[ійцевъ] и въ¹⁾ мерзкія препятствія мнѣ досадны и весьма не[приятны]¹⁾.

— Въ главѣ объ уравни[еніи] нал[оговъ] можно сказать: «Какъ смѣшны для того, кто понимаетъ различныя дѣйствія налоговъ при различныхъ состояніяхъ государства, какъ, говорю, смѣшны для него всѣ разсужденія, по коимъ иной хочетъ доказать абсолютное преимущество прямыхъ налоговъ предъ непрямыми, иной — налоги съ торговли и съ роскоши предъ нал[огами] съ земледѣлія и пр.

— Говоря о признакахъ, доказывающихъ 3 различныя состоянія г[осуд]арствъ, дабы опредѣлительно сказать, независимо отъ различія дѣйствительной и нарѣченной цѣнности работной платы, велика или мала работная плата, надлежитъ изслѣдовать: сколько времени можетъ простой работникъ или поденщикъ прожить выработываемыми деньгами въ одинъ день. Если денегъ сихъ стаетъ у него на 3 или 4 дня, то Государство неоспоримо находится въ самомъ успѣвающимъ состояніи. Если выработываемыми деньгами въ одинъ день поденщикъ можетъ прокормить себя едва только сей одинъ день, то Государство находится въ перемѣняющемся или упадающемъ состояніи. Въ Америкѣ поденщикъ работною платою одного дня могъ жить 3, 4 и даже 5 дней. Въ Германіи, въ бѣдственномъ ея положеніи, поденщики работаютъ иногда только изъ одного хлѣба!

. . . .¹⁾ конечно ни разсѣянность, ни праздность причиною тому, что я долго не писалъ въ этой книгѣ; но занятія мои непрерывныя. Предвидя, что мнѣ противъ воли надобно пробыть здѣсь еще нѣсколько времени, вздумалъ я воспользоваться моимъ бездѣліемъ и занялся дѣломъ, а именно моими налогами. 4 М[арта] принялся за работу; 14 М[арта] первая часть была уже отдѣлана. Тутъ я сдѣлалъ нѣкоторую паузу, какъ для того, чтобы отдохнуть, такъ и для того, чтобы писать безъ принужденія, тѣмъ болѣе, что вторая часть требуетъ болѣе осторожности и обдуманности. Почти каждая глава, по прочтеніи въ старомъ опусѣ, казалась мнѣ трудною; но въ отдѣлкѣ не дѣлалась легкимъ; это въ особенности почувствовалъ я при главѣ объ уравненіи, которую прочелъ, разобралъ и началъ писать сегодня. Я не думалъ, въ самомъ началѣ, что работа моя будетъ столь успѣшна, и хотѣлъ даже писать новый опытъ въ сей книгѣ. Безпристрастные люди должны

1) Здѣсь край рукописи истлѣть.

рѣшить въ П[етер]бургѣ, стоитъ ли мой опытъ напечатанія: если скажутъ да, то съ Божіею помощію опубликуюсь.

Я занимался въ теченіе тѣхъ 10 дней каждое утро, каждое послѣ обѣда и даже вмѣстѣ съ симъ нѣсколько вечеровъ. Пріятнѣйшее разсѣяніе было для меня въ это время: Das unterbrochene Opferfest: прекрасная музыка, доставившая мнѣ истинное наслажденіе. Стихъ на концѣ: Mein Gott. . . ¹⁾ nicht zu rächen — er lässt mir nur erzeihen. . . . [по]разилъ меня, и даже здѣшній актеръ Гофлусъ ²⁾ представился мнѣ въ самомъ интересномъ положеніи въ сію минуту. Я почувствовалъ пріятность актерской должности въ величайшей мѣрѣ въ сію минуту. — Занятія мои были таковы, что я три дня съ ряду не былъ даже въ Casino — а это весьма много. Занятія же отвлекли отъ меня скуку и охоту быть теперь въ П[етер]бургѣ, и я радовался неудачѣ дѣлъ моихъ по Комиссіи. Какъ скоро и какъ пріятно сбылось мое предчувствіе, заключающееся въ подчеркнутыхъ строкахъ на одной изъ предъидущихъ страницъ!

— Между тѣмъ пришло и полномочіе Австрійцу, и Прусакъ обѣщаетъ пріѣхать. И я могъ теперь сказать: все къ лучшему! Но надо погодить успѣха книги, плодовъ — но плоды уже я имѣю ³⁾: я вновь увѣрился, что всегда могу работать съ охотою и успѣхомъ, и имѣлъ цѣль жизни по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней.

Не смотря на занятія, я ѣздилъ однако же верхомъ довольно далеко, до д. Бергена. Виды прекрасные. О сѣверъ! Недавно писалъ я къ Меріану: je partirai pour P[éters]bourg. Je ne sais ce qui m'y attend. En tout cas ce n'est pas le bonheur!

. . . . и ⁴⁾ къ Опыту можно сказать:

«Что значать всѣ желанія перемѣнъ? — Конечно, здравомыслящій человекъ можетъ думать, что все на свѣтѣ проходитъ. Доброе и злое не оставляетъ почти никакихъ слѣдовъ послѣ себя. Что пользы теперь для Грековъ и Римлянъ, что они были республиканцы? Но развѣ сіи причины должны побудить человека находиться всегда въ апатіи? Человекъ созданъ для общества. Онъ обязанъ стремит[ь]ся ко благу ⁵⁾ своихъ ближнихъ, и сіе болѣе, нежели ко своему собственному благу. Онъ долженъ всегда стремиться, будучи неувѣренъ, достигнетъ ли онъ своей цѣли, или даже будучи увѣ-

1) Край рукописи истлѣлъ.

2) Фамилія актера написана очень неразборчиво.

3) Въ рукописи: успѣю.

4) Здѣсь край рукописи истлѣлъ.

5) Въ рукописи: благо:

рень даже въ невозможности сего достиженія. Онъ живетъ, слѣд[ственно] онъ долженъ дѣйствовать въ пользу общую. Можно увѣриться легко въ ничтожности жизни человѣческой; но сія самая ничтожность заставляетъ насъ презирать всѣми угрозами и насиліями, кои мы на себя навлекаемъ, дѣйствуя по убѣжденію сердца и разума. Какъ бы цѣль жизни нашей не была пуста и незначительна, мы можемъ презирать сею цѣлію, не дѣлаясь сами презрительными. Но натура наша дѣлаетъ насъ способными служить правдѣ не только изъ сознанія своего дѣла, но также и изъ истиннаго эн[тузіасма]¹⁾. Энтузіасмъ сей есть благое даяніе Провид[ѣнія], и такъ какъ онѣй происходитъ изъ священнаго источника, побуждаетъ къ дѣламъ, кажущимся выше слабой природы человѣка, то потому мы и можемъ²⁾ думать, что онѣй данъ намъ свыше, и что, употребляя его, мы дѣйствуемъ по волѣ создавшаго насъ, и даже что слѣдствіе или награда за сіе должна простираться за предѣлы человѣческаго. Итакъ должно всегда дѣйствовать, не смотря на послѣдствія нашихъ поступковъ, на то, приносятъ ли они намъ щастіе или нещастіе.

24³⁾ [*Марта*]. «О томъ, что работная плата мануфактуристовъ низка въ Англіи. Это происходитъ отъ принужденнаго состоянія мануфактуръ и еще болѣе отъ дороговизны, происходящей отъ того, что вслѣдствіе чрезвычайныхъ нал[оговъ] все вздорожало». См. *Say*.

5 *Апрѣля*. Въ Россіи можно безпрестанно съ прибылью употреблять капиталы. Что потеряетъ Россія, еслии позволятъ иностранцамъ употреблять свои капиталы въ Россіи съ предоставленіемъ совершенно на ихъ произволъ высылать за границу доходъ отъ сихъ капиталовъ? Что потеряетъ Россія, еслии, на примѣръ, позволятъ Англичанамъ заводить овчарни въ Крыму и добываемую шерсть посылать безпрепятственно и безъ пошлинъ въ Англію? Т. е. еслии Англичане для своихъ фабрикъ также покойно или еще покойнѣе будутъ добывать шерсть въ Россіи, какъ и въ Англіи?—

[Можно]⁴⁾ кажется, съ вѣроятностію судить о богатствѣ народномъ по количеству бумажныхъ денегъ, находящихся въ обращеніи, принимая въ разсужденіе и курсъ оныхъ. Можно полагать, что въ Англіи вдвое болѣе б[умажныхъ] д[енегъ], чѣмъ въ Россіи. Одна половина Англ[ійскихъ] б[умажныхъ] д[енегъ] состоитъ въ ассигнаціяхъ главнаго банка, которыя теряютъ противъ чистыхъ денегъ; другая половина состоитъ въ ассигнаціяхъ

1) Край рукописи истлѣлъ.

2) Въ рукописи: можетъ.

3) Въ рукописи надъ цифрою 4 приписана цифра 3.

4) Край рукописи истлѣлъ.

провинц[іальныхъ] б[анковъ]¹⁾, которыя не могутъ терять. Итакъ, судя по сему количеству, Англія уже вдвое богатѣ Россіи. Но когда сравнять потерю Англ[ійскихъ] б[умажныхъ] д[енегъ] съ потерей Росс[ійскихъ] асс[игнацій], то окажется, что Англія богатѣ Россіи гораздо болѣе нежели вдвое. См. Say de l'Angleterre — р. 49. Надобно при семъ также сравнить количество и чистыхъ денегъ въ Англіи и Россіи. — Сіе изчисленіе народнаго богатства основывается на томъ, что *средства обращенія соразмѣрны товарамъ*²⁾. Вопросъ: гдѣ болѣе знаковъ, представляющихъ товары: тамъ ли, гдѣ обращеніе скорѣе, или тамъ, гдѣ оно медленнѣе? Съ перваго взгляда кажется, что естьли обращеніе скорѣе, то одинъ знакъ можетъ представлять болѣе товаровъ, нежели тамъ, гдѣ обр[ащеніе] медленнѣе. Но также кажется, что гдѣ товары болѣе обращаются, то тамъ они производятъ болѣе средствъ обращенія. Я думаю, что послѣднее справедливѣе.

16 *Апрѣля*. Воскликанія въ пользу старины почти вездѣ смѣшны, но въ особенности у насъ въ Россіи. Что представляетъ наша старина достойнаго подражанія, достойнаго похвалы? Можно ли жаловаться на частную искаженность нравовъ и обычаевъ тамъ, гдѣ, какъ у насъ, народъ только в[ачинаетъ]³⁾ жить? Что находятъ у насъ переспѣлаго? [Пока]жите³⁾ въ Россіи вредныя послѣдствія тонкой образованности, покажите полезныя послѣдствія оной. Найдете только какъ тому, такъ и другому нѣсколько индивидуальныхъ примѣровъ, которые ничего не доказываютъ. Итакъ прочь съ пустыми восклицаніями, съ пустыми вздохами о сей старинѣ, которая конечно въ частяхъ представляетъ нѣкоторыя отгѣнки, которые восхищаютъ патріотическое сердце — но восклицатели не о томъ жалѣютъ. Прочь съ жалобами на искаженность нравовъ: у насъ нѣтъ этой тонкой искаженности, но есть глупая, вялая и грубая искаженность, которую являютъ впрочемъ нѣкоторые франтики или *des beaux-esprits manqués, des fats, des ignorants, des mauvais sujets*. Но есть сила (*force vierge*) въ Русскомъ народѣ, которой ни у одного изъ Евр[опейскихъ] нар[одовъ] нѣтъ; есть качества, которыя теперь свойственны однимъ только Русскимъ. Правительство должно изслѣдовать свойства сей силы и воспользоваться оною какъ для своей чести, такъ и для славы народной.

... [На]³⁾ сихъ дняхъ прочелъ я новое сочиненіе Прата о Гиспаніи
³⁾ представляется въ произшествіяхъ Байонскихъ въ истинномъ своемъ

1) Въ рукописи: бб.

2) Далѣе зачеркнуто: «Такъ какъ въ Англіи обращеніе товаровъ скорѣе, нежели въ Россіи».

3) Край рукописи истлѣлъ.

видѣ. Неоспоримо, что въ семь дѣлъ жадность, подлость, ложь, вѣроломство соединены вмѣстѣ¹⁾. Обращеніе Нап[олеона] съ людьми показываетъ со стороны его большое презрѣніе. Но съ чего вздумалъ этотъ жалкой Бонап[арте] презирать людей? Въ немъ презрѣніе людей показываетъ подлость души его; оно похоже на презрѣніе, которое также имѣютъ къ людямъ разбойники. Нѣкоторые великіе люди, коихъ всѣ усилія устремлены были къ счастью ихъ согражданъ или сочеловѣковъ, съ твердымъ, благороднымъ духомъ и съ чистымъ сердцемъ показывали иногда презрѣніе къ людямъ; но это презрѣніе являлось тогда, когда полагаемыя ихъ усилія въ препятствіи превозмогали силы челоуѣческой, когда они, такъ сказать, изтопивъ весь запасъ ихъ добрыхъ качествъ, слѣдовали внушенію злыхъ качествъ; но и тогда ихъ презрѣніе было сопровождается вздохами и слезами; они презирали челоуѣчество, но не преставали служить ему. Они дѣлали добро людямъ вопреки ихъ самихъ. Презрѣніе же Н[аполеона], какъ разбойниковъ, совсѣмъ другаго рода. Никогда Н[аполеонъ] не представлялся мнѣ въ столь гадкомъ видѣ, какъ теперь. Подлинно что оставилъ онъ по себѣ? Подобные ему завоеватели отличаются хотя нѣкоторыми благородными чертами; у него — вездѣ ложь, вездѣ обманъ, вездѣ коварство, [нигдѣ]²⁾ благородства, откровенности, чести. Онъ т[очно та]ковъ³⁾, каковыми представляютъ на театрахъ нѣкоторыхъ Италіянскихъ злодѣевъ и интригановъ. Къ тому же еслибы онъ предполагалъ себѣ цѣлю быть просто злодѣемъ рода челоуѣческаго, бичемъ народовъ; еслибы онъ питалъ такое презрѣніе къ людямъ, каковое имѣли нѣкоторые азіатскіе завоеватели, то онъ все еще былъ гадокъ, ужасенъ, но не презрителенъ. Но какъ съ его презрѣніемъ къ людямъ можно согласовать тѣ подлыя ласкательства, которыя онъ людямъ дѣлалъ, въ особенности въ свои несчастныя времена! Нѣтъ, Н[аполеонъ], ты много надѣлалъ шуму, но потомство будетъ о тебѣ помнить только по несчастіямъ, кот[орыя] отъ тебя произошли и до него достигнуть; будутъ вспоминать о твоихъ злодѣйствахъ, подлостяхъ, мерзостяхъ; но не найдутъ въ исторіи твоей ничего утѣшительнаго, ничего, на чемъ люди съ удовольствіемъ останавливаютъ взоры и вниманіе, дабы вознаградить нѣкоторымъ образомъ созерцаніе великихъ несчастій созерцаніемъ великихъ дѣяній. Ты околѣешь, и одно только проклятіе послѣдуетъ съ тобою во гробъ; ты имѣлъ къ людямъ глупое презрѣніе — справедливое ихъ презрѣніе будетъ твоею наградою.

[Испанія вою]еть²⁾ съ своими Американскими колоніями. Англія . . .³⁾ съ своими Американскими же колоніями. Но примѣръ Англіи, какъ видно, не

1) Далѣе зачеркнуто: «Къ тому же показывается и обращеніе Наполеона съ людьми».

2) Край рукописи истлѣлъ.

послужилъ въ пользу Гиспаніи. Такъ, должно, видно, согласиться, что великія произшествія, великія бѣдствія не научаютъ народовъ болѣе, какъ и щастіе. Щастливые и несчастные примѣры равно остаются для народовъ недѣйствительными. Разница въ сихъ двухъ войнахъ состоитъ только въ томъ, что конституція сохранила нѣкоторымъ образомъ въ Англии честь народную во время войны противъ ам[ериканскихъ] колоній. Народъ англійскій можетъ еще гордиться своимъ Питомъ, который при дверяхъ гроба не преставаеъ противиться несправедливой и неполитической войнѣ. Она¹⁾ можетъ съ утѣшеніемъ вспоминать, что Сенатъ предсказываеъ выгодныя послѣдствія независимости колоній. Но какой залогъ народной чести можетъ представить слѣпой, упрямый Деспотизмъ въ Гиспаніи? Колоніи свергнуть съ себя тяжкое иго, и потомство ничего, кромѣ скареднаго Деспотизма, съ одной стороны, и любви свободы, съ другой, въ сихъ произшествіяхъ не увидитъ. Времена, люди пройдутъ, и однѣ только тѣни приверженцевъ Деспотизма будутъ скитаться въ мрачности протекшихъ временъ, окровавленные жертвами свободы и независимости, и съ угрызительною, но немошною досадою будутъ взирать на дѣйствія своихъ злодѣяній. Пора бы, кажется, удостовѣриться, что Деспотизмъ не можетъ преодолѣть свободы, какъ скоро народъ ее имѣть желаетъ. Естьлибы этого не было, то что бы осталось хорошаго въ жизни человѣческой?

— При новыхъ знакомствахъ (т. е. серьезныхъ)²⁾ такъ сказать летятъ на встрѣчу одинъ дру[гому]²⁾. Иногда, когда люди другъ друга не понимаютъ, но притомъ чувствуютъ благоволеніе одинъ къ другому, сердца расходятся. Когда сдвинъ болѣе чувствуетъ благоволеніе къ другому, то его сердце переходитъ за средину дороги, желая встрѣтиться съ другимъ. Если благоволеніе исчезаетъ, то сердца возвращаются по стопамъ своимъ и поселяются каждое въ свое мѣсто. — Это хорошо бы могло быть въ письмѣ, такъ какъ и пришло мнѣ въ голову, когда я думалъ о письмѣ, гдѣ желалъ изяснить свои чувствованія и чувствованія того, къ коему я ихъ имѣлъ — но тамъ вражда.

Говоря о пошлинахъ — о переплетахъ книгъ.

22 [Апрѣля]. Мнѣніе объ уничтоженіи наказанія кнута и о введеніи наказанія уголовныхъ преступниковъ, состоящаго въ одномъ только закле-

1) То есть Англія.

2) Край рукописи истлѣлъ.

мѣннїи и то не на лицѣ. — Императрица Ели[завета] Алек[ѣвна]¹⁾ уничтожила смертную казнь. Говорятъ, что суевѣріе было причиною сего. Поспѣвшимъ съ благоговѣніемъ почтить суевѣріе такого рода — естлибы Монархи не имѣли другихъ недостатковъ, кромѣ подобныхъ, то народы были бы щастливы. Въ неудобности и жестокости кнута согласны. Уничтоженія онаго желаютъ многіе. Но почтимъ уничтоженіе и смертной казни и ограничимъ уголовныя наказанія простымъ заклѣймѣніемъ. Пусть такой законъ милосердія озна[мен]уетъ²⁾ царствованіе Александра. Скажутъ, что не милосердіе, но справедливость, охраненіе общества законами есть главный долгъ законодателя. Мы въ этомъ согласны. Теперешніе наши законы не считаются потому несправедливыми, что наказываютъ смертію за смерть. Выгоды государства согласны съ посылкою преступниковъ на работы. Естли и кнутъ уничтожится, и одно только клѣймо введется, то и тутъ справедливость не нарушится; но выгоды Государства еще болѣе будутъ наблюдаемы. Впрочемъ неужели думаютъ, что отъ облегченія наказаній умножатся преступленія? Кто такъ думаетъ, то не знаетъ людей. Преступникъ во время преступленія не думаетъ о наказаніи. Иначе бы онъ рѣдко на преступленіе покушался. Неужели думаютъ также, что надобно наказывать для примѣра? Это противно какъ теоріи, такъ и опыту. Пусть введутъ предлагаемый законъ и изслѣдуютъ, умножились ли по введеніи онаго преступленія. Можно предсказать, что нѣтъ.

Вообще наказанія должны быть во всѣхъ случаяхъ сколь возможно менѣе строги. Тогда они и вѣрнѣе будутъ налагаемы, ибо судьи изъ челоуѣколюбія часто желаютъ избѣгать строгихъ наказаній.

Въ полицейскихъ наказаніяхъ должно уничтожить всё тѣлесныя. Скажутъ, что сіи иногда выгоднѣе для преступниковъ. Но не надобно согласоваться съ сими выгодами, часто состоящими въ грубости людей. *Законами воспитываются народы.*

25 [Апрѣля]³⁾. Въ Россіи, кажется, можно теперь съ пользою ввести une chambre des Pairs, а ch[ambre] d[es] dep[utés] не вводитъ. Отъ сей можно [sic] нельзя теперь ожидать ничего полезнаго. Первая же можетъ поддерживать либеральную систему, кот[орую] можетъ ввести Правительство.

1) Петровна.

2) Край рукописи истлѣлъ.

3) Надъ этою строчкою въ рукописи сверху страницы написаны карандашемъ слѣд. отрывочныя замѣтки: «р. 15. Віероп. Вымаралъ, что N L англ. колон. Рап. къ N. отсюда повѣрить суммы б. и ч. д. у Law стр. 32. Віероп объ австр. асс. р. 67... 173. къ 1-му пр. 74—75».

Сія первая, естъли такая система введется, предохранить ее отъ разрушенія въ послѣдующихъ царствованіяхъ. Къ тому же сію первую можно такъ составить, что она будетъ полезна, въ особенности предположивъ, что члены оной не будутъ имѣть крѣпостныхъ людей.

NB. Представить всѣ планы одному и притомъ сказать, что оныя не были никому сообщены; ибо нѣтъ никакой пользы въ семъ сообщеніи, ибо я увѣренъ весьма, что полезныя перемѣны могутъ быть сдѣланы *только* Правительствомъ. Слѣд[ственно] если оно не захочетъ ихъ сдѣлать, то всѣ планы предаются огню.

Частное мнѣніе Комисс[ара], какъ окончить все.

28 [Апрѣля]. Ancillon. Die Souveraine Gewalt ist diejenige, die da bestimmt, was der allgemeine Wille eines Vereins sagen soll; der Souverain erschafft diesen Willen, und indem er ihn ausspricht, giebt er Gesetze. — Какая галиматья: einen Willen bestimmen! Идея воли есть свобода, но не повелѣніе и не опредѣленія постороннія. Сотворить волю еще невозможно. О, животное Ансильонъ! И ты воспитываешь королевскихъ дѣтей! — Лагарпъ, прекрасный Лагарпъ, не давалъ вѣрно такихъ уроковъ.

«Carthage est la seule puissance maritime de l'antiquité, qui de même que l'Angleterre, ait imaginé les loix prohibitives pour ses colonies. Celles-ci étoient obligées d'acheter aux marchés de la mère-patrie les divers objets dont elles se faisaient besoin; et ne pouvoient s'adonner à la culture de telle ou telle denrée. On juge par ce trait jusqu'à quel degré la vraie nature du commerce et les calculs du fisc étoient étendus de ce peuple africain; peut-être aussi y trouveroit on la cause des troubles qui ne cessoient d'agiter les colonies puniques».

Essai sur les Révolutions anciennes et
modernes p[ar] Chateaubriand.

T. I, p. 178.

«Dion se mit en mer avec deux vaisseaux pour attaquer Denis (de Syracuse, le jeune), qui possédoit des escadres et des armées...¹⁾»

...¹⁾ Mais Denis étoit alors sans finances, grande cause de révolutions. Quand au papier-monnaie, son usage a toujours été calamiteux. La France en présente un grand exemple, l'Amérique avoit été désolé auparavant par ce fléau. En 1775 le Congrès décréta l'émission de Bills de crédit pour la somme de deux millions de Dollars, qui devoient être retirés graduellement de la circulation par des taxes; le premier retrait étant fixé au 31 Novembre 1779. Plusieurs autres émissions suivirent et au mois de février 1776 il y avoit déjà pour 20 millions de Dollars

1) Здѣсь край рукописи истлѣлъ, и недостаетъ по одному слову.

en Bills dans le états unis.—L'enthousiasme du peuple les soutient durant quelque temps au pair, mais enfin l'intérêt l'emportant sur le patriotisme, ils commencèrent à perdre. Le congrès continuant à multiplier le papier la somme totale s'éleva bientôt à 200 millions de Dollars. Outre cette masse énorme, chaque Etat avoit encore les Bills particuliers, comme les Départemens en France leurs petits assignats. En 1779 les Bills perdant 22 et 28 pour cent, le congrès voulut avoir recours à un expédient que la convention a employé depuis dans l'opération de ses mendats: c'étoit de remplacer l'ancien papier par un nouveau; premier devoit être brûlé progressivement, tandis que [le nouveau], auroit été émis dans la proportion de vingt à un avec l'autre; en sorte que les 200 millions de Dollars en bills continentals se seraient trouvés rachetés par 10 millions. L'opération étoit trop fallacieuse pour réussir, et le papier continua à tomber de plus en plus. Alors le Congrès mit en usage, pour soutenir ses bills, tous les moyens dont se sont servi les révolutionnaires français pour supporter leurs assignats. Il fixa un maximum au prix des denrées, à celui des journées d'ouvriers. Les dettes contractées en argent furent déclarées payables en papier; d'autres loix forçoient le marchand à recevoir les bills à leur valeur nominale; de vendre au même taux pour du papier que pour de l'argent; les biens des royalistes furent mis à l'encan. L'effet de ces mesures coercitives fut de créer la disette, de réunir les propriétaires, et de répandre l'immoralité. Il fallut bientôt rappeler ces décrets et les bills, pendant 400 pour un en 1781, cessèrent enfin de circuler.—Ainsi s'opéra la banqueroute. C'est une chose extraordinaire, mais prouvée, que la chute d'un papier monnaie n'a jamais opéré de grands mouvements dans un état: on en voit plusieurs raisons. A la première émission d'un papier il a ordinairement toute sa valeur. Celui qui le reçoit alors, loin d'éprouver une perte, assez souvent y fait un gain. Lorsque le discrédit commence, le billet a déjà changé demain; le capitaliste qui l'a reçu à perte, le passe à un autre avec cette même perte; et le papier continue ainsi de circuler, pris et rendu au prix du change, lors de la négociation. En sorte que la diminution est insensible, d'un individu à l'autre. Il n'y a à souffrir considérablement que pour le créancier et celui entre les mains duquel le papier expire. Quand à l'Etat, les fortunes ayant seulement changé de mains, il s'y trouve la même quantité de propriétaires qu'auparavant, et l'équilibre est conservé¹⁾.

Chateaubriand. Essay s. l. Rev. T. II, p. 143.

.....²⁾ pas de raisonner sciemment sur la vertu pour parvenir à l'indépendance, qu'il faut l'aimer cette vertu, et que tous les moralistes de l'Univers ne sauroient en donner le goût, lorsqu'on l'a une fois perdu. Les siècles de lumières, dans tous les temps, ont été ceux de la servitude; par quel enchantement le nôtre sortiroit il de la règle commune? Les rapprochements des philosophes anciens et modernes qui vont suivre mettront le lecteur à même de juger jusqu'à quel point l'âge d'Alexandre ressembla au notre. On verra, que loin d'avoir rien imaginé de nouveau, nous sommes demeurés, excepté en histoire naturelle, fort au dessous de la Grèce. On remarquera qu'à l'instant où les sophistes commencèrent à attaquer la religion et les idées reçues du peuple, celui-ci se trouva lié des chaînes de Philippe.

Ch[ateau]br[iand]. Revol. T. II, p. 210.

1) Къ послѣднимъ словамъ сдѣлано слѣд. примѣчаніе: «Заключеніе ложное».

2) Край рукописи истлѣлъ.

Suivant Epicure, la philosophie est la recherche du bonheur. Le bonheur consiste dans la santé et la paix de l'âme. Deux espèces d'études y conduisent: celle de la physique et celle de la morale. Selon le même philosophe, il y a des Dieux; non que la raison nous les montre, l'instinct seul nous le dit. Mais ces Dieux, *extrêmement heureux, ne se mêlent, ni peuvent se mêler des choses humaines.* Ils résident au séjour inconnu de la pureté, des délices et de la paix. — Id[em]. 214.

20 [Апрѣля]. Дѣла нашей Комиссіи окончены въ послѣднемъ засѣданіи (третьяго дня). Остается только переписать таблицу на бѣло и нѣсколько протоколовъ. Прежде я съ удовольствіемъ воображалъ конецъ моего пребыванія здѣсь; и теперь радъ ѣхать изъ Франкфурта, но не знаю, что-то невольно отклоняетъ меня отъ П[етер]бурга. Чѣмъ болѣе приближается время, въ кот[орое] я буду въ П[етер]бургѣ, тѣмъ сильнѣе представляются моему воображенію всѣ непріятности, сопряженныя съ жизнію въ П[етер]бургѣ. Скука уединенной жизни посреди многлюднаго города тяжела. Я испыталъ ее и никогда [не былъ]¹⁾ несчастливѣе, какъ въ то время. При размышленіи объ [нрав]¹⁾ственныхъ неудобствахъ жизни въ П[етер]бургѣ, я не думаю о природныхъ. Съ природою всегда можно скорѣе помириться, нежели съ людьми.

— Вчера пришла мнѣ слѣдующая мысль, при чтеніи предисловія къ жизни Фусе:

Неоспоримо, что свобода книгопечатанія чрезвычайно полезна. Вездѣ народъ чувствуетъ выгоды оной. Въмѣстѣ съ симъ вездѣ чувствуютъ и выгоды конституцій. Чего еще недостаетъ? Того, чтобы правители убѣдились въ сей истинѣ и чтобы предпочли быть болѣе подобными Богу, нежели пастухамъ. Это странно, но справедливо. Богъ, создавъ людей, далъ имъ волю дѣлать добро и зло. Богъ управляетъ такими существами, кои дѣйствуютъ по собственному своему произволу, кои однимъ словомъ свободны. Пастухъ гоняетъ овецъ по своему капризу туда и сюда. Овцы слѣпо повинуются. Богъ управляетъ людьми посредствомъ божественныхъ законовъ, напечатлѣнныхъ въ сердцахъ каждаго. Пастухъ управляетъ овцами посредствомъ своихъ собакъ. Конституціонный Государь управляетъ народомъ посредствомъ Государственныхъ законовъ; деспотъ — посредствомъ алгвазиловъ. Первый уподобляется сотворившему его вѣчному, милосердому Богу; второй подобенъ пастуху. — Слова здѣсь вздоръ; смыслъ же значителенъ и справедливъ. Но когда государи будутъ одинаковаго мнѣнія съ народами? Я увѣренъ, что нашъ Государь одинъ изъ благороднѣйшихъ людей міра. Онъ доказалъ

1) Край рукописи истлѣлъ.

это по крайней [мѣр]ѣ¹⁾ своими поступками. Я увѣренъ, что онъ думаетъ такъ, какъ должны думать избранные народа Русскаго. Но почему онъ теперь такъ не поступаетъ, какъ требуетъ честь и щастіе Россіи? Почему мы видимъ еще бичъ своевольства и жестокости, безпрестанно содержащій въ трепетѣ, униженіи и нищетѣ добрый и умный народъ? Сей причины я по-длинно не понимаю. Но не могу думать, чтобы сего желалъ нашъ Государь, котораго я душевно люблю за прошедшее и, такъ сказать, за будущее, ибо я еще многого для отечества отъ него надѣюсь, даже предчувствую.

Свободный образъ мнѣнія, неоспоримо разпространенный теперь во всей Европѣ, долженъ имѣть свое дѣйствіе.—Это естественно, слѣд[ственно] неоспоримо. Дѣйствія сіи еще не являлись, слѣд[ственно] оныя должны явиться.

— Cette misérable politique, qui fait qu'un Gouvernement se resserre quand l'esprit public s'étend, est remarquable dans toutes les révolutions: c'est vouloir inscrire un grand cercle dans une petite circonférence; le resultat en est certain.

Ch[ateau]br[iand] p. 266. II.

Ch[ateaubriand] Заключаетъ свои разсужденія о революціи вздоромъ.

2 *Юлия*. Я было думалъ уже объ отъѣздѣ, какъ вдругъ получаю изъ Берлина и П[етер]бурга порученія произвести здѣсь отодафе изъ напечатанныхъ въ Вѣнѣ облигацій. Другіе комисары такихъ повелѣній не имѣютъ; слѣдственно мнѣ должно дожидаться. Ъхать такъ ѣхать, оставаться такъ оставаться. Все это скучно; но и отъѣзда я желаю только потому, чтобы, такъ сказать, не быть на воздухѣ, нигдѣ и ни при чемъ. П[етер]бургъ кажется мнѣ [болѣе]¹⁾, нежели когда-нибудь, страшнымъ. Что дѣлать?¹⁾ На Жерве мѣсто назначенъ другой, но неизвѣстно кто.—Прошлое воскресенье былъ я въ Wilhelmsbad. Тамъ видѣлъ Курфѣрста и причетъ его съ косами. Нельзя безъ горести видѣть, съ какою легкостію одна глупая, упрямая голова можетъ выздоровѣвшихъ больныхъ превращать ихъ въ прежнее больное состояніе. Презрѣніе къ слабому деспотизму заступаетъ мѣсто ненависти къ сильному.—Какое несовершенство въ человѣкѣ! Нѣкоторые избранные пекутся объ усовершенствованіи; но толпа злыхъ и безсмысленныхъ дѣлаютъ благородныя усилія бесполезными и даже вредными. Живи постѣ этого на свѣтѣ кто хочетъ. Voyage, voyage qui voudra!

1) Здѣсь край рукописи истлѣлъ.

Проектъ.

Предположить періодъ 25 лѣтъ, въ теченіе коихъ все должно быть сдѣлано. Стараться сдѣлать важнѣйшее въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ, дабы то, что должно сдѣлать въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ, или бы зависело отъ существующихъ уже законовъ, или бы слѣдовало изъ содѣланнаго прежде.

Раздѣлить сіи 25 лѣтъ на 5 періодовъ. Въ теченіе перваго періода надлежитъ заняться 1. составленіемъ кодекса всѣхъ законовъ, 2. образованіемъ внутренняго управленія, 3. исправленіемъ системы финансовъ. Труднѣйшее изъ сихъ трехъ есть 2. Въ началѣ перваго года отправить челоуѣкъ 100 или 200 въ чужіе края, посредствомъ посольствъ и проч. для изученія въ особенности юриспруденціи. Черезъ 4 года возвратить ихъ въ Россію и прочесть имъ составленные законы, кои, будучи тогда уже извѣстны въ Россіи, будутъ введены въ 1-й годъ 2-го періода. Для произведенія предполагаемыхъ трехъ пунктовъ въ дѣйство, лучше всего поручить каждый изъ нихъ особеннымъ людямъ. Въ теченіе одного года каждый изъ трехъ индивидуовъ или комитетовъ представитъ проекты. Во второй оныя разсмотрятъ. Потомъ утвердятъ, обнародуютъ и введутъ въ 1-й годъ 2-го періода. Опытность пяти лѣтъ можетъ быть опредѣлена закономъ, пробою. Черезъ 10 лѣтъ, сдѣланное въ теченіе оныхъ утвердится. Войны не могутъ помѣшать ходу дѣлъ сихъ. Правительство не должно шадить ничего для произведенія въ дѣйство 3-хъ пунктовъ. [Въ тече]ніе¹⁾ 3-го періода заняться образованіемъ Перовъ. Сей классъ гражданъ не [можетъ]¹⁾ ослабить власти престола, но напротивъ; ибо объ ограниченіи самодержавной власти думать еще нельзя. Такъ какъ Перами могутъ быть только такіе, кои не имѣютъ крѣпостныхъ людей, то они по естественному ходу вещей и страстей, могутъ только что содѣйствовать Правительству въ общемъ освобожденіи. Къ тому же права Перовъ могутъ быть первоначальнымъ положеніемъ ограничены въ теченіе 10 или 15 лѣтъ, такъ чтобы вліяніе ихъ могло только всегда споспѣшествовать видамъ Правительства, но никогда оному противиться. Все въ Россіи должно быть сдѣлано Правительствомъ; ничто самимъ народомъ. Еслии Пр[авительст]во ничего не будетъ дѣлать, то все должно быть представлено времени, ничто народу. Такимъ образомъ черезъ 15 лѣтъ мы имѣемъ законы, финансы, внутренній порядокъ и Перовъ. Сіи должны вмѣстѣ съ Пр[авительст]вомъ произвести главнѣйшее дѣло въ теченіе 4-го періода: полное уничтоженіе рабства. Въ теченіе 5-го періода введется народопредставленіе. Самодержавная власть ограничится, но не такъ, какъ въ

1) Край рукописи исстѣль.

Англии и во Франціи и проч.: у насъ она всегда должна быть сильнѣе: могущество, сила и вѣшняя слава Россіи сего требуютъ. — Боже! Когда я это на яву увижу!

6 [Юня]. Ein Dichter rieth, als König Friederich II eine Thränen fallen liess:

Ein König weint!

Gieb ihm die Herrschaft über dich, o Welt!

Die weil er weinen kann.

14 [Юня]. Wieland: «Wie viele Könige, welche sich durch die fei[er]lichsten Gelübde verbinden mussten, nur für die Glückseligkeit ihrer Völker zu leben, erinnern sich dieser Gelübde nach, nachdem sie den ersten Zug aus dem Zauber kelche der willkürlichen Gewalt gethan haben?»

При продажѣ казенныхъ имуществъ въ Вестфалии:

«Der Einsatzpreis der Landgüter wurde nach dem achtzehn¹⁾ der Pacht-Quantums (nach Ausschusse der beyden theuersten und beiden¹⁾ wohlfeilsten Jahre) von ein und besonderen, in jedem Departement . . .¹⁾ geordneten, Ausschusse festgesetzt. Der Preis des Wirthschafts- . . .¹⁾ toriums wurde aber nach einer besonderen Taxe, wozu der Häuser einen, der Domainen-Director einen anderen Taxator bestellte, ausgesetzt, und der Werth besonders bezahlt. Die Realkassen wurden nach der Wirklichkeit von den herausgefundenen Kapitale, die Grundsteuer nur mit $\frac{1}{5}$ in Abzug gebracht. Für den Wirth der Gebäude ward kein Preis in Anschlag gebracht und dies hat alle Welt ausser Atheen gesetzt.

$\frac{15}{27}$ [Юня]. Съ Ф[ранк]фуртомъ я никакъ развязаться не могу. Думалъ что все кончилъ, анъ не тутъ-то было; надо было вступить со многими въ переписку. Дожидаюсь теперь отвѣта. Потомъ надо быть къ Штейну. Въ эти послѣдніе дни и при сихъ послѣднихъ хлопотахъ проклиналъ я ликвидацію и сердился на Штейна, кот[орый] мнѣ подсунулъ оную съ начала. Но прежде она была мнѣ нужна и пріятна; во второй же разъ скучна и несносна. Скажутъ ли хоть спасибо? Рапортъ къ N[esselrode] отправленъ. — Отъ досады

1) Край рукописи истгълъ.

и скуки я ничего не дѣлаю; читаю безъ порядка; не пишу. Вчера и прежде видѣлъ М^{llo} Ascherbrenner. Играетъ и поетъ весьма изрядно. Собою весьма мила и вообще рѣдкая изъ нѣмокъ. Сегодня въ лотарю выигралъ 90 гульденовъ. Билетъ стоилъ 80.—9 гульд. вычитаетъ правленіе, 4 далъ билетисту, 1 дамъ афишисту—и выигрышъ будетъ съ минусомъ.—Погода прескверная.—Отъ Сергѣя часто имѣю письма. Досадно и жаль, что ему нельзя ѣхать къ водамъ.—Получаютъ ли у насъ въ К[оммисіи] С[оставленія] З[аконовъ] Новыя Уложенія Баварскія? Die Anmerkunge къ Criminal-Gesetzbuch въ G. G[elehrten] Anzeige хвалятъ. Чѣмъ я болѣе думаю о будущемъ въ П[етер]бургѣ, тѣмъ болѣе удостаиваюсь въ невозможности что-нибудь сдѣлать порядочнаго и въ ничтожествѣ того, что тамъ можно дѣлать—Читалъ Mem[oire] du Fauche Borel. Я не оправдываю его правилъ; но ceteris paribus—неблагодарность Бурбоновъ явная, глупая и жестокая.—Недавно, какъ говорятъ, Брюнетъ сказалъ на сценѣ другому: il faut refaire les lits (lys) et netoyer les chambres.—Изъ всѣхъ новыхъ и старыхъ правительствъ Нидерландское показываетъ себя въ самомъ лучшемъ видѣ. Нельзя не почитать Короля и его совѣтниковъ. Нѣмецкіе, въ особенности Виртембергское и еще болѣе Кассельское, подлы и смѣшны. Испанское ужасно.

30 [Июня]. Теперь читаю я Delolme, Constitution de l'Angleterre. Политическіе писатели того времени, въ которое жилъ и сей авторъ, либеральнѣе нашихъ. По крайней мѣрѣ тогда вѣрно не возставали противъ нихъ, какъ теперь. По какимъ страннымъ и бѣдственнымъ обстоятельствамъ многіе находятъ теперь опасными, злыми, ложными правилами тѣ правила, кои за 50 лѣтъ почитались единственно справедливыми и ведущими къ щастію народовъ? Какой злой геній провѣялъ въ послѣдніе годы въ Европѣ? Какое существо, непріязненное человѣчеству, отравило кубокъ гражданскаго щастія, изъ коего нѣкоторые народы пили уже нектаръ нравственной жизни, другіе пить надѣялись? Неужели 25 лѣтъ войны свободы противъ деспотисма, войны отъ части даже щастливо оконченной, вмѣсто пользы подвигнуть духъ времени на нѣсколько лѣтъ назадъ, и изъ преддверія храма свободы, отторгнувъ Европу, водворять ее въ тѣхъ лабиринтахъ варварства и деспотисма, въ которыхъ она такъ долго скиталась, и изъ коихъ новый исходъ будетъ тѣмъ труднѣе? Многіе. . . 1) часто радуются успѣхамъ свободы; но при подробномъ разсмотрѣніи я не нахожу сихъ успѣховъ и предшественниковъ нашихъ люблю болѣе нежели современниковъ.

1) Край рукописи испорченъ, и недостаетъ одного слова.

2 [Юля]. Le temps auquel le pouvoir d'administrer la justice aux individus fut séparé du pouvoir militaire (ce qui arrive tôt ou tard dans différents pays), est la vraie période de l'origine d'un système de loix reguliers dans une nation. De Lolme 112. I. — Здѣсь говорится о судьяхъ. Но губернаторы также и судьи; потому я и записалъ это.

3 [Юля]. Боже мой! Какъ обрадовался я вчера, прочтя въ Гамб[ургскихъ] газетахъ, что М[инистръ] Ви[утреннихъ] Дѣлъ сообщилъ Сенату подтвержденіе или узаконеніе, что рабство въ Эстл[яндской] губерніи уничтожается! Ничѣмъ, говорится въ газетахъ именемъ Эстляндскихъ дворянъ, нельзя было лучше встрѣтить освободителя всей Европы, какъ дарованіемъ свободы несчастнымъ крестьянамъ. — Я давно зналъ уже объ этомъ распоряженіи, но въ первый разъ читалъ объ этомъ. Не знаю, что во мнѣ происходило, но я всѣмъ хотѣлъ читать эту статью и всѣмъ говорить: вотъ онъ! Я всегда на него надѣялся, какъ на существо, опредѣленное сдѣлать щастіе своего народа и славу своего отечества! Узнаете ли вы, избранные міра сего, добрыя, возвышенныя души, — узнаете ли вы здѣсь Александра, коего дѣла всегда были ясны для чувствъ вашихъ и всегда въ восторгъ васъ приводили? Одно жаль, что Эстляндцы подали первый примѣръ, а не Русскіе — но il faut prendre son parti, надобно рѣшиться и быть имъ за это благодарными — долгъ, легкій и пріятный для истинныхъ сыновъ отечества и для благородныхъ. Такъ, благодарностию обязана тебѣ вся Россія, о ты, чуждый языкъ отцамъ нашимъ! Прими сію благодарность! —

Что будутъ теперь говорить наши журналы объ этомъ происшествіи? Сожалѣю, что меня нѣтъ теперь въ Россіи.

16 [Юля]. La conséquence de cette institution est, que personne en Angleterre ne sauroit voir l'homme, dont il pût dire: «Cet homme peut décider de ma vie ou de ma mort». Si l'on pouvoit, pour un moment, oublier le bonheur d'une telle institution, on devoit au moins en admirer l'invention». De Lolme. I. 180.

Въ предисловіи къ изданію Уголовнаго Права представить пользу и необходимость jury (присяжныхъ) и замѣтить, что изрѣченіе Екатерины II: лучше 10 виновныхъ простить, нежели 1 невиннаго наказать, не есть одна фраза, но истина, основанная на разсудкѣ и на чувствованіи.

20 Юля. Важный вопросъ при освобожденіи крестьянъ собственность земли. Почему она болѣе принадлежитъ помѣщику, нежели крестьянамъ? Но вотъ что можно между тѣмъ дѣлать при постепенномъ освобожденіи. Сдѣлать начало съ казенными крестьянами. Дать землю, на коей они живутъ, имъ во владѣніе. Кто потерпитъ отъ того? Общество выиграетъ. Имѣя

такимъ образомъ вольныхъ и имѣющихъ собственность, должно будетъ опредѣлить непремѣнными ихъ повинности. Но какъ заставить дворянъ дѣлать¹⁾ давать имъ вольныхъ крестьянъ и брать у нихъ крѣпостныхъ, давать имъ свободу? Это хорошо, еслили можетъ быть сдѣлано безъ вреда вольнымъ крестьянамъ; но какъ бы воля дворянина не была ограничена, онъ всегда имѣетъ сильное вліяніе на мужиковъ, подъ его управленіемъ находящихся.

24 [Юля]. Замѣчательно, что въ Англіи отъ ограниченія верховной власти получили пользу высшіе и вмѣстѣ низшіе классы народа. Во время большой Хартиі

Tous les possesseurs de terre s'engagèrent à établir, en faveur de leurs tenants ou vassaux (erga huos), les mêmes libertés qu'ils s'étoient fait accorder à eux-mêmes par le Roi. De Lolme: II. 80.

Это, можетъ быть, единственный примѣръ въ исторіи, что отъ ограниченія власти верховной, выгоднаго для дворянства, пользовался вмѣстѣ и простой народъ.

De Lolme справедливо замѣчаетъ, что всѣ революціи въ Англіи кончались въ пользу народа вообще отъ того, что представители народныя никогда не могли присвоить себѣ нѣкоторыя отрасли исполнительной власти и притомъ чрезъ то отдѣлить себя отъ народа.— Правда, не будучи въ состояніи сами исключительно пользоваться плодами ихъ сопротивленія правительству, они раздѣляли оныя съ народомъ. De Lolme замѣчаетъ, что въ Римѣ подобныя революціи кончались почти всегда тѣмъ, что начальники народныхъ партій приставали къ высшему классу и, получая достоинство Сенаторовъ, принимали всѣ предразсудки сего состоянія и тщились защищать права и неправду сего новаго состоянія.

.²⁾ рѣшить собственность земли нельзя ли безъ несправедливости объявить: что половина земли принадлежитъ Господину, другая крестьянамъ. Для пользы дворянъ, имѣющихъ много земли и мало крестьянъ, можно опредѣлить тахішимъ участка крестьянина.

21 Августа. Вотъ двѣ недѣли какъ я въ Эмсѣ. Первые вечера мнѣ весьма здѣсь нравились: я не преставалъ смотрѣть на горы, на рѣку; я дышалъ свободно, чувствуя себя какъ будто отдѣленнымъ отъ свѣта. Наконецъ горы присмотрѣлись. Но вечера всегда были пріятны, располагая душу къ размышленію, но вмѣстѣ и къ тихой, успокоительной печали. Теперь я съ нетерпѣніемъ ожидаю послѣзавтрашняго дня, въ который отсюда выѣду.

1) Край рукописи истлѣлъ, и недостаетъ одного-двухъ словъ.

2) Край рукописи испорченъ.

Утромъ встаю я здѣсь всегда въ 6 часовъ. Въ семь начинаю пить воду и притомъ ходить. Въ 9-мъ иду въ ванну; потомъ отдыхаю и завтракаю. Обѣдаю во 2-мъ часу. Ужинаю въ 8, теперь всегда съ Польскимъ Ген. Турнѣ. Пробовалъ отъ скуки играть въ банкъ и въ рулетку, но нѣтъ щастія. — Въ Нассау я обѣдалъ у Штейна и провелъ съ нимъ нѣсколько приятныхъ и поучительныхъ минутъ въ саду: *Der Mensch ist nicht für d[as] Glück geschaffen*, сказалъ онъ въ заключеніе разговора. — По вечерамъ я хожу гулять по берегу Ланы, курю и, сидя на скамьѣ, размышляю. Часто, по неволѣ, думаю я о будущей моей жизни въ П[етер]бургѣ. Не предвижу ничего. Надѣюсь, какъ будто, работать много; надѣюсь потому, вѣроятно, что сего желаю; но это-то и заставляетъ меня не вѣрить исполненію ожиданія. — Вчера нашелъ я въ *l’Hermite de le Guianne*, стр. 256, слѣд. слова: «*Il y a deux espèces d’hommes qui doivent renoncer à s’enrichir: ceux qui aiment leur pays, et ceux qui aiment les lettres avec les passions*». — Правда.

Послѣ завтра ѣду въ Висбаденъ, къ 1-му Сент[ября] буду въ Фр[анк]-фуртъ. . . . ¹⁾ думаю ѣхать съ Бар. ⁴⁾ въ Берлинъ.

Освободить отъ подушнаго оклада тѣхъ крестьянъ, кои будутъ дѣлаемы вольными хлѣбопашцами или просто вольными. Хорошо ли это?

Можно, напримѣръ, у насъ дать каждому крестьянину въ вѣчное владѣніе извѣстные участки земли. Притомъ дать имъ право и возможность покупать новыя земли, но запретить продавать наследственный участокъ, который можно даже сдѣлать исключительно собственностію старшаго въ родѣ. Для управленія деревнею можно учредить муниципальное управленіе, члены коего будутъ избираемы крестьянами и утверждаемы Господиномъ. Маленькій кодексъ для гражданскихъ дѣлъ будетъ нуженъ, пока таковое состояніе крестьянъ будетъ не повсемѣстное и также пока общая система управленія не будетъ усовершенствована.

*О разныхъ способахъ, кои служили въ различныхъ Государствахъ для уничтоженія рабства*¹⁾. Хорошо бы задать вопросъ сей отъ ученыхъ обществъ.

Висбаденъ 24 А[вгуста]. Вчера выѣхалъ я изъ Эмса и вчера же приѣхалъ сюда. Погода была хороша, въ особенности послѣ обѣда. Ъдучи въ одномъ мѣстѣ по полю, тишина и прекрасная погода возбудили въ душѣ моей одно изъ тѣхъ чувствъ спокойствія и свободы, которыя ощущалъ я нѣ-

¹⁾ Противъ этихъ словъ, набранныхъ курсивомъ, съ боку, на поляхъ поставленъ большой крестъ, очевидно показывающій, что Тургеневъ особенно хотѣлъ отмѣтить это мѣсто.

когда гораздо чаще. Наслаждайся настоящимъ, говорило мнѣ сіе чувство. Придетъ время, когда ты со вздохами будешь вспоминать о сихъ минутахъ! Такъ! настоящее свѣтлѣетъ для меня всею пасмурностію будущаго! Предстоящій ужасъ дѣлаетъ пріятнымъ настоящую ничтожность. — Сегодня у меня весьма голова болитъ. Вчера замѣтилъ я, что отъ дороги, по пріѣздѣ на мѣсто, я¹⁾ онѣменение или Betäubung, кот[орое] однакоже не продолжительно бываетъ. — Не [знаю, принесли]¹⁾ ли мнѣ Эмскія воды какую-нибудь пользу. Но мнѣ кажется, не[знаю]¹⁾ почему, что я сталъ какъ будто посвѣжѣе. Здѣшнее купанье и питье мнѣ не нравится; ванны темны и малы; вода не чиста и воняетъ. Для питья же здѣсь Швальбахская вода весьма слаба. Сегодня я долженъ былъ перемѣнить три кружки.

27 [Августа]. Вторникъ. Продолжаю купаться и пить Шв[альбахскую] воду. Не чувствую ослабленія отъ ваннъ. Вчера ѣздилъ я на Geilsberg. Оттуда видъ прекрасный. На горѣ есть большой трактиръ съ заломъ, садомъ. Въ саду растутъ персики, виноградъ, абрикосы и проч. Есть, конечно есть выгода жить въ хорошемъ климатѣ. Должно быть трудно привыкать къ холодному. Около самыхъ невеликихъ городковъ есть въ Германіи трактиры и сады, подобные тому, кот[орый] я вчера видѣлъ. Частное также вредитъ общему, какъ и общее частному. Въ теперешнія же времена все, что только можетъ соединяться, должно соединяться для удержанія самостоятельности и для сопротивленія съ наружи.

M-me Fencin disoit. «Les gens d'esprit font beaucoup de fautes en conduite, parce qu'ils ne croient jamais le monde assez bête, aussi bête qu'il l'est.

28. Взять, если будетъ, награжденіе. Половину представить въ пользу инвалидовъ, сдѣлавъ вмѣстѣ съ симъ предложеніе объ учрежденіи частныхъ инвалидныхъ домовъ, и именно одного въ Симбирскѣ, посредствомъ подписки дворянъ. Другую половину предоставить для займа мужикамъ. Малые проценты должны быть употребляемы на поправки и т. п. Освѣдомиться въ Берлинѣ о муниципальных учрежденіяхъ.

Берлинъ.

25 Сентября. Вотъ уже пять дней, какъ я въ Берлинѣ. Съ Франкфуртомъ разстался я равнодушно, или, лучше сказать, съ удовольствіемъ. Въѣхавъ въ Саксонію, я почувствовалъ нѣчто пріятное, увидѣвъ желтыхъ почталоновъ, и какъ будто по привычкѣ замѣтилъ трудолюбіе Саксонцевъ, обработанность земли, красоту городковъ и т. п. При всемъ томъ сердце мое стыло, приближаясь къ Сѣверу. О, климатъ великое дѣло! Вмѣсто

1) Край рукописи истлѣлъ.

Schopen вина показались огромныя кружки съ тяжелымъ, мрачнымъ пивомъ. Видъ этотъ, такъ сказать, сдавилъ сердце мое, и я, стиснувъ зубами, махнувъ головой (что я дѣлаю теперь), сказалъ самъ себѣ: «Это должно такъ быть, ибо это такъ есть»; и началъ думать о преимуществахъ Сѣверныхъ народовъ предъ южными и о выгодахъ, кот[оррыя] климать доставляетъ свободѣ или, еще болѣе, независимости народовъ. Горестное ощущение! Еслибы я не любилъ болѣе себя своего отечества. . . . ¹⁾ никогда и ни за что не согласился [бы] жить на Сѣверѣ. Право, [мысль] ¹⁾ о Сѣверѣ холодитъ душу, потушаетъ воображеніе. Странное дѣло, что на С[ѣверѣ] ¹⁾ люди имѣютъ болѣе нравственной силы. Отъ того ли это, что нравственная натура вся должна находиться въ болѣе, почти въ непрестанной дѣятельности? Не отъ того ли обитатели прелестныхъ краевъ столь безпечны, что они презираютъ заниматься человѣческимъ или не хотятъ, т[акъ] ск[азать], сотворять себѣ искусственныхъ занятій, предпочитая наслаждаться богатыми дарами природы, желая, т[акъ] с[казать], утопить жизнь свою въ готовыхъ, чувственныхъ, но вмѣстѣ съ симъ чистыхъ, эфемерныхъ наслажденіяхъ? Нельзя ли въ семь найти развязки преимущества сѣверныхъ жителей предъ южными?

16 [Сентября]. Въѣхавъ въ настоящую Пруссію, я еще болѣе почувствовалъ меланхолію Сѣвера. Въѣздъ въ Берлинъ, шинки, набитыя наслаждающимися въ тишинѣ пивомъ нѣмцами, представили мнѣ удовольствія обитателей Сѣвера, удовольствія, прежде столь мнѣ знакомыя. Безспорно, что Берлинъ имѣетъ пріятный видъ, но блеска резиденціи не замѣтно. Здѣсь можно ожидать увидѣть нѣмцевъ въ выгодномъ видѣ для ихъ національности; но нигдѣ не замѣтилъ я сего вида кромѣ здѣшней гвардіи. Театръ— а по театру о многомъ судить можно—представился мнѣ въ обыкновенномъ провинціальномъ нѣмецкомъ видѣ. Оркестръ несравненно хуже Франкфуртскаго. Вѣна въ семь отношеніи заслуживаетъ преимущество. Вчера видѣлъ я въ первый разъ порядочнаго нѣмецкаго актера въ родѣ premiers amoueurs, Essler'a изъ Штутгарда; но піеса ²⁾ Вильгельмъ Тель мнѣ не понравилась.

1) Край рукописи истлѣлъ.

2) То что слѣдуетъ за этимъ словомъ до конца дневника, написано на отдѣльномъ листѣ. Последняя же страница книги дневника заключаетъ черновое письмо Тургенева къ барону Штейну, которое мы помѣщаемъ ниже въ видѣ приложенія. На послѣднемъ, неиспанномъ листѣ Тургеневъ записывалъ свои расходы. Изъ этихъ записей можно разобрать слѣдующее: «Von 19 Decembr bis 6 Jan. inclusivo—196 Н.—54. Bezahlt 10 Georges d'or. Bezahlt 18 Ducaten. Заплачено хозяину. Отъ 7 января до 7 февраля inclusivo заплачено хозяину 33 Georges d'or. Для Коммисіи 500 Georges d'or или 10.250; дорожныя—250 черв. или 2950». Кромѣ того къ книгѣ приклеено нѣсколько листковъ съ замѣтками, которыя мы помѣщаемъ тоже въ приложеніи.

Были однако же нѣкоторыя искры Шиллерова гения; и я весьма замѣтилъ, что люблю Шиллера.

24 Сент[ября]. Завтра ѣдемъ мы изъ Берлина. Я, по обыкновенному, радъ отъѣзду, но что, о судьба! ожидаетъ меня въ Россіи? Чѣмъ болѣе приближаюсь къ ней, тѣмъ ужаснѣе представляется мнѣ ея положеніе. Что съ нею будетъ, съ великою, съ славною, но еще не просвѣщенною? Конечно, всякій человѣкъ могъ бы и изъ настоящихъ зданій построить прекрасное зданіе. Но какъ можетъ одно время произвести все? А у насъ, какъ видно, все хотять предоставлять времени. «На время (на Бога) надѣйся, а самъ не плошай». Умная пословица!

Сегодня былъ я у Kunstreiter. Между зрителями сидѣли въ уголку на нѣсколькихъ скамьяхъ дѣвушки изъ сиротскаго дома. Какой видъ для того, кто любить бѣдность и нещастіе! Отъ всего сердца сказалъ я мысленно *спасибо* Правительству, которое такъ печется о нещастной невинности²⁾.

Приложенія.

1.

A S.-E. M^r le Baron de Stein. Le 11/23 Octobre 1815. Fr[anc]f[ort]^a/M.

Monsieur le Baron!

Les Ministres des Hautes Puissances alliées ayant dernièrement déterminé que les membres du Comité de Liquidation, établi pour définir les prétentions respectives de ces puissances aux revenus des pays, qui ont été administrés en leur nom pendant la dernière guerre, devait se rassembler de nouveau à Francfort pour continuer et finir les affaires du Comité, je me suis rendu à Francfort, après avoir été de nouveau nommé Commissaire de la part de Gouvernement Russe. Mais à mon arrivée ici, j'ai appris que le Gouvernement Prussien n'avait pas encore nommé de Commissaire de sa part¹⁾ en remplacement des Messieurs les Conseillers d'Etat Friese et Staegemann, qui ont successivement été chargés par ce Gouvernement des affaires en question. C'est en conséquence que je prends la liberté de supplier Votre Excellence de daigner intercéder auprès du Gouv[ernement] Prussien pour qu'il veuille bien faire la nomination en question. Je crois devoir en même temps présenter à la considération de V[otre] Ex[cellence], que mes relations de service, ainsi que celles qui me sont personnelles ne me permettent pas de prolonger mon séjour à Francfort au delà du mois de Janvier prochain, et

1) Далѣе зачеркнуто: «pour terminer les affaires en question».

qu'alors je devrai en tout cas me rendre à mon [service]¹⁾ à St. Pétersbourg. Je Vous prie, M^r le Baron, [d'agréer]¹⁾ l'hommage de la plus [profonde] . . .¹⁾ avec les quelles¹⁾.

2.

Der Streit über die *beste Regierungsform* ist eigentlich in der schon lange entschieden. Die Weisesten haben einstimmig angenommen, dass von den 3 Formen:

- a. **Democratie:** Alle.
- b. **Aristocratie:** Einige.
- c. **Monarchie:** Einer.

- a. nur für die Kleinsten Staaten.
- b. für etwas grössern.
- c. aber für die übrigen, je grössern, je besser, taue.

In Bezug auf c (und gewissermassen auch auf b und a) haben Sie jedoch festgesetzt: dass diejenige Form die besste sey, welche aus allen 3 (reinen) *Formen gemischt sey, folglich von jeder etwas habe*²⁾.

Und daher kommt es, dass man, oft ohne jene alte Zusammenstimmung zu kennen, der *englischen* Verfassung den Vorzug giebt, die französische dernach einrichtet, und einige Deutsche auch.

Daher die *zwey* Kammern. So war auch die Reichsverfassung in ihren guten Zeiten:

- a, **Kayser.**
- b, **Kurfürsten u. Fürsten.**
- c, **Städte und hinwiederum die Landstände** in jedem einzelnen Reichslande: so dass die Vertretung doch ziemlich allgemein war, und nicht viel ungleicher als heute noch in England³⁾.

3.

Писать къ Матушкѣ.

Отвѣчать къ брату въ П[етер]б[ургъ].

Отослать письмо къ Сушкову.

1) Край рукописи истрѣлъ.

2) Къ этимъ словамъ сдѣлано такое примѣчаніе: «Aristoteles. Polybius. Cicero. Tacitus. Macchiavelli. Bodinus. Grotius. Müller. Calonne u. von allen Herodotus».

3) Весь этотъ набросокъ писанъ неизвѣстною рукою.

1. Glossar zu dem Urteyle des Liedes der Ribulungen¹⁾ und der *Klage nebst einem kurzen Abriss einer altdeutschen Grammat.* . . .

Von H. Fr. L. Arndt, Conrector—1815.

2. Deutschlandsladerungen von dem Deutschen Bund.

— Runde: Privat-Recht mit Commentar.

Предложить Швинеру о Сакс[онскихъ] крест[янахъ], отъ St[ein'a].

Portefeuille de Bonaparte.

Briefe — — — — на вѣнскомъ парѣчїи.

— Delolme. Constitution d'Angleterre.

4.

.²⁾ éclaircissements par un créancier de l'état sur les différents systèmes de Finances suivit en France depuis l'an VIII. jusqu'à ce 8 Juillet 1815. Août 815.

Mit d[em] Sinnspruch: Quidquid dixerunt Reges, plectuntur Achevi und die bey.³⁾ Uebersetzung: Les erreurs et les fautes des Ministres des Finances sont payés par les peuples.

5.

Etablissement du Département Central⁴⁾.

Les armées combinées ayant occupé une partie de la Saxe, et étant à la veille d'entrer en d'autres provinces de l'Allemagne, les Souverains alliés ont jugé nécessaire de se concerter sur le mode, d'après lequel les pays occupés par leurs troupes doivent être administrés au plus grand avantage de la cause commune.

A cet effet

S. M. le Roi de Suède,

S. M. l'Empereur d'Autriche a nommé

S. M. l'Empereur de Russie

S. M. le Roi de Prusse

S. M. le Roi de la grande Bretagne

Lesquels en suivant les sentimens de modération et de justice qui caractérisent si éminemment les Souverains alliés, et considérant que la guerre actuelle exige la réunion de toutes les forces disponibles, qu'il est par conséquent d'une nécessité absolue de faire contribuer tous les pays occupés aux fraix de la guerre, et donner à chacun une organisation militaire la plus conforme au soutien de la cause générale, double but qui ne sauroit être atteint; sans un point central des-

1) Nibelungen?

2) Край листка испорченъ.

3) Здѣсь не разобрано одно слово.

4) Это «Учреждение Центральнаго Департамента» напечатано на особомъ листѣ и найдено въ бумагахъ Тургенева по ликвидационной Коммиссїи.

tiné à diriger d'après les mêmes principes l'administration temporaire de tous les pays occupés, ont jugé que les mesures suivantes arrêtées à l'unanimité rempliroient le mieux les intentions beinfaisantes des Souverains alliés.

Art. 1.

Il sera établi un département central d'administration temporaire qui sera muni des pouvoirs de toutes les puissances alliées.

Art. 2.

L'autorité de ce département s'étendra sur tous les pays occupés qui par les événemens de la guerre se trouveront momentanément sans Souverain, ou dont le Souverain n'aura pas accédé à l'alliance contre l'ennemi commun.

Art. 3.

Quant aux pays dont les Princes deviendront alliés des Puissances, il dépendra des traités à conclure avec eux de régler, en combien le département central pourra s'immiscer dans l'administration.

Art. 4.

Ce cas venant à avoir lieu, un agent dépendant du département central seroit placé auprès de ces Princes.

Art. 5.

Les provinces autrichiennes, prussiennes; hannovriennes et suédoises, qui, avant l'année 1805, appartenoient aux Puissances actuellement alliées, resteront exemptes de l'influence du département central.

Le grand Duché de Wurzburg comme possession de seconde géniture de la maison d'Autriche jouira du même privilège.

Art. 6.

Ce département exercera ses fonctions dans les provinces occupées, moyennant des gouverneurs qui dépendront de ses ordres.

Art. 7.

La direction du département central devant être confiée à un ministre sur le choix duquel les Souverains alliés conviendroient ensemble; ils ont nommé à cet effet Mr. le Baron de Stein.

Art. 8.

Il dirigera son département uniquement sous sa propre responsabilité, et il pourra en conséquence établir à son choix les bureaux qui lui seront nécessaires.

Art. 9.

Le département central dépendant de toutes les puissances alliées, il sera tenu de prendre leurs ordres dans les cas qui ne seroient point prévus dans l'instruction générale qui sera rédigée, et de leur rendre compte de son administration.

Art. 10.

Les cours alliées s'engagent à déléguer chacune un agent suffisamment autorisé pour délibérer et décider sur tous les objets relatifs à l'administration des pays occupés.

Pour réunir ces divers délégués au quartier général de L. L. M. M. L'Empereur d'Autriche, L'Empereur de Russie, le Roi de Prusse, les Souverains, qui ne s'y trouveront pas en personne, promettent de munir de leurs pleins pouvoirs un de leurs ministres accrédité près de L. L. M. M., afin que la marche des affaires soit simplifiée et accélérée autant que possible, et qu'elle ne puisse souffrir aucun retard par défaut d'instruction.

Art. 11.

Ces délégués formeront un conseil, dont le Doyen sera le président. Le Chef du département central lui adressera ses rapports et recevra de lui les réponses.

Art. 12.

Les attributions principales du dit Département seront:

1) de nommer les gouverneurs des pays occupés et les conseillers qui leur seront adjoints.

Il nommera également les agents auprès des Princes qui ont accédé à l'alliance dans le cas prévu par l'art. 4. Il indiquera ces différentes nominations aux Cours alliées.

2) de donner des instructions aux gouverneurs des pays occupés.

Ces instructions seront signées par le Chef du département central et il ne sera tenu à les soumettre à l'approbation spéciale des puissances alliées, qu'en autant qu'elles renfermeront des points qui ne se trouveront dans ses propres instructions et facultés.

3) de diriger et surveiller la gestion du gouverneur et des agens.

4) de rappeler les gouverneurs et agens ainsi que leurs conseillers lorsqu'il le jugera nécessaire.

Les places des gouverneurs et de leurs conseillers seront toujours regardées comme des commissions temporaires et révocables d'un moment à l'autre.

Chaque nomination ou déplacement des employés précités devra être annoncée sur le champ aux cours alliées par le département central.

Art. 13.

Ces différentes fonctions seront exercées par le Département central de la manière et sous les modifications suivantes.

Son activité sur un pays quelconque ne pourra commencer qu'en vertu d'un arrêté des Cours alliées. Cet arrêté fixera exactement les limites auxquelles elle devra se borner pour le moment, et désignera nombre des gouvernements à établir.

Il présentera en même tems un plan d'administration générale du pays en question, qui s'étendra principalement sur les moyens de la défense nationale à y organiser.

Art. 14.

Les prestations des provinces administrées seront partagées entre l'Autriche, la Russie et la Prusse en parties égales au taux de 150,000 hommes chacune. La Suède y participera dans la proportion de 30.000 h. de troupes qu'elle fournit, la régence du pays d'Hannovre à raison du nombre des troupes qu'elle s'engagera à mettre en compagnie.

Art. 15.

Les gouverneurs des pays occupés seront, autant que cela pourra se faire des militaires d'un grade supérieur.

Art. 16.

Les gouverneurs exerceront leurs fonctions sous la direction du département central.

Ils se conformeront par conséquent strictement aux instructions qui leur seront données par lui.

Art. 17.

Si dans les cas urgens ou imprévus ils croyoient nécessaire de s'en écarter, ils seront autorisés à agir sous leur propre responsabilité, sous l'obligation seulement d'en faire un rapport immédiatement au département central.

Art. 18.

Il sera établi en principe constant que les gouvernemens laisseront subsister partout les autorités existantes et n'agiront que par elles.

Les motifs les plus importans pourront seuls justifier une exception à cette règle générale.

Art. 19.

Les fonctions principales dont les gouverneurs seront chargés se réduiront aux points suivans:

1) de surveiller tout ce qui sera relatif, à l'entretien immédiat des armées alliées, autant qu'elles se trouveront dans les limites de leur cercle d'activité.

Le soin de pourvoir à cet entretien sera confié directement aux Intendants des armées.

2) de faire contribuer leur gouvernement par des fournitures ou des payemens aux fraix communs de la guerre.

A cet effet un de leurs premiers soins sera de s'assurer des moyens que possèdent leur gouvernement.

Ils en présenteront le tableau au département central et en attendront la décision.

3) d'activer dans les pays occupés et administrés les ressources militaires les plus efficaces et les mieux adaptées aux circonstances locales.

4) d'exercer une direction et surveillance générale sur l'administration des autorités du pays, d'après les principes plus haut énoncés.

Art. 20.

Les appointemens des personnes qui composeront le Département central, ainsi que ceux des gouverneurs, des agens et de leurs employés, y compris les fraix de bureaux, seront pris sur les revenus des pays administrés.

6.

Rapport¹⁾

au Ministre des Finances

exposé en forme

d'Aperçu général

des résultats de l'administration

centrale

sous la direction de Son Excellence Monsieur

le Ministre d'Etat Baron de Stein.

Au mois de Novembre

1814

Vienne.

Présenté par

N. Turgenev,

membre de la commission
de liquidation à Francfort.

1) Этотъ рапортъ сохранился въ двухъ спискахъ; оба они черновые и на поляхъ одного изъ нихъ есть собственноручныя добавленія барона Штейна, которыя мы отмѣчаемъ ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Aperçu général des résultats de l'administration centrale, sous la direction de Son Excellence Monsieur le Baron de Stein.

Après la conclusion de la paix à Paris, quand la plupart des pays, administrés jusqu'alors par le Département Central, rentrèrent sous l'administration définitive du gouvernement français, ou sous l'administration provisoire des gouvernements Autrichien, Prussien, Bavarois et sous celle du Prince Souverain des Pays Bas, il a été établi au mois de juillet—1814 une Commission à Francfort sur le Mein, composée des Commissaires Autrichien, Prussien, Suédois et Russe.

Cette commission a dû: 1) examiner les comptes, qui lui seroient présentés par les Gouverneurs Généraux, concernant la perception et l'emploi des revenus dans leurs Gouvernements respectifs.

2) définir quant aux dépenses des deniers dans tous les Gouvernements. Celles d'entr'elles qui ont été faites au profit et pour le compte de toutes les puissances alliées en général, au nom des quelles les pays ont été administrés, de même que les dépenses faites au profit et pour le compte d'une ou de l'autre de ces puissances en particulier, et enfin.

3) déterminer le montant des sommes, que chacune des puissances devra verser dans la masse commune, d'après les dépenses, faites à son profit; de même que fixer les quotes-parts, que ces puissances ont le droit de toucher de cette masse.

La commission a pu commencer et continuer à remplir ses fonctions, à mesure que les Gouvernements généraux lui faisoient parvenir leurs comptes. Sous ce rapport la marche des affaires de la commission ne dépendoit pas absolument de ses membres.

Avant de passer aux résultats des travaux de la commission, examinons la nature des comptes, dont il est question, et voyons si les Gouverneurs Généraux ont répondu à l'attente du chef du D-t Central et à celle de leurs Gouvernements respectifs.

Il est connu, que les Gouvernements Généraux se formoient à mesure que les troupes alliées s'avançoient. Dès que celles-ci avoient occupé assez du [sic] pays pour former un Gouvernement Général, les agents du Département Central, d'après les ordres de leur chef — constituoient les provinces occupées en un tel Gouvernement. Le chef du D-t Central nommoit le Gouv. Gé-

néral, et lui assignoit pour résidence telle ville, qui lui paroissoit la plus propre pour être le Chef-lieu du Gouvernement. Alors le Gouverneur venoit s'installer dans ses fonctions. Mais dans quel état trouvoit-il les affaires? — Les provinces, confiées à son administration, avoient déjà soufferts par la retraite de l'armée française, qui a fait de grands ravages, surtout dans les provinces Allemandes; ainsi que par le passage de la grande armée des alliés, dont l'avant-garde ne laissoit pas de faire la guerre à la manière de Napoléon. Outre cela ces provinces étoient pour ainsi dire inondées par le passage des détachements isolés qui alloient à la grande armée, par le transport des bagages, des malades, par des hommes, dont la faiblesse ne leur permettoit pas de suivre leurs régiments, ce qui a eu principalement lieu dans les Provinces, administrées par les Gouverneurs Autrichiens; enfin par des marodeurs-etc.

Mais on verra la difficulté de la situation des Gouverneurs s'accroître quand on connoitra le dénuement total des moyens propres à faciliter l'organisation et la marche de leur administration. Il est certain, que Napoléon, lors de sa retraite, a donné à tous les employés dans les provinces appartenants à la France, l'ordre de quitter leurs postes, et d'emmener avec eux ou d'anéantir tous les documents et actes concernant l'administration; pour rendre, par là, aux alliés, autant qu'il dépendoit de lui, l'utilisation des provinces conquises plus difficile. En effet les Gouverneurs, en arrivant à leurs postes, n'avoient d'autres ressources, que la connoissance de la statistique des pays confiés à leur administration et les instructions du chef du D-t Central, analogues aux circonstances. C'est ainsi que pour pouvoir administrer, il a fallu tout créer: rien n'étoit préparé; tout a été anéanti ou embrouillé, si l'on ajoute à cela, que les Gouverneurs n'étoient pas toujours en sûreté dans leur résidence, que souvent ils étoient entourés de troupes ennemies, voyant avec inquiétude les émeutes partielles, qui menaçoient de se transformer en une révolution générale; si l'on ajoute encore, que quelquefois ils ont été obligés, par suite des mouvements militaires, de quitter leurs postes, et de voir les provinces, qu'ils devoient administrer, occupées par des troupes ennemies; alors on verra, sûrement avec intérêt et peut-être avec étonnement, les résultats de leur administration, et l'on ne pourra leur refuser le témoignage, qu'ils ont bien mérité de la patrie, au des alliés.

D'après ce qui vient d'être dit, il est aisé à prévoir, que les comptes présentés par les Gouverneurs à la commission ne sont pas exécutés dans les formes strictes de la comptabilité; quoique toutefois les revenus et les dépenses y sont nommément et spécialement définis. La commission, et propre-

ment parlant, personne ne pourroit justement reprocher à quelques-uns des gouverneurs d'avoir perçu moins de deniers qu'il ne falloit: ils avoient tant de raisons, d'excuses pour eux! La commission ne pouvoit pas même, d'après la nature du fait d'après les instructions, exiger des Gouverneurs des comptes détaillés et strictement constatés de la perception et de l'emploi des deniers. Elle a dû se reposer et cela sans aucune espèce de crainte—sur la bonne foi des Gouverneurs et se contenter des comptes, tels qu'ils étoient là. Au reste, l'administration des pays conquis étant une fois finie, toutes les recherches de la commission sur la véracité des comptes, ne la mèneroient à aucun résultat positif, ni pour, ni contre; et au surplus n'enrichiroient pas d'un seul sol les caisses des puissances alliées.

C'est par ces raisons, que les membres de la commission ont dû, dans l'exécution de leurs fonctions, se permettre — que dis-je? — ils ont dû se prescrire des règles, qui devoient nécessairement s'écarter un peu des règles usitées dans le maniement paisible des affaires ordinaires. C'étoit le seul moyen pour les commissaires de parvenir à leur but, et de répondre à la confiance, que leurs Gouvernements respectifs ont mise en eux. — La preuve, que les moyens pour parvenir au but, que les commissaires ont adoptés, et qui leur ont été prescrits, étoient efficaces et propres aux affaires, dont ils s'occupaient, est, que leurs occupations alloient avec rapidité vers la fin, qui, au reste, n'est seulement retardée que par le manque des comptes du Gouverneur Général de la Saxe, et de ceux des commissaires Suédois. — Tant de commissions et de comités, établis de notre temps, font banqueroute avant de pouvoir atteindre leur but, faute du choix de vrais moyens pour y parvenir!—et la commission, établie à Francfort, pour faire le partage des obligations entre les différents souverains de l'Allemagne, nous en présente un nouvel exemple, les membres, qui la composent, ne se croyant pas assez autorisés pour adopter des mesures, seules capables de mettre fin au chaos de demandes et de prétentions des princes Allemands.

On voit, par tout ce qui a été dit jusqu'à présent, comment la commission a dû remplir la première de ces obligations, dont il a été fait mention au commencement de cet aperçu, c. a. d. l'obligation d'examiner les comptes, qui lui seroient présentés par les Gouverneurs.

Passons maintenant à l'examen de la seconde obligation, qui a été imposée à la commission, et voyons la manière dont elle l'a remplie. Cette obligation étoit de:

définir, quant aux dépenses des deniers dans tout les Gouvernements, celles d'entre-elles qui ont été faites au profit et pour le compte de toutes

les puissances alliées: en général, au nom desquelles les pays ont été administrés, de même que les dépenses, faites au profit et pour le compte de l'une ou de l'autre de ces puissances en particulier.

Les Gouverneurs n'indiquoient dans leurs comptes que la manière, dont les sommes provenant des revenus de leurs Gouvernements, ont été dépensées. Il a été réservé à la commission de déterminer, si chacune de ces sommes a été employée au profit de toutes les puissances; en général, ou d'une d'Elles en particulier. — Pour faire cette distinction avec ordre et avec système, les commissaires ont convenu des règles suivantes:

1) tous les revenus consistant en argent comptant, de quelque manière qu'ils puissent avoir été perçus, devoient-êtré considérés comme appartenants à toutes les puissances alliées. D'après ce principe toutes les dépenses en argent comptant sont portées sur le compte de telle puissance, au profit des troupes ou des sujets de laquelle elles ont été faites.

2) Les frais nécessaires pour l'entretien des Gouverneurs et de leurs employés, les frais pour le D-t Central, de même que toutes les dépenses faites pour la police des pays administrés, pour l'entretien de l'ordre et de la sûreté, enfin tous les frais d'administration, sont censés avoir été faits au profit de toutes les puissances, et sont par conséquent portés sur leur compte commun.

3) Toutes les réquisitions en nature, comme celles des draps, de blés, des tabacs, des vins, et autres de ce genre, sont censées avoir été faites au profit de toutes les puissances alliées, vu que ces dépenses ont été occasionnées également dans tous les Gouvernements, par le passage des troupes alliées¹⁾. Il seroit d'ailleurs impossible de déterminer la quantité et la valeur des objets requis dans toutes les provinces administrées et de les répartir entre les différentes puissances.

4) Toutes les dépenses, en argent comptant, faites pour les troupes et sujet des puissances, qui n'ont pas eu part à l'administration des pays conquis, sont provisoirement portées sur le compte commun, sauf à présenter cette circonstance à la décision des hautes puissances alliées.

1) Къ послѣднимъ словамъ въ рукописи сдѣлано два примѣчанія: одно—того же времени (1814 г.), другое—1839 г.—1. «Il faut distinguer de ces réquisitions en nature les magasins de blés et de tabacs, qui ont été trouvés et vendus quelquefois par les alliés. Dans ce cas l'argent, provenant de la vente des magasins, a été considéré, non comme réquisition, mais comme revenu en argent comptant et appartenant, par conséquent, en commun à toutes les puissances. (c. a. d. partagé entre elles)». 2. «Les réquisitions mises sur le compte commun personne ne reçoit rien au partage. L'argent perçu par la Prusse doit être partagé. 1839».

Telles sont les règles, qu'ont établies les commissaires, pour répondre à la seconde obligation, qui leur a été imposée.

Mais il existe plusieurs articles, pour la décision desquels les commissaires ne se croyoient pas suffisamment autorisés. Ces articles non décidés, et que les commissaires se sont réservés mutuellement, se trouvent énumérés dans une note particulière, qui sera présentée à la décision des Ministres des hautes puissances alliées.

Pour ce qui concerne la 3-ème obligation, imposée à la Commission, c. à d. la répartition des revenus et des dépenses entre les puissances alliées, on verra les résultats de cette répartition dans le tableau ci-joint. Qu'il me soit seulement permis de faire l'observation suivante:

On dira peut-être, que les résultats de l'administration du D-t Central, ne répondent pas aux moyens, qui étoient en sa disposition; que l'administration centrale devoit fournir des sommes beaucoup plus conséquentes que celles qu'elle avoit fournies. — Mais avant de faire ces reproches, on doit se rappeler, qu'outre les circonstances, mentionnées plus haut, qui rendoient l'administration des pays conquis si difficile et si pénible; outre cela, on doit se rappeler, que les alliés n'étoient venus en France, que pour faire la guerre simplement, et encore une guerre seulement contre le gouvernement; et non pour piller le peuple et enrichir leurs généraux. Il faut se persuader, au contraire, que si l'on auroit pu percevoir moins d'impôts, et faire moins de réquisitions, si, en un mot, on auroit pu alléger le fardeau; que les sujets du gouvernement français ont du nécessairement porter, on l'auroit sûrement fait: Dans cela le chef du D-t Central n'auroit agi que d'après les principes de la Morale; d'après ses propres principes; et d'après les intentions des monarques alliés, et surtout d'après celles de l'Empereur Alexandre¹⁾

L'occupation des pays conquis n'a d'ailleurs durée que très peu de temps. Dans les Provinces Allemandes sur la rive droite du Rhin, comme la Saxe, les Duchés de Berg et de Francfort, les revenus ont été absorbés par la formation et l'entretien d'un corps de 40.000 Saxons, 11.000 de Berg, 8.000 de Francfort, en tout: 59.000 h.—L'occupation des provinces allemandes sur la rive gauche, n'a durée que depuis la mi-janvier jusqu'au 15 juin; on y a également formé un corps de 11.000 h. et des magasins pour le passage des armées et l'entretien des corps de blocus.—L'occupation des provinces fran-

1) Все, идущее отсюда до первой таблицы (Tableau général), было написано рукою барона Штейна на полях рукописи и вставлено Тургеневымъ въ текстъ второго, исправленнаго списка.

çaises a durée depuis la fin de janvier jusqu'au commencement d'avril. Ces pays ont beaucoup soufferts par ces dévastations de la guerre; et l'administration n'a jamais pu être régulièrement organisée. Elle avoit été remise sur la ligne autrichienne entièrement entre les mains du ministère Autrichien, sans que le D-t Central s'en soit mêlé. La Belgique a le plus produit, étant la plus riche, et la moins fatiguée par la guerre; son administration a durée à peu près depuis la fin de Février jusqu'à la mi-juin. — Le tableau ci-joint présente les résultats de l'administration.

I.

TABLEAU GÉNÉRAL

des revenus et des dépenses, qui ont eu lieu durant
l'administration des pays occupés par les troupes alliées,
et de leur répartition entre la Prusse, l'Autriche, la Russie,
la Suède et le Hanovre.

Noms des Gouvernements et de leurs Gouverneurs.	Revenus communs.	Dépenses communes.	Sommes à partager.
I. Gouvernements Prussiens.			
1. Les districts de Wesphalie. Président Vincke.	732.279 fr. 2 c.	732.279 fr. 2 c. ¹⁾	
2. G ^t de Berg. ²⁾ . Prince de Solms-Lich.			
3. G ^t du Bas-Rhin (D ^{ts} de la Rhore, de l'Ourthe et de la Meuse. Conseiller privé Sack.	5.132.025 fr. 19 c.	2.593.377 fr. 17 c.	2.538.648 fr. 2 c.
4. G ^t de la Belgique. Baron de Vincent.	13.588.798 fr. 27 c.	6.092.060 fr. 71 c.	7.496.737 fr. 56 c.
Total	19.453.102 fr. 48 c.	9.417.716 fr. 90 c.	10.035.385 fr. 58 c.

1) 461.929 fr. 15 c. en ont été versés dans la caisse de Düsseldorf, et constituent la somme à partager. Ils sont compris dans les revenus de G^t de Berg.

2) Les dépenses surpassent les revenus de 472.083 fr. 72 c.

Sommes dépensées par les puissances alliées et qui doivent être versées par Elles dans
la masse commune.

Par la Prusse	l'Autriche	la Russie	la Suède	le Hanovre.
2.534.190 fr. 2 c.	—	4.058 fr.	400 fr.	
7.493.409 fr. 56 c.		3.328 fr.	—	
10.027.599 fr. 58 c.		7.386 fr.	400 fr.	

Noms des Gouvernements et de leurs Gouverneurs.	Revenus communs.	Dépenses communes.	Sommes à partager.
II. Gouvernements Autrichiens.			
1. G ^t de Francfort ¹). Baron de Hügel.			
2. G ^t du Bas Rhin. (Niederrhein). Baron Hess.	731.353 fr. 75 c.	125.353 fr. 75 c.	606.823 fr. 69 c.
3. G ^t de Colmar, ad- ministré par les Ba- varois.	747.802 fr. 77 c.	620.586 fr. 45 c.	127.216 fr. 32 c.
4. G ^t de la Franche- Comté. Baron d'Andlau.	1.338.548 fr. 45 c.	236.864 fr. 16 c.	1.101.684 fr. 29 c.
5. G ^t de la Haute Marne. Comte Raigecourt.	40.145 fr. 7 c.	28.538 fr. 5 $\frac{1}{2}$ c.	11.607 fr. 1 $\frac{1}{2}$ c.
6. G ^t de l'Aube. Prince de Hohenlohe- Bartenstein.	46.760 fr. — c.	36.760 fr. — c.	10.000 fr. — c.
7. G ^t de Yonne. Baron d'Ulm.	237.646 fr. 46 c.	30.003 fr. 21 c.	207.643 fr. 25 c.
8. G ^t de la Côte d'or. Baron de Bartenstein.	242.149 fr. 50 c.	82.199 fr. 90 c.	159.949 fr. 60 c.
9. G ^t du Rhône et Isère. Baron de Milius.	989.731 fr. 75 c.	71.889 fr. 18 c.	917.842 fr. 57 c.
10. G ^t de Lemman. Comte d'Ugarte.	139.906 fr. 90 c.	22.900 fr. 79 c.	117.006 fr. 11 c.
Total	4.514.044 fr. 65 c.	1.254.271 fr. 80 $\frac{1}{2}$ c. ²⁾	3.259.772 fr. 84 $\frac{1}{2}$ c.

1) Les dépenses surpassent les revenus.

2) Итогъ не вѣренъ, надо: 1.255.095 fr. 49 $\frac{1}{2}$ c.

Sommes dépensées par les puissances alliées et qui doivent être versées par Elles dans la masse commune.

Par la Prusse.	l'Autriche.	La Russie.	La Suède.	Le Hanovre.
	606.823 fr. 69 c.			
	127.216 fr. 32 c.			
	1.101.684 fr. 29 c.			
	11.607 fr. 29 c.			
	10.000 fr. — c.			
	207.643 fr. 25 c.			
	159.949 fr. 60 c.			
	917.842 fr. 57 c.			
	117.006 fr. 11 c.			
	3.259.772 fr. 84 $\frac{1}{2}$ c.			

Noms des Gouvernements et de leurs Gouverneurs.	Revenus communs.	Dépenses communes.	Sommes à partager.
Gouvernements Russes.			
1. G ^t de la Saxe ¹⁾ . Prince Reppin.	107.379.681 fr.	159.234.521 fr.	902.224 fr. 19 c.
2. G ^t du Mi-Rhin. Conseiller d'Etat Gruner.	6.019.333 fr. 4 c.	3.506.228 fr. 43 c.	2.513.104 fr. 61 c.
3. G ^t de la Lorraine et du Barrois. Baron d'Alopeus.	2.549.036 fr. 19 c.	894.583 fr. 61 c.	1.654.452 fr. 58 c.
Total	8.568.369 fr. 23 c.	4.400.812 fr. 4 c.	4.167.557 fr. 19 c.

1) Les comptes ne sont pas encore présentés. Un extrait de ces comptes ayant été présenté depuis, il en suit

Récapit

1. Gouvernements Prussiens.	19.453.102 fr. 48 c.	9.417.716 fr. 90 c.	10.035.385 fr. 58 c.
2. Gouvernements Autrichiens.	4.514.044 fr. 65 c.	1.254.271 fr. 80 $\frac{1}{2}$ c.	3.259.772 fr. 84 $\frac{1}{2}$ c.
3. Gouvernements Russes.	8.568.369 fr. 23 c.	4.400.812 fr. 4 c.	4.167.557 fr. 19 c.
Total	32.535.516 fr. 36 c.	15.072.800 fr. 74 $\frac{1}{2}$ c.	17.462.715 fr. 61 $\frac{1}{2}$ c.

N. B. Il faut ajouter à cela a) les arrérages des revenus que le Gouvernement français s'est engagé de payer, montant à 25.000.000
 b) Les arrérages des revenus de la Belgique, que le souverain des Pays Bas s'est engagé de payer. 9.500.000
 34.500.000

Sommes dépensées par les puissances alliées et qui doivent être restituées par Elles
dans la masse commune.

Par la Prusse.	l'Autriche.	La Russie.	la Suède.	le Hanovre.
264.446 fr. 65 c.	245.552 fr. 47 c.	336.024 fr. 28 c.	56.200 fr. 79 c. ²⁾	
564.181 fr. 48 c.	3.398 fr. 42 c.	1.945.524 fr. 71 c.		
188.907 fr. 56 c.	—	1.405.545 fr. 2 c.		
753.089 fr. 4 c.		3.411.069 fr. 73 c. ³⁾		

que les revenus de ce Gouvernement montoient à 26.221.924 écus.

V. D.

tulation.

10.027.599 fr. 58 c.	—	7.386 fr.	400 fr.	
	3.259.772 fr. 84 $\frac{1}{2}$ c.	—		
753.089 fr. 4 c.	3.398 fr. 42 c.	3.411.069 fr. 73 c.	400 fr.	
10.780.688 fr. 62 c.	3.263.171 fr. 26 $\frac{1}{2}$ c.	3.418.455 fr. 73 c.	400 fr.	

2) La Russie ne doit donc restituer du revenu de plus de 100.000.000 de francs que la somme extrêmement modique de 70.000 francs à peu près; tandis que dans tous les autres Gouv. Généraux les puissances administratives restituent toujours plus de la moitié du revenu total, ce qui feroit 50.000.000 de francs au moins.

3) Итогъ не вѣренъ, надо: 3.351.069 fr. 73 c. (Прим. Ред.).

Observations.

1) Pour ce qui regarde le Gouvernement de Francfort, il a été dressé à ce sujet un protocole, dont chacun des membres de la commission possède un exemplaire.

2) D'après chaque rapport des Gouverneurs, il a été dressé, par les commissaires, un protocole, dans lequel on a exposé les sommes perçues et dépensées, et défini leur répartition entre les Puissances alliées. Chacun des membres possède un exemplaire de ce protocole.

3) La commission est responsable de tout ce qui a rapport au partage des sommes, provenantes de l'administration centrale. Le Dt-Central est libre de toute responsabilité à ce sujet.

II.

Revenus particuliers.

Outre les Gouvernements Généraux, les puissances alliées avoient le droit de toucher des revenus des sources suivantes:

1) Revenus, provenantes de l'administration des postes, confiée au prince de Thurn et Taxis.

On voit du protocole dressé à ce sujet par la commission, d'après les rapports présentés par l'administration des postes, que ces revenus montoient depuis le 1-er jañvier jusqu'à la fin de juin à

	593.583 fr. 83 c.
les dépenses à	353.539 fr. 78 ⁵ / ₆ c.
	<hr/>
Le surplus faisant	240.044 fr. 4 ¹ / ₆ c.

a été partagé entre les trois hautes puissances alliées de la manière suivante:

Le commissaire Autrichien a touché au nom de sa puissance une somme de

80.014 fr. 68 c.

Le chef de l'administration centrale des hôpitaux, Comte Solms Laubach a reçu pour l'entretien des malades Russes et Prussiens la somme de

160.029 fr. 36¹/₆ c.

Total 240.044 fr. 4¹/₆ c.

2) Revenus provenant de l'octroi du Rhin.

On voit du protocole dressé d'après les comptes présentés par le chef de l'administration de l'octroi, Comte Solms Laubach, que le revenu net de cette branche montoit à

117.178 fr. 41 c.

Cette somme a été partagée entre les trois hautes puissances de la même manière que les revenus des postes.

III.

Recettes Casuelles.

1) Recettes, provenant de la vente des provisions et des instruments de la fonderie des canons et de la fabrique d'armes à Liège, de même que la vente des magasins de tabacs et de blés à Cologne¹⁾.

1) Ces ventes ont été exécutées par ordre du prince Royal de Suède.

D'après un rapport de l'Intendant de l'armée du Nord, Crelinger, le produit de ces ventes montoit à

1.109.714 fr. 37 c.

et les dépenses, propres à être partagées entre toutes les puissances, ne faisoient que

879 fr. 70 c.

par conséquent, le surplus à partager est de

1.108.834 fr. 67 c.

On voit du rapport de M. Crelinger, que de cette somme ont touché :

La Prusse.....	76.547 fr. 23 c.
La Russie.....	306.717 fr. —
La Suède.....	725.570 fr. 44 c.
	<hr/>
	1.108.834 fr. 67 c.

Ces paiements ne sont pas du tout suffisamment constatés, excepté le paiement de 305.000 f. à la Russie; par conséquent les commissaires ne pouvant reconnoître la justesse des paiements, avant d'en avoir des preuves suffisantes, le partage n'a pas eu lieu jusqu'à présent.

* *

Les 25 millions de francs, que le Gouvernement de France s'est obligé de payer aux puissances alliées, ainsi que les 9 $\frac{1}{2}$ m. de fr. que la Hollande s'est engagée de payer à ces puissances, comme restitution pour les impôts arriérés, n'entrent pas dans la catégorie des affaires de la commission. Il faut seulement observer, que les commissaires Autrichien, Prussien et Russe ont déclaré au commissaire Suédois, que la Suède n'a pas le droit de participer à la somme de 9 $\frac{1}{2}$ m. et leur déclaration a été approuvée et justifiée par la lettre de Son Excellence Monsieur le Comte de Nesselrode, adressée au commissaire Russe.

* *

N. B.

Proposition, concernant les arrérages.

On voit par les comptes du G-t du Mi-Rhin et autres, qu'il existe des arrérages, qui datent de l'époque de l'administration communes des puissances

alliées, qui n'a fini que le 15 juin.—Pour assurer le paiement de la quote—part de ces arrérages, due à la Russie, ne seroit-il pas convenable de porter une somme équivalente à cette quote-part sur le compte des puissances, par lesquelles sont maintenant administrées les provinces qui présentent des arrérages? —

* * *

II. Tableau des revenus particuliers et recettes casuelles.

Enumération des revenus.	Revenus communs.	Dépenses communes.	Sommes à partager.
A. Revenus particuliers.			
1. Les revenus des postes.	593.583 fr. 83 c.	353.539 fr. 79 c.	240.044 fr. 4 c.
2. Revenus de l'octroi du Rhin.	148.178 fr. 41 c.	31.000 fr.	117.178 fr. 41 c.
Total	741.762 fr. 24 c.	384.539 fr. 79 c.	357.222 fr. 45 c.
B. Recettes casuelles.			
1. Vente des magasins de tabacs et de blés à Cologne, et de la fabrique d'armes à Liège.	1.109.714 fr. 37 c.	879 fr. 70 c.	1.108.834 fr. 67 c.
2. Vente du sel à Nauheim.	Les sommes provenant de cette vente faisoient les fonds du		

Récapitulation

1. Revenus des Gouvernements.	32.535.516 fr. 36 c.	15.072.800 fr. 74½ c.	17.462.715 fr. 61½ c.
2. Revenus particuliers.	741.762 fr. 24 c.	384.539 fr. 79 c.	357.222 fr. 45 c.
3. Recettes casuelles.	1.109.714 fr. 37 c.	879 fr. 70 c.	1.108.834 fr. 67 c.
Total	34.386.992 fr. 97 c.	15.458.220 fr. 23½ c.	18.928.772 fr. 73½ c.

De ces sommes ont touché et doivent restituer dans la masse commune.

La Prusse.	L'Autriche.	La Russie.	La Suède.	Le Hanovre.
80.014 fr. 68 c.	80.014 fr. 68 c.	80.014 fr. 68 c.		
39.059 fr. 47 c.	39.059 fr. 47 c.	39.059 fr. 47 c.		
119.074 fr. 15 c.	119.074 fr. 15 c.	119.074 fr. 15 c.		
76.547 fr. 23 c.		306.717 fr.	725.570 fr. 44 c.	

D^t Central, et il en est comptable.

Générale.

10.780.688 fr. 62 c.	3.263.171 fr. 26½ c.	3.418.455 fr. 73 c.	400 fr.
119.074 fr. 15 c.	119.074 fr. 15 c.	119.074 fr. 15 c.	
76.547 fr. 23 c.	—	306.717 fr.	725.570 fr. 44 c.
10.976.310 fr. — c.	3.382.245 fr. 41½ c.	3.844.246 fr. 88 c.	725.970 fr. 44 c.

III. $\frac{1}{2}$.

Lettres de Change.

Plusieurs gouverneurs ont présentés dans leurs comptes, qu'outre les revenus, provenant des impôts et des réquisitions, les puissances alliées avoient encore à leur disposition plusieurs papiers de valeur, comme lettres de change et certificats pour la coupe des bois, qu'on n'a pas pu jusqu'à présent faire valoir au profit de ces puissances.

Telle est la valeur nominale de ces papiers.

Dans le Gouvernement de la Côte-d'or.

1. En lettres de change, données par différents particuliers pour la coupe des bois	31.884 fr. 75 c.
2. En deux lettres de change, tirées sur la maison Bague-nault à Paris G-t de Yonne.	6.400 fr.
3. En certif. pour l. coupe d. bois G-t de la Franche Comté.	121.634 fr. 87 c.
4. En certif. p. l. coupe des bois	332.578 fr. 53 c.
5. En une lettre de change sur le Duc de Bassano	14.980 fr. 71 c.
6. D-o sur Moreaux Thomas Desnoeux.	3.000 fr.
7. D-o sur Branz à Paris. G-t. du Bas.-Rhin. (Bar. de Hess.).	1.000 fr.
8. En certif. p. l. coupe d. bois G-t. du Haut-Rhin.	76.400 fr.
9. En certif. p. l. coupe des bois G-t. du Mi-Rhin.	75.955 fr. 8 c.
10. En certif. p. l. coupe d. bois. G-t. de la Lorraine.	243.581 fr. 73 c.
11. En certif. p. l. coupe d. bois	701.945 fr. 17 c.

**Proposition, concernant
les lettres de change et certificats.**

Comme il est impossible, pour ce qui regarde les papiers, qui obligent les sujets de France, d'en demander le payement aux personnés, qui les ont données, celles-ci étant dispersées dans tout le royaume, et les moyens de contrainte étant impraticables; alors il ne reste que la mesure suivante à prendre pour tirer quelque profit de ces papiers.

Après avoir rassemblé tous ces papiers, il est de conseil de les confier à un ou à tous les ministres des puissances alliées à Paris, et de leur enjoindre de faire telles démarches auprès du Gouvernement français, qu'ils jugeront à propos, pour réaliser autant de ces papiers qu'il sera possible.

Quant aux papiers, qui concernent les pays administrés par quelques—unes des puissances alliées elles-mêmes, on pourra recommander à leurs Gouverneurs respectifs de réaliser ces papiers, chacun dans son Gouvernement.

NB. La Russie, ayant sa quote-part dans ces papiers, on peut en agir de la même manière, comme il a été dit des arrérages.

IV.

Arrérages,

appartenants à l'époque de l'administration commune des puissances alliées jusqu'au 15 juin. Dans le partage entre les puissances alliées doivent encore entrer les arrérages des impôts, qui ont eu lieu dans différents G-ts.

Voici leur énumération :

Dans le G-t du Bas-Rhin. (Sack.).

1. En arrérages d'impôts dans les provinces de ce G-t cédées à la Hollande	177.242 fr. 94 c.
2. En arrérage d'impôts dans ce G-t, en calcul approximatif. . .	906.444 fr. 6 c.

G-t du Mi-Rhin.

3. En arrérages dans les pays, qui se trouvent depuis le 15 juin sous l'administration des Autrichiens et des Bavaois.	365.463 fr. 38 c.	} Ces deux sommes se trouvent dans les caisses de districts, mais ne seront propres à être partagées, qu'après la certitude qu'il n'est pas des dépenses [y] annexées.
4. En arrérages dans les pays administrés par les Prussiens . . .	82.401 fr. 86 c.	
5. En arrérages dans toutes les provinces de ce G-t	1.121.203 fr. 87 c.	

G-t de Berg.

Toutes les données sur les arrérages de ce G-t manquent.

V.

Articles réservés.

Pendant la révision des comptes les commissaires ont souvent rencontré des articles pour la décision desquels ils ne se croyoient pas suffisamment autorisés. Ces articles, après en avoir été extraits, sont présentés ici dans leur ensemble. Les commissaires, en attendant leur décision définitive, ont pris la liberté de faire connoître leur opinion sur la manière, dont cette décision pourroit être prononcée.

CONTENU DES ARTICLES.

Contenu des articles.

Dans le G^t de la Franche-Comté.

1. Il a été payé par ordre du Gouverneur Baron d'Andlau au Baron de Koenigsbrunn et au commissaire général Billieu une somme de

32.271 fr. 17 c. } portée provisoirement
sur le compte commun en sa totalité.

La commission, ne voyant pas l'emploi de cette somme suffisamment constaté, en a demandé au Baron d'Andlau un compte détaillé, qui ne lui est pas encore parvenu.

G^t de la Belgique.

2. Il a été payé par ce G^t à la caisse du 3ième corps d'armée allemand pour le compte de la Saxe

214.000 fr. — c. { id.

La commission n'a pas pu décider, si la Saxe doit restituer ou non.

2^{1/2}. Il a été dépensé pour le soulagement de 22 prisonniers Espagnols

2.450 fr. — c. { id.

3. Il a été employé par ce G^t pour la fourniture de différents objets, nécessaires pour l'armée.

1.580.000 fr. — c. { id.

Cette somme provient des centimes additionnels pour l'année 1813. Il est à décider, si elle doit rester à la charge de toutes les puissances, ou répartie sur celles, au profit desquelles elle a été dépensée.

NB. Les centimes additionnels ont été destinés pour couvrir les dépenses locales ou départementales.

4. Le commissaire Prussien s'est réservé de constater si effectivement il a été versé dans la caisse de l'armée prussienne la somme de

7.493.409 fr. — c. } portée sur le compte
de la Prusse.

Opinion des commissaires.**Décision définitive.**

2. Quoique dans un des protocoles il est dit, qu'on pourroit faire des démarches pour la restitution de cette somme, les commissaires croient conforme à la justice et aux instructions qu'ils ont reçues, de laisser cette somme sur le compte commun.

2 $\frac{1}{2}$. Les commissaires ont cru devoir laisser définitivement cette somme sur le compte commun.

3. Les commissaires Prussien, Suédois et Russe sont de l'avis de laisser cette somme sur le compte commun, vu que, d'après leur opinion énoncée dans le protocole № 11, les sommes dépensées pour différentes fournitures à l'armée, de même que les fournitures en nature, et autres réquisitions, ne sont pas susceptibles d'un partage entre les différentes puissances alliées, le commissaire Autrichien, au contraire, prétend faire entrer les réquisitions de tout genre dans la masse du partage commun, de même que les sommes dépensées pour différentes fournitures aux armées.

4. Cette somme restera sans contre dire sur le compte de la Prusse.

Ici, en portant la dépense sur le compte commun, personne n'aura rien au partage. Le comm[issaire] Autr[ichien] voulait porter la somme au partage¹⁾.

1) По почерку можно догадываться, что это позднейшая замѣтка.

G^t de l'Aube.

5. Il a été payé par ce G^t pour la fourniture des souliers.

19.995 fr. — c. { portée provisoirement
sur le compte commun.

Les commissaires n'ont pas encore les renseignements nécessaires pour quelle armée cette dépense a été faite.

G^t de Rhône et Isère.

6. Il a été payé par ce G^t aux troupes Hessoises.

30.000 fr. — c. { id.

La commission ne peut pas décider, si cette somme doit être restituée ou non.

Revenus des postes.

7. Il est à décider, si l'administration des postes, qui appartenait auparavant au Prince de Thurn et Taxis doit l'exécuter au profit et pour le compte des puissances alliées, après le 15 juin.

Vente des instruments et provisions de la fabrique d'armes à Liège et des magasins de tabacs et de blés à Cologne.

8. Les puissances alliées ont droit au partage de la somme provenant de cette vente, et qui monte à

1.108.834 fr. 44 c.

Pour la formation de cette somme, les puissances alliées, au profit desquelles elle a été dépensée, doivent y participer comme suit.

La Suède doit verser, dans la masse commune de partage, une somme dépensée à son profit, de.

725.570 fr. 44 c.

la Russie.

306.717 fr. — c.

la Prusse

76.547 fr. — c.

1.108.834 fr. 44 c.

5. Même différence d'opinions qu'à l'art. 3.

6. Quant aux sommes dépensées au profit des puissances, qui n'ont pas eu part à l'administration, les commissaires ont convenu, d'en faire la liquidation ensemble avec les obligations dressées par différentes puissances de l'Allemagne, pour ce qui regarde celles qui y ont participé. Pour ce qui concerne les puissances qui n'ont pas contribué à la formation du fond des obligations, on tâchera d'en tirer le payement des sommes dépensées au profit de leurs troupes.

7.

8. Cette somme restera partagée entre les puissances alliées, comme il est défini dans le protocole dressé à ce sujet, sauf que ces puissances restent obligées d'en restituer le montant, pour ce qui regarde chacune d'elles, si des prétentions légales seront formées par les propriétaires des objets dont on a disposé.

Les commissaires de ces trois puissances, n'ayant aucun compte détaillé sur l'emploi de ces sommes, n'ont pas pu consentir à les porter sur le compte de leurs puissances respectives. (Il faut de plus observer, que l'entrepreneur de la fonderie, réclame, et à ce qu'il paroît avec justice, une grande partie des objets vendus, comme propriété particulière, et dont la valeur lui devra être restituée)¹⁾.

G^t du Haut-Rhin.

9. Les Bavarois ont pris des revenus de ce G^t pour la solde des troupes Bavaroises .

435.991 fr. 14 c. } portée provisoirement
sur le compte com-
mun.

10. Pour la solde du Maréchal Prince Wrede

1.921 fr. 7 c.

Le Prince Wrede s'est approprié par des raisons inconnues à la commission, l'administration du Département du Haut-Rhin, à Colmar et à Epinal.

G^t de Westphalie.

11. Les comptes généraux de ce G^t ont été conclus avec la condition expresse de la part des commissaires de présenter les comptes détaillés des revenus et dépenses.

G^t du Bas-Rhin (Sach).

12. L'armée Suédoise a tiré de ce G^t, outre les sommes notifiées dans les comptes et protocoles, des réquisitions propres à entrer dans le partage commun pour la somme de .

77.205 fr. 36 c.

13. Et en argent comptant pour la table des officiers Suédois (столовые деньги, Tafel-Gelder)

28.611 fr. 34 c.

Le commissaire Suédois s'est réservé la constatation de ces dépenses.

1) Поставленное здѣсь въ скобкахъ есть прибавка барона Штейна.

9. Les commissaires ne pouvant rien prononcer sur cet objet, en ont abandonné la décision à l'autorité supérieure.

10. Id.

12.

13.

14. Ce G^t a un revenu de 205.663 fr. 80 c.
 provenant de la perception des 5 centimes
 additionnels pour l'an 1814 qui devroient
 proprement être employés seulement pour
 les dépenses locales ou départementales.

15. et un revenu de 587.114 fr. 60 c.
 provenant d'une contribution extraordinaire
 de guerre pour l'année 1813 et dont l'em-
 ploi devoit être le même que du précédent.

Les commissaires ont fait de ces deux
 revenus un objet de partage entre toutes les
 puissances, sauf à être décidé autrement par
 les ministres de ces puissances.

16. Il a été dépensé par ce G^t pour dif-
 férents objets d'habillement et d'armement
 des troupes des puissances alliées une som-
 me de 1.282.366 fr. 67 c.

Tel en a été l'emploi.

a) pour le corps de Lutzow 47.301 fr. — c.

Les commissaires ont porté cette somme
 sur le compte commun, vu que lors de l'em-
 ploi de cette somme, le corps de Lutzow
 n'appartenoit à aucune des puissances exclu-
 sivement, mais combattoit pour leur cause
 en général — sauf à être décidé autrement.

b) pour les troupes Prussiennes 356.972 fr. 55 c.

c) » » » Saxonnnes 7.902 fr. 66 c.

d) » » » Russes 324.190 fr. 75 c.

e) » » » Suèdoises 385.750 fr. 78 c.

f) » » » de Mecklembourg-
 Schwerin 89.161 fr. 31 c.

g) pour les convalescents 71.087 fr. 63 c.

1.282.366 fr. 67 c.

} porté sur le compte
 commun.

Les commissaires ont porté cette somme
 sur le compte commun, en se réservant mu-
 tuellement la décision définitive des puis-

14. Cette somme est laissée dans le partage.

15. Id.

16. Même différence d'opinions qu'à l'art. 3.

c) Vid. art. 2. même décision des commissaires.

f) Cette somme entre dans la catégorie du dernier point de l'art. 6.

sances alliées. Il est à décider non-seulement si les hautes puissances alliées ne devraient faire aucun décompte entr'elles-mêmes, mais encore si les autres puissances, qui n'ont pas eu part à l'administration ne doivent restituer les sommes dépensées au profit de leur troupes.

G^t de la Lorraine.

17. Il est à décider, si le Gouvernement Espagnol devrait restituer la somme dépensée par ce gouvernement général, au profit des soldats Espagnols et qui monte à 28.112 fr. 25 c.

18. Même décision à faire concernant la somme dépensée au profit des sujets et sur le compte du Gouvernement français, qui monte à 149.501 fr. 12 c.

19. La somme donnée pour les frais des hôpitaux au conseiller de gouvernement Schnetzler, de 12.000 fr. — c.
est portée sur le compte commun, avec réservation de la part des commissaires, des droits de leurs puissances respectives sur cette somme, vu que son emploi n'est pas constaté par un compte.

G^t de Berg.

20. Il est à décider, si le déficit dans les caisses doit être porté définitivement sur le compte commun; il monte à 75.841 fr. 21 c.

21. Il est à décider, si le Gouvernement de Nassau doit restituer la somme qui lui a été payée, de 12.420 fr. 31 c.

22. On voit du compte, que les dépenses de ce G^t surpassent les revenus de 472.083 fr. 32 c.

Le commissaire Prussien croit, que cette somme doit être portée sur le compte de toutes les puissances. Les autres commissaires prétendent, au contraire, que c'est le ci-devant Grand-Duché de Berg, qui doit

17. Même décision qu'à l'art. 2 $\frac{1}{2}$.

18. Le payement d'une partie de cette somme ayant été officiellement promis par le G^t français, les commissaires croient qu'il faudroit tâcher d'en obtenir le reste.

19. Reste sur le compte commun, quoique M. Schnetzler n'ait pas encore présenté ses comptes.

20.

21. Entre dans la catégorie de l'art. 6.

22.

être chargé tout seul de cette somme. La décision dépend des puissances alliées. Les raisons pour et contre sont exposées dans le protocole de la commission.

23. Il manque à la commission l'exposé des arrérages, qu'ont eu lieu avant l'époque du 15 juin.

G^t du Mi-Rhin.

Il a été traité à part des arrérages, qui ont eu lieu dans ce G^t.

24. Le général russe Iuséfovitz. a touché dans ce G^t une contribution de..... 100.000 fr. — c.

25. et il a été dépensé au profit de la Prusse.....

235 fr. — c. { ces deux sommes ne sont portées sur aucun des comptes.

Les données sur l'emploi de ces sommes manquent absolument. En les attendant, les commissaires n'ont mis sur aucun des comptes le montant de ces sommes.

26. Il a été dépensé par ce G^t en différentes avances, qui doivent être restituées, une somme de.....

30.110 fr. 50 c. { portée provisoirement sur le compte commun.

On ne peut pas définir combien il en sera restitué.

27. Il a été dépensé au profit de différentes puissances..... 1.095.388 fr. 52 c.

Tel en a été l'emploi:

a) pour le compte de la Prusse

251.115 fr. 38 c.

24. Le commissaire russe a proposé de laisser cette somme sur le compte commun, vu qu'il n'existe aucun certificat, de la part du gén. Iusefovitz, concernant la perception de cette somme, et vu encore, que plusieurs autres sommes, délivrées à ce général, ont été exclusivement portées sur le compte de la Russie, dont une partie seroit peut-être portée sur le compte commun, si les comptes rendus du Gouvernement de la Lorraine étoient plus détaillés, où si le général Iusefovitz auroit constaté l'emploi des sommes reçues par lui.

26.

27. Même différence d'opinions qu'à l'art. 3.

Dans cette somme sont pourtant compris..... 38.011 fr. 80 c. dépensés pour objets de réquisitions, qui d'après les principes, établis par les commissaires, doivent être portés sur le compte commun. Donc seulement.....

213.103 fr. 58 c. { portés sur le compte
de la Prusse.

b) pour le compte de la Russie

733.349 fr. 72 c.

parmi lesquels..... 146.682 » 14 » en objets de réquisitions. Donc seulement..

586.667 fr. 58 c. { portés sur la compte
de la Russie.

c) pour le compte de l'Autriche

11.495 fr. 68 c.

parmi lesquels..... 8.097 » 20 » en objets de réquisition. Donc seulement..

3.398 fr. 42 c. { porté sur le compte de
l'Autriche.

d) Pour les troupes Saxonnnes.....

11.250 fr. — c. sur le compte commun.

e) Donné aux troupes Electorales Hessoises.....

1.516 fr. 12 c. { id.

f) Au 5ème corps d'armée Allemand... ..

85.000 fr. — c. { id.

g) Aux troupes Espagnoles.....

250 fr. — c. { id.

h) La somme de 1411 fr., qui dans cet exposé manque pour le complètement de la somme de 1.095.388 fr. 52 c., est portée sur le compte commun, en attendant la notification de son emploi, à.....

1.411 fr. 62 c. { id.

28. G^t de Holstein.

Le pays de Holstein a été administré par les Suédois; mais la commission n'a pas encore reçu les comptes concernant cette administration.

G^t de la Saxe.

29. Les comptes de ce G^t ne sont pas encore parvenus à la commission.

ut supra.

28. Les comptes ayant été présentés depuis, forment un protocole à part.

29. Les comptes manquent encore.

29. D'après un extrait des comptes, les revenus tirés de ce G^t montent

à 26.221.924 écus.

Quoique la somme qui doit entrer dans le partage commun ne peut pas encore être déterminée, il est à prévoir qu'elle ne sera point conséquente.

Observation.

1) Les 30.000 fr. assignés pour les frais de la commission de liquidation à Francfort, doivent être répartis, après la cession des affaires de la commission, entre les puissances alliées.

2) Les droits des puissances alliées sur les revenus du G^t de Francfort depuis le 18 juin 1814 leur sont réservés.

3) Les commissaires Russe et Autrichien n'ont pas d'instruction, concernant la participation du Gouvernement de Hanovre dans le partage des sommes entre les hautes puissances alliées, et demandent des ordres nécessaires à ce sujet à leurs gouvernements respectifs.

4) Le commissaire Russe croit de son devoir de faire connoître à son Gouvernement, que le Gouverneur du Mi-Rhin, le Conseiller d'Etat Gruner, outre les appointements qu'il touchoit comme Gouverneur Général, et qui sont portés sur le compte commun, avoit touché dans son gouvernement, des appointements en sa qualité, comme il est mentionné dans les ordres à ce sujet, de Conseiller d'Etat au service de Russie. Ces derniers appointements montoient à 4 ou 5.000 écus par an. Le commissaire Russe n'a trouvé dans les actes du Gouvernement aucune ordonnance supérieure qui autorisoit ce payement¹⁾.

1) Въ рукописи находится листокъ, писанный тоже рукою Тургенева, но очевидно гораздо позже, слѣдующаго содержания.

Aperçu Général.

«D'après un extrait des comptes, les revenus tirés écus:

du G-t de Saxe montent à	26.221.924 fr.
du Mi—Rhin	6.019.333 fr. 4 c.
Dépense	3.506.228 fr. 43 c.
reste	2.513.104 fr. 60 c.

De cette somme ont touché et doivent restituer:

La Russie	1.945.524 fr.
La Prusse.	564.181 fr.
l'Autriche.	3.398 fr.
	2.513.104 fr. 61 c.

On ne peut douter que le Hanovre ne soit admis au partage des 34.500.000 fr. payés aux puissances alliées par la France et la Belgique.

7.

**Протоколы, представленные Тургеневымъ графу
Нессельроде.**

1.

Francfort s/m le $\frac{9}{22}$ Février 1816.

Monsieur le Comte.

En suite d'une lettre, que j'ai adressée à Son Excellence Monsieur le Général Pozzo di Borgo, concernant la réclamation des sommes avancées aux autorités françaises par le Gouverneur Général de la Lorraine pendant la campagne de 1814, Son Excellence a bien voulu me communiquer, qu'une de ces sommes, avancée à la garnison de Metz, a été restituée par le Ministère du Roi, et que Monsieur le Général certifie avoir touchée, en m'autorisant de la porter en compte des sommes reçues par la Russie. — Quant à l'autre de ces sommes, montant à 25.000 frs. et fournie à M^r le Comte Roger de Damas, Monsieur Pozzo di Borgo, étant lui-même convaincu de son exigibilité, promet de faire les démarches nécessaires, auprès du Ministre de la guerre du Roi, pour l'obtenir. Les autres sommes, dépensées dans le gouvernement de la Lorraine pour le compte de quelques individus, pour la plupart prisonniers de guerre français, ainsi que celles dépensées pour l'établissement de la Maréchaussée, ne sont pas également exigibles. J'en ai néanmoins communiqué un exact aperçu à Monsieur Pozzo di Borgo.

Le commissaire Prussien, que j'attends ici pour terminer les affaires du Département Central, n'est pas encore arrivé. Les lettres que j'avois écrites à ce sujet à Berlin, sont restées sans réponse. Néanmoins j'ai appris, que la nomination du commissaire avoit été déterminée, et que le commissaire, après avoir reçu les pleins pouvoirs, doit arriver ici.

Mon rapport 1816.

Въ Саксоніи.

1814. Дохода отъ 19 Октября 1813 до 15 Юня 1814	14.884.413 fr.
отъ 15 Юня до конца сентября 1814	5.025.318 fr.
	<hr/>
	19.909.731 fr.

Participation du Hanovre des 34.500.000 fr.

V. ma lettre du $\frac{29}{19}$ Mai. 1816.

къ аперçu général 26 лист.

En terminant maintenant de parler des affaires dont je suis chargé, je prends la liberté d'entretenir Votre Excellence d'autres affaires, qui quoique étrangères à mes fonctions, méritent l'attention du Gouvernement. Ce sont les affaires du fonds d'obligations, formé en 1813, par les Princes Allemands, pour subvenir aux frais de l'entretien des armées alliées. Il est connu à Votre Excellence, que les prestations des Princes avoient surpassé le montant des obligations; et que dans l'intérêt des grandes puissances alliées, il n'y avoit rien'autre chose à faire, qu'à remettre les obligations aux Princes qui les avoient émises, anéantir par là le fonds, et prévenir toute liquidation entre les grandes puissances et les Princes signataires des obligations. Ceux-ci ont eux-mêmes, par l'organe de leurs commissaires, demandé l'adoption de cette mesure en 1814, et M^r le Comte de Solms-Laubach, auquel le fonds avait été confié, a taché de provoquer à Vienne une décision, tendante à anéantir ce fonds, en observant que cette mesure seroit conforme aux désirs, que plusieurs des Princes signataires avoient manifestés. Votre Excellence se rappellera aussi, que c'est dans ce sens, qu'Elle a fait répondre au Ministre de Suède, qui prétendoit à une quote-part dans ce fonds. — Maintenant quelques commissaires des Princes signataires, tentés peut-être par l'exactitude avec laquelle la Russie liquide à présent les frais causés par le passage des troupes Impériales en 1815, avoient conçu l'idée injuste de prétendre à une restitution pécuniaire de la valeur des prestations qui surpassoient le montant de leurs obligations respectives. C'est surtout le Commissaire du Grand-Duc de Bade, qui énonce ces prétentions, en y ajoutant même, que cette restitution pécuniaire avoit été promise par la Russie à Son Gouvernement. — Ne pouvant prévoir avec certitude quel sera le résultat de ces prétentions, aussi illégitimes que tardives, j'ai cru seulement agir dans les intérêts de notre Gouvernement, en les faisant parvenir à la connoissance de Votre Excellence, et je La supplie de n'y voir rien autre chose, que le zèle, peut-être superflu, que je porte pour le bien du service.

J'ai l'honneur d'être avec la plus parfaite considération

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très
obéissant serviteur

N. Tourgueneff.

2.

Francfort le $\frac{19 \text{ Février.}}{2 \text{ Mars.}}$ 1816.

Monsieur le Comte.

Par mes rapports précédents j'ai eu l'honneur d'informer Votre Excellence, que les affaires de liquidation, dont je suis chargé ne pouvoient pas commencer, vu que le commissaire Prussien n'a point été nommé, et que le commissaire Autrichien n'avoit pas encore des pleins pouvoirs pour s'occuper de la révision des comptes du Gouvernement Général de Saxe. Jusqu'à présent aucune nouvelle n'est arrivée, à ce sujet, ni de Vienne, ni de Berlin. Cependant le commissaire Autrichien m'a communiqué, qu'il croyoit que Son Gouvernement avoit enjoint à un commissaire Autrichien, résidant à Dresde, d'examiner l'état des revenus et des dépenses du ci-devant Gouvernement Général de Saxe directement dans les papiers et documents originaux, qui se trouvent dans cette ville; j'ai répondu officiellement au commissaire Autrichien, que cette mesure ne pourroit avoir aucune influence sur l'examen de ces comptes par notre commission, vu que les comptes du Gouvernement Général de Saxe, de même que tous les autres qui ont été présentés jusqu'à présent à la commission par les différents Gouverneurs Généraux, pouvoient être réglés seulement par cette commission. En même temps, j'ai prié le commissaire Autrichien de demander à son Gouvernement une réponse définitive à ce sujet, afin qu'il puisse lui-même me répondre officiellement, si le Gouvernement Autrichien a l'intention de lui accorder les pleins pouvoirs ou non. En envoyant hier une copie de ma lettre à Vienne, le commissaire Autrichien a demandé pour lui des ordres ultérieurs dans le sens que je lui ai proposé. — Voyant aussi, que le commissaire Prussien n'arrivoit pas, et ne recevant aucune réponse à mes lettres de Mr Stegemann, j'ai écrit, aujourd'hui, directement au Chancelier d'Etat Prince de Hardenberg, en le suppliant de me faire savoir qu'elle étoit son intention par rapport à notre liquidation, et en indiquant à Son Altesse la nécessité de nommer le commissaire Prussien.

Je prends, maintenant, la liberté de m'adresser à Votre Excellence, en la suppliant, de vouloir bien me faire parvenir ses ordres sur la conduite, que je dois tenir en cas que mes démarches auprès des Gouvernements Autrichien et Prussien demeureroient sans succès, ou en cas que je n'eusse pas même de réponse à mes lettres, comme cela m'est arrivé jusqu'à présent.

Enfin, j'ose supplier Votre Excellence de daigner me faire indiquer les fonds, d'où je pourrois tirer mes appointements, vu que la somme qui m'a

été comptée, ne suffira pas pour mon séjour prolongé ici et pour le retour en Russie. Un compte exact sera présenté par moi des sommes dépensées.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect.

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très
obéissant serviteur.

N. Tourgueneff.

3.

Francfort s/m le $\frac{12}{25}$ Mars 1816.

Monsieur le Comte.

J'ai l'honneur d'informer Votre Excellence, que les membres de la commission de liquidation chargée de partager entre les puissances alliées les revenus des pays occupés pendant la guerre de 1813 et 1814 se trouvent, maintenant, réunis à Francfort, et qu'ils vont procéder incessamment à la conclusion définitive du partage. Le commissaire Prussien, attendu depuis si longtemps, est enfin arrivé; et le commissaire Autrichien vient de recevoir tous les pleins pouvoirs nécessaires. En me réservant l'honneur de présenter, à Votre Excellence, un compte général des procédés de la commission, je ne manquerai pas de l'informer des résultats qu'aura la révision des comptes du Gouvernement général de Saxe, en particulier, aussitôt que cette révision aura été terminée. Ces comptes sont, maintenant, l'objet le plus conséquent, dont la commission ait à s'occuper. Les commissaires croient pouvoir terminer les affaires de la liquidation pour la fin du mois d'Avril.

Je prends la liberté de renouveler, à Votre Excellence, ma très humble prière pour qu'Elle veuille bien me faire assigner une somme nécessaire pour mes appointements de deux ou trois mois et pour les frais de voyage d'ici à Pétersbourg. J'en constaterai la dépense ensemble avec la somme, qui m'avoit déjà été remise par ordre de Votre Excellence à Nancy.

C'est avec le plus profond respect que j'ai l'honneur d'être

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très
obéissant serviteur.

N. Tourgueneff.

4.

Francfort s/m le $\frac{28 \text{ Mars.}}{9 \text{ Avril.}}$ 1816.

Monsieur le Comte.

J'ai l'honneur d'informer Votre Excellence que les comptes du Gouvernement Général de Saxe viennent d'être réglés par la commission de liquidation. Toute la somme que la Russie doit restituer aux autres puissances alliées ne monte qu'à 14.000 écus d'Allemagne. Par ce résultat, comparé aux résultats du même genre dans les autres Gouvernements, Votre Excellence voudra bien voir, que les intérêts du Gouvernement Russe n'ont été rien moins que négligés dans l'arrangement des comptes du Gouvernement Général de Saxe, surtout quand elle voudra prendre en considération, qu'aucun des autres Gouvernements, administrés pour le compte des puissances alliées, n'a présenté des revenus aussi conséquents que la Saxe. — Peut-être n'est-il pas superflu d'observer que la Prusse, qui avoit administré le Gouvernement Général de la Belgique, doit restituer à la Russie et à l'Autriche à peu près 5 millions de francs, tandis que la Russie qui avoit administré la Saxe, et dont les revenus sont le triple de ceux de la Belgique, ne doit restituer aux autres puissances que 14.000 écus. — Je ne fais cette observation que dans la ferme persuasion, que votre Excellence, tout en appréciant, dans sa justice, l'heureux résultat de l'arrangement des affaires de Saxe, ne sera point induite de croire, que le commissaire russe ait employé quelques moyens illicites pour produire ce résultat. Tous les membres de la commission de liquidation, dédaignant d'employer les moyens de chicane, si usités dans de pareilles affaires, ont franchement concouru à la conclusion de la liquidation; jamais une plus grande harmonie n'avoit régnée entre les employés de différentes puissances, rassemblés pour un seul but; et ce n'est, j'ose le dire, que cette franchise et cette harmonie, qui ont permis à la commission de venir à bout d'affaires aussi compliquées que sont celles, qui lui ont été imposées. Mon impartialité à ce sujet paroîtra d'autant plus certaine, que c'est pour la Russie que résulte le plus grand bénéfice de l'administration centrale.

Il ne reste maintenant à la commission qu'à régler les arrérages des revenus des pays du Rhin, qui se trouvent dans ce moment sous l'administration des Autrichiens et des Bavaurois; ce que nous espérons terminer pour le

1-er Mai; alors j'aurai l'honneur de présenter à Votre Excellence un rapport général et détaillé sur toutes les affaires de la commission.

C'est avec le plus profond respect que j'ai l'honneur d'être

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très
obéissant serviteur.

N. Tourgueneff.

5.

Monsieur le Comte.

J'ai reçu la lettre que votre Excellence m'a fait l'honneur de m'écrire en date du 22 Mars, concernant les appointements, que Sa Majesté l'Empereur a daigné m'accorder, par la bienveillante intercession de Votre Excellence. Je m'empresse de témoigner à Votre Excellence toute ma reconnaissance pour cette nouvelle marque de Sa bonté pour moi. L'autorisation de toucher ces appointements depuis le 1-er février me permet de subvenir aux frais de mon voyage du reste de la somme, qui m'a été comptée par ordre de Votre Excellence à Nancy.

Les affaires de liquidation, dont je suis chargé, s'arrangent avec succès. Nous les finirons dans le courant du mois de Mai. Après l'arrangement, la commission aura à dresser un tableau général des résultats de l'administration centrale, ce qui l'occupera encore pendant quelques semaines. J'ai eu l'honneur de faire parvir à la connoissance de Votre Excellence les résultats de l'arrangement pris par rapport aux comptes du Gouv^{nt}. Gén^{al}. de Saxe.

Monsieur de Martens, Ministre plénipotentiaire près la diète Germanique pour le Royaume de Hanovre, et chargé par son Gouvernement de prendre part à notre liquidation, a été admis, d'après les résolutions des trois grandes puissances, aux affaires de notre commission. Les commissaires Autrichien et Prussien, ainsi que moi, nous avons reconnu le droit du Gouvernement de Hanovre à la participation dans le partage des revenus des pays conquis pendant la guerre de 1813 et 1814; mais nous ne nous sommes pas crus autorisés de reconnoître le même droit de participation dans les 34.500.000 francs, payés aux grandes puissances alliées par la France et le Royaume des Pays Bas. Nous avons cru devoir faire ce refus par la raison que dans la participation de la Suède aux revenus, provenant de la dite guerre, ce dernier droit avoit

été reconnu postérieurement au premier et d'après des négociations particulières à ce sujet. Quoiqu'il est dit dans la lettre de Votre Excellence à M^r le Comte Hardenberg en date du $\frac{14}{26}$ 8-bre¹⁾ 1815, que les prétentions du Gouvernement de Hanovre doivent être reconnues par le commissaire russe à Francfort, et quoique dans les instructions de Votre Excellence, il m'a été enjoint²⁾ de faire participer le Hanovre par $\frac{1}{17}$ dans les revenus des pays conquis en 1814 et 1813, j'ai cru devoir m'associer à l'opinion de mes collègues, en refusant de reconnoître le droit du Hanovre au partage des 34.500.000 francs sus-mentionnés, en alléguant à Mr de Martens, que je n'avois pas des instructions expressees et particulières concernant le partage de cette somme. En même temps j'ai observé à Mr de Martens, que je ne doutois pas du sens de mes instructions, qui est tout à fait en faveur de son Gouvernement, et que la cause de mon refus ne tenoit qu'à ce que je ne croyois pas devoir m'éloigner de l'interprétation verbale de ces instructions. En présentant cet objet à la décision définitive de Votre Excellence, je dois observer, qu'il doit être indifférent aux intérêts du Gouvernement de Hanovre, que son droit au $34\frac{1}{2}$ Mill. sus-mentionnés soit reconnu à présent ou dans quelque temps d'ici, vu qu'alors comme en ce moment sa quote-part pourra toujours être mise à son profit dans les comptes réciproques des puissances participantes à la liquidation. — Enfin, comptant sur la bonté de Votre Excellence, je prends la liberté de lui énoncer mon opinion, qu'en faisant des concessions aussi importantes au profit des Gouvernements étrangers, il ne pourroit pas être superflu de prendre en considération l'équité de stipuler quelque chose au profit ou en faveur du Gouvernement russe dans les arrangements qui pourroient suivre les prétentions d'un autre genre que ces Gouvernements forment à la Russie.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect

Francfort $\frac{s}{m}$.
le $\frac{7}{19}$ Avril
1816.

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très
obeissant serviteur

N. Tourgueneff.

1) Octobre.

2) Въ рукописи: «adjoint».

6.

Monsieur le Comte.

J'ai l'honneur d'informer Votre Excellence, que les affaires de liquidation entre la Russie, l'Autriche, la Prusse, la Suède et le Hanovre, dont j'ai été chargé de la part de notre Gouvernement, viennent d'être terminées. Les protocoles, qui arrangent cette liquidation ont été dressés successivement, en suite des discussions et correspondances, que la nature des objets discutés exigeoit.

1. Le premier de ces protocoles concerne les lettres de change et certificats des coupes de bois. — Dans les pays restés sous la domination de la France, on ne peut aucunement prétendre à la réalisation de ces papiers. Les lettres de change et certificats qui avoient été en possession du Gouvernement Général de la Lorraine, ont même été transmis, après la paix de Paris en 1814, ensemble avec l'administration, au Gouvernement français. Les papiers de ce genre, qui se trouvoient dans les pays, entrés sous la domination des puissances d'Allemagne, n'ont pas pu être réalisés jusqu'à présent, et ne le seront probablement jamais. Les demandes de la commission à ce sujet et les réponses des autorités administratives actuelles de ces pays se trouvent consignées dans le protocole.

2. Le second protocole concerne les arrérages du ci-devant Gouvernement Général du Mi-Rhin, qui se trouvoit sous l'administration russe, et dont le gouverneur étoit Mr Gruner. La commission, après avoir demandé un compte de ces arrérages au Gouvernement provisoire, qui administroit les pays du Mi-Rhin au nom de l'Autriche et de la Bavière, a reçu pour réponse, que le compte demandé ne pouvoit être non seulement communiqué à la commission, mais pas même dressé par le Gouvernement, attendu que les arrérages n'ont pas encore été versés dans les caisses du Gouvernement, et que sans cesse on découvre des dépenses qui se rapportent au période jusqu'au 15 juin 1814, et qui par conséquent doivent être déduites des arrérages du même période; ce qui a fait présumer au Gouvernement provisoire sus-mentionné, que les dépenses surpasseront les arrérages, qui pourront être prélevés sur les contribuables. Le protocole renferme tous les détails relatifs.

3. Le troisième protocole concerne l'administration du Gouvernement Général de Saxe. Votre Excellence trouvera dans le tableau ci-joint les résultats de cette administration; le protocole en renferme les détails. Par mon rapport du $\frac{28 \text{ Mars}}{9 \text{ Avril}}$, j'ai pris la liberté d'appeler l'attention de Votre Excellence sur ce que ces résultats présentent de favorable pour le Gouvernement russe.

4. Le quatrième protocole contient l'arrangement des comptes du Département Central. Ce n'est que l'Autriche qui en reçoit maintenant un profit net, attendu que les sommes, qui ont été versées dans les caisses du Dép^{nt} Central au profit de la Russie et de la Prusse, ont été presque toujours employées pour l'entretien des hôpitaux, que l'Autriche entretenoit séparément et à ses propres frais. Le protocole renferme les détails nécessaires à ce sujet.

5. Le cinquième protocole concerne :

1°) Les sommes payées à titre d'avance dans plusieurs Gouvernements Généraux à quelques employés, de même qu'aux troupes de différentes puissances, qui n'ont pas participé à l'administration. Les sommes du premier genre sont communes, par des montants à peu près égaux, à toutes les trois Grandes Puissances alliées; et la commission, malgré tous ses efforts, n'ayant pas pu parvenir à avoir une spécification détaillée de leur emploi, les a laissées sur le compte Général. Les sommes du second genre restent de même sur le compte de toutes les puissances, qui ont participé à l'administration, ou qu'elles ont été payées à des puissances qui ont participé à la formation du fonds d'obligations en 1813, et vu que les prestations de ces puissances surpassent leurs quote-parts respectives dans ce fonds. Comme il est de l'intérêt des grandes puissances alliées d'anéantir les obligations qui forment ce fonds, ce qui n'est pas encore définitivement décidé jusqu'à présent, — il sera de leur justice de renoncer, lors de cet anéantissement à la restitution des avances en question. D'ailleurs les commissaires ont réservé chacun pour son Gouvernement respectif, la décision définitive à ce sujet.

2°) Les sommes payées pour des fournitures militaires dans plusieurs Gouv^{ts} Généraux, la commission, encore dans le commencement de ses séances en 1814 avoit pris pour règle de porter ces sommes sur le compte général de toutes les puissances, vu l'impossibilité de déterminer avec quelque certitude leur montant, et n'en ayant point des données suffisamment constatées. Cependant le commissaire Autrichien, Monsieur le Baron Barbier, lors du séjour de la commission à Vienne, avoit proposé de ne mettre sur le compte des puissances que ce que chacune d'elles avoit reçu en fournitures de ce genre; tous les autres commissaires ont protesté contre cette proposition. Dans le protocole actuel le commissaire Autrichien, Mr Schwüner, a accédé à l'opinion des autres commissaires, quant à l'impossibilité de déterminer avec certitude le montant des sommes, payées pour fournitures militaires dans les différents Gouv^{ts} Généraux; mais il ne s'est pas cru autorisé d'exclure du protocole la proposition de Mr Barbier; attendu que dans un ordre de S. M. l'Empe-

reur d'Autriche, cité dans le protocole, il est dit, que cette question doit être décidée par la voie ministérielle.

3°) la somme de 437.912 frs. 21 cent., que le Maréchal Prince Wrede avoit touché dans le Gouv^{nt} Général du Haut-Rhin. J'ai déclaré, conjointement avec le commissaire Prussien, que d'après les conventions, qui ont existé entre les puissances alliées, la Bavière n'ayant pas eu aucune part à l'administration, le Maréchal Prince Wrede n'avoit par conséquent aucun droit de s'en mêler et de prélever des contributions, dues exclusivement aux trois grandes puissances, à la Suède et au Hanovre. Le commissaire Autrichien, tout en reconnoissant l'illégitimité des procédés du Maréchal Prince Wrede, a énoncé, que les autres Puissances les ont pourtant soufferts, pour ne pas donner lieu à des discussions désagréables entre Elles. D'ailleurs Votre Excellence voudra bien voir dans le compte général (General-Abrechnung), que tous les commissaires ont réservé pour leurs Gouvernements respectifs de prétendre à la restitution des sommes prélevées par le Maréchal Prince Wrede. — Je prends la liberté de proposer à la considération de Votre Excellence de faire parvenir à la connoissance de S. E. le Maréchal Prince Barclay de Tolly les prétentions de la Russie quant à la somme de 437.912 frs. 21 cent. ainsi qu'aux arrérages du ci-devant Gouv^{nt}. Général du Mi-Rhin, montants à 1.121.203 frs. 87 c., afin que S. E. donne les ordres nécessaires à la commission de liquidation russe, établie ici pour liquider avec la Bavière et les autres Etats d'Allemagne les frais de passage des troupes russes en 1815; de ne pas procéder au paiement définitif de ces frais, avant que la question sur la somme de 437.912 frs. 21 c. ne soit décidée par les Puissances alliées, et avant que les comptes des arrérages ne soient présentés par les autorités administratives des pays du ci-devant Gouv^{nt} Général du Mi-Rhin, qui d'après les derniers arrangements, se trouvent presque tous sous la domination de la Bavière.

6. Le sixième protocole concerne les revenus prélevés par le Prince Royal de Suède dans les provinces de Schleswig et Holstein, ainsi que les sommes tirées de la vente des magasins à Cologne et à Liège. Dans cette dernière ville il a été vendu différents matériaux d'une fabrique d'armes pour 359.909 frs. 89 c. On a prétendu, que ces effets appartenoient à un particulier, et par conséquent ne devoient pas être vendus au profit des Puissances alliées. S. M. l'Empereur d'Autriche a, en conséquence, donné ordre à son commissaire de renoncer pour sa part au produit de cette somme. Le commissaire Autrichien ayant communiqué à la connoissance de la commission cet arrangement, le commissaire Prussien, ainsi que moi, nous n'avons pas

balancé à accéder à cette mesure, en déclarant, que sur des réclamations proprement constatées de la part du propriétaire des objets vendus, les sommes que les Puissances alliées en ont tirées, leurs seront décomptées; mais qu'avant que ces réclamations n'aient lieu, la somme sus-mentionnée restera partagée au profit des puissances alliées. Le commissaire Autrichien, ayant à son tour accédé à cette mesure, les comptes présentés par le Gouvernement Suédois n'ont subi aucun changement. Je dois observer ici que la commission n'avoit jamais reçu des réclamations directes et par écrit à ce sujet de que ce soit.

7. Le septième protocole concerne le déficit de 146.230 frs. 12 cent., qui s'est manifesté dans le ci-devant Gouv^{ment} Général de Berg. Il est évident, que les Puissances alliées ne sont aucunement obligées de contribuer au remboursement de cette somme: c'est ce que le commissaire Autrichien et moi nous avons déclaré à Vienne et ici. Le commissaire Prussien ne s'est pas cependant cru autorisé à accéder à notre déclaration.

8. Le huitième protocole concerne les arrérages, qui se trouvoient dans le ci-devant Gouv^{ment} Général du Bas-Rhin, et qui montent à 906.444 frs. 6 cent. La commission s'est adressée à cet effet au Gouvernement Prussien à Aix-la-Chapelle, mais n'en a pas [sic] reçu aucune réponse favorable, vu que la commission qui y est établie pour arranger les affaires de liquidation et de comptabilité n'en peut encore et ne pourra de longtemps présenter aucun résultat fixe.

9. Le neuvième protocole concerne les revenus de l'administration des postes par le Prince de Thurn et Taxis. Ces revenus ayant été destinés en 1813 à être partagés entre les Puissances alliées, et à l'époque du 15 juin 1814— [lorsque]¹⁾ l'administration commune de toutes les Puissances avoit cessé, et celle de quelques-unes d'Elles en particulier dans leurs pays respectifs l'avoit remplacée,—rien n'ayant été décidé sur les revenus des postes, ceux-ci sont censés jusqu'à présent appartenir à toutes les puissances. Pour en faciliter le partage, on les a divisé dans le compte général (General-Abrechnung) en deux parties, avant et après le 15 juin 1814, de sorte que la décision ultérieure de leur sort, quelle qu'elle puisse être, ne pourra causer aucune recherche ni aucun retard.

Tous les autres objets de liquidation, qui ne se trouvent pas compris dans les 9 protocoles énumérés, ont été arrangés par la commission antérieurement; et j'ai eu l'honneur d'en présenter mon rapport à Votre Excellence à Vienne.

1) Въ рукописи вмѣсто этого слова стоитъ: ои.

Votre Excellence voudra bien voir du *tableau du partage* ci-joint, qu'il doit se faire de l'une des quatre manières qui y sont indiquées. On ne peut guère douter, que le Hanovre soit admis au partage des 34.500.000 frs. payés aux Puissances alliées par la France et la Belgique. Dans ce cas les deux premières suppositions du tableau deviennent inutiles, ainsi que la troisième, et il ne faudra s'arrêter que sur la quatrième, qui nous est la plus favorable, parce que d'après celle-ci le Hanovre ne doit participer aux revenus des pays administrés que depuis le 1-er février 1814. Le Gouvernement Prussien a expressément prescrit à son commissaire de n'admettre que cette époque pour la participation du Hanovre, attendu que ce n'est qu'au 1-er février 1814 que cette Puissance avoit envoyé son contingent en compagnie. Le commissaire Autrichien et moi, en insistant sur la participation du Hanovre depuis le 1-er Février, nous nous sommes fondés sur des réglemens du Département Central; mais nous n'avons pas pu produire ces réglemens, parce que tous les actes du Département Central se trouvent à Berlin. Au reste le commissaire Hanovrien, Mr de Martens, nous a communiqué confidentiellement, que son Gouvernement se prêtera volontiers à cette mesure, si la participation de celui-ci dans les 34.500.000 fr. sera reconnue définitivement.

Après l'arrangement des affaires de la liquidation, tel qu'il se trouve dans les 9 protocoles et dans les actes antérieurs, la commission a vu et en conséquence décidé, que ses fonctions étoient terminées; car les affaires des arrérages, — qui ne présentent pas de chances favorables aux Puissances alliées, et dont le terme de l'arrangement est indéfini et ne dépend en aucune manière de la commission, — ne peuvent exiger l'existence ultérieure et indéfinie de la commission. Quand les comptes de ces arrérages seront dressés par les Gouvernements Prussien et Bavarois, ils seront alors communiqués directement aux Gouvernements respectifs des Puissances alliées. — Quant à la Russie, elle aura toujours les moyens propres à se garantir de tout préjudice pécuniaire, devant payer à la Prusse et à la Bavière des sommes qui surpassent de beaucoup les arrérages en question.

Ayant maintenant terminé les affaires de liquidation dont j'ai été chargé, j'ai l'honneur d'en présenter les résultats à Votre Excellence par le présent rapport. Je m'estimerai heureux, si la manière, dont j'ai rempli mon devoir méritera l'approbation de Votre Excellence.

Il ne me reste maintenant qu'à remplir les ordres de Votre Excellence, qui m'ont été transmis par S. E. Monsieur d'Alopeus, concernant l'anéantissement des billets de crédit, qui avoient été fabriqués pour acquitter les prestations des Etats d'Allemagne pendant la campagne de 1815. M^r d'Alopeus

a bien voulu me communiquer, que le Ministère Prussien lui a fait espérer que l'injonction alloit être incessamment expédiée à l'agent du Gouvernement Prussien à Francfort pour l'autoriser à l'anéantissement des billets en question. Voyant par les réponses du Chancelier d'Etat adressées à M^r d'Alopeus, et qu'il m'a communiquées en copie, que le Ministère Prussien croyoit le consentement des Etats d'Allemagne nécessaire pour procéder à la destruction des billets, je lui ai exposé, que les billets de crédit n'avoient été fabriqués que pour faciliter la liquidation, que cette liquidation se fait à présent directement, c. à d. que le paiement suit immédiatement la présentation, l'examen et l'arrangement des comptes, sans l'intermédiaire des billets; et que par conséquent leur anéantissement ne peut porter aucun préjudice aux Etats d'Allemagne. Cependant le commissaire Prussien n'a jusqu'à présent reçu aucune instruction à ce sujet de son Gouvernement. Le commissaire Autrichien n'en a pas non plus; pourtant il m'a déclaré, qu'il procédera de son côté à l'anéantissement des billets, dès que le commissaire Prussien aura les pleins pouvoirs nécessaires. Au reste le commissaire Autrichien en a fait son rapport à Vienne.

Sitôt que mes collègues recevront les pleins-pouvoirs nécessaires, nous procéderons à la destruction des billets de crédit; après quoi, comme rien ne me restera plus à faire ici, je me rendrai à Pétersbourg, et aurai l'honneur de présenter à Votre Excellence les documents et protocoles de la commission de liquidation.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect

Francfort ^{s/m.}
le $\frac{29 \text{ Mai}}{10 \text{ Juin}}$
1816.

Monsieur le Comte
de Votre Excellence
le très humble et très
obéissant sevriteur

N. Tourgueneff ¹⁾.

7.

Note ²⁾

concernant les arrérages des revenus dans le ci-devant Gouvernement Général du Mi-Rhin, confié à l'administration du Conseiller d'Etat Gruner,

1) Въ концѣ этой рукописи, на послѣднемъ листѣ другою рукою сдѣлана приписка: «Копія сообщена фельдмаршалу Барклаю де Толли. Августа 23 дня 1816».

2) Эта «Nota» сохранилась въ черновомъ видѣ безъ даты; но изъ протокола № 6 (см. стр. 394) видно, что она была составлена въ 1816 году, въ апрѣлѣ или маѣ.

présentée à Son Excellence M-r le Comte de Nesselrode, par le Conseiller de Cour Tourgueneff.

Pour déterminer avec précision les prétentions que le Gouvernement Russe peut avoir ¹⁾ sur les revenus et sur les arrérages des revenus du ci-devant Gouvernement Général du Mi-Rhin, qui a été administré par le Conseiller d'Etat Gruner, j'aurai l'honneur de mettre sous les Yeux de Votre Excellence.

I. l'Etat de tous les revenus, perçus pendant l'administration de M-r Gruner, de même que de toutes les dépenses, faites pendant cette époque.

II. l'Etat des arrérages jusqu'au 15 de Juin, terme, où l'administration de M-r Gruner a cessée ou a commencé celle des Gouvernements Autrichien, Prussien et Bavarois, d'après la convention, conclue à ce sujet à Paris.

III. Enfin je tâcherai de développer les causes d'après lesquelles l'arriéré n'a pu et ne pourra être payé en argent comptant au Gouvernement Russe, avant le règlement définitif du partage général.

I. Etat des revenus perçus.

D'après les comptes présentés par le Gouvernement-Général du Mi-Rhin à la Commission de Liquidation, établie à Francfort, et dont j'ai été nommé membre pour veiller aux intérêts de Russie, toutes les sommes, perçues depuis le 1 de Janvier jusqu'au 15 de Juin montoient à 6.019.333 fr. 4 c.

et les Dépenses à 3.506.228 » 43 »

Le reste montant à . . . 2.513.104 fr. 61 c.

doit être partagé entre les puissances alliées, d'après les principes, énoncés dans la convention de Leipzig.

De ce reste ont touché et doivent restituer, en se réservant la quote-part, d'après la convention

la Russie	1.945.524 fr. 71 c.
la Prusse	564.181 » 48 »
l'Autriche.	3.398 » 42 »
	<hr/>
	2.513.104 fr. 61 c.

V[otre] Excellence verra de cet aperçu que la Russie, ayant touché une somme qui surpasse sa quote-part, doit restituer le reste aux autres

1) Надъ этимъ словомъ надписано: «former».

puissances alliées, de même que celles-ci doivent à la Russie des sommes qui constituent sa quote-part dans leurs Gouvernement respectif. Cette observation suffiroit pour démontrer clairement que la Russie ne peut pas maintenant prétendre à toucher des sommes provenantes de l'administration des provinces, occupées par les troupes alliées avant le partage général entre toutes les puissances alliées, qui déterminera leurs quote-parts respectifs, vù que l'administration de toutes les provinces, occupées par les troupes alliées *a été exécutée généralement au profit de toutes les puissances¹⁾ qui y ont participé et que toutes les dépenses et tous les revenus regardent également chacune d'elles.*

II. L'état des arrérages.

1) *Etat de l'arriéré qui se trouve dans les caisses des arrondissements.*

Jusqu'à l'époque du 15 Juin les caisses de différents arrondissements possédoient des sommes qu'elles ont reçues des contribuants, mais qu'elles n'ont pas encore délivrées à la caisse centrale. Ces sommes constituent un arriéré de 447.864. dont 365.463 fr. 38 dans les pays, qui se trouvent depuis le 15 de Juin sous l'administration des Autrichiens et des Bavaois, et — 82.401 fr. 86. dans les pays, administrés maintenant par les Prussiens.

Les Commissaires Prussien et Autrichien ont reconnu la dite somme propre à être partagée entre les puissances alliées, à moins qu'il n'ait des dépenses y annexées²⁾.

2) *Etat de l'arriéré indéfini.*

Outre les sommes qui n'ont pas encore été jusqu' au 15 de Juin versées dans la caisse centrale, mais qui se trouvoient déjà dans les caisses des arrondissements, il existoit un arriéré absolu, consistant des impôts que les contribuants n'ont pas encore payés du tout. Celui-ci montoit dans les pays, maintenant administrés par les Autrichiens et les Bavaois à. . . 2.167.832 fr. 31. dont ceux, administrés par les Prussiens, à. 588.370 7.

	2.756.202	38.
--	-----------	-----

Mais il existe des dépenses, qui sont annexées à ces revenus, et qui font. 1.634.998 — 51.
De sorte que l'arriéré exigible ne monte qu'à. 1.121.203 fr. 87.

1) Противъ послѣднихъ словъ на поляхъ рукописи поставлено NB.

2) Далѣе въ рукописи зачеркнуто: «D'après ce que j'ai eu l'honneur d'exposer à V. Exc. ci-dessus, je crois que le montant exigible de cet arriéré est la seule somme, au partage de laquelle la Russie puisse prétendre avant que le partage général soit définitivement réglé».

Il faut observer ici, qu'à l'époque de la révision des comptes du Gouvernement Général du Mi-Rhin on ne pouvoit pas déterminer combien de ces dépenses regardoit la rive droite du Mosel, qui se trouve sous l'administration des Autrichiens et des Bavaois, et combien la rive gauche, administrée par les Prussiens.

III. Impossibilité du payement de l'arriéré, de même que des revenus effectifs à la Russie, avant le réglemeut définitif du partage général.

Il a été mentionné ci-dessus que toutes les provinces, ayant été administrées pour le compte et au profit de toutes les puissances alliées conjointement, la Russie ne pouvoit pas prétendre à toucher des sommes provenantes de l'administration de ses Gouverneurs Généraux, avant le réglemeut définitif du partage entre les puissances en question. La Russie a eu ses Gouverneurs Généraux par préférence dans des provinces, par où passaient les troupes Russes, comme l'Autriche et la Prusse dans celles, par où passaient leurs troupes respectives. En conséquence chacun des Gouverneurs Généraux a du dépenser plus d'argent pour les troupes de sa nation; mais, néanmoins, s'il a dépensé plus que la quote part de celle-ci ne fait, les autres ont le droit de prétendre à la restitution du surplus; de sorte que si l'Autriche et la Prusse ont à prétendre à des payements des revenus, perçus dans les Gouvernements Russes, la Russie à son tour a sa quote-part dans les revenus des pays, qui ont été administrés par les Gouverneurs Autrichiens et Prussiens. Mais leurs quote-parts respectives ne peuvent pas être déterminées maintenant parce que tous les comptes des Gouverneurs ne sont pas encore présentés et parce que la participation de la Suède aux revenus n'est pas encore tout-à fait probable, vû les réquisitions immenses faites par le Prince Royal de Suède dans différentes provinces, et vû que les employés Suèdois n'ont pas encore jusqu'à ce moment présenté les comptes de leur administration.

Si d'après cela aucune puissance ne peut prétendre à toucher maintenant les sommes provenantes des revenus, encore moins, ce me semble, pouvoit on exiger à avoir les arriérés.

Votre Excellence voudra bien voir de tout ce que j'ai eu l'honneur de Lui exposer dans cette Note, que la Russie ne peut pas compter recevoir aucune somme provenante des revenus des pays conquis, avant le réglemeut des comptes et du partage général. Dès que la Commission de Liquidation aura terminé les affaires, qui lui sont imposées, je ne manquerai pas de présenter à Son Excellence M-r le Ministre des Finances un rapport détaillé de tout ce qui concerne aux intérêts du Gouvernement Russe. — Qu'il me soit

seulement permis maintenant d'observer, que M-r Gruner a évalué trop haut l'arriéré en le fixant à 2.000.000. Cette somme surpasse ce que ses propres comptes présentent. Si on considère au surplus qu'une des causes principales de cette arriéré est la pauvreté et la totale impuissance de payer des habitants, alors on verra combien le donné de M-r Gruner est éloigné de la vérité. Si M-r Gruner avoit suivi la voie, qui lui est présenté par son devoir, pour faire parvenir à Son Excellence M-r le Ministre des Finances, le compte rendu de son administration, alors on auroit pu espérer, que les mé-sentendus qu'il vient de produire, n'auroient pas eu lieu.

8.

A Sa Majesté L'Empereur.

S.-Pétersbourg, ce 15 Juillet 1816¹⁾.

La Commission établie à Francfort pour liquider les comptes de l'administration des pays ennemis occupés pour les alliés pendant les années 1813 et 1814, et régler le partage des revenus provenant de cette occupation, vient de remplir la tâche qui lui étoit imposée. Le Conseiller de Collège Tourguénéff m'a rendu compte, dans un rapport fort étendu, des résultats que présente cette liquidation. Pour la répartition des revenus, la Commission a établi quatre suppositions. La quatrième qui parait la plus juste est en même temps la plus avantageuse. Dans cette hypothèse, la part qui nous revient s'élèverait à. 15.596.991 fr. 64 cent.
 Nous avons touché 15.121.545 67

Reste. 475.445 fr. 83

que nous avons à prétendre de la Prusse qui, ayant perçu 6.484.184 fr. 24 c. au dela des 15.596.991 qui lui reviennent, doit à toutes les Puissances et entr' autres à la Suède 1.838.446 fr. Par la convention conclue à Vienne le 15/27 Mai, Votre Majesté s'est engagée à payer à celle-ci la somme de 777.904 fr. sur le montant des revenus connus alors, qui formait le tiers du dix-septième que les trois Puissances avaient consenti à concéder à la Suède par la convention de Leipzig. Mais comme il résulte de la liquidation général que loin de devoir, nous avons à prétendre, cette somme doit être portée au compte de la Prusse, qui d'après ce principe nous devra :

1) Надъ этими словами на поляхъ рукописи другими чернилами и очевидно рукою имп. Александра I приписано: «Быть по сему». Самый документъ есть всеподданнѣйшій докладъ графа Нессельроде по дѣлу Ликвидационной Комиссiи.

1. pour le compliment de notre quote-part.....	475.445.
2. pour la Suède.....	777.904.
	Total..... 1.253.349.

En conséquence, je crois devoir représenter à Votre Majesté, qu'il sera nécessaire de communiquer au Prince Barclay le rapport du Conseiller de Collège Tourguéneff, et de lui prescrire de porter la somme sus-mentionnée de 1.253.349 francs en compte à la Prusse dans les liquidations qui nous restent à terminer avec elle pour les dernières guerres.

Quant à la Suède, la convention du ¹⁵/₂₇ Mai stipule que la somme de 777.904 fr. doit être acquittée cette année, savoir

400.000 fr. le ¹/₁₃ Mai et

377.904 fr. le ¹/₁₃ Septembre.

Mais par un arrangement subséquent Votre Majesté a consenti à faire délivrer sur cette somme 100/m. écus de la banque de Hambourg à la Reine Frédérique. Il n'en resterait donc qu'environ 227.904 fr. à payer au mois de Septembre à la Suède.

J'oserai par conséquent proposer à Votre Majesté.

1. de donner un rescrit au Ministre des Finances pour lui enjoindre de tenir à la disposition de la Reine Frédérique la somme de 100/m. écus, et de faire remettre le ¹/₁₃ Septembre à la Mission Suédoise à St.-Pétersbourg ce qui après avoir défalqué les 100/m. écus resterait à payer aux 777.904 fr.

2. d'autoriser le Baron Maltitz de s'entendre avec la Reine Frédérique sur le mode de lui faire passer les 100/m. écus. Peut-être qu'un placement dans nos banques lui conviendrait. Il nous éviterait un payement toujours désavantageux à faire dans l'état actuel de nos finances.

Ce rapport était terminé lorsque j'ai reçu une dépêche de M-r. d'Anstett qui transmet une note de Lord Clancarty, par laquelle celui-ci proteste contre le projet de ne comprendre le Hanovre dans le partage des revenus perçus qu'à dater du 1-er Février 1814, ainsi que cela se trouve établi dans la quatrième supposition proposée par les Commissaires. En modifiant ce projet ainsi que Lord Clancarty le désire, il en résulterait pour le Hanovre un bénéfice d'environ 89/m. francs et pour chacune des trois grandes Puissances une diminution d'environ 28/m. francs. Les arguments que Lord Clancarty allégué et qui paraissent fondés, réunis à l'insignifiance de ce sacrifice me portent à soumettre à Votre Majesté la proposition de consentir à la demande du Hanovre, s'il insiste et que l'Autriche et la Prusse ne s'y opposent pas.

9.

[Monsieur le Comte]¹⁾.

Me trouvant depuis six mois à St Pétersbourg et après avoir présenté à V. E. différents rapports sur les affaires, dont j'ai été chargé à l'étranger, j'ai vainement attendu jusqu'à présent qu'elles reçussent une décision quelconque, décision qui doit nécessairement suivre toutes les affaires de ce genre.

Ne pouvant m'expliquer les causes qui peuvent retarder cette décision et croyant en même temps qu'il est indispensable à tout honnête homme, que sa conduite, surtout dans les relations de service, soit claire et ne puisse donner atteinte à la moindre incertitude, je me crois obligé, M^r le Cte, de m'adresser à V. E. pour lui exposer en quelques mots la marche des affaires en question, consignée d'ailleurs complètement dans les différents rapports que j'ai eu l'honneur de lui faire parvenir successivement.

Ayant été en 1814 nommé membre de la commission de liquidation, chargée du partage des revenus, provenant des pays occupés par les armées alliées pendant la campagne de 1813—14, et ayant été à cet égard muni des instructions écrites et verbales par S. E. M^r le Bon de Stein, j'ai commencé à m'occuper des affaires de la liquidation conjointement avec les commissaires des autres puissances alliées. Nos occupations avoient déjà duré jusqu'au commencement de la campagne de 1815. Alors mes collègues reçurent d'autres destinations, et moi j'ai été employé au Gouvernement Général du rayon Russe en France, sous les ordres de M^r d'Alopeus.

Je crois pouvoir dire franchement, que j'ai montré du zèle et de l'activité en remplissant mes fonctions auprès de M^r d'Alopeus, et que je n'ai dévié nullement des principes d'honneur qui m'ont toujours guidé. M^r d'Alopeus lui même m'a rendu à cet égard un témoignage, qui pourroit m'être assez flatteur, si je ne comptais point le témoignage d'une conscience pure et irréprochable bien au dessus de ces froides et officielles attestations. Cependant la manière dont ma conduite, pendant l'administration du rayon russe en France, a été reconnue, m'a bien fait voir, qu'au service le zèle et l'honneur ne suffisent point pour jouir des avantages qu'il procure. Je n'aurois eu aucun prétexte raisonnable de penser ainsi si le manque de ces

1) Это прошение Тургенева сохранилось въ черновомъ видѣ, безъ даты и безъ указанія лица, къ которому оно обращено; но по содержанію видно, что оно писано къ графу Нессельроде.

2) Въ рукописи эти три слова зачеркнуты и надъ ними написано: en suite des . . .

avantages avoit été commun à tous les employés qui se trouvoient dans la même catégorie avec moi. Mais il n'en est pas ainsi. Plusieurs employés à l'administration en France ont reçu des marques de satisfaction supérieure d'après les représentations du Maréchal ou de l'Intendant Général. Quelques-uns même de ceux qui étoient ainsi que moi auprès de M^{re} d'Alopeus et en avoient obtenu, d'après les représentations de M^r d'Alopeus lui-même. Quant à moi j'ai été oublié, et M^r d'Alopeus m'en a fait savoir les raisons dans sa lettre, qui est connue de V. E. Je pense de ces raisons comme des attestations de M^r d'Alopeus en général. J'ai pris une fois la liberté d'exposer verbalement à V. E. les raisons, qui me font regretter cette injustice — car injustice il y a — de M^r d'Alopeus.

Je reviens à la liquidation. Après la conclusion de la paix en 1815, je me suis adressé à V. E. pour demander le renouvellement des pleins-pouvoirs pour traiter les affaires de liquidations, si toutefois on voudroit m'en charger. Je les ai obtenus. La bienveillance que Vous m'avez manifesté à cette époque, M^r le Comte, m'a laissé une impression agréable de reconnaissance envers Votre personne. — Je me suis rendu à Francfort. Après l'arrivée, longtemps attendue, de mes collègues, nous avons repris nos occupations. La tâche qu'il restait à remplir à la commission étoit la plus importante pour les intérêts du Gouv.^{nt} Russe: il s'agissoit de l'arrangement des comptes du G. G. du Royaume de Saxe. J'ai présenté dans le temps à V. E. les résultats de cet arrangement, résultats qui sont évidemment très avantageux à la Russie: tout homme peut s'en convaincre en les examinant même légèrement, et sans entrer dans les difficultés, qui ont du nécessairement précéder l'arrangement définitif. Pour preuve que tout en conduisant l'examen des comptes du G. G. de Saxe vers un résultat favorable à la Russie, je n'ai employé nul moyen incompatible avec la manière loyale de traiter nos affaires; je possède des témoignages de satisfaction — et ceux-ci me sont précieux — de la part de mes collègues.

Le partage des revenus du G. G. de Saxe avoit terminé les affaires de la liquidation. Il ne manquoit que la confirmation supérieure des principes et des résultats de cette liquidation. J'ai présenté à V. E. les quatre manières, dont cette confirmation pouvoit être faite, et cette différence ne venoit que de l'incertitude des prétentions du Gouv. de Hanovre.

Les points que la commission ne s'est pas crue autorisée à décider sont pour la plupart d'une importance presque nulle. Il n'y a que ceux de vraiment conséquents, qui regardent les prétentions que j'ai élevées en faveur du G^t Russe, et que la commission n'a pu aucunement décider d'elle-même. Pour en rendre la décision supérieure favorable aux intérêts de la Russie, j'ai tâché de rendre

les opinions de mes collègues à ce sujet correspondantes à mes demandes. C'est tout ce que j'ai pu faire moi-même.

A mon arrivée ici, en présentant à V. E. mon rapport définitif, j'ai pris la liberté d'indiquer la manière, dont on pourroit terminer avec l'Autriche et la Prusse l'arrangement sur les points non décidés par la commission. En même temps j'ai cru de mon devoir de faire mention d'autres circonstances, qui quoiqu'étrangères à mes fonctions, ne sont pas indifférentes aux intérêts de la Russie, savoir *par exemple* de l'affaire du fonds d'obligations, celle des faux assignats russes, qui se trouvoient à Königstein, et de celle des armes abandonnées par le P^{co} Repnin aux Prussiens, contre un payement à définir.

Je termine ici l'exposition des affaires dont j'ai été chargé. L'attente de leur décision pendant six mois m'a déterminé de la présenter actuellement à V. E. — elle prouve, qu'il n'y a rien d'obscur, ni d'incertain dans la marche de la liquidation, et cela me porte à supplier V. E. de vouloir bien prendre en considération les affaires en question et de faire approcher le terme de leur arrangement définitif — arrangement qui — je dois l'observer — est plus désirable pour la Russie, que pour les autres puissances, par la raison bien simple, c'est que la Russie a à prétendre, et elles à payer.

Ma démarche actuelle est peut-être déplacée, mais j'ai cru conforme à mes devoirs de la faire, et j'ose croire que Votre Excellence daignera bien l'excuser.

10.

Le statu quo des liquidations.

Elles sont entre les mains d'employés, dépendants en partie du Ministère des Finances, en partie du Maréchal, et même en partie du Min[istère] des aff[aires] étr[angères] ¹⁾.

Il est impossible que cela puisse bien aller en cette manière. Toutes les affaires, et surtout les affaires d'argent, doivent avoir une unité. Il doit exister une seule source pour toutes les affaires de liquidation, pour que leur marche puisse être coordonnée d'une manière uniforme pour toutes; pour que les principes de la liquidation générale aient de même fond dans les liquidations avec les différentes puissances étrangères; enfin pour qu'une seule direction sache toujours à qui, quand, combien et comment il faut payer, de qui, quand, combien et comment il faut recevoir.

Pour cela il faut un bureau générale des liquidations. En faisant ab-

1) Послѣ этихъ словъ вписаны слѣдующія слова, нарушающія порядокъ изложенія: «Exemple: Paris, Königsberg, Vienne, Han[ovre], Hamb[ourg]».

straction de l'utilité particulière d'un pareil bureau, il est clair, que sa création seule, en créant l'unité et par là l'ordre indispensable dans les affaires de ce genre, balancerait par son utilité les frais, au reste considérables, d'une institution semblable. Afin que cet établissement ne soit éphémère, et puisse répondre au but de son institution, il faut que les employés y soient en nombre suffisant et bien payés, pour qu'on puisse exiger d'eux, qu'ils s'adonnent entièrement à leurs occupations et travaillent tous les jours depuis le matin jusqu'au soir.

A l'installation du bureau il faut qu'il lui soient communiqués tous les actes, conventions et arrangements, d'après lesquels se sont maintenant les liquidations; de même que les sommes, déjà liquidées et reconnues, les sommes liquidées et celles qui peuvent être sujettes à des contestations. Le bureau en formera dans le plus court délais possible un aperçu raisonné, et présentera en même temps les moyens tendants au profit du fisc; et il est probable que ces moyens existeront, surtout par rapport au Hanovre et Hambourg.

D'après l'état actuel des choses il convient d'établir ce bureau au Min[istère] d[es] aff[aires] étr[angères], quoique ordinairement les affaires de ce genre appartiennent au Min[istère] des Finances. Pour y suppléer en quelque sorte, on pourra prescrire au bureau de donner connoissance de ses affaires, ainsi que de leur marche au Min[istère] de Finances, en obligeant celui-ci de répondre dans les 8 jours qui suivront la communication des affaires. De même, pour régulariser et accélérer la marche des affaires du bureau, il faut poser en principe, que la décision supérieure leur sera conférée dans les 8 jours qui suivront leur présentation.

Les comptes rendus annuels du Bureau pourront être présentés à l'examen du Conseil d'Etat au Département de l'Economie d'Etat, et même publiés, si cela ne choquera les co.

Les teneurs de livres au bureau devront être particulièrement responsables des comptes qu'ils dresseront.

Le bureau pourra expédier des couriers en cas d'urgence, avec l'autorisation du Ministère¹⁾.

18 Ноября 1816.

1) Далѣе написано карандашомъ: «Le min. le Mar. en recevrant les résultats de la liquidation ne peut que les reconnoitre, ne pouvant en juger tous les details, ainsi que les details de la marche des negociations entre les Liquidations».

ПРИМЪЧАНІЯ.

Запискамъ о путевыхъ впечатлѣніяхъ посвящены цѣлыя двѣ книги, шестая и седьмая (стр. 3—220). Обѣ онѣ писаны на-скоро, крайне неразборчиво и со множествомъ иностранныхъ названій; понятно, что читать и печатать ихъ было довольно трудно. На путешествіе Н. И. Тургенева по Европѣ надо смотрѣть не какъ на пустое времяпрепровожденіе, но какъ на завершеніе образованія. Тургеневъ умѣлъ наблюдать и путешествовалъ не даромъ: въ результатѣ онъ научился еще болѣе узнавать людей и обращаться съ ними. Его путешествіе началось съ 22 іюня 1811 г. и закончилось около 15 февраля 1812 приѣздомъ въ Москву; такимъ образомъ оно продолжалось почти *восемь мѣсяцевъ*. Маршрутъ Тургенева былъ таковъ: Гёттингенъ, Гейлигенштадтъ, Веймаръ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Лейпцигъ, Эрфуртъ, Франкфуртъ, Гейдельбергъ, Страсбургъ, Нанси, Баръ, Шалонъ, Парижъ, Дижонъ; Женева, Ферней, Лозанна, Ивердонъ, Бернъ, Баденъ, Шафгаузенъ, Цюрихъ, Базель, Госпиталь, переходъ черезъ Альпы (Чортовъ мостъ), Аріоло, Бороmeeвскіе острова, Сесто-Календе, Миланъ, Генуя, Римъ, Тиволи, Неаполь, Римъ, Флоренція, Болонія, Венеція, Перчахъ, Нейштатъ, Вѣна, Москва. Болѣе всего пробылъ Тургеневъ въ Парижѣ (два мѣсяца) и Италиі (2½ мѣс.), и наиболѣе пріятныя впечатлѣнія остались у него именно отъ этихъ странъ.

— (Стр. 5). Это стихотвореніе принадлежитъ Тургеневу и помѣщено сюда очевидно позже, такъ какъ черновой набросокъ его находится въ дневникѣ подъ 4/16 августа (см. ниже стр. 63), когда Тургеневъ былъ въ Парижѣ.

— (Стр. 6). Петръ Павл. Каверинъ оставался въ Гёттингенѣ, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ив. Тургеневымъ, почти до конца 1812 года. Въ Московской университетской бібліотекѣ сохранились его записи лекцій, сдѣланныя въ Гёттингенѣ на лекціяхъ профессоровъ. Эти записи были ведены крайне небрежно, скудны по содержанію и съ несомнѣнной очевидностью доказываютъ легкомысліе молодого Каверина, отсутствіе прилежанія и усидчивости, а также безграмотность и плохое знаніе русской рѣчи. Онъ не могъ записывать лекцій по-нѣмецки, какъ это дѣлали братья Тургеневы; но и, записывая по-русски, онъ выдаетъ свое незнаніе родного языка тѣмъ, что постоянно вставляетъ то французскія, то нѣмецкія слова. Вслѣдствіе этого получается какой-то жаргонъ русско-нѣмецко-французскій. Для образчика мы приводимъ здѣсь небольшой отрывокъ изъ одной его тетради.

«Послѣ этого обозрѣнія всѣхъ *Verfassung* остается у насъ вопросъ: возможно ли чрезъ вѣбшній механизмъ содѣйствовать, что мы въ конституціи искали — чтобы наши вѣрную *garantie*? Невозможно!» и т. д.

— (Стр. 7). У С. И. Тургенева осталась въ Россіи крѣпкая привязанность къ дѣвицѣ Сушковой, на которой онъ впослѣдствіи хотѣлъ жениться. Очевидно намекъ на это и дѣлаетъ онъ, совѣтуя брату Николаю беречь «нѣжныя чув-

ства для юныхъ дѣвъ Россіи». М. б. здѣсь можно видѣть и упрекъ по адресу Мих.-Данилевскаго, который оставлялъ въ Геттингенѣ сердечную привязанность. М. Данилевскому С. И. Т. тоже написалъ въ дорожную книгу такой эпиграфъ: *Quis porro Asia aut Africa, aut Italia relicta Germaniam peteret informem terris, asperam coclo, tristem cultu aspectuque, nisi patria sit?* Тас... Разумѣйте подѣ Германію Россію. Гетт. 22 іюня 811 г. Суб. веч.».

— (Стр. 8). Тургеневъ выѣхалъ изъ Геттингена 10/22 іюня 1811 г. вмѣстѣ съ А. І. Ив. Мпхайловскимъ-Данилевскимъ.

Въ Имп. Публичной библіотекѣ находится часть бумагъ послѣдняго и въ томъ числѣ его дневникъ, дающій намъ понятіе, какъ трудно было ему и Н. И. Тургеневу покидать Геттингенъ. «Вчера ввечеру — пишетъ онъ — выѣхалъ я изъ Геттингена и вѣроятно навсегда оставилъ то мѣсто, въ которомъ могу сказать о себѣ, что снова родился... Въ 9 час. вечера выѣхали мы двое, я и Николай Иван. Т., съ которымъ я провелъ вмѣстѣ три года въ Гетт. Братъ Сергѣй Ив. и П. Пав. Каверинъ насъ провожали до трактира, называемаго *das Deutsche Haus*. Прощаніе было нельзя трогательнѣе. Оба брата Тургеневы едва могли разстаться, слезы катились градомъ изъ глазъ обоихъ, и названія, какія только можетъ внушить нѣжнѣйшая братская любовь, прерывали ихъ слезы. Наконецъ мы простились; мы остались въ коляскѣ двое. Дилижансъ поѣхалъ, а еще долго раздавались въ воздухѣ клики: простите! простите! Я во всю мою жизнь не былъ столь разстроены, какъ въ эту минуту. Мнѣ представлялось предъ глазами, что я теряю, все, чего лишаюсь, всѣ удовольствія... Я цѣлую ночь не могъ спать. Николай Иван. немного отдохнулъ, но мы почти всю ночь проговорили, т. е. проплакали, провздыхали». Изъ того же журнала видно, что утромъ Николай Ив. написалъ брату Сергѣю письмо, которое сохранилось и въ которомъ онъ пишетъ слѣдующее. «Ну, Сергѣй! каковы были для меня первые два или три часа послѣ разлуки, ни я, ни ты себѣ представить не можемъ. Естьли когда либо забывался, то это въ сіе время; не зналъ, что со мною происходитъ. Спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ я тебя въ послѣдній разъ обнялъ, мой любезной братъ и другъ, мнѣ страстно захотѣлось тебя еще разъ увидѣть, и я бы согласился тогда отдать нѣсколько лѣтъ моей жизни за это удовольствіе. Я что-то чувствовалъ, но не понималъ этого чувства. Сергѣй! незабвенный, милый Сергѣй! Когда увижу тебя? — Никогда, братъ, право никогда я не былъ въ такомъ состояніи, какъ въ эту ночь.

Что мой любезной Каверинъ? Обними, братъ, его за меня: увѣрь, что въ послѣдніе дни я узналъ всю цѣну этого рѣдкаго друга, — и постарайся увѣрить его въ вѣчной моей привязанности, естьли онъ хотя немного въ ней сомнѣвается. Напиши, братъ Сережа, какъ вы дошли домой. Тогда, когда уже повозка отъѣзжала, я еще радовался объятіямъ вашимъ. Узнай, братъ, его, а онъ заслуживаетъ всю любовь, дружбу, всю привязанность. — Прости, Сергѣй, до перваго случая. Другъ любезный, прости — братъ Н. Т.».

Тутъ же слѣдующая приписка Данилевскаго: «Цѣлую ночь, милостивый Государь Сергѣй Ивановичъ, я не спалъ; цѣлую ночь думалъ о Геттингенѣ. Вѣроятно и вы не лучше спали. Черезъ полъчаса мы отправляемся въ Дингельштатъ — какое поэтическое имя: оно въ состояніи привести въ восторгъ... Извините: чувствую, что дѣлать путки не у мѣста. Будьте веселы, любите Геттингенъ; вы знаете его цѣнить и не забудьте вашего покорнаго Данилевскаго.

Каверину — *un salut des plus prosaiques*. И тебѣ, другъ и благодѣтель...

(и прочая, ты разумѣешь, иѣдь малый ты догадливый)... Петръ Павловичъ, посылаю при семъ поклонъ — какой? — смотри въ заключеніи письма Сергѣя Ивановича. Наше путешествіе былъ Плачъ Еремѣевъ (Jérémiades). Мы слезами затопили всѣ дороги... Было довольно скучно, недоставало тебя, чтобы насъ позабыть твоими лицами. Прости и забывай скорѣе твоего... Данилевскаго».

Скоро послѣ слезъ разлуки наступила реакція, и путешественники, по словамъ того же Данилевскаго, хохотали до упаду и веселились весь слѣдующій день.

— Что касается отношеній Н. И. Тургенева къ Каверину, то можно удивляться, какъ измѣнились они за послѣдніе дни пребыванія его въ Геттингенѣ. Вотъ что пишетъ Тургеневъ Каверину изъ того же Гейлигенштадта: «Мнѣ кажется, любезный другъ мой Петръ Павловичъ, что я тебя со вчерашняго дня вечера полюбилъ еще болѣе, естли только это возможно. Спасибо, братъ, спасибо за твою дружбу. Клянусь тебѣ всѣмъ, что для меня свято, что это я почитаю самымъ щастливѣйшимъ приобрѣтеніемъ въ моей жизни. Любовь и привязанность моя къ тебѣ, мой незабвенный Каверинъ, кончится не прежде моей жизни. Съ душевною радостію считаю тебя въ числѣ тѣхъ очень немногихъ, которыми мнѣ жизнь мила, и которыхъ щастіе я почитаю несравненно выше моего собственнаго, и для которыхъ я готовъ жергвовать всѣмъ на свѣтѣ. Прости, милый другъ! Люби Сергѣя. Помни о послѣднемъ вечерѣ и прощаньи, о которомъ врядъ ли я во все продолженіе путешествія моего буду вспоминать безъ слезъ. Меня позабыть тебѣ право нельзя и грѣхъ, и я слишкомъ много въ тебѣ увѣренъ, чтобы когда-нибудь подумать объ этомъ. Прости! Твой Н. Т.»

По всѣмъ признакамъ, Каверинъ былъ веселый товарищъ, собутыльникъ, остроумный изобрѣтатель всякихъ дурачествъ и любовныхъ похожденій. Этими-то качествами очаровалъ онъ и Н. И. Тургенева въ послѣдніе дни его пребыванія въ Геттингенѣ, когда онъ, закончивъ первый набросокъ своей книги о налогахъ, искалъ развлеченій и проводилъ время въ веселой компаніи друзей. Очевидно тѣ же качества впослѣдствіи привлекли къ Каверину и Пушкина, искавшаго шумныхъ забавъ и амурныхъ похожденій.

— (Стр. 9) *Вестфалія*, т. е. Вестфальское королевство, была въ эту эпоху въ печальномъ положеніи вслѣдствіе того, что Наполеонъ обложилъ ее значительными поборами; кромѣ того между помѣщиками и крестьянами, только что получившими свободу, были сильныя тренія и недоразумѣнія, что конечно мѣшало хорошей обработкѣ полей.

— *Имп. Александръ I* былъ въ Эрфуртѣ въ 1808 году, съ 27 сент. по 14 октября. См. томъ I, стр. 444.

— «*Римскаго Короля*», т. е. сына Наполеона I и Маріи-Луизы, герцога Рейхштадскаго (1811—1832), родившагося 20 марта.

— «*Чувства Русскаго*» при видѣ Веймара пробудились у Тургенева потому что тамъ жила вел. княгиня Марія Павловна (см. томъ первый дневниковъ, с. 477).

— *Йенскій университетъ*, основанный въ 1558 году, пользовался наибольшей славой при герцогѣ Карлѣ-Августѣ въ 1787—1806 гг., подъ управленіемъ Гёте; профессорами тогда въ немъ были Фихте, Шеллингъ, Гегель, Окенъ и Шиллеръ. Въ эпоху броженія умовъ, послѣдовавшую за оковчаніемъ наполеоновскихъ войнъ, Йена была однимъ изъ центровъ студенческой организаціи (Burschenschaft), что повлекло за собою разныя невзгоды для йенскаго университета.

— (Стр. 10). Несчастіе Бабста состояло въ томъ, что онъ въ Геттингенѣ на дуэли смертельно ранилъ одного студента. См. дневникъ, т. I.

— «Römisches Haus» находится въ веймарскомъ дворцовомъ саду, а этотъ послѣдній отличается необыкновенно живописными видами. Такимъ образомъ восхищеніе Тургенева вполне понятно.

При Ауэрштедтѣ произошла битва французовъ съ пруссаками 14 октяб. 1806 г.

— (Стр. 11). Сраженіе подъ Іеной произошло того же 14 октября 1806 г.

— Герцогъ Брауншвейгскій (Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ) управлялъ герцогствомъ съ 1780 по 1806 годъ. Получивъ въ этомъ году главное начальство надъ прусскими войсками, онъ былъ смертельно раненъ въ сраженіи при Ауэрштедтѣ и умеръ нѣскольکو дней спустя послѣ того, какъ Наполеонъ объявилъ, что Брауншвейгскій домъ пересталъ царствовать. По Тильзитскому миру Брауншвейгское герцогство вошло въ составъ Вестфальскаго королевства.

— Густавъ II Адольфъ, король шведскій (1611—1732), былъ убитъ въ сраженіи при Люценѣ 6 ноября 1632 г.

— *Соколовичъ*, Павелъ Петровичъ, тотъ самый, о которомъ часто говорить Тургеневъ въ первомъ томѣ своихъ дневниковъ.

— *Платнеръ* (Plattner), знаменитый медикъ, натуралистъ и философъ, приближавшійся въ своемъ философскомъ направленіи къ Лейбницу и отчасти къ Канту, съ наклономъ въ сторону скептицизма,—читалъ лекціи по физиологіи, антропологіи и философіи. См. о немъ. Евг. Боброва — Философія въ Россіи (Ученыя Записки Казан. унв., 1900, II).

— (Стр. 12). О деревнѣ *Colis* въ путеводителѣ Рейхарда сказано: «Das Dorf Gohlis mit seinen Kuchenbäckern und dem modern gebauten, von Oeser verzierten Herrenhause; in gleichen im Garten das Monument, das sonst zu Sellerhausen stand, und Sulzer und Gellert gewidmet ist».

— (Стр. 13). О *Кассіусъ* см. въ первомъ томѣ дневниковъ Тургенева.

— Въ письмѣ изъ Лейпцига (отъ 17/29 іюня) Тургеневъ пишетъ брату Сергѣю, что ему очень нравится городъ и «вся Саксонская земля. Нѣтъ никакого сравненія съ Вестфальскимъ королевствомъ. Здѣсь на каждомъ шагу видны благосостояніе, богатство поселянъ и гражданъ,—тамъ вездѣ бѣдность. Народъ тоже, кажется, немного лучше Вестфальскаго. Инде примѣтны еще слѣды послѣдней жестокой войны Франціи съ Пруссіею... Что касается до Лейпцига въ особенности, то городъ сей очень мнѣ нравится, въ особенности окружающіе его сады, принадлежащіе частнымъ людямъ, но въ которые всѣ могутъ ходить. Мы съ Павломъ Петровичемъ и еще съ однимъ Прусскимъ *Geheimer Rath*... часто ходимъ въ эти сады... Отсюда я пишу Матушкѣ. Съ Данилевскимъ писалъ къ Ал[ександру] Ив[ановичу]. Онъ третьяго дня отсюда поѣхалъ. Я очень доволенъ его компаніею. Одному несносно было бы ѣхать». — Вмѣстѣ съ Соколовичемъ Тургеневъ осматривалъ лейпцигскій музей и обсерваторію.

— (Стр. 15). *Prinzenhaus* — домъ противъ университета въ Геттингенѣ, въ которомъ жили Сергѣй Тургеневъ и Каверинъ. См. въ первомъ томѣ дневниковъ Т—а. На улицѣ Вендештрассе въ Геттингенѣ находился хорошій ресторанъ (Keller), въ которомъ часто бывали русскіе студенты.

— *Дрезденская* картинная галерея имѣла въ то время около 1500 картинъ, принадлежавшихъ кисти 334 художниковъ. Она, какъ и теперь, помещалась въ Цвингерѣ.

— (Стр. 16). Сикстинская Мадонна производила на русскихъ людей разное дѣйствіе: Жуковскій расплакался предъ нею, иные равнодушно проходили мимо; Тургеневу она, какъ видно, понравилась, и онъ писалъ брату Александру Ивановичу, что отъ Рафаелевой Мадонны «никакъ отойти не могъ».

— (Стр. 17). *Крузенитеръ* (1770—1846) совершилъ кругосвѣтное плаваніе въ 1803—1806 гг. Записки его объ этомъ путешествіи напечатаны въ С.-Пб. въ 1809—1813 гг. и переведены на многіе языки.

— Въ *Японскомъ дворцѣ* помѣщалась королевская бібліотека. Въ путеводителѣ Рейхарда (изд. 1826 г.) сказано, что въ ней было до 250 тыс. томовъ и отъ 4 до 5 тысячъ рукописей.

— (Стр. 18). *Нельсонъ* (1758—1805), извѣстный англійскій адмиралъ, прославленный всего болѣе за Трафальгарскую побѣду, которая однако стоила ему жизни. — *Веллингтонъ* (1769—1852) — извѣстный полководецъ и государственный дѣятель Англій. — Герцогъ *Мальборо* (1650—1722 г.) — тоже англійскій полководецъ и государственный дѣятель.

— *Der Grosse Garten* имѣлъ въ длину 2500 шаговъ. См. путеводитель Рейхарда.

— (Стр. 19). *Linksches Bad* — «stark besucht, sonderlich am Sonntag; es ist auch deutsches Schauspiel daselbst», говоритъ Рейхардъ.

— *Тарантъ* (Tharand) — въ трехъ часахъ ѣзды отъ Дрездена: см. у Рейхарда: «die Anlagen und Gegenden sind reizend und malerisch; die heiligen Hallen. Тамъ имѣлись минеральные источники.

— (Стр. 20). Крѣпость Кѣнигштейнъ, ея живописныя окрестности еще и теперь привлекаютъ вниманіе путешественниковъ.

— (Стр. 23). *Рѣка Кирничъ* (а не Кирпичъ, какъ напечатано въ текстѣ) впадаетъ въ Эльбу съ правой стороны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположенъ городокъ Шандау, упоминаемый Тургеневымъ.

— (Стр. 26). Королемъ Саксонскимъ былъ въ это время Фридрихъ III Августъ (1763—1827). Королевскій титулъ онъ получилъ въ 1806 г. Во время путешествія Тургенева Саксонскій король былъ также вел. герцогомъ Варшавскимъ. — *Принцъ Антонъ* былъ наслѣдникомъ короля и царствовалъ до 1836 г. При немъ была введена въ Саксоніи конституція (1831 г.).

— Деревню, куда ѣхалъ Тургеневъ называли *Плауен*, а не Blauen; она, какъ и Тарандъ, расположена на рѣкѣ Weisseritz. Имя этой рѣки Тургеневъ забылъ записать въ дневникъ.

— (Стр. 28) *Яковлевъ* — русскій посолъ при Вестфальскомъ королѣ, родной дядя Ал. И. Герцена. См. т. 1-й дневниковъ Тургенева.

— Въ своемъ письмѣ изъ Дрездена 5 іюля Тургеневъ писалъ брату, что въ картинной галлерей онъ восхищался нѣкоторыми картинами; отъ иныхъ «никакъ не могъ отойти. Видѣлъ собраніе фарфора, оружейную (тутъ шляпу и шпагу Петра I). Видѣлъ королевскій дворецъ — очень простъ, и бібліотеку, которой смотритель былъ чрезвычайно ласковъ, въ особенности узнавъ, что я былъ въ Геттингенѣ. Выхвалялъ свой порядокъ книгъ и предпочиталъ его Геттингенскому, въ чемъ онъ былъ правъ; я соглашался, но никакъ не унижая нашей бездѣльной Гетт. бібліотеки.

Вчера и третьяго дня употребилъ я на путешествіе въ Саксонскую Швейцарію; въ *Кушталя*, славной скалѣ, обезсмертилъ свое имя — ты его увидишь, если тамъ будешь; увидишь, что я и тутъ о тебѣ помнилъ и записалъ это

въ книгѣ... Сегодня я получилъ, къ величайшей радости, письмо твое вмѣстѣ съ паспортомъ... Къ брату Ал. Ив. я пишу отсюда: описываю ему нѣсколько обстоятельнѣе то, что здѣсь видѣлъ... Вчера я былъ въ Пильницѣ и смотрѣлъ изъ ложи на обѣдъ Короля... Вчера я былъ въ Тарантѣ... Оттуда возвращался ночью: дождь, молнія, громъ, черныя облака были моими спутниками; но я былъ совершенно равнодушень, шпорилъ свою клячу и курилъ табакъ изъ моей трубки... Данилевскій уѣхалъ отсюда въ тотъ день, какъ я сюда приѣхалъ. Здѣсь встрѣчалъ я Лифляндцевъ... все зовутъ себя Russen. Въ Лейпцигѣ познакомился съ двумя Куронами: Мантейфелемъ и Раутенфельдомъ. Гораздо лучше нашихъ. Послѣдній говоритъ славно по-Русски и родился въ П[етер]бургѣ. Жаль только, что съ студентами въ Лейпцигѣ обращаются слишкомъ строго. Недавно они подрались палками и сидѣли за это 5, 8, 10 недѣль въ карцерѣ, а двое сидятъ и по сію пору. Въ числѣ первыхъ былъ и Мантейфель...

Иногда, братцы, такъ бываетъ, что я желаю, чтобы обстоятельства заставили всѣхъ насъ возвратиться въ Петербургъ».

— (Стр. 29). Чтобы отблагодарить Соколовича за то, что онъ показывалъ ему всѣ достопримѣчательности Лейпцига, Тургеневъ просилъ брата Сергѣя прислать Соколовичу карту Россіи, а самъ подарилъ ему табакерку.

— Русскіе въ то время были очень избалованы петербургской выправкой гвардіи и господствовавшей тамъ фронтманіей; а потому Тургеневу совсѣмъ не нравились нѣмецкія войска; см. выше стр. 19.

— (Стр. 31). *Штрюмбергъ*, студентъ, учившійся въ Геттингенѣ; см. о немъ 1-й томъ дневниковъ.

— (Стр. 32). Владѣнія рода *Turn und Taxis* сдѣланы были въ 1786 г. имперскими графствами. Въ завѣдываніи этого рода находилась государственная почта.

— Изъ писемъ Тургенева видно (отъ 20 іюля), что во Франкфуртѣ онъ пробылъ три дня, что къ богачу Бетману онъ имѣлъ рекомендательное письмо изъ Лейпцига отъ консула И. И. Шварца.

— *Шторхъ* (Андрей Карловичъ, 1766—1835) — экономистъ, популяризаторъ идей Адама Смита въ Россіи. Въ Россію переселился съ 1789 г.; въ 1796 г. избранъ членомъ С.-Пб. академіи наукъ. Состоялъ учителемъ великихъ князей, а позже преподавалъ политическую экономію вел. князьямъ Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу. Шторхъ оказалъ большую услугу дѣлу изученія Россіи своимъ обширнымъ трудомъ: «*Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reichs*» (въ 9 томахъ, Рига 1797—1803). Тутъ мы находимъ весьма полное и точное описаніе русскаго хозяйственнаго строя того времени. Продолженіемъ къ этому труду служитъ упомянутый Тургеневымъ «*Rusland unter Alexander I*» (С.-Пб. 1805—1811 гг., 27 выпусковъ). Крупнѣйшимъ трудомъ Шторха, давшимъ ему почетное мѣсто среди экономистовъ того времени, является его «*Cours d'economie politique ou exposition des principes qui determinent la prosperité des nations*» (Галле 1815). Хорошо знакомый съ хозяйственнымъ и общественнымъ строемъ Россіи, Шторхъ часто иллюстрируетъ свои теоретическія воззрѣнія примѣрами изъ русской жизни. Онъ рѣзко осуждаетъ крѣпостное право, въ которомъ видитъ главную причину отсталости Россіи; въ неприкрашенномъ видѣ представлены имъ темные порядки тогдашней русской юстиціи и отмѣчены расточительность и задолженность нашихъ вельможъ. По цензурнымъ условіямъ того времени книга эта не могла появиться въ русскомъ переводѣ.

— (Стр. 34). *Романа* (маркизь Педро, 1761—1811), испанскій генералъ. Въ 1807 г., когда Наполеонъ потребовалъ отъ мадридскаго кабинета выставить для французской службы корпусъ въ 15 т. солдатъ, Романа былъ назначенъ главнокомандующимъ этимъ корпусомъ, который былъ посланъ на сѣверъ Европы. Онъ былъ въ Фіоніи, когда узналъ о тогдашнихъ событіяхъ въ Мадридѣ. Тайно отъ Бернадота, при содѣйствіи англичанъ, Романа посадилъ свои войска на суда и благополучно возвратился въ Испанію. Объ этомъ-то бѣгствѣ и упоминаетъ Тургеневъ.

— *Бернеръ, Башвицъ и Бюло* — студенты, бывшіе въ Геттингенѣ; см. дневники въ первомъ томѣ.

— (Стр. 35). Изъ Франкфурта Тургеневъ прѣхалъ слѣдующія станціи: Langen, Darmstadt, Bickenbach, Herrenheim и Wienheim. Дорога идетъ все время по берегу Рейна, посреди виноградниковъ и называется Bergstrasse. Весь переѣздъ отъ Франкфурта до Рейна Тургеневъ совершилъ въ одинъ день. Въ одномъ письмѣ онъ называетъ эту дорогу самою лучшею, какія онъ только видѣлъ въ Германіи.

— Что Тургеневъ былъ другомъ крестьянъ и всюду обращалъ вниманіе на ихъ жизнь, это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ его дневника въ первомъ томѣ.

— Странное заблужденіе Тургенева: въ Россіи всѣ поютъ, значить они живутъ хорошо! Вообще можно замѣтить, что, соскучившись за три года по Россіи, Тургеневъ иногда склоненъ былъ идеализировать нѣкоторыя стороны русской жизни.

— Въ Швейцингенѣ жила герцогиня Баденская.

— (Стр. 36). *Торнау, Корфы, Шмелингъ и Штендеръ* — студенты, учившіеся въ Геттингенѣ; см. о нихъ въ первомъ томѣ дневниковъ Тургенева. Со Шмелингомъ послѣдній и позже поддерживалъ сношенія; по крайней мѣрѣ въ Архивѣ Тургеневыхъ сохранилось его письмо (по-нѣмецки, отъ 1819 г.). Сохранилось письмо Тургенева, писанное въ Геттингенъ къ брату (отъ 20 іюля); въ немъ онъ сообщаетъ, что всѣхъ «Ландсмановъ» (земляковъ) онъ нашелъ въ хорошемъ здоровьи, что они къ нему очень любезны, что всѣ они, къ его удивленію, прилежны и «всѣ ходятъ очень порядочно на лекціи, и Штендеръ принялся за ученье. Большаго Торнау, къ сердечному сожалѣнію, нашелъ я очень больнымъ». Тургеневъ передаетъ Каверину поклонъ отъ Башвица и Урбана. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ, что по вечерамъ ходитъ со всѣми «земляками» за городъ или въ замокъ гулять. Въ письмѣ изъ Цюриха (25 окт.) Тургеневъ сообщаетъ, что одинъ изъ бр. Торнау, Башвицъ и еще какой-то студентъ были въ Лозаннѣ незадолго до его прѣзда.

— *Галичъ, Александръ Ивановичъ* (1783—1848), сначала учился въ гельмштедскомъ университетѣ, а послѣ закрытія его (въ 1809 г.) повидимому прямо переехалъ въ Гейдельбергъ. Онъ считается однимъ изъ первыхъ послѣдователей философіи Шеллинга въ Россіи, хотя по даннымъ тургеневскаго архива приходится признать первымъ послѣдователемъ Шеллинга въ Россіи Я. И. Мудрова (въ 1802—1803 гг.).

— Въ Гейдельбергѣ Тургеневъ пробылъ съ 17 по 23 іюля. Изъ его письма въ Геттингенъ (20 іюля) видно, что онъ хаживалъ на нѣкоторыя лекціи профессоровъ: «Тибо мнѣ понравился, въ особенности когда я вообразилъ харю Гуго».

— (Стр. 40). Недостатокъ въ молодыхъ людяхъ, замѣченный Тургеневымъ, объясняется частыми конскрипціями, т. е. рекрутскими наборами, введенными Наполеономъ. Объ этомъ своемъ впечатлѣніи Тургеневъ вспоминаетъ въ послѣдствіи, въ своей книгѣ «La Russie et les Russes», т. I.

— (Стр. 41). Станиславъ Лещинскій (1677—1766), воевода познанскій, въ 1704 году, по требованію Карла XII, былъ избранъ королемъ польскимъ. Послѣ полтавской битвы Лещинскій отказался отъ престола и удалился во Францію, гдѣ на его дочери Маріи женился Людовикъ XV. Конецъ жизни Лещинскій провелъ въ Лотарингіи, живя въ Нанси, гдѣ онъ основалъ школу для польскаго юношества. Тамъ ему воздвигнуть памятникъ, и мѣстная академія носить его имя.

— *Маршалъ Удино* (Oudinot, 1767—1847) получилъ маршальскій жезлъ за битву при Ваграмѣ въ 1809 г.

— (Стр. 42). Атила былъ разбитъ у Шалона въ 451 г. войсками Аеція.

— Здѣсь Тургеневъ датируетъ невѣрно: вторникъ въ 1811 году былъ не 19/31, а 18/30 іюля. Въ Парижѣ Тургеневъ пробылъ два мѣсяца, съ 18/30 іюля по 22 сент. — 4 октября.

— (Стр. 43). *Маршалъ Ожеро* (Pierre François-Charles Augero, 1757—1816), наполеоновскій генералъ, выдвинулся особенно въ кампаніяхъ 1805—1807 гг.

— (Стр. 44). *Rue Richelieu* находится очень близко отъ Palais Royal, куда такъ часто ходилъ Тургеневъ. Изъ письма къ брату Сергѣю (отъ 13 августа) видно, что онъ поселился въ «Hotel de Malte» (№ 65).

— *Palais Royal* — дворецъ, выстроенный кардиналомъ Ришелье въ 1636 г. Сначала онъ назывался Palais-Cardinal. Послѣ его смерти въ дворцѣ поселилась овдовѣвшая королева Анна Австрійская съ своими малолѣтними дѣтьми, Людовикомъ XIV и Филиппомъ Орлеанскимъ. Съ этого времени дворецъ получилъ свое настоящее названіе. Людовикъ XIV подарилъ его своему брату, герцогу Орлеанскому. Сынъ послѣдняго, регентъ Филиппъ Орлеанскій († 1723 г.), устраивалъ здѣсь свои оргіи, на которыхъ присутствовали его фаворитки, оперныя пѣвицы, нѣсколько дамъ сомнительнаго поведенія, люди незнатные, но извѣстные своимъ остроуміемъ и кутежами. Внукъ регента, Филиппъ, по прозванія Egalité, для увеличенія своихъ доходовъ, окружилъ дворцовый садъ кольцомъ построекъ и отдалъ ихъ подъ кофейни и магазины, а въ верхнихъ этажахъ вскорѣ поселились карточные игроки и подобная имъ публика. Такъ, съ теченіемъ времени, Palais Royal, — т. е. его кофейня, магазины и садъ-бульваръ, — сдѣлался очень оживленнымъ мѣстомъ, куда стремились покутить, поиграть въ карты или ружейку, chercher les aventures и т. д.

— (Стр. 46). Интересъ Тургенева къ судопроизводству, замѣтный здѣсь, проявлялся у него и въ Геттингенѣ, гдѣ онъ посѣщалъ мѣстный судъ, и въ послѣдствіи, что доказывается его сочиненіями (оставшимися б. ч. въ рукописи) о судѣ присяжныхъ, объ уголовномъ правѣ и т. д.

— (Стр. 48). *Тюренинъ* (1611—1675) — французскій полководецъ. *Вобанъ* (1633—1707) — тоже французскій инженеръ и писатель.

— *Давидъ* (Louis David, 1748—1825), знаменитый французскій художникъ.

— (Стр. 49). *Тальма* (Франсуа-Жозефъ Talma, 1763—1826) считается преобразователемъ французскаго сценическаго искусства; онъ осуждалъ излишнюю и фальшивую декламацию и стремился вносить безусловную правдивость не только

въ дикцію, игру, но и въ костюмы, требуя, чтобы на сценѣ костюмы древнихъ и чужихъ народностей были строго копируемы съ древнихъ статуй, монетъ и медалей. На сценѣ Comedie Française онъ впервые выступилъ въ 1787 г. и съ жаромъ отдался пропагандѣ (со сцены) революціонныхъ идей. Тальма былъ однимъ изъ основателей театра въ зданіи Палерояля, въ улицѣ Ришелье. Лучшими его ролями считаются: Цинна, Неронъ, Орестъ, Ахиллъ, Эдипъ, Иродъ, Цезарь, Манлій, Карлъ IX, Отелло, Гамлетъ и другія.

— *Duchenois* (Mlle, 1777—1835) — знаменитая трагическая актриса.

— (Стр. 50), *Нессельроде*, графъ Карлъ Васильевичъ (1780—1862), былъ въ это время совѣтникомъ посольства въ Парижѣ (съ 1807 г.).

— (Стр. 52) *Вестрисъ* (Марія Огюстъ Vestris, 1760—1842), сынъ знаменитаго танцовщика и самъ искуснѣйшій танцоръ, блиставшій въ Парижѣ на сценѣ Большой оперы.

(Стр. 53). *Солли* — первый министръ короля Генриха IV (1593—1610).

— *Бастилля*, государственная тюрьма, была разрушена народомъ 14 іюля 1789 года.

— *Жоффруа* (Geoffroy, Julien Louis, 1743—1814) — драматическій критикъ; воспитанный иезуитами, онъ въ своихъ фельетонахъ (въ Journal des Débats) боролся съ философіей XVIII вѣка.

— (Стр. 54) *Марія Медичи* (Marie de Medicis, 1573—1642), королева Франціи, супруга Генриха IV. Знаменитый художникъ Рубенсъ (1577—1640) изобразилъ жизнь этой королевы въ цѣлой серіи картинъ (всего 21), находящихся въ Луврѣ. Картины рисованы въ 1621—1625 гг.

— (Стр. 55). *Фиорилло*, профессоръ геттингенскаго университета, говорилъ о Давидѣ конечно на своихъ лекціяхъ по исторіи искусства.

— *Lesueur* (Eustache, 1616—1655) — французскій живописецъ; его лучшимъ трудомъ считается серія картинъ изъ жизни св. Бруно.

— *Vernet* (Claude-Joseph, 1712—1789) — французскій художникъ-маринистъ, оставившій до 200 отличныхъ картинъ. Ему особенно удавались игра воды и свѣтовые эффекты.

— *Никита Рудневъ*, пѣвчій при Россійскомъ посольствѣ въ Парижѣ, былъ повидимому достаточно уменъ и образованъ. Отъ него сохранилось письмо къ Сергѣю Ив. Тургеневу (отъ 8/20 дек. 1811 г.) о денежныхъ дѣлахъ Николая Ивановича. Письмо это написано весьма умно, гладко и даже литературно. Послѣ этого понятно, почему Тургеневъ завязалъ съ нимъ знакомство.

— (Стр. 56). Аббатъ *Сикаръ* (l'abbé Sicard, 1742—1822) былъ основателемъ школы для глухонѣмыхъ въ Бордо и уже оттуда въ 1789 г. былъ приглашенъ въ Парижъ завѣдывать учрежденіемъ для глухонѣмыхъ.

— (Стр. 58). *Плавильщиковъ*, Петръ Алексѣевичъ (1760—1812), извѣстный актеръ и писатель. Имѣя высокій ростъ, благородное, выразительное лицо и прекрасный голосъ, онъ былъ особенно хорошъ въ роли царей, и съ нимъ конечно не легко было сравняться.

— (Стр. 59). Русскимъ посломъ въ Парижѣ въ это время (до 1812 г.) былъ князь Александръ Борисовичъ *Куракинъ* (1752—1818). Онъ воспитывался вмѣстѣ съ имп. Павломъ, учился въ лейденскомъ университетѣ, много путешествовалъ по Европѣ, былъ посломъ въ Вѣнѣ и наконецъ въ Парижѣ, послѣ гр. П. А. Толстого. Впрочемъ въ Парижѣ главная политика Россіи велась (тайно) не чрезъ Куракина, а при посредствѣ графа Нессельроде. Историкъ Альберъ

Вандаля, на основаніи французскихъ источниковъ, даетъ любопытную характеристику кн. Куракина какъ русскаго посланника. «Онъ страшно легковѣренъ, ибо не даетъ себѣ труда размышлять, склоненъ прислушиваться къ внушеніямъ своихъ подчиненныхъ и... былъ здѣсь обычнымъ предметомъ шутокъ и мистификацій». Куракинъ былъ посланъ въ Парижъ скорѣе для представительства, чѣмъ для переговоровъ. Онъ былъ избранъ только потому, что отличался безпрекословнымъ послушаніемъ и обладалъ громаднымъ состояніемъ, позволявшимъ ему съ пышностью занимать свой постъ. Его неподвижность, — не только тѣлесная, но и умственная, — его благодушная сонливость и полное отсутствіе инициативы дѣлали его безусловно неспособнымъ понимать Наполеона. Съ перваго дня своего пріѣзда въ Парижъ, куда Куракинъ привезъ огромный персоналъ служащихъ, и гдѣ любилъ окружать себя съ чисто азіатской роскошью приживальщиками и прислугой, онъ сдѣлался предметомъ любопытства. Безобразіе и необычайная толщина, которыми онъ отличался, выступали еще болѣе отъ утрированно роскошныхъ костюмовъ. Среди возродившагося французскаго общества Куракинъ оставался вѣренъ пышнымъ и устарѣлымъ модамъ XVIII вѣка — тяжелымъ одеждамъ изъ парчи. Онъ отдѣлывалъ ихъ кружевами, усугублялъ дороговизну обиліемъ брилліантовъ и драгоцѣнныхъ камней; усѣивалъ брилліантовыми звѣздами, всевозможными орденами, коллекцію которыхъ онъ понабралъ себѣ въ различныхъ столицахъ и съ которыми не разставался ни на одну минуту дня. Рѣчь его была жеманна, онъ благоговѣнно поклонялся этикету и строго соблюдалъ церемоніаль даже въ обыденныхъ дѣлахъ. Въ Парижѣ общественное злословіе уже изощрилось на его счетъ. Оно подмѣтило въ немъ и щепетильную страсть къ этикету, и отдававшее старымъ московскимъ бояриномъ самодурство, и причуды избалованнаго, обратившагося въ дѣтство старика, отъ которыхъ больше всѣхъ страдали молодые люди его посольства, не лишавшіе себя однако удовольствія позабавиться на его счетъ. Большой подагрой, періодически страдая отъ припадковъ этой аристократической болѣзни, князь Куракинъ все-таки не отказывалъ себѣ въ удовольствіяхъ и, по пріѣздѣ въ Парижъ, раньше даже, чѣмъ сталъ принимать свѣтское общество, онъ постарался организовать у себя кутежи. Его вѣчное пребываніе въ оперѣ среди балетнаго персонала и забавная важность, съ которой онъ исполнялъ въ этой средѣ обязанности посредника, вскорѣ доставили французскимъ агентамъ, которыхъ держала при немъ императорская полиція, сюжеты для самыхъ пикантныхъ картинокъ. — Въ письмѣ отъ 13 августа (изъ Парижа) Тургеневъ такъ описываетъ свой визитъ Куракину. «Онъ [Куракинъ], какъ мнѣ сказывали, удержалъ сіи деньги у себя, чтобы заставить меня къ себѣ явиться поскорѣе. Не знаю, что ему такъ хотѣлось меня видѣть: безпрестанно обо мнѣ спрашивалъ и даже сердился, что я не являюсь. Когда я пріѣхалъ, то всѣ мнѣ говорили: А! князь уже давно васъ ожидаетъ; и ввели меня къ нему, какъ какую-нибудь рѣдкость. Онъ, кажется, подлинно радъ былъ меня видѣть. Сказалъ, что ему очень пріятно *de voir une ancienne connoissance*. Спрашивалъ о матушкѣ и — что мнѣ не было очень пріятно — вмѣстѣ же и о Марьѣ Семеновнѣ, этой доброй, богобоязливой старушкѣ. Его сіятельство былъ со мною очень ласковъ, а, смотря на него — и вся канцелярія». Впрочемъ объ этой «канцеляріи» Тургеневъ не былъ хорошаго мнѣнія и въ одномъ письмѣ къ брату Сергѣю выразился о ней слѣд. образомъ: «преподлѣйшая штука, по всѣмъ признакамъ — я впрочемъ ни съ однимъ не хотѣлъ познакомиться, не смотря на слова князя». Тургеневъ

предпочелъ сблизиться съ пѣвчимъ Рудневымъ, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ посольства. — *Колоколовъ* — секретарь при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ.

— *Марья Семеновна*, о которой спрашивалъ князь Куракинъ, — очевидно М. С. Нефедьева, тетка Тургенева; онъ не любилъ ее за жадность, корыстолюбіе и за дурное вліяніе на мать его, Екатерину Семеновну, которую Нефедьева рѣшительно со всѣми ссорила. См. В. М. Истрина «Архивъ Тургеневыхъ», вып. 2, стр. 19 и 488.

— (Стр. 60). *Lamarck* (Chevalier de, 1744—1829), знаменитый натуралистъ, былъ профессоромъ въ музеѣ Jardin des Plantes и читалъ лекціи преимущественно о насѣкомыхъ.

— (Стр. 61). Врагомъ таможенъ Тургеневъ былъ какъ послѣдователь Адама Смита, стоявшаго за свободу торговли.

— (Стр. 62). *Императрица*, супруга Наполеона I, — конечно Марія-Луиза Австрійская. Здѣсь Тургеневъ описываетъ празднества по поводу крещенія насѣдника Наполеона, «Короля Римскаго».

— (Стр. 64). *Уткинъ*, Николай Ивановичъ (1780—1863), знаменитый граверъ и заслуженный профессоръ академіи художествъ, былъ сынъ двороваго человѣка у д. ст. сов. Никиты Артам. Муравьева. Въ Парижъ онъ былъ посланъ еще въ 1803 г. на три года, потомъ командировку ему продолжили до 1807 г., а потомъ неизвѣстно по какимъ причинамъ (м. б. по совѣту его руководителя Бервика и по ходатайству высокопоставленныхъ особъ) командировка его продлилась до 1814 г. Въ февр. 1811 г. Уткинъ получилъ золотую медаль отъ Наполеонова музея за выгравированную имъ доску съ Доминиканской картины (Эней, спасающій своего престарѣлаго отца). Извѣщая объ этомъ академію художествъ, Уткинъ писалъ, что онъ не можетъ скоро возвратиться (какъ желала академія), такъ какъ его задерживаетъ начатый портретъ кн. Ал. Бор. Куракина. Этотъ превосходный портретъ онъ окончилъ въ 1812 г. и, вернувшись въ Россію (1814 г.), получилъ за него званіе академика. Въ слѣдующемъ 1815 г. онъ опредѣленъ въ гравировальный классъ профессоромъ и до конца жизни не покидалъ академіи.

— (Стр. 67). «*Medicin malgré lui*» — комедія Мольера.

— (Стр. 68). Дворецъ *Malmaison* находится къ западу отъ Парижа въ 5—6 километрахъ. Онъ былъ резиденціей императрицы Жозефины, послѣ ея развода съ Наполеономъ (1809) и до ея кончины (1814 г.).

— (Стр. 69—70). Существуетъ два дворца Трианонъ (les Trianons); le Grand Trianon выстроенъ Людовикомъ XIV для фаворитки Ментенонъ; le Petit Trianon — Людовикомъ XV для его фаворитки Дюбарри. Фонтаны находятся около Большаго Трианона. Тургеневъ еще разъ навѣстилъ оба Трианона 8 сентября (см. стр. 82).

— (Стр. 72). «Домъ сей принадлежалъ М-me Du Barry»... Это и есть le Petit Trianon.

— (Стр. 76). Такимъ образомъ Н. И. Тургеневъ сдѣлался масономъ 19/31 августа, въ первое свое пребываніе въ Парижѣ, а не въ 1814 г., какъ полагаетъ В. И. Семевскій. См. его книгу «Полит. и оществ. идеи декабристовъ», стр. 213.

— (Стр. 78). *Montmorancy* находится къ сѣверу отъ Парижа, въ 12—15 километрахъ.

— (Стр. 79). *Vincennes*, великолѣпный парк, находится въ 2—3 километрахъ къ востоку отъ Парижа.

— (Стр. 80). Деревня *Montreuil* расположена къ сѣверу отъ Vincennes — совсѣмъ рядомъ.

— (Стр. 81). Въ архивѣ бр. Тургеневыхъ сохранилось то письмо Н. И. Тургенева, которое писано имъ въ Геттингенъ 7 сент. 1811 г. Въ немъ онъ между прочимъ описываетъ игру Тальмы въ «Британикѣ» (корол. роль его): «Нѣкоторые пассажи были непостижимо хороши, и все очень натурально; нѣтъ никакихъ манеровъ, нѣтъ аффектаціи или притворства». Далѣе онъ пишетъ о дѣлѣ курляндцевъ: «къ Вейдемейеру въ Дрезденъ посылаю сегодня письмо. Узнай, черезъ П. П. Соколовича о дѣйстви онаго и увѣдомь. Мнѣ хочется помочь добрымъ-несчастнымъ заключеннымъ курляндцамъ». Въ Дрезденъ онъ писалъ къ Вейдемейеру по поводу двухъ Курляндцевъ, которые спдѣли и должны были еще просидѣть долго въ карцерѣ. Нашъ посланникъ не заступался за нихъ, и вотъ Т. хотѣлъ просить Вейдемейера, «не можетъ ли Штруве что нибудь тутъ сдѣлать. Съ здѣшними нѣтъ толку: преподлѣйшая шушера, по всѣмъ признакамъ — я впрочемъ ни съ однимъ не хотѣлъ познакомиться, не смотря на слова Князя».

Въ этомъ письмѣ интересенъ также совѣтъ Сергѣю Ив. относительно юриспруденціи: «Пространное (и надобно признаться не плодородное, сухое) поле! *Wozu kann das am Ende führen?*» Что можно у насъ сдѣлать съ Юриспруденціею? Только что служить въ Комиссіи. Но тамъ, какъ опытъ показываетъ, можно выгодно служить и не зная ея. Въ практикѣ она употреблена тобою теперь быть не можетъ. Въ такихъ случаяхъ остается одинъ способъ: заниматься частію для того, чтобы со временемъ или періодически что-нибудь издать. Но Юриспруденція и къ этому не можетъ быть годна у насъ, ибо это бесполезно и никого не интересуется. Самая богатая часть Юриспруденціи вообще есть, по моему мнѣнію, уголовное право.

NB. Очень хорошо тоже заняться всеобщею Политикою, включая туда и Естественное право. Этимъ можно тебѣ серіозно заняться. Римское право нужно только знать. Исторію онаго тоже. А Кода — Наполеонъ не совѣтую тебѣ слушать. Бальгорнъ читаетъ для практическихъ юристовъ. Впрочемъ, узнавши Р. Пр[аво], ты можешь самъ этимъ послѣ заняться. Можешь во всякомъ случаѣ прочесть въ моей большой тетради, гдѣ переплетены многія начатія, но не конченныя лекціи: введеніе Гуго въ *Code Napoléon*, или прочесть это у другаго. Сіе введеніе очень хорошо. У Гуго хорошо прослушать Ист[орію] Права. — Приѣхалъ ли Гѣде? Ты спросишь [у него], какую частію заняться (что необходимо). Прослушай Пол. Эконом[ію] у Сарториуса, прочти Смита, Стурта и пр. и пр. и *суди самъ*. Въ особенности хорошо, очень хорошо заняться полиціею — вотъ, братъ, пріятное и полезное вмѣстѣ!.. Вотъ мое мнѣніе. Прочтя вышеупомян[утыя] книги, ты самъ увидишь, что дѣлать». Тургеневъ совѣтуетъ не забывать Политики Сарториуса.

Далѣе Тургеневъ сообщаетъ, что онъ «во время вояжа сэкономилъ и привезъ въ Парижъ изъ своихъ, кажется, 84 луйдоровъ, взятыхъ изъ Геттингена, 62. Въ первый мѣсяцъ издержалъ съ 30, — и сіе со всѣмъ, не включая славнаго синяго фрака, лѣтнихъ штановъ, шляпы и сапоговъ». Онъ надѣется вывезти съ собою пзъ Парижа около 15 луйд., къ которымъ присоединятся 100 черв., полученныхъ имъ. Въ Парижѣ первый мѣсяцъ онъ пла-

тилъ 55 фр. за квартиру, а потомъ 20. Обѣдалъ въ общемъ копѣекъ за 40 въ день — все изъ экономіи! 6 наполеоновъ стоило ему удовольствіе быть масономъ. Луидора 3—4 стоитъ ему итальянскій учитель, у котораго онъ бралъ уроки ежедневно. Тургеневъ читалъ путешествіе по Италіи Архенгольца. «Съ налогами, братъ, нечего дѣлать; въ бібліотеку ходить нѣтъ способа: народъ тамъ слишкомъ глупъ. То-то Геттингенъ!» Можно замѣтить однако, что Тургеневъ не покидалъ свои налоги, думалъ о нихъ и кое что поправлялъ въ нихъ. Онъ сообщаетъ Сергѣю, что Горнау большой выздоровѣлъ.

Какой здѣсь упоминается Вейдемейеръ, мы не знаемъ, но въ сборникѣ писемъ къ Ивану Петр. Тургеневу за время отъ 1797 до 1800 г. часто упоминается Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ, ближайшій другъ семьи Тургеневыхъ. Изъ письма наконецъ видно, что онъ не поддавался соблазну ни со стороны дѣвицы Palais Royal'я, ни со стороны руетки (тамъ же).

— (Стр. 84). *Археномль* (баронъ Іоганнъ-Вильгельмъ, Archenholz, 1741—1812), нѣмецкій историкъ; ему принадлежитъ сочиненіе «*England und Italien*» (1787), имѣвшее блестящій успѣхъ и переведенное на нѣсколько языковъ. Вѣроятно, это сочиненіе читалъ и Тургеневъ.

— (Стр. 86). *Louis Sebastian Mercier* (1740—1814), авторъ «*Tableau de Paris*», обратилъ на себя вниманіе своимъ «*Essai sur l'art dramatique*», въ которомъ онъ возставалъ противъ формализма классической трагедіи и требовалъ, чтобы французы искали новыхъ источниковъ искусства въ современной жизни. Мерсье самъ писалъ драмы согласно со своими правилами (изд. 1777—1784) и имѣлъ большой успѣхъ. За свою рѣзкую сатиру «*Tableau de Paris*» (1781) онъ долженъ былъ на время оставить Францію, спасаясь отъ преслѣдованій.

— (Стр. 88). *Коксъ* (*Coxe* 1747—1828), англичанинъ, въ качествѣ воспитателя и наставника многихъ молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій, посѣтилъ многія страны и издалъ описаніе своихъ путешествій въ Швейцарію, Польшу, Россію и проч.

— (Стр. 92). *Ermenonville* находится въ 50 килом. на сѣв. востокъ отъ Парижа. Около этой деревни есть паркъ и дворецъ, въ которомъ Ж. Ж. Руссо, приглашенный графомъ Жиранденъ (въ 1778 г.), провелъ свои послѣдніе дни жизни. Могила его находится тамъ на островѣ des Peupliers, а прахъ философа перенесенъ въ 1794 году въ Пантеонъ.

— (Стр. 93). Изъ письма Тургенева отъ 18/30 сент. (1811) видно, что кн. Куракинъ далъ ему рекомендательныя письма къ слѣдующимъ лицамъ: къ графинѣ Шуваловой въ Римѣ, къ графинѣ Пушкиной въ Венеціи, и къ посламъ графу Штакельбергу въ Вѣнѣ и кн. Долгорукову въ Неаполѣ.

— *Гретри* (*Gretry* 1741—1813), знаменитый композиторъ, извѣстный между прочимъ и тѣмъ, что онъ купилъ «Эрмитажъ» Ж. Ж. Руссо въ Монморанси, гдѣ и скончался.

— (Стр. 95). *Ваграмское сраженіе* происходило въ 16 верстахъ къ сѣв. вост. отъ Вѣны 5 и 6 іюля 1809 г.

— Тургеневъ оставилъ Парижъ 22 сентября—4 октября. Передъ отъѣздомъ (18/30 сент.) онъ написалъ большое письмо брату Александру Ивановичу, въ которомъ подробно описываетъ свои денежныя дѣла и проситъ помощи. Отъ кн. Куракина онъ взялъ паспортъ, въ которомъ значилось, что онъ возвращается въ Россію черезъ Швейцарію, Италію и Австрію: Тургеневъ пишетъ, что изъ Парижа онъ везетъ съ собою въ Женеву 100 червонцевъ, при-

сланныхъ ему братомъ изъ Петербурга, и можетъ быть сбережетъ еще около 10 лундоровъ изъ старыхъ денегъ. «Не могу сказать заранѣе, на долго ли мнѣ станеть казны сей, потому что издержки въ Швейцаріи для меня совершенно неизвѣстны. Пробывъ въ Швейцаріи двѣ или три недѣли, я ѣду въ Италію и прямо въ Неаполь, и тутъ буду надѣяться отъ васъ великія и богатыя милости. «Прямо въ Неаполь»: это говорю я потому, что деньги не позволятъ мнѣ останавливаться въ Римѣ; а изъ Неаполя я долженъ буду ѣхать опять черезъ Римъ и пробуду тутъ нѣсколько времени. Изъ Рима поѣду въ Венецію, а отътуда переберусь въ Вѣну. Вотъ планъ мой». Тургеневъ признается, что его сильно беспокоитъ путешествіе съ неполнымъ кошелекомъ. Онъ нѣсколько разъ возобновляетъ свою просьбу — прислать ему въ Неаполь возможно скорѣе 100 червонцевъ. Тургеневъ былъ, передъ отъѣздомъ изъ Парижа, въ такомъ затрудненіи, что баронъ Сердобинъ, сынъ кн. Куракина, находившійся при посольствѣ, совѣтовалъ ему, представившись въ Вѣнѣ рус. послу Штакельбергу, попросить послать его, Тургенева, курьеромъ въ Петербургъ — на казенный счетъ. «Но все это неизвѣстно и невѣроятно до невозможности. Къ тому же я не знаю, въ такомъ ли употребленіи подобныя отправленія курьеровъ въ Вѣнѣ, какъ оныя были прежде въ Парижѣ, откуда очень многихъ, промотавшихся здѣсь Русскихъ, посылали отсюда курьерами въ Петербургъ».

Одновременно съ этимъ письмомъ Тургеневъ писалъ и брату Сергѣю Ивановичу въ Гамбургъ, жалуясь на свое затруднительное положеніе. Наконецъ, наканунѣ отъѣзда (3 октября) изъ Парижа, онъ пишетъ еще письмо брату Александру Ивановичу въ болѣе спокойномъ тонѣ. «Сію минуту получилъ я... письмо ваше съ извѣстіемъ, что съ Г. Лабенскимъ послано ко мнѣ 100 червонцевъ, но я ихъ дожидаться не могу. Третьяго дня заплатилъ за дилижансъ 84 франка до Женевы. Къ тому же Богъ знаетъ когда Лабенскій пріѣдетъ. Я писалъ къ вамъ на сихъ дняхъ и просилъ денегъ. Теперь я спокоенъ. Прошу и васъ успокоиться. 100 червонцевъ, посланныя съ Лабенскимъ, будутъ ко мнѣ пересланы Г. Рудневымъ, пѣвчимъ при посольствѣ, котораго я par hasard просилъ пересылать ко мнѣ всѣ письма. Я оставляю ему вѣрующее письмо и письмо объ этомъ же къ Колоколову. Отсюда везу я присланныя прежде 100 червонцевъ, доѣду съ этимъ до Неаполя, гдѣ буду въ концѣ ноября. Болѣе мнѣ денегъ врядъ ли много нужно. Во всякомъ случаѣ пришлите въ Вѣну червонцевъ 20 или 30». Въ концѣ письма Тургеневъ благодаритъ брата за Данилевскаго и проситъ передать ему «поклонъ пренижайшій».

— Въ Голландіи на Зюдерзее Тургеневъ былъ въ апрѣлѣ 1810 г. См. первый томъ его дневниковъ.

— (Стр. 96). Женева была въ то время небольшой городокъ, всего въ 22 т. жителей, привлекала къ себѣ туристовъ не столько красотою мѣстоположенія, сколько свѣжими воспоминаніями о Вольтерѣ и Ж. Ж. Руссо.

— (Стр. 100). *Chamonix* (теперь *Chamonix*) находится въ 50—60 километрахъ къ юго-востоку отъ Женевы, по рѣкѣ Арвѣ. На той же рѣкѣ, по дорогѣ въ Шамуни, находится *Sallanches*. Изъ письма Тургенева къ брату Сергѣю видно, что онъ изъ Шамуни всходилъ на *Montanvers* и видѣлъ въ горахъ альпійскій ледникъ.

— *Михалковъ*, Сергѣй Ивановичъ, см. въ первомъ томѣ дневниковъ Тургенева.

— (Стр. 103). Французъ, бывшій Тургеневу спутникомъ въ Ивердонъ

и далѣе, назывался Bousquier, какъ это видно изъ одного письма его къ брату Сергѣю.

— (Стр. 104). *M-me de Staël* (1766—1817) была дочерью женеваго банкира Неккера, знаменитаго министра Людовика XVI. Въѣзжать во Францію ей запрещено было съ 1802 года, и она должна была жить въ ссылке, въ своемъ имѣніи Coppé, на берегу Женеваго озера. — *Ивердонъ* расположенъ у Невшательскаго озера, въ 35—40 километрахъ къ сѣверу отъ Лозанны. — Знаменитый педагогъ - народникъ Песталоцци (1746—1827) имѣлъ въ Ивердонѣ школу-пріютъ для покинутыхъ и бѣдныхъ дѣтей. Свои педагогическіе взгляды онъ изложилъ въ книгѣ: «Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей». Подъ влияніемъ Ж. Ж. Руссо, Песталоцци училъ, что основою воспитанія должна быть природа человѣка. При воспитаніи и обученіи необходимо въ самой широкой степени примѣнять наглядность (intuition); если понятія не имѣютъ этой подкладки, то они пусты и бесполезны. Наглядность достигается участіемъ всѣхъ внѣшнихъ органовъ чувствъ въ приобрѣтеніи и усвоеніи знаній. Въ письмѣ къ брату Александру Ивановичу Тургеневъ сообщаетъ, что «Песталоцци представляеть глазамъ любопытныхъ новую методу воспитанія. Я былъ у него, потомъ ходилъ по всѣмъ классамъ. Всего болѣе понравилось мнѣ, что учителя обходятся съ учениками, кажется, лучше нежели обыкновенно. Въ превосходствѣ методы его я не совсѣмъ увѣренъ, не смотря на декламацию одного изъ учителей, который насъ посѣтилъ и проповѣдывалъ около трехъ часовъ». Тургеневъ находитъ даже что «въ методѣ много неданства».

— (Стр. 107). Усиленная вербовка французами новобранцевъ объясняется приготовленіемъ Наполеона къ походу въ Россію. Мы уже видѣли (см. стр. 89), какъ Тургеневъ, находясь въ Парижѣ, чувствовалъ и замѣчалъ надвигающуюся войну.

— (Стр. 108). Изъ писемъ Тургенева къ братьямъ ясно видно, что Рейнскій водопадъ совсѣмъ не понравился ему: «сеі водопадъ право не лучше Нарвскаго и совсѣмъ не удовлетворилъ моего ожиданія», пишетъ онъ брату Сергѣю.

— (Стр. 110). Здѣсь, къ сожалѣнію, допущена нами опечатка: француза-путешественника звали Бускье (Bousquiers), а не Буенье. Тургеневъ разстался съ нимъ въ Цюрихѣ и поѣхалъ къ Фирвальшtedскому озеру, на берегу котораго находится Brunnen, упоминаемый здѣсь. Отъ Brunnen Тургеневъ поѣхалъ далѣе на югъ, все время по долинѣ рѣки Рейса, берущаго начало съ С. Готарда. «Часовня Телева» находится въ самой южной части Фирвальшtedскаго озера, недалеко отъ впаденія Рейса. Fluelen расположенъ южнѣе, въ 4—5 километрахъ, а еще южнѣе, на такомъ же разстояніи находится и Altdorf.

— (Стр. 111). *Даниловскій*, т. е. А. И. Михайловскій-Дашлевскій, ѣздилъ въ Швейцарію изъ Геттингена.

— *Вазень* (Wasen) расположенъ на Рейсѣ, въ 25 километрахъ къ югу отъ Альтдорфа.

— *Госпиталь* (Hospenthal) въ 10 километрахъ южнѣе Вазена. По дорогѣ между ними и находится *Чортвъ Мостъ* (Teufelsbrücke), прославленный переходомъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ Суворова въ осенній походъ 1799 года, 14/25 ноября. Этотъ мостъ состоялъ изъ каменной арки, перекинутой черезъ Рейсъ на высотѣ 75 фут. высоты. Теперь отъ него видны лишь остатки.

— (Стр. 113). Въ письмѣ къ брату Сергѣю Ивановичу изъ Милана Тургеневъ говоритъ, что въ Госпиталь изъ за погоды онъ провелъ двѣ ночи и отъ

скуки читалъ упомянутое здѣсь сочиненіе Ашенбреннера (Aschenbrenner). Полное заглавіе этой книги такое: «Die schrecklichsten Jahre meines Lebens, meine Leiden und Verhaftung zu Königsberg und Spandau und meine Verbannung in die Bergwerke nach Sibirien». 3 Bde. Erfurt, Hennings. Другое сочиненіе того же автора носить слѣд. заглавіе: *Autentische Geschichte bis zu s. Deportation nach Sibirien*. 1804.

— *Ариоло* (Airolo) — мѣстечко на рѣкѣ Тичино у южной подошвы С. Готарда. Отсюда Тургеневъ ѣхалъ все время по долинѣ Тичино вплоть до озера Лаго-Маджіоре. *Poleggio* и Беллинцона (Bellinzona) находятся на Тичино; послѣдняя недалеко отъ впаденія его въ Л. Маджіоре.

— (Стр. 115). *Булаковъ*, Яковъ Ивановичъ, дипломатъ; см. дневники Тургенева, т. I, с. 375 и 471.

— (Стр. 116). *Боромевскіе острова* находятся на озерѣ Л. Маджіоре; ихъ всего три: *Isola bella*, *Isola madre*, *Isola pescatore*.

— *Сесто-Календе* (а не Калензе) находится на южномъ берегу Л. Маджіоре, при истокѣ рѣки Тичино.

— (Стр. 121). «*Огонь въ каминѣ дома*»... Уже этотъ эпиграфъ показываетъ, что Тургеневъ мечталъ объ отдыхѣ дома у камина. Это подтверждается ниже (стр. 127) словами: «Теперь одна мысль въ головѣ: огонь въ каминѣ дома». Онъ часто думаетъ о продолженіи своихъ научныхъ занятій и въ письмѣ изъ Милана (отъ 5 ноября) проситъ брата Сергѣя Ивановича прислать ему въ Петербургъ его студенческія тетради (Heften): «постарайся прислать немедля все писаное и книги по политической экономіи. Закладки вездѣ оставь». Изъ того же письма видно, что отъ Парижа до Милана Тургеневъ издержалъ 27 наполеондоровъ (540 франковъ), и у него осталось въ Миланѣ 35 наполеондоровъ.

— (Стр. 125). «*Les fourberies de Scapin*» — комедія Мольера, въ трехъ дѣйствіяхъ, написанная имъ въ 1671 г.

— Вицекоролемъ Ломбардскимъ въ это время былъ пасынокъ Наполеона I, Евгений Богарне (1781—1824). За время управленія Итальянскимъ королевствомъ (1805—1814) онъ успѣлъ заслужить общую любовь и уваженіе.

— (Стр. 126). Изъ Милана до Генуи Тургеневъ ѣхалъ съ ветуриномъ (извозчикомъ) и довольно медленно, такъ что ему надоѣло, и поэтому изъ Генуи до Рима онъ поѣхалъ съ курьеромъ и былъ тамъ черезъ пять дней.

— (Стр. 128). Третій дворецъ въ Генуѣ, не названный Тургеневымъ, могъ быть дворецъ Доріа, самый обширный и богатый изъ частныхъ генуезскихъ домовъ.

— (Стр. 129). Тургеневъ пріѣхалъ въ Римъ въ четвергъ 14 ноября, оставался въ немъ до 15 декаб. и съ 6 по 9 января (1812 г.). Въ одномъ изъ писемъ къ брату Сергѣю (отъ 27 ноября) онъ сообщаетъ, что жизнь въ Римѣ дешева, что онъ къ нему весьма скоро привыкъ и нашелъ знакомыхъ. Это были архитекторъ Мартосъ, пенсіонеръ Спб. академіи художествъ, живущій въ Римѣ около 3 лѣтъ, «добрый малый и настоящій Русскій», — затѣмъ Матвѣевъ, извѣстный пейзажистъ, почти всю жизнь прожившій въ Римѣ, и наконецъ графиня Шувалова, «первая штатсъ-дама и другъ Екатерины II». Тургеневъ пишетъ, что въ Римѣ «всѣ улицы набиты художниками, и самые лучшіе изъ нихъ съ трудомъ могутъ прокормиться». Живя въ Римѣ, онъ очень пристрастился къ итальянской музыкѣ. Гдѣ, на какой улицѣ жилъ онъ, мы не знаемъ, но письма къ нему онъ проситъ адресовать такъ: «сюда въ кофейную, куда мы ходимъ, и куда

адресуютъ всё письма къ Русскимъ: А. М. М. — Strada Condotti, Cafe della Barrassia». Улица Condotti находится въ сѣверной части города. Очевидно, Тургеневъ жилъ гдѣ нибудь въ этомъ мѣстѣ.

— *Sarzano* (Sarzano) находится между Спеціей и Каррарой.

— (Стр. 130). *Бенеке* — профессоръ и бібліотекаръ геттингенскаго университета; см. о немъ въ первомъ томѣ дневниковъ Тургенева. Послѣдній часто вспоминаетъ его и въ письмахъ своихъ къ брату Сергѣю проситъ передать поклонъ Бенеке, Рейсу, Дорнетховъ и Бунзену, т. е. именно состоящимъ при бібліотекѣ. Бенеке онъ предлагаетъ даже хлопотать о какомъ-то его дѣлѣ въ Курляндіи.

— О своемъ путешествіи изъ Генуи до Рима Тургеневъ записалъ въ два приема, 14 и 15 ноября, и съ перваго раза можетъ показаться, что онъ кружилъ и два раза былъ во Флоренціи. На самомъ дѣлѣ путь его былъ таковъ: Генуя, Сарсано, Лукка, Пиза, Флоренція, Сіена и Римъ. Тургеневъ совершилъ его въ пять дней (9—14 ноября).

— (Стр. 132). «Портикъ того храма, въ которомъ произнесена Цицерономъ славная рѣчь противъ Катилины». Здѣсь рѣчь идетъ очевидно о храмѣ Согласія (*templum Concordiae*).

— *Юурта*, внукъ Масиниссы, царь Нумидійскій, содержался (и казненъ въ 104 г. до Р. Хр.) въ Мамертинской темницѣ. Это — подземная городская тюрьма, устроенная на мѣстѣ древняго колодца у Капитолія.

— (Стр. 133). *Канова* (Antonio Canova, 1757—1822), знаменитый итальянскій скульпторъ. Ему особенно удавались фигуры молодыхъ женщинъ; удавались и мужскія идеальныя фигуры, а еще лучше — надгробные памятники. Одинъ изъ такихъ памятниковъ, какъ разъ весьма удачный, памятникъ папы Климента XIV, видѣлъ и Тургеневъ. Онъ исполненъ Кановою въ 1783 году.

— *Villa Medici*, превращенная въ академію французскихъ художниковъ, находится въ сѣверной части города, недалеко отъ площади дель-Пополо.

— *Fontana di Trevi* находится въ сѣверной части города, около Квиринала (площади).

— (Стр. 134). «*Кановинъ Персей*»... Тургеневъ очевидно говоритъ о статуѣ Кановы «Персей съ головою Медузы»; это одно изъ самыхъ удачныхъ созданій художника и хранится въ Ватиканскомъ музеѣ.

— *Zingarelli* (1752—1837) — итальянскій композиторъ.

— (Стр. 135). *Матвѣевъ*, Ѳеодоръ Михайловичъ (1758—1826), художникъ пейзажистъ, изъ солдатскихъ дѣтей, поступилъ въ академію художествъ въ 1764 г., посланъ въ Италію пенсіонеромъ академіи въ 1779 г. и съ этого времени почти безвыѣздно проживалъ въ Италиі, обозрѣвая и срисовывая лучшіе виды ея. Въ 1807 г. онъ получилъ званіе художника за картину, изображающую виды Неаполя и его окрестностей. Въ 1819 г., при министрѣ народн. просвѣщенія, кн. А. Н. Голицынѣ, повидимому не безъ участія братьевъ Тургеневыхъ, Матвѣевъ получилъ пенсію въ 500 римскихъ талеровъ въ годъ (съ 25 декаб. 1818 г.). См. Архивъ Академіи Худ.

— *Мартосъ*, Никита Ивановичъ, сынъ знаменитаго скульптора, ректора академіи художествъ. Поступилъ въ академію въ мартѣ 1798 г., окончилъ ее по архитектурному классу въ 1807 г. Въ 1808 г. отправленъ за границу пенсіонеромъ академіи художествъ, причемъ получилъ рекомендательныя письма къ Кановѣ въ Римъ и къ Лампію въ Вѣну. Въ Римъ онъ пріѣхалъ 3 ноября

1808 г. и началъ изучать римскія древности. Въ 1810 г. онъ путешествовалъ по Италіи и между прочимъ ѣздилъ въ Тиволи вымѣривать храмъ Сибиллы, детали котораго онъ сдѣлалъ въ натуральную величину. Очевидно, подъ вліяніемъ разсказовъ и рисунковъ Мартоса, и Н. И. Тургеневъ ѣздилъ въ Тиволи осматривать храмъ Сибиллы. Въ маѣ 1811 г. Мартосу продлили командировку еще на годъ (по 1-е сентяб. 1812) для обозрѣнія тѣхъ городовъ Италіи, въ которыхъ находятся знаменитыя постройки, а также и для посѣщенія Парижа. На все это ему отпустили, сверхъ положеннаго, еще 400 червонныхъ. (Архивъ Академіи Художествъ).

— *Бернини* (Bernini, 1598—1680) — знаменитый итальянскій художникъ, скульпторъ и архитекторъ.

— (Стр. 136). *Corso* — любимое мѣсто прогулки итальянцевъ; это прямая и широкая улица, идущая съ юга на сѣверъ, отъ Капитолія до площади дель-Пополо.

— Садъ (и вилла) *Боргезе* находится въ сѣверной части города, около площади дель-Пополо.

— *Ложы Рафаэля* — знаменитая галерея во второмъ этажѣ Ватиканскаго дворца. Рафаэль окончилъ ее въ 1519 г.

— *Дюпати* (Dupaty, Charles, 1746—1788) — франц. писатель. Тургеневъ вѣроятно читалъ его «Lettres sur l'Italie».

— (Стр. 137). *Capella Sistina* — одна изъ домовыхъ церквей папъ въ ихъ Ватиканскомъ дворцѣ, знаменита стѣнною и плафонною живописью.

— (Стр. 143). *Князь Козловскій*, Петръ Борисовичъ (1783—1840), съ 1802 г. состоялъ при русской миссіи въ Сардиніи; въ 1810 г. ему было поручено исполненіе обязанностей повѣреннаго въ дѣлахъ въ Кальяри, а съ сентября 1812 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сардинскомъ дворѣ. См. о немъ біографическія свѣдѣнія въ Рус. біографич. словарь (СПб. 1903). Изъ одного письма Н. И. Тургенева къ брату Сергѣю Ивановичу видно, что Тургеневъ встрѣтился на балу у гр. Шуваловой съ кн. Козловскимъ, возвращавшимся въ Россію изъ Кальяри (Сардинія). «Ты, думаю, его помнишь: сдѣлался еще толще. Я его тотчасъ узналъ. Онъ конечно меня узнать не могъ. Онъ очень обрадовался сей встрѣчѣ, позвалъ меня ѣхать съ собою въ его трактиръ. Тамъ проболтали мы до третьяго часу ночи. Онъ уже 7 лѣтъ изъ Россіи. Все спрашивалъ о новостяхъ литературы и объ экзаменахъ. Французскій императоръ далъ ему недавно крестъ легіона 2-го класса за то, что онъ спасъ нѣсколько Франц. генераловъ и далъ имъ паспорта. Я съ нимъ много спорилъ, и спорилъ о такихъ предметахъ, которые никакому сомнѣнію не подвержены: онъ утверждаетъ, что Русскій народъ никакого характера не имѣетъ. Вотъ, братъ, какъ и неглупые люди заблуждаются. Если безмысленныя разсужденія иностранцевъ сдѣлаютъ на нихъ въ первой разъ какое нибудь впечатлѣніе, то они продолжаютъ блуждать въ семъ лабиринтѣ ложныхъ мнѣній и наконецъ усиливаются въ этихъ пустякахъ до невѣроятной степени. На меня все это имѣетъ совершенное вліяніе». Изъ послѣднихъ словъ Тургенева мы видимъ, что кн. Козловскій скептически смотрѣлъ на русскій народъ и въ этомъ отношеніи предвосхитилъ идеи Чаадаева. Необыкновенно способный, остроумный и обладавшій обширными свѣдѣніями, кн. Козловскій могъ бы быть хорошимъ писателемъ (мнѣніе Пушкина), но онъ былъ очень лѣнивъ, что въ нѣкоторой степени зависело и отъ его необыкновенной тучности. Зато онъ

былъ чрезвычайно веселый и пріятный собесѣдникъ, такъ какъ умѣлъ смѣшнить до упаду своими разсказами и анекдотами.

— (Стр. 145). *Фюстье* — см. выше стр. 76. Это, очевидно, то лицо, которое способствовало принятію Тургенева въ масоны; оно же дало ему рекомендательную карточку и къ римскимъ братьямъ-масонамъ. Благодаря этому Тургеневъ навѣстилъ ихъ Лажу (см. ниже, стр. 147).

— Повидимому Мартосъ рисовалъ всѣмъ извѣстный портретъ Н. И. Тургенева въ молодыхъ годахъ.

— (Стр. 147). «Я вспомнилъ Т. и о прочемъ». Здѣсь подъ Т. скрывается одна изъ дочерей д-ра Thoms, сосѣда Тургенева въ Геттингенѣ. См. первый томъ его дневниковъ.

— *Торвальдсенъ* (Альбертъ Thorvaldsen, 1770—1844), соперникъ Кановы, явился въ Италію въ 1796 г. и впервые заставилъ говорить о себѣ (въ 1803 г.) своей статуей «Язонъ», о которой Канова сказала: «uno stilo nuovo e grandioso». Торвальдсенъ создалъ новую эру въ скульптурѣ и воскресилъ античное искусство. Его барельефы дѣйствительно гораздо выше барельефовъ Кановы.

— *Камучини* (Camuccini, 1773—1844) — итальянскій историческій и портретный живописецъ, имя котораго тѣсно связано съ эпохою расцвѣта живописи въ Италіи.

— Тургеневъ удивляется тому, что нашелъ въ Римѣ среди русскихъ и итальянцевъ «очень много добрыхъ и учтивыхъ людей», — и объясняетъ это тѣмъ, что они артисты. На самомъ дѣлѣ причина «доброты и учтивости» этихъ людей кроется въ томъ, что всѣ эти лица вышли не изъ рядовъ спесиваго и надменнаго русскаго барства, а изъ круга людей среднихъ, разночинцевъ. Ниже, на стр. 153, Тургеневъ записываетъ, что онъ обѣдалъ у русскаго посла въ Неаполѣ (князя Долгорукаго): «Сожительница его — не жена — довольно мила. Я бы желалъ, чтобы всѣ наши посланники послѣдовали примѣру здѣшняго, ибо обыкновенно къ женамъ ихъ нѣтъ пріступу». Въ Парижѣ Тургеневъ столкнулся въ посольствѣ съ настоящими представителями русскаго дворянства и не нашелъ ихъ ни добрыми, ни учтивыми, а наоборотъ выразился о нихъ, что они — «шреподлѣйшая штука»; не хотѣлъ съ ними имѣть сношеній и предпочелъ вести знакомство съ пѣвчимъ Рудневымъ, несомнѣнно разночинцемъ.

— (Стр. 150). Здѣсь Тургеневъ имѣетъ въ виду не побѣду, а капитуляцію турецкой арміи, которая случилась 25 нояб. (7 декаб.) 1811 г. Кутузовъ принудилъ къ сдачѣ изнуренную голодомъ и болѣзнями турецкую армію въ 12 тыс. человекъ съ визиремъ во главѣ.

— Приѣхавъ въ Неаполь, Тургеневъ тотчасъ отправился къ русскому послу, князю Долгорукому, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ кн. Куракина (см. выше) и съ надеждою получить тѣ 100 червонцевъ, которые опоздали къ нему въ Парижъ, и которые онъ просилъ Руднева переслать ему въ Неаполь. Но пересылка этихъ денегъ, какъ это видно изъ письма Никиты Руднева (см. выше), по разнымъ причинамъ замедлилась. Въ письмѣ къ брату въ Геттингенъ Тургеневъ разсказываетъ, какъ ему было трудно просить денегъ. Между прочимъ кн. Долгорукій совѣтовалъ Тургеневу сдѣлать визитъ барону Строганову, говоря: не плюй въ колодезь — пригодится. «Они думаютъ, — прибавляетъ Тургеневъ, — что я изъ гордости къ нимъ не ѣзжу».

— (Стр. 151). *Guiaja* — набережная въ Неаполѣ, любимое мѣсто для прогулокъ.

— (Стр. 152). Королемъ неаполитанскимъ (Обѣихъ Сицилій) въ это время былъ Иахимъ Мюратъ (съ 15 іюля 1808 по 2 мая 1815 г.). Популярность его среди итальянцевъ объясняется тѣмъ, что онъ началъ свое царствованіе съ амнистіи политическихъ преступниковъ, съ отгнѣны военно-судебныхъ комиссій и съ нѣкоторыхъ финансовыхъ реформъ. Войско при немъ въ короткое время было увеличено впятеро, и онъ отнялъ у англичанъ захваченный ими островъ Капри. Наконецъ по отношенію къ Наполеону и французамъ Мюратъ держалъ себя довольно независимо и даже удалилъ со службы большую часть французскихъ чиновниковъ.

— (Стр. 153). *Pulcinello* (полишинель) — одинъ изъ постоянныхъ типовъ итальянской *commedia dell'arte*, перешедшій и въ-театръ маріонетокъ.

— Мысли Тургенева о томъ, что король Мюратъ «щеголяетъ и не заботится видно ни о чемъ», совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; именно въ это время ему приходилось бороться съ роялистами, систематически устраивавшими заговоры; и кромѣ того у Мюрата произошла размолвка съ Наполеономъ. Послѣдній издалъ манифестъ, гласящій, что «Неаполитанское Королевство составляетъ часть великой имперіи, и граждане Франціи по праву вмѣстѣ съ тѣмъ и граждане Обѣихъ Сицилій». Понятно, что такой манифестъ сдѣлалъ положеніе Мюрата довольно тяжелымъ.

— Гора *St. Elme* находится на западной окраинѣ Неаполя.

— *Спаньолетто* — такъ прозванъ въ Италіи испанскій живописецъ и граверъ *Хосе де Рибера* (1588—1656), ученикъ Микель-Анджело и да-Караваджо. Въ Неаполѣ онъ приобрѣлъ извѣстность своими полными силы и мрачными по настроенію сценами мученій святыхъ. Въ болѣе спокойномъ стилѣ Спаньолетто здѣсь написалъ только одну картину — извѣстное «Снятіе со Креста» (въ церкви С. Мартино).

— (Стр. 154). *Laco Anagno* и *grotta de Cane* находятся въ 15 километрахъ къ западу отъ Неаполя.

— (Стр. 155). Въ архивѣ Тургеневыхъ сохранилось стихотвореніе неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ «Неаполь, прощай». Почеркъ совершенно намъ неизвѣстенъ; бумага болѣе поздняго времени (20—30-е годы); но намъ все таки кажется, что стихотвореніе это сохранено Н. И. Тургеневымъ, нашедшимъ въ немъ свои чувства, испытанныя имъ когда-то при разставаніи съ Неаполемъ.

— (Стр. 156). *Резина* (*Resina*) — деревня, лежащая въ 10 километрахъ къ юго-востоку отъ Неаполя, на берегу Неаполитанскаго залива. Отсюда путешественники дѣлаютъ восхожденіе на Везувій. *Синсо* — по-итальянски значитъ осель.

— *Львовъ*, Николай Александровичъ (1751—1803), тайный совѣтникъ, директоръ земляныхъ строеній и писатель. Тургеневъ имѣетъ въ виду его сочиненіе: «Ботаническое путешествіе на Дудорову гору 1792 г., Мая 8», напечатанное въ «Сѣверн. Вѣстникѣ» 1805 г. (февраль).

— (Стр. 157). Взойдя на Везувій съ юго-западнаго склона, Тургеневъ и его спутники спускались по юго-восточному склону, чтобы осмотрѣть Помпеи, развалины римскаго города, засыпаннаго въ 79 году по Р. Хр.

— (Стр. 160). *Pelegrini* (*Felix*, 1774—1832), знаменитый пѣвецъ, обладавшій великолѣпнымъ басомъ. Съ 1819 г. онъ игралъ въ Парижѣ въ *Théâtre Italien*.

— (Стр. 161). *Портиччи* находится около Резины, также на берегу залива

и очень близко отъ развалинъ Геркуланума, также засыпаннаго Везувіемъ въ 79 году.

— (Стр. 162). *Байи* и *Поццуоли* находятся въ окрестностяхъ Неаполя, къ западу, на Мизенскомъ мысѣ.

— *Цинна* (*Cinna ou la Clemence d'Auguste*) — трагедія Корнеля.

— *Король Фердинандъ I* (или IV Неаполитанскій, 1751—1825) сдѣлался королемъ Неаполя въ 1759 г. Послѣ разгрома третьей коалиціи, въ которой принималъ участіе и Фердинандъ I, Наполеонъ изгналъ его изъ Италіи и посадилъ на его мѣсто сначала брата своего Іосифа (съ 30 марта 1806 г.), а потомъ Мюрата (см. выше). Только въ 1815 году Фердинанду I удалось занять утраченный престолъ, а съ 1816 года онъ принялъ титулъ короля Обѣихъ Сицилій.

— (Стр. 166). *Torre di Greco* находится около Геркуланума, на берегу залива.

— (Стр. 167). Ссора между русскимъ посломъ, кн. Долгорукимъ, и французскимъ посломъ окончилась дуэлью. По объясненію кн. Долгорукаго въ депешѣ отъ 1 янв. 1822 г. это было «лишь чрезмѣрное усердіе, съ которымъ Іахимъ Мюратъ [король] желалъ заставить забыть всякія попытки къ неповиновенію Наполеону». См. «La Russie et les russes», I, стр. 7.

— (Стр. 168). *Террачина* (Terracina) находится на берегу моря, приблизительно на полпути между Неаполемъ и Римомъ.

— (Стр. 169). Во Флоренцію Тургеневъ прибылъ въ четвергъ 28 декабря (1811) — 9 января (1812).

— (Стр. 170)... «И, что очень замѣчательно, — *Гольбейна*». Тургеневъ удивился, встрѣтивъ во Флоренціи между портретами итальянскихъ художниковъ — нѣмецкаго живописца Гольбейна (Hans Holbein, 1493—1554).

— (Стр. 173). Въ театрѣ во Флоренціи Тургеневъ видѣлъ конечно вел. герцогиню тосканскую, т. е. сестру Наполеона, Элизу Баччіокки, которая получила этотъ титулъ въ 1808 г., со времени присоединенія Тосканы къ французской имперіи.

— (Стр. 174). Изъ Флоренціи Тургеневъ выѣхалъ 3/15 января 1812 г. и пріѣхалъ въ Болонью 4/16 января.

— *Лодовико Караччи* — см. примѣчаніе къ стр. 175. О Ел. Сирани см. примѣчаніе къ стр. 176.

— (Стр. 175). «Вообще здѣсь вездѣ много *Караччей*». Тургеневъ имѣетъ въ виду семейство итальянскихъ (болонскихъ) живописцевъ Каррачи (Caracci), которыхъ было три (не родные) брата: 1) *Лодовико К.* (1555—1619), 2) *Агостино К.* (1557—1602) и 3) Аннибале Каррачи (1560—1609). Они въ Болоньѣ основали новую школу живописи, «академію направленныхъ на путь».

— (Стр. 176). *Елизавета Сирани* (Sirani, 1638—1665), дочь живописца и гравера Джіованни-Андреа Сирани, образовалась подъ вліяніемъ Гвидо-Рени. Въ болонской пинакотекѣ находятся слѣдующія ея картины: «Св. Тереза», «Крещеніе Господне» и «Св. Антоній Падуанскій, лобызающій стопы Спасителя». Въ Имп. Эрмитажѣ тоже имѣются двѣ картины, принадлежащія кисти Ел. Сирани (№№ 199—200).

— (Стр. 178). *Ровино* находится къ сѣверу отъ Феррары, по пути къ Падуѣ.

— *Галилей* (*Galileo Galilei* 1564—1642) былъ профессоромъ математики

въ падуанскомъ университетѣ въ 1592—1610 гг. и здѣсь именно упрочилъ за собою славу научными открытіями въ области математики, физики и астрономіи.

— (Стр. 179). *Бассано* (Якобъ да Понте, 1510 — 1592) — художникъ Венеціанской школы; онъ прославился жанровыми картинами изъ крестьянскаго быта. Изъ его четырехъ сыновей двое тоже извѣстны какъ знаменитые художники: Франческо Бассано (1548 — 1591) и Леандро Б. (1560 — 1623). Въ Венеціи, во дворцѣ дождей Тургеневъ любовался плафономъ, который считаютъ за лучшее произведеніе Франчески Бассано; а въ церкви San-Giovanni e Paolo онъ видѣлъ картину «Святая Троица», принадлежащую кисти Леандро Бассано.

— *Palma Vecchio* (1480—1528) — венеціанскій живописецъ. Произведенія его отличаются красивою композиціей, увѣреннымъ рисункомъ, блестящимъ и теплымъ колоритомъ.

— (Стр. 180). *Палладио* (*Andrea Palladio*, 1508—1580) — знаменитый итальянскій архитекторъ послѣдней поры возрожденія. Въ своихъ постройкахъ отличался гениальною трактовкою архитектурныхъ формъ древне-римскаго зодчества и искусствомъ соблюдать гармонію въ распредѣленіи частей сооруженія. Главною ареною его дѣятельности былъ его родной городъ, Виченца, но подъ конецъ жизни онъ сдѣлался архитекторомъ республики въ Венеціи. Здѣсь имъ построена церковь Спасителя (Redentore), Санъ-Джорджо-Мажоре и нѣкоторые другія зданія.

— Венеція возникла въ V вѣкѣ по Р. Х., именно когда вождь гунновъ, Атилла, въ 452 г. разрушилъ Аквилею и завоевалъ всю верхнюю Италію до рѣки По, то многіе жители ея искали убѣжища на островахъ, въ сосѣднихъ лагунахъ и такимъ образомъ основали новый городъ.

— (Стр. 182). *Сантти* — вѣроятно Рафаель Санціо, а не отецъ его Джіованни Сантти, потому что въ Венеціи его картинъ не имѣется.

— (Стр. 184). Тургеневъ выѣхалъ изъ Венеціи 15/27 января (понедѣльникъ) и направился въ Вѣну. Маршрутъ его былъ такой: *Mestre, Treviso, Conegliano, Pontebba, Villach, Pörtschach, Klagenfurt, Neustadt, Wien*. Этотъ путь онъ совершилъ въ 12 дней и прибылъ въ Вѣну 27 янв.—8 февр. 1812 г.

— (Стр. 186). «*Провинціи сіи отошли ко Франціи*»... Послѣ образованія Рейнскаго союза (12 іюля 1806 г.) часть югозападной территоріи Австрійской имперіи въ Крайнѣ и Каринтіи перешла къ Франціи и получила названіе «Иллирійскихъ провинцій». Граница ихъ съ Австріей лежала около Виллаха. Здѣсь-то и проѣзжалъ Тургеневъ.

— (Стр. 187). Въ Геттингенѣ Тургеневъ встрѣчался у Вундерлиха (и м. б. въ другомъ мѣстѣ) съ Аделаудою, дочерью Hofrathin Lichsen. Въ эту дѣвицу или въ другую какую (Адель) былъ влюбленъ А. И. Михайловскій-Данилевскій. Не ихъ ли вспомнилъ Тургеневъ, проектируя жениться «на какой-нибудь Аделаидѣ»?

— «Странные слухи о войнѣ», т. е. о предстоящемъ походѣ Наполеона въ Россію, были тогда довольно распространены, такъ какъ извѣстны были военныя приготовленія и Франціи и Россіи.

— *Штакельбергъ* — русскій посолъ въ Вѣнѣ; см. выше примѣчаніе къ стр. 25.

— *Бернеръ* — студентъ, учившійся нѣкоторое время въ Геттингенѣ, а по-

томъ переѣхавшій въ Гейдельбергъ. Тамъ его встрѣтилъ Тургеневъ. См. выше стр. 34.

— *Бульмеринкъ* — купецъ изъ Риги. Тургеневъ былъ у него въ 1808 г. См. первый томъ его дневниковъ.

— (Стр. 188). *Новосильцевъ*, Николай Николаевичъ, извѣстный сотрудникъ имп. Александра I, жилъ въ Вѣнѣ три года (1809—1812) безъ дѣла, для поправленія здоровья. Въ 1812 г. онъ былъ вызванъ въ Россію. Съ семействомъ Тургеневыхъ у него были давнишнія связи, и, кажется, всѣ братья Николая Ивановича нѣкоторое время служили въ канцеляріи Новосильцева.

— *Редутъ* — ресторанъ, устраиваемый въ Бургѣ во время карнавала.

— (Стр. 189). «Обѣдалъ у Посланника», т. е. у русскаго посла, графа Штакельберга.

— (Стр. 190). Изъ Вѣны Тургеневъ выѣхалъ 2/14 февраля и приѣхалъ въ Москву около 14 февраля 1812 г. Съ этихъ поръ начинается его жизнь въ Россіи, впрочемъ непродолжительная — всего только до 24 окт. 1813 г.

— *Планъ [финансовъ]*, о которомъ говоритъ Тургеневъ, былъ очевидно тотъ самый, который былъ внесенъ на обсужденіе государственнаго совѣта въ началѣ 1810 г. Онъ былъ представленъ государю Сперанскимъ, но это не его собственный трудъ, а лишь переработка записки М. А. Балугьянскаго. «Планъ финансовъ» сводился къ слѣдующему: 1) къ изытанію изъ обращенія ассигнацій, для чего предлагалось образовать капиталъ погашенія; 2) къ твердому устройству монетной системы; 3) къ установленію равновѣсія между расходами и доходами и 4) къ развитію торговли. См. Сборникъ И. Рус. Ист. Общ., т. 45 (Куломзинъ). Горячимъ сторонникомъ этого «Плана» былъ между прочимъ Н. С. Мордвиновъ. Этотъ планъ имѣлъ огромное вліяніе на послѣдующее наше финансовое законодательство, и критика Тургенева не совсѣмъ справедлива. См. Словарь Рус. Ист. Общ. (Статья С. М. Середонина о Сперанскомъ) и энцикл. словарь Брокгауза, слово «Гурьевъ».

— (Стр. 191). Совершенно такое же непріятное впечатлѣніе произвела Москва между прочимъ и на князя П. А. Вяземскаго. См. Остаф. Архивъ, т. I, стр. 180: «Въ Варшавѣ я живу съ отоматами, а здѣсь [въ Москвѣ] дикіе звѣри, т. е. кабаны, т. е. дикія свиньи».

— *«Zapiski»* — толстая тетрадь съ конспектами и выдержками изъ прочитанныхъ книгъ. См. описаніе ея въ первомъ томѣ дневниковъ, стр. 478.

— *Кайсаровъ*, Андрей Сергѣевичъ (1782—1813), былъ въ это время въ Дерптѣ профессоромъ русскаго языка.

— Книга графа Валеріана Венедикт. *Стройновскаго* († 1831 г.) «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами» (1808) была переведена на русскій языкъ Вас. Григ. Анастасевичемъ и напечатана въ 1809 г. въ Вильнѣ. Стройновскій не шелъ дальше надежды, что помѣщики рано или поздно сознаютъ необходимость освобожденія крестьянъ «отъ крѣпостнаго и рабскаго состоянія» и заключать съ ними добровольные договоры о землѣ. Освобожденіе предполагалось личное, безъ земли. См. В. И. Семеваго «Полит. и общ. идеи декабристовъ» (1909), стр. 606. Вліяніе книги Стройновскаго на русское общество усилилось тѣмъ, что она была задержана московскою администраціей и сдѣлалась доступною публикѣ лишь въ 1811 году. Изъ яростныхъ нападокъ консерваторовъ на книгу Стройновскаго извѣстенъ отвѣтъ графа Раstopчина, повидимому ходившій въ Москвѣ по рукамъ въ спискахъ. Впослѣдствіи этотъ отвѣтъ напе-

чтанъ въ «Чтеніяхъ Моск. Об-ва Исторіи и Древностей», 1860 г., т. II. Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ (1763—1826) былъ въ это время не у дѣлъ, но въ маѣ этого же года (1812) переименованъ въ генерала отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

— (Стр. 193). *Филаретъ* (въ мѣрѣ Василій Михайл. Дроздовъ, 1783—1867), извѣстный впослѣдствіи митрополитъ московскій, въ это время былъ ректоромъ и профессоромъ философскихъ наукъ въ С.-П.бургской духов. академіи и славился своими проповѣдями.

— Описаніе *теттинскихъ тетрадей* см. въ первомъ томѣ дневниковъ Тургенева, стр. 477—478.

— (Стр. 194). По возвращеніи въ Россію, Тургеневъ былъ 21 марта 1812 г. опредѣленъ ученымъ секретаремъ въ 5-е отдѣленіе канцеляріи министра финансовъ. Это было специальное ученое бюро, членами котораго были: проф. Балугьянскій, проф. Якобъ (изъ Галле) и А. И. Михайловскій-Данилевскій. См. Архивъ Тургеневыхъ, послужной списокъ Н. И. Тургенева. См. также Вишницера: «Баронъ Штейнъ и Н. И. Тургеневъ» (Минув. Годы 1908, VII, 252).

— (Стр. 195). Тургеневъ очевидно представлялся своему начальнику, министру финансовъ, графу Дм. Александр. Гурьеву (1751—1825), занимавшему этотъ высокій постъ послѣ Ѳед. Ал. Голубцова, съ 1810 по 1823 годъ. Нерасположеніе Тургенева къ Гурьеву объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что послѣдній обладалъ, по отзыву близко знавшихъ его (В. П. Кочубей), умомъ неповоротливымъ, и ему «трудно было удержать равновѣсіе мыслей».

— Михаилъ Михайл. *Сперанскій* былъ сосланъ въ Нижній Новгородъ 17 марта 1812 г. См. барона Корфа «Жизнь М. М. Сперанскаго», т. II, с. 18—19. Главнымъ виновникомъ его паденія считаютъ графа Армфельта. Въ послужномъ списокѣ Тургенева нѣтъ упоминанія о службѣ его въ Комиссіи составленія законовъ, а потому приходится заключить, что онъ служилъ въ ней по вольному найму.

— *Миръ съ Турціей* былъ заключенъ 16 мая 1812 года, т. е. всего недѣли за три до вторженія Наполеона въ Россію.

— (Стр. 196). *Баронъ Розенкампфъ* (Густавъ Андреевичъ, 1762—1832) былъ съ 1808 г. начальникомъ гражданскаго отдѣленія Комиссіи сост. законовъ, а въ 1812 г. — старшимъ членомъ совѣта той же Комиссіи и съ этихъ поръ докладывалъ въ государственномъ совѣтѣ проекты различныхъ уложеній. Въ Комиссіи сост. зак. Розенкампфъ работалъ надъ проектами гражданскаго и уголовнаго уложеній, торговаго устава, устава судопроизводства, устава о государственной службѣ, рекрутскаго устава; редактировалъ также положенія о крестьянахъ въ остзейскихъ провинціяхъ.

— *Яковлевъ*, Алексѣй Семеновичъ (1773—1817), трагическій актеръ, восхищавшій публику, кромѣ искусной игры, также богатырской фигурой и зычнымъ голосомъ.

— Началомъ войны съ французами (въ 1812 году) считается переходъ Наполеона съ войсками черезъ Нѣманъ, у Ковно, имѣвшій мѣсто 12/24 іюня и приказъ нашимъ арміямъ, подписанный имп. Александромъ въ Вильнѣ 13 іюня 1812 года. Въ этомъ приказѣ есть между прочимъ слѣд. слова: «Видя безпрестанное возобновеніе явныхъ оскорбленій [со стороны Наполеона], при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину; принуждены мы были ополчиться и

собрать войска наши; но и тогда, заскаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемого нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска наши при Ковнѣ открылъ первыи войну». Богдановичъ. «Исторія царств. имп. Александра I», т. III, с. 213.

— *Генералъ-лейтенантъ Эссенъ I-й*, рижскій военный губернаторъ, при первомъ извѣстіи о переходѣ непріятельскихъ войскъ черезъ наши границы, объявилъ Ригу на военномъ положеніи. На случай осады приказано жителямъ запастись провіантомъ на четыре мѣсяца, сдѣланы большіе запасы хлѣба и заготовлены различнаго рода припасы.

— *Фесслеръ* (Игнацъ-Аврелій Fessler, 1756—1839) съ 1809 г. занималъ кафедру восточныхъ языковъ и философіи въ СПб. духовной академіи и служилъ также въ комиссіи сост. законовъ. Но въ 1812 г. онъ былъ лишенъ кафедры по обвиненію въ атеизмѣ и сосланъ въ Вольскъ, гдѣ поступилъ надзирателемъ въ пріютъ.

— (Стр. 197). Имп. Александръ I пріѣхалъ въ Москву ночью подъ 12-е іюля и пробылъ въ ней шесть дней, до ночи 18-го іюля. Дворяне, по призыву государя, изъявили готовность выставить по 10 человекъ со ста душъ, для образованія ополченія въ 80 тыс. человекъ, обмундировать ихъ, снабдить провіантомъ и даже, по возможности, оружіемъ. Но, вслѣдствіе скорого занятія Москвы, это ополченіе было собрано въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ предполагалось.

— (Стр. 198). *Витгенштейнъ*, графъ Петръ Христіановичъ, впоследствии фельдмаршалъ (1768—1842), въ 1812 г. командовалъ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ и уже 15 іюня сразился съ французами подъ Вилькомиромъ. При отступленіи русской арміи изъ лагеря подъ Дриссою, на Витгенштейна, располагавшаго войскомъ всего въ 20 тыс. чел., возложено было прикрытіе путей къ Петербургу противъ непріятельскихъ корпусовъ Макдональда (въ Курляндіи) и Удино (на берегахъ Двины). Витгенштейнъ хорошо выполнилъ свою задачу; между прочимъ въ битвѣ (18—19 іюля) при Клястицахъ (въ 40 верстахъ на сѣв. востокъ отъ Дриссы) онъ отгѣснилъ маршала Удино и заставилъ французовъ отступить. Объ этой-то битвѣ и упоминаетъ Тургеневъ въ дневникѣ. — Удино, маршалъ Франціи (1767—1847), въ кампанію 1812 г. стоялъ во главѣ 2-го армейскаго корпуса; во время переправы черезъ Березину онъ помогъ Наполеону спастись, но самъ былъ тяжело раненъ.

— Митрополитъ, читавшій молитву на молебнѣ по случаю заключенія мира съ Турціей, былъ Амвросій, занимавшій петербургскую митрополичью кафедру съ 1800 по 1818 г. Миръ съ Турціей былъ подписанъ 16 мая.

— (Стр. 199). Усиленный корпусомъ Сенъ-Сира, Удино сдѣлалъ наступленіе къ Свальнѣ (около Дриссы), но былъ здѣсь отбитъ (30 іюля) и отступилъ къ Полоцку. Вѣроятно объ этой битвѣ и упоминаетъ Тургеневъ.

— *Яковлевъ*, Левъ Алексѣевичъ, русскій посолъ при Вестфальскомъ дворѣ, уѣхалъ изъ Касселя въ Копенгагенъ вслѣдствіе начавшейся войны. Любопытно отмѣтить, что этотъ Яковлевъ былъ роднымъ дядею знаменитаго писателя эмигранта, А. И. Герцена.

— (Стр. 200). *Кутузовъ* назначенъ главнокомандующимъ на мѣсто Барклая де Толли рескриптомъ отъ 8 августа.

— *Гейне* — профессоръ и ректоръ геттингенскаго университета (1729—1812).

— *Булаковъ* — Константинъ Яковлевичъ, другъ и сверстникъ Ал. Ив. Тургенева. См. первый томъ дневниковъ Тургенева, с. 467.

— Имп. Александръ I ѣздилъ въ Финляндію, въ Або, на свиданіе съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ, которое произошло 15 августа (1812). Результатомъ свиданія была конвенція 18 августа между Россіей и Швеціей для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Наполеона I.

— (Стр. 201). По винѣ Аракчеева, исказившаго донесеніе Кутузова о Бородинскомъ сраженіи, бывшемъ 26 августа, русское общество оказалось въ заблужденіи и считало эту кровопролитную, но нерѣшительную битву за полную побѣду надъ французами.

— (202). *Эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ-Іоаннъ* (1771—1847), сынъ имп. Леопольда II, въ войну 1799 г. командовалъ австрійскою арміею на Лехѣ и принудилъ Журдана отступить за Рейнъ; но дальнѣйшимъ успѣхамъ его помѣшали распоряженія австр. гофкригсрата. Въ 1809 г., при началѣ новой войны съ Наполеономъ, эрцъ-герцогъ Карлъ былъ поставленъ во главѣ всѣхъ австрійскихъ армій; но недостатокъ рѣшительности и твердости помѣшалъ его успѣху, такъ какъ онъ не всегда умѣлъ заставить своихъ братьевъ, командовавшихъ отдѣльными арміями, подчиняться его волѣ. Отзывъ о немъ Тургенева не совсѣмъ справедливъ.

— (Стр. 204). *Пултускъ* и *Эйлау* — мѣста, гдѣ происходили битвы между русскими и французами въ кампанію 1806—1807 гг., а именно: битва при Пултускѣ была 14/26 декабря 1806 г. и битва при Прейсишъ-Эйлау — 28 января 1807 г.

— (Стр. 205). *Уваровъ*, Сергѣй Семеновичъ, впослѣдствіи министръ народ. просвѣщенія и графъ.

— *Князь Козловскій* возвращался на прежнее свое мѣсто, въ Аяціо (Сардинія). См. выше.

— *Михайловскій-Данилевскій* въ это время служилъ адъютантомъ при Кутузовѣ.

— (Стр. 206). Мюратъ былъ разбитъ Кутузовымъ при Тарутинѣ 6 октября.

— *Тургеневъ*, Александръ Михайловичъ — см. о немъ въ первомъ томѣ дневниковъ Тургенева (стр. 442 и 465). Кромѣ того въ Архивѣ Тургеневыхъ имѣются обзоръ служебной дѣятельности Ал. М. Тургенева и три его письма къ Н. И. Тургеневу, относящіяся повидимому къ 1859—1861 гг. Все это мы помѣщаемъ здѣсь — обзоръ въ переложеніи, а письма цѣликомъ.

Обзоръ дѣятельности А. М. Тургенева.

Тургеневъ былъ жестоко раненъ въ Бородинскомъ сраженіи, почему и переведенъ изъ военной службы въ статскую. По именному повелѣнію определенъ въ 1814 г. начальникомъ таможи въ Θεодосіи. Эта таможня, до управленія ею Тургеневымъ, давала таможеннаго дохода по 10 лѣтней сложности отъ 40 до 50 тыс. руб. При Тургеневѣ она дала таможеннаго дохода 700 тыс. руб. въ продолженіе времени отъ 6 до 7 мѣс. Въ 1815 г. Тургеневу было пред-

ложено явиться въ Петербургъ, гдѣ онъ сдѣланъ былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при департаментѣ вышней торговли. Въ томъ же году бывшій министръ финансовъ назначилъ Тургенева въ Парижъ на мѣсто Жерве, но это назначеніе не состоялось, потому что Жерве пожелалъ остаться на своемъ посту. Отъ такого оборота дѣла Тургеневъ «понесъ большое разстройство въ хозяйствѣ своемъ». Въ 1816 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Брестскаго таможеннаго округа, «образовалъ оный сообразно новой организаціи таможеннаго устава, отдѣлилъ отъ бывшаго Полангенскаго округа и сформировалъ таможенную стражу изъ присланныхъ людей изъ военнаго вѣдомства, при обмундированіи коихъ и снабженіи ихъ лошадьми и оружіемъ истратилъ болѣе 20 тыс. руб. собствен. денегъ. Просилъ министра Гурьева о возвращеніи ему оныхъ, но былъ, вмѣсто удовлетворенія, вызванъ въ СПбургъ и въ 1817 году назначенъ начальникомъ Астраханскаго таможеннаго округа, гдѣ также долженъ былъ сдѣлать новое образованіе и ввести порядокъ отправления службы по новой организаціи изданнаго Устава по азіатской торговлѣ».

Астраханская таможня до изданія новаго тарифа взимала пошлины съ отпущенныхъ товаровъ 25 со 100; по новому тарифу опредѣлено взыскивать съ отпущенныхъ товаровъ 1 со 100, и оцѣнка оныхъ предоставлена самимъ хозяевамъ... Несмотря на столь значительное уменьшеніе въ таможенномъ сборѣ астраханская таможня, равно какъ и прочія таможни ввѣреннаго Тургеневу округа: бакинская, кизлярская, заставы дербентская, кубинская, сальвинская — приносили доходу несравненно болѣе противу прежнихъ лѣтъ, и торговля доведена была въ семь краю до желательной благоденственности. Въ 1823 г. Тургеневъ былъ опредѣленъ губернаторомъ въ Тобольскъ, гдѣ взыскалъ распоряженіями своими, не посылая военной экзекуціи, оставшіяся недоимки 2.800.000 руб. Прекратилъ и совершенно уничтожилъ грабежи и разбои, устроивъ болѣе 30 военныхъ этаповъ гораздо за дешевѣйшую цѣну противу смѣтной и подрядной; понизилъ цѣну на наемъ почтовыхъ лошадей и довелъ цѣну на пару лошадей, вмѣсто прежде платимой цѣны 700, 800 и тысячи рублей, по всей губерніи по сложности въ 300 руб. Купилъ миліонъ пудовъ муки на продовольствіе войскъ и на винокуренные заводы по 40 коп. пудъ, тогда какъ за годъ предъ нимъ, при такомъ же урожаѣ, хлѣбъ покупался по 170, 180 коп. за пудъ и дешевле 90 коп. хлѣба въ казну покупаемо не было.

Найдя тюремную больницу и самую тюрьму въ ужаснѣйшемъ положеніи, Тургеневъ снабдилъ первую бѣльемъ, кухонною посудой, кроватями, матрасами на собственное иждивеніе, а въ тюрьмѣ устроилъ полицейскій порядокъ, чистоту и завелъ продовольствіе ссыльныхъ горячею пищею, учредилъ для нихъ баню. На собственный же счетъ Тургеневъ устроилъ дорогу отъ рѣки Иртыша до города, безъ малаго на 5 верстъ по топкому болоту, что обошлось ему въ 5 тыс. руб.

«Въ 1825 г. Тургеневъ былъ отставленъ со снятіемъ чина, не зная почему, за что и чрезъ кого, что и до нынѣ осталось для него загадкою. Денегъ за устройство дороги ни копѣйки не возвратили. Въ 1828 г. Тургеневъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Казань, но по представленію министра внутр. дѣлъ, не бывши еще во ввѣренной ему губерніи, перемѣщенъ директоромъ въ медицинскій департаментъ. Въ семь департаментѣ, рѣшивъ въ продолженіе года 2814 дѣлъ, снабдивъ въ изобиліи и безостановочно двѣ арміи медикаментами за Балканами и Арагатомъ, обезпечилъ потребными очистительными матеріа-

лами противу чумы области на берегахъ Дуная, за Кавказомъ, въ Грузіи и Арменіи. Сверхъ сихъ трудовъ и успѣшнаго дѣйствія доставилъ казнѣ выгоды покупкою потребностей и промѣномъ ревеня болѣе нежели на 2 или 3 миліона руб. Одно пониженіе цѣнъ по контрактамъ въ 4 года составляетъ болѣе 600 тыс. да въ цѣнахъ при обмѣнѣ ревеня... приобрѣтено казнѣ пользы 696.000 рублей.

За сіе Тургеневъ былъ гонимъ, лишень награды и вынужденъ былъ просить увольненія отъ должности директора для опредѣленія къ другимъ дѣламъ».

Письма А. М. Тургенева Н. И. Т—у.

1.

Почтеннѣйшій Николай Ивановичъ!

Прошу васъ удостоить благосклоннаго Вашего расположенія вручителя сего письма, Г-на Поручика Горнаго корпуса, инженера Ивана Вас. *Баснина*, пришельца съ береговъ Амура, бродившаго довольно долгое время по лѣсамъ и долинамъ Манчуріи, куда онъ былъ посланъ съ отрядомъ, ему ввѣреннымъ, сверлить и пытатъ утробу обіцей нашей матери земли. Похвально исполнилъ сдѣланное ему порученіе и получилъ въ вознагражденіе сильнѣйшій ревматизмъ. Его отпустили излѣчиться къ водамъ. Онъ предпочелъ ѣхать въ Европу, хотя въ Манчуріи или въ Забайкальской области существуетъ много цѣлительныхъ водъ. Онъ желаетъ усовершенствовать себя въ познаніяхъ Горнаго искусства, чего у насъ невозможно потому, что верховные вожди, управляющіе этою важною частію, не имѣютъ надлежащаго о дѣлѣ понятія. Я дозволяю себѣ свидѣтельствовать Вамъ о Господинѣ Баснинѣ, что онъ молодой человекъ съ умомъ и догадкой и оправдаетъ о немъ засвидѣтельствованное. Я надѣюсь, Вамъ будетъ пріятно побесѣдовать съ пришельцемъ съ береговъ Амура на берега Сены; и онъ удовлетворитъ любопытство Ваше вѣрнымъ и непристрастнымъ объясненіемъ относительно всѣхъ обстоятельствъ. Повторяю Вамъ ходатайство мое о Г-нѣ Баснинѣ: благоволите быть ему благодѣтелемъ и указать ему, что онъ долженъ видѣть на берегахъ Сены и изучить [то], что относится до его части.

Что скажу Вамъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, о себѣ? Храмина моя, по закону сложенія міра нашего, вѣтшаетъ, худо вижу, еще хуже слышу. Инфантерія моя вышла почти совершенно изъ послушанія, не хочетъ переставлять болванъ мой на то мѣсто, куда болванъ желаетъ¹⁾...

Прошу Бога хранить Васъ и благородное, милое семейство ваше въ добромъ здоровьѣ на много лѣтъ; есмь всегда, былъ и буду до окончанія быта моего преданный Вамъ А. Тургеневъ.

Какой еролашъ происходитъ во градѣ: беззаконіе, пререканіе — днемъ и ноцію; трудъ посредѣ его и неправда, и отъ стогнъ его лихва и лесть.

Не то, какъ говорятъ москали: Бочка меду да ложка дехтю! Нѣтъ — а какъ говорятъ высоко британцы, т. е. малороссы: «Бочка богата — дюжа, да

1) Далѣе не разобрана вѣмецкая фраза.

девятый клепки не ма»; т. е. послѣдняго обруча у бочки нѣтъ, такъ изъ нея и течетъ вино зря.

Здѣсь у насъ въ модѣ поединки, и богачу Демидову ляжки прострѣлили. Грѣхъ пожалѣть о негодяѣ.

2.

Благодарю Васъ, Почтениѣйшій Николай Ивановичъ, за оказанное вниманіе Г-ну Баснину и много сожалѣю, что молодой человѣкъ не умѣлъ воспользоваться благотворнымъ Вашимъ предложеніемъ. Онъ, Баснинъ, самъ мнѣ рассказывалъ, что, посѣщая заводы въ Пермской губерніи, онъ видѣлъ, что болѣе 20 лѣтъ прошло, какъ ни малѣйшаго улучшенія въ производствѣ работъ не произошло. Этотъ застой въ развитіи и усовершенствованіи искусства есть слѣдствіе, что пирожника заставляютъ сапоги шить, а сапожника — широги печь. Какую же извлечетъ Баснинъ пользу изъ осмотра заводовъ въ сопровожденіи нашихъ инженеровъ, которые посланы, чтобы научиться и дознать дѣло? Слѣпой будетъ вестъ слѣпаго — вотъ результатъ ихъ обзорѣнія. — Расскажу Вамъ причину, побудившую насъ оставить градъ св. Петра и заключиться произвольно въ ссылкѣ, т. е. постоянно жить въ деревнѣ. Возрастающая, можно сказать, повседневно дороговизна на всѣ потребности продовольствія и бѣшеная роскошь заставили зятя моего оставить высоко-славное и вмѣстѣ разорительное служеніе въ гвардіи, по моему мнѣнію онъ поступилъ благоразумно: я собственнымъ [опытомъ] дозналъ эту правду, проведя полвѣка и нѣсколько еще болѣе на службѣ. Мнѣ дали за службу 7500 р. пенсіи, но чрезъ два или три года уменьшили до 2500 р. и выдаютъ вмѣсто пяти тысячъ только 1401 р. серебромъ. Съ этимъ пенсіономъ существовать въ градѣ св. Петра благопрістойно нѣтъ возможности! У меня одна дочь, гдѣ же мнѣ ожидать часъ мой? Пріюта не имѣю, путями безкорыстія пріобрѣтать не умѣлъ, — куда же пріютить себя? Нитка должна слѣдовать за иглой, но, признаюсь, житье постоянно въ деревнѣ... я лишень всѣхъ средствъ къ развлеченію, читать — послѣдней мнѣ отрады — я не могу, нанять не имѣю средствъ, да и кто согласится закабалить себя въ деревнѣ по уши въ снѣгу? Нельзя быть опрятну съ волосами на рылѣ; хотя мѣстопробываніе наше находится 6 час. ѣзды по чугункѣ (180 верстъ); но чтобы очистить отъ волосъ рыло, должно послать 40 верстъ въ уѣзд. городъ.

Бородинская битва лишила меня искусства скоблить самому себѣ рыло. Признаюсь, зима страшитъ меня! Да будетъ воля Господа со мною! Мнѣ считаютъ 86 лѣтъ существованія подъ солнцемъ, вѣроятно очередь и меня не заставитъ долго дожидаться глупствовать въ плачевномъ юдолѣ міра сего. Святое и богоугодное дѣло о разрушеніи узъ многихъ миліоновъ все еще не рѣшено. Говорятъ, что для сего сословія особый будетъ кодъ написанъ, который и готовъ уже. Сочинителемъ сего называютъ Г. Милютинъ; что два *Weltbekannte und berühmte Rechtsgelehrte*, Г. Б. и Г. М. М., назначены пересмотрѣть изготовленный кодъ, почему и отъѣздъ вышесказанныхъ правовѣдовъ за границу для возстановленія ихъ истершагося здравія на нѣкоторое время отложенъ. Худое предзнаменованіе: хворымъ не до дѣлѣ и умствованія; а вчера или на этихъ дняхъ сочинитель кода руку переломилъ при паденіи изъ экипажа. Сообщаю Вамъ отрадное извѣстіе: Святѣйшій Синодъ благословилъ напечатать на рус.

нарѣчи святое евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, и, что еще отъ радѣе, что все тисненіе было въ одно утро раскуплено: 1500 или 1700 экз.

Я и вся семья моя свидѣтельствуемъ вамъ всѣмъ искреннее наше почтеніе и просимъ Бога хранить васъ въ добромъ здравіи.

Вамъ преданный А. Тургеневъ.

Мы живемъ въ усадьбѣ Луткина, близъ станціи Торбиной. Усадьба принадлежитъ Г. шт.-ротм. Сомову.

3.

21 Авг. 861. ус. «Лутково».

Почтеннѣйшій и Любезнѣйшій Николай Ивановичъ!

Много и премного Вы порадовали меня дружескимъ письмомъ отъ 6-го, полученнымъ мною 20 Авг.

Великое событіе совершилось; но жаль, что не столь покойно, какъ слѣдовало бы. По мѣстамъ точно были безпорядки частію отъ безграмотности народа, ожидавшаго болѣе нежели сколько даровано ему, частію отъ криваго толкованія людямъ темнымъ Положенія 19 Февр. людьми, умѣвшими читать, и вмѣстѣ неблагонамѣренными кривотолками: раскольниками, земскими чиновниками, побродягами и — можетъ быть — солдатами-пьяницами, которые надѣялись поймать рыбу въ водѣ мутной. Тамъ, гдѣ были приняты мѣры противъ безпорядковъ, т. е. гдѣ порядочные помѣщики, пользовавшіеся довѣріемъ и привязанностію крестьянъ, или земскія власти, умѣли растолковать, что даровано крестьянамъ — все сошло спокойно.

Теперь наступило время составленія Уставныхъ Грамотъ, которыми должны опредѣлиться будущія отношенія между крестьянами и землевладѣльцами по *взаимному соглашенію*. Какъ эта операція сойдетъ — неизвѣстно; но ожидаютъ, что спора и толковъ будетъ много, и мировые посредники не избѣгутъ хлопотъ. Въ настоящее время не слышно, чтобы кромѣ извѣстныхъ, уже прекращенныхъ, возникали бы гдѣ нибудь новые безпорядки. Положеніе изложено не такъ просто, чтобы его могъ понять съ-разу простой народъ нашъ.

Крестьяне Ваши едва ли успѣютъ остаться при томъ положеніи, какое Вы имъ дали и которое они находятъ выгоднѣйшимъ для себя. Согласиться на ихъ желаніе значить допустить изъятіе изъ общаго правила для всѣхъ крестьянъ въ Россіи, а на это сомнѣваюсь, чтобы поддались власти. Впрочемъ, что мѣшаетъ пошутать?

Вы занимаетесь писаніемъ и печатаніемъ о русскихъ мужикахъ. Сожалѣю, что издаваемое Вами не доходитъ до насъ. Ваше занятіе доблестно!

Вы пишете, что Парижа я не узналъ бы: такъ онъ измѣнился и измѣняется съ той поры, какъ я видѣлъ его. И въ отношеніи измѣняемости вида, ПБургъ не отстаётъ отъ Парижа. Преобразованы Кредитныя Установленія въ одинъ Государственный Банкъ, и прекращеніе пріема вкладовъ и выдачи ссудъ на прежнихъ основаніяхъ вынудило благоразумныхъ капиталистовъ, не видѣвшихъ надежнаго пристройства деньгамъ въ акціяхъ компаній, расплодившихся у насъ какъ морской песокъ, — обратить капиталы въ строенія. И ПБургъ, со времени уменьшенія Банковыхъ процентовъ, до сего дня обстраивается домами

все выше и выше, и кромѣ того — изрывается канавами все глубже и глубже, то для провода газа, то для провода по всему городу Невской воды, хотя чистой Невской воды еще до сихъ поръ изъ трубъ не пьютъ. Но улицы освѣщаются газомъ порядочно. Новости и преобразованія — душа нашего времени. Мы здѣсь живемъ полнымъ разгуломъ этой души. Результатами воспользуется, конечно, будущее поколѣніе. Отцамъ такъ и слѣдуетъ приносить въ жертву для блага дѣтей складъ устарѣлый.

О себѣ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, скажу, что я почти ослѣпъ, читать самъ, даже съ помощію очковъ, не могу, чтѣ крайне меня смущаетъ; слышу тупо, и это еще болѣе усиливаетъ смущеніе; и ногами слабѣю; но общее состояніе моего организма, по лѣтамъ моимъ, удовлетворительно. Прошлую зиму прожилъ въ ПБургѣ, а съ раннею весною переѣхалъ въ семью къ дочери по Никол. ж. дорогѣ, за 194 версты отъ ПБурга, въ усадьбу «Лутково», въ 6 верстахъ отъ станціи (Ник. ж. дороги) «Торбино», гдѣ и теперь обрѣтаюсь.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю будущаго лѣта, надѣясь, что силы Ваши позволятъ Вамъ пріѣхать въ Россію, и мы еще увидимся.

Прошу Васъ передать душевное мое почтеніе супругѣ Вашей и всему семейству. Желаю, чтобы Вы и всѣ ваши пользовались сколь можно долѣе вожделеннымъ здоровьемъ.

Всегда былъ, есмь и буду преданный Вамъ

А. Тургеневъ.

Вы вѣроятно находитесь въ настоящее время въ Vert Bois и пользуетесь благораствореніемъ воздуха и обиліемъ плодовъ Помоны и Цереры; а мы въ Ингерманландіи сидимъ по ступицу въ грязи, топимъ печи и слушаемъ, какъ дождь бьетъ дробь по крышамъ сельскихъ строеній.

Жаль, что въ годину прогресса Крымъ опустѣлъ съ выходомъ татаръ болѣе 200/т.

Когда то и кѣмъ населять этотъ край?

Вчера прочли мнѣ въ газетахъ объявленіе объ И. С. Тургенерѣ, что онъ ѣдетъ за границу. Конечно въ Парижѣ онъ увидится съ Вами.

Давно ожиданныя преобразованія Откупной системы совершились. Она замѣнена акцизною системою. Много толковъ о послѣдствіяхъ этой системы относительно Государственнаго дохода. Время обнаружить, ктѣ правъ, ктѣ ошибается.

Цѣны на все, особенно на квартиры въ ПБургѣ и въ Москвѣ, возвышаются не по годамъ, по недѣлямъ. Дороговизна стѣсняетъ всѣхъ и cadaго. Это приписываютъ, но лишь отчасти, рѣшенію крестьянскаго вопроса, и утѣшаются, что цѣны на все придутъ по времени въ нормальное положеніе. До этого же времени намъ, пенсіонерамъ, тягостно. Пенсіоны тѣ же, а всё вдвое.

Дошла ли до Васъ моя карточка (портретъ), посланная въ Іюль прошлаго года съ однимъ Русскимъ, ѣхавшимъ изъ ПБ-га въ Парижъ?

— *Генераль-лейтенантъ Штейнфель*, Ѳаддей Ѳеодоровичъ, финляндскій ген.-губернаторъ, возведенъ былъ въ этомъ году въ графское достоинство. 18 августа (1812 г.) ему было приказано отправиться съ своимъ корпусомъ къ Ригѣ преслѣдовать разбитаго непріятеля и, усиливъ себя частью рижскаго гар-

низона, утвердиться на рѣкѣ Улѣ, войти, къ 10 октября, въ связь съ войсками адмирала Чичагова и отрѣзать отступление Большой наполеоновой арміи. Генералъ Штейнгель дѣйствовалъ совмѣстно съ корпусомъ графа Витгенштейна, и дѣятельность ихъ вовсе не была столь побѣдоносна, какъ это можно подумать на основаніи дневника Тургенева (см. ниже стр. 207 и 209). Даже Богдановичъ, въ своей «Исторіи отечествен. войны 1812 г.», т. III, 187), склонный скорѣе хвалить, чѣмъ порицать, дѣлаетъ такое заключеніе, что графу Витгенштейну не удалось исполнить дѣйствіе, указанное его войскамъ на основаніи общаго операціоннаго плана; что непріятельскіе корпуса, дѣйствовавшіе въ окрестностяхъ Полоцка, не были отрѣзаны отъ наполеоновой арміи и не отброшены къ Нѣману, а напротивъ того войска Удинѣ и Викторѣ, соединившись между собою, имѣли возможность прикрыть отступление «Большой арміи». У Богдановича (*ibid.*, 182) есть между прочимъ указаніе, что при отступленіи 6-го (баварскаго) корпуса по вилепской дорогѣ, въ одной изъ стычекъ 12 октября генералъ Гельфрейхъ, настигнувъ непріятельскій обозъ, захватилъ множество повозокъ и въ томъ числѣ казну и фургонъ съ *двадцатью двумя* знаменами полковъ баварскаго корпуса. Кажется, этотъ подвигъ Тургеневъ приписываетъ Штейнгелю.

— (Стр. 208). *Багратионъ*, получившій, какъ извѣстно, смертельную рану въ бородинской битвѣ (26 авг.), скончался 12 сентября 1812 г.

— (Стр. 209). *Каверинъ* уѣхалъ въ армію и сдѣланъ былъ ординарцемъ у генерала Бенигсена.

— *Шиховъ*, Александръ Семеновичъ (1754—1841), въ 1812 году былъ государственнымъ секретаремъ и въ эпоху Отечественной войны писалъ всѣ рескрипты и манифесты.

— *Дельфина* — романъ г-жи Сталь, написанный ею въ 1796—1799 гг. Добившись негласнаго развода съ мужемъ, но продолжая жить съ нимъ въ одномъ домѣ, она очутилась въ двойственномъ положеніи, которымъ не замедлил воспользоваться ея политическіе враги. Исходъ волновавшимъ ее въ это время чувствамъ она и даетъ въ упомянутомъ романѣ.

— (Стр. 210). Въ четырехстишии, записанномъ у Тургенева, высмѣивается адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ (1765—1849), упустившій Наполеона. Если по отношенію къ самому Чичагову шутка могла быть у мѣста, то едвали справедливо обвиненіе противъ его отца и дѣда. Василій Яковлевичъ Чичаговъ (1726—1809) одержалъ въ войнѣ со шведами три блестящихъ побѣды надъ болѣе сильнымъ непріятельскимъ флотомъ, взялъ въ плѣнъ множество кораблей, фрегатовъ и другихъ судовъ, болѣе 5000 солдатъ и до 200 офицеровъ, съ контръ-адмираломъ во главѣ. Это и принудило Густава III къ скорѣйшему заключенію мира. Дѣдъ Чичагова, Яковъ Матвѣевичъ, былъ участникомъ цѣлаго ряда сраженій въ Великую Сѣверную войну.

— *Сертій Ивановичъ*, братъ Тургенева, отправился вмѣстѣ съ матерью въ Сибирскую губернію.

— *Юнгъ-Штиллинъ* (1740—1817), нѣмецкій мистическій писатель, былъ очень популяренъ у насъ въ Россіи и между прочимъ въ семьѣ Тургенева. Николай Ивановичъ могъ читать или автобіографію Юнга, или какой-нибудь изъ его романовъ.

— (Стр. 213). *Рувье* вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Вассалемъ, ознакомившись съ крымскими степями, предложилъ русскому правительству развести тамъ ме-

риносовыхъ овецъ. Предложеніе было принято, и въ 1804 году Рувье и Вассаль привезли изъ Испаніи и другихъ мѣстъ до полуторы тысячи мериносовъ. Этогъ самый Рувье потомъ попалъ въ комиссію составленія законовъ.

— *Буше*, Петръ Антоновичъ, французскій юрисконсультъ, авторъ многихъ сочиненій по торговому и морскому праву. Съ 1809 г. онъ былъ профессоромъ этихъ наукъ въ Парижѣ, затѣмъ прибылъ съ семействомъ въ Россію, принявъ въ 1812 г. русское подданство и получилъ чинъ статскаго совѣтника. См. Остафьевскій Архивъ, I, 630—631.

— *Розенкампфъ* — см. выше. У братьевъ Тургеневыхъ по отношенію къ Розенкампфу были почему-то непріязненные чувства.

— (Стр. 214). Тургеневъ могъ обѣдать или у Павла Александровича Строганова (1774—1817), или у брата его Григорія Александровича (1770—1857).

— (Стр. 215) *Князь Голицынъ*, Дмитрій Владимировичъ (1770—1844), генералъ отъ Кавалеріи, москов. ген.-губернаторъ, 6 лѣтъ учился въ Страсбургской военной академіи, гдѣ и приобрѣлъ солидныя познанія. Съ 1809 г. онъ былъ въ отставкѣ, но въ 1812 г. снова вступилъ въ ряды войскъ и, получивъ отъ Кутузова начальство надъ всею конницею второй арміи, принималъ блестящее участіе въ сраженіи подъ Бородинымъ и въ другихъ бояхъ Отечественной войны, а затѣмъ и въ кампаніяхъ 1813—1814 гг.

— *Любитель Словесности* — журналъ, выходившій подъ редакціей Н. Ѳ. Остолопова въ Петербургѣ, въ 1806 г., ежемѣсячно. Эти ежемѣсячные выпуски образовали четыре части, каждая съ особымъ оглавленіемъ. Содержаніе журнала довольно пестрое, но преобладаютъ пьесы легкаго, поэтическаго содержанія.

— *Сисмонди* (Simonde de Sismondi, 1773—1842), замѣчательный экономистъ, выступившій сначала приверженцемъ Ад. Смита, а потомъ (съ 1815 г.) критикомъ. О бумажныхъ деньгахъ Тургеневъ могъ прочитать въ сочиненіи Сисмонди, носящемъ слѣдующее заглавіе: «De la richesse commerciale ou principes de l'économie politique» (1803).

— (Стр. 216). Въ «*Вѣстникъ [Европы]*» Тургеневъ читалъ разсужденіе Карамзина «О счастливѣйшемъ времени жизни».

— (Стр. 217). Свѣтлѣйшій князь *М. И. Кутузовъ-Смоленскій* скончался 16 апрѣля 1813 г. въ Силезіи. Тѣло его перевезено было въ Петербургъ и погребено въ Казанскомъ соборѣ 13-го іюня 1813 г.

— (Стр. 218). *Графъ Сиверсъ*, Георгъ Карловичъ (1779—1827), изъ Эстляндіи, учился въ Геттингенскомъ университетѣ въ 1804—1807 гг. и можетъ быть по этой причинѣ имѣлъ знакомство съ братьями Тургеневыми.

— Тургеневъ поднесъ рукопись своихъ *Налоговъ* (прекрасно переплетенную) министру финансовъ, А. Д. Гурьеву.

— (Стр. 223). *Штейнъ* (Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ vom Stein, 1757—1831), по приглашенію имп. Александра, прибылъ въ Россію въ іюнѣ 1812 г. Вступить на русскую службу онъ отказался и былъ занятъ организаціей нѣмецкаго легіона и подготовленіемъ возстанія Пруссіи. Какъ только образовалась послѣдняя коалиція противъ Наполеона (въ 1813 г.), Штейнъ уѣхалъ въ Германію и по желанію имп. Александра сталъ во главѣ Центрального Департамента, предназначавшагося для управленія тѣми областями Германіи, которыя будутъ отняты у французовъ. Въ петербургскомъ обществѣ Штейнъ

особенно часто бывалъ у С. С. Уварова, у Кочубея, товарища по Нѣмецкому Комитету, также у Толстыхъ, Гурьева, Нарышкиныхъ и у Долгорукихъ. Особенно охотно бывалъ онъ у супруги герцога Александра Виртембергскаго. Повидимому у Уварова или у Толстыхъ познакомился со Штейномъ и братья Тургеневы. Изъ переписки этихъ послѣднихъ можно заключить, что мѣсто на службѣ у Штейна въ его департаментѣ первоначально предназначалось для Сергѣя Ивановича; но послѣдній уступилъ его брату Николаю Ивановичу, въ виду страстнаго его желанія уѣхать изъ Россіи. У Пертца (Pertz, Das Leben des Ministers vom Stein, III, 693) приведено письмо С. С. Уварова (отъ 22 октября 1813 г.) къ Штейну, и въ немъ есть слѣдующія слова: «Gourgueneff qui Vous remettra cette lettre est un jeune homme d'un esprit solide et d'un caractère distingué. J'espère qu'il Vous conviendra». Далѣе Уваровъ говоритъ, что посылаетъ съ Тургеневымъ чаю для Штейна и пр.

— Въ Архивѣ бр. Тургеневыхъ сохранилось письмо Михайловскаго-Данилевскаго къ Н. И. Тургеневу съ извѣщеніемъ о назначеніи послѣдняго къ Штейну. «Спѣшу увѣдомить васъ, любезный другъ Николай Ивановичъ, что Stein докладывалъ Государю объ опредѣленіи васъ на время къ нему, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе съ симъ, чтобы вы сохранили ваши мѣста и получили бы деньги для проѣзда въ Главную Квартиру... Если бы я вамъ описывалъ все то, что я почувствовалъ, когда Штейнъ объявилъ мнѣ пріятнѣйшую вѣсть, то это значило бы повторять вамъ тѣ чувствованія, въ коихъ вы увѣрены и кои вы знаете. Мы будемъ вмѣстѣ, вмѣстѣ будемъ раздѣлять радости и непріятности и вмѣстѣ, вѣроятно, увидимъ мѣста нашего счастья, нашего перерожденія». — Въ этомъ же письмѣ упомянуть и полковникъ генер. штаба, Федоръ Яковлевичъ *Eichen*.

— Баронъ *Шиллингъ* — очевидно тотъ самый, о которомъ Тургеневъ впоследствии упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ брату Александру Ивановичу. Напр. въ письмѣ отъ 20 октября — 3 ноября 1815 г. Тургеневъ пишетъ, что Шиллингъ «изобрѣлъ новый шифръ, который, по увѣренію знатоковъ, indechiffable. Въ слѣдствіе сего онъ получилъ мѣсто въ коллегіи иностр. дѣлъ съ 1500 руб. жалованья, съ бонификаціею курса и другими выгодами. Онъ поѣхалъ въ Минхенъ».

— (Стр. 224). «Сегодня ѣздилъ къ Министру» — т. е. къ министру финансовъ, Гурьеву.

— «*Журналъ 1806 года*» — см. дневники Тургенева, томъ первый.

— Тургеневъ выѣхалъ изъ Петербурга 24 октября 1813 и вернулся опять въ Петербургъ въ ноябрѣ 1816 года; слѣдовательно за границею пробылъ три года.

— (Стр. 226). *Маркизь Паулуччи*, Филиппъ Осиповичъ (род. 1779), итальянецъ по происхожденію, поступилъ на русскую службу въ 1807; въ 1811 году онъ былъ главнокомандующимъ русской арміи въ Грузіи, а въ 1812 назначенъ на постъ лифляндскаго и курляндскаго ген. губернатора. Въ 1829 г. онъ оставилъ русскую службу и уѣхалъ въ Италію.

— (Стр. 227). Очевидно Тургеневъ спрашивалъ у наемнаго лакея, гдѣ происходятъ собранія масоновъ, а лакей оказался масономъ.

— *Понятовскій*, Іосифъ (1763—1813), князь, племянникъ послѣдняго польскаго короля. Первоначально служилъ въ австрійской арміи; съ 1789 г. занимался организаціей польской арміи, а во время возстанія 1792 г. былъ ея

главнокомандующимъ. Былъ потомъ эмигрантомъ, но вернулся на родину и служилъ подъ начальствомъ Костюшки въ 1794 году; въ 1807 г. Понятовскіи участвовалъ въ организаціи временнаго правительства и былъ сдѣланъ военнымъ министромъ великаго герцогства Варшавскаго. Въ 1809 г. онъ былъ главнокомандующимъ польскаго войска, дѣйствовавшаго противъ Австріи. Въ 1812 г. Понятовскій участвовалъ въ походѣ Наполеона въ Россію и командовалъ пятымъ корпусомъ великой арміи (правый флангъ). На бородинскомъ полѣ онъ первый началъ битву съ своими польскими полками. Въ битвѣ подъ Лейпцигомъ онъ былъ произведенъ въ маршалы, но при отступленіи былъ тяжело раненъ и утонулъ въ рѣкѣ Эльстерѣ. Послѣдними его словами, говорятъ, были: «Богъ довѣрилъ мнѣ честь поляковъ, и я отдамъ ее только Богу».

— Недалеко отъ Дрездена, при Бауценѣ, было кровопролитное сраженіе въ маѣ 1813 г.; слѣды его-то вѣроятно и наблюдалъ Тургеневъ.

— (Стр. 228). *Князь Репнинъ*-Волконскій, родной братъ декабриста С. Г. Волконскаго, въ это время былъ ген. губернаторомъ Саксоніи и подчиненъ Штейну. По отзыву послѣдняго, «онъ былъ толковій, добродушный человекъ, воодушевленный лучшими намѣреніями». Самъ Тургеневъ въ письмахъ къ брату въ очень лестныхъ выраженіяхъ отзывается объ его управленіи Саксоніей.

— Въ Лейпцигѣ Тургеневъ наблюдалъ свѣжіе слѣды ужасной битвы, длившейся три дня (4—6 октября 1813 г.).

— *Консуль* — конечно И. И. Шварцъ, о которомъ нѣсколько разъ упоминалось въ первомъ томѣ дневниковъ.

— Тургеневъ сдѣлалъ 10 миль крюку для того, чтобы побывать въ Геттингенѣ. «Увидѣвъ старыхъ знакомыхъ, — пишетъ онъ брату Александру Ивановичу, — полюбилъ я Геттингенъ еще болѣе. Былъ у Геерена, Сарториуса и Бенеке. Первый въ особенности вамъ кланяется. Много хотѣлъ писать вамъ, но комната моя безпрестанно набита старыми знакомыми: Росси, Гезелусъ D-г Рау, Сакентъ, Гротгусъ — всѣ здѣсь. — Долги Сергѣевы еще не заплачены здѣсь».

— (Стр. 229). *Мейеръ* — богатый еврей — мѣняла, у котораго Тургеневъ иногда бралъ деньги взаймы.

— (Стр. 230). Въ письмѣ отъ 8 декабря Тургеневъ пишетъ, что онъ пріѣхалъ во Франкфуртъ 7 декабря, а здѣсь въ дневникѣ онъ говоритъ, что 5-го. Надо думать, что въ письмѣ сказано вѣрнѣе.

— Подъ инициалами А. Щ. скрывается, повидимому, Щербининъ. Но въ письмѣ къ брату отъ 8 дек. Тургеневъ говоритъ, что онъ живетъ куда съ Данилевскимъ, «въ коемъ нашелъ истиннаго друга». Данилевскій въ это время состоялъ въ свитѣ государя въ союзной арміи.

— Въ письмѣ отъ 8 декабря къ брату Александру Ивановичу Тургеневъ говоритъ, что пріѣхалъ во Франкфуртъ 7-го числа и тотчасъ отправился къ Штейну, который познакомилъ его съ экспедиторами, товарищами его. «Я теперь узнаю ходъ дѣлъ по управленію, ввѣренному Штейну. Цѣлое утро провелъ, читая любопытныя бумаги. Штейнъ пригласилъ меня къ себѣ ежедневно обѣдать. Спрашивалъ о васъ, о Сергѣѣ Семеновичѣ [Уваровѣ] и о графѣ Кочубеѣ. У него теперъ очень много занятій. Я намѣренъ при случаѣ сказать ему о опредѣленіи Сергѣя къ князю Репнину, который находится подъ вѣдомствомъ Штейна».

— Послѣ Лейпцигской битвы, въ октябрѣ 1813 г. былъ учрежденъ, съ

согласія пяти державъ (Россія, Пруссія, Австрія, Англія и Швеція), Временный Центрально-Административный Департаментъ (Département central d'administration temporaire), уставъ котораго помѣщенъ въ приложеніяхъ къ этому тому (см. стр. 343—346). На этотъ Департаментъ возложено было, во первыхъ, временное управленіе нѣмецкими княжествами и областями, отнятыми у французовъ, и, во вторыхъ, изысканіе и распредѣленіе между союзниками средствъ для веденія войны. Во главѣ Департамента поставленъ былъ Штейнъ. Въ Архивѣ Тургеневыхъ сохранился листокъ съ такимъ заголовкомъ: «Extrait des mémoires de M-r de Stein¹⁾, Auszug aus einem Aufsatz des Herrn Minister, Freiherrn vom Stein, welcher sich nach seinem Tode unter seinen Papieren in Carpenberg gefunden hat». Помѣщаемъ здѣсь этотъ отрывокъ въ переводѣ на русскій языкъ.

... «10 ноября 1813 года пріѣхалъ я во Франкфуртъ въ тотъ моментъ, когда всѣ были заняты приготовленіями къ полному уничтоженію Рейнскаго союза. Мнѣ поручили комиссію, которая была образована, съ одной стороны, для установленія размѣра повинностей, которыя должны нести нѣмецкіе князья на военныя нужды — это подъ предсѣдательствомъ князя Меттерниха; съ другой стороны, для устройства системы защиты Германіи — это подъ предсѣдательствомъ князя Шварценберга. Конецъ этой комиссіи и кругъ дѣлъ, переданныхъ мнѣ послѣ этого, рассказаны въ [книгѣ] Мартенса. (Общее руководство кредитною частью союзниковъ, устройство лазаретовъ, а также устройство обоихъ береговъ Рейна по ихъ освобожденію — все это я поручилъ графу Сольмсъ-Лаубаху, который и этими дѣлами занимался съ большимъ умѣньемъ и рвеніемъ).

Мои подчиненными совѣтниками были: отъ Пруссіи — тайные совѣтники Фризе (Friese) и Эйхгорнъ (Eichhorn), отъ Австріи — надворный совѣтникъ, графъ фонъ Шпигель (Spiegel), и отъ Россіи — коллежскій ассесоръ Тургеневъ. Это все были хорошіе и достойные люди».

Въ концѣ этого отрывка очевидно память измѣнила Штейну, а именно: со стороны Россіи, кромѣ Тургенева, представителемъ былъ еще швейцарецъ Андрей Меріанъ.

— Баронъ (а не графъ) *Шпигель* былъ рекомендованъ Штейну княземъ Меттернихомъ.

— *Фризе* впервые выдвинулся и сталъ извѣстенъ Штейну въ эпоху прусскихъ реформъ 1807—1808 г., работая въ правительственныхъ комиссіяхъ 1807 г., занятыхъ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса и реформой административныхъ учреждений. Это былъ тоже ярый поклонникъ теорій Адама Смита, что могло дать почву для сближенія его съ Тургеневымъ. См. Max Lehmann, Stein II, 296, 440—442 и III, 333, и статью Вишницера («Минув. Годы» 1908, VII).

— Совѣтникъ судебной палаты *Эйхгорнъ*, горячій поклонникъ Штейна и такой же патріотъ, мечтавшій о возрожденіи и объединеніи Германіи, составилъ потомъ книжку о дѣятельности Центрального Департамента подъ заглавіемъ: «Die Centralverwaltung der Verbundeten unter dem Freiherrn vom Stein» (1814). Биографъ Штейна, М. Леманъ, считаетъ его однимъ изъ наиболѣе благородныхъ среди сподвижниковъ Штейна.

— *Майоръ Рюль* (собственно Rühle von Lilienstern) былъ призванъ для организаціи военныхъ силъ нѣмецкихъ провинцій. Когда Штейнъ послѣдовалъ

1) Почеркъ Н. И. Тургенева, а далѣе неизвѣстно чей.

за главной квартирой союзныхъ державъ въ Швейцарію и Францію, то для Рюля было учреждено во Франкфуртѣ особое вѣдомство, General-Commissariat.

— Что касается Н. И. Тургенева, то онъ сдѣлался секретаремъ Штейна и велъ всю его обширную переписку. Можетъ быть шутя Штейнъ иногда называлъ его «генераль-секретаремъ». Эти обязанности Тургеневъ исполнялъ до заключенія парижскаго мира, т. е. до іюня 1814 года.

— Въ письмѣ къ брату (отъ 12 дек.) Тургеневъ говоритъ, что 11 декабря изъ Франкфурта выѣхалъ государь и вся главная квартира, а 13 дек. долженъ былъ выѣхать и Штейнъ. 11 дек. Тургеневу объявили, что ему назначено жалованье — по 5 талеровъ въ день.

— Тургеневъ пріѣхалъ въ Карлсруэ 16 декабря. Главная квартира войскъ находилась въ Брукзалѣ. При государѣ были: князь Волконскій, гр. Аракчеевъ, гр. Несельроде и бар. Штейнъ. Послѣдній впрочемъ до 17 дек. еще не пріѣхалъ. На той сторонѣ Рейна еще не было «ни одного изъ нашихъ корпусовъ». Въ Карлсруэ жилъ тогда извѣстный Юнгъ Штиллингъ, и Тургеневъ съ Данилевскимъ собирались къ нему съ визитомъ.

— (Стр. 231—232). О бумажныхъ деньгахъ у Штейна заговорили можетъ быть потому, что (какъ писалъ Тургеневъ брату) «ждали туда Жерве, коему препоручены здѣсь дѣла касательно ассигнацій отъ министра финансовъ».

— (Стр. 232). Такія точно мысли о возстановленіи всего національнаго въ Россіи Штейнъ высказывалъ и въ письмахъ изъ Россіи къ роднымъ (въ 1812 г.). См. Pertz, Das Leben des Ministers vom Stein. Т. III (107, 158, 167, 168, 199—200).

— *Delphine* — извѣстный романъ г-жи Сталь. См. выше стр. 440.

— *Рейль* (Johann-Christian Reil, 1753—1813) — профессоръ медицины при берлинскомъ университетѣ. Его изслѣдованія по анатоміи мозга и его воззрѣнія на леченіе душевно-больныхъ въ большой степени содѣйствовали успѣхамъ психіатріи въ Германіи.

— Здѣсь, въ сужденіяхъ объ одеждѣ солдатъ, лишній разъ обнаруживается, что и Тургеневъ раздѣлялъ слабость современниковъ — смотрѣть на армію, какъ на забаву, предназначенную тѣшить во время парадовъ взоры красотой формы и выправки. Такой взглядъ исходилъ отъ самого имп. Александра I и его брата Константина Павловича. Послѣдній даже негодовалъ на войну за то, что она портитъ внѣшность и красоту арміи.

— (Стр. 233). *Гарденбергъ* (Карль-Августъ, 1750—1822), князь, прусскій канцлеръ (съ 1810 г.) и продолжатель Штейна въ дѣлѣ возрожденія Пруссіи. Штейну онъ уступалъ въ твердости характера.

— Князь Антонъ Генрихъ Радзивиллъ (1775—1833) съ молодыхъ лѣтъ жилъ при Германскомъ дворѣ, былъ женатъ на родственницѣ короля Фридриха-Вильгельма II и съ 1815 г. былъ намѣстникомъ вел. княж. Познанскаго. Онъ извѣстенъ также какъ хорошій виолончелистъ и композиторъ.

— *Генераль Теобальдъ* (Josef von Theobald, 1770—1830) — нѣмецкій военный писатель.

— (Стр. 234). И въ письмѣ отъ 31 декабря Тургеневъ жалуется, что у него мало дѣла. Въ Базелѣ онъ находился недѣлю (2—9 января) и тоже скупчалъ безъ дѣла, такъ какъ Штейнъ былъ въ отсутствіи.

— (Стр. 235). Изъ письма отъ 3 янв. 1814 г. видно, что Тургеневъ хотѣлъ вызвать брата Сергѣя изъ Россіи и помѣстить его при какомъ нибудь

ген. губернаторѣ на лѣвомъ берегу Рейна; это легко, ибо «Штейнъ есть источникъ управленія Германіи и всѣхъ завоеванныхъ провинцій».

— Въ томъ же письмѣ Тургеневъ сообщаетъ о переходѣ войскъ черезъ Рейнъ. «Третьяго дня резервы большой арміи, состояще изъ русскихъ, прусскихъ и баденскихъ гвардій, проходили въ парадѣ черезъ Рейнъ, и при входѣ на мостъ каждый полкъ кричалъ ура. Оба императора и король прусскій смотрѣли. Всѣ зрители удивлялись военной красотѣ нашей гвардіи».

— *Блюхеръ* (Гебгардъ-Лебрехтъ Blücher, 1742—1819), прусскій фельдмаршалъ. Съ 1813 г. онъ имѣлъ начальство надъ русско-прусскими войсками въ Силезіи и участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ противъ Наполеона (1813—1814 и 1815).

— *Гнейзенау* (August Gneisenau, 1760—1831), графъ, прусскій генералъ-фельдмаршалъ, въ 1813—1814 гг. былъ начальникомъ штаба арміи Блюхера и очень способствовалъ побѣдамъ и исправленію ошибокъ послѣдняго въ кампанію 1814 года.

— (Стр. 236). *Князь Шварценбергъ* (Карлъ-Филиппъ, 1771—1820), австрійскій фельдмаршалъ. Когда Австрія объявила войну Наполеону въ 1813 году, Шварценбергъ получилъ главное командованіе надъ войсками союзниковъ (Богемская армія). Потерпѣвъ неудачу подъ Дрезденомъ, онъ нанесъ поражение Наполеону при Лейпцигѣ, но преслѣдовалъ его нерѣшительно и дѣйствовалъ вяло вплоть до сраженія при Арсисъ-на Обѣ.

— *Песталоцци* — см. о немъ выше, стр. 425. Изъ одного письма Тургенева къ брату видно, что Песталоцци просилъ его доставить ему нѣсколько образчиковъ русскихъ минераловъ, «самыхъ обыкновенныхъ и дешевыхъ». Тургеневъ проситъ братьевъ исполнить его желаніе. Изъ того же письма видно, что въ Москвѣ какой-то Муральтъ былъ проповѣдникомъ (апостоломъ) идей Песталоцци.

— *Алопеусъ* — очевидно Давидъ Максимовичъ, графъ (1769—1831). Онъ воспитывался въ штутгартской военной школѣ и подъ руководствомъ старшаго брата, Максима Максимовича (1748—1822), выступилъ на дипломатическое поприще. Былъ русскимъ посломъ въ Швецію (до 1808 г.) и за испытанныя тамъ притѣсненія получилъ графскій титулъ. Французскій историкъ Вандадь даетъ такой отзывъ объ Алопеусѣ: «Въ его [русской] дипломатіи былъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ ея дѣятелей — Давидъ Алопеусъ, занимавшій мѣсто посланника въ Стокгольмѣ. Нельзя отрицать, — писалъ о немъ одинъ французскій дипломатъ, — что это умный и талантливый человекъ, но далеко не сторонникъ Франціи». Официально Александръ назначилъ его посланникомъ въ Неаполь къ королю Мюрату; но на пути онъ долженъ былъ застрять и остаться въ Вѣнѣ, чтобы тамъ разузнать настроеніе австрійскаго правительства и, если возможно, склонить послѣднее на сторону Россіи, поссоривши съ Франціей. Эта миссія Алопеуса не удалась. Въ 1811 г. онъ получилъ постъ посланника при Вюртембергскомъ дворѣ, затѣмъ въ 1813 г. — генеральнаго комисара при союзной арміи; въ 1815 г. онъ недолгое время былъ военнымъ губернаторомъ Лотарингіи, и въ это время при немъ состоялъ Н. И. Тургеневъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

— (Стр. 236—237). *Княгиня Волконская* — очевидно Зинаида Александровна (урожденная Бѣлосельская, 1792—1862), извѣстная любительница литературы и искусствъ, сама писательница и окружавшая себя выдающимися писателями. Послѣ 1812 г. она оставила Россію, жила въ Прагѣ, Теплицѣ, Парижѣ,

Вѣнѣ и Веронѣ. Вездѣ и всюду окружало ее блестящее общество, и самъ имп. Александръ I бывалъ на ея вечерахъ. Можетъ быть одною изъ первыхъ она обратила вниманіе и предалась изученію родной старины, для чего даже переселилась въ Москву (1824 г.) и сблизилась тамъ съ кружкомъ лицъ, изъ котораго выросло славянофильство.

— (Стр. 238). Изъ Базеля Тургеневъ выѣхалъ во Францію около 10 января. Въ письмѣ къ брату отъ 28 января изъ Лангра онъ сообщаетъ, что вездѣ по пути находитъ печальную картину: «бѣдность, раззореніе, уныніе — вотъ что по сію пору видимъ мы dans cette belle et noble France. Всѣ жители вообще рады нашему приходу. Неудовольствіе, которое жители показываютъ противъ теперешняго своего правительства, очень велико... Нѣкоторые изъ сихъ радуются въ особенности, что вступленіе союзныхъ войскъ возпрепятствовало правительству взять послѣднихъ ихъ дѣтей и послѣднее имущество для составленія національной гвардіи и de la levée en masse. Многіе изъ сихъ ратниковъ побросали ружья и пришли домой. Наполеонъ разослалъ по различнымъ департаментамъ своихъ адъютантовъ и сенаторовъ для составленія сихъ войскъ; но вездѣ успѣхи не велики. Законодательный корпусъ, который вѣроятно противился намѣреніямъ Наполеона, разогнатъ безъ дальнѣйшихъ околичностей». Такимъ образомъ и показанія Тургенева подтверждаютъ тотъ фактъ, что геніальный деспотъ Наполеонъ совершенно опротивѣлъ и омерзѣлъ французамъ; слѣдовательно и передались они такъ легко союзникамъ не по легкомыслію и не по недостатку патріотизма, а потому, что для нихъ любой непріятель былъ болѣе выносимъ, чѣмъ ненавистный режимъ Наполеона — «гадкая система французскаго правительства», какъ выражается Тургеневъ ниже (стр. 239).

— Въ Лангрѣ Тургеневъ находился съ 27 января. Черезъ два дня его оставилъ Штейнъ, уѣхавъ съ главною квартирою государя. Но за то Тургеневъ былъ въ компаніи съ Каверинимъ, который былъ ординарцемъ у Беннигсена и получилъ орденъ Владиміра 4-й степени.

— (Стр. 239). Въ Лангрѣ Тургеневъ могъ узнать о побѣдѣ при Ла-Ротьерѣ (20 янв. — 1 февраля).

— (Стр. 240). Изъ Труа того же 10 февраля Тургеневъ писалъ брату Александру Ивановичу, что слѣдованіе за главною квартирою сопряжено было съ различными безпокойствами, «коихъ во Франціи болѣе, нежели было въ Германіи»... «Государя вездѣ жители встрѣчаютъ съ крикомъ: Vive l'Empereur! Трудно себѣ представить энтузіазмъ, коимъ одушевлены союзныя войска и жители Германіи и Франціи къ сему виновнику всѣхъ щастливыхъ произшествій». Тургеневъ сообщаетъ, что Штейнъ называлъ его, Тургенева, «генераль-секретаремъ», что онъ получалъ пять талеровъ въ день и что въ Напси посаженъ русскій ген.-губернаторъ, Алопеусъ.

— *Rozzo-di-Borgo* (Карлъ-Андрей, 1764—1842), графъ, русскій дипломатъ, родомъ изъ Корсики, поступившій на русскую службу въ 1803 г. Личный врагъ Наполеона, онъ много способствовалъ образованію послѣдней коалиціи противъ него (въ Лондонѣ, Шведціи и Берлинѣ). См. ниже стр. 476.

— *Свингинъ*, Павелъ Петровичъ (1788—1839), литераторъ и первый издатель «Отчественныхъ Записокъ». Въ 1811—1813 гг. былъ секретаремъ русскаго генеральнаго консула въ Филадельфіи. Вернувшись оттуда, онъ издалъ нѣсколько описаній своихъ путешествій и потомъ принялъ участіе, какъ и многіе его современники, въ заграничныхъ походахъ 1813—1814 гг. По отзыву Кс.

Полевого, «это былъ плохой литераторъ, но бездѣльный человѣкъ ловкостью, находчивостью, услужливостью, готовый обязывать во всѣхъ мелочахъ»; о чемъ свидѣтельствуеъ и Тургеневъ (см. стр. 240). Другой отзывъ послѣдняго о Свиньинѣ см. ниже, въ примѣчаніи къ страницѣ 242.

— «*Ретирада*», о которой упоминаеъ Тургеневъ, произошла такимъ образомъ. Въ началѣ февраля Блюхеръ двинулся черезъ Шалонъ къ Парижу, но Наполеонъ, воспользовавшись разобщеннымъ и растянутымъ положеніемъ его войскъ, разбилъ ихъ по частямъ и заставилъ Силезскую армію, понесшую огромныя потери, отступить къ Шалону. Вотъ это-то *отступление*, причинившее союзникамъ много огорченій, Тургеневъ и называетъ *ретирадой*. Изъ Труа Тургеневъ съ главной квартирою возвратился въ Лангръ (къ юго-востоку отъ Труа, около 100 килом.).

— (Стр. 242). Изъ Лангра Тургеневъ вернулся въ Шомонъ (къ сѣверу отъ Лангра) и оставался здѣсь около 12 дней. Это было для него скучное время. Въ письмѣ къ брату онъ упоминаеъ о лицахъ, съ которыми вступалъ въ соприкосновеніе, лично и письменно, а именно: Кудрявскій, Греть, Фрейгантъ, Воейковъ, Ал. П. Демидовъ и Жихаревъ. Блюхера онъ называетъ «славнымъ старикомъ», но болѣе всего восхищается онъ Штейномъ, который, при своемъ умѣ, «имѣеъ великую откровенность. Я съ нимъ съ нѣкотораго времени болѣе и долѣе бываю и говорю, нежели прежде — а быть съ Штейномъ, въ особенности наединѣ, есть для меня точно наслажденіе». Упомянувъ о сочиненіи *M-me de Staël — De l'Allemagne*, онъ увѣряеъ, будто тамъ можно найти точное описаніе петербургскихъ обществъ; «по крайней мѣрѣ таковыми я себѣ ихъ представляю, не имѣвъ довольно искусства и охоты узнать ихъ дѣйствительно». Говоря о наградахъ чинамъ арміи, Тургеневъ прибавляеъ: «Мы, служа здѣсь въ центрѣ управленія Германіи и Франціи, не думаемъ о наградахъ, служа единственно *der guten Sache*». Упомянувъ о томъ, что князь Репнинъ, по представленію Штейна, произведенъ въ ген.-лейтенанты, онъ прибавляеъ: «Вы знаете, что у меня сердце не лежитъ къ Репнину, и сіе отвращеніе увеличилось во время моего послѣдняго пребыванія въ Лейпцигѣ; но надобно ему отдать великую честь, что дѣла въ Саксоніи идутъ очень хорошо, и что управленіе его, дѣлая честь ему, приноситъ славу и Государю. И Саксонскій Король благодарилъ Государя за Репнина». Въ томъ же письмѣ Тургеневъ благодаритъ Жихарева за письма и посылаетъ ему (вмѣстѣ съ Алексѣемъ Петр. Демидовымъ) разныя карикатуры. Онъ видаеъ и Батюшкова, котораго походы «изнуряютъ, и онъ весьма желаетъ, — такъ, какъ и всѣ, — скорого возвращенія въ отечество... Здѣсь живетъ Павелъ Свиньинъ, ожидая своего отправленія въ Лондонъ къ *M-me Moreau*, которой Государь пожаловалъ 30.000 пенсіи, 100.000 на проѣздъ изъ Лондона въ П.-бургъ, и сверхъ того одна изъ дочерей ея сдѣлана фрейлиною. Вамъ [Александрѣ Ивановичу], я думаю, извѣстенъ орус Свиньина о Моро, съ портретомъ. Большія странствія мало образовали умъ этого молодого человѣка. Онъ можетъ рисовать, и мы ему совѣтывали, оставивъ неблагодарное поле Дипломатики, ѣхать въ Италію и усовершенствоваться въ живописи».

— (Стр. 243). *Вронченко*, Федоръ Павловичъ (1780—1852), бывшій впоследствии министромъ финансовъ (1844—1852), по окончаніи университета началъ свою карьеру службою въ канцеляріи Н. Н. Новосильцева, въ которой пробылъ до 1805 г. Въ этомъ году назначенъ въ свиту государя для письмо-

водства и составленія военныхъ реляцій. Въ 1809 г. былъ опредѣленъ писемно-водителемъ при совѣтѣ и правленіи комиссіи составленія законовъ, а въ 1810 г. былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ финансовъ, хотя вскорѣ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, управляемое В. П. Кочубеемъ. Служба при Ник. Н. Новосильцовѣ и въ комиссіи составленія законовъ очевидно сдѣлала его извѣстнымъ братьямъ Тургеневымъ; но они были весьма невысокаго мнѣнія о немъ и, надо согласиться, имѣли на это полное основаніе.

— *«Блужерь разбилъ Мармонта»*... Тургеневъ очевидно говоритъ о сраженіи при Ланѣ, бывшемъ 25 февраля (9 марта). Корпуса Клейста и Юрка неожиданно ночью атаковали корпусъ Мармона. Уронъ послѣдняго въ точности неизвѣстенъ, но плѣнными онъ потерялъ до 2500 человекъ. Болѣе 140 орудій и 100 зарядныхъ ящиковъ захвачены побѣдителями, которые потеряли нѣсколько сотъ человекъ. — *Мармонъ*, герцогъ Рагузскій, французскій маршалъ (1774—1852), въ мартѣ 1814 г., вмѣстѣ съ маршаломъ Мортье, подписалъ договоръ о сдачѣ Парижа союзникамъ.

— (Стр. 244). *Лагарпъ* — конечно Цезарь де-Лагарпъ (Lagarpe, 1754—1838), извѣстный наставникъ имп. Александра I.

— (Стр. 248). Шатильонскій конгрессъ начался въ февралѣ. Уполномоченные союзныхъ державъ требовали: отреченія Наполеона отъ владѣній, приобретенныхъ Франціей съ 1792 года, признанія независимости всѣхъ европейскихкихъ государствъ и признанія права Союзныхъ державъ — опредѣлить границы и взаимныя отношенія, какъ владѣній, уступленныхъ Наполеономъ, такъ и своихъ собственныхъ, безъ всякаго вмѣшательства Франціи. Разрывъ Шатильонскаго конгресса послѣдовалъ 7/19 марта 1814 г., наканунѣ сраженія при Арси.

— (Стр. 249). Сраженіе при *Fère-Champenoise* происходило 13/25 марта. Здѣсь нанесенъ былъ Наполеону окончательный ударъ. Уронъ французовъ простирался до 11.000 человекъ. Захвачено союзными войсками 75 орудій.

— (Стр. 250). Занятіе союзниками Парижа произошло 19/31 марта 1814 года.

— При опредѣленіи даты: «Парижъ. Апрѣля.. Вторый день праздника» — нами допущена ошибка. Въ 1814 г. первый день пасхи былъ 29 марта (10 апрѣля). Поэтому запись Тургеневымъ сдѣлана 30 марта (11 апрѣля).

— (Стр. 251). Въ Парижъ Тургеневъ пріѣхалъ 28 марта (9 апрѣля), т. е. въ великую субботу страстной недѣли.

— Вотъ какъ описываетъ въ своемъ дневникѣ этотъ парадъ на *place de Louis XV* свитскій офицеръ С. Г. Хомутовъ. «Въ двѣнадцать часовъ былъ большой парадъ, и войска, прошедъ мимо Императора, стали на площади Людовика XVI или Конкордъ, посреди которой былъ поставленъ амвонъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ кончилъ жизнь несчастный Людовикъ XVI. На этомъ амвонѣ совершенно было молебствіе за послѣднія побѣды, за взятіе Парижа и за возвращеніе престола Бурбонамъ. Пушки выпалили сто одинъ разъ; радостныя восклицанія слышались со всѣхъ сторонъ: «Да здравствуетъ Александръ II! Да здравствуетъ Людовикъ XVIII!». У всѣхъ зрителей были слезы на глазахъ, и всѣ единодушно преклонили колѣна предъ милосерднымъ Богомъ, единымъ подателемъ всѣхъ благъ! Послѣ молебствія Императоръ обнялъ французскихъ маршаловъ, сказавъ имъ, что русскіе въ этотъ день всегда христосуются съ своими друзьями». — 1812 годъ. Изданіе Моск. Т-ва «Образованіе».

— Упомянутый выше Хомутовъ тоже былъ въ театрѣ, когда играли «Охоту Генриха IV», и такъ передаетъ свое впечатлѣніе: «Пьеса эта мнѣ очень понравилась, особенно при теперешнихъ обстоятельствахъ. Весь партеръ пѣлъ пѣсню Генриха IV, и всѣ съ радости плакали. Въ заключеніе спектакля актеръ Мишо пѣлъ куплеты, относящіяся къ славнымъ происшествіямъ нынѣшняго времени, что умножило восторгъ зрителей и вызвало громъ рукоплесканій». Ibid.

— Карлъ Артуа, графъ Парижскій, — младшій братъ Людовика XVIII, возведеннаго на престолъ въ 1814 году. Онъ тоже царствовалъ по смерти Людовика XVIII, подъ именемъ Карла X (1824—1830).

— Въ архивѣ Тургеневыхъ имѣются копіи съ писемъ имп. Александра къ Лагарпу. Среди нихъ повидимому сохранились и тѣ, о которыхъ упоминаетъ здѣсь Н. И. Тургеневъ.

— (Стр. 254). *Камбасересъ* (Cambacérés, 1753—1824) вотировалъ въ сенатѣ низложеніе Наполеона, и, не взирая на это, Людовикъ XVIII не допустилъ его въ палату пэровъ. *Савари*, герцогъ de Rovigo (1774—1833), былъ министромъ полиціи съ 1810 года до паденія имперіи и при появленіи Бурбоновъ вышелъ въ отставку. — *Гюленъ* (Hullin, 1758—1841), наполеоновскій генералъ, былъ комендантомъ города Парижа и, при возвращеніи Бурбоновъ, потерялъ это мѣсто.

— «Вчера намъ дали въ □ Jérusalem Ecoss. высшія степени». Изъ одного письма Николая Ивановича къ брату Сергѣю Ивановичу видно, что высшія степени масонства получилъ онъ вмѣстѣ съ Михайловскимъ-Данилевскимъ и барономъ Шиллингомъ. Въ масонскихъ ложахъ, гдѣ Тургеневъ любилъ проводить время, онъ занимался между прочимъ пропагандою идеи освобожденія крестьянъ. Это подтверждаетъ листокъ, писанный его рукою и найденный нами въ архивѣ Тургеневыхъ. Вотъ что тамъ написано.

Le toast que j'ai le plaisir de proposer est celui Pour l'affranchissement total des laboureurs russes, attachés à la glèbe.

Où est-ce que pareils désirs peuvent être mieux énoncés si ce n'est dans une réunion de vrais maçons? L'idée du patriotisme comme celle du cosmopolitisme s'en confondent dans l'idée de la maçonnerie. D'ailleurs nous ne trouvons dans la classe d'hommes pour l'intérêt desquels nous formons maintenant des vocux, *nous*, que des frères et des compatriotes, et *vous*, que des fidèles alliés. Ils sont dignes, les gens qui ont étonné l'Europe par leur patriotisme et leur obéissance aux loix existantes, ils sont dignes des droits, aussi doux que sacrés de l'indépendance. Puisseons-nous Mess. être témoins de ce que la liberté, après avoir dans les derniers temps, fait le tour de l'Europe retourne dans ces contrées, où elle a reçu sa nouvelle existence? Alors la Russie, notre chère patrie, et votre fidèle alliée, paroitra resplendissante de gloire et de bonheur.

Н. Тургеневъ.

По всѣмъ признакамъ этотъ тостъ былъ сказанъ въ масонской ложѣ гдѣ-нибудь за границею во время походовъ 1814—1815 гг.

— (Стр. 255). Въ письмѣ къ брату Александру Ивановичу (отъ 10 іюня 1814 г.) Тургеневъ пишетъ, что изъ Парижа онъ выѣхалъ съ А. И. Данилевскимъ и Ал. Ал. Панчулидзевымъ и прибылъ во Франкфуртъ 10 іюня, гдѣ и остался, а спутники его поѣхали далѣе, очевидно въ Россію. Штейна тамъ не было, но его ждали со дня на день. «Онъ, какъ я слышалъ, не долго здѣсь останется

и препоручить окончаніе дѣлъ своего Департамента намъ подъ начальствомъ графа Сольмса Лаубаха». Изъ письма отъ 24 іюня — 5 іюля видно, что въ Парижѣ Тургеневъ сильно поиздержался и имѣлъ пужду въ деньгахъ. Не смотря на это онъ отказался отъ двойного жалованья, получаемого многими чиновниками походной арміи. Жалованье, получаемое имъ во Франкфуртѣ, онъ считалъ не великимъ и просилъ брата прислать ему денегъ. Въ это время Тургеневъ познакомился и проводилъ время съ братомъ графа Сиверса, бывшаго геттингенца.

Во Франкфуртѣ Тургеневъ поселился въ виду назначенія его членомъ Ликвидационной Комиссіи, о чемъ будетъ сказано ниже, въ примѣчаніяхъ къ стр. 341—407.

(Стр. 256). Тургеневъ получилъ въ это время чинъ надворнаго совѣтника (30 іюня 1814 г.). Предыдущіе чины получены имъ: титулярнаго совѣтника — 1 января 1810, коллежскаго ассессора — 20 декабря 1813 г. Кромѣ русскаго ордена Тургеневъ получилъ въ 1814 году: отъ короля прусскаго — Краснаго Орла 3-й степени и отъ австрійскаго императора — св. Леопольда 3-й степени.

— (Стр. 257). *Незоровъ*, Максимъ Ивановичъ, одинъ изъ столповъ стараго масонства и ближайшій другъ семьи Тургеневыхъ, отличался крайне руссофильскими взглядами и является до нѣкоторой степени предтечею славянофиловъ 40-хъ годовъ.

(Стр. 257—258). Здѣсь имѣется планъ предполагавшейся статьи объ участіи различныхъ державъ въ войнахъ противъ Наполеона въ 1812—1814 гг. Въ одномъ мѣстѣ своего дневника (см. ниже, стр. 267). Тургеневъ упоминаетъ о томъ, что онъ пытался написать статью на указанную тему, но не кончилъ и бросилъ ее.

— (Стр. 258)... «3-е засѣданіе нашей Комиссіи, т. е. Ликвидационной Комиссіи, приводившей въ порядокъ дѣла Центрального Департамента. Тургеневъ три мѣсяца, т. е. до отъѣзда въ Вѣну, работалъ въ этой Комиссіи надъ «Саксонскими щетами».

— (Стр. 259—262). Здѣсь мы имѣемъ очевидно черновой набросокъ проекта о вспомогательныхъ ассигнаціяхъ. Впослѣдствіи, въ своей книгѣ «La Russie et les russes» (т. II, 222, прим.), Тургеневъ говоритъ, что послѣ одного разговора со Штейномъ о бѣдственномъ положеніи русскихъ областей, бывшихъ театромъ войны 1812 г., онъ составилъ записку о вспомогательныхъ ассигнаціяхъ, которыя въ связи съ дѣятельностью ссудныхъ банковъ возмѣщали бы, насколько возможно, жителямъ этихъ мѣстностей ихъ убытки. Записку эту Тургеневъ представилъ Штейну. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что помѣщенный здѣсь набросокъ проекта и упомянутая записка составляютъ одно и то же. Время составленія этого проекта не можетъ быть отнесено на сентябрь 1813 г., а нѣсколько позже, такъ какъ въ сентябрѣ этого года Тургеневъ былъ въ Петербургѣ, а Штейнъ за границею. Мы думаемъ, что онъ составлялъ свою записку-проектъ въ самомъ концѣ 1813 г. или въ началѣ 1814 года. Что касается заголовка «Западъ на Сѣверѣ» и даты «1813. Сентябрь», то они надписаны еще въ Петербургѣ, когда Тургеневъ, начиная восьмую книгу дневниковъ, думалъ дать ей упомянутый заголовокъ: «Западъ на Сѣверѣ», но раздумалъ и началъ дневникъ съ противоположнаго конца тетради, причемъ и заголовокъ далъ другой («Моймъ перомъ да пишется правда и законъ»).

— (Стр. 265). «Книга Скуки» — большого формата тетрадь, въ зеленомъ

переплетѣ, съ очень сильно испорченными краями, особенно по угламъ. Вотъ почему при печатаніи ея многія слова не разобраны, а остатки нѣкоторыхъ словъ дополнены редакціей.

— (Стр. 267). Приѣхавъ изъ Парижа во Франкфуртъ, Тургеневъ повидимому былъ безъ дѣла, потому что члены Ликвидационной Коммисіи еще не съѣхались. Вотъ почему онъ сильно скучалъ и пробовалъ писать статьи по разнымъ политическимъ вопросамъ.

— *Фоблазъ*, т. е. «Les amours du Chevalier de Foblas», представляетъ изъ себя довольно неприличный романъ; это не сатира, а легкомысленное оправданіе вѣтренности XVIII вѣка и живое сочувствіе ему. Въ немъ наканунѣ кроваваго дня революціи, выразилось отживавшее легкомысліе французскаго общества, и сотни комическихъ и скандальныхъ исторій изъ будуара и спальни сгруппированы рукою автора (Louvet de Couvray, 1760—1797) въ одну мозаичскую картину. Герой романа, Фоблазъ, представляетъ идеаль «любезнаго распутства».

— (Стр. 269). Сергѣй Иван. Тургеневъ уѣхалъ за границу 8 марта 1814 г. Князь Репнинъ, на просьбу братьевъ Ал. Ив. и Н. Ив. Тургеневыхъ, обѣщалъ взять его правителемъ дѣлъ своей канцеляріи; но это пока не устраивалось, и повидимому Сергѣй Ивановичъ одно время жилъ у Николая Ивановича во Франкфуртѣ. Отсюда послѣдній и посылалъ его къ Штейну. Изъ письма отъ 16 августа къ Сергѣю Ивановичу видно, что Тургеневъ совершилъ путешествіе въ «здѣшнюю Швейцарію» (Кенигштейнъ и Эпштейнъ) и собирався проѣхать по Рейну. Слѣдовательно путешествіе по Рейну сдѣлано имъ между 16 и 29 августа. Изъ того же письма видно, что Тургеневъ все-таки получилъ двойное жалованье за Парижъ. Онъ вспоминаетъ Жихарева и проситъ брата Сергѣя выбрать изъ его (Жихарева) сочиненій «также нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ (ради шутки)». Онъ кланяется Густаву Андреевичу [Розенкампу], поздравляя его съ полученіемъ ленты: «но въ отдаленіи онъ забылъ своего помощника по Коммерческому уложенію». Ал. И. Данилевскому онъ шлетъ поклонъ, также и Панчулидзеву, взявшему у него (Тургенева) въ долгъ 400 франковъ. Онъ сообщаетъ и о дѣятельности Ликвидационной Коммисіи: «Коммиссія наша продолжаетъ съ услѣхомъ дѣла свои. Щеты австрійскихъ губернаторовъ всѣ уже разсмотрѣны и утверждены нами, и суммы, поступающія въ раздѣлъ между союзными державами, опредѣлены. Теперь занимаемся разсмотрѣніемъ щетовъ русскихъ губернаторовъ: Алопеуса и Грунера. Тутъ гораздо болѣе хлопотъ и недоумѣній. Прусскіе щеты займутъ насъ не долго, ибо главный отчетъ съ Прусской стороны, по управленію Бельгією, уже разсмотрѣнъ и утверждёнъ. Я съ моей стороны не знаю только, кому я долженъ представить отчетъ по моей здѣсь должности. Stein говоритъ, что мы отъ него въ семъ отношеніи независимы. Я думаю, по примѣру моихъ товарищей, что я долженъ отнестись о семъ къ нашему Министру Финансовъ».

— (Стр. 270). Въ Вѣну Тургеневъ приѣхалъ повидимому незадолго передъ 15 сентября и прожилъ въ ней девять мѣсяцевъ (15 іюня 1815 г.). Первое письмо его изъ Вѣны помѣчено имснно 15 сентября. Онъ сообщаетъ Александру Ивановичу, что получилъ деньги (186 червонцевъ), посланные съ Данилевскимъ. Онъ видаетъ Булгакова, но не часто, какъ и въ Парижѣ и вездѣ; поэтому не успѣлъ поговорить съ нимъ о себѣ. Тургеневъ пишетъ также о своей будущей жизни въ Петербургѣ. «По долгомъ размышленіи о избраніи для себя

рода жизни, болѣе мнѣ приличнаго, я ничего не нахожу для меня выгоднаго ни въ Петербургѣ, ни въ чужихъ краяхъ. Положимъ, чтобы меня сдѣлали помощникомъ статсъ-секретаря, какъ вы пишете и какъ я самъ думалъ. Но что отъ этого прибавитъ? 3000 рублей новаго жалованія — а старыя мѣста — быть подъ командою или дураковъ или бездѣльниковъ, Балудянскихъ и Розенкамповъ — людей, которыхъ я не терплю и не могу скрыть моего къ нимъ презрѣнія. Какая выгода отъ такой службы? — Итакъ я удостовѣрился, что мѣста, которыя я могу теперь имѣть въ Петербургѣ, для меня не годятся. Посему, хотя и неохотно, думалъ я остаться въ чужихъ краяхъ. Для посольства я не сотворенъ, и посему думалъ я о консульскомъ мѣстѣ въ Лондонѣ — а другія земли не представляютъ для меня ничего заманчиваго. Просилъ Штейна о семъ, просилъ по его требованію. Онъ вчера говорилъ съ Несельроде. Сей послѣдній еще ничего не отвѣчалъ. Но вотъ препятствія: 1-е въ Лондонѣ есть Генеральный Консулъ, но просится на свое старое мѣсто въ Лиссабонъ, ибо не можетъ жить въ Лондонѣ получасымъ жалованьемъ, которое составляетъ 300 фун. стерлинговъ. Но Булгаковъ говоритъ, что можно еще надѣяться. Признаюсь — хотя это мѣсто для меня и важно — но я его желаю единственно потому, что желаю избавиться отъ секретарской службы въ Петербургѣ». Тургеневъ признается также, что онъ много думаетъ о перемѣнѣ своего рода жизни и очень мало надѣется. «Лондонская жизнь представляетъ мало прелестей: дороговизна принудитъ къ строгой экономіи, которая мнѣ уже и прежде въ чужихъ краяхъ весьма надобла. Изъ сего вы увидите, что я еще самъ не знаю, что со мною будетъ». Точно такое настроеніе отражается и въ дневникѣ подъ 19/30 сентября. Въ концѣ концовъ, какъ это будетъ видно ниже, — Тургеневъ рѣшилъ вернуться въ Россію.

— (Стр. 271). Сарториусъ, геттингенскій профессоръ, былъ въ это время уполномоченнымъ отъ Веймарскаго герцога на Вѣнскомъ конгрессѣ.

— (Стр. 272). «Записка о мнѣ отдана Штейну». По этой именно запискѣ Тургеневъ и назначенъ былъ въ Ликвидационную Коммиссію.

— *Бажкаревичъ*. Михаилъ Никитичъ, служилъ въ то время въ Коммисіи составленія законовъ. См. о немъ дневники Тургенева, т. I, стр. 429.

— (Стр. 273). А. И. Михайловскій-Данилевскій въ 1813—1814 гг. состоялъ при начальникѣ главнаго штаба, кн. П. М. Волконскомъ, а потомъ былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ имп. Александра на Вѣнскій Конгрессъ. Расположеніе его къ Н. И. Тургеневу выразилось между прочимъ въ томъ, что, закончивъ свои записки о 1812 годѣ («Histoire de la Campagne de 1812 depuis l'arrivée à l'armée du prince Koutousov jusqu'à la bataille de Taroutino, depuis le 17 août jusqu'au 6 octobre») въ Петербургѣ 5 августа 1814 г., онъ на заглавномъ листѣ ихъ написалъ слѣдующее посвященіе Н. И. Тургеневу: «Mon cher ami! Le séjour que nous venons de faire à Paris avec le quartier général de l'Empereur nous restera à jamais mémorable parce qu'il rappellera le triomphe de notre patrie; mais notre retour en Allemagne ne nous laissera pas de souvenirs moins agréables à cause de la liberté dont nous jouïmes après trois pénibles campagnes. Vous ayant quitté à Francfort je fus en proie pendant mon voyage à Pétersbourg aux réflexions sur les causes...», которыя возвеличили Россію и т. д. Конецъ этого посвященія таковъ: «Puissiez vous en même temps vous rappeler de ces années de notre jeunesse, passées au sein de l'amitié, de l'étude et de l'indépendance».

Изъ тѣхъ же бумагъ Михайловскаго-Данилевскаго видно, что въ Парижѣ Тургеневъ подружился съ молодымъ офицеромъ Фонъ-дерь-Бриггенъ, которому подарилъ на память гравюру, изображающую казнь Людовика XVI. Изъ одного письма Фонъ-дерь-Бриггена къ Данилевскому видно, что въ товарищескомъ кругу офицества Тургенева звали «le grand Tourgeneff».

— *Фрейгангъ* — см. о немъ дневники Тургенева, томъ первый, стр. 450—451, и В. М. Истрина «Письма и дневникъ А. И. Тургенева», стр. 465.

— *Ардтъ* (1769—1860) — знаменитый поэтъ и нѣмецкiй патриотъ. Отъ него осталось такъ много статей и брошюръ историко-политическаго содержания, что трудно сказать, какая именно была въ рукахъ Тургенева. Очень возможно, что это былъ «Geist der Zeit», въ которомъ онъ защищалъ независимость германскаго народа и нападалъ на французовъ.

— (Стр. 274). Изъ письма отъ 8/20 октября можно видѣть, чѣмъ былъ занятъ Тургеневъ въ это время. Онъ ожидаетъ къ себѣ брата Сергѣя со «щетами по Саксонiи». «Отчетъ Гурьеву я не могу представить прежде конца всѣхъ дѣлъ. Между тѣмъ можно его увѣрить, что Грунеръ въ своемъ отчетѣ несправедливо увеличилъ суммы, кои должна получить Россiя; и Штейнъ отвѣчалъ уже Гр. Несельроде объ этомъ и сказалъ ему, что я всѣ эти дѣла велъ и имѣю всѣ документы. Это все Министръ узнаетъ изъ моего отчета; чистыхъ же денегъ по Грунерову управленiю мы совсѣмъ не получимъ, ибо суммы, намъ причисляющiяся, зачтутся въ тѣхъ милiонахъ, которые мы должны платить Австрiи и Пруссiи». Въ концѣ письма Тургеневъ сообщаетъ, что онъ часто видится съ кн. Козловскимъ. «Я увѣряю всѣхъ, но, кажется, безъ успѣха, что онъ очень уменъ и весьма свѣдуецъ». Онъ, по словамъ Тургенева, скучалъ «дипломатическимъ своимъ бездѣйствiемъ». «Фрейгангъ тоже скучаетъ, но другимъ, своею привязчивостiю. Часто меня посѣщаетъ и всегда проситъ рекомендовать его вамъ. Сегодня онъ просилъ меня рекомендовать вамъ его брата, что въ Петербургѣ».

— Въ письмѣ отъ 9 ноября Тургеневъ говоритъ, что на празднествахъ онъ бываетъ рѣдко, но ходитъ изрѣдка въ Redoute parée. «Въ публичныхъ маскарадахъ всегда я наслаждаюсь, смотря на Государя: говорить со всѣми попросту, ходить, толкается, но все — первый человекъ въ свѣтѣ. Даже и здѣшнiе нѣмцы не могутъ нарадоваться, смотря на него. Вѣрно еще никогда ни одинъ человекъ не игралъ столь истинно блистательной, великой и прiятной роли, какъ Онъ».

— (Стр. 275). Изъ бумагъ Данилевскаго тоже видно, что въ это время у Тургенева гостилъ П. П. Каверинъ.

— *Prince de Ligne* (1735—1814), по происхожденiю бельгiецъ, служилъ въ австрiйской службѣ. Въ 1782 г. былъ посланъ съ важными порученiями въ Россiю къ имп. Екатеринѣ II, заслужилъ ея благосклонность и находился въ свитѣ во время ея путешествiя по Россiи. Въ 1788 г. былъ посланъ въ армию Потемкина и участвовалъ въ осадѣ Очакова, а въ слѣдующемъ году, при взятiи австрiйцами Бѣлграда, командовалъ корпусомъ. Отъ Де-Линя осталось нѣсколько сочиненiй, замѣчательныхъ по характеристикамъ современныхъ ему лицъ и событiй. На вѣнскомъ конгрессѣ принцъ забавлялъ высокiхъ гостей своими остроумiями и выходками. Даже на смертномъ одрѣ его не покидало остроумiе, и говорятъ, будто онъ сказалъ, что конгрессъ перепробовалъ всѣ удовольствiя и торжества; недоставало ему похоронъ маршала: «я предоставляю ему это новое развлеченiе». См. «La Russie et les Russes, II, глава IV».

Очевидно Тургеневъ видѣлъ принца де-Линя совѣтъ большимъ человекомъ, такъ какъ онъ векорѣ послѣ этого умеръ.

— Противъ французскихъ словъ: «se trouverait encore plutôt dans un seul homme, que dans une multitude d'hommes»—на поляхъ рукописи стоятъ знаки сомнѣнія и недоумѣнія.

— На вѣнскомъ конгрессѣ, какъ извѣстно, поднимался вопросъ объ уничиженіи саксонскаго королевства въ наказаніе за то, что Саксонія все время была союзницею Наполеона. Пруссія требовала присоединенія всей Саксоніи къ своимъ владѣніямъ. Вотъ по этому-то поводу и появились брошюры о Саксоніи.

— (Стр. 277). Въ письмѣ отъ 10/22 ноября къ брату Александру Ивановичу Тургеневъ сообщаетъ, что онъ въ тотъ день (22 ноября) кончилъ свой «Rapport au Ministre des Finances, exposé en forme d'Aperçu général etc.». «Завтра покажу его Штейну, а потомъ сообщу Гр. Несельроде, ибо въ немъ есть много такихъ пунктовъ, которые должны быть рѣшены министрами союзныхъ державъ». Это и есть «Отчетъ о дѣлахъ комиссіи», о которомъ упоминаетъ Тургеневъ въ дневникѣ подъ 23 декабря. Самый отчетъ помѣщенъ нами въ приложеніи къ девятой книгѣ дневниковъ (см. выше, стр. 347—386), а объясненія къ нему см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ указаннымъ страницамъ.

— (Стр. 277—278). Изъ бумагъ Данилевскаго видно, что Тургеневъ въ эту эпоху очень скучалъ по родинѣ и хотѣлъ вернуться въ Россію. Отразилось это настроеніе и здѣсь, въ его дневникѣ.

— (Стр. 280). Тургеневъ заболѣлъ повидимому въ началѣ января 1815 г. и проболѣлъ до 25 марта. Въ постель слегъ онъ 11 февраля. Составленіе отчета м. б. переутомило его, а тоска по родинѣ способствовала развитію болѣзни. Не желая тревожить брата, онъ въ своихъ письмахъ ни разу не говоритъ о своей болѣзни; но послѣ выздоровленія онъ вскользь упоминаетъ одинъ разъ, что былъ въ Вѣнѣ боленъ грудью, и кромѣ того у него болѣлъ бокъ.

— (Стр. 281). *Kastlereagt* (1769—1822), англійскій государственный дѣятель, былъ душою коалицій противъ Наполеона I.

— *Sismondi* (Simonde de Sismondi, 1773—1842), замѣчательный экономистъ и историкъ. См. о немъ примѣчаніе къ стр. 215. Тургеневъ повидимому читалъ 4-й томъ изъ его обширнаго сочиненія «Histoire des républiques Italiennes du moyen âge» (16 тт., 1807—1818).

— *Amaury Duval* (1760—1838), французскій литераторъ.

— (Стр. 282) *Perse*, т. е. Персей, римскій поэтъ и сатирикъ (34—62 по Р. X.).

— *Lagrange-Chancel* (1677—1758), французскій литераторъ.

— (Стр. 283). *Sarrasin* (Sarrazin, 1770—1840) — французскій писатель и авантюристъ. Главныя его сочиненія: «Le philosophe ou notes historiques» (1811), «Histoire de la guerre d'Espagne» (1814) и «Histoire de la guerre de Russie» (1815).

— (Стр. 284). Силезія была завоевана Фридрихомъ II и присоединена къ Пруссіи по Бреславльскому миру 11 іюня 1742 г.

— *Raynouard* (1761—1836) — французскій литераторъ и историкъ, авторъ весьма прославленной трагедіи «Les Templiers» (1805). Въ 1813 г. онъ напечаталъ «Recherches historiques sur les Templiers»; объ этомъ именно сочиненіи упоминаетъ Тургеневъ.

— (Стр. 285). *Юаннь (Ганс)*, король Даніи, Швеціи и Норвегіи, сынъ

Христіана I, царствовалъ съ 1481 по 1513 г. *Христіанъ II*, его сынъ и преемникъ, царствовалъ съ 1513 по 1531 г. *Христіанъ IV* царствовалъ съ 1596 по 1648, *Христіанъ V*— съ 1670 по 1699, *Фридрихъ IV*— съ 1699 по 1730, *Христіанъ VI*— съ 1730 по 1746, *Христіанъ VII*— съ 1766 по 1808 и *Фридрихъ VI*— съ 1808 по 1839 г.

— *Коммиссія*, т. е. Ликвидационная, состоявшая изъ комисаровъ отъ Австріи, Пруссіи и Россіи. О ней см. ниже, примѣчанія къ стр. 343—349. Въ это время (мартъ 1814 г.), судя по письму Тургенева, Коммиссія «дождалась конца дѣлъ Дрезденской [Коммиссіи]».

— (Стр. 286). Наполеонъ высадился на югъ Франціи 1 марта, а 20-го числа былъ уже въ Парижѣ. Тургеневъ въ письмѣ къ брату такъ говоритъ о бѣгствѣ Наполеона: «Только Французы могутъ такъ дурачить себя. Бонапарте главное искусство состоитъ въ томъ, что онъ знаетъ ихъ совершенно. Отправляясь въ прошломъ году изъ Парижа въ Бриенскій лагерь, онъ сказалъ одному изъ своихъ, не французскому уроженцу: «Vous êtes étranger, que dites vous de cette f... nation?» Всѣ здѣсь теперь говорятъ объ этомъ».

— (Стр. 287). Изъ одного письма Тургенева видно, что его, больного, въ это время навѣстилъ баронъ Стакельбергъ, приѣхавшій изъ Петербурга.

— *Гриммъ* (Friedrich Melchior Grimme, баронъ, 1723—1807)—публицистъ, критикъ и дипломатъ, корреспондентъ имп-цы Екатерины II. Свою «Correspondance litteraire, philosophique et critique» онъ началъ составлять съ 1753 г. и довелъ ее до 1792 г. Она расходилась въ 15—16 экземплярахъ; ее получали король польскій, король шведскій, Екатерина II и пр. Въ составленіи «Correspondance» принимали участіе Дидро, г-жа Эпинэ и др.

— (Стр. 288). *Скарронъ* (Paul Scharron, 1610—1660)—французскій писатель, мужъ знаменитой впоследствии г-жи Ментенонъ. Онъ былъ противникомъ всего неестественнаго, приподнятаго и приторнаго. Однимъ изъ самыхъ популярныхъ его сочиненій когда-то былъ «Virgile travesti» (1648—1653), вызвавшій у насъ «Энеиду» Котляревскаго. Лучшимъ сочиненіемъ Скаррона считается «Roman comique» (1649—1657).

— (Стр. 289). «*Весталка*» — опера, написанная итальянскимъ композиторомъ Спонтини (Gasparo Spontini, 1774—1851) въ Парижѣ, вскорѣ послѣ 1804 г. Произведенія его отличаются возвышенностью и страстностью. Либретто для этой оперы написано (и очень удачно) французскимъ писателемъ Жуи (Joüy).

— (Стр. 290). *De Thou* (Jacques-Auguste de Thou, 1553—1617) написалъ (по латыни) превосходную «Исторію своего времени», гдѣ (въ 3-й части) разсказанъ и упомянутый Тургеневымъ эпизодъ, бывшій въ 1574 году.

— (Стр. 291). Въ письмѣ къ брату отъ того же числа (6/18 апрѣля) Тургеневъ такъ говоритъ о Штейнѣ и о неопредѣленности своего положенія: «Въ случаѣ, еслии я буду употребленъ, я не выйду изъ области финансовъ. Мало по сей части толку и мало выгодъ по службѣ, но все лучше, нежели оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи. Вѣроятно, мнѣ надобно будетъ ѣхать опять въ Франкфуртъ. Симъ новымъ назначеніемъ, еслии оно состоится, буду я обязанъ—такъ, какъ и всѣмъ вообще—моему бывшему начальнику Штейну. *Бывшему*—ибо теперь онъ не начальникъ мой de nom, mais toujours de fait. Онъ теперь опять занятъ какъ общими дѣлами, такъ и дѣлами Германіи въ особенности. Третьяго дня онъ ушибся, упавъ съ лѣстницы у Штакельберга;

повредилъ себѣ лобъ и колѣно, но весьма легко, и вредъ сеіі остался безъ малѣйшихъ слѣдствій».

— О князь *Козловскомъ* въ томъ же письмѣ Тургеневъ сообщаетъ, что онъ уѣзжаетъ въ Туринъ и проситъ Александра Ивановича о присылкѣ ему книгъ. *Ганъ* поѣхалъ съ нимъ. «Сегодня обѣщано ему, что указъ о произвожденіи его въ кол. ассессоры будетъ поднесенъ къ подписанію, но врядъ ли сіе исполнится за многими хлопотами Гр. Несельроде, къ которымъ присоединились новыя заботы по случаю родовъ жены его. Она родила третьяго дня дочь».

— «*Шведскій долгъ*» произошелъ такимъ образомъ. Послѣ потери Финляндіи шведы имѣли громадную нужду въ продовольствіи, и Россія дала имъ ссуду въ 1½ милліона рублей съ возвратомъ лишь въ случаѣ присоединенія Норвегіи. На Вѣнскомъ конгрессѣ именно Тургеневу поручилъ Несельроде составить проектъ соглашенія (*projet de convention*) со шведскимъ посланникомъ Левенгельмомъ относительно уплаты упомянутыхъ полутора милліоновъ. Но когда Тургеневъ принесъ составленный имъ проектъ къ Несельроде, послѣдній сказалъ, что онъ бесполезенъ. Тургеневъ не удержался и замѣтилъ, что Россія не на столько богата, чтобы безъ всякой необходимости такъ сорить деньгами. На это Несельроде отвѣтилъ: «Что подѣлаешь? — генераль Л... на дняхъ просилъ сложить эту сумму, а Александръ не въ силахъ отказать въ подобныхъ просьбахъ». См. «*La Russie et les Russes*, I, 47.

— (Стр. 292). Лестный отзывъ Штейна о Н. И. Тургеневѣ приведенъ послѣднимъ и въ его книгѣ «*La Russie et les Russes*» (I, стр. 182).

— Замѣчаніе Тургенева о «несправедливости и нелѣпости, съ каковою въ Россіи обвиняютъ въ якобинизмѣ нѣкоторыхъ здравомыслящихъ людей», вполне подтверждаетъ то, что писалъ С. С. Уваровъ Штейну въ 1813 году на счетъ русскаго общества. См. Pertz, *Das Leben des Ministers vom Stein*, III; также у Пыпина (Общ. движеніе въ Россіи при Александрѣ I, 3-е изд., стр. 290).

— «*Скучная пражность*» Тургенева происходила отъ того, что дѣла ихъ Комиссіи остановились — какъ потому, что еще «нѣтъ Саксонскихъ щеговъ», такъ и потому, что Австрійскій и Пруссійскій комисары заняты кромѣ того многими дѣлами».

— (Стр. 293). О политическихъ событіяхъ и о Мюратѣ Тургеневъ говоритъ въ упомянутомъ выше письмѣ (отъ 18 апрѣля): «Война между Австріею и Неаполитанскимъ королемъ [Мюратомъ] началась. По случаю войны съ Французами духъ народный въ Германіи является въ новомъ блескѣ, въ особенности въ Пруссіи. Въ малыхъ нѣмецкихъ государствахъ патриотизмъ замѣтенъ въ особенности тамъ, гдѣ народъ началъ пользоваться выгодами благодѣтельной конституціи, какъ напр. въ Виртембергскомъ королевствѣ».

— (Стр. 294). *Глюкъ* (Christoph-Willibald Glück, 1714—1787)—знаменитый нѣмецкій композиторъ, писавшій впрочемъ болѣе для французскихъ либретто. Лучшей его оперой и величайшимъ его произведеніемъ считается именно «*Iphigénie en Tauride*», упомянутая здѣсь Тургеневымъ. Глюкъ окончилъ ее въ 1779 г.

— Дѣлая выписки изъ какого-то сочиненія о Турціи, Тургеневъ упоминаетъ *Ricant*. Его сочиненіе по-французски носитъ такое заглавіе: «*Histoire de l'état présent de l'Empire Ottoman*» (Trad. de l'Angl. Amsterd. 1672). Есть и русскій переводъ этого сочиненія: «Монархія Турецкая описанная чрезъ Рикота, бывшаго аглицкаго секретаря посольства». (Перев. съ польскаго. СПб. 1741).

Тамъ на стр. 8 и 10 есть слѣдующія слова: «Мудрѣйшіе ученые между Турками... глаголютъ, что никогда Султанъ не можетъ быть отставленъ для своихъ погрѣшеній, и что никто не имѣетъ власти судити его, аще ли разоритъ и тысящу своихъ подданныхъ безправедно». И еще: «нѣсть мученіе славнѣйшее онаго—умереть отъ Султанскія руки, или по его повелѣнію; и что оныя, которые достигаютъ такого щастія, будутъ со скоростію пренесены въ рай».

— (Стр. 295). Мысли, здѣсь выраженные о причинахъ народныхъ возмущеній, повторены Тургеневымъ почти дословно въ его книгѣ «Опытъ теоріи налоговъ» (2-е изд., стр. 120—121, примѣчаніе).

— (Стр. 296). Въ письмѣ къ брату (отъ 2/14 мая, Вѣна) Тургеневъ такъ пишетъ о себѣ: «Что касается до меня, то я все еще въ прежней неизвѣстности о моей участи. Развѣ то только знаю вѣрно, что не буду теперь имѣть того п.бургскаго мѣста, о которомъ я вамъ писалъ, если останусь въ чужихъ краяхъ. Штейнъ былъ употребленъ здѣсь, но во время войны онъ употребленъ не будетъ, и я не могу при немъ остаться. Вчера я съ нимъ говорилъ объ этомъ. Дѣла, которыя ему были поручены во время послѣдней кампаніи, будутъ поручены Коммиссіи, состоящей изъ комисаровъ различныхъ державъ. Съ нашей стороны членомъ сей Коммиссіи будетъ Алопеусъ; и Штейнъ ничего другаго для меня не можетъ сдѣлать, какъ доставить мнѣ мѣсто при Алопеусѣ. Сей новый начальникъ мнѣ совсѣмъ не нравится, но что дѣлать: если я не соглашусь быть при немъ, то надобно будетъ ѣхать въ Россію. Изъ сего вы видѣть можете, что мои дѣла дѣлаются не такъ легко и не такъ удачно, какъ вы м. б. воображали». Черезъ три недѣли Тургеневъ пишетъ брату снова (Вѣна, 6 іюня). «Всѣ почти отсюда разъѣхались. Я думаю ѣхать черезъ нѣсколько дней. На дорогу купилъ себѣ коляску. Жалованье я буду получать здѣсь то же, т.-е. по луидору на день. Алопеусъ уже уѣхалъ. Отъ Сергѣя я получилъ письмо... Дѣла ихъ Коммиссіи еще не кончились. Наши тоже. Но мы ихъ откладываемъ до будущаго мирнаго времени и разъѣзжаемъ каждый къ своимъ мѣстамъ. Относительно моего креста Леопольда Метернихъ увѣдомлялъ Несельрода письмомъ, что мнѣ оный данъ. Признаюсь, что этотъ крестъ меня порадовалъ, тѣмъ болѣе, что я его не ожидалъ. Австрійскій комисаръ, мой товарищъ, представлялъ о семъ своему Министру Финансовъ, а сей далѣе».

— Изъ письма отъ 4/16 іюня 1815 г. видно, что Тургеневъ 15 іюня пріѣхалъ въ Нанси съ Алопеусомъ, что передъ отъѣздомъ изъ Вѣны онъ просилъ опредѣлить его къ Барклаю де-Толли, которому нуженъ былъ человекъ по статской службѣ; что Штейнъ хлопоталъ объ этомъ, но Несельроде не сдѣлалъ, — «и я — прибавляетъ Тургеневъ — принужденъ былъ противъ моего желанія принять мѣсто при Алопеусѣ».

Такимъ образомъ изъ Нанси Тургеневъ пріѣхалъ во Франкфуртъ 9/21 іюня и оставался здѣсь до 7 іюля. Работы у него было мало, такъ какъ комисары другихъ державъ еще не пріѣзжали; онъ скучалъ и занимался набросками разныхъ статей для журналовъ.

— *Жихаревъ*, Степанъ Петровичъ, былъ очень близокъ и даже сродни братьямъ Тургеневымъ. Поэтому между ними была оживленная переписка. Отъ этого періода, къ сожалѣнію, не сохранилось писемъ Жихарева къ Тургеневымъ, но за то не мало имѣется ихъ въ архивѣ отъ болѣе поздняго времени (30-е годы).

— Въ № 3 «Вѣстника Европы» за 1815 годъ есть статья неизвѣстнаго

автора подъ заглавіемъ: «Разсужденіе о вліяніи денегъ на богатство народное». Написанное на латинскомъ языкѣ, оно для журнала было переведено на русскій самимъ авторомъ. О немъ-то и говоритъ Тургеневъ.

— (Стр. 297). «*Жюкондъ или искатели приключеній*», опера въ трехъ дѣйствіяхъ, съ хорами и балетами; слова Этьена, музыка Николо де-Мальтъ. Переведенная на русскій языкъ, она въ первый разъ представлена была въ Петербургѣ 26 янв. 1815 г. По этому поводу въ «Сынѣ Отечества» (1815, № 4, с. 170—171) былъ помѣщенъ краткій неодобрительный отзывъ объ оперѣ, подписанный буквами Д. Б. и заключающій между прочимъ слѣдующія слова, возмущившія Тургенева: «Вся пьеса вообще не имѣетъ никакой нравственной цѣли, наполнена неблагопрістойными явленіями, словами болѣе нежели двусмысленными и вовсе не стоитъ представленія. *Тестръ съ училище*, сказалъ незабвенный Херасковъ. Прибавимъ: *Училище нравственности, невинности и добродѣтели*. Въ Парижѣ играли сію оперу 90 разъ сряду. Охотно уступаемъ сіе увеселеніе жителямъ новаго Вавилона; мы, сѣверные варвары, не ищемъ подобнаго просвѣщенія».

Отзывъ Д. Б. о Жюкондѣ вызвалъ письмо какого-то моряка къ издателю «Сына Отечества», просившаго высказаться подробнѣе о новой оперѣ. Печатаемая это письмо въ своемъ журналѣ (см. № 6, с. 254—255), Н. И. Гречъ вслѣдъ за нимъ помѣстилъ новый отзывъ объ оперѣ, составляющій пересказъ ея, а въ концѣ онъ говоритъ такъ: «Внѣшніе враги наши побѣждены, усмирены; но есть другіе, опаснѣйшіе, которые могутъ поколебать нравственную силу нашу, основаніе побѣды и славы Русскаго народа». Надъ послѣдними словами Тургенева издѣвается въ своемъ дневникѣ ниже, см. стр. 299.

— (Стр. 298). Критикуя сочиненія и статьи по политической экономіи, писанныя для русскихъ нѣмцами (и венгерцами, какъ было написано у Тургенева, но зачеркнуто), онъ очевидно имѣлъ въ виду между прочимъ Шлецера-сына и Балугьянскаго (родомъ изъ Венгріи), которыхъ почему-то не любилъ и не цѣнилъ. Такое предположеніе мы дѣлаемъ на основаніи его писемъ, въ которыхъ Балугьянскій подвергается особенно сильнымъ нападкамъ. См. объ этомъ ниже.

— *Смоленскій полтыникъ*, какой-то М. Ч., въ письмѣ къ редактору «Вѣстника Европы» (1815 г., № 3), разсуждаетъ о томъ, что Россія ведшая, въ теченіе цѣлаго десятилѣтія упорную войну, вошла въ долги, что курсъ на наши ассигнаціи вслѣдствіе этого понизился; и вотъ правительство, желая повысить курсъ ассигнацій и въ тоже время стремясь поддержать наши фабрики, запрещаетъ ввозъ иностранныхъ издѣлій. Къ этому разсужденію авторъ присоединяетъ и фразу, возмущившую Тургенева, а именно: «Мы носимъ сукно не лучшаго сорту, но большею частью свое, за которое деньги остаются у насъ» (Вѣстн. Европы 1815, ч. 3, стр. 216). По нашему мнѣнію, эта мысль Смоленскаго Патріота совершенно справедлива, а возраженіе Тургенева неосновательно, хотя оно потомъ повторено и въ «Опытѣ теоріи налоговъ». (См. 2-е изданіе, стр. 19).

— (Стр. 299). «*Слово о вѣчности*», обратившее на себя вниманіе Тургенева, написано преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Тульскимъ, и произнесено имъ было въ Тульскомъ каедр. соборѣ 15 августа 1814 г. Въ «Сынѣ Отечества» оно помѣщено въ № 7 (1815 г., стр. 97—118).

— (Стр. 300). Когда въ 1815 г. возобновилась война съ Наполеономъ,

покинувшимъ островъ Эльбу, Центральнаго Департамента уже не существовало, и для управленія отнятыми у Франціи областями союзныя державы (Россія, Австрія и Пруссія) рѣшили назначать генераль-губернаторовъ — каждая своего генер.-губернатора въ ту область, которая занята ея войсками. Русскія войска расположены были въ Лотарингіи и прилегающихъ къ ней мѣстностяхъ; поэтому русскій ген.-губернаторъ долженъ былъ находиться въ Нанси. Это былъ выше упомянутый Дав. Макс. Алопеусъ; ему были подчинены шесть французскихъ департаментовъ, и къ нему-то подъ начальство, совѣтникомъ его канцеляріи и вступилъ Тургеневъ съ 1 іюля. Эта служба у Алопеуса была непродолжительна — всего только до 3 октября, но она очень понравилась Тургеневу и сложностью, и обиліемъ работы, и сношеніями съ различными людьми. Въ «La Russie et les Russes» (I, 68—69) онъ говоритъ, что постоянно былъ занятъ главнымъ образомъ перепиской съ военнымъ начальствомъ и договорами о различныхъ запасахъ для нашихъ войскъ. «Послѣднее я взялъ на себя — прибавляетъ онъ, — только уступая настоятельнымъ просьбамъ генераль-губернатора. Не смотря на всѣ усилія, я не могъ помѣшати взяточничеству чиновниковъ интендантства». Изъ письма къ брату Александру Ивановичу (отъ 9/21 іюля) видно, что къ Николаю Ивановичу пріѣзжалъ погостить въ Нанси его братъ Сергѣй, что со Штейномъ онъ видался, хотя не часто, и что говорили они между собою по-французски. О себѣ Тургеневъ говоритъ, что живетъ хорошо, что у него много занятій. Тихая, беззаботная жизнь и обиліе занятій заставляютъ его позабыть, что онъ такъ близко отъ Парижа. Алопеусомъ онъ очень доволенъ; «къ тому же онъ хорошо живетъ: всякій день бываютъ у него нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей, а также и русскіе генералы. Орловы — генераль здѣсь начальникомъ штаба при Сабанѣвѣ, а полковникъ дрался съ партизаномъ Брисомъ и заключилъ съ нимъ конвенцію, вслѣдствіе коей всѣ партизаны возвращаются въ свои жилища». Тургеневъ находитъ, что королю французскому трудно будетъ управлять Франціей, «ибо много якобинцевъ». Въ другомъ письмѣ (отъ 22 іюля — 3 августа). Тургеневъ опять говоритъ, что Алопеусъ, его начальникъ, очень хорошъ, и что работы много. Но по окончаніи службы Тургеневъ остался весьма недоволенъ Алопеусомъ, считая себя обойденнымъ въ наградахъ. Вотъ что, наприимѣръ, пишетъ онъ брату Александру Ивановичу 4/16 нояб. 1815 года: «Служеніе мое въ Нанси... не имѣло никакихъ послѣдствій. Алопеусъ воспользовался присудствіемъ Государя въ Берлинѣ только для себя и для Миссиі, изъ которой двое были въ Нанси; о другихъ же, бывшихъ въ Нанси, забылъ. Мнѣ это досадно не потому, что я лишаюсь пустаго увѣренія, но потому, что я удостовѣренъ, въ чемъ и Алопеусъ не можетъ не согласиться, — я удостовѣренъ, что я въ Нанси одинъ болѣе дѣлалъ, нежели всѣ прочіе мои товарищи вмѣстѣ. Алопеусъ самъ вездѣ отдавалъ мнѣ справедливость. Но эгоизмъ его видно былъ сильнѣе чувства справедливости. Я просилъ сказать ему, что я не ожидалъ отъ него такого поступка». Повидимому Алопеусу это было передано, и онъ въ письмѣ отъ 11 ноября 1815 г. пишетъ Тургеневу слѣдующее: «J'ai dit à l'Empereur que je ne vous proposais pas pour un avancement ou une décoration, ne sachant pas en combien cela pouvoit vous convenir, et les croyant au dessous de votre mérite; mais je l'ai assuré que s'il vouloit placer un homme d'honneur qui aime sa patrie, qui a de la droiture et des connoissances, à la tête de quelque administration intérieure ou d'une branche de finances, S... M. ne pouvoit mieux faire qu'en vous choisissant. Vous êtes favorablement noté sur les tablettes de notre Maitre, qui daigne avoir

quelque égard à mes représentations». Тургеневъ не повѣрилъ въ искренность этихъ словъ и въ другомъ письмѣ (12/24 ноября 1815 г.) къ брату упрекаетъ Алопеуса за то, что «онъ самъ получилъ два награжденія и доставилъ другія подчиненнымъ своимъ, бывшимъ въ Нанси, и которые теперь въ Берлиѣ. . . Я ему намѣренъ въ ясныхъ словахъ изобразить мое негодованіе и родъ презрѣнія къ такому неблагородному и вмѣстѣ благодарному его поступку». Дѣйствительно Тургеневъ послалъ такое письмо Алопеусу и выразилъ въ немъ негодованіе на то, что онъ, Алопеусъ, въ глазахъ публики поставилъ его на одинъ уровень съ какимъ-то Шутенко, комисариатскимъ чиновникомъ, бравшимъ взятки съ поставщиковъ сукна. Алопеусъ въ своемъ отвѣтѣ (Берлинъ 6/18 ноября 1815 г.) оправдывается и говоритъ такъ: «Je n'ai pas pu être encore dans le cas de recommander les employés du Gouvernement général de la Lorraine, devant nécessairement rendre compte de mon administration avant de solliciter des récompences pour ceux qui m'ont aidé dans mon travail. Parmi eux vous occupez sans contestation la première place, et si vous voulez me dire ce qui pourra vous être agréable, j'ose me flatter de l'obtenir pour vous, ayant eu l'accasion d'entretenir S[a] M[ajesté] de vos mérites et des sentiments d'honneur et de loyauté que vous professez». И далѣе Алопеусъ проситъ сообщить, что Тургеневъ хочетъ получить: чинъ или орденъ Владиміра 3-й степени.

— Въ Нанси Тургеневъ сблизился съ Мих. Фед. Орловымъ. «Я познакомился здѣсь съ двумя братьями Орловыми, которые здѣсь. Они, въ особенности Михайло, очень мнѣ нравятся. . . Я всегда радуюсь, когда нахожу между нашими русскими такихъ образованныхъ людей, каковъ Мих. Орловъ. Но встрѣчи очень рѣдки. Полковникъ Лезеръ также здѣсь. Вчера Шплингъ, пріѣхавшій изъ Вѣны, отправился въ Парижъ. Онъ рассказывалъ много скучнаго о Парижѣ». О себѣ Тургеневъ говоритъ такъ: «Я назвапъ здѣсь Conseiller du Gouvernement, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими. Всѣ русскія дѣла и вся русская корреспонденція у меня въ рукахъ, а кромѣ этого много другихъ дѣлъ».

— Служба Тургенева при Алопеусѣ окончилась приблизительно къ началу сентября по нов. стилю; но еще до 8 октября онъ находился при немъ, приводя въ порядокъ нѣкоторыя дѣла. Объ этомъ мы узнаемъ изъ письма его къ Александру Ивановичу изъ Парижа отъ 29 августа — 10 сентября (1815 г.). «Императоръ — пишетъ онъ — отправился въ Vertus для смотра Русской арміи [25 августа — 6 сентяб.]. Передъ отъѣздомъ былъ у него Stein съ докладомъ обо мнѣ. Не заставъ Государя, написалъ письмо чрезъ князя Волконскаго. Государь отвѣчалъ, что онъ все хочетъ сдѣлать для Stein'a, но что *такихъ мѣстъ* (помощниковъ ст. секрет.) у него нѣтъ. Волконскій также не вспомнилъ объ этихъ мѣстахъ въ Госуд. Совѣтѣ, а Императоръ думалъ, что Stein говоритъ о сихъ мѣстахъ при Его особѣ. Наконецъ послѣ Волконскому растолковали дѣло, и онъ обѣщалъ доложить по оному въ Вертю. . . Для ожиданія рѣшительнаго отвѣта остался я здѣсь до возвращенія Государя, которое должно послѣдовать послѣ завтра. Между тѣмъ Stein вчера уѣхалъ домой». На успѣхъ Тургенева мало надѣялся. «Вслѣдствіе моего представленія и письма Stein'a, Несельроде поручилъ мнѣ вновь заняться Ликвидационной Коммиссіей. Дабы быть увѣрену въ моемъ жалованьи, Stein предложилъ Несельроде выплатить мнѣ впередъ всю сумму денегъ, и Несельроде доложилъ объ этомъ Государю. Алопеусъ уѣхалъ назадъ въ Нанси и останется тамъ до окончательнаго перехода нашихъ войскъ. Кончивъ здѣсь [въ Парижѣ] мои дѣла, я къ нему поѣду. . . Я думаю, что Ли-

квѣдаціонныя дѣла задержать меня въ чужихъ краяхъ мѣсяца съ два; потому я прѣйду въ Петербургъ. Что тамъ дѣлать? Гдѣ служить?.. Впрочемъ мудрено имѣть тамъ столь пріятныя мѣста, какія я имѣлъ по сію пору».

— Въ Парижѣ Тургеневъ прѣехалъ (суда по письму его отъ 20 авг. — 1 сентября) около 16/28 августа вмѣстѣ съ Алопеусомъ. Его «привели сюда дѣла по службѣ, а я не хотѣлъ безъ него оставаться въ Нанси и поручилъ исправленіе моей должности Камеръ-Юнкеру Баранову, который причисленъ къ нашей канцеляріи». Въ Парижѣ Тургеневъ прожилъ до 8/20 сентября вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ Ивановичемъ, который хлопоталъ о полученіи себѣ какого-нибудь мѣста. Изъ письма Тургенева отъ 8/20 сентября видно, что князь Волконскій докладывалъ Государю относительно Тургенева, а онъ сказалъ, что о желаемомъ мѣстѣ помощ. ст. секретаря надобно доложить ему въ Петербургѣ; пока же Тургеневу дали чинъ колл. совѣтника. Братъ Сергѣй Ивановичъ былъ произведенъ въ надв. совѣтники и опредѣленъ къ Воронцову по дипломатической части. Воронцовъ оставался во Франціи съ корпусомъ русскихъ войскъ. «Я же — прибавляетъ Тургеневъ — ѣду сегодня въ Нанси. Останусь при Алопеусѣ до окончанія дѣлъ, а потомъ поѣду въ Франкфуртъ для окончанія Ликвѣдаціонной комиссіи, и на это я вчера получилъ разрѣшеніе отъ Государя».

— (Стр. 301). *Барановъ* — вѣроятно тотъ камеръ-юнкеръ Барановъ, которому Тургеневъ поручалъ исправленіе своей должности, когда ѣздилъ въ Парижъ съ Алопеусомъ. См. выше.

— *Сушковъ* — повидимому тотъ самый, который въ слѣдующемъ (1816) году работалъ въ Парижѣ въ Ликвѣдаціонной комиссіи, производившей расчеты между французскими и русскими правительствами. Въ іюлѣ 1816 г. онъ изъ Парижа отправился въ Мобежъ.

— Такимъ образомъ чтеніе французскаго журнала «Censeur», выходившаго въ 1814—1815 гг., возбудило въ Тургеневѣ мысли о введеніи и въ Россіи палаты пэровъ, о которыхъ онъ говоритъ и на страницахъ 302 и 328. Критику и изложеніе взглядовъ Тургенева по этому вопросу см. у В. И. Семева («Полит. и общ. идеи декабристовъ». 1909 г., стр. 389). Въ русскомъ обществѣ *le Censeur* повидимому вызывалъ сочувствіе либеральныхъ людей. По крайней мѣрѣ въ «Сынѣ Отечества» за 1815 годъ (см. первое прибавленіе къ № 6, с. 2) есть такой отзывъ о французскомъ журналѣ: «Самый важный изъ нынѣшнихъ парижскихъ журналовъ есть *le Censeur (Цензоръ)*. Онъ выходитъ ежемѣсячно въ книжкахъ отъ 20 до 25 листовъ и потому не подлежитъ цензурѣ. Сей журналъ есть лучшее доказательство кротости и благоразумія нынѣшняго Правительства Франціи: въ немъ печатаютъ самыя смѣлыя статьи. Издатели его жестоко разбрали всѣ творенія Шатобріана и назвали послѣднее его сочиненіе *жалкимъ произведеніемъ*».

— (Стр. 302). Мысль о томъ, что «не нужно терять ни мало самодержавной власти *прежде уничтоженія рабства*», — повторена Тургеневымъ въ его запискѣ 1819 г. «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи» и въ «La Russie et les Russes».

— Въ Нанси Тургеневъ пробылъ съ 13/25 сентября по 8/20 октября. Вначалѣ онъ предполагалъ пробыть тамъ съ Алопеусомъ недѣли двѣ, но потомъ рѣшилъ подождать брата Сергѣя, котораго однако не дождался. Въ Нанси Тургеневъ видался съ граф. П. Ал. Толстымъ и граф. Ал. Дм. Гурьевымъ. На франкфуртское житъе ему отпустили 2000 талеровъ. Письмо его къ Штейну,

помѣщенное выше (стр. 341), помѣчено: Франкфуртъ 11/23 октября; и на основаніи его естественно заключить, что 23 октября онъ былъ уже во Франкфуртъ; но запись дневника отъ 2 ноября ясно говоритъ, что онъ пріѣхалъ во Франкфуртъ только 30 октября. Какъ объяснить такое противорѣчіе — мы не знаемъ. Остается предположить, что онъ пріѣзжалъ во Франкфуртъ на нѣскольکو дней и опять вернулся въ Нанси.

— Дѣла по Ликвидациі не начинались потому, что еще не пріѣхали комисары австрійскій и прусскій. См. выше письмо къ Штейну, с. 341. Въ письмѣ къ брату отъ 3 ноября Тургеневъ жалуется, что «по сію пору недостаетъ только щетовъ Центральнаго или Главнаго Департамента, т. е. щетовъ отъ Штейна, котораго секретарь еще не могъ привести въ порядокъ».

— Во Франкфуртъ Тургеневъ, какъ это видно изъ его письма, нашелъ Николая Александровича Старынкевича. Кажется, онъ или братъ его, П. Ал. Старынкевичъ, растолковали Тургеневу о правахъ его на двойное жалованье. «По сему я вмѣстѣ съ нимъ напишу просьбу въ армейскій комисариатъ о выдачѣ мнѣ моего Петербургскаго жалованья еще разъ. Но для сего надобно къ сему требованію приложить отъ моихъ пбургскихъ начальствъ свидѣтельства, что я точно жалованья моего не получалъ вдвойнѣ».

— (Стр. 302—303). *Розень* — повидимому Григорій Владимировичъ (1781—1841), съ 1805 по 1815 г. постоянно находившійся въ дѣйствующей арміи.

— (Стр. 303). *Мюрать* управлялъ Неаполитанскимъ королевствомъ съ 15 іюля 1808. Когда Наполеонъ покинулъ Эльбу (1 марта 1815 г.), Мюрать обратился къ неаполитанскому народу съ прокламаціей, призывая его на борьбу за независимость Италіи, и двинулъ свои войска на помощь Наполеону; но былъ разбитъ австрійцами при Толентино, 2 мая 1815 г. и лишился неаполитанскаго королевства.

— Въ письмѣ къ брату (отъ 4/16 нояб.) Тургеневъ тоже скептически смотритъ на политическое будущее Германіи: «Я удостовѣренъ, что подлинно изъ Германіи теперь не выйдетъ ничего путнаго и прочнаго. Замѣтно, что Нѣмцы насъ теперь не любятъ: признательность, видно, трудна для народовъ также, какъ и для частныхъ людей. Новое доказательство, что, дѣлая добро, не должно думать о благодарности».

— Въ Нанси Тургеневъ пріѣхалъ 21 ноября вслѣдствіе письма отъ Алопеуса, который «вздумалъ, что устроеніе разчетовъ по его управленію, здѣсь производящееся, безпорядочно»; и потому просилъ Тургенева привести все въ порядокъ и къ концу. Но дѣла оказались въ величайшемъ порядкѣ, хотя «въ неподвижности, потому что нѣтъ еще денегъ для заплаты по контрактамъ. Недоумѣніе Алопеуса произошло единственно отъ его легкомыслія. На сихъ дняхъ, окончивъ разсмотрѣніе дѣлъ, я его обо всемъ увѣдомлю и возвращусь въ Франкфуртъ, для продолженія тамошнихъ дѣлъ. Еслибы у меня лежало сердце къ Алопеусу такъ, какъ къ прежнему начальнику, то я бы съ большею ревностію принялся за это дѣло... Тогда бы я поѣхалъ въ Парижъ и м. б. бы успѣлъ сдѣлать ему что-нибудь пріятное и выгодное. Но Алопеуса за его поступокъ я вынуждаюсь, противъ воли, презирать»; хотя Тургеневъ отдаетъ справедливость Алопеусу, говоря, что онъ всегда останется честнымъ человѣкомъ. Однако въ письмѣ отъ 30 ноября (изъ Нанси) онъ прибавляетъ, что «для возможнаго успѣха въ окончаніи рѣшенныхъ дѣлъ» онъ ѣдетъ въ Парижъ на нѣскольکو дней. По письму его изъ Парижа (отъ 10 де-

кабря) можно судить, что онъ пробылъ тамъ до 13-го числа, а около 15 декабря былъ уже въ Нанси.

— «Сужденіе Нея—то есть судъ надъ Неемъ. Маршалъ Ней (1769—1815) былъ арестованъ 19 августа 1815 г.; судила его палата пэровъ, и въ декабрѣ того же года онъ былъ разстрѣлянъ. По одному письму Тургенева видно, что онъ присутствовалъ въ палатѣ пэровъ, когда судили Нея.

— (Стр. 304). *Контрибуція*, упоминаемая Тургеневымъ, состояла изъ 100 мил. франковъ, которые обязалась Франція выплатить Россіи.

— (Стр. 308). Услышавъ о томъ, что Ник. Н. Новосильцевъ будто бы будетъ министромъ народн. просвѣщенія, Тургеневъ пишетъ брату Александру Ивановичу 30 декаб. 1815 г. слѣдующія слова: «Дай Богъ, чтобы опытность не погасила въ немъ того пламени, которымъ онъ и его сотрудники озарили щастливѣйшую эпоху Россійской исторіи: первые 5 лѣтъ царствованія Императора!»

— (Стр. 309). *Ganilh* (1758—1836)— французскій экономистъ. Сначала онъ былъ адвокатомъ въ Парижѣ; потомъ съ 1799 по 1802 г. былъ членомъ трибунала. Онъ былъ умѣреннымъ защитникомъ политической свободы, но главная его заслуга состоитъ въ изслѣдованіи различныхъ финансовыхъ вопросовъ. Изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: 1) *Essai sur le revenu public* (1806), 2) *Des Systèmes de l'économie politique* (1809), 3) *Dictionnaire de l'économie politique* (1826) и 4) *Théorie de l'économie politique* (1830).

— (Стр. 310). Письмо, о которомъ говоритъ Тургеневъ, принадлежитъ брату его Александру Ивановичу; оно писано 4 декабря, и въ немъ послѣдній извѣщаетъ о неудачѣ своего сватовства и о крушеніи своихъ надеждъ. Н. И. Тургеневъ отвѣчалъ брату письмомъ отъ 7/19 января 1816 г., стараясь утѣшить его въ постигшемъ горѣ. О самомъ дѣлѣ, т. е. о сватовствѣ и отказѣ, ничего не говорится, и все письмо писано крайне осторожно, почти, можно сказать, уклончиво. Только въ письмѣ отъ 31 янв.—12 февраля 1816 г. Тургеневъ возвращается къ этому вопросу, говоритъ объ отношеніяхъ Александра Ивановича къ неизвѣстной особѣ и спрашиваетъ: по какому поводу она вдругъ такъ перемѣнилась? «Откровенное мое мнѣніе о всѣхъ сихъ происшествіяхъ есть то, что вы вошли въ дѣло съ легкостію, не думая о непріятностяхъ, которыя вамъ теперь встрѣтились, но что вышли изъ онаго съ неповрежденною честію и спокойною совѣстію». Пересылая вышеупомянутое письмо Александра Ивановича младшему брату Сергѣю Ивановичу въ Парижъ, Тургеневъ пишетъ ему слѣдующее (8 янв. 1816 г.): «Вотъ, братъ, какое письмо получилъ я отъ брата Ал. Ив[ановича]. Оно меня такъ поразило, что я право вчера по вечеру былъ не при своемъ умѣ. Непріятность ли самаго произшествія или предчувствіе болѣе ужаснаго причиною этому— не знаю. Скажу тебѣ только, что я не могъ собрать мыслей, не могъ владѣть размышленіемъ. Теперь духомъ спокойнѣе, но недоумѣніе все также велико и положеніе брата тяжело давить мнѣ сердце... Если онъ увѣренъ былъ въ своемъ щастіи, почему онъ не рѣшился быть щастливымъ? Если одно имѣніе тому причиною, и если онъ думалъ, что ему довольно было всего его и нашего имѣнія, если онъ это думалъ и не рѣшился быть щастливымъ, то это умножаетъ мое огорченіе и мою досаду— неужели онъ могъ усумниться, что вмѣсто непріятности онъ бы доставилъ намъ истинное наслажденіе, ибо способствовать къ щастію другихъ лучше, чѣмъ самому быть щастливымъ. Неужели эта одна мысль была причиною его нерѣшимости?— не могу думать.— Но что значитъ этотъ скорый отказъ? Въ воскресенье она была еще

на все согласна, во вторникъ — все переменяла. Что значатъ эти ложныя и истинныя причины, о которыхъ братъ говоритъ? Можетъ ли страсть, чистая и истинная, имѣть столь скорый переломъ?» и т. д.—Письмо Ал. Ив. издано во 2-мъ выпускѣ «Архива бр. Тургеневыхъ», введение, стр. 120—121.

— (Стр. 313). *Прадтъ* (Доминикъ Дюфуръ de Pradt, аббатъ, 1759—1837) — французскій публицистъ и дипломатъ. Былъ сначала духовникомъ Наполеона, но, назначенный въ 1812 г. посланникомъ въ Варшаву, Прадтъ сдѣлался противникомъ имперіи. Его произведенія въ свое время имѣли большой успѣхъ благодаря остроумію и сатирическимъ выходкамъ.

— (Стр. 321). Изъ письма къ брату Александру Ивановичу отъ 26 февр. 1816 г. видно, что Тургеневъ получилъ отъ него указъ о назначеніи его, Н. И. Тургенева, въ Государственную канцелярію. Онъ выражаетъ по этому поводу неудовольствіе и особенно жалуется на то, что его перевели изъ канцеляріи министерства финансовъ. Указъ объ этомъ данъ 14 января 1816 г., причеиъ Тургеневу назначено 2000 руб. жалованья, «сверхъ получаемыхъ имъ изъ Комиссіи состав. законовъ 1500 руб. Изъ штата же министерства финансовъ его исключить.»

— (Стр. 324). Ссылаясь на экономиста Ж. Б. Сэя, Тургеневъ очевидно имѣетъ во виду его сочиненіе, названное ниже, а именно: «De l'Angleterre et des Anglais» (3-е изд. 1816; есть русскій переводъ Яковлева 1817 г.).

— (Стр. 325). Сочиненіе Прадта объ Испаніи носятъ такое заглавіе: «Mémoires historiques sur la révolution d'Espagne» (1816).

— «*Произшествія Байонскія*», упомянутыя Тургеневымъ, — очевидно тѣ совѣщанія между Наполеономъ и испанской королевской семьей, которыя происходили въ Байонѣ, въ замкѣ Марракъ, въ апрѣлѣ и маѣ 1808 г. Напуганная угрозами, королевская семья дала невольный отказъ отъ испанской короны, и братъ Наполеона, Иосифъ, былъ провозглашенъ королемъ Испаніи 6 іюля, а король Фердинандъ VII былъ уведень плѣнникомъ во Францію.

— (Стр. 326). Испанія начала воевать съ своими американскими колоніями съ марта 1815 г., когда была отправлена туда, подъ командою генерала Морильо, большая экспедиція для подавленія послѣднихъ слѣдовъ возмущенія въ колоніяхъ.

— (Стр. 328). Императрица Елизавета Петровна уничтожила смертную казнь въ первые годы своего царствованія, именно въ 1744 году.

— (Стр. 329). *Ансильонъ* (Жанъ-Пьеръ-Фредерикъ, 1767—1836) — прусскій министръ. Съ 1790 г. былъ проповѣдникомъ при французской общинѣ въ Берлинѣ, съ 1792 г. профессоромъ исторіи при берлинской военной академіи, затѣиъ членомъ академіи наукъ и королевскимъ историографомъ. Послѣднимъ назначеніемъ онъ обязанъ своему «Tableau des révolutions du système politique de l'Europe depuis le XV-e siècle» (1803—1805). Съ 1810 г. Ансильонъ сдѣланъ былъ воспитателемъ кронпринца.

— (Стр. 331). Въ письмѣ къ брату Александру Ивановичу отъ 27 марта — 8 апрѣля (1816 г.) Тургеневъ говоритъ такъ о дѣлахъ своей Комиссіи: «Сегодня или завтра подпишемъ мы протоколы о Саксонскихъ щетахъ. Сумму, которая приходится на русской щетъ, т. е. которую должна заплатить Россія въ общую сумму (изъ коей Россія получаетъ $\frac{5}{17}$ долей), сбавилъ я до 23.000 талеровъ. Безъ хвастовства сказать, это удачно. Изъ сей суммы приходится заплатить князю Репнину тысячь 15 талеровъ».

— *Фуше* (Иосифъ Fouché, герцогъ Отрантскій, 1763—1820) — извѣстный французскій политическій дѣятель, бывшій четыре раза министромъ полиціи.

— (Стр. 332). Чиновникъ *Жерве* состоялъ въ Парижской ликвидаціонной комиссіи. Въ письмѣ къ брату отъ 6 мая 1816 г. Тургеневъ сообщалъ, что Жерве «получилъ увольненіе отъ своего парижскаго мѣста. Кого-то Министръ на его мѣсто назначить? Мѣсто важное для казенныхъ интересовъ, въ особенности по причинѣ ликвидаціи съ Французскимъ правительствомъ, въ коей впрочемъ главную услугу оказалъ нашей ликвидаціонной Комиссіи Меріанъ, находящійся въ Нанси по нашимъ Россійскимъ щетамъ. А то бы плохо было Жерве ликвидировать только съ помощію Сушкова и Энгельбаха!»

— (Стр. 334). Главное дѣло — ликвидація — окончено; но Тургеневу поручено было сожженіе кредитныхъ билетовъ, а это не могло скоро состояться «по причинѣ отсутствія австрійскаго комисара»... Кромѣ того Тургеневъ имѣлъ еще «маленькое дѣло»; оно состояло въ томъ, что онъ хотѣлъ списать съ русскаго счета 800.000 франковъ, «кои на оный поставлены въ нашей ликвидаціи. Для сего я собираю теперь доказательства изъ разныхъ мѣстъ и надѣюсь успѣть въ своемъ предпріятіи».

— Къ Штейну Тургеневъ собирался, «дабы переговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ по Центральному управленію, касающихся до нашей ликвидаціи». См. письмо его отъ 19 іюля 1816 г.

— *Репортъ къ Неселроде* — очевидно тотъ, который напечатанъ нами выше, см. стр. 399 — 403.

— (Стр. 335). *Delolme* (Жанъ-Луи De Lolme, 1740—1806) — швейцарскій публицистъ. Проведя нѣсколько лѣтъ въ Англіи, онъ написалъ сочиненіе: «La Constitution de l'Angleterre ou l'état du gouvernement anglais, dans lequel il est comparé à la fois avec la forme républicaine de gouvernement et avec les autres monarchies de l'Europe» (Амстердамъ, 1771). Оно имѣло большой успѣхъ и переведено на разные иностранные языки. Делольмъ съ большою ясностью и рельефностью выдвигаетъ основныя черты англійскаго конституціоннаго устройства.

— (Стр. 336). Законъ объ освобожденіи крестьянъ Эстляндской губерніи (безъ земли) утвержденъ 23 мая 1816 года. Въ письмѣ къ брату Александру Ивановичу отъ 4 іюля 1816 г. Тургеневъ дѣлаетъ такую замѣтку относительно освобожденія эстляндскихъ крестьянъ: «Жаль, что примѣръ сей поданъ не Симбирской или другою какою-либо внутреннею губерніею».

— (Стр. 337). Въ Эмсѣ Тургеневъ прибылъ около 7 августа и оставался тамъ двѣ недѣли. Оттуда проѣхалъ онъ въ Висбаденъ и пробылъ тамъ восемь дней. «У Штейна былъ два раза, и онъ мнѣ далъ письменно отвѣтъ на тѣ запросы, которые я ему сдѣлалъ о нѣкоторыхъ предметахъ нашей ликвидаціи... Штейнъ вскорѣ послѣ того поѣхалъ въ новыя свои Вестфальскія деревни, которыя онъ вымѣнялъ у Правительства на свои польскія. Онъ живетъ какъ истинный мудрецъ, и можно къ нему ходить на поклоненіе, дабы заимствовать у него новыя силы, новую бодрость къ жизни». (Изъ письма къ брату отъ 1 сент. 1816 г.).

— (Стр. 338). Въ Берлинѣ Тургеневъ дѣйствительно пріѣхалъ съ Барановымъ, о которомъ говорилось выше.

— (Стр. 339). Изъ Висбадена Тургеневъ пріѣхалъ во Франкфуртъ 30 августа. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ оттуда къ брату (1 сентября 1816 г.) онъ

говорить, что собирается покинуть Франкфуртъ 5 сентября. Къ Алопеусу, котораго, какъ мы знаемъ, онъ не хотѣлъ даже видѣть, Тургеневъ вдругъ перемѣнился и проситъ брата посылать вексель на его имя, рассчитывая, что самъ зайдетъ къ нему. Проситъ даже и письма посылать на его имя, «ибо — говорить онъ — я не имѣю нужды съ нимъ церемониться».

— Въ Берлинѣ Тургеневъ пріѣхалъ около 10 сентября. Въ письмѣ къ брату Александру Ивановичу (16 сентября) онъ сообщаетъ слѣдующее: «Здѣсь бываю я часто у Алопеуса, который ко мнѣ очень ласковъ. О прошедшемъ, т. е. о томъ, о чемъ я ему прежде писалъ, и онъ мнѣ отвѣчалъ, — онъ мнѣ не напоминаетъ, а мнѣ самому было говорить нельзя. Итакъ, благодаря его эгоизму, всѣ его обѣщанія не сбудутся». Относительно справокъ по дѣламъ ликвидаціи Тургеневъ потерпѣлъ неудачу, такъ какъ нужные люди были внѣ Берлина. И ему, и спутнику его, А. И. Баранову, хотѣлось выѣхать изъ Берлина около 25 сентября, если только они получаютъ жалованье изъ Петербурга. «Не знаю, что-то сердце стынеть при приближеніи къ Сѣверу», пишетъ онъ брату.

— (Стр. 341). Изъ Берлина Тургеневъ съ А. И. Барановымъ выѣхали 25 сентября и направились черезъ Варшаву на Москву. См. письмо его къ брату отъ 16 сентября 1816 г. Изъ Москвы Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ около 22 октября 1816 г. См. его письмо къ брату Сергѣю Ивановичу отъ 29 октяб. 1816 г. Такимъ образомъ онъ прожилъ въ чужихъ краяхъ съ 20 ноября 1813 по 30 сентября 1816 года, то есть почти три года.

— Помѣщенное нами въ приложеніяхъ письмо къ Штейну отъ 11/23 октября 1815 г. сохранилось въ черновомъ видѣ и написано на послѣднемъ листѣ девятой книги дневниковъ, вслѣдствіе чего составляетъ съ ними какъ бы одно цѣлое, а потому и напечатано здѣсь въ видѣ приложенія.

Бумаги по ликвидаціонной комиссіи (343—408).

— (Стр. 343). Въ архивѣ Тургуеневыхъ находится толстая папка съ надписью (рукою Н. И. Тургуенева): «Papiers sur la Liquidation en 1815—1816». На той же крышкѣ есть и другая надпись: «Rapports et correspondences sur la Liquidation 1814—1816». Ниже надписи перечислены и бумаги, содержащіяся въ этой папкѣ, а именно:

1. Rapports de N. Tourgueneff au Ministre des Finances [2 экземпляра].
2. Lettres de N. Tourgueneff au Comte de Nesselrode.
3. Rapport du Comte de Nesselrode a l'Empereur.
4. Lettres de Pozzo di Borgo, Anstett, Oubril.
5. Lettres ou instructions du Mr de Stein.

Всѣ перечисленныя здѣсь бумаги сохранились вполнѣ, но кромѣ нихъ въ этой папкѣ оказались и другія бумаги, имѣющія непосредственное отношеніе къ Ликвидаціонной Комиссіи. Вотъ ихъ перечень.

6. *Hauptrechnung* über den ausserordentlichen durch die Kriegereignisse Lazarethe, Verpflegung fremder Truppen, Requisitionen u. s. w. im Königreiche Sachsen erwachsenen Aufwand auf die Zeit vom 19 October 1813 bis zum 15 Juny 1814.

7. Fortgesetzte Hauptrechnung über den ausserordentlichen durch die Kriegseignisse an Lazareth Verpflegung fremder Truppen, Requisitionen u. s. w. im Königreiche Sachsen erwachsenen Aufwand auf die Zeit vom 15ten Juny bis Ende October 1814.

8. *Summarische Uebersicht* der vom 16 Mai bis ult^o November 1814 im Königreiche Sachsen an die...

9. *Summarische Rechnung* über die Einnahme und Ausgabe der Finanz-Haupt-Casse des Königreichs Sachsen um die Zeit vom Eintritt des Kayser Russisch provisorischen General-Gouvernements bis ult^o October 1814.

10. *Отчетъ* (по нѣмецки) Фердинанда Грунера, ген.-губернатора Средне-Рейнской области (Дюссельдорфъ 12/24 іюля 1814 г.).

Въ той же папкѣ вложены были печатные листы, а именно:

11. Etablissement du Departament Central.

12. Sur la Landwehr.

13. Sur le fond d'obligations [по-нѣмецки].

14. Plan zu einer unter den deutschen Fürsten zuschlissenden Vereinigung zu Herbeischaffung der Kriegskosten.

Изъ всѣхъ этихъ бумагъ напечатаны нами выше въ приложеніяхъ слѣдующіе номера: первый, второй, третій и одиннадцатый. Что касается остальныхъ, то здѣсь не бесполезно будетъ вкратцѣ познакомить съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно съ письмами къ Н. И. Тургеневу. Вотъ перечень и содержаніе этихъ послѣднихъ.

1. Графъ Нессельроде — три письма. Въ первомъ (Вѣна, 24 сент. — 3 окт. 1814) онъ пишетъ о притязаніяхъ Швеція на участіе въ дѣлѣжѣ 9^{1/2} миліоновъ фран. и даетъ Тургеневу на этотъ счетъ соответствующія инструкціи. Во второмъ письмѣ (Берлинъ, 13/25 окт. 1815 г.) графъ Нессельроде извѣщаетъ Тургенева о постановленіи конференціи въ Парижѣ, утвержденномъ Государемъ, въ силу котораго ГанOVERскій домъ имѣетъ право на одну одиннадцатую часть изъ доходовъ отъ земель, занятыхъ союзными войсками. При этомъ Нессельроде прилагаетъ и копію съ отношенія къ нему ГанOVERскаго министра, графа Гартенберга. Въ третьемъ письмѣ (СПб. 22 марта 1816 г.) гр. Нессельроде сообщаетъ Тургеневу высочайшую резолюцію о продленіи выдаваемого ему содержания (200 руб. въ мѣсяцъ).

2. *Поццо-ди-Борго* въ письмѣ отъ 2/14 февр. 1816 г. (Парижъ) отвѣчаетъ Тургеневу на его вопросы относительно взысканія нѣкоторыхъ суммъ съ французскаго правительства.

3. *Баронъ Штейнъ*. Первое письмо есть приказъ (по-нѣмецки) Тургеневу. Въ виду ближайшаго отношенія къ послѣдному, мы помѣщаемъ это письмо цѣликомъ.

Da der grösste Theil der für gemeinschaftliche Rechnung der hohen verbündeten Mächte verwalteten Länder und Provinzen, theils an Frankreich zurückgegeben, theils von den einzelnen Mächten bereits provisorisch besetzt und in Administration genommen worden, so kommt es jetzt darauf an, die Berechnung und Auseinandersetzung über die daraus während der gemeinschaftlichen Verwaltung erhobenen Nutzungen und Revenuen anzulegen. Ew. Hochwohlgeboren ersuche und beauftrage ich daher ergebenst, sich diesem Geschäft zu unterziehen.

Die Grandsätze, nach denen solches zu bewirken, sind Ihnen bekannt, und ergeben sich aus meinem Schreiben an den Herrn Fürsten von Hardenberg als De-

can des Ministerial-Conseils der hohen verbündeten Mächte von 22 May d. J., welches Sie in den Acten finden werden.

Ein Theil der dazu erforderlichen Gouvernements Rechnungen ist bereits eingegangen, und diejenigen Herrn General Gouverneurs, welche die Rechnungen noch nicht eingesandt haben, habe ich von dem Ew. Hochwohlgebohren ertheilten Auftrage benachrichtiget, und sie ersucht, die Rechnungen an Sie ebenfalls schleunigst einzusenden, und über diejenigen Umstände, worüber es etwa Aufklärung bedürfen sollte, die nöthigen Nachrichten zu ertheilen.

In Gefolge des in Paris Konferenz-Protokoll des ministeriel-Conseils vom 2. Juny d. J. genommenen Beschlusses ist die in der Leipziger Convention vom 21 Octobre v. J. festgesetzte Theilnahme der einzelnen Mächte dahin näher bestimmt, dass die drey grossen Mächte Oesterreich, Russland und Preussen jede $\frac{5}{17}$, Schweden $\frac{1}{17}$, und Hannover $\frac{1}{17}$ partizipiren, letztes jedoch erst seit dem Zeitpunkt ab, wo es sein Truppen-Contingent gestellt hat. Diesen Zeitpunkt kann man füglich auf den 1. Februar d. J. bestimmen. Die frühere Bezüge seit der Leipziger Convention werden unter die übrigen vier Mächte in der Art vertheilt, dass Oesterreich, Russland und Preussen jede $\frac{5}{16}$ und Schweden $\frac{1}{16}$ erhalten. Schweden ist dagegen aber auch verpflichtet, alle Bezüge die es unmittelbar aus den Deutschen Provinzen und den einzelnen Gouvernements genossen, einzuwerfen, und darüber Rechnung zu legen.

Von dem Resultat werden Ew. Hochwohlgebohren mir zu seiner Zeit die nöthige Uebersicht einreichen, auch selbige der Ministerien Ihrer Mächte übergeben. Frankfurt den 20 July 1814. Vom Stein.—An den Kayserlich-Russischen Hofrath, Herrn von Thurgeneff, Hochwohlgebohren.

Второй документъ (въ копіи) — отношеніе Штейна къ гр. Нессельроде (отъ 16 окт. 1814 г.).

Indem ich mir die Ehre gebe, Ew. Excellenz die mir gestern übersandte Schreiben des General-Majors Herrn von Cancrin und des Staatsraths Herrn Gruner wegen der Abgabe-Reste im Gouvernement Mittelrhein anliegend zu remittiren; muss ich zur Sache selbst ganz ergebenst bemerken, dass zuförderst die Summe der disponiblen Reste vom Staatsrath Gruner zu hoch angegeben ist, wenn er sie auf 2 Millionen Franken berechnet. Nach den von der General Gouvernements Casse in Coblenz, der zur Berechnung und Auseinandersetzung zwischen den hohen verbündeten Mächten wegen der Revenuen aus den für gemeinschaftliche Rechnung verwalteten Ländern, in Frankfurt a/M niedergesetzten Commission, bey welcher das Kaiserlich-Russische Interesse von dem Herrn Hofrath von Turgeneff wahrgenommen worden ist, übergebenen Rechnungen betragen die Abgaben Reste des Gouvernements Mittelrhein bis zum 15ten Juny d. J. überhaupt

2,756,202 fr. 38 ct.

davon waren aber auch noch an rückständigen Gouv ^{ts} Aus-			
gaben bis zu diesem Zeitraum zu tilgen	1,634,998	»	51
und der disponible Ueberschuss beträgt	1,121,203	»	87
Dazu kommen nun freylich noch	447,864	»	24

welche bis zum 15ten Juny d. J. an öffentlichen Abgaben von den Bezirks-Kassen des Gouvernements wirklich schon erhoben, aber an die General-Casse in Coblenz noch nicht abgeführt waren. Allein, wenn man dagegen erwägt, dass gewiss ein sehr grossen Theil der Reste wegen der erlittenen Königs-Kalamitäten aus Unver-

mögenheit der Debenten nicht eingehen wird und wahrscheinlich noch mehrere Ausgaben, die annoch zu tilgen sind, zum Vorschein kommen werden, so kann man nicht vielmehr als auf eine Million aus den Resten rechnen.

Aber auch diese wird für Russland *baar* nicht zu erlangen seyn; denn der grosse Theil der Reste (beynahe $\frac{4}{5}$) stehen in demjenigen Theil des Gouvernements aus, welcher von Oesterreich und Bayern provisorisch besetzt ist, und es lässt sich voraussehen, dass diese Mächte sich auf eine *baare* Tilgung der Reste nicht einlassen werden. Es verliert auch Russland nichts dabey, sobald nur die eingehenden Reste von Oesterreich und Preussen zu der gemeinschaftlichen, zwischen den hohen verbündeten Mächten zu vertheilenden Masse berechnet werden. Denn, bekäme Russland die Reste *baar* heraus, so erhöht sich um so viel die Summe, welche es in die gemeinschaftlich zu vertheilende Masse einzuwerfen hat; da die Reste gleichfalls übrigen Gouvernements Revenuen sämtlichen verbündeten Mächten angehörig; statt dass gegenwärtig, wenn Oesterreich und Preussen die Reste einzieht, Russland seinen Antheil daran auf die Summen verrechnen kann, welche es an diese Mächte wegen der Verpflegung seiner Truppen zu zahlen hat. Dass aber Oesterreich und Preussen verpflichtet sind, die eingehenden Reste zu der gemeinschaftlichen Vertheilungs-Masse zu berechnen, ist sowohl von dem Oesterreichischen als dem Preussischen Commissarius bey der Commission zu Frankfurt a/M anerkannt worden, wie ich mich aus dem Original-Rezess der Commission überzeugt habe, und ich habe deshalb auch noch besonders an den Oesterreichischen Commissarius, Herrn Vice-President von Barbier geschrieben.

Aus dieser Darstellung werden sich Ew. p. p. zu überzeugen belieben, dass zwar auf den *baaren* Eingang der Reste von Russland nicht zu rechnen, aber auch bey den von der Commission getroffenen Einleitung dem Russisch-Kaiserlichen Interesse nichts vergeben ist, und ich stelle es davonselben ganz ergebenst anheim hieran sowohl dem Herrn Finanzminister von Gourieff als den Herrn General von Cancrin in Kenntniss zu setzen.

Uebrigens kann der Herr Hofrath von Turgeneff den Original-Rezess über die Abrechnung wegen der Gouvernements-Revenuen vom Mittelrhein übergeben, da er ihn ebenfalls besitzt und überhaupt über die Lage und den Gang dieses Abrechnungsgeschäfts die nöthige Auskunft antheilen.

Wien, den 16ten Octobere 1814.

Sig. vom Stein.

An den Herrn Hofrath von Turgeneff Hochwohlgebohren zur Nachricht.

Wien den 16ten Octobere 1814.

Vom Stein¹⁾.

Ew des pp. Herrn Grafen von Nesselrode Excellenz.

4. *Убри.* Письмо его отъ 16 июня 1818 г. такого содержания. Ему понадобились нѣкоторыя бумаги относительно «гановерскихъ претензій», и онъ проситъ Тургенева прислать ему слѣдующія: 1) Мнѣніе графа Сольмсъ Лаубаха (Solms Laubach), высказанное имъ въ Вѣнѣ 22 и 23 ноября 1814 касательно

1) Подпись принадлежит самому Штейну.

разчета съ нѣмецкими князьями. 2) Протоколъ 27 мая 1815 г. между русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ министрами или ихъ комисарами. 3) Условное согласіе гановерскаго комисара Strahlenheim'a, представленное имъ 12 іюля 1815 г. Для Убри важно было доказать, что Гановерь не имѣетъ никакого основанія заявлять свой претензіи на вознагражденіе за поставки, произведенныя въ 1813—1814 г.г.

5. Записка безъ подписи и даты, но кажется принадлежитъ барону Штейну и писана для графа Нессельроде. Приводимъ ее цѣликомъ, такъ какъ она говорить о побѣдкѣ Тургенева въ Парижъ по просьбѣ Алопеуса (см. выше стр.).

M^r d'Alopeus, pendant son administration en Lorraine, avait passé différents contrats avec des négociants de Frankfort s/M. et autres, relativement à des fournitures de draps, de toiles etc. pour l'armée Russe. Le Colonel Cte Laiser, Aide de Camp de M^r le G^l Sabanejeff, à la suite d'une autorisation du gouverneur général, en avait conclu de son côté pour différents objets d'équipements militaires à fournir aux officiers et soldats du 7e corps d'armée. M^r d'Alopeus, à son départ de Nancy au mois d'Octobre chargea le Bⁿ de Mérian de liquider avec le restant en caisse celles de ces fournitures qui n'avaient pas encore été payées. M^r le Bⁿ de Mérian lui envoya quelque temps après un compte d'après lequel le montant de ces livraisons excédait le contenu de la caisse de 280.000 francs, et il demandait que Mr de Gervais fut autorisé à les lui payer. M^r d'Alopeus, en ayant parlé a votre Excellence lors de son arrivée à Berlin, Elle écrivit de cette ville à M^r le Cte de Capo d'Istria à Paris pour l'autoriser à faire effectuer à M^r le Bⁿ de Mérian le payement de la dite somme. Cet argent n'arriva pas, et quelque temps après Mr de Mérian adressa un second rapport à M^r d'Alopeus, auquel il joignit un compte d'après lequel il lui fallait en tout, autant que je m'en rappelle, 500.000 francs, pour liquider les réclamations surmentionnées, ainsi que toutes les autres dépenses occasionnées par la prolongation de sa commission. M^r d'Alopeus chargea alors le Conseiller de Collège Tourguenieff, qui se trouvait à cette époque à Francfort s/M., de se rendre à Nancy pour arranger toutes ces affaires le plutôt possible. Celui-ci ayant examiné tous les comptes et s'étant convaincu de leur exactitude, se rendit lui-même à Paris pour tacher d'engager Mr de Gervais à les liquider. Mr de Gervais lui répondit que M^r le Maréchal lui ayant défendu d'effectuer aucun payement sans son ordre, il lui était impossible de payer une somme aussi considérable, à moins de n'y être autorisé par le Prince Barclay de Tolly. Mais comme en vertu d'une convention conclue par M^r l'Intendant G^l Cancrin avec le gouvernement français, une partie des sommes réclamées par M^r le Bⁿ de Mérian et notamment les contrats pour les objets d'équipement de soldats étaient de nature à pouvoir être mises à la charge de la France, Mr de Tourguenieff proposa à Mr de Gervais d'en faire l'objet d'une négociation, et ce dernier promit aussi de l'entamer. C'est en cet état de suspend que j'ai laissé l'affaire à mon départ de Berlin, et comme la commission établie à Nancy ne saurait quitter cette ville avant que toutes les réclamations ne soient satisfaites, et que la prolongation de son séjour entraîne cependant des frais absolument inutiles, il serait fort à désirer que cet objet fut terminé le plutôt possible.

6. Далѣе идетъ переписка между Анштетомъ и Нессельроде по слѣд. поводу. Анштетъ пишетъ 17/29 іюня 1816 г. (Dresden), что Mylord Clancarty прислалъ ему ноту («при семъ прилагаемую»). Дѣло идетъ въ этой нотѣ о томъ, съ какого

времени считать ГанOVERь участвующимъ въ доходахъ отъ завоеванныхъ провинцій. Баронъ Штейнъ полагалъ, что это участіе должно считать съ 1 февр. 1814 г.; но эта дата отвергается, точно такъ же какъ и авторитетъ президента Центральной администраціи. Протестъ австрійскаго комисара остановилъ окончательное рѣшеніе этого вопроса.

По этому поводу пошла переписка. Государственный секретарь рус. императора Нессельроде получилъ ноту отъ графа Гарденберга (22 сентября 1815 г.). Копія съ этой ноты такого содержанія («Copie d'une note du Comte Hardenberg. Paris, ce 22 Septembre 1815»). Права, которыя лейпцигская конвенція (1813 г.) предоставила ганOVERскому двору, совершенно безспорны. На этой конвенціи было установлено, что дворы Россіи, Австріи и Пруссіи участвуютъ въ доходахъ каждая въ пропорціи 150 т. чел., и Швеція — на 30 т. чел., которыхъ эти державы имѣли въ кампаніи противъ Франціи. Что касается участія ГанOVERа, то было постановлено, что онъ будетъ участвовать соразмѣрно числу своихъ войскъ, участвовавшихъ въ кампаніи. Но число это тогда не было извѣстно. На конференціи, бывшей нѣсколько позже въ Шомонѣ, гдѣ присутствовали министры всѣхъ союзныхъ державъ, министръ графъ Мюнстеръ представилъ имъ таблицу (tableau), доказывающую, что ГанOVERъ въ общей арміи противъ французовъ имѣлъ 30 т. чел., и что поэтому онъ имѣетъ право на такую же долю въ доходахъ отъ завоеванныхъ провинцій, какъ и Шведы. Министры союзныхъ державъ единогласно признали это право и сообразно съ этимъ было постановлено производить дѣлежъ доходовъ не по распредѣленію, сдѣланному въ Лейпцигѣ (по 16-й долѣ), а по 17-й долѣ изъ общей суммы доходовъ отъ названныхъ провинцій, и что три великія союзныя державы, Россія, Австрія и Пруссія, должны получить каждая по $\frac{5}{17}$, а Швеція, какъ и ГанOVERъ, — $\frac{1}{17}$ часть. Эта пропорція была утверждена въ конференціи, имѣвшей мѣсто немного раньше заключенія мира 1814 г. у кн. Меттерниха въ Парижѣ. Возможно, что въ этотъ моментъ дѣлежъ всей суммы доходовъ отъ провинцій, управляемыхъ центральной комиссіей, еще не совершился; но нельзя сказать этого относительно 60 мил. франковъ съ лишнимъ, которые Франція уплатила союзнымъ арміямъ при эвакуаціи въ 1814 г., а также недоимки отъ бельгійскихъ провинцій. Союзныя державы раздѣлили эти деньги между собою и сдѣлали участницей Швецію въ дѣлежѣ 54 мил. фр. Только ГанOVERъ былъ исключенъ и устраненъ отъ участія въ дѣлежѣ, несмотря на свои неоднократныя заявленія, оставленные безъ отвѣта.

Въ концѣ ноты Гарденбергъ проситъ графа Нессельроде безъ замедленія доложить имп. Александру о справедливыхъ претензіяхъ ганOVERскаго двора, чтобы послѣдному выдали то, что досталось Россіи изъ $\frac{1}{17}$ доли, принадлежащей ГанOVERу.

— (Стр. 343). *Departement central d'administration temporaire* былъ учрежденъ послѣ Лейпцигской битвы, 21 октября 1813 г., съ согласія пяти союзныхъ державъ: Россіи, Австріи, Пруссіи, Англіи и Швеціи. Нами напечатанъ здѣсь (стр. 343—346) уставъ этого Департамента, состоящій изъ двадцати параграфовъ.

— (Стр. 347). *Rapport au Ministre des Finances*, оконченный, какъ мы знаемъ, въ концѣ ноября 1814 г. въ Вѣнѣ, былъ представленъ министру финансовъ, графу Гурьеву. Этотъ рапортъ даетъ общій очеркъ дѣятельности Центрального Департамента, находившагося подъ управленіемъ барона Штейна;

потомъ указываетъ на дѣятельность Ликвидационной Коммисіи, учрежденной въ іюль 1814 года во Франкфуртѣ и состоявшей изъ комисаровъ Австріи, Пруссіи, Швеціи и Россіи; и наконецъ прилагаетъ общую таблицу доходовъ и расходовъ, имѣвшихъ мѣсто въ областяхъ, занятыхъ союзными войсками, и раздѣленіе этихъ доходовъ-расходовъ между выше названными союзными державами. Таблица приходовъ и расходовъ расположена по ген.-губернаторствамъ; сначала идутъ прусскія — ихъ четыре, потомъ австрійскія — ихъ десять, и наконецъ русскія, которыхъ было всего три: 1) Саксонія, 2) Средне-Рейнское и 3) Лотарингія. Въ первой былъ ген.-губернаторомъ князь Репнинъ, во второмъ — статскій совѣтникъ Грунеръ и въ третьей баронъ Алопеусъ (Давидъ Максимовичъ). Князь Репнинъ-Волконскій — тотъ самый, что былъ посланникомъ при Вестфальскомъ королѣ въ 1809—1810 г.г. См. дневники Тургенева, томъ 1-й, стр. 452—453.

— (Стр. 360). *Юстусъ Грунеръ* былъ воспитанникомъ Геттингенскаго университета. Въ самые тяжелые годы Прусскаго государства, послѣ пораженій 1806 и 1807 г.г., Грунеръ занималъ постъ начальника полиціи въ Берлинѣ, а потомъ завѣдующаго тайною полиціею. Въ 1812 г. онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Австрію къ Штейну, съ которымъ обдумывалъ средства возбудить общее возстаніе нѣмецкаго народа противъ французовъ. Въ 1814 г. Штейнъ назначилъ его ген.-губернаторомъ на Среднемъ Рейнѣ. См. о немъ въ статьѣ г. Вишнякера «Баронъ Штейнъ и Н. И. Тургеневъ». (Минувшіе Годы 1908, VII, 251).

— *Baron d'Alapeus* — Давидъ Максимовичъ Алопеусъ, о которомъ упомянуто выше (стр. 462). Сохранились его письма 1814 года къ генералу Юзефовичу, изъ которыхъ видно, какъ не легко было ему исправлять свою должность. Вотъ что пишетъ онъ напр. къ ген. Юзефовичу 12/24 февр. 1814 г. (въ переводѣ съ франц. яз.):

«Никто больше меня не убѣжденъ въ необходимости вліять на общественное мнѣніе, но какъ это осуществить, когда имѣешь только свои пять пальцевъ и ни малѣйшаго матеріала для сообщенія? Я несчастнѣйшій изъ смертныхъ, я хочу хорошо дѣлать, но я безсиленъ на своемъ посту, который сведетъ меня въ могилу. Всѣ генералы жалуются на безпорядокъ, господствующій кругомъ, требуютъ отъ меня продовольствія, всѣ хотятъ денегъ, съ тѣхъ поръ какъ я имѣлъ глупость отправить наличными 400.000 франковъ. Министры требуютъ штатовъ и отчетовъ, и я рѣшительно теряю голову» и т. д. (Переписка Д. М. Юзефовича. Изъ сем. бумагъ Б. М. Юзефовича. СПб. 1902). Это письмо указываетъ растерянность и безсиліе Алопеуса на первыхъ порахъ его дѣятельности. Въ письмѣ отъ 27 февр. — 11 марта 1814 г. (Нанси) онъ такъ изображаетъ положеніе дѣла:

«Непостижимо, почему наши генералы такъ мало проникнуты сознаниемъ необходимости строгой дисциплины. Дурное поведеніе войскъ вывело изъ терпѣнія населеніе Шампаньи, гдѣ происходитъ нѣчто въ родѣ возстанія. Теперь мнѣ поручаютъ организацію этой провинціи, а также и Арденны, но я боюсь, что мои интенданты подвергнутся участи Больдгейма.

Здѣсь среди народа также замѣтно было движеніе, но оно не имѣло распространенія. Трое высланныхъ, трое приговоренныхъ къ смертной казни и нѣсколько челобѣтъ, посаженныхъ въ тюрьму — вотъ и всѣ жертвы, которыя я счелъ долгомъ принести въ дань общественному спокойствію. Летучіе отряды

оказали мнѣ большую помощь, и въ концѣ концовъ я формирую постоянные этапы, снабженные магазинами и охраняемые отрядами, которые будутъ служить также для конвоировація обозовъ и курьеровъ. Я далъ приказъ о собраніи свѣдѣній о вашемъ продовольствіи и во всякомъ случаѣ надѣюсь снабдить васъ порохомъ... Вы видите, что я отчасти вмѣшиваюсь и въ военныя дѣла, но, убѣдившись, что, держась въ сторонѣ отъ нихъ, я наносилъ значительный ущербъ моимъ административнымъ операціямъ, я поставилъ дѣло такъ, что всякая власть должна исходить изъ одного центрального пункта, а по моимъ грѣхамъ этимъ центральнымъ пунктомъ являюсь именно я. Я говорю — по моимъ грѣхамъ, ибо возложенное на меня дѣло ужасно, и я не понимаю, какъ еще хватаетъ у меня силъ. Правда, я не могу пожаловаться на то, чтобы миссія моя была неблагоприятна: меня осыпаютъ похвалами, ко мнѣ благоволятъ и уважаютъ мои представленія».

— (Стр. 362). *Prince de Thurn et Taxis* — см. о немъ выше примѣчаніе къ стр. 32.

— (Стр. 363). *Compte Solms Laubach* — дипломатъ, которому Штейнъ поручилъ завѣдываніе кредитной частью, лазаретами и Рейнской таможей.

— *Prince Royal de Suède* — то есть Бернадотъ, шведскій наслѣдный принцъ, союзникъ имп. Александра въ борьбѣ съ Наполеономъ.

— (Стр. 364). Письмо графа Нессельроде къ русскому Комисару (Тургеневу) о не участіи Швеціи въ раздѣлѣ 9½ мил. фр. сохранилось въ архивѣ Тургеневыхъ. См. о немъ выше.

— (Стр. 382). *Генераль Юзефовичъ*, Дмитрій Михайловичъ (1777—1821), образованіе получилъ въ Моск. Благородномъ пансіонѣ, который окончилъ въ 1794 г.; началъ свои боевые подвиги въ 1805 году, а къ началу отечественной войны онъ былъ въ чинѣ полковника и состоялъ командиромъ Харьковскаго драгун. полка. Въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 г.г. онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, почти постоянно оставаясь въ отрядѣ Милорадовича. 29 марта 1814 г., взявши городъ Мецъ, Юзефовичъ былъ назначенъ комендантомъ въ Нанси и командующимъ русскими войсками въ Лотарингіи, гдѣ и оставался до конца кампаніи. На этомъ посту онъ повидимому сумѣлъ пріобрѣсти симпатіи населенія; по крайней мѣрѣ Д. М. Алопеусъ въ одномъ своемъ письмѣ (Нанси, 18/30 апрѣля 1814) по поводу назначенія его командующимъ въ Нанси, говорить, что Юзефовичъ «своими талантами военачальника и своимъ поведеніемъ, столь же твердымъ, сколько и легальнымъ, сумѣлъ завоевать себѣ уваженіе и привлечь симпатіи населенія». Алопеусъ считаетъ его также искуснымъ администраторомъ и даетъ ему завѣдываніе исполнительными органами въ Нанси, а также общую и военную полицію, завѣдываніе магазинами и госпиталями. — По возвращеніи изъ-за границы Юзефовичъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 4-й драгунской дивизіи. Въ Зимнемъ дворцѣ имѣется его портретъ (писанный Доу въ 1819 г.) въ числѣ шестидесяти портретовъ сподвижниковъ Александра I. См. Переписка Д. М. Юзефовича (1805—1820 г.г.). Изъ семейн. бумагъ Б. М. Юзефовича. СПб. 1902 г.

— (Стр. 387). Сохранилось шесть рапортовъ Тургенева, представленныхъ имъ графу Нессельроде, и одна нота. Всѣ они относятся къ 1816 году.

— *Поццо-ди-Борго* (Карлъ-Андрей, графъ, 1764—1842) былъ родомъ корсиканецъ и принадлежалъ къ партіи Паоли, съ которою враждовалъ Наполеонъ I. Вслѣдствіе этого между этимъ послѣднимъ и Поццо ди Борго тоже

возникла вражда, и онъ въ 1796 г., сложивъ съ себя званіе президента государственнаго совѣта, покинулъ родину. Онъ былъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ и наконецъ въ 1803 г. поступилъ на русскую службу; однако, раздраженный тилзитскимъ миромъ, покинулъ Россію и жилъ сначала въ Вѣнѣ, потомъ въ Лондонѣ. Въ 1812 г. Поццо ди Борго былъ снова приглашенъ въ Россію и съ этого времени до конца своей жизни онъ служилъ Россіи на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1813 г. онъ составилъ прокламацію державъ противъ Наполеона и его династіи и, по вступленіи союзниковъ въ Парижъ, былъ отправленъ въ Лондонъ къ Людовику XVIII, гдѣ убѣждалъ его дать Франціи конституцію. Людовикъ считалъ себя настолько обязаннымъ передъ Поццо ди Борго, что, по занятіи престола, предложилъ ему награду въ 2 милліона франковъ. Затѣмъ Поццо ди Борго былъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ и представителемъ Россіи на Вѣнскомъ Конгрессѣ. Послѣ бѣгства Наполеона съ Эльбы Поццо ди Борго былъ отправленъ къ англо-прусской арміи въ Бельгію, а послѣ второй реставраціи былъ снова посланникомъ въ Парижѣ, при чемъ все свое вліяніе (довольно большое) употреблялъ на преслѣдованіе сторонниковъ Наполеона. Въ 1825 г. возведенъ въ графское достоинство. Послѣ 1834 г. вышелъ въ отставку и до конца жизни оставался въ Парижѣ, гдѣ и умеръ. См. выше стр. 449.

— Генералъ-губернаторъ Лотарингіи — конечно Давидъ Макс. Алопеустъ.

— *Comte Roger de Damas* — французскій генералъ (1769—1823), одно время служившій въ Россіи.

— (Стр. 392). *Martensъ*, профессоръ геттингенскаго университета (по дипломатикѣ и международному праву), былъ полномочнымъ министромъ отъ Ганноверскаго княжества на германскомъ союзномъ сеймѣ.

— *Prince Wrede*, князь баварскій, фельдмаршалъ (1767—1839). Въ 1812 г. онъ съ баварскими войсками находился въ корпусѣ Сень-Сира; въ 1813 г. командовалъ войсками на австрійской границѣ, принялъ начальство надъ баварско-австрійской арміей и получилъ приказаніе преградить путь отступленія французамъ; но былъ разбитъ при Гану и тяжело раненъ. По выздоровленіи снова командовалъ баварской арміей и участвовалъ во время кампаніи 1814 г. въ битвахъ при Ла-Ротьерѣ, Баръ-сюръ-Объ, Арсисъ-сюръ-Объ и др. Въ награду произведенъ былъ 7 марта 1814 г. въ фельдмаршалы. Въ 1815 г. онъ тоже командовалъ баварскими войсками, двинутыми во Францію.

— (Стр. 402). Повидимому Тургеневъ не представлялъ министру финансовъ подробнаго рапорта (*rapport détaillé*), какъ онъ здѣсь обѣщалъ. Это мы заключаемъ изъ того, что среди его бумагъ не сохранилось ни одной бумаги, напоминающей о составленіи отчета. Но изъ позднѣйшаго дневника Тургенева можно заключить, что вмѣстѣ съ рапортомъ графу Нессельроде онъ представилъ еще какую-то «таблицу», которой въ архивѣ тоже не имѣется.

— (Стр. 403). Докладную записку графа Нессельроде мы помѣстили здѣсь въ приложеніяхъ вслѣдъ за рапортами Тургенева потому, что она имѣетъ самую тѣсную связь съ ними.

— (Стр. 404). *Анитетъ* (Иоганнъ-Протасій von Anstett, 1766—1835) — русскій дипломатъ. Уроженецъ Страсбурга, онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1789 году и служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ до 1811 г. Въ 1812 г. былъ директоромъ дипломатической Канцеляріи при Арміи Кутузова, а по смерти этого послѣдняго состоялъ въ свитѣ имп. Александра I и сопровождалъ его до самаго Парижа. На вѣнскомъ конгрессѣ принималъ участіе только въ нѣкото-

рыхъ комиссіяхъ. Во время послѣдняго похода противъ Наполеона въ 1815 г. Анштетъ вмѣстѣ съ Канкринымъ занимался заключеніемъ дополнительной къ Калишской конвенціи, затѣмъ слѣдовалъ за арміей въ Парижъ и принималъ участіе въ заключенной тамъ, 20 ноября 1815 г., подъ предсѣдательствомъ Веллингтона, конвенціи относительно оккупационной арміи. Съ 1818 г. былъ чрезвычайнымъ посломъ и уполномоченнымъ Россіи при Германскомъ Союзѣ.

— (Стр. 405). Это письмо Тургенева къ графу Нессельроде писано повидимому около мая 1817 года, когда онъ уже находился въ Петербургѣ. Изъ его дневника за этотъ періодъ, находящагося теперь въ печати, видно, что напр. въ декабрѣ 1816 г. Тургеневъ, по приглашенію гр. Нессельроде, былъ у Ламберта, «чтобы говорить съ нимъ о ликвидаціонныхъ дѣлахъ... Жалко было видѣть мнѣ таковой ходъ оконченной уже моею ликвидаціи». Въ письмѣ отъ 6 марта 1817 г. къ брату Сергѣю Ивановичу Тургеневъ пишетъ, что дѣло по ликвидаціи еще не кончено, и что онъ ни на кого такъ не золь, какъ на Нессельроде, который обѣщалъ кончить и все еще не кончилъ. Не дождавшись окончанія дѣла по ликвидаціи, Тургеневъ, повидимому, и написалъ напечатанное нами здѣсь въ приложеніи письмо.

— (Стр. 407). *Le statu quo des liquidations* — эта записка, помѣщенная нами въ концѣ приложеній (№ 10), найдена была въ десятой книгѣ дневниковъ Тургенева, относящихся къ 1817 году. Несомнѣнно она и написана въ то время, но такъ какъ записка эта повидимому написана послѣ выше упомянутаго письма къ графу Нессельроде и, кажется, по предложенію послѣдняго, то мы сочли необходимымъ помѣстить ее здѣсь въ приложеніи, въ числѣ бумагъ, относящихся къ дѣятельности Тургенева въ Ликвидаціонной комиссіи.

УКАЗАТЕЛЬ.

Д.

- Даръ — 106.
 Абеляръ — 54.
 Або — 436.
 Лваншъ — 106.
 Августинъ — 297.
 Августъ II, король польскій — 17.
 Августъ, императоръ — 137.
 Avegno Iaso — 163.
 Австрійская имперія — 432.
 Австрійскій комисаръ — 459, 460, 465, 468, 474.
 Австрія — 185, 186, 187, 257, 258, 317, 344, 345, 355, 357, 359, 361, 367, 384, 386, 394, 395, 400, 402, 404, 407, 423, 432, 445, 446, 448, 456, 458, 459, 462, 474, 475.
 Agnès — 77, 88.
 Аданъ де Бордъ, французскій учитель — 13.
 Аделаида — 187, 432.
 Аецій — 418.
 Азія — 99, 197, 216, 412.
 Аі, деревня — 42.
 Aimée petite, балерина — 274.
 Аквилея — 432.
 Асрино, озеро — 163.
 Albert (танцоръ) — 58, 93, 252.
 Algardi — 175.
 Александръ Великій — 175.
 Александръ, Виртембергскій герцогъ — 444.
 Александръ I — 9, 10, 32, 57, 84, 196, 200, 203, 231, 232, 233, 237, 240, 244, 245, 251, 252, 253, 257, 258, 261, 271, 274, 276, 277, 282, 283, 284, 285, 286, 289, 306, 308, 314, 328, 331, 332, 336, 343, 345, 353, 403, 413, 433, 434, 435, 436, 443, 444, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 455, 456, 459, 462, 464, 466, 469, 470, 474, 476, 477.
 «Aline, Reine de Golconde», пьеса — 54.
 Алопеусъ, Давидъ Максимовичъ — 236, 300, 301, 360, 398, 399, 405, 406, 448, 449, 454, 460, 462, 463, 464, 465, 469, 473, 475, 476, 477.
 Алопеусъ, Максимъ Максимовичъ — 448.
 Alfieri (гробница) — 172.
 Альбани, кардиналь — 149.
 Альпы — 99, 101, 102, 104, 106, 118, 188, 239, 411.
 Альтдорфъ — 111, 425.
 Amati, пѣвица — 137.
 Амвросій, митрополитъ — 198, 435, 561.
 «Améline à la cour», опера — 93.
 Америка (Франклинъ) — 99, 216, 217, 322, 329.
 Американскія колоніи — 326.
 Amaury Duval, литераторъ — 281, 457.
 Амстердамъ — 151, 468.
 Анастасевичъ, В. Г. — 433.
 Anagno Iaso (Aniano) — 154, 430.
 Англія — 81, 194, 202, 256, 257, 270, 304, 309, 310, 313, 314, 318, 324, 325, 326, 327, 329, 332, 334, 337, 342, 398, 399, 405, 406, 446, 468, 474.
 Andlau, баронъ — 358, 372.
 Andrea del Sarto, художникъ — 169, 170.
 Анна Австрійская, королева — 418.
 Ансильонъ, министръ — 329, 467.
 Антонинъ (колонна) — 133, 137.
 M. Antono, актеръ — 93.
 Антонъ, принцъ — 18, 19, 26, 415.
 Апштетъ, дипломатъ — 469, 473, 477, 478.
 Аппенины — 148, 176.
 Appia via — 141, 142, 157.
 Аполлонъ (статуя) — 51, 85, 132, 134, 149, 171.
 Аракчеевъ, графъ — 436, 447.
 Араратъ — 437.
 Арва, рѣка — 97, 100, 101, 424.
 Арденны — 475.
 Ариоло — 113, 114, 411, 426.
 Аристидъ (статуя) — 155.
 Aristoteles — 342.
 Аркады — 72.

Arco di Galieno — 135.
 Arco di Giano Quatrifonte — 140.
 Arco di Settimio Severo al Velabro — 140.
 Армандь (Armand), актриса — 52, 93, 94, 69.
 Армения — 438.
 Армфельтъ, графъ — 434.
 Арндтъ — 243, 273, 314, 343, 456.
 Арона, городокъ — 118.
 Арсисъ на Обѣ — 448, 477.
 Artois, графъ — 252, 253.
 Архенгольцъ, историкъ — 84, 85, 86, 88, 423.
 Архивъ Академіи Художествъ — 427, 428.
 «Архивъ Тургеневыхъ» — 417, 421, 422, 430, 434, 436, 444, 446, 452, 469, 476.
 Асіх, партизанъ — 249.
 «Athalie», пьеса — 251.
 Атриды — 312.
 Атилла, вождь — 42, 418, 432.
 Ауерштедтъ — 10, 30, 414.
 Аустерлицъ — 42.
 Аumer, балерина — 274.
 Африка — 412.
 Ахиллъ, картина — 149, 162.
 Ашенбреннеръ — 113, 335, 426.

Б.

Баварія — 394, 396, 398, 472.
 Баварскій король — 317.
 Баварскія Уложенія — 335.
 Багратионъ — 198, 208, 299, 442.
 Багрѣвъ — 301.
 Баденская герцогиня — 417.
 Баденское герцогство — 108, 234.
 Бадень — 107, 108, 411.
 Базель — 110, 235, 411, 447, 449.
 Байона — 467.
 Баойнскія происшествія — 325, 467.
 Баккаревичъ, Михаилъ Никитичъ — 272, 455.
 Балкавы — 437.
 Балугъянскій, М. А. — 433, 434, 455, 461.
 Балкъ (Балкъ) — 109, 188.
 Бальгорнъ, профессоръ — 422.
 Баоло (водохранилище) — 163.
 Бапстъ, студентъ — 10, 414.
 Baptiste l'ainé, актеръ — 71, 94.
 Барановъ, А. И. — 301, 464, 468, 469.
 Barbier, баронъ — 395.
 Барильи — 70, 71, 134, 94, 124, 168, 252.
 Барклай де-Толли — 396, 399, 404, 406, 407, 435, 460, 473.
 Barrois — 360.
 Bartenstein, баронъ — 358.

Баръ-сюръ-Объ — 41, 240, 241, 243, 246, 248, 249, 411, 477.
 Bar-sur-Seine — 246, 247.
 Баснинъ, Ив. Вас. — 438, 439.
 Bassano, герцогъ — 368.
 Бассано, Леандро, художникъ — 179, 180, 432.
 Бассано, Франческо, художникъ — 432.
 Баттони, художникъ — 147, 171.
 Батюшковъ — 450.
 Бауценъ — 445.
 Башвицъ, студентъ — 34, 417.
 Бачіюкки, Элиза, герцогиня тосканская — 431.
 Бая (Байи) — 162, 163, 431.
 Бевилаква — 145, 147.
 Беллинцона — 114, 426.
 Бельгія (Belgique) — 354, 356, 360, 364, 373, 454, 477.
 Benvenuto Garofali — 174.
 Бенеке, профессоръ — 52, 130, 145, 228, 229, 230, 427, 445.
 Бенигсенъ, генералъ — 442, 449.
 Бервикъ, граверь — 421.
 Бергенъ, деревня — 323.
 Berger, король — 284.
 Бергинъ, граверь — 147.
 Berg — 353, 356, 370, 380, 397.
 Bergstrasse (дорога по берегу Рейна) — 417.
 Березина — 435.
 Берлинъ — 33, 204, 267, 332, 338, 339, 340, 341, 387, 389, 398, 449, 462, 463, 467, 468, 469, 470, 473, 475.
 Бернадотъ, наслѣдный принцъ — 363, 396, 402, 417, 436, 476.
 Бернеръ, студентъ — 34, 187, 189, 417, 432.
 Бернини, художникъ — 135, 428.
 Бернъ — 105, 106, 107, 176, 411.
 Бертъе, генералъ — 144.
 Берштетъ, баденскій посланникъ — 316.
 Бетманъ, банкиръ — 31, 32, 33, 316, 416.
 Bibulus, трибунъ — 133.
 Биготини, балерина — 252, 274.
 Bieron — 328.
 Bickenbach, станція — 417.
 Билькевичъ — 148.
 «Благовѣщеніе», картина Л. Карачи — 174.
 Blaieu, деревня — 26, 27, 415.
 Блюхеръ, фельдмаршалъ — 235, 243, 244, 448, 450, 451.
 Бобровъ, Евгений, писатель — 414.
 Богдановичъ — 52, 435, 442.
 Богданъ, Молдованецъ — 141, 145.
 Богемскія горы — 24.

- Богголевскій — 50.
 Болони, консулъ — 144.
 Болонія — 174, 176, 177, 411, 431.
 Больцгеймъ — 475.
 Bossaventî, директоръ академiи художествъ — 171.
 Bonaparte — см. Наполеонъ I.
 Bonneville — 100, 101.
 Бордо — 57, 419.
 Borghese — 136, 147, 428.
 Borel, писатель — 335.
 Боркъ — 314.
 Бородино — 443, 445.
 Бородинское сраженіе — 436, 439.
 Боромеевскія озера — 117.
 Боромеевскіе острова — 116, 411, 426.
 Боромей, Карлъ — 117, 132.
 «Ботаническое путешествіе на Дудорову гору 1792 г., мая 8», соч. Львова — 156, 430.
 Bochetta, гора — 128.
 Braseli (музей) — 134.
 Branz à Paris — 368.
 Браски — 149.
 Брау — 240.
 Брауншвейгскій герцогъ — 11.
 Брауншвейгскій домъ — 414.
 Брауншвейгскій принцъ — 200.
 Брауншвейгское герцогство — 414.
 Бреславль — 228.
 Бригенъ (Фонъ-деръ), декабристъ — 456.
 Брисъ, партизанъ — 462.
 «Британикъ», пьеса — 422.
 Бріенскій лагерь — 458.
 Bronsini — 172.
 Brunet, актеръ — 77, 88, 254, 335.
 Brunginello — 172.
 Brunnen — 110, 111, 425.
 Brunn Neergard — 284.
 Бруно — 55, 419.
 Брутусъ — 55.
 Брухсгалъ — 38, 257, 447.
 Брюль, владѣлецъ сада — 18, 28.
 Брюссель — 240.
 Буало — 54.
 Bou langer (актриса) — 54, 94.
 Булгаковъ, Константинъ Яковл. — 200, 230, 436, 454, 455.
 Булгаковъ, Яковъ Ивановичъ — 115, 426.
 Бульмеринкъ — 187, 433.
 Буэнъ — 229, 427.
 Буонаротти — см. Микель-Анжело.
 Бурбоны — 249, 253, 255, 283, 292, 300, 335, 451, 452.
- Bourgoïn, актриса — 74.
 Бургъ, предмѣстье Вѣны — 433.
 Burne, писатель — 313.
 Bousquier, французъ — 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 425.
 Буше, Петръ Антоновичъ — 213, 443.
 Бѣлградъ — 456.
 Бюло, студентъ — 34, 417.
 «24 Bücher Allg. Geschichten», von Joh. Müller — 320.
- В.**
- Вавилонъ — 29, 461.
 Ваграмъ — 418.
 Ваграмское сраженіе — 423.
 Вазень — 110, 111, 425.
 Вальсовини, актриса — 181.
 Val-Suson — 95.
 Ваттерсдорфъ — 25.
 Вандаль, историкъ — 419, 420, 448.
 Вандейкъ (Фандикъ) — 128.
 Varascat (jardin de Frascati) — 95.
 Wartburg — 31, 32.
 Варъ, консулъ — 146.
 Варшава — 226, 227, 433, 467, 469.
 Варшавское герцогство — 203, 227, 228, 445.
 Вассаль — 441.
 Ватиканъ — 134, 144, 148, 167.
 Вашингтонъ — 99.
 Vega — 127.
 Везувій — 153, 155, 156, 157, 161, 163, 165, 166, 167, 430, 431.
 Вейдемейеръ, Иванъ Андреевичъ — 81, 422, 423.
 Веймаръ — 8, 9, 10, 111, 411, 413.
 Вейссенфельсъ — 11.
 Weisseritz, рѣка — 415.
 Великая Сѣверная война — 442.
 Велинтонъ — 18, 318, 415.
 Венде (около Геттингена) — 51, 62, 178.
 Венгрія — 461.
 Венеція — 159, 164, 177, 180, 182, 183, 184, 318, 423, 424, 432.
 «Venus et Adonis», балетъ — 93.
 Vert-Bois, вилла — 441.
 Вернеръ, писатель — 312.
 Вернетъ (художникъ) — 55, 419.
 Верона — 449.
 Веронезе, Павелъ — 128, 180, 182.
 Верри (Verrî), содержатель трактира — 84, 251.
 Версаль — 69, 70, 82.
 Вертю, поле битвы — 463.

Веспасіанъ (тріумф. ворота) — 137.
 «Весталка», опера Спонтини — 165, 208, 289, 303, 458.
 Вестъ-Индія — 18.
 Вестрисъ (Марія Огюстъ Vestris) — 52, 58, 258, 419.
 Vestrogothie — 284.
 Вестфалія — 9, 13, 30, 32, 334, 356, 376, 413.
 Вестфальскій король — см. Жеромъ.
 Вестфальское королевство — 414.
 Викторъ, маршалъ — 442.
 Wieland — 334.
 Wielhelmsbad — 332.
 Вильгельмштадтъ — 10.
 Вильгельмъ, слуга Тургенева — 235.
 Wildenstein, утесъ — 24.
 Villa Medici — 427.
 Виллахъ — 185, 432.
 Вилькомиръ — 435.
 Вильна — 433, 434.
 Vincennes, паркъ — 79, 80, 422.
 Wienheim, станція — 417.
 Винкельманъ — 85.
 Винтербергъ — 24.
 Винтеръ, композиторъ — 214.
 «Virgile travesti», соч. Скаррона — 458.
 Виргилій (гробница) — 159.
 Виртембергскій король — 271, 272.
 Виртембергское королевство — 459.
 Висбаденъ — 338, 468.
 Visconti — 91.
 Vitarbeau — 86.
 Витгенштейнъ, П. X. — 198, 199, 207, 209, 435, 442.
 Витрой (Vitry) — 41, 42.
 Вичерой — см. Евгений Богарне.
 Виченца — 432.
 Вишницеръ, М. Л. — 434, 446, 475.
 Во (Vaud), кантонъ — 104.
 Вобанъ, инженеръ и писатель — 48, 418.
 Wogesen — 36.
 Вогеръ — 126.
 Vogirard — 82.
 Воейковъ — 450.
 Волга — 24.
 Волконскій, князь С. Г. — 445.
 Волконскій, князь П. М. — 447, 455, 463, 464.
 Volnais, m-lle — 69, 71, 74.
 Voltaggio — 127.
 Voltato — 133.
 Вольскъ — 435.
 Вольтеръ — 48, 49, 99, 286, 424.
 Волхонская, княгиня З. А. — 237, 448.

Воробьевы горы — 23.
 Воронцовъ, графъ — 225, 464.
 Вреде, князь — 376, 396, 477.
 Вронченко, Федоръ Павловичъ — 215, 243, 450.
 Вау (Void) — 41.
 Вундерлихъ — 432.
 Въна — 145, 164, 179, 180, 187, 189, 204, 270, 297, 298, 318, 322, 332, 340, 347, 389, 397, 399, 403, 407, 411, 419, 423, 424, 427, 432, 433, 449, 453, 454, 460, 463, 470, 472, 474, 477.
 Вънскій конгрессъ — 274, 275, 456, 457, 459, 477.
 «Вѣстникъ Европы», журналъ — 216, 296, 298, 299, 443, 460, 461.
 Вюрцбургъ, княжество — 344.
 Вяземскій, князь П. А. — 433.

Г.

Габбе — 314.
 Habsburg, замокъ — 273.
 Gavoudon — 92.
 Гагаринъ — 51.
 Гай, академикъ — 91.
 Галатея, картина Рафаеля — 150.
 Галилей — 178, 431.
 Галлицъ, Александръ Ивановичъ — 36, 417.
 Галле — 105, 416, 434.
 Галтенгофъ — 214.
 Гальба (статуи отца и сына) — 155.
 Гамбургъ — 93, 204, 404, 407, 408, 424.
 Ганау — 314, 316, 477.
 Ганиль — 309, 466.
 Ганнеманъ — 227.
 Гановерь — 276, 355, 357, 359, 361, 367, 386, 387, 392, 393, 394, 396, 398, 404, 406, 407, 408, 473, 474, 477.
 Ганъ — 291, 459.
 Garadon — 86.
 Гарденбергъ, канцлеръ — 233, 234, 256, 322, 389.
 Гарденбергъ, графъ, гановерскій министръ — 233, 393, 470, 474.
 Hardy — 34.
 Gardol, m-me — 252.
 Garofali, художникъ — 174.
 Gasse, M-me, хозяйка Тургенева — 160.
 Гаузенъ — 268.
 Гверчино — 171, 175.
 Гвидорени, художникъ — 128, 135, 139, 175, 431.

- Гюминъ, деревня — 106.
 Гегель — 413.
 Гёде, профессоръ — 12, 422.
 Гееренъ, профессоръ — 228, 229, 445.
 Гезеліусъ — 445.
 Гейдельбергъ — 33, 34, 35, 36, 39, 41, 61, 81, 98, 108, 142, 411, 417, 433.
 Гейлигенштатъ — 8, 111, 411, 413.
 Geilsberg — 339.
 Heum — 76.
 Н. Heune, Preparator (масонъ) — 243.
 Гейне, профессоръ — 200, 436.
 «Geist der Zeit», сочиненіе Арндта — 456.
 Гельвеція — см. Швейцарія.
 Гельфрейхъ, генераль — 442.
 Генрихъ IV, король — 53, 251, 252, 419, 452.
 Генуя — 126, 127, 128, 129, 411, 426, 427.
 Геншъ, банкиръ — 101.
 Георгъ III, король Англии (Roi de la grande Bretagne) — 343.
 Геррелнгейм, станція — 35, 417.
 Герке — 210.
 Геркуланумъ — 155, 157, 161, 162, 434.
 Геркулесъ Фарнезскій — 155.
 Гёрлицъ — 228.
 Германия — 15, 33, 34, 35, 39, 40, 42, 48, 61, 70, 87, 105, 128, 143, 178, 185, 202, 203, 226, 228, 231, 232, 242, 245, 257, 267, 269, 276, 280, 302, 303, 317, 322, 339, 343, 351, 375, 391, 396, 398, 399, 412, 417, 443, 446, 447, 448, 449, 450, 455, 458, 459, 465.
 Herodotus — 342.
 Герценъ, Ал. И. — 415, 435.
 Герцогенбуксе (Herzogebuchtsee) — 106.
 Гершфельдъ, станція — 30.
 Hess, баронъ — 358.
 Гессенъ-Кассельскій курфюрстъ — 317.
 Гёте — 413.
 Геттингенъ — 6, 7, 8, 10, 13, 17, 26, 28, 30, 31, 33, 47, 51, 54, 61, 62, 64, 65, 66, 67, 68, 76, 78, 79, 80, 81, 90, 93, 108, 112, 142, 143, 145, 146, 148, 150, 151, 158, 170, 177, 178, 184, 185, 187, 190, 191, 194, 199, 204, 205, 213, 224, 225, 228, 229, 230, 239, 244, 288, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 422, 423, 425, 429, 432, 445.
 Göttinger Gelehrten Anzeiger — 335.
 Guaja, набережная въ Неаполь — 151, 152, 160, 429.
 Гиеронъ — 91.
 Глухаревъ — 297.
 Глюкъ (Glück), композиторъ — 294, 459.
 Гнейзенау — 235, 255, 448.
 Govandar, актриса — 65.
 Гогардъ, карикатуристъ — 154.
 Hohenlohe-Bartenstein (см. выше) — 358.
 Голиаевъ — 318.
 Голицынъ, А. Н., князь — 427.
 Голицынъ, Борисъ, князь — 281.
 Голицынъ, Дмитрій Владиміровичъ, князь — 215, 443.
 Голландія — 231, 305, 306, 366, 369 (Hollande) — 424.
 Голландъ, баронъ — 153, 167.
 Головкинъ, графъ — 286.
 Holstein — 384, 396.
 Голубцовъ, Ф. А. — 434.
 Гольбейнъ (портретъ) — 170, 431.
 «Гомеръ, играющій на скрипкѣ», Calabrese — 175.
 Гонштейнъ — 24.
 Горацій — 55, 141, 146.
 Госпиталь — 7, 111, 113, 411, 425.
 Гота, городъ — 31, 148.
 Гофлусъ, актеръ — 323.
 Грамматинъ — 296.
 Грановитая палата — 175, 177.
 Gregorius XV, папа — 174.
 Гретри (Gretry), композиторъ — 78, 93, 94, 423.
 Грефъ — 450.
 Греція — 330.
 Гречъ, Николай Ивановичъ — 299, 461.
 «Гризельда», опера — 70, 92, 170, 171, 173.
 Гриммъ, баронъ — 287, 288, 458.
 Гротгусъ — 445.
 Grotius, Hugo, ученый — 342.
 Grotta de Sane — 154.
 Grotta della Sibilla — 163.
 Грузія — 438, 444.
 Грунеръ, ген.-губернаторъ — 360, 386, 394, 399, 400, 403, 454, 456, 470, 471, 475.
 Губертсбургъ, родина Лемана — 14.
 Гуго, профессоръ — 417, 422.
 Гудонъ Галль, систематикъ-естествоиспытатель — 11.
 Гюленъ (Hullin), генераль — 254, 452.
 Гурьевъ, А. Д., министръ — 218, 224, 291, 347, 402, 403, 404, 433, 443, 444, 456, 464, 468, 474.
 Гурьевъ, Д. А. — 434, 437.
 Густавъ II Адольфъ — 11, 17, 414.
 Густавъ III — 210, 442.
 Hägel, баронъ — 358.

Д.

- Давидъ, пѣвецъ — 159.
 Давидъ (Louis David), художникъ — 48, 55, 418, 419.
 Давыдъ (Давидъ), царь — 318.
 Да-Винчи, художникъ — 123.
 Davois (рестораторъ) — 54, 55, 59, 61, 62, 64, 70.
 Да-Караваджо — См. Караваджо.
 Даламбертъ — 99.
 Дамас, актеръ — 251.
 Данилъ, пророкъ — 123.
 Данилевскій, А. И. — см. Михайловскій-Данилевскій.
 Данія (Dannemarc) — 284, 457.
 Dante — 275, 286.
 Дармштадтское герцогство — 32.
 Darmstadt — 35, 417.
 Das Deutsche Haus — 412.
 «Das Leben des Ministers vom Stein», соч. Пергца — 442, 445, 459.
 «Das unterbrochene Opferfest», опера — 214, 323.
 Д. Б. критикъ Жуковды — 461.
 Дашкова, княгиня — 225.
 Двина — 435.
 De la Litterature du midi de l'Europe, сочин. Sismondi — 281.
 De l'Allemagne, сочиненіе M-me de Staël — 450.
 «De l'Angleterre et des Anglais», соч. Сэя — 325, 467.
 «De la richesse commerciale ou principes de l'économie politique», соч. Сисмонди — 443.
 Delcourt, M-elle, актриса — 77.
 Де-Линь (de Ligne), принцъ — 275, 456, 457.
 Delolme — 335, 336, 337, 343, 468.
 «Дельфина», романъ Де-Сталь — 209, 210, 232, 442, 447.
 Démart — 60.
 Демидовъ — 439.
 Демидовъ, Ал. Петровичъ — 450.
 Денаро — 274.
 Denis, тиранъ Сиракузскій — 329.
 Des Peupliers, островъ — 423.
 Dergez, актеръ — 74.
 Державинъ — 6, 116.
 Deru M-me, пѣвица — 92.
 Der Grille, журналъ, издаваемый Коцебу — 32.
 Дерптъ — 224, 225, 433.
 Dessaix — 46.
 «Des Systèmes de l'économie politique», соч. Ганниля — 466.
 De Thou, писатель — 290, 458.
 Диана, богиня — 158, 175.
 Dianabad — 188, 272.
 Дивовъ — 92.
 Дидеро — 287, 288, 458.
 Digolini, танцовщица — 93.
 «Die Abendstunde», ein Schauspiel in 1 Act von Kotzebue — 233.
 Дижонъ — 95, 239, 249, 250, 411.
 Діоклетіановы бани — 135.
 «Dictionnaire d'anecdotes» — 290.
 «Dictionnaire de l'économie politique», соч. Ганниля — 466.
 Dion (Сиракузскій) — 329.
 «Die falsche Schaam», комедія Коцебу — 293.
 «Die Familie Pumpernica», пьеса — 209.
 «Die Zauber-Ruinen», балетъ — 275.
 «Die Centralverwaltung der Verbündeten unter dem Freiherrn vom Stein», сочиненіе Эйхгорна — 446.
 «Дмитрій Донской», пьеса — 196.
 Dosedorf, Hofrath — 18.
 Долгорукіе — 444.
 Долгорукій, князь 151, 152, 153, 161, 164, 165, 167, 423, 429, 431.
 Доминикино, художникъ — 139.
 Домицианъ (голова отъ статуи) — 132.
 Domkirche, соборъ, гдѣ короновались императоры — 32.
 Донъ Карлосъ (дѣйств. лицо въ L'Allemagne) — 308.
 Донъ — 32.
 Дорманъ, мѣстечко — 42.
 Дорнетхенъ — 145, 427.
 Dogia (галерея въ Римѣ) — 141.
 Dogia (дворецъ въ Генуѣ) — 426.
 Доу, художникъ — 476.
 «Древніе римляне въ Помпеѣ», пьеса — 172.
 Дрезденская Комиссія — 458.
 Дрезденъ — 11, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 111, 227, 321, 411, 414, 415, 422, 445, 448.
 Дрисса — 435.
 Дружининъ — 213.
 Дунай — 438.
 Digazzo, загородный домъ — 128.
 Дурлахъ — 38.
 Дюбарри, фаворитка — 72, 421.
 Duminy, актеръ — 63.
 Дюпати, писатель — 136, 428.
 Дюреръ, живописецъ — 175.
 Düsseldorf — 356, 470.
 Duchesnois, трагическая актриса — 49, 74, 90, 91, 162, 251, 419.

Е.

- Евгеній Богарнэ — 125, 275, 426.
 Европа — 99, 128, 131, 132, 197, 200, 202, 204,
 208, 216, 226, 231, 235, 253, 256, 257, 271,
 285, 289, 290, 292, 317, 332, 335, 336, 411,
 417, 419, 438, 452.
 Египетъ — 55.
 Eglisen — 109.
 Eichen, Федоръ Яковлевичъ — 444.
 Екатерина II, — 99, 336, 426, 456, 458.
 Hélène — 243.
 Elisabeth, королева — 308.
 Елизавета Алексѣевна, императрица — 271,
 274.
 Елизавета Петровна, императрица — 328, 467.
 Emilie (Galotti) — 245.
 Epicure — 331.
 Epinal — 376.
 Ermenonville — 423.
 Ермоловъ, Алексѣй Петр. — 300.
 «Esprit des Journaux» — 280, 282, 283, 284,
 286.
 «Essai sur l'art dramatique», соч. Мерсье —
 423.
 «Essai sur le revenu public», соч. Ганпль —
 466.
 Essay sur les revolutions, Шатобриана — 329,
 330, 332.
 Essler, актеръ — 340.
 «Etablissement du Departament Central» — 470.

Ж.

- Жанлисъ (Jenlis), m-me — 87.
 Jardin des Plantes — 421.
 Jardin des Princes — 80.
 Женева — 92, 94, 96, 97, 98, 99, 100, 103, 104,
 239, 240, 411, 423, 424.
 Женевское озеро — 96, 104, 425.
 Жерве (Jervais), чиновникъ — 332, 437, 447,
 468, 473.
 Жерини (Gerini), маркизь — 171.
 «Жертвоприношеніе Августово», сдѣланное
 Карломъ Магамме — 139.
 Giberti, отецъ и сынъ — 172.
 «Жизнь М. М. Сперанскаго», соч. Корфа —
 434.
 Жирарденъ, графъ — 423.
 Жихаревъ, Степанъ Петровичъ — 296, 450,
 454, 460. -
 Жозефина, императрица — 421.
 «Жоконда», опера — 292, 297, 299, 461.
 Жоржъ, актриса — 84, 196.

- Жофруа, критикъ — 53, 59, 65, 66, 71, 74, 84,
 85, 297, 419.
 Жун (Jouu), писатель — 458.
 Жуковский — 270, 415.
 Жульенъ — 105.
 Журданъ — 436.
 «Journal des Débats» — 419.
 «Journal de l'Empire». — 53, 71, 84.
 «Журналъ 1806 года», дневникъ П. П. Тургенева — 444.

З.

- Забайкальская область — 438.
 Зальцбургъ — 316.
 Zapiski, (записки Тургенева) — 191.
 Зарубинъ — 173.
 Зебальдъ, художникъ — 15.
 Зюдерзе — 95, 424.

И.

- Ивердонъ — 104, 105, 236, 411, 424, 425.
 «Игорь и Ольга», балетъ — 124.
 «Изъ семейн. бумагъ Б. М. Юзефовича» —
 475, 476.
 Иртышъ — 437.
 Испанія — 203, 257, 281, 282, 318, 325, 326,
 327, 417, 443, 467.
 «Исторія отечественной войны 1812 г.», соч.
 Богдановича — 442.
 «Исторія моего времени», соч. De Thou —
 458.
 «Исторія царств. имп. Александра I», соч. Богдановича — 435.
 «Histoire de l'état présent de l'Empire Ottoman»,
 соч. Ricaut — 459.
 «Histoire de la Campagne de 1812 depuis l'arrivée à l'armée du prince Koutousov jusqu'à la bataille de Taroutino, depuis le 17 août jusqu'au 6 octobre», соч. Данилевскаго — 455.
 «Histoire des républiques Italiennes du moyen âge», соч. Сисмонди — 457.
 «Histoire de la guerre de Russie», соч. Сарацинъ — 457.
 «Histoire de la guerre d'Espagne», соч. Сарацинъ — 457.
 Histoire d. Templiers, соч. Raynouard — 284, 457.
 Истринъ, Василій Михайловичъ — 421, 456.
 Италия — 51, 65, 79, 80, 81, 83, 86, 94, 96, 109,
 112, 113, 114, 116, 118, 123, 134, 182, 183,
 184, 185, 187, 202, 231, 279, 292, 293, 317,

411, 412, 423, 424, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 444, 450, 465.
Итальянское королевство — 231, 426.
«Ифигенія въ Аулидѣ», трагедія — 73, 74, 283.
«Iphigénie en Tauride», опера Глюка — 294, 459.

I.

Иена — 9, 10, 413, 414.
Иенскій университетъ — 413.
Иенское сраженіе — 11.
Иерусалимъ — 129, 130, 179.
Isère — 374.
Isola Bella (островъ) — 426.
Isola Madre (островъ) — 426.
Isola Pescatore (островъ) — 426.
Il purgatorio di Guercino — 175.
«Il sogno di Giacomo» и «Ангелы у Авраама», картины L. Sacacci — 175.
Issy, городокъ — 82.
Иеронимъ (Жеромъ), король Вестфалии — 229.
Иоаннъ, евангелистъ — 440.
Иоаннъ (Гансъ), король — 457.
Иогансенъ — 76.
Йоркъ, генераль — 258, 451.
Иосифъ, братъ Наполеона — 431, 467.

Қ.

Каверинъ, Петръ Павловичъ — 6, 8, 9, 10, 12, 15, 24, 33, 45, 76, 81, 142, 145, 150, 151, 158, 199, 206, 208, 209, 210, 213, 275, 411, 412, 413, 414, 417, 442, 449, 456.
Кавказъ — 438.
Казанова, живописецъ — 128.
Казань — 437.
«Казнь дѣтей Брута», карт. Lethière — 141.
Cavocelli, актеръ — 164, 165.
Кайсаровъ, Андрей Сергѣевичъ — 104, 191, 433.
«Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей», соч. Песталоцци — 425.
Calabrese, живописецъ — 175.
Salonne, министръ — 342.
Кальяри — 428.
Камбасересъ — 254, 452.
Каменскій — 291.
«Campragne d'Espagne», сочин. Сарацени — 283.
Campragne di Roma — 130.
Кампи, m-me — 293.
Камучини, живописецъ — 147, 150, 171, 429.
«Кандидъ», соч. Вольтера — 99.

Канкринъ, ген.-интендантъ — 406, 471, 472, 478.
Канова, скульпторъ — 133, 134, 144, 147, 172, 427, 429.
Кантъ — 414.
Каподистрія (Capo d'Istria) — 473.
Carpenberg — 446.
Капри, островъ — 430.
Караваджіо, живописецъ 128, 175, 430.
Каракалла (развалины цирка) — 140, 142.
Карамзинъ — 443.
Каринтія — 185, 432.
Карловицъ, баронъ — 157, 165, 166, 167.
Карлсруэ — 38, 230, 232, 447.
Карлъ Артуа (Карлъ X) — 452.
Карлъ Великій — 320.
Карлъ-Людвигъ-Иоаннъ, эрцгерцогъ — 202, 436.
Карлъ, герцогъ — 189.
Карлъ XII — 17, 24, 210, 282, 418.
Карлъ XIII, король Шведскій — 11, 343.
Карлъ-Августъ, герцогъ — 413.
Карлъ - Вильгельмъ - Фердинандъ, герцогъ Брауншвейгскій — 414.
Каррара — 427.
Карраччи, Агостино — 175, 431.
Карраччи, Аннибале — 175, 431.
Карраччи, Людовикъ — 139, 174, 175, 431.
Cartage (Карагенъ) — 288, 329.
Кассель — 112, 317, 435.
Кассіусъ, Иванъ Ивановичъ — 13, 228, 414.
Castleri, англ. дипломатъ — 281, 318, 457.
Катилина — 132, 427.
Квириналъ — 427.
Кель, городокъ — 39.
Кельнъ (Cologne) — 363, 366, 374, 396.
Königsberg — 407.
Koenigsbrunn, баронъ — 372.
Кенигштейнъ — 20, 21, 22, 25, 407, 415, 454.
Киричъ, рѣка, впадаетъ въ Эльбу — 23, 415.
Клагенфуртъ (Klagenfurt) — 186, 187, 432.
Clancarty, лордъ — 404, 473.
Claudius, децемвиръ — 140.
Клейстъ — 451.
Клеркъ — 56.
Климентъ XIV, папа — 133, 427.
Клюберъ — 316.
Claude Lorrain, художникъ — 69, 139.
Clautilde, танцовщица — 93.
Клястицы — 435.
«Книга Скуки» — 262, 265, 453.
Княжево, имѣніе Тургеневыхъ — 67.

- Kobersnico, актриса — 279.
 Coblenz — 471.
 Кобляковъ — 297.
 Ковно — 226, 434, 435.
 Кодъ-Наполеонъ — 422.
 Козловскій, князь Петръ Борисовичъ — 143, 144, 145, 205, 428, 436, 456, 459.
 Коксъ (Сохе), путешественникъ — 88, 89, 123.
 Коленъ, студентъ — 36.
 Colis (Gohlis), деревня — 414.
 Colmar — 376.
 Колоколовъ, секретарь посольства — 59, 93, 421, 424.
 Колонна, кардиналъ — 139.
 Commissaire Russe (Н. И. Тургеневъ) — 341, 349, 364, 373, 383, 386.
 Commissaire Suédois — 349, 376.
 Коммиссионное Уложение — 218.
 Коммиссія Составленія Законовъ — 195, 234.
 «Congrès de Vienne» par Pradt — 313.
 Conegliano — 184, 432.
 «Considérations sur la situation financière de la France en 1816», соч. Ганиля — 309.
 Константинополь — 179.
 Константинъ, императоръ — 137, 138, 149.
 Константинъ Павловичъ, вел. князь — 57, 447.
 «Constitution de l'Angleterre ou l'état du gouvernement anglais, dans lequel il est comparé à la fois avec la forme républicaine de gouvernement et avec les autres monarchies de l'Europe», соч. Делольма — 335, 343, 468.
 «Contrat social», соч. Руссо — 85.
 Confessions de J. J. Rousseau — 315, 316, 318, 319.
 Копенгагенъ — 199, 435.
 «Copie d'une note du Comte Hardenberg. Paris, le 22 septembre 1815» — 474.
 Коппе, имѣние — 425.
 Corea, актриса — 124.
 Кореджіо — 16, 139.
 Корнель — 288, 431.
 Король Римскій — см. Наполеонъ II.
 «Correspondance litteraire, philosophique et critique», соч. Гримма — 287, 458.
 Корсаковъ — 297.
 Корсативи — 149.
 Корсика — 449.
 Corsini (palazzo) — 150.
 Корфъ, баронъ — 434.
 Корфы, студенты — 36, 417.
 Костюшко — 445.
 Côte-d'or — 368.
 Котляревскій, авторъ «Энеиды» — 458.
 Коцебу, писатель — 32, 159, 166, 188, 233, 234, 293.
 Кочубей, Викторъ Павловичъ — 434, 444, 445, 451.
 Крайна — 432.
 Красное (Красный) — 258.
 Краснопольскій — 297.
 Крафтъ — 59.
 «Крещеніе Господне», картина Е. Сирани — 431.
 Crispin, писатель — 84.
 Crivelli, актеръ — 65, 71, 252.
 Кросаръ, писатель — 283.
 Крохинская пристань — 204.
 Крузенштернтъ — 17, 415.
 Крымъ — 17, 324, 441.
 Кудрявскій — 450.
 Куломзинъ — 433.
 Куракинъ, Александръ Борисовичъ, князь, — 48, 54, 57, 59, 64, 77, 83, 87, 93, 115, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 429.
 Курляндія — 427, 435.
 «Courrier de l'Europe» — 84, 86.
 Кутузовъ, князь — 150, 200, 206, 208, 217, 299, 341, 429, 435, 436, 443, 455, 477.
 Кушталь — 23, 24, 415.
 Кубиг, писатель — 86, 87, 88.
 Кювье — его разсужденіе въ «Esprit des Journaux» — 280.

Л.

- Лабенскій — 424.
 Лавровъ, чиновникъ рус. посольства — 24, 64, 67, 68, 70, 79, 85, 90.
 Law (Джонъ Лоу) — 328.
 La Galleria de Medici — 169.
 Лагарпъ, Цезарь — 244, 248, 250, 252, 255, 292, 308, 329, 451, 452.
 Лаго-Маджоре, озеро — 426.
 Lagrange-Chancel, литераторъ — 282, 457.
 Лагуны — 183.
 Lasalle, художникъ — 99.
 Laïs, актеръ — 252.
 Ласаве, актеръ — 69, 74.
 Лаксенбургъ, паркъ — 273.
 «L'Allemagne» par M-me Stael — 308.
 Латарск (профессоръ) — 60, 421.
 Ламбертъ — 478.
 Langen, станція — 417.
 Лангензальца, городъ — 9.
 Лангръ — 239, 240, 248, 449, 450.

- Ланди, живописецъ — 147.
 Ланъ, рѣка — 338, 451.
 Лаокоонъ — 51.
 «La partie de chasse d'Henri IV», пьеса («Охота Генриха IV») — 251, 452.
 Ла-Ротьеръ — 449, 477.
 «La Russie et les Russes», сочин. Н. И. Тургенева — 418, 431, 453, 456, 459, 462, 464.
 Ларше, академикъ — 91.
 Лафаетъ — 106.
 Лафонтенъ — 43, 54.
 Левекъ, историкъ — 91.
 Левенгельмъ — 291, 459.
 Leuon, актеръ — 94.
 Лезеръ, полковникъ — 463, 473.
 Лейбницъ — 414.
 Leyde (Лейденъ) — 290.
 Лейпцигская битва — 445.
 Лейпцигъ — 10, 11, 13, 14, 15, 28, 29, 30, 111, 228, 232, 400, 403, 411, 414, 416, 445, 448, 450.
 «Le Catechumène», соч. Вольтера — 99.
 Леманъ, Иванъ Ивановичъ — 14.
 Леманъ, Максъ — 446.
 Леманъ, озеро — 97.
 «Le mariage de Figaro», пьеса — 152, 252, 291.
 Лене (актеръ) — 52.
 Лене, смотритель рудок. заводоу — 101, 102, 103.
 Leoni, актриса — 125.
 Леопольдъ II, императоръ — 436.
 «L'héritier Universel» — 67.
 «L'Hermite de la Guianne» — 338.
 Leroux — 89.
 Lesage, актеръ — 94.
 «Les amours du Chevalier de Foblas» — 267, 454.
 «Les deux Savoyrds», опера — 92.
 «Les Diables à quatres» — 65, 70.
 Лессень (портретъ) — 99.
 Lessing — 245.
 Lesueur (Eustache), живописецъ — 55, 419.
 Lethière, художникъ — 141.
 «Lettres sur l'Italie», соч. Дюпати — 428.
 «Les Templiers», трагедія Raynouard — 457.
 «Les trois Sultans» — 54.
 Lefevre, m-me — 158.
 «Le philosophe ou notes historiques», соч. Сападенъ — 457.
 «Les fourberies de Scapin», комедія Мольера — 125, 426.
 Лехъ, рѣка — 436.
 Лещинскій, Станиславъ — 41, 418.
 Ливія, вольноотпущенница — 141.
 Ливія, супруга Августа — 137.
 Liège — 363, 366, 374, 396.
 Lillienstein, высокая гора — 21, 25.
 Лиматъ, рѣка — 109.
 Лампій, живописецъ — 427.
 Линденштейнъ — 206, 209.
 Линденъ — 45, 47, 50, 51, 56, 57.
 Linkisches Bad — 19, 415.
 Linschberg, деревня — 106.
 Linzburg (Lenzburg) — 107.
 Лионъ — 103, 104.
 Лиссабонъ — 455.
 ЛиФляндія — 225.
 Lichsen, Hofrathin (въ Геттингенѣ) — 432.
 Лобень, деревня — 25.
 Ложа Дамская — 255.
 Ложа des Franc-Maçons — 81, 86.
 Ложа de l'Admirateur de l'Univers — 254.
 Ложа du Point parfait — 253.
 Ложа Jérusalem Ecoss. — 254, 452.
 Ложа zum Eisernen Kreuz — 254.
 Ложа (масонская) — 76, 243.
 Ложи Рафаеля — 428.
 Лозанна — 103, 104, 411, 417.
 Loiano — 176.
 Локкъ — 48.
 Ломбардо-Вениціанское Королевство — 317.
 Ломоносовъ — 116.
 Лондонъ — 45, 256, 270, 449, 450, 455, 477.
 Лотарингія — 360, 368, 380, 383, 387, 418, 448, 462, 463, 475, 476, 477.
 Lotte, дочь Томса — 229.
 Louvet de Couvray, романистъ — 454.
 Лувръ — 44, 45, 46, 47, 90, 419.
 Лука, евангел. — 440.
 Лукка — 130, 427.
 Лутково, усадьба — 440, 441.
 Львовъ, Николай Александровичъ — 156, 430.
 Любекъ — 241.
 «Любитель Словесности», журналъ — 215, 443.
 Любомирскій, князь — 109.
 Людовикъ XIV — 82, 83, 418, 421.
 Людовикъ XV (площадь) — 72, 418, 421, 451.
 Людовикъ XVI — 425, 451, 456.
 Людовикъ XVIII — 250, 251, 253, 289, 451, 452, 477.
 Luneville — 40.
 Louvresienne, деревня — 72.
 Лютеръ — 31, 32, 132.
 Lutzow, генералъ — 378.
 Люценъ — 11, 414.
 Луцернскій кантонъ — 110.

М.

- Magnus, король — 284.
 Madonna della Rosa del Parmagianino — 175.
 Madonna della Sede — 52.
 Madonna del Sacco, d'Andrea del Sarto — 169, 170.
 Madonna di S. Lucca — 176.
 Мадонна, картина Рафаеля — 415.
 Madrid — 287, 417.
 Майнъ (Мейнъ) — 32, 33, 227, 269, 349.
 Макдональдъ — 435.
 Макиавель — 238, 342.
 Malmaison — 66, 68, 421.
 Малороссія — 199.
 Мальборо, герцогъ — 18, 415.
 Maltitz, барон — 404.
 Манжурия — 438.
 Mamertino — 132.
 Мамертинская темница — 427.
 Managala — 131, 132, 133, 134, 140, 141, 142, 148.
 «Manie de l'indépendance» — 83, 85, 89.
 Мантейфель — 30, 416.
 «Menteur», комедія — 94.
 Марамме (Maramme), Карлъ, художникъ — 139.
 Маранди, пѣвица — 168, 177.
 «Mari retrouvé», пьеса — 74.
 Marienspring — 51, 178.
 Maria della Novella — 172.
 Марія, дочь Лещинскаго — 418.
 Марія-Луиза, императрица — 62, 69, 413, 421.
 Марія Медичи, королева — 419.
 Марія Павловна, вел. княгиня — 413.
 «Maria Stuart», пьеса Шиллера — 279.
 «Marquis de la Malsade», пьеса — 88.
 Марколини, графъ — 28, 177.
 Маркъ Аврелій — 132, 297.
 Маркъ, сванг. — 440.
 Marli — 69.
 Мармонъ, маршалъ — 243, 451.
 Марна, рѣка — 42.
 Марракъ, замокъ — 467.
 Mars, актриса — 69, 83, 94.
 Маргенсъ — 392, 394, 398, 446, 477.
 Мартосъ, Никита Ивановичъ — 135, 137, 138, 139, 140, 141, 144, 145, 148, 149, 150, 167, 426, 427, 428, 429.
 Масинисса — 427.
 «Масонская ручная книга» — 125.
 Massieur — 56.
 Матвѣевъ, Федоръ Михайловъ — 135, 138, 144, 145, 150, 169, 426, 427.
 Матосей, сванг. — 440.
 Mathieu, французъ — 249.
 Maschere, станція — 176.
 «Médicin malgré lui», комедія — 67, 421.
 «Medicin turc», комедія — 92.
 Medici (villa) — 133.
 Медичи, Марія — 54.
 Мейеръ, еврей-мѣняла — 159, 229, 445.
 Мейсенъ, городъ — 14, 28.
 Мекленбургъ-Шверинъ — 378.
 Мексика — 167.
 Мельпомена — 297.
 Memoire du Fauche Borel — 335.
 «Mémoires historiques sur les Templiers» — 290.
 «Mémoires historiques sur la révolution d'Espagne», соч. Прадта — 325, 467.
 «Mémoires» Тюрю — 245.
 Менгсъ, художникъ — 16, 17, 28, 149, 170.
 Меншенонъ, фаворитка — 421, 458.
 Менье (Meunier), m-me — 81, 84, 91.
 Меріанъ, Андрей — 323, 446, 468, 473.
 Mercier, Louis Sebastian — 86, 87, 88, 91, 423.
 Mestre, городокъ — 184, 432.
 Метелль — 142.
 Меттернихъ — 167, 281, 446, 460, 474.
 Меценатъ — 146.
 Мець — 301, 387, 476.
 Мизенскій мысъ — 431.
 Микель-Анджело — 132, 137, 141, 149, 172, 174, 430.
 Миланъ — 107, 118, 121, 123, 124, 125, 126, 316, 318, 411, 426.
 Milius, баронъ — 358.
 Милорадовичъ — 230, 476.
 Мильхенъ — 314.
 Милотинъ, Николай Алексѣевичъ — 439.
 «Минувшіе Годы», журналъ — 434, 446, 475.
 Михайловскій-Давилевскій — 10, 11, 15, 48, 111, 205, 223, 230, 240, 241, 243, 254, 270, 271, 273, 283, 412, 413, 414, 416, 424, 425, 432, 434, 436, 444, 445, 447, 452, 454, 455, 456, 457.
 Михаилъ Павловичъ, вел. князь — 416.
 Михалковъ, Серг. Иван. — 48, 57, 101, 424.
 Michelot, актеръ — 90, 94.
 Мишо, актеръ — 452.
 Можайскъ — 201.
 «Монархія Турецкая описанная чрезъ Рикота, бывшего англійскаго секретаря посольства» — 459.
 Мобежъ — 464.
 Monbelli, актеръ — 137, 138, 141, 159.

«Молинара», пьеса — 79, 194.
 Мольеръ — 54, 297, 421, 426.
 Mosel — 402.
 Монбланъ — 96.
 Монморанси — 72, 78, 79, 421, 423.
 Montanvers — 424.
 Monte Aventino — 140.
 Monte Nuovo — 163.
 Monte Pincio — 133.
 Monte Testaccio — 140.
 Monte Sacro — 148, 149.
 Monte Citorio — 144, 148, 167.
 Монтезума — 167.
 Montesquieu — 31.
 Montreuil, деревня — 80, 81, 422.
 Morandi, пѣвица — 252.
 Morat (Murten) — 105.
 Мордвиновъ, Н. С. — 433.
 Моржъ, мѣстечко — 104.
 Морильо, генераль — 467.
 Маугу, кардиналь — 75.
 «Морицъ Мирлифлеръ», пьеса — 88.
 Moreau, M-me — 450.
 Moreaux, Thomas Desnoeux — 368.
 Мортиморъ, актеръ — 279.
 Мортъе — 451.
 Москва — 9, 13, 17, 26, 54, 61, 76, 78, 85, 89,
 90, 97, 140, 143, 164, 172, 190, 191, 194, 197,
 198, 199, 200, 201, 204, 205, 206, 209, 210,
 225, 272, 298, 321, 411, 433, 434, 435, 441,
 448, 449, 469.
 Мудровъ, Я. И. — 417.
 Муравьевъ — 301.
 Муравьевъ, Никита Артам. — 421.
 Муральтъ — 448.
 Müller Иоганнъ, историкъ — 281, 320.
 Мюльгаузенъ, городъ — 8, 9.
 Мюнстеръ, графъ — 474.
 Мюнхенъ — 444.
 Мюрать — 152, 153, 154, 206, 293, 303, 430,
 431, 436, 448, 459, 465.
 Mutze, бѣдный мужикъ — 25.

Н.

«Налогн» («Разсужденіе», «Диссертація» Н. И.
 Т.) — 209, 215, 218, 219, 443.
 «Nanine», пьеса — 125.
 Нанси — 39, 40, 41, 43, 265, 300, 301, 302, 303,
 390, 392, 411, 418, 449, 460, 462, 463, 464,
 465, 466, 468, 473, 475, 476.
 Napoleoniden — 108.
 Наполеонъ I, императоръ — 9, 12, 13, 17, 18,

29, 40, 48, 55, 57, 69, 70, 103, 128, 132, 202,
 203, 204, 209, 210, 216, 239, 241, 244, 245,
 248, 249, 253, 257, 258, 275, 276, 286, 288,
 289, 293, 303, 317, 321, 326, 343, 350, 413,
 414, 417, 418, 420, 421, 425, 426, 428, 430,
 431, 432, 434, 435, 436, 442, 443, 445, 448,
 449, 450, 451, 452, 453, 457, 458, 461, 465,
 467, 476, 477, 478.
 Наполеонъ II (Римскій король) — 9, 12, 13, 249,
 256, 258, 314, 321, 413, 421.
 Нарвскій водопадъ — 108.
 Нарзесъ — 149.
 Нарышкины — 444.
 Нассау — 338.
 Nauheim — 366.
 Наумбургъ — 11, 30.
 Неаполь — 127, 148, 150, 151, 153, 155, 156,
 158, 159, 160, 164, 166, 167, 168, 170, 183,
 190, 411, 423, 424, 427, 429, 430, 431, 432.
 Невзоровъ, Максимъ Ивановичъ — 257, 453.
 Невскій монастырь — 204, 219.
 Невшатальское озеро — 425.
 Негри, художникъ — 182.
 Ней, маршалъ — 303, 466.
 Neuenthal — 226.
 Нейштатъ (Neustadt) — 186, 187, 411, 432.
 Neckargemünden — 36, 37, 38.
 Неккаръ, рѣка — 36, 37, 425.
 Нельсонъ, англійскій адмиралъ — 18, 415.
 Нептунъ (статуя) — 146.
 Нептунъ (пещера) — 176.
 Нерва, императоръ — 142.
 Неронъ, императоръ — 99, 132, 137, 163.
 Нёртенъ — 178.
 Нессельроде, графъ (Nesselrode) — 51, 144,
 281, 291, 334, 364, 387, 388, 389, 390, 391,
 392, 393, 394, 399, 400, 403, 405, 419, 447,
 455, 456, 457, 459, 460, 463, 468, 469, 470,
 471, 472, 473, 474, 476, 477, 478.
 Нефедьева, Марья Семеновна — 59, 420, 421.
 Нидереръ (у Песталоци) — 104.
 Нижній-Новгородъ — 434.
 Никичъ, русскій полковникъ — 187, 188.
 Николо де-Мальтъ, композиторъ — 461.
 Николай Павловичъ, вел. князь — 416.
 Nina, (балетъ, кажется) — 274.
 Niobe, богиня — 170, 201.
 Нови — 127, 128.
 Новинское (увеселит. мѣсто подъ Москвой) —
 57.
 Новосильцевъ, Николай Николаевичъ — 188,
 214, 215, 308, 433, 450, 451, 466.
 Норвегія — 457, 459.

«Ночь», картина Мик. Анжело — 174.
 Нѣманъ — 434, 442.
 «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи»,
 статья Н. Тургенева — 464.
 Нубе, рѣка — 374.

О.

«Образованіе», журналъ — 451.
 «Общ. движеніе въ Россіи при Александрѣ I»,
 соч. Пыпина — 459.
 «Обычаи della Germania», пьеса — 162.
 Офенъ — 86.
 Озеро (Pierre François-Charles Augero), мар-
 шаль — 43, 418.
 Окенъ, профессоръ — 413.
 «О народной войнѣ», соч. Теобальда — 233.
 «Opinions sur les Finances», par le Duc Gaité—
 320.
 «Опытъ теоріи налоговъ», соч. Н. Тургенева —
 461.
 Орловъ, графъ — 243.
 Орловъ, Алексѣй Федоровичъ — 462, 463.
 Орловъ, Михаилъ Федоровичъ — 462, 463.
 «О Саксоніи», брошюра — 457.
 Остолоповъ, Н. Ѳ. — 443.
 «О счастливейшемъ времени жизни», Карам-
 зина — 443.
 «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами»,
 книга Стройновскаго — 433.
 «Отелло», пьеса — 158.
 «Отечественныя Записки», журналъ — 449.
 Отто, вѣмецъ — 188.
 Очаковъ — 118, 456.
 Офенбахъ — 34.

П.

Павель, апостоль (церковъ) — 138.
 Павель I, императоръ — 419.
 Павель III, папа — 136, 141.
 Павія — 126.
 Падуя — 178, 179, 431.
 Paganі, хозяинъ театра маріонетокъ — 173.
 Паерна — 105.
 Palais du Corps Législatif. — 90.
 Palais des beaux arts — 85.
 Palais Royal (Palais-Cardinal) — 44, 45, 46, 47,
 49, 50, 51, 53, 55, 56, 65, 67, 68, 69, 70,
 73, 75, 77, 78, 80, 81, 82, 83, 84, 88, 89, 90,
 93, 94, 97, 253, 254, 303, 418, 419, 423.
 Палладіо, архитекторъ — 180, 432.
 Palma Vecchio — 179, 422.

Palatino Monte — 140.
 Palazzo Doria — 140.
 Palazzo Pitti — 171.
 Паллада (развалины храма) — 142.
 Панчупидзевъ, Ал. Ал. — 452, 454.
 Павтеонъ — 49, 133, 136, 168, 423.
 Паоли, корсиканецъ — 476.
 Парижъ — 12, 13, 39, 40, 42, 43, 44, 47, 50,
 53, 55, 61, 65, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 78, 79,
 80, 82, 85, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 103, 104,
 121, 134, 150, 152, 167, 206, 235, 250, 251,
 252, 258, 274, 289, 300, 303, 304, 316, 317,
 320, 349, 368, 369, 394, 400, 407, 411, 418,
 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 428,
 429, 430, 437, 440, 441, 443, 448, 450, 451,
 452, 453, 455, 456, 458, 461, 462, 463, 464,
 465, 466, 470, 471, 473, 474, 477.
 Паризеумъ (путеводитель) — 44, 45, 50, 80.
 Паулучи, Филиппъ Осиповичъ, маркизъ —
 226, 444.
 Peer, M-me, актриса — 171.
 Пелегрини, пѣвецъ — 160, 430.
 «Переписка Д. М. Юзефовича» — 475, 476.
 Перяславское озеро — 97.
 «Персей съ головою Медузы», статуя Кано-
 вы — 134, 427.
 Персій (Perse), римскій писатель — 282, 457.
 Пертцъ, писатель — 444, 447, 459.
 Перуджино — 171.
 Перчахъ (Pörtschach) — 185, 411, 432.
 Песталоци — 8, 104, 105, 106, 107, 236, 425,
 448.
 «Petit Poucet», пьеса — 75.
 Петрарка — 174.
 Петръ, апостоль — 132, 144, 146, 150, 151.
 «Петръ I Великій», драма — 17, 227, 415.
 Піемонтъ — 127.
 Pietro Duro, живописецъ — 172.
 Пиза — 129, 130, 427.
 Пильницъ — 14, 15, 25, 26, 416.
 Ріо, итальянецъ — 64, 65, 79, 87, 88, 91.
 Пирнъ — 20.
 «Пирръ», пьеса — 159.
 Питтъ, Вильямъ, Старшій — 327.
 Плавильщиковъ, Петръ Алексѣевичъ — 419.
 «Планъ финансовъ» — 190.
 Платнеръ (Plattner) — 11, 12, 414.
 Платонъ, митрополитъ московскій — 15.
 Плаецъ, деревня — см. Влаецъ.
 «Плачущій Петръ у ногъ Богородицы», кар-
 тина — 175.
 Pleine de Domamy — 101.
 Pleine de Passy — 101.

«Plaisir du ménage», пьеса — 69.
 Плиний — 174.
 По, рѣка — 178, 432.
 «Побѣда Давидова», карт. Доминикино — 139.
 Поза, маркизь (относ. къ имп. Александру I) — 308.
 Покровка, улица въ Москвѣ — 321.
 Полевой, Ксенофонтъ — 449, 450.
 Poleggio — 114, 426.
 Polybius — 342.
 Poligny, городокъ — 96.
 Pauline, m-lle — 86.
 «Полит. и общ. идеи декабристовъ», соч. В. И. Семева — 433, 464.
 Полоцкъ — 442.
 Польша — 105, 204, 258, 276, 293, 423.
 Помпея — 157, 164, 430.
 Понтіеба (Pontebba) — 186, 432.
 Pont-sur-Seine — 240.
 Понятовскій, Іосифъ — 227, 444, 445.
 Португалия — 161, 166, 430.
 «Portrait parlant», пьеса — 54.
 Потемкинъ — 456.
 Потье (Potier), актеръ — 58, 77, 86, 88.
 Поццуоли — 162, 431.
 Pozzo di-Vergo, дипломатъ — 240, 387, 449, 469, 470, 476, 477.
 Прага — 448.
 Прадтъ, писатель — 313, 318, 325, 467.
 Praxiteles, художникъ — 201.
 Прейсшигъ-Эйлау — 436.
 Пренъ — 226.
 Принцъ Брауншвейгскій — 86.
 Provence — 100.
 Пруссія — 257, 258, 275, 276, 317, 352, 340, 345, 355, 357, 359, 361, 364, 367, 372, 373, 374, 382, 384, 386, 391, 394, 395, 398, 400, 402, 403, 404, 407, 414, 443, 446, 447, 456, 457, 458, 459, 462, 471, 472, 474, 475.
 Пултускъ — 204, 436.
 «Pulcinello», пьеса — 153, 157.
 Пуссенъ — 139.
 «Путешествіе на Дудорову гору», Львова — 156. См. выше, стр. 483.
 «Путешествіе по Италіи Архенгольца» — 423.
 Пушкина, графиня — 423.
 Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ — 413, 428.
 Пфальцбургъ — 39, 40.
 Пфейферъ — 274.
 Пыпинъ, Ал. Ник., — 459.
 «Pucelle», пьеса Вольтера — 99.

Р.

«Разбойники», пьеса Шиллера — 304.
 Радзивиль, князь — 233, 243, 244, 447.
 «Разсужденіе о вліяніи денегъ на богатство народное», сочин. неизвѣстнаго автора — 296, 461.
 Разумовскій (домъ) — 190.
 «Рай», картина Л. Караччи — 175.
 Рандъ, Федоръ Яковлевичъ — 14.
 «Rapport au Ministre des Finances, exposé en forme d'Apresçu général etc.» сочин. Н. Тургенева — 347, 457, 469, 474.
 «Распятіе», картина Тинторетто — 182.
 Расстонинъ, графъ — 191, 200, 433, 434.
 Рау, докторъ — 229, 445.
 Раутенфельдъ — 416.
 Рафаэль, художникъ — 16, 55, 128, 136, 138, 139, 150, 169, 170, 174, 175, 182, 428, 432.
 Раштатъ, городъ — 38.
 Régulus — 287.
 Режекуръ (Raigecourt) — 358.
 Резина, городъ — 156, 157, 430.
 Рейль, профессоръ — 232, 447.
 Реймсъ — 246.
 «Rheinischer Merkur», — 312, 314.
 Рейнскій водопадъ — 96, 108, 109.
 Raupouard, литераторъ — 284, 457.
 Рейнъ — 36, 39, 108, 143, 231, 235, 258, 269, 270, 353, 366, 391, 417, 436, 446, 447, 448, 454.
 Рейсъ, рѣка — 52, 111, 112, 229, 425, 427.
 Рейхардъ, авторъ путеводителя — 14, 18, 97, 100, 101, 102, 108, 178, 187, 414, 415.
 Рейхель, владѣлецъ сада въ Дрезденѣ — 11.
 Ремъ — 137.
 Репнинъ-Волконскій, князь — 228, 351, 360, 407, 445, 450, 454, 467, 475.
 «Recherches historiques sur les Templiers», соч. Raupouard — 457.
 Рига — 194, 196, 225, 226, 416, 433, 435, 441.
 Righetti, актеръ — 158.
 Ricaut, писатель — 294, 459.
 Римъ — 96, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 134, 136, 138, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 147, 151, 159, 160, 164, 165, 167, 168, 169, 171, 175, 177, 183, 282, 287, 337, 411, 423, 424, 426, 427, 429, 431.
 Рихтеръ, студентъ — 9.
 Ричардъ Львиное Сердце — 65, 67.
 Ришелье — 44, 63, 418.
 Робертсонъ — 85.
 Ровиго, герцогъ — 178, 431.

«Рождество», картина Тиорини — 174.
 «Рождество», картина Тинторетто — 182.
 Roger de Damas — 387, 477.
 Розенкампфъ, Густавъ Андресвичъ, баронъ — 196, 213, 434, 443, 454, 455.
 Розенъ, Григорій Владимировичъ — 302, 303, 304, 314, 465.
 Рокуръ — 251.
 Роль, владѣлецъ сада въ Дрезденѣ — 11.
 Романа (маркизъ Педро) — 34, 417.
 «Roman comique», соч. Скаррона — 458.
 «Ромео и Жульетта», пьеса Шекспира — 252.
 Ромуль — 137.
 Рона, рѣка — 97, 374.
 Росси — 158, 288, 445.
 Россія — 6, 7, 13, 35, 64, 68, 76, 78, 79, 81, 92, 94, 96, 97, 102, 110, 127, 141, 159, 168, 169, 186, 190, 191, 194, 195, 201, 202, 203, 205, 213, 215, 224, 232, 237, 243, 244, 253, 255, 256, 257, 258, 259, 267, 268, 273, 276, 277, 283, 284, 290, 291, 292, 293, 295, 296, 298, 299, 302, 303, 304, 305, 306, 308, 310, 312, 314, 316, 319, 321, 324, 325, 328, 332, 333, 334, 336, 341, 345, 355, 357, 359, 361, 364, 365, 367, 369, 374, 383, 384, 386, 387, 388, 390, 391, 394, 395, 396, 400, 401, 402, 406, 407, 411, 412, 416, 417, 419, 421, 423, 425, 428, 432, 433, 434, 436, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 452, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 464, 466, 467, 471, 472, 474, 475, 477, 478.
 Rouyer, масонъ — 254.
 Рубенсъ, художникъ — 32, 52, 54, 128, 171, 419.
 Рувье — 213, 442, 443.
 Рудневъ, Никита, пѣвчій — 55, 62, 79, 419, 421, 424, 429.
 Румянцевъ, графъ — 49, 116.
 Runde, юристъ — 343.
 Руно (бюстъ) — 97.
 «Рус. біографическій словарь» — 428.
 Руссо, Ж. Ж. — 49, 78, 85, 92, 105, 315, 316, 319, 423, 424, 425.
 Рюль, маіоръ — 230, 446, 447.

С.

Сабанѣвъ, генералъ — 473.
 Савари, герцогъ de Rovigo — 254, 452.
 Савойя — 100.
 Sack, генералъ — 397.
 Саксонія — 9, 11, 105, 227, 228, 275, 276, 339, 343, 351, 353, 356, 360, 372, 384, 386, 387, 391, 394, 415, 445, 450, 456, 457, 470, 475.

Саксонская Швейцарія — 23, 24, 26, 415.
 Саксонскій король — см. Фридрихъ III.
 Sallanches — 100, 101, 424.
 Salvatori, проводникъ — 166.
 Сальваторъ Роза, художникъ — 171.
 Салтыковъ, графъ — 243.
 «Сампсонъ», картина Карраша — 139.
 St. Bernard — 118.
 «Cendrillon», пьеса — 67, 88, 92.
 «Censeur», критическій журналъ — 283, 301, 303, 464.
 С.-Петербургъ — 28, 29, 31, 54, 61, 75, 76, 81, 86, 93, 121, 145, 161, 174, 182, 189, 191, 192, 194, 195, 196, 198, 200, 209, 217, 218, 219, 224, 225, 226, 228, 229, 234, 235, 239, 242, 244, 246, 252, 254, 255, 256, 270, 272, 298, 300, 301, 310, 315, 316, 318, 320, 321, 323, 331, 332, 335, 338, 342, 403, 404, 405, 415, 416, 424, 426, 435, 437, 439, 440, 441, 443, 444, 449, 450, 453, 454, 455, 456, 458, 461, 464, 469, 470, 475, 476, 478.
 Сантти, Джіованни — 432.
 Сараценъ, писатель — 283, 457.
 «Sargines», пьеса — 293.
 Сардинія — 428.
 Сарсано — 129, 427.
 Сарториусъ — 50, 63, 87, 178, 229, 230, 271, 273, 422, 445, 455.
 Серфи, спутникъ Н. И. Тургенева — 31.
 «Сборникъ Н. Рус. Ист. Общества» — 433.
 Свальня, мѣстечко около Дриссы — 435.
 Свинингъ, Павелъ Петровичъ — 240, 449, 450.
 Св. Тереза, картина Е. Сирапи — 431.
 Святая Троица, картина Леандро Бассано — 432.
 Св. Семейство, картина Гарофали — 174.
 Св. Антоній Падуанскій, картина Е. Сирапи — 431.
 Св. Павелъ и Магдалина, картины Гверчино — 175.
 Севръ — 82.
 Seidler, актриса — 293.
 Семевскій, В. И. — 421, 433, 464.
 «Семирамида», пьеса — 65, 66.
 Семка, слуга Н. И. Тургенева — 191.
 Сена — 68, 72, 73, 97, 247, 253, 438.
 Сенека, философъ — 189.
 St. Antoin, предмѣстье — 79.
 St. Denis, предмѣстье — 72, 78.
 St. Cloud, предмѣстье — 82, 83.
 St. Elme, гора — 153, 430.
 Сенъ-Готардъ — 7, 111, 112, 113, 114, 115, 425, 426.

St. Germain, предместье — 71, 72, 73, 79.
 St. Heller, генералъ — 31.
 St. Prix, актеръ — 74, 251.
 Сентъ-Сиръ, маршалъ — 435, 477.
 St. Aubin, актриса — 65, 67, 88, 92.
 Септимій Северъ — 132.
 Servoz (Сервостъ) — 101, 102.
 Сердобинъ, баронъ — 424.
 Середонинъ, С. М. — 433.
 Сесси, актриса — 252, 303.
 Сибилла — 140, 147, 163, 428.
 Сесто-Календе (Sesto-Calende) — 117, 118, 411, 426.
 Сибирь — 200, 232.
 Сиверсъ, Георгъ Карловичъ, графъ — 218, 443, 453.
 Сиена — 130, 427.
 Сикарь, аббатъ — 56, 57, 419.
 Сикстъ V, папа — 133.
 Сикстинская Мадонна — 415.
 Силезія — 23, 25, 228, 284, 443, 448, 457.
 Симбирская губернія — 442, 468.
 Симбирскъ — 131, 204, 206, 339.
 Simplon, горный проходъ — 97, 118.
 Спракузы — 329.
 Сирани, Джіованни-Андреа, живописецъ — 431.
 Сирани, Елизавета, художница — 174, 176, 431.
 Сирококо, африкан. владѣтель — 99.
 Сисмонди, экономистъ — 215, 281, 443, 457.
 Сицилія — 430, 431.
 Смоленскъ — 199, 204, 208, 209.
 «Смоленскій Помѣщикъ», М. Ч. — 298, 461.
 Смитъ, Адамъ — 67, 286, 416, 421, 422, 443, 446.
 Скарронъ, писатель — 86, 289, 458.
 Словарь Русск. Истор. Общества — 433.
 «Слово на день пятидесятницы», рѣчь Филарета — 193.
 «Слово о вѣчности», рѣчь преосв. Амвросія — 299, 461.
 «Снятіе со креста», картина Спаньолетто — 153, 430.
 Соколовичъ, Павелъ Петровичъ — 11, 12, 13, 14, 29, 30, 414, 416, 422.
 Соколовъ — 297.
 Solié, актеръ — 94.
 Сольмсъ Лаубахъ, графъ — 363, 388, 446, 453, 472, 476.
 Solms-Lich, принцъ — 356.
 Сомовъ, ротм. — 440.
 Spado (галерея) — 141.

Спаньолетто (Хосе де-Рибера), живописецъ и граверъ — 153, 430.
 Сперанскій, Мих. Мих. — 195, 232, 433, 434.
 Спеція, городокъ — 427.
 Спонтини, композиторъ — 458.
 Средиземное море — 129, 164.
 Сталь, m-me — 18, 104, 150, 245, 246, 247, 249, 308, 312, 313, 425, 440, 447, 450.
 Старынкевичъ, Николай Александровичъ — 302, 465.
 Старынкевичъ, П. Александр. — 465.
 Стегеманъ — 322.
 Стокгольмъ — 448.
 Страсбургъ — 36, 39, 43, 411, 477.
 «Страшный судъ», картина М. Анжело — 137.
 Строгановъ, баронъ — 147, 152, 429.
 Строгановъ, графъ — 214, 215.
 Строгановы — 243, 443.
 Стройновскій, В. В. — 191, 192, 433.
 Строцци (Strozzi) — 134.
 Струве, чиновникъ — 422.
 Стуртъ, генералъ — 233, 422.
 Суворовъ, Александръ Васильевичъ — 111, 113, 116, 128, 202, 425.
 Сушкова — 411.
 Сушковъ — 342, 464, 468.
 «Сынъ Отечества», журналъ — 296, 297, 299, 461, 464.
 Сѣверная Америка — 81.
 «Сѣверная Почта», журналъ — 200, 298.
 «Сѣверный Вѣстникъ», журналъ — 430.
 Сэй, Ж. Б., экономистъ — 324, 325, 467.
 Сюлли, министръ — 53, 251, 274, 419.

Т.

«Tableau parlant» — 94.
 «Tableau de Paris», соч. Мерсье — 86, 423.
 «Tableau des révolutions du système politique de l'Europe depuis le XV-e siècle», соч. Ансильона — 467.
 Тагардини, актеръ — 79.
 «Тайная вечеря», карт. Да-Винчи — 123.
 «Тайная Вечеря», картина Тинторетто — 117.
 Thal, мѣстечко — 111.
 Тальма (Франсуа-Жозефъ Talma) — 49, 58, 69, 74, 81, 90, 91, 196, 251, 300, 302, 303, 418, 419, 422.
 Тальепиетри, художникъ — 179.
 Тапани (palazzo) — 175.
 «Танкредъ», пьеса — 69, 71.
 Тарантъ (Tharand) — 19, 26, 27, 415, 416.
 Тарпейскій утесъ — 132.

- Тарутино — 436, 455.
 Tacitus — 342.
 Тверона (Аниене), рѣка — 149.
 «Телемакъ», балетъ — 58, 318.
 Телль, Вильгельмъ («часовня Телева») — 107, 110, 340, 425.
 Теордъ, актеръ — 68, 94.
 Теобальдъ, генераль — 233, 447.
 «Théorie de l'économie politique», соч. Ганнля — 466.
 Теплицъ — 448.
 Терачина (Terracina) — 168, 431.
 Тиберіевъ островъ — 140.
 Тибо, профессоръ — 417.
 Тибръ — 131, 140.
 Тиволи — 76, 77, 145, 146, 147, 155, 411.
 Тинторетто, художникъ — 117, 128, 180, 182.
 Тиорини, Александръ, художникъ — 174.
 Тирселенъ, актеръ — 86.
 Титъ Ливій — 174.
 Тиціанъ — 169, 170.
 Тичино, рѣка — 114, 118, 426.
 Тобольскъ — 437.
 Толентино (мѣсто битвы) — 465.
 Толстой, П. Ал. — 419, 464.
 Толстые — 444.
 Томасъ, писатель — 287.
 Томашевскій — 44.
 Томсъ, докторъ — 147, 429.
 Тонеръ, городъ — 95.
 Тополевый островъ — 92.
 Торбино, станція — 440, 441.
 Торвальдсенъ, скульпторъ — 147, 429.
 Торгау — 14, 16, 29.
 Торнау младшій — 36, 423.
 Торнау старшій — 36, 37, 417, 423.
 Torre di Greco — 157, 166, 431.
 Torgens (въ Швейцаріи) — 102.
 Torgent Noire — 101.
 Тоскана — 169, 431.
 Тосканская герцогиня — 173.
 Тревизо — 185, 432.
 Трейеръ, студентъ — 30.
 Тренель, городокъ — 240.
 Трефуртъ, пасторъ — 29.
 Трианонъ — 69, 82, 421.
 «Triomphe de Trajan», пьеса — 52.
 Траянъ — 133, 137, 141.
 Труа — 240, 241, 245, 246, 248, 450.
 Тургенева, Екатерина Семеновна — 93, 138, 161, 205, 206, 342, 414, 420, 421.
 Тургеневъ, Александръ Ивановичъ — 51, 93, 138, 161, 187, 191, 200, 214, 243, 254, 272, 310, 311, 314, 342, 414, 415, 416, 423, 424, 425, 436, 444, 445, 449, 450, 452, 454, 457, 458, 459, 460, 462, 463, 465, 466, 467, 468, 469.
 Тургеневъ, Александръ Михайловичъ — 206, 436, 437, 438, 440, 441.
 Тургеневъ, Иванъ Петровичъ — 423.
 Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ — 441.
 Тургеневъ, Сергѣй Ивановичъ — 7, 8, 10, 12, 15, 24, 33, 45, 76, 78, 81, 93, 125, 142, 145, 150, 151, 153, 159, 196, 199, 200, 204, 205, 206, 208, 210, 223, 224, 235, 269, 270, 286, 302, 311, 335, 411, 412, 413, 414, 416, 417, 418, 419, 420, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 442, 444, 445, 447, 452, 454, 456, 460, 462, 464, 466, 469, 478.
 Тургеневы — 433, 444.
 Туринъ — 459.
 Thurn et Taxis, принцъ — 32, 362, 374, 397, 416, 476.
 Турнъ, польскій генераль — 338.
 Турція — 198, 294, 434, 435, 459.
 Тюльери — 45, 46, 47, 51, 65, 66, 67, 69, 249.
 Тюренцъ, полководецъ — 48, 418.
 Тюрю, французъ — 245.
- У.**
- Убри (Oubril), дипломатъ — 469, 472, 473.
 «Ueber die neuere Geschichte», Vorlesungen von August Schlegel — 196.
 Уваровъ, Сергѣй Семеновичъ — 205, 436, 444, 445, 459.
 Угартъ, графъ — 358.
 Удино, маршалъ — 198, 199, 418, 435, 442.
 Ула, рѣка — 442.
 Ульмъ, баронъ — 358.
 Uplande — 284.
 Урбанъ, студентъ — 37, 417.
 Урзень, деревня — 111.
 Уткинъ, Николай Ивановичъ — 64, 421.
- Ф.**
- Фальконетъ, банкиръ — 152.
 Фарнезе—см. Павелъ III.
 Фарнезскій дворецъ (Palazzo Farnesini) — 150, 155.
 Фелиска, актриса — 205.
 Фенелонъ, писатель — 297, 318.
 Ферней — 98, 411.
 Fere-Champenoise — 249, 451.
 Фердинандъ I, король — 162, 431.
 Фердинандъ VII, король испанскій — 467.

«Ferne et le Chateau», пьеса — 86.
 Феррара — 177, 178, 431.
 Фесслеръ, Игнацъ-Аврелий — 196, 435.
 Феста, актриса — 65, 70, 71, 79, 94, 134, 168.
 Фиданцъ, живописецъ — 147, 148.
 Fidelity, пьеса — 292.
 Филадельфія — 449.
 Филаретъ, митрополитъ — 193, 297, 434.
 Филиппъ II, король — 290, 308, 330.
 Филиппъ Орлеанскій — 418.
 Финляндія — 200, 436, 459.
 Фирвальдштетское озеро — 110, 425.
 Фихте, профессоръ — 413.
 Фіонія — 417.
 Фіорило, профессоръ — 55, 158, 174, 419.
 Fleury, актеръ — 251.
 Флоренція — 129, 130, 164, 169, 170, 176, 177, 318, 411, 427, 431.
 Fluelen — 110, 425.
 Фонъ-Визинъ — 297.
 Фондо (Fondi) — 168.
 «Франкфуртская газета» — 268.
 Франкфуртская ярмарка — 35.
 Франкфуртъ — 30, 31, 32, 33, 34, 35, 227, 230, 255, 258, 265, 266, 267, 269, 270, 296, 298, 301, 302, 304, 314, 315, 316, 320, 331, 334, 338, 339, 341, 347, 349, 351, 353, 358, 386, 387, 389, 390, 391, 393, 399, 400, 406, 411, 416, 417, 445, 446, 447, 452, 453, 454, 455, 458, 460, 464, 465, 468, 469, 471, 473, 475.
 Франклинъ — 99.
 «Francisco de Toi», опера — 187.
 Francis, художникъ — 175.
 Франція — 13, 40, 42, 54, 79, 81, 91, 104, 105, 126, 128, 186, 202, 204, 231, 239, 240, 248, 249, 255, 279, 283, 289, 292, 293, 300, 302, 304, 309, 310, 319, 329, 330, 334, 343, 350, 353, 364, 366, 369, 386, 392, 394, 398, 405, 406, 414, 418, 419, 423, 425, 430, 432, 435, 447, 448, 449, 450, 451, 458, 462, 464, 466, 467, 470, 473, 474, 477.
 Францъ I, императоръ — 189, 233, 252, 271, 289, 343, 345, 395, 396, 448.
 Franche-Comté — 368, 372.
 Frédéric IV, король — 285.
 Frédéric VI, король — 285.
 Фрейбергъ — 27.
 Фрейбургъ — 231, 232, 233, 234, 256.
 Фрейгангъ — 273, 450, 456.
 «Freiherr vom Stein», сочиненіе М. Лемана — 446.
 Фридбергъ — 32.
 Фридландъ — 42.

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король Пруссіи — 11, 144, 242, 252, 267, 343, 345, 448.
 Фридрихъ III Августъ, король саксонскій — 26, 140, 276, 415.
 Фридрихъ Барбаросса — 179.
 Фридрихъ-Вильгельмъ II, король — 447.
 Фридрихъ II, король Пруссій — 13, 48, 99, 144, 284, 334, 404, 457.
 Фридрихъ IV, король — 458.
 Фридрихъ VI, король — 458.
 Фризе, комисаръ — 230, 247, 341, 349, 380, 387, 389, 390, 396, 397, 399, 401, 446, 459, 465.
 Гюгоні, живописецъ — 171.
 Фуше, герцогъ — 331, 463.
 Фюстье — 76, 90, 145, 147, 429.

Ж.

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ — 297, 461.
 Хомутовъ, С. Г. — 451, 452.
 Христіанъ I — 458.
 Christian II — 285, 458.
 Христіанъ IV — 235, 458.
 Христіанъ V — 285, 458.
 Христіанъ VI — 285, 458.
 Христіанъ VII — 285, 458.
 «Христосъ и Ѳома», картина Е. Сирани — 174.
 «Христосъ съ Богородицею и св. Іосифомъ въ пустынь», картина Е. Сирани — 174.

Ц.

Zambesari, palazzo — 175.
 Цвингеръ, музей въ Дрезденѣ — 16.
 Цезарь (Кесарь), (статуя) — 132.
 Zingarelli, композиторъ — 134, 427.
 «Цинна», трагедія Корнелия — 162, 431.
 Цицеронъ — 132, 342, 427.
 Цюрихъ — 109, 110, 411, 417, 425.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ — 428.
 Чарторижскій, князь — 243, 244.
 Чичаговъ, Василій Яковлевичъ — 441.
 Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ — 442.
 Чичаговъ, Яковъ Матвѣевичъ — 441.
 Чортовъ Мостъ — 111, 411, 425.
 «Чтенія Моск. Об-ва Исторіи и Древностей», 1860 г. — 434.

Ш.

Шалонъ — 41, 42, 43, 245, 246, 418, 450, 474.
 Шампань — 42, 73, 249, 475.

- Шамуни (Chamouny) — 97, 100, 101, 102, 103, 424.
- Шандау — 23, 24, 25, 415.
- Шапталь, актриса — 84.
- Шарбранъ, пѣвица — 154, 160, 164, 165.
- Chatelet, marquise (ея портретъ) — 99.
- Шатильонскій конгрессъ — 248, 451.
- Шатильонъ — 249.
- Шатобрианъ — 329, 330, 332, 464.
- Château de Polijy — 246.
- Шатотіери — 43.
- Шафгаузенъ, водопадъ — 97, 106, 108, 411.
- Шаховской, князь — 205, 297.
- Швабенъ-König (Виртембергскій) — 35.
- «Schwager-Schloss», пьеса — 30.
- Шварценбергъ, князь — 236, 248, 252, 446, 448.
- Шварцъ, Иванъ Ивановичъ, консулъ — 13, 14, 17, 228, 416, 445.
- Шведскій принцъ — см. Бернадотъ.
- Швейцарія — 80, 94, 96, 104, 116, 125, 127, 202, 268, 269, 273, 423, 424, 425, 454.
- Шведцингенъ — 35, 417.
- Швеція — 11, 92, 284, 291, 355, 357, 359, 361, 364, 367, 374, 392, 394, 396, 402, 404, 436, 446, 447, 448, 449, 457, 470, 471, 474, 475, 476.
- Швинеръ, австрійскій комисаръ — 343, 349, 386, 395.
- Шекспиръ — 66, 67.
- Шеллингъ, профессоръ — 413, 417.
- Chêne sur Geneva, деревня — 100.
- Chêne sur la Savoie, деревня — 100.
- Шиллеръ — 279, 293, 304, 341, 413.
- Шиллингъ, баронъ — 223, 226, 254, 444, 452, 463.
- Шинковъ — 209, 442.
- Schlegel — 196, 197.
- Schleswig — 396.
- Шмелингъ, студентъ — 36, 417.
- Schlossbad — 232.
- Шлецеръ (сынъ) — 461.
- Шнейдеръ (Schneider) — 175.
- Schnetzler — 380, 381.
- Chaumont (Шомонъ) — 239, 241, 242, 243.
- Spiegel, баронъ — 230, 235, 249, 389, 390, 392, 397, 398, 399, 401, 446.
- Шпрингеръ (Ludwig Springer), драматургъ — 206.
- Шредеръ, секр. русск. посольства — 28.
- Штакельбергъ, посланникъ — 187, 189, 423, 424, 432, 433, 458.
- Штейнгель, Ѡаддей Ѡеодоровичъ — 206, 441, 442.
- Штейнъ, баронъ — 223, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 240, 241, 243, 244, 247, 248, 249, 250, 256, 258, 259, 269, 272, 280, 281, 291, 292, 308, 334, 338, 340, 341, 342, 343, 344, 347, 349, 353, 405, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 462, 463, 464, 465, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476.
- Stegemann — 341, 389.
- Штендеръ, студентъ — 36, 37, 61, 76, 81, 417.
- Штольгофенъ — 39.
- Шторхъ, Андрей Карловичъ — 32, 416.
- Штутгардъ — 340.
- Strahlenheim — 473.
- Штромбергъ, студентъ — 9, 31, 416.
- Шутенко, чиновникъ — 463.
- Шувалова, графиня — 138, 141, 142, 143, 423, 426, 428.
- Шустеръ, актеръ — 275.

Щ.

- Щепиновъ — 297.
- Щербининъ (младшій) — 241.
- Щербининъ (старшій) — 243, 445.

Э.

- Эгерія (Евгерія, ея фонтанъ) — 142.
- «Oedipe en Colone», пьеса — 58, 252.
- Эйзенахъ — 31, 32.
- Эзопъ — 149.
- Эйлау — 204.
- Эйхгорнъ — 230, 446.
- Эйхенъ, полковникъ — 223, 224.
- Элоиза — 54, 78.
- Эльба, островъ — 286, 317, 462, 477.
- Эльба, рѣка — 14, 16, 18, 19, 23, 26, 415.
- Эльстеръ, рѣка — 445.
- «Эмиль, или о воспитаніи», соч. Руссо — 78.
- Эмсъ — 337, 338, 468.
- Энгельбахъ — 468.
- «Энеида», соч. Котляревскаго — 458.
- «Эней, спасающій своего престарѣлаго отца», гравир. картина Уткина — 421.
- Эперней — 42.
- Эпинэ — 458.
- Эпштейнъ — 454.
- Эрменонвиль — 89, 90, 92.
- «Эрмитажъ», дача, гдѣ жилъ Ж. Ж. Руссо — 423.
- Эрфуртъ — 9, 30, 31, 411, 413.
- Эскулапъ (храмъ) — 140.
- «Essay sur les révolutions» Шатобриана — 330.

Эссенъ, генераль — 196, 435.
 Эсте (Este) — 146.
 Эстляндія — 336, 443, 468.
 Этьенъ — 461.

Ю.

Югурта, царь — 132, 427.
 Юзефовичъ (Juséfovitz) — 382, 383, 475, 476.
 Юнигъ — 314.
 Юнгъ — 210.
 Юнгъ-Штилингъ — 442, 447.
 Юра, горы — 239.

Я.

Язонъ, статуя Торвальдсена — 429.
 Якобъ, профессоръ — 434.
 Яковлевъ, Левъ Алексѣевичъ, посоль — 27,
 196, 199, 415, 422, 435.
 Яковлевъ, А. С., актеръ — 196, 434.
 Яникульскій холмъ — 140.
 Японскій дворець — 17, 415.

Ѳ.

Ѳеодосія — 436.
 Ѳукидидъ — 91.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страницы.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
28	16 сверху	Кирпичь	Кирничь.
68	15 снизу	Richilieu	Richelieu.
71	4 сверху	Grivelli	Crivelli.
79	14 „	Фестоие	Фестою.
87	19 „	journal	Journal.
99	16 снизу	partoout	partout.
110	10 } снизу	{ Буенье	Бускъе.
„	17 }		
137	17 снизу	Авгурова	Августова.
187	4 „	de toi	de Toi.
208	17 сверху	доложилъ	дожилъ.
242	15 „	Шоманъ	Шомонъ.
250	1 снизу	21 апрѣля	29 марта.
312	16 сверху	Rhein.	Rhein.
313	11 „	Le fatalité	La fatalité.
335	8 „	Anmerkunge	Anmerkungen.
338	12 сверху	le Guianne	la Guianne.
„	16 „	Бар ⁴)	Бар[ановымъ].
376	10 снизу	Sach	Sack.
387	1 сверху	Протоколы	Рапорты.
„	15 снизу	Maréchaussée	maréchaussée
392	15 снизу	parvir	parvenir.
399	2 снизу	протокола	рапорта.
405	10 „	flatteur	flatteux.
408	4 сверху	insitution	institution.

Кромѣ того на стр. 338 пропущено примѣчаніе, указывающее на порчу рукописи.

АРХИВЪ БРАТЬЕВЪ ТУРГЕНЕВЫХЪ.

ИЗДАНИЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Выпускъ 1-й. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1808—1811 годы. (I томъ). Подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. И. Тарасова. СПБ. 1911. Цѣна 3 рубля.

Выпускъ 2-й. Письма и дневникъ Александра Ивановича Тургенева Геттингенскаго періода (1802—1804 гг.) и письма его къ А. С. Кайсарову и братьямъ въ Геттингенъ 1805—1811 гг. Съ введеніемъ и примѣчаніями В. М. Истрина. СПБ. 1911. Цѣна 3 рубля.

Выпускъ 3-й. Дневникъ Николая Ивановича Тургенева за 1811—1816 годы. (II томъ). Подъ редакціей Е. И. Тарасова. СПБ. 1913. Цѣна 3 рубля.

Печатаются:

- 1) Письма Ал. Ив. Тургенева къ князю П. А. Вяземскому. Подъ редакціей Н. К. Кульмана.
- 2) Дневники Ник. Ив. Тургенева за 1817—1824 гг. (III томъ). Подъ редакціей Е. И. Тарасова.
- 3) Путешествіе Ал. Ив. Тургенева и Ан. С. Кайсарова въ славянскихъ земляхъ 1804 г. Подъ редакціей В. М. Истрина.

Готовятся къ печати:

- 1) Письма А. М. Кутузова къ И. П. Тургеневу и другіе документы, относящіеся къ масонству XVIII в.
- 2) Письма и стихотворенія Ан. С. Кайсарова.

Цѣна: 3 руб. — Prix: 6 Mrk. 75 Pf.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова и Н. Л. Рикера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Ниммеля въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Люзань и Копп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

J. Glazunov et Ricker à St.-Petersbourg, N. Karbasnikov à St.-Petersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Ogloblin à St.-Petersbourg et Kief, N. Kummel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sörgenfrey) à Leipzig, Luzac & Cie à Londres.